

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ-ВОСЬМОЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАННЫЙ

А. КРАЕВОКИМЪ и С. ДУДЫШЕВИНЫМЪ.

ТОМЪ СLXV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть четвертая.

ЗАБЛЮЧЕННИКИ.

—
LXXI.

МИТРОФАНІЕВСКОЕ КЛАДБИЩЕ.

Было время, когда Петербургъ боялся холеры. То были дни всеобщаго унынія и скорби. По всѣмъ улицамъ города те и дѣло тянулись черныя, погребальныя дроги, дымились факелы, мелькали траурныя ризы духовенства при «богатыхъ» похоронахъ — при бѣдныхъ же ничего не мелькало и не дымилось, потому что изъ всѣхъ городскихъ больницъ, два раза въ день, рано утромъ и передъ вечеромъ, отправлялись домовныя телеги, нагруженныя, словно перевозной мебелью, простыми тесовыми гробами. Народъ въ ужасѣ метался по улицамъ, подозрѣвалъ измѣну, громко говорилъ объ отравкахъ, останавливалъ экипажи докторовъ, въ которыхъ, безъ исключенія, подозрѣвалъ жидовъ и нѣмцевъ, съ яростью кидался на злосчастныхъ сыновъ Эскулапа, такъ что «блестительница общественнаго спокойствія» ровно ничего не могла подѣлать — и все это разразилось наконецъ волненіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «бунта на Сѣнной», гдѣ, передъ церковью Спаса, раздалось тогда знаменитое *На колѣни!* императора Николая. Холера была новою гостьей, которую народъ считалъ почти что чумою, если еще не хуже; боялись хоронить холерныхъ на общихъ городскихъ кладбищахъ, и потому за городской чертою, въ уединенной и пустынной мѣстности, между двухъ триумфальныхъ арокъ — московской и нарвской — назвали новое кладбище «холернымъ».

Т. CLXV. — Отд. I.

1

Это было въ 1830 году.

Ровная, низменная мѣстность, съ петербургски-болотистой почвой, и безъ того представляла видъ, наводящій скуку и уныніе, а съ тѣхъ поръ какъ по ней замелькали низенькіе, бѣлые кресты—стала еще угрюмѣе. «Нива Смерти» приумножалась съ каждымъ днемъ, и съ тѣхъ поръ все растеть и растеть непрерывно, утучняемая петербургскими тифами, чахотками, возвратной горячкой и тысячею иныхъ эпидемій, которыя составляютъ существенное свойство климата.

Въ 1830 году, на мѣстѣ холернаго кладбища не было ни церкви, ни даже часовни, а просто стоялъ высокій деревянный крестъ. Передъ этимъ крестомъ ставили на землю длинные ряды гробовъ, священникъ наскоро отпѣвалъ заупокойную литургію, и вслѣдъ затѣмъ носильщики торопливо разносили своихъ вѣчныхъ гостей по глубокимъ мокрымъ ямамъ, зарывая ихъ чаще всего въ одну общую пространную могилу.

Жила въ то время въ Петербургѣ одна женщина, по имени Хавронія, крѣпостная Шереметевская крестьянка села Павлова. Этой женщинѣ пустынная мѣстность обязана существованіемъ самаго кладбища и постройкою при немъ бѣдной деревянной церкви. Съ неутомимою дѣятельностію и энергіей ходила она по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ, кланялась, просила, подавала бумаги, и наконецъ выхлопотала дозволеніе причислить отверженное «холерное» въ число прочихъ городскихъ кладбищъ и право построить тамъ церковь, которая соорудилась на счетъ добротныхъ подаваній, собранныхъ ею по городу. Хавронія похоронена на этомъ же кладбищѣ, но гдѣ?—съ точностію неизвѣстно: кладбищенскіе старожилы говорятъ, не то—около церкви гдѣ-то, а не то — и въ самой церкви, важица; но нигдѣ не видать надписи съ именемъ основательницы, которая говорила бы о ея посильной услугѣ кладбищу, да и самая-то память о ней, съ каждымъ годомъ, утрачивается все больше.

Теперь уже кладбище называется не холернымъ, а Митрофаніевскимъ; недалеко отъ убогой желтой, деревянной церкви, вышается новая—каменная, златоверхая, гдѣ обыкновенно отпѣваютъ «парадныхъ» покойниковъ, а вокругъ нея возвышаются мавзолеи, которые гласятъ мимоходящимъ лебителямъ эпитафій—о рангахъ, доблестяхъ и заслугахъ отечеству разныхъ здѣлающихъ «богатыхъ» мертвецовъ. О тѣхъ же, кои не отличались ни рангами, ни достаткомъ, мавзолеи ничего не говорятъ, по той

простой причинѣ, что мавзолеевъ надъ ними не полагается: даже не всегда и желтый либо бѣлый крестъ указываетъ убогую могилу, бѣольшая часть которыхъ тѣсно стелется по землѣ, другъ подлѣ друга, чуть примѣтными бугорочками. И все жъ таки, Митрофаніевское кладбище представляетъ довольно оригинальный видъ, особенно въ ясный солнечный день. Если вамъ случилось проноситься мимо его съ той или съ другой стороны въ вагонѣ варшавской, либо петергофской желѣзной дороги, вы не могли не замѣтить, что это плоское, обширное поле кажется какимъ-то пестрымъ, необыкновеннымъ лугомъ, бѣлый, желтый, красный, синій, зеленый цвѣта во всевозможныхъ сочетаніяхъ такъ и мерцаютъ вамъ въ глаза своей рябщей пестротой — до такой степени усѣяно поле это надгробными крестами. Вдали виднѣтся роща, надъ рощей—золоченые купола; но здѣсь, на этой пестрой плоскости—хоть бы одно свѣжее тѣнистое деревцо приютилось! За то самое кладбище тѣмъ болѣе выигрываетъ во внѣшнемъ сходствѣ своемъ съ весеннимъ клевернымъ лугомъ. Каждый годъ почти къ веснѣ отрѣзываютъ новое пространство земли подъ могилами—и каждый годъ почти, въ слѣдующей веснѣ, оно уже является обильно засѣяннымъ буграми и крестиками.

Митрофаніевское кладбище — по преимуществу кладбище демократическое: тутъ хоронится петербургскій пролетарій, тутъ же указано мѣсто и преступнику, и тюремному арестанту.

На другой день послѣ побѣга двухъ арестантовъ, часу въ первомъ дня, по дорогѣ, ведущей къ Митрофаніевскому кладбищу, плелась лѣнивымъ шагомъ ломовая бляча, въ телегѣ съ тремя сѣдоками. Первый сѣдокъ, конечно, былъ ломовой извозчикъ, который лѣниво потягивалъ махорку изъ носогрѣйки и еще лѣнивѣе постѣгивалъ изрѣдка свою лошаденку; второй сѣдокъ не составлялъ собственно сѣдока, а только поклажу: это былъ простой сосновый гробъ, слегка мазнутый водяною окрой и привязанный веревкою къ телегѣ; въ гробу лежало тѣло Бероевой, а на крышкѣ его помѣшался третій сѣдокъ — тюремный инвалидъ съ казенною книгой подъ мышкой.

— Они! шепнулъ Грѣчка, осторожно толкнувъ подъ бокъ Омушку, когда ломовикъ поровнялся съ первымъ питейнымъ заведеніемъ, что стоитъ на кладбищенской дорогѣ. Неторопливо

расплатясь у стойки, приятели направились къ кладбищу, издали слѣдя за этимъ нехитрымъ погребальнымъ поѣздомъ.

— Ты, братъ Оома, какъ привезутъ ее—войди въ притворъ, да гляди, куда поставятъ, распорядился Грѣчка:—а мнѣ оно не тово... не равно признаетъ селитра*, такъ ужь для меня-то посуше будетъ межъ могилками побродить пока.

— Что поздно приволокли? отнесся къ прѣхавшимъ могильщикъ, который валякалъ со сторожемъ, закусывая печенкой, у съѣстной лавочки, обвѣшанной мховыми вѣнками и крестиками.

— Чего «поздно?» Какъ, значитца, отпустили, такъ и приволокли.—Не рысью же скакать къ вамъ! отгрызнулся инвалидъ, сбѣгая съ гроба.

— Все же ко времени надо, чтобы покойникъ за обѣдню поспѣвалъ.

— И опосля вечерень похороните, ништо!

— Знаемъ сами, что опосля, да все же это не порядокъ: теперь, подикася, надо для его отдѣльную яму копать, денегъ-то намъ за такихъ покойниковъ не платять.

— Врешь, песь! отъ казны тридцать копеекъ полагается.

— Тридцать копеекъ... велики деньги! да еще лается!... Тащи его, что ли, въ притворъ-то—пушай погрѣтся.

— И здѣсь не холодно.

— А не холодно, такъ тамъ въ тѣни постоятъ; у насъ чего хочешь, того и просишь — ихнему брату всяко удоблетворенье есть. А кто покойникъ-то? мужикъ, аль баба?

— Арестантка.

— Это впрочемъ, что мужикъ, что баба — все одно покойникъ... А когда померла-то?

— Вчера днень.

— Ну, вотъ опять-таки не по времени! больно ужь рано привезли! Трехъ сутокъ еще нѣтъ ей.

— Пушай у васъ постоятъ, а намъ не держать же у себя-то.

— А намъ нешто держать — стать?!.. Ихъ тутъ и безъ того, иной разъ не знаешь, куда и поставить — какъ куличей объ христовой заутренѣ...

— Ну, да что жь толковать! мертвый — все равно не живой вѣдь! порѣшилъ инвалидъ.—Коли померъ, значить, не встанеть;

---

* Селитра—содать, а преимущественно такъ называются солдаты этаныхъ командъ, конвоирующіе преступниковъ.

днемъ ли раньше, аль позже—все едино, въ ту же землю закопать придется.

И гробъ внесли въ притворъ деревянной церкви, который примыкаетъ къ ней стеклянной галереей. Поставили на скамейку и заперли до вечерни. Инвалидъ получилъ изъ кладбищенской конторы росписку въ приемъ тѣла арестантки Юліи Николаевой Бероевой и поскакалъ съ ломовикомъ въ попутное «за веденіе».

Въ шестомъ часу, послѣ вечерень, священникъ отчиталъ литію и двое могильщиковъ понесли на плечахъ гробъ Бероевой на самый конецъ кладбища, въ послѣдній «разрядъ», гдѣ обыкновенно хоронится въ общихъ могилахъ тотъ людъ, за который не полагается особенной платы. Въ этомъ послѣднемъ разрядѣ рѣже чѣмъ въ прочихъ торчатъ намогильные кресты, за то ряды бугорковъ несравненно чаще. Тутъ лежатъ бобыли, умершіе въ больницахъ, нищіе, арестанты, и люди неизвѣстнаго имени и званія, подобранные полиціей на улицѣ, послѣ скоростыжной смерти. «Больше всего потрошдннй народъ», говорятъ про нихъ могильщики, намекая этимъ на медицинское вскрытіе: — «дружный народъ: вмѣстѣ ихъ за одно отпѣвають, вмѣстѣ въ одну яму и кладутъ—помани, мошь, Господи, рабовъ твоихъ, има же ихъ самъ вѣси!»

Недалеко отъ кладбищенскаго забора, была вырыта свѣжая и весьма неглубокая яма, на дно которой успѣла уже просочиться болотная вода. Когда гробъ опустили, и на крышку глухо и грузко бухнулась первая глыба сырой земли, за которую въ раздрѣбъ посыпались и застучали объ дерево комья, мозгъ Бероевой пронизался подобіемъ того ощущенія, которое у живого человѣка называется страхомъ. Ей снова захотѣлось крикнуть, чтобы не зарывали ее, чтобы вѣчно оставили ее на землѣ, а не подъ нею, чтобы открыли крышку гроба; но глинистыя глыбы и комья быстро валятъ одна за другими, удары ихъ слышатся все глуше, потому что земля рухаетъ уже на землю, а не на дерево гробовой крышки; но пока былъ слышенъ хоть кое-какой звукъ ея паденія, Бероева все еще напрягала свой слухъ, жадно снлясь доловить эти послѣдніе намеки подземной, живой жизни, сознавая, что каждая новая глыба могильной насыпи все больше и больше отдѣляетъ ее отъ этого покинутаго міра. И когда земля перестала наконецъ

падать въ яму, зарытую женщину обуяль наплывъ новыхъ грезъ и ощущеній, вызванныхъ, быть можетъ, все тѣмъ же робовымъ вопросомъ: ну, что же, моля, теперь-то будетъ, когда все уже кончено?

И грезится ей, будто она давно уже лежитъ въ этой могилѣ, будто нѣсколько дней, нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ ее зарыли — и лежитъ она-себѣ, и слышитъ какъ могильный червь непрестанно точить гробовыя доски, какъ земляная мышь прогрызла въ крышкѣ маленькую норку и побѣжала по ея тѣлу да въ кожаный башмакъ засѣла и грызетъ подошву, желая полакомиться гнилою юфтою; какъ пауки по ея лицу—отъ бровей къ губамъ и отъ губъ къ волосамъ густыя нити паутины заткали; какъ наконецъ корни какихъ-то травъ и растений проросли сквозь щели гроба и мало-по-малу опутываютъ ее своими усцами, впиваются въ тѣло, заползаютъ въ уши, въ ноздри, въ ротъ... наконецъ вростають во все это тѣло и втягиваютъ въ себя его питательные соки.

Но снова миновался кошмаръ и снова наступаетъ проблескъ самага ужаснаго сознанія. Въ щели гроба стала просачиваться понемногу болотная вода, которою было покрыто дно могилы, и охватила уже своею холодною сыростью спину мнимо-умершей. Это уже были не грезы, а дѣйствительность. Когда же наконецъ сознаніе погребенной получило болшую степень ясности, какую только можетъ допустить это исключительное физическое состояніе — Бероевой явилась самая ужасная мысль: «а что, если это не смерть, если я заживо похоронена?» На землѣ она считала себя мертвою, но подъ землею, когда слухъ ея не возмущали уже никакіе звуки жизни, а сознаніе, межъ тѣмъ, все-таки проявилось—ей пришла въ голову почти полная увѣренность, что она жива, что это не болѣе, какъ летаргія. Бероева почувствовала весь ужасъ трагической мысли, что, быть можетъ, ее скоро ждетъ пробужденіе здѣсь, подъ землею, что она проснется, станетъ кричать о помощи, колотиться головой, руками и ногами въ тѣсную крышку гроба—и на землѣ никто, никто не услышитъ и никогда не узнаетъ про это. А быть можетъ, ей суждено будетъ прожить такимъ образомъ не нѣсколько мгновеній, но нѣсколько минутъ, прежде чѣмъ задохнуться отъ недостатка воздуха. О, еслибъ можно было не просыпаться болѣе, еслибъ летаргія прямо перешла въ настоящую смерть! А если ужъ суждено проснуться, то Господи! пусть это пробужденіе придетъ какъ можно позднѣе, пусть

дольше и дольше длится летаргическій сонъ! Истиннѣе жизни подъ землею преобладалъ болѣе даже, чѣмъ на землѣ. И отъ этой нечеловѣчески ужасной мысли для погребенной снова наступилъ переходъ въ обморочную безсознательность.

Могильщики опускали и закапывали гробъ, а въ это самое время издали незамѣтно слѣдили за ними два человѣка, которые, будто прогуливаясь, разбирали намогильные надписи.

Когда же, окончивъ свою работу, могильщики удалились, два человѣка, не измѣняя своему фланерскому виду, подошли къ только что засыпанной могилѣ и въ головахъ воткнули высохшій сукъ, на одной вѣтви котораго моталась привязанная тряпочка.

— Мѣсто хорошее, удобное... тихо проговорилъ Грѣчка, вглядываясь въ сосѣдніе кресты, чтобы получше замѣтить, гдѣ именно находится свѣжая могила и внимательно озирая всю окружающую мѣстность.

— Хорошо-то оно хорошо: тихо, далековѣ, сторожа, поди чай, и не заглядываютъ сюда, отозвался блаженный:—да одно только неладно: забудь этотъ больно высокъ... Откуда перебираться станемъ?—Подумай ко!

— Погоди, погляжу получше—можетъ, и отыщемъ подходящее...

Невдалекѣ отъ этого мѣста перерѣзывала кладбище неглубокая канавка, вдоль по которой, въ направленіи къ забору, тихо направились теперь двое товарищей.

— Эге-ге! вотъ оно самое и есть! самодовольно воскликнулъ Грѣчка, дойдя до самого забора, подъ которымъ канавка уходила за черту кладбища, въ сосѣдніе огороды. Въ этомъ мѣстѣ, между нижней линеей забора и дномъ канавки, пространство аршина въ два ширины и около полутора высотой было весьма слабо загорожено кое-какъ приложенными досками.

— Тебя-то намъ и надо! ухмыльнулся Грѣчка:—давнута легонько плечомъ—оно и подастся. И въ канавѣ-то сухо—лужицы совсѣмъ, братъ, нѣту, продолжалъ онъ, дѣлая дальнѣйшую рекогносцировку.

— Это значить, что изъ воды сухъ выйдешь, знаменіе такъ показуеть, ты это такъ и понимай! шутиливо сообразилъ блаженный.

— По крайности не запачкаешься, замѣтилъ Грѣчка.

— А мнѣ это все-единственно, что чисто, что нѣтъ—была бы душа моя чиста, а въ тѣлѣ чистоты не люблю.

— Стой-ка ты, чистота! перебилъ его сотоварищъ: — гляди сюда! вѣдь по ту сторону забора Сладкоѣдушнины огороды выходятъ!

— Ой-ли?... Да и въ самомъ дѣлѣ, такъ!... Вотъ любо-то! ударилъ Ѳомушка объ полъ своей хлямыды:—вотъ удача-то!... И возрадоса духъ мой—значить, сила выпяного споспѣшествуетъ!

— Ну, ужъ ты отъ божества-то оставь—тутъ дѣло отъ Луканьки пойдетъ, а ты съ божествомъ нехстати! замѣтилъ ему Грѣчка.

— Главная причина въ томъ, продолжалъ Ѳомушка:—что ходить далеко не надо: прямо отъ Сладкоѣдушки и перелѣземъ — чужіе зеньки не заухлять *.

— Да къ ней теперича и пошагаемъ, порѣшилъ Грѣчка, выходя на дорожку, ведущую извилинами черезъ все кладбище до самой церкви:—баба знакомая, и въ пріютѣ отъезду не будетъ, а тамъ у нея, значить, и скоронимся до урочной поры.

И Грѣчка съ Ѳомушкой удалились съ кладбища.

LXXII.

Въ ожиданіи полночи.

Оба пріятеля вскорѣ пришли на пустынные огороды, къ избѣ хлыстовской «матушки» Устиньи Самсоновны.

Въ маленькихъ сѣнцахъ, надъ входною дверью, виднѣлся небольшой мѣдный восьмиугольный крестъ, а подъ нимъ на верхнемъ косякѣ была начертана мѣломъ затершаяся надпись: «Христось оставися съ нами».

— Господи Ісусе-Христе, сыне божій, помилуй насъ! проговорилъ Ѳомушка, постучавшись въ дверь.

— А кто-ся тамъ? послышался изнутри разбитый старческий голосъ.

— Все мы же—богомолы-братья, люди божіи: свой народъ.

— Аминь! отвѣтилъ тотъ же голосъ—и Ѳомушка съ Грѣчкой вошли въ чистую и просторную горницу, съ одной стороны которой стояла большая русская печь, съ другой—помѣщалась кровать старика за ситцевою занавѣской, потомъ—широкій дубовый

* Чужіе глаза не увидятъ, не замѣтятъ.

столь и широкія скамьи по стѣнамъ, а въ переднемъ углу—образная полка, съ выглядывающими оттуда темными, древняго письма ликами, на которые, прежде всего, трижды перекрестились вошедшіе, и затѣмъ уже отдали по поклову хозяевамъ.

— Устинѣ Самсоновѣ!... Паисію Логиничу! проговорили оба — и получили точно такой же почтливый поклонъ отъ хозяевъ.

Паисій Логиничъ подсыпалъ тлѣющихъ угольевъ въ мѣдную кадильницу съ деревянной ручкой и заходилъ съ нею по всѣмъ угламъ комнаты. Воздухъ наполнился тонкими струйками синеватаго дыма и запахомъ ладона.

— Отче! да ты это никакъ для насъ, худородныхъ, росной ладонъ изводишь? замѣтилъ ему Омушка.

— Дому израилеву еиміамъ благочестія подобаеть, отвѣтствовать старецъ докторально-богословскимъ тономъ, ни на кого не глядя и продолжая тихо колебать въ рукѣ свою кадильницу.

— Съ чѣмъ Богъ принесъ, братцы мои? Чтò скажете? обратилась къ нимъ хозяйка, оставляя шитье какого-то длиннаго бѣлаго платя.

— Да что вотъ... подъ твой, матушка, покровъ притекли, со вздохомъ отвѣтилъ блаженный:—вы христіяны у насъ имениные, а мы люди малые... отъ аггеловъ антихристовыхъ изъ Вавилона треклятаго спасаемся... Въ темницѣ вѣдь тоже за вѣру правую гоненіе принимали, во юзехъ заключенны были. Укрой насъ, пока что, до странствія нашего — въ Верховную страну* на время пока переправляю новообращеннаго—чай, человекъ-то знакомый тебѣ? добавилъ онъ, указывая на Грѣчку:—бо столпамъ нашимъ услаю: пушай поживеть тамъ, да въ вѣрѣ укрѣпится. А ты прими пока!

— Охата—моя, а домъ—божій, отвѣтила на это Устинья Самсонова:—для брата нѣтъ отказа; хоронитесь-себѣ, сколько нужды вашей будетъ. Милости просимъ!

— Спасибо, матушка!... «Голоднаго напитай, гонимаго пріютитъ»—по закону, значить, ноступаешь.

— Паужинать, можетъ, хотите? предложила хозяйка.

— Нѣту, матушка! до вѣды ли намъ теперъ!... Опосля поѣдимъ,

* Верховною страной своей хлмсты называютъ городъ Кострому. Въ народѣ же ихъ самихъ называютъ лядами и сладкобѣудками — послѣднее на томъ основаніи, что они любятъ ѣсть сладкое и особенно медъ.

чего Богъ пошлетъ; а пока, отведи ты намъ велейву уединенную— дѣлу ночь не спали, сонъ сморилъ совсѣмъ.

Устинья Самсоновна не заставила просить себя вторично и съ охотою провела обоихъ пришлецовъ, чрезъ сѣни, подъ дѣстнацу, ведущую на чердакъ.

Здѣсь отодвинула она досчатый щитъ, который былъ устроенъ по той самой системѣ, какъ потайная дверь, ведущая въ подъ-избище — и снаружи совершенно казался стѣною, такъ что постороннему человѣку невозможно бы было и догадаться о его существованіи. Оумушка съ Грѣчкой очутились въ тѣсномъ и темномъ тайникѣ, въ которомъ они могли, впрочемъ, весьма удобно разлечься на большихъ мѣшкахъ, въ родѣ перинъ, набитыхъ сѣномъ.

— Ну, почивайте-себѣ съ Богомъ, а проснетесь — потрапѣзуемъ всѣ вкупѣ, сказала имъ Устинья Самсоновна, и снова задвинула вплотную потаенный щитокъ.

— Дѣло на лады пошло; важись, клей будетъ, шопотомъ скажь Грѣчка, потирая руки.

— А что, бойко хлыстомъ прикинулся? также шопотомъ вопросилъ блаженный, ощущая внутреннюю потребность въ товарищескомъ одобреніи.

— Ужь что и говорить!.. Я только дивлюсь, откуда ты насобачился?

— Э, братъ! главная причина, чтобы премудрость произойти, а тогда ужъ всякая штука передъ тобою сама раскупорится! съ сознаниемъ своего достоинства похвалился блаженный: — я вѣдь тоже и самъ хлыстомъ-то былъ, и по сей день у нихъ въ согласіи числюсь; даже переkreщенъ былъ въ Сибири-матушкѣ — потому дѣла у нихъ важнѣція можно обварганивать.

— Это точно, согласился Грѣчка:—и самъ вотъ я не думалъ не гадалъ, какъ свѣль-было знакомство съ Устиньей, а вотъ оно и пригодилось!

— Тебя-то они сманивали? спросилъ Оумушка.

— Было дѣло!... Да и какъ имъ не сманивать? — человѣкъ я тоже на всѣ руки годящій! Только въ тѣ поры я ни да, ни нѣтъ не сказаль, а все приглядывался.

— Э, братъ, дурень же былъ! заключилъ Оума, съ укоризной: — а ты бы по мѣму, коли ты есть ловкій жоржъ да человекъ разумный. Я вотъ даже архирейскія, братецъ ты мой, службы правилъ! И деньга же перепала — ухъ, какаа деньга-

то обильная!... было, другъ любезный, поджито!... было! со вздохомъ предался онъ воспоминаніямъ:—да одна бѣда: зарвался! Провѣдали добрые людишки, что и у поповщины за архирея правлю, и у бѣгунѡвъ наставникомъ состою; оповѣстили, собаки, окружнымъ посланіемъ, что воръ-де я и самозванецъ не хиротанный; потому и вѣры имать не стали въ архирейство мое. Съ тѣхъ поръ вотъ и пошелъ по мірскому ужъ православію во блаженныхъ юродствовать!

— Это статья особая, перебилъ его Грѣчка:—а ты мнѣ теперича лучше вотъ что скажи: ты знаешь ли, гдѣ у сладкоѣдушки струментъ захороненъ?—безъ лопаты вѣдь тутъ не обойдешься.

— Знаю! махнулъ рукою блаженный, и перевернувшись на другой бокъ, черезъ минуту захрапѣлъ безмятежнымъ сномъ праведника.

Но Грѣчкѣ не спалось. Его жгуче какъ-то донимала теперь обычная и столь долго желѣянная дума о дѣлѣ, которое предстоить ему черезъ нѣсколько часовъ. Долго оно для него было страстной, но недосыгаемой мечтою, и вдругъ—теперь, столь неожиданно, является возможность осуществить его.

«Храпи, Ѳома, храпи-себѣ всласть, голубчикъ!» подумалъ онъ, нервно улыбаясь на собственную мысль: «спать-то ты у меня, можешь, и завтра будешь, да только ужъ храпѣть тебѣ вовѣки не придется!»

Пріятели выспались и поужинали вмѣстѣ съ двумя хлыстами.

— У тебя, мать, будутъ нынче наши ясные соколы въ подвизбицѣ работать? тихо спросилъ Ѳома Устинью, отозвавъ ее всторону.

— Хотѣли, братецъ, быть, точно хотѣли. А что тебѣ?

— Осипъ-то у меня ничего про то не знаетъ, мигнулъ онъ на Грѣчку:—такъ ты ужъ, matka, отъ грѣха-то прихорони насъ лучше въ сараѣ у себя. Мы бы, значить, еще съ часикъ передохнули тамъ.

Хлыстовка провела ихъ въ надворный сараѣ, гдѣ у нея были сложены разныя овощи и, между прочимъ, желѣзныя лопаты, для огородной работы.

— Надо будетъ перегодить тутъ часа съ два еще, пока полночь не станетъ, замѣтилъ Грѣчка.

— Благо, лопаты подъ рукою, откликнулся Ѳомушка:—а ждатель-

то можно; для чего не ждать? Я вѣдь лишь изъ-за лопать и ублажилъ Устиньру, чтобъ въ этотъ сарай насъ упрятала.

— Мозги! не безъ внутреннего удовольствія, хлопнуть слегка по затылку, похвалилъ его Грѣчка.

— Эхъ, кабы водки тепѣра!... Жаль, недомекнулись утресь прихватить съ собою! спохватился блаженный.

— Н-да, хорошо бы хлопнуть передъ работой-то. Нешто смахать?

— Далече. Ничего не подѣлаешь; и такъ ужъ обойдется дѣло!

Грѣчка прилегъ на груди капустяныхъ вочней, подостлавъ подъ бокъ валявшуюся рогожу, а Омушка все время показиваль-себѣ по сараю, мечтая о томъ, какихъ «вертуновъ» онъ настроить, раздобывшись фармазонскимъ рублемъ и, въ темнотѣ наступившаго вечера, видѣлъ, какъ съ нѣкоторыми промежутками времени и притомъ съ разныхъ сторонъ, въ избу хлыстовки осторожно прошли четыре человѣка. Всѣ четверо, болѣе или менѣе, были знакомы ему.

LXXIII.

Гробокопатели.

Съ дальней колокоelni медленно потянулся въ ночномъ воздухѣ тихій гулъ, по временамъ глухо относимый вѣтромъ въ сторону, и эти удары колокола возвѣстили полночь.

Между грядками, украдучись, пробирались двѣ человѣческія тѣни, перерѣзывая огородъ въ направленіи къ кладбищенскому забору.

— Забирай къ канавкѣ!... къ канавкѣ норони!... шопотомъ говорилъ задній, указывая изъ-за плеча передовому, въ какую сторону держать ему путь.

Перешагнувъ черезъ нѣсколько грядокъ, два спутника спустились на дно неглубокаго рва и пошли вдоль его, стараясь какъ можно менѣе шлепать подошвами по вязковатой почвѣ и не шурстѣть въ густой и высокой сорной травѣ. Этотъ путь привелъ ихъ къ забору, который пересѣкалъ канавку, уходившую изъ подъ него на кладбище. Оба остановились. Омушка хотѣлъ уже было сразу принапереть плечомъ, чтобы выдавить слабо прилаженную подзаборную загородку, но Грѣчка поспѣшно остановилъ его.

— Тс... куды-те, лѣшаго?! съ шопотомъ сдвинулъ онъ брови:— погоди... сперва послушать надо, не чуть-ли тамъ человѣка...

И выйдя изъ канавы, онъ легъ ничкомъ на землю, и въ глубокомъ молчаніи приложивъ ухо къ почвѣ, сталъ слушать.

Прошло минуты три.

— Ничего не чуть, кажися... шаговъ ничьихъ нѣту, промолвилъ онъ, поднявшись на ноги, и снова спустился въ ровъ, приставивъ ухо къ одной изъ широкихъ щелей досчатой загородки.

— Дай-кось эдакъ прислушаюсь... по землѣ не отдаетъ, авось по вѣтру потянетъ.

— Да кѣго дьявола слушать еще?! съ неудовольствіемъ шепнулъ нетерпѣливый Омушка.

— Голосу да шаговъ, значить... Вѣдь тутъ тоже могильщики чередуются — караулятъ: обходъ бываетъ, пояснилъ Грѣчка, который, въ эту рѣшительную минуту, въ совершенную противоположность Омушки, сдѣлался вдругъ необыкновенно сдержанъ, осмотрителенъ и остороженъ, какъ будто вопреки своей старой и страстной мечтѣ; но именно не что иное, какъ только страстная жажда осуществить вполне счастливо и безъ посторонней опасной помѣхи эту самую мечту, заставила его теперь вести себя подобнымъ образомъ: такъ игрокъ, ставя на послѣднюю карту послѣдній рубль азартно проиграннаго состоянія, осторожно ждетъ и выслѣживаетъ удачную таію.

— И по вѣтру не тянетъ... никого нѣтъ! удостоверился, наконецъ, Грѣчка, и осторожно, почти безъ звука сталъ медленно разбѣгать, одну за другою, дощечки канавочной загородки.

Вскорѣ проходъ во всю ширину канавки и въ полтора аршина вышины былъ готовъ совершенно. Тихо, съ лопатами въ рукахъ, переползли на кладбище двое сотоварищей, и еще тише, еще осторожнѣе, почти ползкомъ, пошли по дну, груто согнувшись корпусомъ впередъ, изъ предосторожности, чтобы на поверхности земли сторожевой глазъ не могъ случайно подмѣтить движенія двухъ человѣческихъ фигуръ.

Но это была почти излишняя предосторожность: сторожамъ нечего караулить послѣдняго разряда — ихъ бдительность сосредоточивается далече отъ этихъ мѣстъ, направляясь къ ближайшимъ окрестностямъ кладбищенской церкви, гдѣ дѣйствительно можетъ найтись существенная пожива для мошенниковъ, которые имѣютъ иногда обыкновеніе сбивать и спливать съ монументовъ

бронзовые кресты и доски — товаръ, принимаемый отъ нихъ на фунты въ вѣсныхъ желѣзныхъ и мѣдно-котельныхъ лавкахъ.

Въ воздухѣ стояла одна изъ тѣхъ сыровато-теплыхъ и совершенно черныхъ ночей, которыми иногда отличается петербургскій августъ, когда луна совсѣмъ почти не показывается на горизонтѣ. Небо было заволочнуто сплошными облаками, и эти облака еще усиливали ту мглистую темноту, которая разливалась надъ землею. Понемногу теплый дождикъ начиналъ набрасывать медленными и рѣдкими каплями. Все, повидимому, благопріятствовало дѣлу, задуманному Грѣчкой.

— Здѣсь... около этого мѣста надо искать, промолвилъ онъ, выйдя изъ канавы: — тутъ вотъ, надѣво... девять шаговъ въ эту сторону... Кажись, кругомъ, точно, тѣ самые кресты видать... Ну, такъ: вотъ этотъ высобенскій — онъ почитай около самой могилы дождонъ стоять, шепталъ Грѣчка, стараясь острымъ и зоркимъ взглядомъ различить замѣченные ранѣ признаки мѣстности, окружающей могилу Бероевой.

— Оно самое и есть, подтвердилъ Омушка, наткнувшись на предметъ, служившій для нихъ уже ближайшей примѣтой. Это была старая могила, на которой, вмѣсто земляной насыпи, стоялъ, вмѣстѣ съ крестомъ, покрашенный когда-то желтою краскою, деревянный ящикъ, аршина въ два-съ половиной длины и въ полтора шириною. Подобнаго рода убогіе мавзолеи, долженствующіе, повидимому, изображать собою высокія, каменные гробницы съ барельефами (кои суть принадлежность болѣе богатыхъ разрядовъ) — встрѣчаются довольно часто на петербургскихъ кладбищахъ и особенно въ послѣднихъ разрядахъ Митрофаніевскаго. Время сбросило погнившія доски, служившія крышкою тому серомному мавзолею, на который наткнулся теперь Омушка, такъ что онъ и въ самомъ дѣлѣ представлялся открытымъ ящичкомъ, въ аршинъ глубины, что, между прочимъ, при давшнемъ осмотрѣ, тоже не было упущено изъ виду обоими сотоварищами.

— Оно самое и есть! повторилъ блаженный: — теперича, значить, четыре шага вѣво — и готово!

— Нашель!... откликнулся Грѣчка: — вотъ она, здѣсь!... И хворостинка наша въ головахъ не тронута... Постой-ка, братъ, примѣтинку пощупаю... Ну, такъ! — и примѣтинка вѣна мотается.

— Значить, вѣрно! заключилъ Омушка: — слава-те, Господи!

— Молчи, анаеема! вѣдь сказано: въ экомъ дѣлѣ не поми-

вать его! давнулъ его за руку суевѣрный Грѣчка:—чертъ скорѣй лопатой кругъ около могилы: зачураться надо.

Въ шопотѣ, которымъ произносилъ онъ эти слова, было необыкновенно много той всепреклоняющей, повелительной энергіи, которая вызываетъ безусловную покорность, и потому Омушка, безъ разсужденій, тотчасъ же исполнилъ приказаніе Грѣчки.

— Чуръ меня!... чуръ меня! шепталъ, межъ тѣмъ, этотъ послѣдній, оборачиваясь на всѣ четыре стороны.

— Страшно, братъ.... съ легкимъ содроганіемъ сорвалось съ языка Омушки.

Тотъ покосился на него со злобою и только презрительно мкннулъ.

— Копай вотъ тутъ, рядомъ со мною!

Желѣзныя лопаты разомъ врѣзались въ землю—и сырой глинистый комъ глухо бухнулся и откатился въ сторону.

При этомъ первомъ звукѣ Грѣчка невольно вздрогнулъ и еще усерднѣе принялъ на лопату. Оба пріятеля переживали не всѣмъ обыкновенныя мгновенья. Суевѣрный, свинцово-давящій страхъ, помимо ихъ воли, закрадывался въ душу, въ груди захватывало духъ и кровь напирала въ височныя жилы, а сердце то замирало, то вдругъ начинало колотиться усиленными биеніями. Осторожная, безшумная работа шла среди глубокой тишины—ни слова не было уронено больше, только оба трудно и перерывчато дышали.

Вдругъ, вдалекѣ послышалось что-то неясное, какъ будто похожее на шаги человѣка.

Оба сильно вздрогнули, инстинктивно остановились и, напрягая ухо, пристально взглянули другъ на друга.

Тишина. Гдѣ-то вдали цѣпная собака хрипитъ и заливается. Вѣтеръ на минуту слегка потянулъ по верхушкамъ кладбищенской рощи, обвѣявъ чѣмъ-то страшливымъ и холоднѣеымъ обонхъ гробоводателей. Прислушиваются—ничего нѣ слышать; только рѣдкія капли неровно перепадаютъ, шлѣпаясь на пыльные листья лопушника.

Снова стали копать-копать и слушать—чутко, напряженно, чтобы не проронить ни вблизи, ни вдали ни единого звука.

Ахъ ты степь моя, степь Мовдокская

неожиданно послышалось позади ихъ, словно бы изъ кладбищенской рощи.

— Обходи!... хоронись живѣе! чуть слышно вымолвилъ Грѣчка, переставъ работать:—съ лопатой хоронись!

— Да куда же?... Наземь, что ли, ничкомъ?

— За мною!... да тише ты!... Полѣзай въ ящикъ, да ложись бокомъ, чтобъ обонимъ хватило...

И осторожно, безъ малѣйшаго шума, опустили они съ лопатами, и легли на дно сосѣдняго деревяннаго намогиля.

Голосъ, тянувшій моздокскую степь, межъ тѣмъ раздавался все ближе. Вотъ и шаги уже слышны—шаги смѣшанные, какъ будто два человѣка идутъ. Ближе и ближе—черезъ минуту, глады, поровняются съ укрывшимися гробокопателями.

Вдругъ шагахъ въ пяти отъ ящика послышалось сдержанное рычанье большого пса.

— Полкашка! обозвалъ голоеъ, напѣвавшій пѣсню.

Песъ продолжалъ озабоченно рыскать межъ могилами и глухо рычать.

— Чего брешешь, ну, чего брешешь-то?... Эка, дурень-собака! Бреешь-себѣ зра—совсѣмъ дурень... Ну, что ты тамъ слышишь?... Полкашка!...

— Нѣтъ, братъ, ты его не обидь, послышался въ отвѣтъ другой голосъ:—онъ у насъ справедливый песъ. Это онъ вѣрно хорька слышитъ—хорекъ тутъ завелся гдѣ-то: намеднись у отца дьякона цыпленка утащилъ. Я третѣвядни, какъ могилу копать, видѣлъ его, какъ онъ это по травѣ побѣгъ. А Полкашку не обидь: онъ свою правилу собачью знаетъ—онъ это вѣрно.

— Можетъ, мазурики гдѣ забрамшись?..

— Какіе тутъ мазурики—чего имъ тутъ взять?

— Одначе жъ пошарить бы.

— Пожалуй... дѣй-че не пошарить?

И могильщики, разойдясь одинъ съ другимъ, свернули съ тропинки и побродили между врестами. Одинъ даже мимо ящика прошелъ, мурлыча себѣ подъ носъ все ту же пѣсню.

— Ничего нѣту!... да и Полкашка побѣгъ-себѣ! крикнулъ издали другой, и черезъ минуту оба удалились.

У Грѣчки отлегло отъ сердца: будь немножко почутче нюхъ у Полкашки, да караульщики посмышленѣй и поретивѣе—и вся завѣтная мечта его развѣялась бы дымомъ. Правда, онъ бы недешево разстался съ нею: онъ уже рѣшилъ, что въ случаѣ накрытія—сразу бить на смерть обонихъ; но... какъ знать чужую,

неизвѣстную силу? Пожалуй, что и его бы скрутили, и тогда—прости-прощай навѣки фармазонскій рубль!

«Степь моздокская» межъ тѣмъ совсѣмъ уже затерялась вдали за деревьями; но не прежде, какъ только вполнѣ убѣдившись, что опасность миновала совершенно—рѣшился Грѣчка вылезти изъ намогилы.

Снова лопаты вонзились въ землю — работа закипѣла теперь еще рѣшительнѣй, еще энергичнѣе прежняго, и вскорѣ желѣзо глухо ударилося о крышку гроба, а минуту черезъ пять—она вся обнажилась.

На гробоконателей, при видѣ вырытаго гроба, повѣло легкимъ холодкомъ нервнаго трепета.

— Вскрой крышку-то, запусти маленько лопату подъ нея, шопотомъ пролепеталъ блаженный.

Деревянныя заклѣпки заскрипѣли подъ напоромъ желѣза, и крышка соскочила.

Передъ глазами Грѣчки и Омушки — вверху неподвижнымъ лицомъ, обрамленная бѣлымъ холщевымъ саваномъ, лежала мертвая женщина въ арестантскомъ капотѣ. — У обоихъ крупными каплями проступилъ холодный потъ на лбу.

— Гдѣ же деньги-то?... Не слышать что-то... чуть слышно бормоталъ Омушка, шаря по трупу своей трепещущей рукою.

— Больно прытокъ, съ худо-скрытою злостью прошипѣлъ Грѣчка, отстраняя прокъ отъ тѣла руку блаженнаго, изъ боязни, чтобы тотъ первый не нашелъ какъ нибудь завѣтнаго рубля:—больно прытокъ!... Забылъ, что дядя жиганъ сказывалъ? — Испѣрва надо надругательство какое надъ нею сотворить, а потомъ уже деньги-то сами объявятся.

— Ну, какого тамъ еще надругательства? шопотомъ огрызнулся Омушка:—далъ ей тумана добраго—и вся недолга! Вотъ-те и надругательство будетъ.

— Приподыми-на ее! приказалъ Грѣчка тономъ, недопускаящимъ прекословья.

Омушка взялъ покойницу за плечи и, придерживая рукою, посадилъ въ гробу. При этомъ движеніи, руки ея тихо опустились на колѣни.

— Вратецъ ты мой! съ нѣкоторымъ ужасомъ изумился блаженный:—да она мягкая—не закоренѣвши совсѣмъ.

— Толкуя, баба! — Мерещется! отозвался Грѣчка, хотя самъ очень хорошо замѣтилъ, то же.

Въ эту минуту невольный ужасъ мѣшался въ немъ съ чувствомъ, которое говорило: минута еще — и ты достигъ, и ты счастливый человѣкъ! — и потому онъ сѣплся подавить въ себѣ этотъ суевѣрный страхъ: но нервы плохо покорялись усилямъ воли и ходенѣмъ ходили, тряся его, какъ въ лихорадкѣ.

Наконецъ почувствовалъ онъ, что настала рѣшительная, роковая минута. Глаза его налились кровью, грудь высоко и тяжело вздымалась, а лицо было блѣдно почти такъ же, какъ лицо покойницы. Закусивъ губу и задержавъ дыханіе, онъ сквозь зубы тихо простоналъ блаженному: «держи!» — и сильно развернувшись, съ ругательствомъ на отмашь ударилъ ее въ грудь ладонью. Въ эту минуту раздался короткій и слабый крикъ женщины.

Гробоконатели шархнулись въ сторону — и трупъ упалъ навзничь, но въ ту жь минуту, съ усиленіемъ и очень слабымъ стономъ, въ гробу поднялась и сѣла въ прежнее положеніе живая женщина.

Омушка съ Грѣчкой, не слыша ногъ подъ собою отъ великаго ужаса, инстинктивно упали на карачки и поползли, не смѣя обернуться на разрытую могилу, и не въ силахъ будучи закричать, потому что отъ леденящаго страха мгновенно потерялся голосъ, какъ теряется онъ иногда въ тяжеломъ сонномъ кошмарѣ.

Проползя нѣсколько саженой, Грѣчка поднялся на ноги, а вслѣдъ за нимъ сталъ и Омушка: въ эту минуту, послѣ перваго поражающаго потрясенія, у нихъ едва-едва мелькнули слабѣе проблески сознанья, и потому оба, подъ неодолимымъ обаяніемъ дико-суевѣрнаго страха, безъ оглядки пустились бѣжать съ кладбища. Инстинктъ самохраненія и этотъ блѣдный лучъ сознанья вели ихъ къ той же самой лазейкѣ, съ помощью которой удалось имъ, за часъ передъ этимъ, пробраться сюда; и теперь, спотыкаясь о кресты и могилы и падая на каждомъ шагу, дотащились они кое-какъ до разобранной канавочной загородки и прытко пустились, на перекоски, черезъ огородныя гряды, къ избѣ Устиньи Самсоновны.

LXXIV.

Спасена!

— Надо, государи мои милосливные, исперва отъ духа уразумѣть, сидя за прѣжей, наставительно калякала хлыстовка съ двумя своими гостями — Ковровымъ и Калашемъ, тогда какъ Бодлевскій съ Катцелемъ работали въ подъязбищѣ, а эти — между дѣломъ —

вышли наверхъ поглотать воздуха, непропитаннаго лабораторными запахами. Устинья Самсоновна каждый разъ норовила не упустить малѣйшаго случая и повода потолковать о вѣрѣ съ кѣмъ либо изъ этихъ гостей, въ надеждѣ что авось ктонибудь изъ нихъ, убѣжденный ея рѣчами, обратится въ вѣру правую, за что она паки и паки сподобится благодати Вышняго.

— Надо отъ духа поучаться и ходить по духу, и вѣровать тожко по духу: какъ тебя духъ божій въ откровеніи вразумить, такъ ты и ходи, такъ и вѣрь, говорила хлыстовка: — вотъ, когда наша вѣра истинная стала шириться по землѣ, тогда на Москвѣ сидѣлъ царь Алексій со своимъ антихристомъ Никономъ и повелѣлъ онъ христа нашего батюшку Ивана Тимофенча изымать съ сорова учениками, для-того чтобъ они вѣру правую не шірили. Пытали ихъ много, а батюшкѣ Иванъ Тимофенчу дали столько батоужья, сколько всѣмъ ученикамъ его вкупѣ, однакожь не выпытали отъ нихъ, какая такая наша вѣра есть. Исперва на Москвѣ самъ антихристъ допросы чинилъ имъ, а потомъ сдѣла ихъ, нашихъ батюшекъ страстотерпцевъ, на житный дворъ къ гонителю египетскому князю Одоевскому, и тотъ гонитель очинно ревнивъ былъ пытать Иванъ Тимофенча: жегъ его малымъ огнемъ на желѣзный пруть повѣсимши, потомъ палилъ и на большихъ кострищахъ, и на лобномъ мѣстѣ пыталъ и затѣмъ уже роспяли его на стѣнѣ у Спасскихъ воротъ. Въ Москвѣ-то бывали вы, государи мои? спросила обихъ Устинья Самсоновна.

— Случалось, подтвердилъ ей Ковровъ.

— И Спасскія ворота знаете?

— Какъ не знаты!

— Ну, такъ вотъ, какъ идти-то въ Кремль, по лѣвой сторонѣ, гдѣ нынѣ часовня-то поставлена, тутъ его и роспинали. Я къ тому это и говорю, продолжала хлыстовка: — что значить духъ-то! Чего-чего ни перенесешь, коли духъ божій крѣпокъ въ тебѣ; потому и завѣтъ у насъ такой: аще побѣдяти и спастися хоцешь, имаи, первѣе всего, духъ божій и вѣру въ духа.

— Ну, и что же съ нимъ потомъ-то было? спросилъ Каллашъ.

— Ой, много съ нимъ всякаго было! махнула хлыстовка: — когда испустилъ-то онъ духъ, то отъ стражи было ему со креста снятіе, а въ пятницу похоронили его на лобномъ мѣстѣ въ могилѣ съ каменными сводами, а съ субботы на воскресеніе онъ, вашъ батюшка, при свидѣтеляхъ воскресъ и явился ученикамъ

своимъ въ Покрѣ. И тутъ снова былъ ять, и пытку чинили ему жестокою и вторично распяли на тѣмъ самомъ мѣстѣ у Спасскихъ воротъ. И содрали съ него кожу вживѣ, но одна отъ ученицъ его покрыла батюшку простинкою бѣлою и простинка та дала ему новую кожу. Поэтому мужики наши хлыстовскіе, въ воспоминаціе его и носятъ бѣлыя рубахи, а на радѣньяхъ «знамена» мы имѣемъ—полотенца, а либо платы такіе полотняныя. И потомъ снова воскресъ нашъ батюшка и началъ проповѣдывать, а учениковъ ему, съ этого втораго воскресенія, прибавилось видимо-невидимо. И когда его въ третій разъ изыскали и обрекли на мученія—въ тѣ поры царица брюхата была и родами мучилась: никакъ не могла разродиться. И было ей тутъ пророчество, что тогда только разродится она благополучно сыномъ царевичемъ Петромъ, когда ослобонятъ Ивана Тимофенча. Тутъ его и «слобонили», и сталъ онъ явно жить въ Москвѣ на покоѣ, проповѣдуя вѣру правую тридцать лѣтъ; а домъ, гдѣ жилъ, доселѣ цѣлъ и нерушенъ стоитъ и промежъ божьихъ людей «Новымъ Юрусалимомъ» нарицается...

Въ эту минуту рассказъ ея былъ прерванъ топотомъ неровныхъ торопливыхъ шаговъ, который послышался на крылечкѣ, словно бы туда прытко забѣжали два человѣка. Раздался нетерпѣливый, тревожный стукъ въ наружную дверь.

Ковровъ и Каллашъ въ недоумѣніи вскочили съ мѣста, причемъ первый опустил свою руку въ карманъ, гдѣ у него имѣлся наготовѣ маленькій карманный револьверъ, который онъ постоянно бралъ съ собою, отправляясь въ загородную лабораторію.

— Господи Исусе!... кого тамъ?! встала изъ-за пражки хозяйка, встревоженная этимъ шумомъ въ такую позднюю пору.

Старецъ Паисій взялъ свѣчу и пошелъ въ сѣни.

— Кто тамъ? окликнулъ онъ.

— Мы... я... пустите... отвѣчалъ перепуганный, задыхающійся голосъ Омушки.

— Чего тебѣ?

— Христа-ради, впустите скорѣе... Бѣда!... съ отчаяніемъ воскликнулъ онъ, стучась въ дверь.

Старикъ отомкнулъ защелку—и въ комнату влетѣли ошалѣлые гробкопатели. Лица ихъ были въ кровь испаряпаны, одѣжа перервана и перепачкана землею—а сами они до того дрожали и казались перепуганными, что Ковровъ съ Каллашемъ понево-

лѣ отступили назадъ, изумленные этимъ неожиданнымъ появленіемъ.

Өомушка и Грѣчка, съ трудомъ переводя духъ, стояли посерединѣ комнаты и все еще не могли придти въ себя.

— Ты какъ здѣсь? подошелъ Калашъ къ блаженному: — что случилось? съ чѣмъ вы? откуда?

— Ба... а... батюшка, страшно... съ усиленіемъ выговорилъ дрожащій Өомушка.

— Полиція здѣсь? Накрыли васъ, или гнался за вами кто, что ли?

— По... покойникъ гнался... на кладбищѣ... изъ гроба... говорилъ блаженный, почти безсознательно давая свои отвѣты.

— Да они пьяны, замѣтилъ Ковровъ, переухмыльнувшись съ графомъ.

— Были бы пьяны—не были бы такъ перепуганы.

— А зачѣмъ носило васъ на кладбище? снова приступилъ послѣдній къ Өомушкѣ.

— Фармазонскія деньги... на ѣя зашиты... могилу раскопали, безъ смыслу лепеталъ блаженный, страшно озираясь во всѣ стороны.

— Могилу раскопали?... озабоченно сдвинувъ брови, повторилъ вслѣдъ за нимъ Калашъ: — э, э!... шутки-то выходятъ плохія!...

— Послушай, отозвалъ онъ въ сторону Коврова:—этотъ дуракъ мелеть чепуху какую-то; но очевидно одно: оба страшно перепуганы и одинъ обмолвился, что могилу раскопали. Это-то и есть причина паники.

— Ну, такъ что жъ? спросилъ Ковровъ.

— Очень просто. Разрытую могилу завтра же могутъ найти, принялся Калашъ развивать свою мысль: — поднимется слѣдствіе, розыски, обыски, «какъ да что?»—а до хлыстовской избы полиціи нетрудно будетъ добраться: вѣдь по сосѣдству стоятъ. Понимаешь?

Ковровъ кивнулъ головою и озабоченно закрутилъ свой великолѣпный усъ.

— Вы разрывали могилу? зачѣмъ? для чего это? наступили оба на Өомушку.

Грѣчка межъ тѣмъ успѣлъ уже придти въ себя, а съ возвратомъ полного сознанія, ему тотчасъ же явилась въ голову суевѣрная мысль, что это, должно быть, вражья сила подшутила

надъ ними, и потому желая предупредить Оомушку, чтобы тотъ не давалъ отвѣта, онъ толкнулъ его въ локоть; но это движеніе не скрылось отъ Коврова.

— Эге, да это, кажись, мой старый знакомый!... протянулъ онъ, пристально вглядываясь въ фізіономію Грѣчка: — помнитъся, будто встрѣчалъ когда-то. Ты зачѣмъ толкнулъ его?

— Я?!... Мерещется, что ли! дерзко отвѣтилъ Грѣчка:—вольно ему съ дуру молотъ ерундищу!

— Гдѣ вы были? отвѣчай мнѣ! начальнически и въ упоръ приступилъ къ нему Сергѣй Антоновичъ.

— Да вамъ-то что, гдѣ бы мы ни были? чего вы лѣзете?

Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ истинно-командирскій ударъ по уху.

Грѣчка отшатнулся въ сторону, и упалъ на лавѣу, но въ ту жъ минуту, поднявшись на ноги, хотѣлъ-было броситься на Коврова, какъ вдругъ, въ отвѣтъ на это движеніе, увидѣлъ онъ ловко приставленный къ своей груди револьверъ.

Его попятило назадъ: онъ живо вспомнилъ былыя времена и лихого капитана золотой роты.

Ковровъ, межъ тѣмъ, не отставалъ отъ него со своимъ пистолетомъ.

— Отвѣчай, мерзавецъ, гдѣ вы были и что вы дѣлали, или сейчасъ же, какъ собаку, положу на мѣстѣ!

— Виновать, ваше... ваше сіятельство!... Простите, христради! проборматалъ оробѣлый Грѣчка, ибо вспомнилъ по старымъ опытамъ и слухамъ, что съ этимъ баринномъ вообще шутки плохія, особенно когда въ переносицу зловѣще смотритъ пистолетное дуло.

— Я не спрашиваю, виновать ли ты, а мнѣ нужно знать, гдѣ вы были и что дѣлали — понимаешь? съ разстановками надъ каждымъ словомъ возразилъ Сергѣй Антоновичъ, нещадно теребя его за ухо, словно мальчишку школьника.

— Виновать, ваше сіятельство... на кладбищѣ были, пролепеталъ Грѣчка, окончательно потерявшись отъ столь неожиданнаго и столь безцеремоннаго отношенія къ своей особѣ.

— Зачѣмъ вы были на кладбищѣ? настойчиво наступилъ на него Ковровъ.

— Фармазонскихъ денегъ искали...

— Гдѣ вы ихъ искали?

— На покойницѣ... на арестантѣхъ одной тутъ...

— И разрыли для этого могилу?

— Виноваты, ваше сіятельство...

— Ну, такъ пойдѣте зарывать ее, сказала Ковровъ тѣмъ спокойно-сознательнымъ тономъ, который не допускаетъ возраженій. Для подпольной компаніи было необходимо нужно, чтобы могла была зарыта, потому что иначе, и въ самомъ дѣлѣ, могъ бы произойти весьма невыгодный оборотъ для ихъ предпріятія, вслѣдствіе непремѣнныхъ обысковъ полиціи. Надо было немедленно же уничтожить всѣ слѣды преступленія двухъ гробкопателей.

— Ваше сіятельство!... слобоните! христа-ради!... Не можемъ вернуться на кладбище! взмолился Омущка: — покойница вѣдь живая... стонала... сидѣла въ гробу... самъ видѣлъ своими глазами.

Это было еще одно новое открытіе для Каллаша и Коврова; теперь, стало быть, необходимо нужно было либо пришибить на смерть, либо спасти мнимую покойницу.

Ковровъ мигомъ накинулъ на себя свой плащъ, захватилъ маленькій потайной фонарикъ и вышелъ изъ горницы вмѣстѣ съ Омущкой и Грѣчкой.

Онъ безпрекословно заставилъ ихъ идти съ помощью того же самаго убѣдительнаго аргумента, который за минуту передъ симъ развязалъ языкъ гробкопателей.

Въ глубокой тишинѣ, ненарушаемой ни единымъ словомъ, осторожно пробрались они прежнимъ путемъ на кладбище, и Грѣчка, весь дрожа отъ волненія и страха, снова нашелъ, въ темнотѣ, разрытую могилу.

Однако, странно: гробъ раскрытъ, но никого въ немъ нѣтъ— одинъ только саванъ лежитъ, брошенный въ двухъ шагахъ отъ грѣшки.

Ковровъ еще круче закусилъ свой усь и озабоченно сдвинулъ брови. Чтѣ тутъ дѣлать теперь? Ясно, что мнимо-умершая выползла изъ гроба, но гдѣ искать ее по кладбищу, въ какую сторону направиться? Да и когда тутъ искать, если каждая минута дорога, если для собственной безопасности нужно было какъ можно скорѣе уничтожить признаки раскопанной могилы. Поиски, во всякомъ случаѣ, отняли бы время. Изъ двухъ волеъ надо выбрать меньшее; а если мнимо-умершую найдутъ завтра гдѣ нибудь на кладбищѣ живой или мертвой, это все-таки менѣе опасно, чѣмъ разрытая могила: тамъ еще вопросъ темный, тамъ еще

могутъ быть какія-нибудь сомнѣнія, недоразумѣнія, а здѣсь, эта разрытая могила и въ ней свидѣтель преступленія.

Ковровъ прислушался, приглядѣлся въ темноту—напрасно: не различишь никакого признака, да и не слышать ни шороха, ни стопа—мѣшкать было нечего.

— Бери, ребята, крышку—и снова на гробъ ее, шопотомъ распорядился онъ, не выпуская изъ руки револьвера, который держалъ все время наготовѣ, такъ что тѣ поневолѣ повиновались.

— Готово, ваше сіятельство.

— Теперь закапывай гробъ хорошенько! Гдѣ лопаты у васъ?

— А тутотки бросили вотъ...

— Ну, бери дружище! да живо у меня, мерзавцы!

— Ой, страшно, ваше сіятельство... руки, словно въ лихорадкѣ... приняться страшно...

— Закапывай!

И безъ дальнихъ разговоровъ, онъ весьма убѣдительно представилъ дуло ко лбу Омушки.

Такой рѣшительный маневръ, въ особенности послѣ столькихъ потрясающихъ ощущеній, которыя немного обезсилили въ обонихъ гробоконателяхъ твердость и способность самостоятельно дѣйствовать своей силой и соображать своимъ разсудкомъ—такой маневръ, говоримъ мы, произвелъ свое рѣшительное дѣйствіе: они опустили наврытый гробъ въ могилу и проворно стали закапывать.

— Вали землю живѣе! живѣе, каналы, энергическимъ шопотомъ поощрялъ Сергѣй Антоновичъ:— за работу по пятирублевкѣ получите.

И минутъ въ пять могила быстро была засыпана въ присутствіи Коврова, лично наблюдавшаго за работой.

Они уже возвращались, прежнимъ путемъ, вдоль канавки, какъ вдругъ, шагахъ въ пяти, послышался слабый болѣзненный стонъ.

Омушка съ Грѣчкой такъ и обмерли въ ужасѣ.

— Дальше ни съ мѣста! грозно приказалъ имъ Ковровъ, и осторожно выползъ изъ канавы, по тому направленію, откуда послышался стонъ. Дѣйствительно: пройдя пять-шесть шаговъ, онъ наткнулся на что-то живое. Это была женщина, почти въ безпамятствѣ, и по ея полужеманному положенію, можно было предположить, что она передъ тѣмъ ползла по землѣ.

Ковровъ на мгновеніе отодвинулъ щитѣкъ потайного фонарика,

и первое, что бросилось ему въ глаза—это арестантскій капоть. Лица онъ не успѣлъ разглядѣть, потому что оставить свѣтъ еще на нѣсколько секундъ — было бы не совсѣмъ безопасно. Что жъ теперь дѣлать съ нею? Пришибить?—поздно: могла уже зарыта. Оставить на кладбищѣ? — нельзя: этотъ арестантскій капоть иѣшаетъ: онъ, при слѣдствіи, пожалуй, все дѣло выдастъ, и, быть можетъ, поведетъ къ чортъ-знаетъ какой кутерьмѣ! Что же дѣлать однако съ этой женщиной? Время не терпитъ; надо самимъ, какъ можно скорѣе, уходить съ кладбища. Остается одно только средство: была-не была — взять ее съ собою! Если она за ночь умретъ — можно будетъ снять съ нея этотъ предательскій капоть, переодѣтъ въ другую одежду и тайно вывезти да бросить за чертой города, въ станѣ, на какомъ-нибудь пустырьѣ; а если поправится, если выздоровѣетъ, то—сама арестантка! стало быть, не выдастъ никого и ничего, а будетъ рада, что изъ гроба вынули да отъ тюрьмы спасли.

Ковровъ торопливо спустился въ канавку и приказалъ Оумушкѣ съ Грѣчкой идти за собою. Онъ постлалъ по землѣ свой плащъ, завернулъ въ него съ головою найденную женщину и велѣлъ имъ нести.

Тѣ дрожали, какъ осиновыя листья, и не рѣшались взяться за страшную для нихъ ношу.

— Трусы! презрительно отнесся къ нимъ Сергѣй Антоновичъ:—не видите развѣ, это—живая женщина? Ее въ обморогѣ скоронили! Ты неси лопаты и фонарь! приказалъ онъ Оумушкѣ:—и—ступай впередъ, а ты—бери се за ноги!

И вмѣстѣ съ этимъ, осторожно поднялъ за плечи завернутую женщину, и вдвоемъ они понесли ее съ кладбища, къ подзаборной лазейкѣ. Хотя обонхъ гробоконателей все еще мутило чувство суевѣрнаго страха, однако видя такое хладнокровіе и энергію со стороны Коврова, они приободрились нѣсколько, предполагая, что вѣрно и въ самомъ дѣлѣ это живая женщина, потому нечистая сила съ мертвечиною не такъ бы проявила себя.

Всѣ благополучно возвратились въ избу Устиньи Самсоновны.

Ковровъ приказалъ внести въ горницу найденную женщину, а самъ, не теряя минуты, прямо спустился въ подызбище и назвалъ Катцеля.

Докторъ развернулъ плащъ, наклонился, чтобы разсмотрѣть ея лицо—и вдругъ быстро отшатнулся въ сторону, очевидно, подъ влияніемъ какого-то невольнаго поразившаго его чувства.

— Боже мой!... да это она! прошепталъ онъ, въ смущеніи.

— Кто она?

— Она... Бероева...

— Бероева?! изумленно повторили Ковровъ и Калашъ, въ свою очередь нагибаясь къ ея лицу, чтобы удостовѣриться, точно ли это правда.

Для Сергѣя Антоновича не осталось болѣе сомнѣнія въ этомъ: онъ еще прежде знавалъ Бероеву, она когда-то необыкновенно нравилась ему, какъ красивая женщина — а онъ боготворилъ красивыхъ женщинъ — онъ зналъ и ее, и ея мужа, встрѣчавшись съ ними у Шиншѣева, и вдобавокъ, ему очень хорошо была извѣстна настоящая, неподкрашенная исторія ея съ Шадурскимъ и судьба, постигшая эту женщину, и теперь, заглянувъ въ это истомленное страданіемъ лицо, онъ окончательно удостовѣрился, что передъ нимъ дѣйствительно лежитъ Бероева.

— Ее надо спасти! непременно спасти! Слышите, Катцель — не-пре-мѣнно! съ одушевленіемъ и рѣшительно проговорилъ онъ.

— Но куда же мы съ нею дѣнемся? возразилъ Бодлевскій.

— Оставимъ здѣсь.

— Здѣсь... Она намъ будетъ мѣшать, она можетъ выдать насъ.

Ковровъ оглядѣлъ его съ нескрываемымъ презрѣніемъ и тихо-отчетливо промолвилъ ему:

— Не выдайте *вы* насъ, любезный другъ! а она — женщина, обязанная намъ спасеніемъ жизни, арестантка, приговоренная въ Сибирь—она насъ не выдастъ, лишь бы *вы* не проболтались въ нѣжную минуту вашей княгинѣ Шадурской.

Бодлевскій вспыхнулъ отъ негодовапія, однако молчалъ и ушелъ въ подъязбище, не принимая болѣе никакого участія въ происходящемъ.

Бероева лежала на лавкѣ, попрежнему закутанная въ пледъ графа Калаша.

— Эхъ, братъ, какъ же это ты такъ плошдешь! съ укоромъ замѣтилъ онъ Катцелю, и обратился къ хлыстовкѣ:

— Матушка Устинья! въ Бога ты вѣруешь?

— Штой-то, мой батюшка, еще бъ не вѣрить-то!—Вѣрую!—хрестьяне вѣды!...

— Ой-ли?... Ну! коли «хрестьяне», такъ и ноступай же по-хрестіянски! Постель-то у тебя мягкая?

— Мягкая, батюшко, пуховичекъ ништо, хорошій.

— Пуховичокъ хорошій, а больного человѣка на голой лавкѣ

допускаешь лежать! Эхъ, ты «вѣрую!» Уступи, что ли, христаряда, постель свою!

— Бери, мой батюшко! бери, Христось съ тобой!—я рада.— «Болящаго, сказано, посѣти».

— То-то же! такъ вотъ и походи за нею, пока выздоровѣть.

Ослабѣвшую Бероеву перенесли въ другую горенку на постель Устиньи Самсоновны. Старуха раздѣла и укутала ее въ теплое одѣяло.

Ковровъ, межъ тѣмъ, озабоченно ходилъ по смежной горницѣ.

— Ее третьяго-дня на конную вывозили—я случайно прочелъ въ «Полицейскихъ», шопотомъ замѣтилъ графъ Каллашъ.

— Да? отозвался докторъ: — о, теперь я понимаю: это была летаргія отъ нервнаго потрясенія. Субъектъ для меня весьма интересный—поштудирую! заключилъ онъ, потирая отъ удовольствія руки.

— Мерзавцы... негодяи... барченоевъ... шенталъ межъ тѣмъ про себя Сергѣй Антоновичъ, хмуро сжимая брови отъ какой-то неприятной мысли и вдругъ еруто подошелъ къ Катцелю.

— Слушай! началъ онъ ему совершенно серьезно и строго:— эта женщина, за всѣ свои несчастія, главнѣйшимъ образомъ обязана тебѣ. Ты ее убилъ—ты же и воскресишь ее! — Ступай къ ней!

Но Катцель и безъ того уже засуетился надъ изысканіемъ первыхъ пособій: приказалъ Устиньѣ нагрѣть самоваръ, спустился въ подъязбище и вытащилъ оттуда баночку спирту, да бутылку лафиту.

— Ну, а вамъ, ребята, спасибо за то, что вырыли! неожиданно обратился Ковровъ къ Омушкѣ и Грѣчкѣ, которые почтительно стояли у дверей. Бывшій капитанъ золотой роты нагналъ-таки на нихъ порядочнаго страха.

— Вотъ вамъ обѣщанная водка! продолжалъ онъ, кидая имъ два имперіала:—а теперь скажите-ка мнѣ, какихъ это фармазонскихъ денегъ искали вы?

— Неразмѣннаго рубля, ваше сіятельство, повѣдалъ Омушка-блаженный.

— Дурни! покачавъ головою, улыбнулся Сергѣй Антоновичъ:— тебѣ бы, собачій сынъ, о размѣнныхъ рубляхъ слѣдовало думать, а ты чортъ-знаетъ о какой чепухѣ!

— Грѣшенъ человекъ, ваше сіятельство, и плоть моя немощна, съ покаяннымъ сокрушеніемъ вздохнулъ блаженный.

— А ты, кажись, будешь человѣкъ годичій, обратился Ковровъ въ Ѳомкину товарищу: — хочешь на меня работать? въ накладѣ не останешься, лучше всякихъ фармазонскихъ денегъ будетъ. Согласенъ, что ли?

— Ради стараться, ваше сіятельство! охотно согласился Грѣва, который, впрочемъ, въ глубинѣ души своей подумалъ:

«А все же, чортъ-возьми, надо раздобыться фармазонскимъ рублишкой!»

Въ душѣ его смутно и больно щемило отъ неудачи.

— Ну, теперича съ глазъ долой! ступайте дрыхнуть себѣ, отпустилъ обоихъ Сергѣй Антоновичъ и осторожно, на ципочкахъ, отправился въ комнату, гдѣ лежала Бероева.

— Въ искусство ваше я вѣрю, шопотомъ обратился онъ къ Катцелю, горячо снимая его руку:—и... если вы *человекъ*, умоляю васъ, спасите ее! у нея дѣти вѣдь!... А насъ она, повѣрьте, не выдастъ! За это ужъ я берусь!

Докторъ улыбнулся, кивнулъ головой и отвѣтно пожавъ руку Коврова, опять наклонился надъ больною, принявшись за свои скудные наличныя средства помощи: для него она, больше чѣмъ прежде, представляла теперь любопытный въ научномъ отношеніи субъектъ; и поэтому онъ съ великою охотою готовъ былъ упорно истощать надъ нею всѣ усилія и все свое искусство.

— Ну, что? опять войдя черезъ часъ времени, спросилъ его Сергѣй Антоновичъ.

Докторъ Катцель самодовольно вытянулся, и вскинувъ на него торжествующій взглядъ, промолвилъ тихо и внятно:

— Спасена!

Всеволодъ Еристовскій.

Конецъ четвертой части.

ГРАФЪ ЛЕСТОКЪ.

Статья первая.

Рядъ событій, совершившихся въ Россіи и съ Россіею въ первой четверти XVIII вѣка, всегда будетъ останавливать на себѣ вниманіе историка и философа, равно поражая обонхъ своею оригинальнію. Во всей исторіи человѣчества, едва-ли отыщется другой примѣръ того, чтобы въ одно двадцатипятилѣтіе—промежуткоъ времени, самъ по себѣ, незначительный — успѣли до такой степени видоизмѣниться и государственная жизнь страны, и нравы порядочной части ея обитателей, наконецъ, могли бы такъ рѣзко и прочно разграничиться между собою прошедшія судьбы народа и государства, съ судьбами грядущими, какъ случилось это въ Россіи и съ русскими, въ первой четверти XVIII вѣка.

Понятно, стало быть, какое видное мѣсто долженъ занять въ міровой исторіи нашъ Петръ, желѣзная воля котораго, сокрушая все, кромѣ собственнаго я преобразователя, произвела подобное видоизмѣненіе Россіи. Еще понятнѣе, какъ важны для самой Россіи слѣдствія такой операціи, подъ именемъ реформы Петра, справедливо пользующейся чрезвычайно громкою извѣстностію.

Много распространяться объ этой реформѣ мы не считаемъ нужнымъ: съ главными чертами ея знакомъ каждый, сколько ни-будь образованный человѣкъ, а плоды преобразованія чувствуются и долго еще будутъ чувствоваться на Руси. Что же касается до самаго творца реформы, то продолжающееся накопленіе новыхъ извѣстій, проливающихъ тотъ или другой свѣтъ на Петра-человѣка, и Петра-государя, едва-ли, по нашему мнѣнію, дозволяетъ произносить, въ настоящее время, справедливо-рѣшительные приговоры этой многосторонней личности. Потомство, болѣе насъ отдаленное и болѣе, чѣмъ мы, вооруженное доказательствами, вѣрнѣе нашего опредѣлитъ истинное его значеніе.—На нашу

же долю выпадаетъ, можетъ быть, одна элементарная обработка то обнаруживаемыхъ, то тамъ и самъ открываемыхъ матеріаловъ, безъ которой, однакоже, никогда не уяснятся надлежащимъ образомъ ни личность самого Петра, ни главнѣйшія побужденія его лихорадочной дѣятельности, ни духъ эпохи, ему современной, и другихъ, за нею слѣдовавшихъ, ни даже характеристики лицъ, исторически подвизавшихся на разнообразныхъ поприщахъ, созданныхъ или узаконенныхъ Петромъ. Другими словами, безъ такой обработки, затруднится возможность добросовѣстно выслѣдить начала, привнесенныя Петромъ въ русскую жизнь и знаменующія собою его историческую реформу. И намъ кажется, что труды подобнаго рода—не испорченные, разумѣется, узкими или, еще того хуже, преднамѣренными взглядами на предметъ, замѣчаемыми, къ сожалѣнію, въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ повѣйшихъ изслѣдователей—больше, чѣмъ скороспѣлые приговоры, пригодятся тому потомству, за которымъ, какъ мы думаемъ, остается послѣднее слово о первомъ русскомъ императорѣ.

Обратимся къ изложенію избраннаго нами предмета.

Задумавъ трудный подвигъ преобразования, Петръ, конечно, не могъ приступить къ нему одиноко. Требовалась большая доля соучастія многихъ другихъ лицъ, общія усилія которыхъ могли бы быть направляемы одною волею къ одной цѣли, если предположить послѣднюю тогда уже существовавшую въ видахъ будущаго преобразователя. Воли у Петра было много. Но между собственными подданными онъ могъ найти только вѣрныхъ слугъ и ревностныхъ исполнителей; а одного этого, въ настоящемъ случаѣ, оказывалось мало. Петръ, томимый жаждою переимчивости, свойственной русскому человѣку, нуждался въ образцахъ, которыхъ, естественно, слѣдовало искать внѣ Россіи, что и сдѣлано. Былъ влѣкнутъ влечь, хотя и не впервые раздававшійся въ Европѣ изъ Россіи, но никогда еще несоединенный съ такими заманчивыми посулами, какъ въ ту пору. Европа успѣшила содѣйствовать видамъ Петра, на первый разъ, чрезвычайно для не явлымъ—и усердно откликнулась на зовъ русскаго царя: толпы ея сыновъ, отъ фельдмаршала до ремесленника, привлекаемые звякомъ царскихъ рублей и перспективою сытныхъ кормовъ, покинули свои разноименныя отчины, и валомъ повалили въ варварскую *Московию*.—Вслѣдствіе этого, наплывъ чужестранцевъ въ Россію, въ первой четверти XVIII вѣка, былъ до того чрезвычайенъ, что оказался тягостнымъ даже для русскихъ, искони гостепріимныхъ и никогда нечуждавшихся общенія съ иноземцами, несмотря на различіе вѣроисповѣданій, имѣвшее, на старой Руси, какое-то отталявающее значеніе. Съ неудовольствіемъ, похожимъ на оскорбленное само-

любѣ, посматривали православные на своихъ заморскихъ гостей; и многого труда стоило Петру спланировать воедино два начала, становившіяся враждебными только въ силу принужденія, отличавшаго постоянно систему дѣйствій Петра. Но Петръ и въ этомъ случаѣ руководился извѣстнымъ тавтоомъ, достойнымъ искуснаго политика и русскаго государя: удовлетворяя корыстнымъ дѣламъ чужеземныхъ учителей двойнымъ жалованьемъ, и другими льготами въ этомъ же родѣ ¹, Петръ постоянно держалъ пришельцевъ на второмъ планѣ, остерегался ввѣрять имъ обширныя отрасли государственнаго управленія, не любилъ дѣлать ихъ даже сенаторами ². Между ближайшими собесѣдниками Петра, и вліятельнѣйшими людьми его эпохи, также почти не видимъ иностранцевъ. Лефортъ, Ягужинскій и, можетъ быть, Вейде, являются, въ этомъ случаѣ, какъ-бы исключеніями изъ общаго правила. Такое правило, несмотря на все его благоразуміе, перестало наблюдаться по смерти Петра. Тогда-то господа чужеземцы начали играть на Русь роль, конечно, неготовленную для нихъ преобразователемъ, хотя и жаловавшимъ все нерусское; тогда-то забрали они въ свои руки виднѣйшія и выгоднѣйшія амплуа въ государствѣ, даже на мгновеніе овладѣли русскимъ престоломъ и, утративъ его, не переставали уже пользоваться въ Россіи мало заслуженнымъ и еще менѣе оправдываемымъ значеніемъ, которое, не ослабѣвая и до сихъ поръ, едва-ли не составляетъ частное зло того всеобщаго блага, какимъ, бесспорно, была и будетъ для Россіи реформа Петра, разсматриваемая во всестороннемъ ея развитіи.

Слѣдовательно, преобразованія Петровы открыли различнымъ чужакамъ широкую дорогу въ русское царство, доступное и прежде Петра ограниченному числу голодныхъ и отважныхъ бездомниковъ. Эти чужаки, разъ заведясь въ Россіи, незамедлили не только расплодиться на гостепріимной русской почвѣ, но и видѣться въ русскія семьи.

Нѣкоторые изъ иностранцевъ, и большею частію сподвижники Петра, оказали дѣйствительныя услуги русской землѣ, «утирая

¹ Такъ, напримѣръ, во время шведской войны, когда всѣ русскіе, служившіе на жаловань, не разъ, за недостаткомъ денегъ, подвергались извѣстнымъ вычетамъ или, вмѣсто денегъ, удовлетворялись сибирскими товарами, иностранцы постоянно бывали изъземлены изъ этой всеобщей мѣры и акуратно получали все чистагономъ.

² При учрежденіи сената, въ 1711 году, не было между сенаторами ни одного иностранца; а при кончинѣ Петра, въ 1725 году, оказывается только одинъ, Девіеръ (впоследствии графъ), хотя и португальскій лѣзь родомъ, но женатый на сестрѣ князя Меншикова.

за нее потъ» не хуже туземцевъ. Другіе, воспользовавшись, какъ мы уже замѣтили, исчезновеніемъ дубинки преобразователя, крѣпко насаждали на русскія шен, сильно надобли русскому люду и, въ заключеніе, подслужились Россіи привлеченіемъ въ ея среду третьяго вида своихъ собратій, имя которымъ легионъ. Этотъ легионъ, плѣнясь удачною ловлею русскихъ чиновъ, или легко дававшимся приобрѣтеніемъ русскаго золота, усердно занялся тѣмъ или другимъ, и завѣщаль ту же систему дѣйствій легионамъ потомства своего, богъ-знаетъ до котораго колѣна. Наконецъ, на Руси долго не переводился особый родъ заморскихъ выходцевъ, существовавшей—а можетъ быть и существующей—едва-ли не вездѣ и всюду. Это—люди, называемые обыкновенно авантюристами. Откуда берутся они и куда дѣваются—остаётся, по большей части, неизвѣстнымъ. Являясь всегда, какъ будто экспромтомъ, они мелькаютъ какими-то метеорами, возносятся иногда на замѣчательную высоту, но рѣдко оканчиваютъ на ней свое поприще, а чаще—исчезаютъ безслѣдно. День ихъ—вѣкъ ихъ. Такими людьми кишили русскія придворныя общества XVIII вѣка. Въ петровскую Россію авантюристы привлекались зовомъ монарха, или его повѣренныхъ; въ екатерининскую—заманивались вѣрнымъ расчётомъ пощечиться отъ щедротъ государыни; въ павловскую—выталкивались французскою революціею съ разномѣстными ея отгромами. Къ которой бы изъ этихъ эпохъ ни принадлежали подобные господа, они, обыкновенно, или вертѣлись въ одномъ Петербургѣ, или проникли въ отдаленнѣйшіе края русскаго царства. Гонимая, въ обоихъ случаяхъ, преимущественно за одну и тую же денежную выгодою, они не забывали и славы, которую, такъ-сказать, подхватывали налету. Ни Россія въ нимъ, ни они къ Россіи не имѣли никакихъ серьёзныхъ отношеній, иногда почти не знавали другъ друга. Но это отнюдь не мѣшало господамъ авантюристамъ приобрѣтать въ той же Россіи почетныя званія, прекрасныя состоянія и даже, совершенно случайно, попадать на страницы ея исторіи.

Одному изъ такихъ прошлецовъ посчастливилось, быть главнымъ двигателемъ государственнаго переворота въ Россіи, окончившагося благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Само собою разумѣется, что Іоанъ-Германъ Лестоуъ, на долю котораго выпала такая неожиданная роль, неожиданно сдѣлался лицомъ весьма историческимъ. Последнее, впрочемъ, зависѣло и отъ того, что въ первые три года царствованія Елисаветы, Лестоуъ заправлялъ важнѣйшими государственными дѣлами, пользовался огромнымъ значеніемъ и, вообще, «задняя забывая, простирался впередъ».

Его-то жизнь, полную превратностей, намѣрены мы очеркнуть въ этой статьѣ и представить какъ любопытный образчикъ судьбы нѣкоторыхъ дѣателей фантазмагорическаго XVIII вѣка русской исторіи.

Предки Лестока, сдѣланнаго графомъ впоследствии, принадлежали къ старинному французскому дворянству, были извѣстны въ Шампани подъ именемъ *l'Estocq d'Helvétique* и долгое время не безъ почета служили своимъ королямъ. Принявъ реформацію, Лестоки, вмѣстѣ со всѣми адептами новаго ученія, подверглись разнымъ невгодамъ. Нантскій эдиктъ Генриха IV (1598) временно успокоилъ религиозныя волненія, по крайней-мѣрѣ, во Франціи. Но неблагоразумная отмѣна Лудовикомъ XIV благоразумнаго узаконенія Генриха IV, послѣдовавшая въ 1685 году, лишила Францію множества полезныхъ гражданъ. Тогда и Лестоки, энтузіастически преданные реформаціи, принуждены были покинуть родину. Члены этой фамиліи очутились въ Голандіи, проникли въ Англію, разбрелись по всей Европѣ. Отецъ нашего Лестока, тогда еще несуществовавшего, пришелъ въ Люнебургское владѣніе, поселился въ городѣ Целле (Zell, Zelle, Celle), въ 35 верстахъ отъ Ганновера, и вступилъ въ службу мѣстнаго герцога Георга-Вильгельма, по однимъ извѣстіямъ — лейб-хирургомъ ¹, по другимъ — цирюльникомъ ². Былъ ли Лестоуъ-отецъ женатъ еще во Франціи, вступилъ ли онъ въ бракъ по переселеніи своемъ въ Целле, и кто была жена его — неизвѣстно. Но здѣсь же въ Целле, ^{20/29} апрѣля 1692 года, у лейб-хирурга-цирюльнива родился второй сынъ, Іоганъ-Германъ, герой нашего разсказа.

Средній между двумя братьями, Іоганомъ-Павломъ и Лудвикомъ, Іоганъ-Германъ Лестоуъ съ дѣтскаго возраста отличался замѣчательнымъ развитіемъ умственныхъ способностей, оказывалъ особенную склонность къ хирургіи, и усѣшно занимался ею подъ личнымъ руководствомъ своего отца. Въ то же время блестящія герцогскія охоты, производившіяся иногда въ окрестностяхъ Целле, и лагерь, тысячъ на шесть войска располагавшійся подъ самымъ городомъ, разнообразно дѣйствовали на воображеніе мальчика, и безъ того пылкое, заманивая Іогана-Германа то прелестію дворянской жизни, то жаждою воинской славы. Вслѣдствіе того и другаго, духъ предприимчивости, вообще свойственный народу,

¹ *Russische Günstlinge*. Helbig, Tübingen. 1809, S. 184—205.

² *Dictionnaire universel d'Histoire et de Géographie*, par M. N. Bouillet. Paris. 1857. P. 1035.

въ которомъ по крови принадлежалъ Лестоку, рано развился въ Іоганъ-Германъ; и городокъ Целле, съ его тремя предмѣстьями, нѣсколькими фабриками и крѣпкимъ герцогскимъ замкомъ, оказался тѣснымъ для дѣятельности будущаго графа, теперь еще безвѣстнаго юноши. Первый опытъ этой дѣятельности былъ, однакоже, не совсѣмъ удаченъ: бросившись въ Парижъ—средоточіе, тогда какъ и теперь, образованія и вкуса, молодой Лестоку попалъ прямо въ шателетскую тюрьму¹. Дѣло въ томъ, что правительство Лудовика XIV, въ отмщеніе англичанамъ, схватившимъ одного французскаго сановника, принятаго за дофина, задерживало тогда всѣхъ иностранцевъ. Цѣлый годъ длилась неволя новаго авантюриста, и только ходатайство у герцогини Орлеанской старшаго изъ его братьевъ, офицера французской службы, возвратило свободу Іогану-Герману, на поруки того же брата. Выбравшись изъ тюрьмы, Іоганъ-Германъ незамедлительно опредѣлялся лекаремъ въ ту же французскую армію. Военная жизнь, не часто соединенная со всѣми желаемыми удобствами, и постоянное обращеніе въ кругу французской молодѣжи, тогда шегольской но глубоко безнравственной, быстро развивали въ умномъ бѣднякѣ-лекарѣ практичность, рѣдко останавливающуюся на выборѣ средствъ къ достиженію задуманныхъ цѣлей, и приучили пылаго молодого человѣка къ необузданному, хотя и полированному разврату. Повѣствуютъ, напримѣръ, что въ одномъ изъ походовъ на Рейнъ, Іоганъ-Германъ и братъ его, офицеръ, отправясь мародеровать, встрѣтили матроса съ женою и груднымъ ребѣнкомъ, несшихъ шесть маленькихъ хлѣбцевъ, все достояніе этой семьи бѣдняковъ. Проголодавшіеся братья завидѣли добычу, и Іоганъ-Германъ тотчасъ овладѣлъ ею. Тщетно бросилась къ ногамъ похитителя несчастная женщина, умоляя оставить ей, ради ребѣнка, хоть одинъ хлѣбецъ²—лекаръ былъ и остался равнодушенъ къ слезамъ матери. «За то—продолжаетъ повѣствователь—Лестоку никогда не оставался равнодушнымъ къ женской красотѣ; разставлялъ ей сѣти при каждомъ удобномъ случаѣ и, уловляя, по преимуществу, невинность, пользовался своими побѣдами безъ всякаго зазрѣнія совѣсти».

И то и другое, подтверждаемое разными источниками, совершенно согласно съ мнѣніемъ, которое, гораздо позже, высказала о графѣ Лестоку императрица Екатерина II, умѣвшая понимать людей. Вотъ собственныя ея слова: «Lestocq ne manquait ni

¹ Anecdotes interessantes de Russie, tirées de ses archives. Publiées par un voyageur, qui a séjourné treize ans en Russie. Londres. 1792.

² Тамъ же.

d'esprit, ni de manières, ni d'intrigues, mais il était méchant et d'un coeur noir et mauvais».

Но долголѣтнее царствованіе Лудовика XIV, близившееся къ исходу, давно уже утратило свой блескъ, нѣкогда ослѣпительный; самъ король, отдавшись вліянію знаменитой г-жи Ментенонъ и кучи монаховъ, ветшалъ и разрушался, въ силу чего и на всей Франціи лежалъ отпечатокъ какого-то ханжества и принужденія, несродныхъ энергической душѣ Лестока. А между тѣмъ, на противоположномъ концѣ Европы, творились чудеса. Тамъ, въ варварской Россіи, нещадно сокрушалась вѣковѣчная старина, уединившая русскихъ отъ остальныхъ европейцевъ; тамъ, изъ обломковъ этой старины, повсюду возникали новыя силы, доселѣ невѣдомыя Европѣ; тамъ, съ невѣроятнымъ успѣхомъ, кипѣла гигантская работа обновленія цѣлаго государства. Такой необычный фактъ, конечно, останавливалъ на себѣ вниманіе всѣхъ мыслящихъ современниковъ и непременно долженъ былъ поселить въ Европѣ невольное сочувствіе къ Петру, творцу и герою чудесъ, совершавшихся въ Россіи и съ Россією. Къ тому же, имя Петра, съ самаго дня полтавской побѣды, громко раздавалось во всемъ мірѣ, было извѣстно каждому европейцу и влекло многихъ изъ нихъ въ снѣга искони непривѣтной Россіи, въ болота новорождавшагося Петербурга. Все это не могло не долетѣть до ушей Лестока, а самъ онъ, какъ человекъ по преимуществу предприимчивый, не могъ не чувствовать влеченія къ Петру, богато одаренному тѣмъ же самымъ свойствомъ. Разказы другихъ, выгодно побывавшихъ въ Россіи или раздѣлявшихъ, по наслышкѣ, восторгъ къ русскому преобразователю, болѣе и болѣе плѣняли Лестока. Ему захотѣлось въ Россію, его тянуло попытать счастья въ странѣ, становившейся баснословною. Съ другой стороны, порядочное образованіе и спеціальныя свѣдѣнія, приобретенныя Лестокомъ въ хирургіи, не были рѣдкостью во Франціи, тогда какъ Россія весьма нуждалась въ подобныхъ людяхъ и, гдѣ 15—16 тому назадъ, выписала, чрезъ нѣкоего *Гордзенса*, 25 лекарей изъ Гамбурга, и посредствомъ Крюйса пригласила еще 50 изъ Амстердама *. Въ Россіи, слѣдовательно, познанія Лестока могли быть оценены гораздо выше и служба вознаграждена несравненно щедрѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. Наконецъ, при обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась тогда Франція, протестанту трудно было составить себѣ карьеру; а ограничить свои виды поприщемъ полковаго лекаря, и только, Лестока не могъ, какъ истинный авантю-

* Исторія медицины въ Россіи, Вильгельма Рихтера. Москва. 1820. Ч. II, стр. 336 и 340.

ристъ. Жребій былъ брошенъ, французскій полковой лекарь спасся, конечно, съ Шумахеромъ, тогда секретаремъ русской аптекарской канцеляріи по иностраннымъ дѣламъ, а впоследствии известнымъ бібліотекаремъ с.-петербургской академіи наукъ, и въ 1713 году, когда Гельсингфорсъ, Борго и Тавастгустъ одинъ за другимъ сдавались Петру въ Финляндіи, а Меншиковъ бралъ Тоннингенъ въ Голштиніи и Штетинъ въ Помераніи ¹, Юганъ-Германъ Лестоукъ явился въ Петербургъ.

Внѣшній видъ резиденціи Петра, «обильной — по выраженію тогдашнихъ москвичей — только слезами и болотами» ², былъ, дѣйствительно, не слишкомъ казистъ и едва-ли могъ ослѣпить челоуѣка, только что оторвавшася отъ созерцанія парижскихъ дворцовъ и версальскихъ фонтановъ. Группа болотистыхъ острововъ, кое-гдѣ изрытыхъ неоконченными каналами и усѣянныхъ слишкомъ тридцатью тысячами мазанокъ ³, между которыми мелькалъ десятокъ неуклюжихъ каменныхъ домовъ, возвышались земляные валы крѣпости и адмиралтейства, да торчали двѣ-три деревянные колоколенки — вотъ все, что на первый разъ увидѣлъ Лестоукъ на пресловутыхъ берегахъ Невы. Впрочемъ, въ самый годъ его прибытія, въ томъ же Петербургѣ, тогда некрасивомъ, освящалась уже первая церковь великолѣпной теперь александровской лавры; отпечатывалась первая книга, именно: «Марсова»; былъ принимаемъ персидскій посолъ, снабдившій новую резиденцію львами, тиграми и слонами — подарками шаха; имѣлись даже убѣжища общественнаго воспитанія ⁴.

Представленный государю, весь этотъ годъ безпрерывно уѣзжавшему изъ столицы, и снова туда возвращавшемуся, молодой Лестоукъ, имѣвшій при посредственномъ ростѣ чрезвычайно пріятную фizioномію и свободно объяснявшійся на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ ⁵, съ разу понравился его величеству и былъ опредѣленъ хирургомъ къ высочайшему двору.

¹ Сраженіе у Тоннингена тогда же вырѣзано на мѣдномъ кругѣ, съ надписью: *Марсъ у Тоннинга удивился мужеству Петроу. 1713.* Точно такъ же увѣковѣчено и взятіе Штетина, съ надписью: *Не стерпя силъ Петровы Штетинъ покорился. 1713.* Оба мѣдные круга хранятся въ кабинетѣ Петра-Великаго. См. Кабинетъ Петра-Великаго. Спб. 1844, стр. 12.

² Паворама С.-Петербурга, А. Башуцкаго. Спб. 1834. Ч. I, стр. 121.

³ По перепискѣ, сдѣланной въ 1714 году всѣмъ домамъ нвой столицы, ихъ оказалось 84,560. Тамъ же, стр. 118.

⁴ Именнымъ указомъ 26-го декабря 1715 г., велѣно: «Взять изъ школы адмирала Апраксина такихъ дѣтей, которыя географію и геометрію выучили, и послать во всякую губернію по два челоуѣка для науки молодыхъ ребятъ изъ всякихъ чиновъ и людей».

⁵ *Die Heutige Historie oder der gegenwärtige Staat von Russland, nach dem Englischen und Holländischen des Hrn. Salmon und Hrn. van Goth ins*

Такое назначеніе, необходимшееся, какъ уже водилось тогда, безъ нѣкотораго экзамена или, по крайней-мѣрѣ, уважительныхъ аттестацій, тѣмъ выгодноѣ рекомендуетъ познанія Лестока, что одновременно съ нимъ прибыли въ Россію шесть хирурговъ, названные постельничимъ Солтыковымъ въ Лондонѣ, изъ которыхъ, однакоже, ни одинъ не попалъ ко двору. Имѣя около себя такихъ специалистовъ, какъ Арескинъ (по чтенію г. Чистовича, Эрескинъ) ¹, Блументростъ, Гови и другіе, отъ которыхъ едва-ли могло укрыться невѣжество, придѣтое шарлатанствомъ, Петръ и самъ претендовалъ на основательныя свѣдѣнія въ хирургіи. Известно, что онъ съ любовію занимался этой наукою, часто присутствовалъ при трупорезаніяхъ, лично производилъ операціи, и смѣлостію одной изъ нихъ, въ 1723 году, удивилъ даже врачей ², всегда носилъ въ карманѣ хирургическую готовальню (въ которой имѣлись два ланцета, кровопускательный шнеперъ, анатомическій ножикъ, пеллганъ, клещи для вырванія зубовъ, лопатка, ножницы и катедеръ), и не отказывался отъ случаевъ собственноручно бросать кровь или вырывать зубы. Цѣлый мѣшокъ такихъ зубовъ, до сихъ поръ сохраняется въ кунсткамерѣ, вмѣстѣ съ походною аптекою или лекарнею Петра ³.

Итакъ Іоганъ-Германъ Лестокоъ сдѣлался русскимъ придворнымъ хирургомъ, на условіяхъ, свѣдѣній о которыхъ не сохранилось. По штатнымъ вѣдомостямъ 1723 года, то-есть десять лѣтъ спустя по прибытіи Лестока въ Россію, мы видимъ, что хирургу полагалось 180 руб. въ годъ ⁴. Если же вѣрить Штеллну, записавшему свое свидѣтельство со словъ графа Ив. Григ. Чернышева, то Петръ, принимая въ службу свою иностранцевъ, назначалъ имъ жалованье «не только по ихъ способности и ожидаемой отъ нихъ пользѣ, но также и по свойству ихъ націи и обыкновеннаго образа жизни. Французу — говорилъ государь — *всегда можно давать больше жалованья; онъ весельчакъ (bon vivant) и*

Deutsche übersetzt von *Elias Kaspar Reihard*. Altona und Leipzig. 1752. S. 397.

¹ См. статью: «Госпитальный споръ въ 1757 году», помѣщенную въ отдѣлѣ Сибѣ июньской книжки журнала «Русское Слово». 1859 г., стр. 18.

² Тогда государь собственноручно выпустилъ около 20-ти фунтовъ воды у голландской купчихи Борсте, и больная чрезъ нѣсколько дней умерла. Императрица шути говорила, что за такую операцію императора слѣдовало бы сдѣлать докторомъ. «Нѣтъ, не докторомъ, а хирургомъ—пожалуй», отвѣчалъ императоръ. См. Дневникъ камер-юнкера Берхгольца, перев. съ нѣм. И. Аммона. 1860. Ч. III, стр. 85.

³ См. Кабинетъ Петра-Великаго, изд. Осипа Бѣльева. Спб. 1800 г. Отд. I, стр. 201.

⁴ Ист. медиц. въ Россіи. Ч. III, стр. 88.

все, что получает, проживаетъ здѣсь. Нѣмцу также должно давать не менѣе, ибо онъ любить хорошо поѣсть и попить и у него мало изъ заслуженнаго останется. Англичанину надобно давать еще болѣе; онъ любить хорошо жить, хотя бы долженъ былъ и изъ собственнаго имѣнія прибавлять къ жалованью. Но голландцамъ должно давать менѣе; ибо они едва досыта наѣдаются, для того, чтобы собрать больше денегъ; а итальянцамъ еще менѣе, потому что они обыкновенно бываютъ умѣренны и у нихъ всегда остаются деньги»¹. Въ чемъ именно состояло большее жалованье французу — и, слѣдовательно, Лестоку — мы не знаемъ.

Медицинскую часть въ Россіи Лестоку нашелъ состоявшемъ въ вѣдѣніи аптекарской канцеляріи², за годъ до его прибытія на половину переведенной изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ, съ того времени, сосредоточилось русское медицинское управленіе. На расходы по этому управленію, казна ассигновывала ежегодно по пятидесяти тысячъ рублей, изъ которыхъ, въ годъ прибытія Лестока, выплачивалось жалованье десяти докторамъ медицины, нѣсколькимъ десяткамъ лекарей и хирурговъ и, вромъ того, содержались: знатный госпиталь въ Москвѣ, до десяти казенныхъ аптекъ въ разныхъ городахъ Россіи (вѣдавшихся, однакожь, не въ аптекарской канцеляріи, а въ посольскомъ приказѣ), и аптекарскій садъ въ Москвѣ, съ такимъ же огородомъ въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ³. Прибавимъ, что между аптеками — московская у Красныхъ Воротъ, щеголяла фарфоровыми сосудами съ финифтяными гербами Россіи, изобиловала врачебными запасами, требовала ежедневно по сорока человѣкъ рабочихъ, стояла ежегодно до двадцати тысячъ рублей и была едва-ли не лучшею во всей Европѣ⁴.

Что касается личнаго состава тогдашняго медицинскаго сословія въ Россіи, оно почти исключительно ограничивалось иноземцами, между которыми, вѣроятно, по преданіямъ глубокой старины, насчитывалось нѣсколько грековъ. Первенствующими лицами этого сословія были: шотландецъ Робертусъ Карловичъ *Арескинъ*, мужъ ученый и человѣкъ «благоразумный, обходительный, прамодушный, благовоспитанный»⁵, чрезвычайно уважае-

¹ Подлинныя анекдоты о Петрѣ-Великомъ, собранныя Яковомъ Штелинымъ. Москва. 1829. Ч. I, стр. 75.

² Образована, въ 1707 году, изъ древняго аптекарскаго приказа.

³ Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, Гавр. Усиенскаго. Харьковъ. 1818, стр. 541.

⁴ Ист. медіц. въ Россіи. Ч. III, стр. 48.

⁵ Тамъ же, стр. 121.

ный государемъ, при особѣ котораго находился лейб-медикомъ; Георгій *Паликала* — итальянскій грекъ, лейб-медикъ государыни; Юганъ-Деодать *Блумстротъ*, третій сынъ врача царя Алексѣя Михайловича, знаменитаго Лаврентія, обрусѣлый нѣмецъ и москвичъ по рожденію, лейб-медикъ наслѣдника престола, и Николай *Видлоо*, родомъ голландецъ, носившій званіе лейб-медика и управлявшій московскимъ госпиталемъ. Къ нимъ же слѣдуетъ причислить голландца *Шобера*, прибывшаго въ Россію въ одинъ годъ съ Лестокомъ и опредѣленнаго лейб-медикомъ къ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ; лейб-хирурга Жана *Гови*, тоже голландца, пользовавшагося особымъ благоволеніемъ государя и неотлучно находившагося при особѣ его величества; наконецъ, грека *Димаси*, главнаго врача адмиралтейства—учрежденія, особенно занимавшаго тогда вниманіе государя. Лестоку приходилось становиться въ прямыя служебныя отношенія со всѣми этими лицами и, стало быть, надлежало стараться о расположеніи къ себѣ каждаго изъ нихъ, въ чемъ, благодаря умѣнію своему вѣрадиваться въ сердца людей и обворожать каждаго скромнымъ, пріятнымъ обращеніемъ³, Лестоукъ не преминулъ успѣть очень скоро. Но сближенія съ одною медицинскою іерархіею не было достаточно Лестоку: онъ считалъ необходимымъ попасть въ милость къ лицамъ, игравшимъ тогда болѣе или менѣе роль. Изъ нихъ, въ самый годъ прибытія своего въ Петербургъ, Лестоукъ нашелъ на лицо немногихъ, а именно: угрюмаго и важнаго канцлера *Головкина*, предсѣдательствовавшаго въ комисіи объ изслѣдованіи и искорененіи злоупотребленій по казеннымъ подрядамъ; графа Ивана Алексѣевича *Мусина-Пушкина*, перваго сенатора и человека съ большимъ вѣсомъ; князя Якова Θεодоровича *Долморукаю*, тоже сенатора, извѣстнаго правдолюбца, слывшаго между сослуживцами *умникомъ* и пользовавшагося тогда большою популярностію; наконецъ, Павла Ивановича *Яужинскаго*, царскаго генерал-адъютанта и камергера — лица, уже въ то время весьма вліятельнаго. Можетъ быть, Лестоку удавалось тогда же поглядѣть и на князя-кесаря, Θεодора Юрьевича *Ромодановскаго*, временами наѣзжавшаго въ Петербургъ и всегда окружаемаго почестями, которыя могло изобрѣсти и узаконить только гениально-игривою воображеніемъ Петра. Другія знаменитости на ту пору отсутствовали: князь *Меншиковъ*, звѣзда первой величины тогдашней аристократіи, побѣдоносно подризался въ Голштиніи; фельдмаршалъ *Шереметевъ*, чрезвычайно уважаемый и любимый Петромъ, предводитель войсками въ Польшѣ, Помераніи и Мекленбургіи; адмиралъ

³ Reihard, 397.

Апраксинъ, любимецъ Петра, поражалъ шведовъ на морѣ; генерал-поручикъ князь *Голицынъ*, вполсѣдствіи фельдмаршалъ, добывалъ Петру Финляндію съ суши; *Толстой*, еще не графъ, и *Шафировъ*, уже вице-канцлеръ, оба сановники значительные, томились въ неволѣ константинопольскаго семибашеннаго замка; *Репнинъ*, *Брюсъ* и другой *Доморукій*, вполсѣдствіи фельдмаршала, служили генералами подъ командою Шереметева или Меншикова. Не было тогда въ Петербургѣ и другихъ личностей, еще недостигшихъ знаменитости, но уже начинавшихъ свои карьеры, вполсѣдствіи блестящія. Такъ, *Остерманъ*, въ званіи тайнаго секретаря, договаривался въ Берлинѣ съ прусскими министрами; Андрей Ивановичъ *Ушаковъ*, только капитанъ гвардіи, розыскивалъ въ Москвѣ злоупотребленія купечества; Григорій Петровичъ *Чернышевъ* комендантствовалъ въ новозавоеванномъ Выборгѣ; *Феофанъ Прокоповичъ* игуменствовалъ въ Кіевѣ. Всю эту плеяду ревностныхъ слугъ Петра, Лестоку узналъ поголовно, каждого въ свое время, не обходя и *Румянцова* съ *Девіеромъ*, вполсѣдствіи графовъ, а тогда гвардейскихъ офицеровъ, уже отличаемыхъ Петромъ. Наконецъ, Лестоку, какъ чиновникъ, причисленный ко двору, полагалъ существенно полезнымъ для себя затѣять и закрѣпить связи собственно съ придворнымъ людомъ, отъ гофмаршала *Шенелева* и кабинет-секретаря *Макарова* до камердинера *Полубоярова* ¹, и умнаго шута *Балакирева* влѣчательно.

Въ этой другой плеядѣ второстепенныхъ знаменитостей, скорѣе прочихъ могли сойтись съ Лестокомъ царскіе денщики ² — люди, какъ и онъ, молодые, энергическіе, пользовавшіеся особенною довѣренностію Петра и имѣвшіе возможность, при случаѣ, весьма годиться своему новому знакомцу. Само собою разумѣется, что прекрасная половина петербургскаго двора, богатая такими красавицами, какъ сестры Монсъ, фрейлина Гамильтонъ и другія, съ хорошенными прислужницами въ родѣ Анны Крамеръ,

¹ Объ этомъ Полубояровѣ записано Нартовымъ слѣдующее извѣстіе: развратная жена камердинера нерѣдко отказывала мужу въ исполненіи супружескихъ обязанностей. Мужъ, выведенный изъ терпѣнія, задумалъ наказать жену — и доложилъ государю, что она страдаетъ болью зуба, а вырвать не позволяетъ, боится. Петръ взялъ клещи, отправился къ камердинеру и, недолго разговаривая, выхватилъ у камердинерши совершенно здоровый зубъ. См. достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра-Великаго въ № 7 «Москвитинна» за 1842 годъ.

² Извѣстнѣйшіе изъ нихъ, при Лестоку и позже, были: Аванасій и Алексѣй Татищевы, Ив. Мих. Орловъ, Мурзинъ, Поспѣловъ, Алекс. Борис. Бутурлинъ, Андрей Конст. Нартовъ, Древнинъ, Василій Нелюбохтово, Шемякинъ и Чеботавъ. См. «Русская старина», А. Корниловича. Спб. 1825, стр. 29 и 30.

тотчасъ же обратили на себя услужливое вниманіе любезнаго и вмѣстѣ женолюбиваго француза.

Вглядѣвшись нѣсколько въ новое положеніе свое, Лестоуъ очень скоро сообразилъ, что его, какъ ученаго иноземца, ждеть при дворѣ несомнѣнный успѣхъ, а слѣдовательно и вѣрная пожива. Петръ жаловалъ и ласкалъ иностранцевъ, а русскіе придворные не могли не чувствовать нравственнаго превосходства ихъ надъ собою; до остальныхъ русскихъ Лестоуку не могло быть никакого дѣла. Къ тому же и самая специальность службы его, какъ хирурга, заранѣе общала ему и расположеніе, и уваженіе людей, которымъ случилось бы воспользоваться его помощію. А это съ самаго начала, и само собою поставило его въ хорошія отношенія со всѣми и въ близкія со многими. Послѣднему много помогали веселый нравъ и пріятный умъ Лестова, отворявшіе ему двери къ сановитымъ лицамъ тогдашняго двора и дѣлавшіе его зачастую весьма нелишнимъ членомъ застольныхъ бесѣдъ, которымъ посвящались въ то время почти всѣ неслужебныя часы господъ придворныхъ. Эти господа, нестолько многочисленныя и блестящія въ петрово время, какъ теперь, мало знакомы тогда съ заманчивостію современныхъ именованій: камергеръ, камерюнкеръ—и неждившіе, по нынѣшнему, въ каретахъ (которыхъ, въ ту пору, во всемъ Петербургѣ было не больше 4—5)¹, роскошествовали по своему на нѣсколько сотъ рублей годоваго содержанія: козыряли въ марьяжъ, ломберъ, ламушъ и голландскій гравіасъ, не смѣя по царскому указу и подѣ страхомъ суда—проигрывать болѣе рубля; забавлялись, на досугѣ, враньемъ шутовъ и вознею карловъ; восхищались звуками люти и бандуры и музыкою любимыхъ царемъ трубъ и волынокъ; главное же—усердно потягивали венгерское, бургонское, понтагъ, рейнвейнъ, шампанское, доказывая, въ этомъ случаѣ, справедливость изреченія равноапостольнаго князя Владиміра, что «Руси есть веселіе пити»². Въ иноземцахъ, безъ которыхъ Лестоуку, какъ европейцу, могло бы показаться скучнымъ русское новоселье, не было въ Петербургѣ недостатка. Не считая дипломатическихъ миссій, уже постоянно пребывавшихъ при дворѣ Петра, всѣ слои тогдашняго населенія новой столицы обиловали иноземцами, тогда, разумѣется, болѣе полезными, нежели теперь. Да и сами русскіе быстро перенимали чужое: «угождаая преобразователю нашему,

¹ Штелинъ. I, стр. 207.

² Доводъ, представленный, какъ извѣстно, Владиміромъ I Ярославичемъ мусулманскому мисіонеру, старавшемуся склонить русскаго князя къ принатію исламизма.

молодые люди старались пролагать себѣ дорогу къ почестямъ посредствомъ переменъ одежды, самаго образа мыслей и жизни. Слѣпое подражаніе иностранцамъ ручалось за успѣхъ будущій» ¹. И родной языкъ свой, Лестоку, по всей вѣроятности, нашелъ уже достаточно распространеннымъ при русскомъ дворѣ. Еще въ «Наказѣ, какимъ образомъ поступать при ученіи государя царевича Алексѣя Петровича», выданномъ въ 1703-мъ году, французскій языкъ играетъ важную роль въ преподаваніи, какъ «паче всѣхъ иныхъ языковъ легчайшій и потребнѣйшій» ²; и «Наказъ» предписываетъ: «и внѣ ученія никако иначе, кромѣ французскаго языка говорить, и чтобы нѣкоторыхъ служителей ко двору его высочества присовокупить ³, которые французскаго языка искусны, и съ которыми бы его высочество обучаться могъ, ибо языкъ не чрезъ что иное лучше, какъ чрезъ повседневное обходительство, изученъ быти можетъ» ⁴. Наконецъ, еслибы даже Лестоку вздумалось иногда припомнить и увидѣть обряды роднаго своего богослуженія, то и за этимъ не могло стать дѣло: на обширномъ дворѣ вице-адмирала Крѣйса ⁵, вошедшемъ въ составъ зданія теперешняго зимняго дворца, была кирка, въ которую, по выкинутіи Крѣйсова бѣлаго флага съ голубымъ крестомъ, собирались на молитву петербургскіе реформаты, вмѣстѣ съ лютеранами ⁶.

При такой обстановкѣ, петербургская жизнь Югана-Германа пошла, какъ по маслу. И Петръ и Екатерина, за годъ до при-

¹ Словарь достопамятныхъ людей русской земли, Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. Спб. 1847. Ч. I, 567.

² Впрочемъ, позже Петръ переменилъ свое мнѣніе о первенствѣ французскаго языка, и говорилъ: «Голландскій языкъ нуженъ намъ на морѣ, нѣмецкій—на сухопутнѣ пути, а безъ французскаго *весьма обойтись можно*, поелнгу мы не имѣемъ многого важнаго до французскаго дѣла». См. Дѣянія Петра-Великаго. Соч. И. И. Голякова. Москва. 1838. Ч. VI, стр. 201.

³ Лучшими знатоками французскаго языка въ то время была: Ковновъ Никитичъ Зотовъ, Волковъ и Гарлицкій, которымъ обыкновенно поручались Петромъ переводы французскихъ бумагъ и даже книгъ.

⁴ Голикъ. III, 97—106.

⁵ Адмиралъ Корнелій Ивановичъ Крѣйсъ былъ одинъ изъ полезнѣйшихъ Россіи чужеземцевъ и приобрѣлъ почетное имя въ исторіи русскаго флота. Характеристика Крѣйса выясняется въ слѣдующемъ о немъ извѣстіи. Когда, вслѣдствіе неудачнаго морскаго дѣла между Гельсингфорсомъ и Ревелемъ, въ 1715 г., Крѣйсъ по суду былъ сосланъ въ Казань и, спустя 18 мѣсяцевъ, прощень и возвращень, то Петръ, узнавъ о приѣздѣ адмирала, лично посѣтилъ его, обнялъ и сказалъ: «Я на тебя богѣе не сержусь».—«*И я также пересталъ сердиться*», отвѣчалъ откровенный морякъ, не считавшій себя виноватымъ. Бантышъ-Каменскій. 1836. Ч. III, стр. 123.

⁶ Описаніе С.-Петербурга и Кроншлота въ 1710 и 1711 годахъ. Спб. 1860 г., стр. 28.

битія Лестова объявленная императрицею, весьма благоволила къ молодому хирургу, что не мѣшало послѣднему, за свой веселый нравъ, бывать иногда биты изъ державныхъ рукъ его царскаго величества ¹. Нерѣдко также доводилось Лестоку, въ числѣ весьма небольшой свиты, сопровождать государя въ той или другой изъ его непрерывныхъ поѣздокъ — морскихъ и сухопутныхъ. Веселый нравъ игриваго француза и въ этихъ случаяхъ бралъ свое, мало стѣсняясь близостию высочайшаго присутствія. Вотъ, что самъ Лестоукъ рассказывалъ Штелину. Однажды, когда онъ и нѣкоторые другія лица были съ государемъ на яхтѣ, задержанной на одномъ и томъ же мѣстѣ Финскаго Залива цѣлодневнымъ безвѣтріемъ, и его величество легъ, по обыкновенію, послѣ обѣда, отдыхать, въ каютѣ — Лестоукъ, инженеръ-капитанъ Люберасъ и двое другихъ офицеровъ, занятые на палубѣ игрою, до того разшумѣлись, что Петръ проснулся и, разсерженный, побѣжалъ съ канатомъ на палубу. Услышавъ это движеніе, игроки опомнились и мигомъ бросились въ разныя стороны. Не успѣлъ улизнуть одинъ царскій пажъ, арабченокъ, въ игрѣ неучаствовавшій и ни въ чемъ виноватый. Государь, отклеставши его канатомъ, возвратился въ каюту и тамъ опять заснулъ. Между тѣмъ, дѣйствительно виновные своа явились на палубу, и стали уговаривать пажа, чтобъ онъ не плакалъ, угрожалъ, въ противномъ случаѣ, побить его еще разъ. Но арабченокъ не слушалъ ихъ уговоромъ, и самъ грозилъ объявить государю виноватыхъ. Часъ спустя, отдохнувшій государь весело вышелъ на палубу и нашелъ шумную компанію тихо играющею въ карты, а своего пажа — горько плачущимъ. На царскіе разпросы мальчикъ отвѣчалъ жалобю, что побить онъ, а шумѣли и виноваты Лестоукъ и Люберасъ. Петръ обѣщаль арабченку зачестъ эти побои впредь, чѣмъ дѣло и кончилось ². Весьма вѣроятно, что Лестоукъ участвовалъ и въ той увеселительной поѣздкѣ къ Кронштадту, когда, 21-го мая 1714 года, государь и сановитые спутники его, захваченные бурей, подвергались серьёзной опасности, а узбекскій посолъ, съ нимъ бывшій, до того перетрусился, что, завернувшись въ шерстяное одѣяло, легъ на дно яхты, велѣлъ своему мullahъ читать стихи изъ корана и совсѣмъ приготовился къ смерти ³. Да и вообще придворная служба доставляла Лестоку случай не только видѣть воочию многія

¹ Anecd. interes.

² Баронъ Иоганъ-Лудвигъ Люберасъ, по другимъ — Любрасъ, строитель кронштадтскаго канала, умеръ въ апрѣлѣ 1752 г., генерал-аншефомъ и андреевскимъ кавалеромъ.

³ Штелинъ. I, стр. 197.

изъ интересныхъ событій, наполнявшихъ эпоху Петра, но даже бывать иногда участникомъ разнообразныхъ явленій, пестрившихъ петербургскую жизнь того времени. Эти событія и явленія тѣмъ болѣе должны были подстрекать любопытство молодого хирурга, что весьма нерѣдко оказывались не только совершенно новыми, но даже и вовсе немислимыми для такого, какъ онъ, европейца. То, на примѣръ, Лестоку, въ числѣ другихъ специалистовъ врачебнаго искусства, приглашался къ торжественной закладкѣ, въ высочайшемъ присутствіи, обширнаго госпиталя съ медицинскимъ училищемъ и анатомическимъ театромъ — на мѣстахъ, гдѣ, за десять лѣтъ до того, едва-едва ютилась какая-нибудь рыбацья хижина, тонущая въ непривѣтныхъ топяхъ. То видѣлъ онъ, какъ въ день солнечнаго затмѣнія, заранѣе объявленнаго народу, сенаторы, члены коллегій, всѣ чиновники и особенно духовенство спѣшили, по царскому указу, на царичинъ дугъ, тѣснились у хранимаго тутъ готторпскаго глобуса — прибывшаго въ Россію въ одинъ годъ съ Лестокомъ — и ждали государя, который, пріѣхавъ, дѣйствительно самъ подводилъ каждаго изъ присутствовавшихъ къ зрительной трубѣ, самъ объяснялъ каждому законы видимаго всѣми явленія и, занимаясь этимъ, пробылъ на царичиномъ дугу до самаго вечера ¹. Случалось, наконецъ, что отъ дворца до петропавловской крѣпости расчищали на Невѣ ледъ и, въ глазахъ Лестова, «боты и другія небольшія суда ставили на полозья или на коньки, и, натянувъ паруса, пускались по вѣтру въ такомъ же порядкѣ, какой наблюдался въ лѣтнихъ катаніяхъ. Адмиралтейская шлюпка показывала путь прочимъ судамъ: соображаясь съ ея движеніями, они лавировали и дѣлали разные маневры по льду — для того, *чтобы не забыть морскихъ эволюцій* — говаривалъ Петръ» ².

Но явленіемъ, смыслъ котораго, сравнительно со всѣми другими явленіями, мало постигался смелливымъ Лестокомъ, а вѣрнѣе и вовсе не постигался, было — зрѣлище, показанное Петромъ всему Петербургу 16-го января 1715 года.

Въ этотъ день, по сигналу изъ трехъ пушекъ съ крѣпости, цѣлыя вереницы саней показались изъ всѣхъ улицъ и закоулковъ столицы, и направились къ петербургской сторонѣ. Тамъ кавалеры высаживались у дома канцлера Головина, а дамы — у другого, принадлежавшаго князь-игуменѣ Ржевской. То были гости, всего чотыреста особъ, позванные, въ силу царскаго указа, «въжливо, особымъ штилемъ» на свадьбу восьмидесяти-чотырех-

¹ Рус. стар. Корниловича, 73.

² Тамъ же, стр. 74.

лѣтняго князя-папы Никиты Моисеевича Зотова съ старухою Анною Еремеевною Пашковою.

Въ часъ, назначенный для браковѣчанія, тысячи незваныхъ толпились на троицкой площади и окаймляли дорогу къ петропавловскому собору, гдѣ ожидалъ курьѣзную чету деваностолѣтній старецъ священникъ, нарочно выписанный изъ Москвы. Свадебная процессія двинулась. Впереди, весь въ золотъ, шелъ маршалъ свадьбы, тоже гость изъ Москвы, бояринъ князь Петръ Ивановичъ Прозоровскій. За нимъ выступалъ женихъ, наряженный кардиналомъ. Потомъ, въ санахъ, съ четырьмя медвѣдями на привязи—страшно ревѣвшими, оттого, что ихъ дразнили рогаatinaми—ѣхалъ, съ рылами на медвѣжьихъ перевязяхъ— князь-кесарь, Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодановскій, представлявшій царя Давида. Потомъ, съ такими же рылами, шли: фельдмаршалъ князь Меншиковъ, генерал-адмиралъ графъ Апраксинъ, генерал-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ, генералъ Вейде и польско-саксонскій посланникъ Фиццумъ— всѣ въ беретяхъ и черныхъ мантияхъ гамбургскихъ бургомистровъ, послѣдуемые самимъ царемъ и генералами: Бутурлинымъ и княземъ Трубецкимъ, съ корабельнымъ мастеромъ Скляевымъ, одѣтыми въ матросское платье и барабанившими весьма усердно, въ pendant почтенному боярину Тихону Никитичу Стрѣшневу, трубившему въ большой рогъ. Далѣе предъ изумленною толпою зрителей вытягивался безконечный рядъ китайцевъ—съ дудочками, венеціанъ—съ свирѣлями, скороходовъ—съ большими палками, римскихъ архіепископовъ—съ рогами, турокъ—съ тарелками, рудокоповъ—съ цитрами, нѣмецкихъ пастуховъ—съ флейтами, *асесоровъ—съ соловьями*, американцевъ—съ деревянными вилами, древнихъ лифландскихъ рыцарей—верхомъ, съ флейтами и дудками, докторовъ—въ красныхъ плащахъ съ книгами, матросовъ—съ трещотками, *съ охобняхъ съ тумбасами и набатами*, венгерцевъ—съ сковородами, поляковъ—съ скрипками, норвежскихъ крестьянъ—съ ворданами, балмыковъ—съ балалайками, въ шубахъ съ тазами, пасторовъ—съ гудками, витолововъ—съ копыями, шкиперовъ—съ охотничьими свистками, арманъ и японцевъ—съ флейтами, прусскихъ почтальоновъ—съ рожками, охотниковъ—съ рогами и проч. Были еще македонцы, бернардинскіе монахи, тунгусы, тиремарскіе мужики, турецкіе дровосѣки, *гондурасы (Honduras)*, рыболовы, люди въ *никойскомъ платьѣ*, въ *баурской одеждѣ*, въ *конарскомъ платьѣ*, въ короткихъ шубахъ, надѣтыхъ на выворотъ, одни—съ гобоями, другіе—съ трубами, колокольчиками, варганами, рогами, новгородскими трещотками, свирѣлями, пузырями, наполненными горохомъ, глиняными дудками, *гизисскими*

горшками, органными трубами, старинными сипилками, литаврами, волынками и проч.» Между ними, «посреди ассесоровъ и венеціанъ, державшихъ въ рукахъ урны, ѳхали: старшій и шесть младшихъ шаферовъ, безъ шуръ, для того, что отъ старости своей не могли ничего въ рукахъ держать.» Шествіе замыкали дамы: императрица и восемь особъ ея штата, одѣтыя фрисландскими крестьянками; вдовствующія царицы: Марѳа Матвѣевна, съ трудомъ согласившаяся участвовать въ маскарадѣ, Прасковья Ѳедоровна и царевна Наталья Алексѣевна, всѣ въ польскомъ, а царевны: Екатерина, Анна и Прасковья Іоанновны въ испанскомъ костюмахъ, а остальные придворныя красавицы, кто въ старинномъ нѣмецкомъ, кто въ венгерскомъ, кто въ новгородскомъ, кто въ китайскомъ нарядахъ, нынѣ въ шубахъ, лѣтникахъ, тѣлогрѣйкахъ. По окончаніи обряда, весь маскарадъ тѣмъ же порядкомъ отправился въ домъ новобрачнаго на нынѣшней гагаринской пристани, гдѣ, за свадебнымъ обѣдомъ, гостямъ разлили вино старики, отъ старости едва державшіеся на ногахъ ¹.

Такими и подобными случаями перемежалось пребываніе Лестока при петербургскомъ дворѣ, времяпровожденіе котораго, во дни Петра, не могло, вообще, назваться скучнымъ. Петръ любилъ ознаменовывать торжествами каждую изъ побѣдъ надъ шведами, тогда верѣдвихъ; любилъ весело справлять всѣ закладки и спуски кораблей, тогда непрерывные; неминуемо учинялъ различныя церемоніи по поводу рожденій или смерти членовъ царскаго семейства — случаевъ, тогда довольно частыхъ ². Кромѣ всего этого, въ Петербургѣ уже тогда существовали театральныя представленія, особенно покровительствуемая сестрою Петра, царевною Наталіею, великою охотницею до зрѣлищъ подобнаго рода. И, слѣдовательно, Лестокъ — неузнавшій извѣстнаго ему Мольерова «Лекаря» въ русскомъ искаженіи «Докторъ принужденный», и вовсе непонимавшій такихъ пьесъ, какъ «Порода Геркулесова, въ ней же первая персона Юпитеръ», или двѣнадцати-актныхъ произведеній самой царевны, наполнявшихъ по нѣсколько вечеровъ сряду — несомнѣнно посѣщаль, вмѣстѣ со всѣми придворными, спектакли нѣмецкой заѣзжей труппы, разыгрывавшей (на Литейной, въ домѣ Брюса) тупые фарсы изъ площадныхъ шутокъ

¹ Панор. Петерб. 141—144.

² При Лестоки, въ теченіе двухъ лѣтъ съ небольшимъ, умерла въ Петербургѣ царевна Наталья Петровна (1714), царица Марѳа Матвѣевна (1715), принцесса Софья-Шарлотта, супруга царевича Алексѣя (1715); родились: царевна Маргарита Петровна (1714 и умерла въ 1715), царевичи Петръ Петровичъ и Петръ Алексѣевичъ, впоследствии императоры Петръ II, оба въ 1715.

или сентиментальныя трагедіи, въ которыхъ всё герои умирали на сценѣ, а цари говорили языкомъ аркадскихъ пастушковъ¹.

Весь этотъ петербургскій обиходъ шель постоянно однимъ и тѣмъ же непрерывнымъ порядкомъ, не смущаясь ни наводненіями, свосившими, какъ, напримѣръ, въ 1715 году, всё петербургскіе мосты и деревянныя закрѣпы по берегамъ Невы², ни даже разладомъ царя съ царевичемъ, изъ которыхъ послѣдній получалъ уже отъ отца письма съ такимъ заключеніемъ: «или измѣни свой нравъ и нелицемѣрно удостой себя наслѣдникомъ, или будь монахъ, а буде того не учинишь, то я съ тобою, какъ съ злодѣемъ поступлю».

Наступилъ 1716 годъ, первый день котораго, по существовавшему тогда обыновенію, отпразднованъ фейерверкомъ на троицкой площади. Въ этомъ 1716 году, Петръ собрался проѣхать по нѣкоторымъ государствамъ Европы, устроить сдѣлки съ королями датскимъ и польскимъ касательно союзаго впаденія въ Швецію, «утвердить—какъ выражается Голиковъ—въ Германіи ногу свою»³; наконецъ выдержать лечебный курсъ на прмонтскихъ водахъ. Государю должна была сопутствовать и государыня, вмѣстѣ съ царевною Екатериною Іоанновною; нареченною невестою герцога мекленбургскаго. Въ путевую свиту ихъ величествъ, составленную изъ самыхъ приближенныхъ и необходимыхъ людей, каковы: канцлеръ Головкинъ, вице-канцлеръ Шафировъ, генерал-адъютантъ Ягужинскій, князь Василій Лукичъ Долгорукій, гофмаршалъ Шепелевъ, кабинет-министръ Макаровъ, лейб-медики: Арескинъ и Паликала, и другіе—попалъ и Лестоковъ, назначенный состоять хирургомъ при ея величествѣ. Отъ этого назначенія, доставлявшаго молодому человѣку случай быть ближе узнаннымъ государынею, зависѣла—что окажется впоследствии—и вся дальнѣйшая карьера Лестова, одно время блестящая.

Наконецъ все было готово въ высочайшему путешествію, маршрутъ котораго ограничивался пока Данцигомъ. Свиту государя ожидали на каждой станціи по 60 лошадей, свиту государыни по 150. Фуражъ послѣднимъ, по предписанію самой Екатерины, былъ еще съ декабря запасенъ, вплоть до Мемеля, распоряженіями рижскаго губернатора, князя Голицына. Самый отъѣздъ царской фамилии происходилъ одновременно. Сначала, именно 27-го ян-

¹ Рус. стар. Корниловича, 89—90. Статья «Мистеріи и старинный театръ въ Россіи» г. Пекарскаго, помѣщенная въ февральской и мартовской книжкахъ журнала «Современникъ» за 1857 годъ.

² Das veränderte Russland, von Weber. T. I, p. 469.

³ Голиковъ. VI, 417.

вара, выѣхалъ изъ Петербурга государь, повидавшись наканунѣ съ царевичемъ, больнымъ и лежавшимъ въ постели, а нѣсколько дней спустя, оставили столицу и государыня съ царевной Екатериной Иоанновной, сопровождаемая, между прочими, и Лестокомъ.

Трактъ, по которому слѣдовали августѣйшіе путешественники, лежалъ черезъ Нарву и Ригу—въ Либаву, гдѣ государь, ожидая супругу, занимался снаряженіемъ эскадры, предназначенной въ весеннему рейсу въ тотъ же Данцигъ. 14-го февраля ихъ величества отправились изъ Либавы далѣе. Въ Кѣнигсбергѣ, при перемѣнѣ лошадей, государю представился графъ Растрелли, только что приглашенный въ русскую службу и ѣхавшій изъ Парижа въ Петербургъ. Знаменитый художникъ, конечно, не воображалъ, что въ находившейся тутъ же особѣ придворнаго хирурга, тогда незначительной, таится будущая знаменитость своего рода, апогеюсъ которой и онъ, Растрелли, увидитъ, современемъ, собственными глазами. 18-го февраля ихъ величества прибыли въ Данцигу, но остановились въ мѣстечкѣ Гонц-Кругъ, на берегу Вислы, откуда уже на другой день переѣхали въ самый городъ, причемъ произошло анекдотическое приключеніе съ парикомъ городского бургомистра, напечатанное множество разъ¹.

Въ Данцигѣ, принадлежавшемъ тогда королевству польскому, царская фамилія помѣстилась въ главномъ городскомъ трактирѣ содержателя Ольберга², и оставалась здѣсь слишкомъ два мѣсяца. Въ теченіе этого времени, въ Данцигъ, одинъ за другимъ пріѣхали: женихъ царевны Екатерины Иоанновны, герцогъ мекленбургскій Карлъ-Леопольдъ, ненавидимый своими подданными; король польскій Августъ II, извѣстный Лукуллъ и Ловеласъ своего времени; наконецъ, цѣлыя депутаціи польскихъ конфедератовъ, искавшихъ примириться съ своимъ королемъ при посредствѣ русскаго царя, для чего и назначенъ тогда же особый съѣздъ въ польскомъ Ярославѣ. Всѣ эти гости не мѣшали, однако, Петру дописывать воинскій уставъ, при нихъ же оконченный въ Данцигѣ и отсюда отправленный въ Петербургъ. Что касается Лестока, вброшеннаго случайностью въ среду свѣлыхъ міра сего, онъ болѣе и болѣе втягивался въ придворную жизнь, наблюдалъ и изучалъ всѣ ея приемы, вникалъ, на сколько могъ, въ путаницу тогдашней европейской политики, присутствовалъ, 8-го апрѣля, въ царской походной церкви при совершеніи русскимъ архимандритомъ бракосочетанія царевны съ герцогомъ, по случаю че-

¹ Штелинъ. I, 46.

² Голяковъ. VI, 44.

го въ Данцигѣ «торжество было общее по всему городу, и отъ двора поставлены были на площади фонтаны съ виноградными винами, да бытъ превеликой жареной для раздачи народу, по российскому обыкновенію»¹; наконецъ, видывалъ не одинъ разъ опыты нечеловѣческой силы Августа II-го, свергивавшаго въ трубочку по двѣ серебряныя тарелки разомъ. Въ это же время Лестоуъ узналъ и часто встрѣчалъ фельдмаршала графа Шереметева, предводителя русской арміи, послѣ померанскаго похода виноватшей въ окрестностяхъ Данцига; познакомился съ княземъ Григоріемъ Оедоровичемъ Долгорукимъ, посломъ Петра при польскомъ дворѣ, однимъ изъ образованнѣйшимъ русскихъ людей той эпохи, и подружился съ Дмитріемъ Андреевичемъ Шекелевымъ, царскимъ гофмаршаломъ, человѣкомъ вообще не изъ бойкихъ, но весьма небезполезнымъ для всѣхъ придворныхъ, потому что въ вѣдѣніи его состояла походная царская каванка и всѣ путевые расходы двора. И такъ-какъ гофмаршалъ былъ страстнымъ охотникомъ и великимъ собачникомъ, то новыя друзья начали съ того, что общими силами выгнали у одного мѣстнаго магната не только цѣлую стаю борзыхъ, но и мальчишку, который велъ ее на сворахъ². Такой подвигъ дружбы основывался, можетъ быть, на тайной надеждѣ друзей остаться безнаказанными, потому что царь давно и серьезно сердился на данцигскій магистратъ, упорствовавшій въ неисполненіи нѣкоторыхъ условій, предложенныхъ городу его царскимъ величествомъ. Но обворованный магнатъ поклялся открыть похитителей, рачительно сберегавшихъ добычу въ царскомъ обозѣ и, какъ увидимъ, исполнилъ клятву.

Изъ Данцига, гдѣ кругъ собратій Лестоуа добавился поступленіемъ въ русскую службу извѣстнаго врача-путешественника Даниила-Готтлиба Мессершмита³, ихъ величества, чрезъ Штетинь, Шверинь и Альтону, поѣхали на родину Лестоуа, въ Ганноверъ. Во время этого переѣзда молодой хирургъ имѣлъ случай посмотреть вблизи на королей прусскаго и датскаго, назначавшихъ Петру свиданія въ Штетинѣ и Альтонѣ, а въ Гамбургѣ приобрѣлъ еще новаго товарища по службѣ, фон-дѣр-Недена, принятаго царемъ въ «надворные медикусы»⁴.

Въ Ганноверѣ, Лестоуъ нашелъ важную переимѣну: бывшій государь его, курфюрстъ ганноверскій, уже другой годъ царствовалъ въ Англіи, подъ именемъ Георга I-го, а въ курфюршескомъ замѣѣ

¹ Житіе Петра-Великаго, императора и самодержца всероссийскаго, отца отечества, Катиפורи, переводъ съ итальянскаго, Степана Писарева. Спб. 1772, стр. 342.

² Anecd. interes.

³ Ист. медіц. въ Россіи. III, 151.

⁴ Тамъ же, 156.

Гернгаузенъ Петра и Екатерину встрѣтилъ и принималъ вѣкъ его британскаго величества, окруженный тѣмъ самымъ дворомъ, который нѣкогда поражалъ Лестока величіемъ и блескомъ, а теперь тому же самому Лестоку казался не болѣе, какъ миниатюрою двора. Послѣ однодневнаго пребыванія въ Гернгаузенѣ, ихъ царскія величества пріѣхали 26-го мая на пирмонтскія воды и пользовались ими около трехъ недѣль. Здѣсь, по самой цѣли поѣздки, придворные медицинскіе чиновники должны были значить болѣе, нежели гдѣ нибудь, и Лестоку, безъ всякаго сомнѣнія, употреблялся по крайней мѣрѣ, какъ консультантъ Арескина и Палигалы, лейб-медиковъ его и ея величествъ. Легко можетъ быть, что именно здѣсь началась и привычка Екатерины къ Лестоку, обратившаяся потомъ въ видимое и неизмѣнимое благоволеніе.

Послѣ двадцати-дневнаго пребыванія на водахъ, законченнаго великолѣпнымъ обѣдомъ у графа Дермита, ихъ величества 15-го іюня выѣхали изъ Ганновера, а 19-го возвратились въ Шверинъ. Три дня спустя, государь уѣхалъ въ Ростокъ, а государыня осталась на нѣсколько дней въ Шверинѣ, гдѣ находилась и штаб-квартира фельдмаршала Шереметева, уже прибывшаго сюда съ своею арміею. Въ эти нѣсколько дней дружба Лестока съ Шенелевымъ укрѣпилась новымъ подвигомъ, въ родѣ стараго, данцигскаго: друзья, дѣйствуя опять заодно, счастливо украли лучшую собаку изъ охоты самого фельдмаршала. Но на этотъ разъ дѣло не обошлось безъ огласки, пассивнымъ виновникомъ которой былъ магнатъ, обворованный друзьями въ Данцигѣ и неустававшій слѣдовать по пятамъ арміи, въ надеждѣ открыть похитителей. Разузнавъ, наконецъ, кто именно были похитители, разогорченный полякъ немедленно явился прямо къ фельдмаршалу, и принесъ ему жалобу. Но на бѣду, попалъ вовсе не въ пору: фельдмаршалъ, только что получившій извѣстіе о собственной пропажѣ, былъ страшно разгнѣванъ, и, полагая, что проситель пришелъ поддразнивать его высокографское сіятельство, отколотилъ несчастнаго палками и выгналъ его вонъ. Узнавъ же, вслѣдъ затѣмъ, у кого находилась его любимая собака, и, вмѣстѣ удостовѣривъ въ истинѣ показаній невинно-пострадавшаго поляка, графъ Шереметевъ долженъ былъ въ свою очередь искать защиты и, за отсутствіемъ государя, обратился къ государынѣ съ жалобою на Лестока и Шенелева. Но такъ-какъ ея величество отвѣчала фельдмаршалу, что воровство собакъ не есть, собственно говоря, воровство и что она никогда не возьметъ на себя разбирательства въ такомъ дѣлѣ, то неизвѣстно, были ли удовлетворены и въ какой степени претензіи фельдмаршала и поляка на Лестока съ Шенелевымъ *.

* Anecd. interes.

Пошировавъ въ Ростовѣ у герцога мекленбургскаго, Лестоуъ сопровождалъ Екатерину въ Копенгагенъ, гдѣ въ самый день торжественнаго въѣзда ея величества, былъ приглашенъ вмѣстѣ съ другими къ королевскому столу. За обѣдомъ король пилъ за здоровье ихъ величествъ изъ массивной золотой стопы, украшенной фьнифтью и антиками, и поднесъ эту стопу въ подарокъ Екатеринѣ¹. Но, несмотря на такой любезный королевскій приемъ, несмотря на присутствіе въ томъ же Копенгагенѣ цѣлаго лѣса вымпеловъ англійскаго и голландскаго флотовъ, союзныхъ Россіи — видъ, который во всякое другое время могъ бы восхитить сердце царево—Петръ въ теченіе пребыванія своего въ Копенгагенѣ, былъ постоянно не въ духѣ, а потому и бытъ состоявшаго при немъ двора не отличался особенною веселостію. Государя выводила изъ терпѣнія подозрительная медлительность датчанъ въ исполненіи альтонскаго соглашенія высадиться въ Швецію, со стороны Шонія; и Лестоуу, наряду съ другими придворными, конечно, случалось бывать при взрывахъ негодованія Петра на Фридриха, и слушивать какъ безцеремонно клеймилъ царь короля именемъ «труса, на котораго ни въ чемъ положиться не можно»². Въ самой свитѣ царя ходили неутѣшительные слухи о намѣреніяхъ союзниковъ. То говорили, что датчане укрѣпляютъ Копенгагенъ противъ самаго Петра, подозрѣваемаго ими во враждебныхъ замыслахъ; то толковали, что англійскій адмиралъ получилъ уже отъ короля своего Георга I-го повелѣніе атаковать русскій флотъ, но уклонился отъ того подъ тѣмъ предлогомъ, что англійскій парламентъ, которому онъ, адмиралъ, считаетъ себя обязаннымъ повиноваться, не прислалъ еще ему подобнаго повелѣнія. Между тѣмъ, въ Зундѣ скопилось до ста купеческихъ кораблей разныхъ странъ, и ни одинъ изъ нихъ не рисковалъ пуститься въ Балтійское море, по которому тамъ и сямъ крейсировали шведскіе каперы, неуважавшіе никакихъ иноземныхъ флаговъ. Поэтому четыре союзные флота: русскій, датскій, англійскій и голландскій, согласились отъ нечего дѣлать проводить купеческіе корабли подъ своимъ прикрытіемъ въ море. Но адмиралы датскій—Гульденлеве и англійскій — Норрисъ долго не могли договориться о старшинствѣ, никакъ не хотѣли подчиниться одинъ другому и согласились, наконецъ, вручить главное начальство

¹ «Она (стопы) — говоритъ Банкейстеръ — съ крышкою, подпирается тремя дельфинами и раздѣлена лазурью. Цѣна сей стопы увеличивается наипаче тѣмъ, что въ округъ выкладена дорогими древними и новѣйшими каменными слазныхъ мастеровъ граненія». См. Опытъ о библиотекѣ и кабинетѣ, Югана Банкейстера, переводъ Вас. Костыгова. 1779, стр. 177.

² Голицыновъ. VI, 130

надъ всѣми флотами Петру, «яко самодержцу». При томъ душевномъ настроеніи, какое испытывалъ тогда Петръ, предложеніе союзныхъ флотоводцевъ угодило какъ нельзя болѣе его царскому величеству. Приведенный въ восторгъ сдѣланной ему честию ¹, въ самомъ дѣлѣ безпримѣрною въ исторіи, государь 5-го августа въ 11 часовъ утра, торжественно поднялъ свой штандартъ на грот-стенгѣ корабля Ингерманландъ и тотчасъ же былъ салютованъ пушечными выстрѣлами со всѣхъ флотовъ, численность которыхъ, вмѣстѣ съ торговыми, простиралась почти до двухсотъ кораблей, не считая множества русскихъ галеръ ². Налюбовавшись зрѣлищемъ такого чествованія, дѣйствительно великолѣпнымъ, государыня и дворъ ея присоединились къ флотамъ, которые того же 5-го августа, поведенъ государемъ къ острову Борнгольму. На другой день плаванія, Лестоукъ еще разъ насладился пальбою со всѣхъ кораблей, по случаю полученнаго извѣстія о побѣдѣ цесарцевъ надъ турками, а на третій, въ свитѣ государыни, возвратился за ея величествомъ въ Копенгагенъ. Сюда же, двѣ недѣли спустя, пріѣхалъ и государь. Борнгольмская экспедиція, удовлетворившая, можетъ быть, честолюбію Петра, не принесла союзникамъ никакой существенной пользы, ограничилась однимъ трехдневнымъ штурмомъ, но увѣковѣчилась медалью, однимъ экземпляромъ который получилъ и Лестоукъ, какъ чиновникъ царской свиты ³.

М. Д. Хмыровъ.

¹ «Въ то время объявилъ его величество самоустно, что никогда онъ такъ удовольствованъ ничѣмъ въ жизни своей не былъ, какъ симъ, что увидѣлъ себя главнымъ властителемъ среди самаго моря надъ такимъ великимъ флотомъ, составленнымъ изъ четырехъ благороднѣйшихъ народовъ». Житіе Петра-Великаго, стр. 347.

² Военныхъ кораблей: русскихъ—26, датскихъ—19, английскихъ—19, голландскихъ—25 и купеческихъ больше *ста*. Голиновъ. VI, 135

³ Эта медаль изображала: на одной сторонѣ царскій портретъ съ означеніемъ года, а на другой—Нептуна съ четырьмя флагами, въ колесницѣ, везомай двумя дельфинами, и съ надписями: вверху—*Владычествуетъ четыремя*, внизу—*при Борнгольмѣ*.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

ПОВѢСТЬ.

Посвящается ЕКАТЕРИНѢ НИКОЛАВНѢ ШУВИНСКОЙ.

Предзнаменованія.

Толпа разнокалибернаго народа высыпала у воротъ небольшо-го деревяннаго домишки губернскаго города Гнилозерска. На лицахъ было написано изумленіе, на нѣкоторыхъ страхъ, а на большей части—самая краснорѣчивая глупость. Всѣ смотрѣли въ одну сторону.

— Матушка, къ войнѣ, говорила высокая, худощавая и кривая женщина, въ засаленномъ капотишкѣ, который висѣлъ у нея на плечахъ:—къ войнѣ, Петровнушка: вотъ этакъ же у насъ въ Звенигородѣ передъ французомъ.

— Мать, пресвятая Богородица—истенный Христось, отвѣчала Петровнушка, низенькая, сухощавая старушка, съ добрѣйшими чертами лица, которая стояла тутъ же въ одномъ ситцевомъ платѣ, оперши щеку на правую руку, а лѣвую поджавъ прямо подъ сердце:—гляди-ко, гляди—ровно война и есть, сходятся да расходятся.

— Ишь ты какъ сѣдутся, какъ сѣдутся! ровно на войнѣ и есть, замѣтилъ курчавый, рабой мальчишка, въ казакинѣ съ краснымъ кушакомъ.

— Не всегда къ войнѣ, замѣтилъ флегматически извощикъ, котораго пролетка стояла тутъ же у воротъ, и въ которыхъ онъ не то сидѣлъ, не то лежалъ, положивъ ноги на переднее крыло:—а иной разъ къ морозу.

— Ой, къ войнѣ, къ войнѣ, Микулушка, истенный Христось, къ войнѣ, отвѣтила Петровнушка:—морозъ морозомъ, а ужъ война будетъ; если не война, такъ по крайности смута какая нибудь великая будетъ—брань. Охъ, грѣшные мы люди, грѣшные.

— Что такое? спросил проходивший мимо маленький гимназистикъ, котораго вниманіе толпы остановило.

Толпа оторопѣла. Ей какъ-будто богъ-знаетъ какой вопросъ задали, никто не могъ слова молвить.

— Столопъ огненный, наконецъ проговорила старушка: — въ морозу видно, батюшко.

Мальчикъ будто удовлетворился объясненіемъ, и посмотрѣвъ въ ту сторону, куда смотрѣли всѣ, пошелъ далѣе.

Явленіе, призовавшее вниманіе толпы, было дѣйствительно довольно необычайно. На темно-синемъ горизонтѣ неба стояли, ходили, расходились какіе-то огромные огненные столбы. Нѣкоторые изъ нихъ исчезали внезапно, какъ будто меркли, другіе внезапно появлялись изъ синяго неба. На тихомъ, вѣчно неподвижномъ фонѣ лазури было какое-то странное движеніе. Какія-то безплотныя, беззвучныя силы выдѣлялись изъ неба, двигались, носились, спшибались, что-то творилось невѣдомое, непостижимое, а потому, быть можетъ, и грозное.

Не одна описанная нами толпа занималась огненными столбами: весь городъ смотрѣлъ въ окно и толковалъ по своему. Одни говорили, что это сѣверное сіяніе, другіе—электричество, третьи—миражъ. Инспекторъ врачебной управы, нѣмецъ Альтрманъ, навелъ на столбы зрительную трубку, высморкался методически въ красный фуляръ, смотрѣлъ довольно долго въ трубу, и наконецъ, вставъ со стула, сказалъ: это, это—то-то... это—нишево!

Смотрѣлъ на это явленіе и неизвѣстный путникъ, который въѣзжалъ въ заставу города на ямской тройкѣ. Телега подпрыгивала по почтовой дорогѣ. По лицу путника видно было, что проѣхано пути немало. Онъ любовался явленіемъ сѣверной природы, но все-таки заботливо оглядывалъ деревянные домики, гдѣ такъ хотѣлось бы ему встрѣтить надпись: «Гостиница»; вотъ наконецъ гостинный дворъ—вѣрно, скоро; но телега проѣхала гостинный дворъ, и еще болѣе стала подпрыгивать по улицамъ, болѣе тряскамъ, чѣмъ почтовая дорога.

— Скоро ли? спросилъ онъ ямщика.

— Скоро, отвѣтилъ тотъ флегматически.

Телега опять запрыгала, и наконецъ подъѣхала къ деревянному дому, обитому досками и выкрашенному бѣлой, теперь уже потемнѣвшей краской.

— Что, номера есть? спросилъ приѣзжій полового, который въ бѣлой рубашкѣ и въ оборванномъ сюртукѣ, сбѣжалъ по лѣстницѣ съ чайникомъ въ рукѣ и съ подносомъ въ другой.

— Нумера-съ? Нумеровъ нѣтъ-съ.

— Что жь, заняты всѣ, что ли?

— Нѣтъ-съ, незаняты...

— Ну, такъ что же?

— Да нѣтъ номеровъ совсѣмъ-съ, пожалуйста въ Липину въ Альгамбру, тамъ получите...

— Ну, пошелъ въ Альгамбру.

Холодная ночь уже накрывала городъ. Столбы исчезли; нависло черное, беззвѣдное небо. Подулъ съ сѣвера пронзительный вѣтеръ, который все болѣе и болѣе усиливался. Мѣстами онъ хлопалъ ставнями, мѣстами срывалъ съ крышъ плохо прикрѣпленную доску, кой гдѣ валялся уже и заборъ. Телега долго прыгала по темнымъ, неосвѣщеннымъ улицамъ; наконецъ остановилась опять у деревяннаго дома мрачной наружности, въ окнахъ котораго ярко горѣли огни. Путникъ выскочилъ изъ телеги и вошелъ въ гостиницу.

— Есть номера? спросилъ прїѣзжій у встрѣтившагося ему пологого съ подносомъ въ рукѣ.

— Есть, пожалуйста, отвѣчалъ тотъ.—Вотъ-а номера; при этомъ пологой указалъ на большую залу, посреди которой былъ бильярдъ.

— Какъ! проходная комната? съ удивленіемъ спросилъ прїѣзжій:—бильярдная.

— Да-съ, вѣдь немного народу бываетъ-съ, развѣ въ торговые дни.

— Да какъ же? мнѣ надо особую комнату совсѣмъ.

— Вотъ, пожалуйста, еще есть; и мальчикъ указалъ на слѣдующую комнату, посреди которой стояло уже два бильярда.

— Помилуйте, да вѣдь и это проходная.

— Отдѣльныхъ номеровъ нѣтъ, понимаешь, отдѣльныхъ?

— Нѣтъ-съ. Отдѣльныхъ нѣтъ. Ширмы можно поставить-съ.

— Ну, спасибо и на этомъ. Да неужели во всемъ городѣ нѣтъ нигдѣ гостиницы съ особыми номерами?

— Развѣ у Куликовой, а то нѣтъ.

— Гдѣ же эта Куликова?

— Да вотъ по Просвирной улицѣ, противъ самаго собора.

Проклиная Гнилозерскъ, путникъ нашъ пустился отыскивать Куликову. Ночь стала еще темнѣе, вѣтеръ рвалъ уже дѣла крыши, за городомъ что-то ревѣло и гремѣло порою, подобно грому. Наконецъ часу въ двѣнадцатомъ телега остановилась вокалѣ того самаго дома, у воротъ котораго передъ вечеромъ шла бесѣда о столбахъ. Вѣтеръ вилъ какъ бѣшеный волкъ. Путникъ вышелъ изъ телеги и цѣлме полчаса стучалъ въ калитку; никто не выходилъ. Наконецъ добился. Заспанный мальчишка отперъ двери, и на вопросъ: есть ли номера? отвѣтилъ: есть. Онъ дѣйствительно отвѣлъ прїѣзжему двѣ большія комнаты, и самъ исчезъ богъ-знаетъ

куда. Путникъ велѣлъ ямщику внести вещи; черезъ нѣсколько минутъ онъ легъ на жесткій диванъ, и тотчасъ же уснулъ тѣмъ могучимъ сномъ, который знаютъ только вѣдлившіе по нашимъ дорогамъ на перекладныхъ. На улицѣ между тѣмъ богъ-знаетъ что происходило. Вѣтеръ билъ въ стѣны зданія такъ, что оно даже тряслось; рамы трещали и, кажется, готовы были вылетѣть изъ косяковъ; соборная колокольня гудѣла Вой вѣтра, загородный громъ мѣшался съ стукомъ падающихъ досокъ, съ трескомъ деревьевъ, хлопаньемъ ставней и т. п.

На другой день проснувшись поздно, онъ взглянулъ въ окно; бури какъ не бывало. Прекрасное майское утро освѣщало величавую мѣстность далекаго сѣвера. Гнилозерскъ стоялъ на берегу великаго озера, котораго синяя поверхность уходила въ даль и, подобно морю, сливалась съ горизонтомъ. Съ прочихъ сторонъ его окружалъ черный сосновый лѣсъ. Съ лѣвой онъ стоялъ темною стѣною, а съ правой представлялъ собою громадную лѣсную бездну, которая простиралась до горизонта и тамъ только синѣла, сливаясь съ синею небесной. Маленькій городокъ будто боялся своего могучаго сосѣда, который тѣснилъ его отовсюду, и прижался къ озеру. Съ деревянными, постарѣвшими домишками, съ немощными пыльными улицами Гнилозерскъ казался какой-то грязной щепкой, брошенной посреди этой великолѣпной мѣстности. За вѣтмъ тѣмъ на всей природѣ лежала печать какой-то унылости. Робкіе лучи сѣвернаго солнца свѣтили слабо, лѣсныя бездны безмолвовали, какъ-будто погруженные въ думу, и озеро, вчера гремѣвшее подобно грому, было гладко какъ зеркало. Въ сосѣдней комнатѣ, двери которой были полурастворены, слышны были голоса.

— Отчего же это, говорятъ? Какъ объясняютъ? спрашивала пожилая дама въ черномъ платьѣ, сама хозяйка гостиницы.

— Невѣдомо отчего, матушка, Секлетей Мироновна— Господь вѣдаетъ, отвѣчала знакомая уже намъ кривая женщина, которая была страпухой въ гостиницѣ:—самъ отецъ-протоіерей руками только развелъ. Балка была адреная — хрустнула да и только. Богъ-знаетъ, вѣтромъ, что ли, дуло.

— Чтой-то, матушка, гдѣ же вѣтру слухъ—это мѣсто, вѣдъ какой это, полялей, что ли?

— Нѣтъ-съ, будишннй во сто пудъ — такъ-таки сводъ-то и пробилъ—лежитъ теперь сердешннй—ровно къ смерти приговореннй.

— Охъ, плохо, плохо, Палашенька; видно, послѣднія времена настали.

— Плохо, плохо, матушка, Секлетей Мироновна, большой че-

ловѣкъ свалится; вотъ увидите, кого нибудь въ городѣ да не станетъ... Большого человѣка выхватить.

— Что это такое? спросилъ пріѣзжій вошедшаго мальчишку, въ синемъ казакинѣ, съ краснымъ кушакомъ, того самаго, котораго мы видѣли у воротъ, разсуждающаго о столбахъ.

— Колоколь упалъ, отвѣтилъ тотъ, тряхнувъ курчавыми и нечесанными волосами.

— Отчего?

— Да богъ-знаеть-сь, ишь сегодня ночь-то какая была, этой нити не запомнить, на кладбищенской церкви цѣлую главу снесло.

— Да вѣдь колоколь-то не вѣтромъ же сдуло, вѣдь большой.

— Большой-сь, очень большой.

— Какъ же это?

— Богъ-знаеть-сь; не передъ добромъ, чу-сь.

— А что же?

— На чью нибудь, чу, голову — поди, чай, архирей умереть, ужъ старъ больно. На губернатора нельзя полагать, этотъ ядренный такой. А ужъ это на кого нибудь изъ набольшихъ предвѣщаютъ. Большой, чу, человѣкъ скончается или какъ исчезнетъ.

П у л ь к а.

Пулька была въ этотъ вечеръ у вице-губернатора. Небольшое чиновное общество города Гниловерска, свободное отъ занятій, время проводило единственно за преферансомъ. Оттого вечера были уже распределены, такъ что всякій зналъ, куда ему отправиться въ такой-то вечеръ на пульку. Среди большой вице-губернаторской залы, очень хорошо меблированной, стоялъ карточный столъ, за которымъ сидѣли играющіе. Къ нѣкоторымъ изъ нихъ подсѣли другіе гости, изъ любопытства. Въ гостиной слышались мужскіе голоса посѣтителей, тоже игравшихъ въ карты. Въ комнатахъ было довольно свѣтло, хотя онѣ и освѣщались только стеарновыми свѣчами. За однимъ изъ столовъ игралъ самъ хозяинъ, князь Романъ Сергѣевичъ Печенежскій.

Это былъ среднихъ лѣтъ, высокій, стройный мужчина, съ черными, тщательно причесанными волосами и бакенбардами. Правильное лицо его было бы даже красиво, еслибъ не лишали его всякаго выраженія большіе оловянные глаза, смотрѣвшіе какъ-то бессмысленно и странно.

— Удивилъ, удивилъ, говорилъ онъ, пока выдавали карты — явно, что онъ продолжалъ разговоръ, прерванный только игрою: — поразилъ-сь!

— Что такое, что такое? спрашивалъ его съ необыкновеннымъ любопытствомъ сидѣвшій возлѣ него инженерный полковникъ Бѣлобрысовъ, пожилой человѣкъ, и съ тою безцвѣтною фizioномією, которая не позволяла отгадать ни его характера, ни происхожденія. Всего вѣроятнѣе онъ былъ изъ чухонцевъ, потому что такими безхарактерными лицами природа одарила только *этихъ печальныхъ пасынковъ природы*.

— Да, вотъ что! Сижу, сегодня, я въ губернскомъ правленіи, занимаюсь. Вдругъ входитъ и садится. Ну, я, какъ обыкновенно, раскланялся и занимаюсь. Вдругъ говорятъ:

«— Теперь у насъ вакансія совѣтника губернскаго правленія?

«— Точно такъ, ваше превосходительство, отвѣчаю я.

«— Я желаю опредѣлить на это мѣсто Пуговицына.

«— Помните, ваше превосходительство, курьера!

«— Что же, говорить, онъ человѣкъ умный, знающій дѣло; по исключительному положенію губерніи, гдѣ порядочныхъ чиновниковъ нѣтъ... Я надѣюсь, что онъ будетъ хорошій чиновникъ.

«— Вы оскорбите цѣлый городъ.

«— Пусть оскорбляется.

«— Я не подпишу этого журнала.

«— Да вы, говорить, дерзости мнѣ говорите; я, говорить, я предсѣдатель здѣсь, я журналъ велю составить—и напишу, что вы обязанностей своихъ не знаете.

«— Ваше превосходительство, говорю я, помните, я никогда не измѣнялъ должному почтенію, съ которымъ обязанъ относиться къ особѣ вашей, и въ настоящую минуту не болѣе какъ исполняя законъ, считаю долгомъ...

«— Я журналъ составляю, что вы нарушитель закона, что вы вѣчно въ оппозиціи, позволяете себѣ дерзости говорить губернатору, въ полномъ присутствіи.

«— Помилуйте, отвѣчаю я, сошлюсь на всѣхъ господъ присутствующихъ, нарушилъ ли я хоть взглядомъ тотъ долгъ уваженія, съ которымъ я...

«— Я журналъ составляю...

«— Это крайне меня огорчаетъ, отвѣчаю я, и никакъ не смѣю и не могу воспрепятствовать въ этомъ вашему превосходительству, но только это вѣдь побудитъ и меня составить другой журналъ, въ которомъ я долженъ буду изложить, что всего того, что написано въ журналѣ вашего превосходительства, совсѣмъ не было.

— Ха, ха, ха, раздалось по залѣ:—молодецъ князь, отбрилъ, ну, что же далѣе, что далѣе? спрашивали гости.

— Убѣжалъ!..

Играющіе опять захохотали.

— Ну, ходи, Пета, сказалъ вице-губернаторъ, обращаясь къ сидѣвшему противъ него партнёру.

Пета былъ лѣтъ шестидесяти старикъ, толстый, красный и сѣдой. Голова его представляла сферическую фигуру, которая снизу была шире, а сверху гораздо уже. Это былъ предсѣдатель уголовной палаты, дѣйствительный статскій совѣтникъ Петръ Михайловичъ Вовчокъ. Въ разговорѣ у него сильно слышался малороссійскій выговоръ.

— Равалы! вскрикнулъ сидѣвшій по лѣвую руку вице-губернатора батальонный командиръ внутренней стражи, майоръ Цеклеръ:—вѣдь парада не пройдетъ, чтобы къ чемунибудь не придрался: то мундиры стары, то команда распушена, да при всемъ-то народѣ и изволить потѣшаться, каналья! Но погоди же, а его когданибудь вздуу, будетъ помнить Цеклера.

Майоръ Цеклеръ говорилъ о губернаторѣ всѣхъ вольнѣе, потому что онъ когда-то служилъ въ гвардейскомъ штабѣ и былъ тамъ извѣстенъ весьма значительнымъ особамъ.

Высокомѣрное обхожденіе губернатора страшно его бѣсило, и онъ дѣйствительно готовъ былъ выступить съ нимъ хоть въ рукопашную; но тотъ держалъ себя такъ офиціально, что Цеклеру ничего не оставалось, какъ слушать колкости губернатора, держа руку подъ козырекъ.

— А вѣдь я знаю струнку-то, за которую онъ тебя допекаетъ, князьенка, молвилъ Пета.

Князь ничего не отвѣтилъ и уставилъ лицо въ карты, а инженерный полковникъ, который самъ говорилъ очень мало, а слушалъ все внимательно, спросилъ:

— Чтò такое?

— Да вотъ когда тотъ ѣздилъ въ Петербургъ, князь правилъ губернію-то. Когда губернаторъ воротился, ему и нашптали, будто бы князь въ его отсутствіе взялъ съ Ковшова шесть тысячъ рублей, а съ нимъ не подѣлился. Вотъ и взѣлся.—Признайся, князьенка, взялъ?

Князь молчалъ, какъ будто не слыгалъ словъ старика.

— Признайся, взялъ, князьенка?

— Ну, полно-полно, Пета, возразилъ сухо князь:—ходи-ко лучше.

— Взялъ, князьенка? продолжалъ, смѣясь, толстый предсѣдатель:—взялъ?

— Ну-ну, ходи. Бри да не завирайся, продолжалъ вице-губернаторъ, подбирая карты.

Въ это время раздался звонокъ.

— Кто это? спросилъ, собирая карты, полковникъ.

— Да Мельница, вѣроятно, отвѣтилъ хозяинъ, смотря въ по-
луотворенную дверь прихожей: — такъ и есть.

— А, Павелъ Ѳедорычъ, милѣйшій, закричали со всѣхъ сто-
ронъ къ вошедшему: — изъ клуба?

— Да-съ, отвѣтилъ входящій, пожимая всѣмъ руки: — изъ
клуба-съ.

Это былъ помѣщикъ дальней губерни, Павелъ Ѳедоровичъ
Вѣтряный, служившій въ Гнилозерскѣ гдѣ-то совѣтникомъ. Вѣ-
тряный былъ молодой еще человѣкъ, шеголевато одѣтый. Это
былъ положительно душа всего общества. Для дамъ онъ былъ
сокровище, потому что могъ цѣлые вечера болтать всякую чепу-
ху безъ устали; да и для мужчинъ онъ былъ очень нелишний,
потому что зналъ, во первыхъ, всѣ городскія новости, и тоже
потому, что могъ безъ умолау болтать все, что угодно, а это
въ провинціальномъ городѣ, гдѣ при монотонности и пустотѣ
жизни нетолько говорить, но и думать не о чемъ — дѣло не
последнее.

— Да-съ, подите вы, вѣдь опять лучше всѣхъ-съ! Одѣта вѣ-
ликолѣпно и причесана—прелесть.

— Зинаида? сказала Цеклеръ, нѣсколько ослабляясь, тогда
какъ князь опять углубился въ карты.

— Да-съ, очаровательна, настоящая богиня Востока.

— Ну, что новаго? спросилъ инженерный полковникъ.

— Изъ Петербурга чиновникъ пріѣхалъ, отвѣтилъ не запи-
наясь Вѣтряный.

— Какъ! вскричали всѣ въ одинъ голосъ, оставивъ игру:—кто
такой?

— Какой-то надворный совѣтникъ Высачевъ.

— Зачѣмъ?

— Неизвѣстно.

— Вы какъ знаете?

— Полиціймейстеръ связывалъ.

— Гдѣ остановился?

— У Куликовой.

— Вотъ не было печали, да черти наказали, говорилъ князь:—
что это за птица?

Игра продолжалась, но явно уже не съ такимъ вниманіемъ;
всѣ при каждой раздачѣ картъ безпрестанно обращались къ Вѣ-
тряному съ разпросами.

— Да вѣдь не можетъ быть, чтобы неизвѣстно было, зачѣмъ
пріѣхалъ, замѣтилъ инженеръ.—Ну, подорожная по казенной на-
добности или...

— По казенной, по казенной, быстро прервалъ Вѣтряный.

— Какого вѣдомства?

— Министерства внутреннихъ дѣлъ.

— Вотъ еще закуска, молвилъ Вовчокъ, выходя съ червей.

— А знаете, что-съ? вдругъ возвысилъ голосъ Вѣтряный:—я почти знаю-съ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ.

— Зачѣмъ? спросили всѣ въ одинъ голосъ, оставя карты.

— А вотъ зачѣмъ-съ. Въ Петербургѣ, конечно, известно, что за штука здѣсь Мѣдношешкинь; вотъ и послали министерскаго доку: «поди-ко, дескать, посмотри, что тамъ дѣлается». А то, съ бухты-барахты начинать шумъ нонче не водятся. Порученіе мы тебѣ, говорятъ, дадимъ, для виду то-есть...

— Ай, попонька, ай, попонька, разгадалъ, говорилъ толстый предсѣдатель, смѣясь:—молодецъ.

— Ну, это еще богъ-знаеть! замѣтилъ вице-губернаторъ. — Ходите, Василій Ивановичъ.

Дверь въ это время растворилась, и слуга внесъ поднось съ рюмками, а потомъ другой съ закускою. Толстый предсѣдатель, при видѣ закуски и вдохновенный тѣмъ, что выигралъ восемь въ червахъ, крѣпко ударялъ по столу картами и запѣлъ:

Такой, такой журавель,
Такой, такой — цыбати;
Такой, такой журавель,
Такой, такой — цыбати!

— А что, господа, сказалъ хозяинъ: — вѣдь

Ѣхалъ чижель въ лодочкѣ
Въ генеральскомъ чинѣ —
Не выпить ли водочки
По этой причинѣ.

— Можно! отвѣтилъ весело Петръ Михайловичъ и снова запѣлъ:

Такой, такой журавель,
Такой, такой — цыбати!

— Ну, такъ начинай, Петя.

— Можно! также одушевленно проговорилъ Петръ Михайловичъ, вставая со стула и подходя къ закускѣ.

Всѣ послѣдовали примѣру предсѣдателя и подошли къ столу, уставленному тарелками. Изъ гостиной тоже выспали, и всѣ съ небольшимъ аппетитомъ начали пробовать это ветчину, кто вот-лети, кто сардины...

Вдругъ раздался звонокъ. Всѣ смолкли, а хозяинъ видимо смутился.

— Кто бы это такъ поздно? поговаривали гости.

Дверь изъ прихожей отворилась, и вошелъ гость, который вѣшностію своею совсѣмъ отдѣлился отъ чиновнаго люда, заставляшаго въ гостиной. Это былъ купецъ Ковшовъ, откупщикъ и лѣсопромышленникъ того края. Наружность его была одна изъ тѣхъ, которыя остановить вниманіе всякаго. Въ купечествѣ нашемъ нерѣдко встрѣчаются лица замѣчательной красоты, но большею частію лица эти лишены выраженія. Природа, расточивъ свои дары на красоту формы, ничего не сдѣлала для смысла фizioноміи. Не таково было лицо лѣсопромышленника: при замѣчательной красотѣ, оно имѣло выраженіе ума, сметливости и той вкрадчивой, нѣсколько льстивой любезности, которая обольщала каждаго. Чуть замѣтная сѣдина въ темно-каштановыхъ волосахъ и нѣсколько морщинъ на смугломъ лицѣ показывали, что Ковшовъ былъ въ тѣхъ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда показывается сѣдина не отъ старости, а отъ чего либо другаго. Большіе же каріе глаза его были, напротивъ, исполнены необыкновенной молодости и огня.

— Здравствуйте, ваше сіятельство, заговорилъ Ковшовъ чрезвычайно пріятнымъ баритономъ, обращаясь къ хозяину:—а я вижу по освѣщенію, что у васъ публика—и забрелъ. Хлѣбъ да соль милости вашей.

— Радъ-радъ, говорилъ князь, усаживая и подчюя гостя.—Да скажите, ради-бога, кто пріѣхалъ изъ Петербурга, что за чиновникъ, зачѣмъ?

— Да не чиновникъ, ваше сіятельство, а офицеръ гвардейскаго штаба.

— Какъ? что такое? зачѣмъ? Павелъ Федоричъ? Что же вы обратились всѣ къ Вѣтраному.

— Да-съ, какъ же! мнѣ полиціямейстеръ сказывалъ, отвѣчалъ Вѣтраный.

— Когда? спросили всѣ вдругъ.

— Да сейчасъ, въ клубѣ.

— Да помилуйте, прервалъ Ковшовъ Павла Федоровича:—полиціямейстеръ заболѣлъ и даже сдалъ должность офиціально.

— Попинька, попинька, что же, маточка, заврался? подхватилъ, смѣясь и выпивая рюмку, Вовчокъ.

— А я-съ!... началъ сконфуженный Вѣтраный, но его заглушила голоса.

— Зачѣмъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ? перебили его гости.

— Для собиранія статистическихъ свѣдѣній, отвѣтилъ Ковшовъ.

— Статистическихъ свѣдѣній? спросилъ инженеръ, съ особеннымъ вниманіемъ.

— Статистическихъ свѣдѣній? говорилъ хозяинъ. — Это что еще за статистическія свѣдѣнія? спросилъ онъ, обращаясь къ батальонному командиру.

— А чортъ ихъ знаетъ! отвѣтилъ тотъ.

— Что это за исторія присылать за статистическими свѣдѣніями? снова обратился вице-губернаторъ уже къ инженеру, котораго слылъ, разумѣется, и дѣйствительно былъ самымъ образованнымъ человѣкомъ Гнилозерска.

— Да, это северная штука, замѣтилъ тотъ вполголоса и думая о чемъ-то про себя.

— Северная? спросилъ тихо вице-губернаторъ:—ну, такъ тово, подумаемъ.

— «Такій, такій журавель», запѣвалъ Вовчокъ, уже порядочно раскраснѣвшійся.

— Такъ что же терять драгоценное время? сказалъ овладѣвъ собою Бѣлобрысый:—будемъ продолжать.

— Можно! отвѣтилъ Вовчокъ; но подняться со стула ему было уже трудно.

— Ну, сиди-сиди, Петя, вотъ Федосей Яковлевичъ за тебя сыграетъ, сказалъ князь, указавъ на Ковшова.

— «Такій, такій журавель», напѣвалъ между тѣмъ Вовчокъ.

— Ну, что въ клубѣ? спросилъ Цеклеръ Ковшова.—Зинаида блистала опять?

— И-нѣ павя такая, что... самъ старній-то ухаживалъ...

— Кто? губернаторъ?

— Какъ же! отвѣтилъ Ковшовъ.

Вице-губернаторъ потупился, а Ковшовъ, какъ будто не замѣчая, продолжалъ:

— А ваше сіятельство зазнобушгѣ-то измѣнили; вѣдь спрашивала меня.

— Какія тутъ зазнобушки! отвѣтилъ князь, еще болѣе утенувъ лицо въ карты.

— Что тутъ! былъ молодцу не укоръ, а зазнобилъ, зазнобилъ; сегодня все поглядывала на дверь, видимо ждала, а ужъ краля, нечего сказать!

Пульза продолжалась весьма одушевленно и весело. Часу въ третьемъ опять приступили къ закускѣ, значительно возобновленной. Уничтоживъ ее, гости стали расходиться. Хозяинъ весело и радушно провожалъ ихъ, но у него въ головѣ только и сидѣло: *статистическія свѣдѣнія*... чортъ ихъ знаетъ, что онѣ такое... надо къ нимъ однакоже подѣяться, гм!...

ВИЦЕГУБЕРНАТОРЪ.

Князь Романъ Сергіевичъ Печенежскій былъ лицо въ своемъ родѣ недюжинное. Оставшись послѣ родителей своихъ ребѣнкомъ, онъ былъ принятъ въ одномъ частномъ пансіонѣ, гдѣ кой-какъ окончилъ курсъ. Дарованій у него не было, охоты къ ученью тоже, читать не любилъ, отзываясь слабостію глазъ. Положеніе князя по выходѣ изъ пансіона было незавидное. Безъ денегъ, безъ высшихъ способностей, не умѣя даже писать правильно — куда онъ могъ дѣть свою особу? Одѣться даже было не на что. Но у князя были способности особаго рода, которыя въ извѣстнаго рода людяхъ дѣлаются сокровищемъ. Князю не на что было шить сапоговъ — и чрезъ недѣлю князь былъ одѣтъ съ ногъ до головы, по послѣдней парижской картинкѣ; князю некуда было голову преклонить — а чрезъ мѣсяцъ у князя была прекрасная холостая квартира, очень мило меблированная; знакомые князя недоумѣвали, что будетъ дѣлать въ жизни князь, куда его дѣвать — а между тѣмъ, у князя тотчасъ же явилось очень хорошее мѣстечко, потомъ два, даже три. Оказались даже способности у князя къ разнымъ службамъ, и вотъ, не болѣе какъ въ десять лѣтъ, когда его товарищи чуть были въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, князь былъ вицегубернаторомъ, и владѣлъ очень порядочнымъ капиталомъ, которымъ весьма выгодно спекулировалъ. Какая же это тайная звѣзда вела нашего героя такъ счастливо? А вотъ именно та способность, о которой мы говорили: глубокое, холодное, но ничѣмъ несокрушимое безстыдство. Когда князь только взглянулъ на свое положеніе, то взглянулъ очень просто: онъ тотчасъ же понялъ, что ему нужны деньги сейчасъ же, а потомъ служба. Не думая долго, онъ обращается прямо къ первому пришедшему ему на умъ вельможѣ и говорить: что вотъ, онъ князь такой-то, что онъ безъ всякаго состоянія и связей, что онъ съ неусыпными трудами кончилъ курсъ и теперь находится въ такомъ положеніи, что ему надо или умирать съ голоду, или воровать; что на бѣду у него аристократическое имя и что онъ считаетъ недостойнымъ своего сословія запятнать себя какимъ-нибудь ремесломъ, что онъ наконецъ, давно зная о великодушій вельможи, обращается къ нему прямо, и просить спасти его на первомъ шагу жизни. Вельможа, видя такое спокойное, хладнокровное, хотя и бездеремонное обращеніе къ нему молодого человека, далъ денегъ. Князь отправился къ другому; тотъ же рассказъ — и этотъ далъ; князь къ третьему; но этотъ былъ самъ себѣ на умѣ: отказалъ, и даже выбрали князя за такое наглое

обращеніе; князь извинился — и отправился къ четвертому. Этотъ самъ былъ безъ денегъ, и откровенно признался въ этомъ князю; князь сильно сконфузился, крайне извинялся, что побезпокоилъ вельможу, но сказалъ однакоже, что онъ зайдетъ въ другое время, лишь бы назначили ему часъ. Вельможа подивился наглости молодого человѣка; но, полагая, что онъ доведенъ до этого крайностію, назначилъ время, и далъ денегъ. Князь еще къ вельможѣ; тотъ же разсказъ. «Но чтѣ мнѣ съ вами дѣлать?» спросилъ вельможа.

«— Вотъ тутъ открылось мѣсто; облагодѣтельствуйте, напишите письмо.—Вельможа написалъ, и князь получилъ мѣсто.

«— Что вы тутъ кланчите по пустому-то? сказалъ ему однажды дюжій швейцаръ одного аристократическаго дома, которому князь однако вѣжливо поклонился:—у насъ кассиръ въ конторѣ умираетъ; вотъ вы похлопочите; 800 руб. жалованья, квартира, да къ новому году графъ рублей двѣсти пожалуесть. — Князь швейцару три цѣлковыхъ; тотчасъ же еще къ вельможѣ. Такъ и такъ, вотъ у вашего родственника открылось мѣсто, помогите; вы всегда были моимъ благодѣтелемъ, не оставьте. — «Да вѣдь ты глупъ, князь, сьумѣешь-ли дѣло-то вести?» постариковски, откровенно спросилъ вельможа. — «Всѣ силы употреблю; никакъ не уроню рекомендаціи вашей свѣтлости». — И князь получилъ частное мѣсто!

Князь подымался замѣтно. Повровители его, видя, что ихъ протеже изо всѣхъ силъ бьется, чтобы угодить всякому, дѣйствительно, стали заниматься имъ; князь появлялся въ торжественные дни въ раззолоченныхъ салонахъ, гдѣ держался въ уголкахъ, говорилъ не иначе какъ шопотомъ; ему стали ужъ подаваться сіятельные и свѣтлѣйшіе указательные пальцы. Наконецъ, князь Романъ Сергіевичъ дослужился до того, что въ Петербургѣ дальше идти было нельзя; къ тому же онъ до такой степени усгройлъ свои дѣла, что ему болѣе не было расчета таскаться по швейцарскимъ. Въ немъ проснулось честолюбіе; ему самому хотѣлось повельможествовать, тѣмъ болѣе, что нѣсколько время онъ состоялъ уже на службѣ. Открылось настоящее мѣсто. Князь вспыхнулъ отъ мысли, что онъ самъ будетъ вельможа въ губерніи. Но какъ? Благодѣтели его хоть и были къ нему благосклонны, но, конечно, не взяли бы на себя стыда помѣстить на такой постъ чистаго невѣжду; тутъ нужны были чрезвычайныя мѣры. Вотъ къ нимъ-то и приступилъ Романъ Сергіевичъ. У сіятельства, въ домѣ котораго онъ занималъ мѣсто уже не кассира, а управляющаго конторою, была секретная статья расхода и весьма значительнаго, которая по домовымъ книгамъ

не значилась. Этою статьею завѣдывалъ князь. Собственноручно, въ извѣстные дни, относилъ онъ въ одинъ великолѣпный бельэтажъ на Фонтанкѣ деньги, и потомъ секретно докладывалъ сiятельству. Ни минуты не думая, князь отправился въ бельэтажъ, на Фонтанкѣ, гдѣ былъ тотчасъ же принятъ. Проходя роскошно-мѣблированными комнатами, по коврамъ, въ которыхъ тонули ноги, князь былъ блѣденъ. Наконецъ онъ дотронулся до замка будуара, куда не всякій имѣлъ доступъ, и съ замиранiемъ сердца отворилъ дверь.

Ему тотчасъ же протянула тоненькую ручку чрезвычайно красивая дама въ утреннемъ капотѣ, который почти весь состоялъ изъ кружевъ, и какъ пухъ обвивалъ роскошныя формы.

— Я съ вами безъ церемонiи, милый князь, говорила она, полулежа въ креслахъ, и положивъ на столъ книгу, которую читала: — я еще совсѣмъ не одѣта, и только-что встала. Но отказать вамъ я не хотѣла — во всякомъ случаѣ. Вы знаете, что я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ, сказалъ князь, боясь начать разговоръ: онъ страшно не надѣялся на успѣхъ, а потому робѣлъ.

Наконецъ, послѣ обыкновеннаго разговора, во время котораго дама показывала князю великолѣпный браслетъ, только-что ей подаренный, причемъ она весьма искусно щегольнула своей рукой, благодаря широкимъ рукавамъ утренняго капота видной почти до плечъ — князь началъ.

— Я къ вамъ съ просьбою.

— Чтò угодно, князь?

— Вы можете облагодѣтельствовать меня на всю жизнь.

— Какъ? говорите, говорите скорѣй.

— Я круглый сирота, безродный, и вы... я васъ всегда такъ почиталъ, вы ангелъ доброты.

— Говорите, милый князь, говорите, я всегда готова для васъ...

Князь выговорилъ просьбу.

Дама видимо стала въ тупикъ. Князь, котораго она не иначе считала, какъ за сметливаго господина, который у нея былъ не болѣе какъ на посылакахъ — факторъ, способный сбыть надобныя брильянты, платья и т. п., просится въ вице-губернаторы.

— Вы можете это сдѣлать, ради-бога! вы будете единственная моя благодѣтельница.

— Да видите, милый Романъ Сергѣичъ... онъ... не любить въ послѣднее время, чтобы я вмѣшивалась... Дама видимо путалась; напротивъ, ей подобныя просьбы были очень выгодны.

— О! чего онъ для васъ не сдѣлаетъ? Ради-бога...

— Но, князь, полезно ли это будетъ для васъ... вѣдь вы та-

кой милушка, добрый; но... такая служба... онъ какъ-то предубѣжденъ...

— Онъ все для васъ сдѣлаеть, все — ради-бога — князь покусился стать на колѣни!

— Mon prince! какъ это возможно, вся вспыхнувъ, вскричала дама, бросившись и удерживая его: — ради-бога.

— Но вы не хотите принять во мнѣ участія, говорилъ князь, все еще не оставляя своего намѣренія опуститься къ ея ногамъ.

— Князь, ради-бога, не дѣлайте этого. Я буду просить, буду...

Высокая фигура князя выпрямилась. Онъ поклонился, поцаловалъ руку у дамы, и вышелъ. Повидимому, просьбы сятельнаго ходатая не остались тщетны: черезъ недѣлю въ приказахъ значилось, что надворный совѣтникъ, князь Печенужскій, назначается въ Гнилозерскую губернію исправляющимъ должность вице-губернатора.

БРЫЖИГОВЫ.

Однакожь познакомитесь съ нашимъ пріѣзжимъ, который возбудилъ такое общее вниманіе на пулькѣ у вице-губернатора. Николай Александровичъ Высачевъ, окончивъ курсъ наукъ въ с.-петербургскомъ университетѣ кандидатомъ, не хотѣлъ поступать на службу, а продолжалъ заниматься будто бы науками. Для этой цѣли онъ читалъ множество книгъ и книжицъ, по преимуществу несуществующихъ въ продажѣ. Во всѣхъ ихъ разбирались по ниточкамъ вопросы соціальные и политическіе, всюду проводились новые взгляды, осуждающіе наповалъ старыя принципы, очевидно отжившіе; тутъ же молодой ученый вычиталъ, что не слѣдуетъ лишать общество дѣятельности образованныхъ людей, а потому и рѣшился поступить на службу. Съ этою цѣлью, по особымъ соображеніямъ, онъ вознамѣрился осчастливить собою военное вѣдомство, и поступилъ въ военную академію. Окончивъ тамъ курсъ наукъ, онъ сдѣлался офицеромъ генеральнаго штаба. Тогда-то ему пришла мысль заняться изученіемъ Россіи. Николай Александровичъ сталъ искать командировки, и получилъ назначеніе заняться собираніемъ статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній въ краю дикомъ, далекомъ, но коренномъ русскомъ. Легко себѣ представить, какъ поразилъ Гнилозерскъ нашего петербургскаго ученаго: весь городъ можно было пройти изъ конца въ конецъ въ четверть часа; общество состояло изъ десятка семействъ высшихъ сановниковъ, которыхъ отчасти мы уже видѣли, и нѣсколькихъ сотенъ семей уже совсѣмъ не сановниковъ; но природа, окружавшая городъ, была великолѣпна: безконечное озеро

лежало у его подножія; черныя горы, покрытыя лѣсомъ, волнами шли по горизонту. Высачевъ представился губернатору, сдѣлавъ визиты властямъ, и даже былъ въ собраніи, на балѣ, въ какой-то табельный день. До подобныхъ пустяковъ, то-есть до разныхъ свѣтскихъ увеселеній онъ былъ не охотникъ, но его туда утащилъ учитель гимназіи Брыжжиковъ. Это былъ его старшій знакомый, тоже петербургскій студентъ, до сихъ поръ совершенно юный духомъ. Брыжжиковъ былъ тоже современный человѣкъ: его свободомысліе доходило до того, что онъ соглашался со всѣми, кто только былъ новыхъ убѣжденій. Брыжжиковъ на балѣ же пригласилъ къ себѣ Высачева обѣдать на другой день.

— Ну, что, какъ вамъ понравилось наше собраніе? спросилъ Брыжжиковъ, какъ только Высачевъ вошелъ въ комнату.

— Мерзость! разумѣется, отвѣтилъ не стѣсняясь Высачевъ, зная, что онъ относится къ свободомыслящему человѣку и не обращая вниманія, что тутъ же была и жена Брыжжикова.

— Мерзость, мерзость! говорилъ Брыжжиковъ: — чиновники, писаря...

— Ну, ужъ неужели ничего нѣтъ хорошаго въ нашемъ собраніи? спросила жена Брыжжикова, дама пожилыхъ лѣтъ, но съ добрейшими чертами лица:—вы уѣхали чуть не послѣдній.

Высачевъ немного сконфузился.

— А какова наша Зинаида? спросилъ хозяинъ.

— Да, недурна, равнодушно отвѣчалъ пріѣзжій.—Кто она?

— Да, кто? Зинаида Карловна Талецкая, отвѣтилъ хозяинъ.— Пріѣхала изъ Питера съ братомъ: видѣлъ молоденькаго юношу, путевскій? Сводитъ здѣсь съ ума всю молодежь.

— Ну, и пусть ее сводитъ, отвѣтилъ Высачевъ, давая знать, что такими пустяками только и занимаются гнилозерцы.

— А вамъ и не завидно? спросила жена Брыжжикова: — вѣдь вы съ ней только и танцевали, даже вниманіе обратили.

Высачевъ грустно и съ пренебреженіемъ улыбнулся.

Послѣ обѣда ушли въ гостиную, разговоръ тотчасъ склонился на тему, которая неизбѣжна, гдѣ есть женщина.

— Вотъ поживите-ко у насъ, замѣтила хозяйка: — такъ мы васъ женимъ, я вамъ невѣсту посватаю.

Гость нахмурился.

— Богъ-знаетъ, что ты говоришь? возразилъ Брыжжиковъ.

— А что? развѣ мсье Высачевъ не намѣренъ жениться?

— Не намѣренъ, отвѣтилъ гость.

— Чтò же такъ?

— Время ли теперь жениться? теперь надо работать, рабо-

тать—нужны борцы, дѣятели... да притомъ и бракъ... я не понимаю... я не такъ понимаю бракъ...

— Это чортъ-знаетъ что такое у насъ, эти браки! воскликнулъ Брыжжиковъ.

— А какъ же вы понимаете? спросила хозяйка.

— Да такъ, какъ и вы, вѣроятно, понимаете, какъ всѣ просвѣщенные люди понимаютъ. Нельзя же сдѣлать изъ жены рабу на всю жизнь, сковать ея сердце... Мужъ можетъ быть негодяй... наконецъ разлюбила...

— Да что тутъ хорошаго? восклицалъ Брыжжиковъ.

— Вообразите положеніе женщины, продолжалъ академикъ:— женщины, которая видитъ, что мужъ ея мерзавецъ, что онъ взяточникъ, что онъ вноситъ растлѣніе въ общество, что онъ ретроградъ, между тѣмъ какъ въ другихъ сферахъ, въ иныхъ людяхъ она видитъ свѣтъ, истину.

— Такъ, значить, и брака по вашему не надо?

— Я говорю, что отношенія въ бракъ должны быть свободны, заговорилъ, нѣсколько мѣшаясь, Высачевъ:—что мужчина не долженъ стѣснять свободу бѣдной женщины.

— Но ежели вы влюблены въ вашу жену, горячо вступилась хозяйка:—а она хочетъ васъ бросить, уйти къ другому, что вы тутъ скажете?

— Что? путаясь говорилъ гость:—надо быть благоразумнымъ, надо владѣть своими страстями.

— Тутъ не страсти, тутъ любовь, счастье семьи!

Высачевъ на это ничего не отвѣчалъ, но на лицѣ его показалась такая саркастическая улыбка, что хозяйка замѣтила.

— Вы смѣетесь?

— Нѣтъ, помилуйте, какъ я смѣю, заговорилъ вѣжливо Высачевъ, думая самъ про себя: ну, пошла писать губернія:—но, признаюсь, въ нашъ вѣкъ, любовь—измѣна. Тирсисъ и Дафна, воля ваша—странность.

Хозяйка возражала пылко.

— Такъ что же, въ нашъ вѣкъ уже не должно быть любви, сердца?

— Помилуйте, досугъ ли? твердилъ нашъ герой.

— Чему же и когда можетъ помѣшать любовь? Богъ есть любовь и любовь есть Богъ. Она все освящаетъ и все вдохновляетъ. Вы, какъ беспланный старецъ, отказываетесь отъ блаженства, которымъ только и красна жизнь. Душевно желаю, прибавляла Брыжжикова, съ улыбкой довольно лукавой:—чтобы москъ Высачевъ не ошибся.

— Будьте увѣрены, у меня жизнь такъ строго распределена,

что мнѣ будетъ некогда строить воздушные замки и заниматься школьными проказами. Пора эта прошла.

Разговоръ смолкъ. Гость взялся за фуражку и распростился съ собесѣдниками, получивъ отъ хозяевъ приглашеніе бывать какъ можно чаще. Уходя, думалъ онъ: «вотъ дичь-то! До сихъ поръ готовы жить аркадскими пастушками, а тутъ глади-ко: выступаетъ на живое дѣло народъ, рвется на свободу мысль, слово, а кругомъ всюду ханжество, изуверство, здравыхъ понятій, основанныхъ на силѣ вещей, нигдѣ нѣтъ — извольте-ко тутъ!... любовь, измѣна... ха, ха, ха!»

Статистическія свѣдѣнія.

Пулька на этотъ разъ была у инженернаго полковника Бѣлобрысова, котораго мы уже видѣли на пулькѣ у князя Печенежскаго. Домъ полковника былъ самый лучший въ городѣ, даже лучше губернаторскаго. Роскошная мебель была выписана изъ Петербурга, паркеты были сдѣланы на самой лучшей фабрикѣ того края; ковры, которыми покрыты были его гостиныя, кабинеты и внутреннія комнаты, выписаны изъ за-границы; картины, вазы, бюсты показывали, что хозяинъ человѣкъ не безъ вкуса. Бѣлобрысовъ былъ женатъ, имѣлъ дочь невѣсту; поэтому у него была полна гостинная дамъ. Въ залѣ играли на двухъ столахъ: на одномъ изъ нихъ игралъ самъ хозяинъ съ вице-губернаторомъ; но двухъ, почти постоянныхъ, его партнеровъ — Цеклера и добрѣйшаго нашего друга, Петра Михайловича Вовчка, до сихъ поръ не было, а потому играли инспекторъ врачебной управы пѣмецъ Альтерманъ, да кто-то изъ лѣсничихъ.

— Чтò это до сихъ поръ нѣтъ Петра Михайлыча? говорилъ хозяинъ, посматривая на часы:—а вѣдь неизмѣнный. Да вотъ и Цеклеръ не ѣдетъ.

— А что былъ у васъ Высачевъ? спросилъ князь Печенежскій хозяина.

— Былъ, отвѣтилъ тотъ: — и я у него былъ; а вы?

— Я тоже у него былъ, отвѣтилъ князь коротко.

Князь былъ дѣйствительно у Высачева, и до того простеръ свою любезность, что предлагалъ ему, какъ человѣку пріѣзжему, помѣщеніе въ своей квартирѣ. Пріѣзжій отказался.

— Ну, какъ вы его находите? спросилъ князь Бѣлобрысова.

— Умный человѣкъ, отвѣтилъ тотъ значительно.

— Ошннь умный шеловѣкъ, подхватилъ инспекторъ врачебной управы:—ушонный шеловѣкъ о-о! ушонный. Не сейій можетъ понимать.

Въ это время раздался сильнѣйшій звонокъ.

— Вотъ, вѣроятно, Цеклеръ, замѣтилъ вице-губернаторъ.

— Нѣтъ, отвѣтилъ полковникъ:—это Мельница—я ужъ по звонку знаю.

Въ это время дѣйствительно чрезвычайно поспѣшно вошелъ въ комнату Вѣтринный.

— Вотъ, господа, новость-то вамъ сообщу, такъ новость, говоритъ онъ: — вы никакъ не ожидаете.

— Что такое, что такое? вскричали всѣ.

— Цеклеръ и Петръ Михайлычъ арестованы.

— Какъ, что вы говорите? кѣмъ? вскричали гости. Дамы вѣбжали изъ гостиной.

— По доносу губернатора! Здѣшній жандармскій полковникъ получилъ изъ Петербурга предписаніе арестовать ихъ и произвести строжайшее слѣдствіе.

— О чемъ, какъ? Что онъ донесъ?

— Да то-съ, что нашъ Петя съ майоромъ Цеклеромъ почту хотѣли ограбить.

— Ну да ты врешь, Павелъ Ѳеодорычъ, возразилъ Бѣлобрысовъ.

— Ей-богу-съ, помилуйте, я сейчасъ отъ Цеклера, его при мнѣ же повели на гауптвахту.

— Что это такое, господа! съ негодованіемъ воскликнулъ вице-губернаторъ.

— Господи! раздалось въ одной сторонѣ. — Быть этого не можетъ! говорили въ другой.—Это невѣроятно.

— Это, это, это то-то нишево, воскликнулъ Альтерманъ.

Раздался звонокъ. И черезъ нѣсколько минутъ ввалилъ въ залу толстѣйшій Цеклеръ и вдвое болѣе толстый Вовчокъ, Петръ Михайловичъ, который до того раскраснѣлся, что лицо его подъ бѣлыми волосами было тѣчно свекольнаго цвѣта.

Конечно, всѣ обратились къ нимъ.

— Каковъ-съ! восклицалъ нѣсколько сдержанно Цеклеръ, видя что тутъ большое общество:—а? Можете себѣ представить? а? Мы съ Петей почты грабимъ, а?

— Да помалуйте, вѣдь это невѣроятно! воскликнулъ хозяинъ.

— Какое невѣроятно! Сейчасъ былъ у меня Иванъ Александровичъ Ѳоминъ, жандармскій полковникъ. Предписано-съ сдѣлать строжайшее дознаніе, и потребовать отъ насъ объясненіе.

— Да какъ же это, какъ! Я понять этого не могу, спрашивалъ Бѣлобрысовъ.

— Помните, отвѣчалъ тотъ:—помните ли, былъ случай съ мѣсяцъ тому назадъ, что почтальонъ, везшій почту, былъ пьянъ, свалился съ телеги, подѣзжая къ городу, и разбился, а при допросѣ, въ испугѣ, показалъ, что онъ не былъ пьянъ, а что

подопли двоє неблагонамѣренныхъ людей, скватили его и хотѣли ограбить почту, но что онъ съ ямщикомъ отбились и получили ушибы. Почтмейстеръ тагъ и донесъ своему начальству. а этотъ донесъ, что эти неблагонамѣренные люди были я, да Петръ Михайловичъ, а?

Какъ ни серьёзна была исторія, но при взглядѣ на добрыйшую и тучнѣйшую фигуру Цеклера, на мирное, упитанное лицо Вовча, который безмятежно покоился уже въ креслахъ, все общество расхохоталось.

— Однако, вѣдь это, господа, ужасъ, продолжалъ, горячася, Цеклеръ: — на что же этотъ человекъ можетъ рѣшиться! Вѣдь намъ надобно всѣмъ съобща принять мѣры—да, всѣмъ обществомъ.

— Непремѣнно, непремѣнно всѣмъ обществомъ, закричали всѣ, особенно дамы.

— И у васъ былъ Оминъ? спросилъ спокойно Бѣлобрысовъ Петра Михайловича, когда восклицанія, въ которыхъ онъ не принималъ участія, умолкли.

— Былъ, отвѣчалъ тотъ.

— Тоже требовалъ объясненія?

— Тоже.

— Ну, что же вы?

— А убирайтесь же вы въ чорту и съ губернаторомъ, сказалъ я Омину. — Стану я съ вами пустяками заниматься; вотъ, на-во, пій горилку, сегодня же получилъ прямо изъ-подъ Чи-гирна.

— Да вѣдь надо, Пета, говорятъ предписано — надо объясненіе.

— Объясненіе, объясненіе,—ну, и пиши объясненіе, какое тамъ знаешь, а я подпишу — ты лучше знаешь, какъ писать объясненія-то эти; я тебѣ далъ объясненіе, что этакого господина не въ губернаторы бы слѣдовало, а на колокольню звонъ колотать—вотъ!

— Ну, тише, Пета, нехорошо, народу много, замѣтилъ хозяинъ.

— А мнѣ што! отвѣтилъ спокойно Вовчокъ.

— И вы арестованы? спросилъ князь Цеклера.

— Нѣту, отвѣтилъ смѣясь тотъ: — съ чего же это!

— Какъ же, Павелъ Федоричъ? вскричали всѣ, обратась къ Вѣтряному.

— Да мнѣ сказалъ вашъ человекъ Иванъ, заболталъ Вѣтряный.

— Ну, полноте, какъ арестовать! продолжалъ Цеклеръ: — и Оминъ смѣется.

— Значить, совралъ Мельница, замѣтилъ толстый председа-тель.

Мельница смолчалъ.

— Чортъ-знаетъ что у насъ дѣлается, сказала Бѣлобрысовъ, начиная вздавать карты. Игра опять продолжалась весьма дѣлательно, вниманіе безпрестанно однакожь обращалось къ происшествію. Допиграли пульку, стали разсчитываться.

— А гостекъ-то-съ, гостекъ-то, вдругъ раздался тоненькій теноръ Вѣтрынаго: — каковъ-съ!

— Что такое? внимательно спросилъ князь Печенежскій.

— Да я вамъ говорю—штучка-съ!

— Что же такое?

— Уѣхаль-съ!

— Какъ, уѣхалъ! куда? спросилъ, видимо смущаясь, князь.

— Да-съ, только сдѣлалъ визиты, да и уѣхалъ. Мнѣ, говорить, время тратить некогда, взялъ у меня охотника, да и уѣхалъ.

— Куда же, куда уѣхалъ? добивался князь.

— На лѣсныя дачи.

— На лѣсныя дачи! вскричалъ князь.

— Да, говорить, здѣсь губенія лѣсная; надо особенное обратить вниманіе на эту отрасль промышленности—надо видѣть на мѣстѣ.

— Въ какую же сторону онъ поѣхалъ? спросилъ тоже озабоченно инженеръ.

— Къ Чижамъ.

— Гм! хмыкнулъ инженеръ.

— Отчего же именно въ эту сторону? спросилъ вице-губернаторъ.

— Оттого, что здѣсь взялъ большія дачи первый лѣсопромышленникъ Ковшовъ.

— Ковшовъ! вскричалъ, поблѣднѣвъ, князь.—Гдѣ же онъ самъ, Ковшовъ, теперь?

— Тамъ-съ; кажется, на прошлой недѣлѣ еще уѣхалъ. Онъ-то и звалъ Высачева къ себѣ въ гости на дачу.

Князь былъ блѣденъ какъ бумага. Инспекторъ раскинулъ карты на новую пульку, но князь Романъ отказался; не захотѣлъ играть и хозяинъ. Мѣсто ихъ заняли вновь прибывшіе Цеклеръ и Петра Михайловичъ.

Хозяинъ сталъ весело разговаривать съ гостями, какъ будто ни въ чемъ не бывало; а высокая фигура князя долго двигалась по залѣ; наконецъ, высмотрѣвъ хозяина, стоявшаго одиноко за стуломъ одной дамы, игравшей въ карты, онъ тихо подошелъ къ нему и, взявъ за руку, отвелъ въ сторону.

— Мнѣ нужно сказать вамъ два слова, молвилъ князь.

— Весь къ вашимъ услугамъ, вѣжливо отвѣтилъ Бѣлобрысовъ и отвелъ князя въ бильярдную.

— Вотъ что, Арсеній Андреевъ, вы — человекъ ученый; скажите мнѣ пожалуйста, что это за исторія эти *статистическія свѣдѣнія*?

— Статистическія свѣдѣнія, статистическія свѣдѣнія, задумчиво говорилъ полковникъ Бѣлобрысовъ князю Роману, усаживаясь вмѣстѣ съ нимъ на прекрасномъ бархатномъ диванѣ:—статистическія свѣдѣнія — если ихъ собирать такъ, какъ обыкновенно у насъ ихъ собираютъ, тогда богъ съ ними! Предпишутъ губернатору, а тотъ исправникамъ, ну тѣ и пишутъ что въ голову придетъ. Вотъ въ нашей памятной книжкѣ разъ какъ-то было напечатано, что въ нашей губерніи, которая чуть-ли не у Ледовитаго океана лежитъ, верблюдовъ и тигровъ не водится, а сколько у насъ рогатаго скота и какихъ породъ—объ этомъ напечатать не догадались. Если и Высачевъ такой же статистикъ, такъ это не штука.

— Ну, а то какіе же бываютъ еще статистики? спрашивалъ съ великимъ любопытствомъ князь.

— Какіе бываютъ статистики? повторилъ вопросъ Бѣлобрысовъ.—Бываютъ нынче! Можетъ, захочетъ познакомиться съ краемъ-то самъ. На мѣста поѣдетъ, съ народомъ будетъ толковать; мужичье-то это поганое будетъ спрашивать—вотъ что!

— О чемъ же будетъ спрашивать? прерывалъ князь.

— Ну, а какъ знать? Вѣдь богъ-знаетъ, какія ему даны инструкции-то. Можетъ, вовсе и не за статистическими свѣдѣніями посланъ.

— Зачѣмъ же, зачѣмъ? какъ вы полагаете? спрашивалъ торопливо князь.

— Зачѣмъ? Богъ-знаетъ. Сюда есть зачѣмъ посылать-то, слава-богу. Копни-ко одно ваше губернскае правленіе, такъ тутъ...

— Ну, да и у васъ въ округѣ хорошо! обидчиво замѣтилъ князь.

— Есть, отвѣтилъ законически инженеръ, свода разговоръ на другой предметъ: — да вотъ хоть бы и этотъ! Вѣдь чортъ его знаетъ, что онъ въ Петербургъ-то пишетъ. Ну, хоть бы и по вашему дѣлу — богъ-знаетъ, что онъ въ Питеръ-то написалъ.

— О, что касается до меня, рѣзко перервалъ князь:—я радъ хоть слѣдствіе формальное.

— Да такъ — я-то знаю ваше чистое благородство, вполне соответствующее вашему знатному имени; но вѣдь Петербургъ-съ! Вѣдь вотъ видите, онъ прямо на мѣсто-то и поѣхалъ.

— Но, вѣдь, можетъ, и по Грачевскому тракту проѣдетъ, еще богъ-знаетъ! замѣтилъ очень нетактично князь.

— Ну, такъ что же-съ?

— Шоссе-то плохо, Арсеній Андренчъ.

— Починимъ-сь; ничто не вѣчно подь луною, я ужь распорядился.

— Осенью-то совсѣмъ плохо.

— До осени-то онъ не доживетъ, а вы, князь, ужь очень преувеличиваете, замѣтилъ тонко Бѣлобрысовъ.

— Да вѣдь я, Арсеній Андренчъ, пылко вскричалъ князь:— не для того заговорилъ; я для васъ же, изъ участія, чтобы вы остереглись.

— Благодарю покорно-сь.

— Почему же вы думаете, не доживетъ онъ до осени?

— Нѣтъ-сь, не доживетъ, съ увѣренностію отвѣтилъ полковникъ.

— Почему же?

— Да такъ-сь; здѣсь вѣдь жить-то не гдѣ-нибудь, вѣдь это трущоба; видите, какія дѣла дѣлаются. Съ характерцомъ надо быть, чтобы ужиться-то съ этимъ народцомъ, и полковникъ указалъ на залу:—развѣ это люди? вѣдь дичь, батюшко!

Послѣ этого разговаривавшіе встали и молча пошли въ залу.

Дичь.

— Что вы тутъ дорогу не проложите? вѣдь это ужасъ!

— Да кому пролагать-то, Николай Александровичъ. Начальство не принуждаетъ, такъ кто станетъ пролагать дорогу. И ѣздить-то куда? Въ городъ — такъ ужь зимой ѣздить больше, а то куда? кругомъ все лѣсъ.

Это говорилъ нашъ герой, да высокій, русоволосый крестьянинъ въ сѣромъ армякѣ, ѣдучи верхами на крестьянскихъ лошадяхъ по едва замѣтной тропѣ глухого, непроходимого лѣса.

За ними, тоже верхомъ, слѣдовалъ широкоплечій, дюжій старикъ, не съ сѣдыми, а уже съ пожелтѣвшими волосами, но совершенно добрый. Лицо и вся фигура его были исполнены той патриархальной простоты и сановитости, которыя встрѣчаются иногда въ крестьянствѣ.

Мы должны сказать, что Высачевъ горячо взялся за дѣло. Зная, что Гнилозерская губернія по преимуществу лѣсная, онъ тотчасъ же обратилъ все свое вниманіе на эту отрасль промышленности. Поэтому онъ чрезвычайно обрадовался предложенію откупщика и главнаго лѣсопромышленника этого края, купца Ковшова—посѣтить его лѣсныя дачи. Въ то же время, собирая мѣстные преданія, повѣрья, сказанія и т. п., онъ встрѣтился съ тѣмъ старикомъ, ко-

торый теперь ѣхалъ сзади. Это была личность оригинальная и весьма интересная. Старый Ома зналъ сѣверный край какъ свои пять пальцевъ; по заработкамъ, или по торговлѣ онъ всходилъ его пѣшкомъ разъ десять; ему было извѣстно не только, гдѣ какой промыселъ или торговля ведется, но гдѣ какая пѣсня поется, какая былина сказывается. Много интересныхъ свѣдѣній приобрьлъ уже Высачевъ отъ Омы, а потому естественно, что, собираясь въ путь, по губерніи, онъ пригласилъ съ собою своего новаго знакома. Для прислуги взялъ онъ охотника, Игнатя, которымъ подслужился ему Мельница.

Дорога была въ полномъ смыслѣ непроходимая. Трудно было идти тутъ и пѣшеходу, не только что на лошади. Камни, сваленныя и сгнившія деревья, топи, кочки, болота — все это безпрестанно встрѣчалось на пути; а между тѣмъ болючія лапы сосенъ безпрестанно били по лицу; стволы ихъ надвигались такъ близко къ тропѣ, что, въ случаѣ неосторожности, лошадь могла раздавить ногу всадника о дерево.

— А въ Чижыхъ-то, поди, чтò молвятъ, началъ опять Игнатій. — Росчисть, говорятъ, дорогу, такъ и будетъ гулять къ тебѣ исправникъ кажинное лѣто. Валадайся съ нимъ рабочую-то пору. Ну, а теперь небось не поѣдетъ — рожу-то выхлещетъ такъ, что вдругорядъ не сунется.

— Да вѣдь хуже: въ городъ вызовутъ кого надо.

— Найдутъ! отсюда ругами не достанешь.

Лѣсъ нѣсколько разступился и далъ мѣсто огромному болоту, поросшему водянистыми травами. Нашъ герой недоумѣвалъ, какъ проѣхать по такому топкому морю, и спросилъ объ этомъ своего проводника.

— А вотъ бочкомъ-то, бочкомъ. Ишь насланъ мостоко-тъ.

Мостокъ этотъ былъ больше ничего, какъ множество жердей, набросанныхъ рядомъ другъ возлѣ друга и совершенно уже втоптанныхъ въ грязь, такъ что лошади, идя по этой подземной гати, вазли чуть не по колѣно.

— Кто жъ у васъ завѣдуетъ этими дорогами?

— Лѣсничіе, лѣсничіе, отвѣтилъ мужикъ, скороговоркою. — Тамъ въ городу-то есть правленіе — лѣсо-тъ государственный — такъ государственное правленіе есть, ну, и лѣсничіе, значить, въ немъ приписаны.

— Такъ чего же они смотрять?

— Да вѣдь какъ тутъ смотрѣть-то, Николай Александровичъ; вѣдь ишь глушь какая; да и лѣсу-то здѣсь въ губерніи — ой! Обвѣздишь ли весь? Ну, по большой-то дорогѣ проѣдетъ, да и

домой. Ономясь одинъ поѣхалъ-было сюда, да и пяти верстѣ не проѣхалъ — вернулся.

— Отчего?

— Глазъ выворотилъ совсѣмъ. Хмѣльменекъ пустился, непоостерегся, лошадю-то не справилъ, та его на сукъ и нанесла.

Съ трудомъ переѣхавъ гать, путники опять вступилъ въ тѣму необъятнаго лѣса. Солнце едва проступало сквозь черныя сосновыя массы. Почва была нѣсколько сыра, въ воздухѣ прохладно; ароматъ ландышей и другихъ травъ, растущихъ на сыроватой почвѣ, разносился въ лѣсной атмосферѣ. Проѣхавъ нѣсколько минутъ, путники опять должны были остановиться. Поперегъ дороги легла огромная сосна, сломленная, вѣроятно, бурей. Игнатій попробовалъ-было объѣхать бокомъ, но чаща ельника была такъ густа, что не было возможности.

— И впрямъ Чижовскіе горлопаны, молвилъ наконецъ Игнатій, выйдя изъ себя: — заростили дорогу-то совсѣмъ. Мало имъ рыло-то чистилъ въ прошломъ году исправникъ! Дѣдушко Оома! поддержи-ка лошадь, а я поразчишу.

Съ этими словами Игнатій подалъ поводъ старикъ, вынулъ пзъ-за пояса топоръ и проворно началъ обрубать у великана - дерева сучья, чтобы проложить проѣздъ.

— Какъ можно такъ ѣздить! говорилъ Высачевъ, выведенный изъ терпѣнія.

— А вотъ какъ я тебѣ скажу, Николай Александрычъ, вмѣшался въ разговоръ старикъ: — если примѣрно, къ Кореламъ, такъ тамъ на конѣ проѣхать нельзя — ступай пѣшой.

— Отчего же?

— А вотъ все на экіа надо влѣзаты.

И старикъ указалъ влѣво. Сквозь сѣроватыя стволы сосенъ и бѣлыя сучья березъ видѣлась угрюмо стоящая черная каменная скала. Молчаливо и насунувшись, выглядывала она изъ дремучаго лѣса, качая растущими на ней сосновыми великанами.

Но иногда этотъ темный лѣсъ убирался цвѣтами всѣхъ сортовъ и видовъ; въ мѣстахъ посырѣе сверкали, какъ звѣзды, бѣлыя розсыпи земляничнаго цвѣта или алыя блестящія полянны; ландыши и астры, синіе и лиловые колокольчики усыпали почву. На солнопекахъ разлегались зеленые, мягкіе, какъ бархатъ, малинники; кусты шиповника и волчьихъ ягодъ красиво убрали темныя груши сосноваго лѣса. Воздухъ жаркаго лѣтняго дня наполнялся тысячею голосовъ лѣсныхъ птицъ. Изрѣдка хлопалъ крыльями черныи мошникъ—нашъ глухарь—укрынавшійся въ бѣломъ сѣверномъ ихѣ. Несмотря на невыразимую трудность пути, Высачевъ все болѣе и болѣе вдохновлялся дикими красами

этого лѣснаго царства. Ему казалось, что онъ съ каждымъ шагомъ погружается въ какой-то новый, никогда невиданный иль мѣръ — дивнѣй, но величавнѣй. Исполнины растительнаго царства не только охватывали его кругомъ, но часто закрывали и сверху. Не было ни горъ, ни полей, ни рѣкъ, ни человѣка, даже неба, т.-е. всего того, съ чѣмъ мы сжились и свыклись — былъ одинъ только лѣсъ дремучій и, казалось, непроходимый.

— Далекое ли намъ еще? спросилъ Высачевъ.

— До Чижей-то? Э, что еще, отвѣтилъ охотникъ:—половинны не пройдешь—верста двадцать будетъ хорошихъ.

— И все такимъ лѣсомъ?

— Нѣтъ, скоро полегче будетъ — боромъ поѣдемъ, тамъ почище, говорилъ Игнатій, понукая лошадь перелѣзать черезъ гору павнаго лѣса, уже устарѣвшаго и покрытаго бѣлымъ мхомъ.

— Чтò же у васъ тутъ есть въ лѣсу-то?

— Всего есть, отвѣтилъ Игнатій, оглядываясь кругомъ:—ишь ты, ягода всякая, птица лѣсная, звѣрь.

— Водится и еще кой что, Николай Александрычъ! замѣтилъ старикъ серьезно.

— Ну, я про то не знаю, съ неудовольствіемъ отвѣтилъ охотникъ.

— А чтò же такое? спросилъ Высачевъ старика.

— Есть, отвѣтилъ тотъ.—Всячины много — лѣсовики показываются нерѣдко.

— Какіе лѣсовики?

— Ну, такъ лѣсные, они не вредятъ человѣку—шумятъ только, но показываются не передъ добромъ.

Герой нашъ повялъ наконецъ, о чемъ говорилъ Оома, и улыбнулся.

— Ну, а звѣрь-то какой здѣсь водится? спросилъ онъ.

— Да больше бѣлка да медвѣдь, отвѣтилъ Игнатій: — олень забѣгаетъ.

— Ты зачѣмъ больше ходишь?

— Теперя-то?

— Ну, да, теперь.

— Больше за птицей али за бѣлкой. Оперезъ того ходилъ и на медвѣда, да нонь ужъ силы не тѣ.

— И глазъ-то, я думаю, невѣренъ сталъ?

Игнатій обернулся къ Высачеву и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на барина.

— Глазо-тъ для бѣлки повѣрнѣе надо-тъ, отвѣчалъ онъ.—Вѣдь бѣется бѣлка маленькой пулькой, вотъ видишь изъ свинчатки—и охотникъ показалъ дуло висѣвшей у него за плечомъ само-

дѣльной винтовки:—бѣлку бьютъ въ морду, а въ глазъ, а какъ въ шкуру-то будешь лунить, такъ что будешь за охотникъ! Бабы осмѣютъ.

— А за медвѣдемъ страшно ходить?

— Нѣтъ, хорошо, одушевленно молвилъ охотникъ.—Ну, вѣдь разумѣтся, ослатливость нужна — глазъ; знамо, какъ ратовей, такъ ужъ не суйся. Вѣдь вотъ хоть и на рубкѣ лѣса, али на славѣ, лагъ подъ бревно-то такъ вѣдомо задавить. Умному надо быть.

— А силенъ, говорятъ, онъ на лѣсу-то?

— Э-э, силенъ! Однажды, я какъ-то маху далъ, подъ мышку ладилъ, но видно въ сердце-то не угодилъ. Такъ онъ на меня боится идти—видитъ, у меня винтовка, да рогатина; и уйти-то боится — въ тылу, значить, меня оставить не хочетъ — всталъ на заднія-то лапы и реветъ! Такъ вотъ передъ нимъ деревцо сосновое стояло—бревешко порядочное таки—какъ лапнетъ онъ по дереву правой лапой—такъ, вѣрите ли, сударь, ровно топоръ срѣзалъ.

— Ну, а потомъ?

— Со второго удара легъ.

Игнатій замолчалъ, и по спокойному выраженію лица его можно было подумать, что онъ такъ же бы рассказывалъ о побѣдѣ своей надъ зайцемъ, какъ надъ этимъ великаномъ нашихъ сѣверныхъ лѣсовъ. Немного погодя, онъ снова обратился къ Высачеву.

Дорога видимо поднималась въ гору; съ правой стороны лѣсъ сталъ рѣдѣть, сквозъ неподвижные стволы деревьевъ стало просвѣчивать что-то бѣлое, и наконецъ, путникамъ открылась громадная бѣлая поверхность озера, даль котораго сливалась съ горизонтомъ тоже бѣлаго неба.

Трудно представить картину болѣе пустынную и унылую. Передъ путниками открылось озеро; крутой берегъ, по которому они ѣхали, былъ песчанъ, по другую сторону задумчивыми лѣсистыми холмами тянулись горы. Впереди озеро сливалось съ нескончаемою далью. На всемъ пространствѣ лежала особенная, во въ высшей степени величавая сила—это сила молчанія. Нетолько въ вышинѣ, но и въ лѣсу и надъ озеромъ не было ни звука, ни движенія. Вѣтра не было, птицы не ѣли, небо и лѣсистые холмы смотрѣлись въ озеро, а озеро будто любовалось великимъ куполомъ неба, озлащенимъ теперь солнечнымъ блескомъ. Какъ самобытна, какъ горда, какъ недостижимо прекрасна бываетъ природа, если она захочетъ быть одна, и какъ жалка и мишурна кажется тогда передъ нею муравьиная копотливость человѣка!

— А велико это озеро? спросилъ Высачевъ.

— Нѣту-ти, невелико, отвѣтилъ старикъ:—здѣ-кова, версть семдесятъ въ длину-то.

«Вотъ оно не велико-то» подумалъ Высачевъ. А что—не приостановиться ли намъ здѣсь? прибавилъ онъ:—пора бы и пообѣдать—благо мѣсто хорошо».—Такъ-какъ возраженій на это не послѣдовало, то наши путешественники, разсѣлавъ лошадей, усѣлись подъ деревомъ удовлетворять голодные желудки. Когда они порядочно заусили, Ома Егоровъ сказалъ:

— Позапрошломъ году, Николай Александрычъ, плылъ я по озеру-то...

— По этому? спросилъ Высачевъ.

— Нѣтъ, это глухое озеро, тутъ нигдѣ и жилья нѣтъ—одинъ лѣсъ; по нашему, по родному озеру... о! то большое, людное озеро, версть 300 длины. На островахъ села, волости, монастыри. Богатое озеро!

— Ну, что же дальше, Ома Егорычъ?

— Такъ плылъ я по озеру-то къ Дѣвичьему острову—большому острову, но безлюдному.

— Отчего же онъ Дѣвичьимъ-то называется? прервалъ Высачевъ.

— А вотъ отчего: въ досюльные годы, еще до царя Петра Алексѣевича, жилъ здѣсь въ Чижихъ мужичокъ—богатый-пребогатый. У него была дочка—красавица неописанная. Въ жемчужныхъ монетахъ, да въ поднизи—словно королева какаа.—Вотъ и прознали про то нѣмцы.

— Какіе же нѣмцы? спросилъ Высачевъ.

— Нѣмцы, нѣмцы, отвѣчалъ, замываясь, Ома Егорычъ:—за озеромъ въ та-поры жили нѣмцы; они и пріѣхали сюда въ Чижихъ, да дѣву-то и укралъ. Вотъ плывутъ они по озеру-то, да подѣзжаютъ къ острову.—А выйдемъ, говорятъ, на островъ.—Дѣвицу-то они связали, да и положили въ лодкѣ, а сами вышли на островъ и стали пить. Дѣвонька лежитъ въ лодкѣ и такъ-то плачетъ, хочется ей какъ бы руки развязать да хотъ утопиться. Пога она руками-то, да всѣмъ тѣломъ шевелила—знаешь, чтобы развязать руки, и лодка-то значить шевеллась—да и отошла отъ берегу. Дѣвицу вѣтромъ и принесло домой, а нѣмцы всѣ на островъ придохли—съ голоду, значить. Съ тѣхъ поръ островъ и прозывается Дѣвичій.

— Ну, такъ что жъ съ тобой на острову случилось?

— Да, на острову-то! Вотъ послушай-ка. Иду я этакъ къ фатерѣ-то...

— Какаа же фатера? вѣдь ты говорилъ, что островъ необитаемъ?

— Ну, фатера-съ значить, для приѣзжихъ избенка ставится, замѣтилъ, вмѣшавшись въ разговоръ, Игнатій.

— Для приѣзжихъ, для приѣзжихъ, перебилъ Оома.—Вотъ на Грумантѣ и совсѣмъ никто не живетъ, а и тамъ фатера построена.

— На Грумантѣ-то ты какъ попалъ?

— А за рыбой ѣздилъ. Э-э, дикой, дикой островъ.—Вотъ иду я къ избенкѣ-то, лѣсомъ надо-ть идти — а подъ деревомъ Оеденька, Егоркинъ сыновъ, паренёкъ лѣтъ 10, и сидитъ — худой да блѣдный; онъ ужъ два года пропадалъ. Съ начала я таки и поробѣлъ, а потомъ и пошелъ къ нему, ну, взять бы да перестать—съ рукъ-то нечистая сила не возьметъ—подхожу, а онъ ужъ и пропалъ.

— Какъ же онъ попалъ сюда?

— Къ нечистой-то силѣ? — а matka загляла.

— Какъ!

— Да такъ; разъ она пошла съ паренёкомъ-то за молокомъ, а тотъ и присталъ: мама, дай я понесу. — Разобъешь, говорить. — Нѣту, говорить, мамонька.

— Та дала, а паренёкъ кринку-то понесъ, да вдругъ запнулся и уронилъ.—Э! изьми-тя!... вскричала мать въ сердцахъ.—Сынокъ тутъ же и пропалъ.

— Вотъ этакъ-же въ деревнѣ Селедкѣ отецъ заглялъ сына, замѣтилъ охотникъ:—такъ три года пропадалъ.

— Ну, какъ же нашель? спросилъ Высачевъ.

— Вѣдуна съискалъ.

— Вѣдуна надо-ть, вѣдуна, замѣтилъ Оома.

Отдохнувъ немного, путники опять двинулись въ дорогу. Лѣсъ снова покрылъ ихъ своими лапами, но это былъ уже совсѣмъ иной—это былъ чистый, просторный боръ, тотъ именно, о которомъ говорилъ уже охотникъ. Громадныя вѣковыя сосны стояли молча и неподвижно; красные, чистые и колоссальные ихъ стволы издавали смоляной запахъ; сквозь нихъ видно было, какъ перепархивали лѣсные птицы; твердая, горячая отъ солнечнаго жара почва вся была покрыта иглами павшаго ельника и еловыми шишками; пзъ-подъ нихъ нерѣдко просвѣчивали огромныя ребра корней лѣсныхъ гигантовъ. Несмотря на то, что тучи нависшихъ вѣтвей закрывали отъ солнца, жаръ былъ нестерпимый. Хотя ѣхать было уже свободно и хорошо, такъ что лошади пошла ровнѣе, но Высачевъ пожалѣлъ о прежнемъ бездорожномъ и глухомъ лѣсѣ. Въ бору было все чисто и спокойно, за то такъ однообразно и скучно, что Игнатій давно уже задремалъ; дрема околѣла и Высачева.

— А скоро ли мы доберемся? спросилъ Высачевъ охотника, когда солнце уже значительно склонилось къ западу и въ лѣсу появилась прохлада.

— Теперь скоро, версть шесть будетъ.

— То-то, чтобы намъ не заблудиться въ потемкахъ-то.

— Этта заблудиться! пошто заблудиться — не впервые.

Однако, что ни говорилъ охотникъ, его шесть версть были бѣзконечны. Солнце давно уже сѣло; подулъ вѣтеръ и небо стало заволоваться тучами. Лѣсъ зашумѣлъ. Кой-гдѣ, качаясь, скрипѣло дерево; а въ иномъ мѣстѣ и трещало подъ напоромъ вѣтра; вдали стонала какая-то ночная птица; самые голоса путниковъ стали какъ-то странно звучать въ этомъ невѣдомомъ лѣсномъ океанѣ. Но посреди этихъ странныхъ, незнакомыхъ головъ пронеслось что-то знакомое.

— Вотъ и пріѣхали, молвилъ Оома.

— Почему-жь ты думаешь?

— Да слышь, сторожъ звонить въ Чижахъ.

Дѣйствительно, лѣсъ скоро кончился; проѣхавъ небольшое поле, путники стали подниматься на гору—опять къ лѣсу.

— О-ой, закричалъ охотникъ, какъ только взобрались они на гору.

— Э-эй, отвѣтили ему изъ лѣсу.

— А гдѣ откупщикъ?

— Въ отъѣздѣ.

— Когда будетъ?

— Да должонъ быть.

Усталые путешественники остановились все также среди лѣса, но здѣсь освѣщеннаго во многихъ мѣстахъ кострами.

Л ъ с ъ .

Послѣ утомительнаго пути нужно было отдохновеніе. Подъ навѣсомъ громадныхъ сосенъ, путники тотчасъ же развели костеръ, возлѣ котораго разостлали оленью шкуру. Игнатій хлопоталъ около лошадей, а Высачевъ съ Оомой достали дорожный самоваръ, который тотчасъ же и заплѣзъ свою пѣсню, теперь столь пріятную для путниковъ. Стаканъ водки и чай оживили Оому, и онъ снова обратился къ своимъ любимымъ разговорамъ.

— Э-э, худо-худо будетъ хрестьянству, говорилъ Оома, выпивая, по предложенію Высачева, еще стаканъ водки, и отрѣзвая кусокъ ветчины.

— Да отчего?

— Да уж оттого, Николай Александрычъ — будетъ что-нибудь: либо война, либо гоненіе какое — увидишь.

— Почему же ты такъ думаешь?

— А вотъ здѣсь, на Волчьей губѣ, есть мужичокъ. И идетъ онъ по лѣсу — глухой лѣсъ такой; вдругъ объявилась тутъ дорога — торная-преторная. Онъ идетъ по дорогѣ-то, и попадаетъ ему на встрѣчу человекъ, хорошо таково убранъ. Мужичокъ и спрашиваетъ: куда-ко вы, дородень добрый молодецъ, идете? — «На войну, говорить.» Заглянулъ мужичокъ-то въ ликъ молодца, а онъ синеобразенъ! Такъ сейчасъ и пропалъ.

— Кто же это?

— Лѣсъ.

— Какъ лѣсъ?

— Ликомъ онъ синеобразный. И много ихъ! Во всякомъ царствѣ надъ ними есть набольшой. Вотъ когда у людей пойдетъ война, опережь того у нихъ война идетъ. Видишь, онъ и говорилъ, что идетъ на войну. Здѣ-ково много лѣсу. Ъхаль однажды мужичокъ, хмѣленъ. И попадаетъ ему другой мужикъ — синій-пресиній — синчакъ, значить. — «Куда-ко ты ѣдешь?» — Домой, говорить, ладенька. — «Что въ городу-то у васъ?» говорить. — Да ничего, ладенька. — «Ну, будетъ, говорить, вамъ!» и самъ пропалъ, а мужичокъ-то три дня плуталъ по лѣсу, чуть съ голоду не умеръ. Вотъ, смотри, и въ городу-то что-нибудь лучится...

— А не говорилъ я тебѣ, кто заклятыхъ-то уводитъ?

— Кто? Не помню, отвѣтилъ Высачевъ, заманивая старика на рассказы.

— Живутъ еще въ лѣсу лѣсные старцы-отцы. Э-э, много ихъ. Сидятъ они себѣ, скорчившись подъ соснами, какъ лунь сѣдые. Они-то и уводятъ...

— Чай-да-сахаръ! раздалось сзади Высачева. — Николай Александрычъ, здравствуйте, говорилъ, подходя въ собесѣдникамъ, отступникъ: — сдержалъ слово, ай-да баринъ, а ты, Омушка? здравствуй, какъ сюда попалъ?

— А вотъ съ бояриномъ-то, Федосей Яковличъ, отвѣтилъ свободно Оома, кланяясь лѣснику.

— Да что же вы тутъ въ лѣсу-то, Николай Александрычъ? ко мнѣ милости просимъ.

— Нѣтъ, ужъ завтра, отвѣтилъ Высачевъ: — сегодня такъ хорошо и здѣсь; завтра я вашъ гость.

— Ну, ладно; а что въ городу новенькаго? спросилъ Ковшовъ, садясь радушно возлѣ Высачева.

— Да ничего, все то же, знаете; борьба все сильнѣй и сильнѣй. Ужъ теперь и въ влубъ никто не ходитъ.

Федосей Яковлевичъ махнулъ рукою, и отвернулся въ сторону, какъ будто говоря: шутъ ихъ знаетъ съ чего бѣсятся.

— А вотъ, пріатель-то мой говоритъ, сказалъ Высачевъ, указывая на Оому: — что у васъ въ дѣсахъ-то нечистой силы много.

— Наговорить онъ вамъ, отвѣтилъ смѣясь Ковшовъ.

— Э-э, много, много, Федосей Яковличъ, отвѣтилъ съ увѣренностію Оома.

— Да и въ городу-то у насъ немало стало, Оомушка, замѣтилъ Ковшовъ старику.

— Немало! вскричалъ съ удивленіемъ Оома.

— Не повѣрите, продолжалъ Федосей Яковлевичъ, обратясь уже къ Высачеву: — вѣдь какъ только пріѣхалъ, точно все перевернуло. Смуты, да распри, ссоры, да которы — ну, смерть да и только. Ужь и впрямъ, точно нечистая сила поселилась.

— Я те говорю, Федосей Яковличъ, поселилась, молвилъ Оома съ увѣренностію. — Вотъ ты зналъ ли Егора-то Сысова, изъ Сямги-то?

— Зналъ. Да вѣдь онъ умеръ?

— Умеръ. Домокъ-то былъ полна чаша, а какъ побывшился, такъ въ семьѣ-то и пошло все неподобное. Такъ и запустѣло.

— Ну, да вѣдь ппть стали сынки то?

— Какое питье тутъ! возразилъ Оома. — Это бы ничего — молодое дѣло, а ужъ тутъ...

— Ну, что, ерестунъ, значить?

— А неминуемое дѣло, Федосей Яковличъ, отвѣтилъ утвердительно Оома.

— Что это такое за ерестунъ? спросилъ улыбаясь Высачевъ.

— А вотъ видите что, отвѣчалъ Ковшовъ. — Есть у насъ вѣдуньи или колдуньи; онѣ знаютъ съ нечистой силой; хорошія колдуньи знаютъ съ ней на добро людямъ, а злыя — на зло. Послѣднія-то и по смерти дѣлаютъ зло. Онѣ обращаются, какъ у насъ здѣсь говорятъ, въ ерестуновъ и входятъ въ умирающаго. Тогда въ семьѣ настаетъ вражда или разореніе. — Вотъ съ ты, Егоричъ, намъ принесялъ добраго вѣдуна, примолвилъ Ковшовъ старику.

— Въ Богданкахъ есть, есть, Федосей Яковличъ, отвѣтилъ тотъ простодушню.

Высачевъ предложилъ откупщику закуску, и извинился, что она по дорожному скудна.

— Полно, полно, Николай Александричъ, возразилъ Федосей Яковлевичъ, возвращая флягу: — что ты! у меня въ гостяхъ, да меня же потчивать станешь.

— Эй! крикнулъ Ковшовъ.

Изъ артели, развалившейся всюду у костровъ, выдѣлился одинъ мужикъ, и подошелъ къ откупщику. Тотъ пошепталъ ему что-то на ухо, послѣ чего крестьянинъ скрылся. Вскорѣ онъ воротился съ кульбомъ, въ которомъ были вина. Ковшовъ сталъ раскупоривать ихъ, и подчивать гостя и Оому.

— Да вотъ и здѣсь на Чижыхъ было то же, говорилъ старикъ. — У кузнеца Шпыря была дочка — красоты неописанной, этакой красоты, Николай Александрычъ — ровно ужъ совсѣмъ не крестьянская. Возьми она да и помри: тотъ въ нее и вселился. Такъ вѣдь, вѣрите ли? новую избу построили — выжилъ совсѣмъ; Шпырь-то мнѣ самъ рассказывалъ.

— Что же?

— Да вишь, чуть только ночь-то, чу, настаетъ, а она передъ нимъ и стоитъ — такъ-таки въ бѣломъ саванѣ, да съ черною расчтетенною косой, а коса-то до колѣна.

— Это во снѣ ему снилось вѣроятно, замѣтилъ Николай Александровичъ, самъ немного содрогааясь отъ ночныхъ рассказовъ Оомы Егорова.

— Какой сонъ, Николай Александрычъ! Кабы сонъ, такъ одиново бы и приснился, а то вѣдь безпрестанно, да вѣдь и всѣмъ — matka-то тоже ночи не спала — ну, говорить, стоять, бѣлая да высокая, глазоньки-то закрыты, а черныя косы такъ и висятъ.

Высачеву послышался сзади шелестъ. Онъ оглянулся, и поблѣднѣлъ. Черный, угрюмый лѣсъ казался еще чернѣе отъ горѣвшаго передъ нимъ костра. Темною грозною стѣною стоялъ онъ вдаль и вблизи, освѣщался красноватымъ заревомъ костра. На этомъ-то красноватомъ заревѣ, недалеко отъ Высачева, ярко обрисовалась, и какъ будто окаменѣла высокая женщина, которая была тоже вся въ бѣломъ.

— Вотъ онъ гдѣ бражничаютъ, заговорилъ голосъ сзади бѣлой женщины, и тучная фигура супруга Ковшова вышла изъ лѣсу, тогда какъ бѣлая фигура стояла все еще неподвижно: — ишь, и въ компаніи, продолжала она, обращаясь къ мужу.

— Не взнытите, батюшка, мы по домашнему, сказала она Высачеву: — по вечернему, совсѣмъ было уже спать ложились. Знаида Карловна, ступай, матушка, не конфузься; здѣсь попросту, подеревенски. Это наша знакомая — Знаида Карловна, добавила она.

Тутъ Высачевъ неволью вспомнилъ толки гнилозерцевъ о красотѣ Талецкой. Это была женщина, вѣроятно, въ томъ возрастѣ, когда женская красота достигаетъ полного развитія. Высокая, стройная, съ роскошными формами и лицомъ, напоминающимъ болѣе южную красоту, чѣмъ русскую, Знаида Карловна

Талецкая могла быть украшеніемъ какаго угодно свѣта, нетолько гнилозерскаго. Черные, большіе и глубокіе глаза смотрѣли задумчиво, а иногда такъ умно и пронизательно, что, кажется, читали въ душѣ другого. Черные же роскошные волосы ярво выдѣляли замѣчательную бѣлизну и нѣжность ея лица, кажется, единственные дары свѣра.

— Ну-ко, боярышня, чокнись-во съ гостькомъ-то, кричалъ Ковшовъ, уже порядочно раскраснѣвшійся:—вѣдь это не то, что наши гнилозерскіе лоботрасы, это—питерскій, умный, а это наша звѣздочка гнилозерская, батюшко — и въ Питерѣ-то у васъ такихъ немного—вся молодѣжь наша высохла по ней.

Дѣвушка сконфузилась, но сѣла возлѣ костра. Ковшова вытанула стаканъ краснаго вина, поданный ей супругомъ; выпила немного и Зинаида.

— Навѣстить меня пріѣхалъ, говорилъ откупщикъ:—дай-богъ здоровья, вспомнилъ меня въ пустынности-то здѣсь.

— Ну, Омушка, хоть бы ты спѣлъ что-нибудь, сказала Ковшова, выпивъ еще стаканъ вина, и разруманившись.

— Да что тебѣ спѣть-то, Глафиря Федосѣвна, что?

— Ну, ужъ нешто мало у тебя.

Старикъ запѣлъ:

Какъ поѣхалъ Чурила черезъ Пугай-рѣку,
О полу-рѣки Чурила въ воду вверзился,
А тотъ, молодой бояринъ Дюкъ Степановичъ,
Скоро-намскоро соскочилъ черезъ Пугай-рѣку.
Еще того скорѣе поворотъ держалъ:
О полу-рѣки да онъ припадывалъ,
Чурилу за желты кудри захватывалъ...

-- Да ты повеселѣй-то что-нибудь, прервала Ковшова.

— Ужъ мы слышали твои былины-то, добавилъ лѣсопромышленникъ.

Ома началъ:

Красна дѣвица коровъ донла,
Сквозъ платочекъ молочко цѣдила,
Цѣдила-выцѣживала,
Говорила, прибуденкивала:
«Не женись, не женись, молодецъ,
Не женись-ка, удалая голова:
Проживешь, проживешь, молодецъ,
Проживешь, проволочишься
Между красными дѣвухами,
Межъ молодыми молодухами,
Скажутъ, съ дѣвками жить добро,
Съ молодяцами спать тепло,
Со старухами — холодно.

— Ха ха-ха, вотъ такъ знатно! закричалъ Ковшовъ, захохотавъ такъ, что заболтался руками и ногами: — слышь, Глафирушка?

— Ну, смотри, старый песъ, я тебѣ! отвѣтила довольно серьезно Ковшова.

Старикъ продолжалъ:

Надоѣла волокитушка твоя,
По чистому полю ходицись,
Подъ капелюшками стоицись —
Капелюшка капъ, капъ, капъ,
На моемъ-то сердцѣ — такъ, такъ, такъ:
Не увидѣлъ бы старикъ-жидовинь,
Не ударилъ бы березиной;
Не прибавилъ бы черемшиной,
Не заставилъ бы сугорбявши въ гости ходить,
Не приневолилъ бы стараго любить!

— Вотъ это дѣло, въ свою очередь, заговорила Ковшова: — вотъ такъ васъ и надо!

Въ то время, какъ старикъ пѣлъ, въ то время, какъ лѣсное эхо вторило его дряхлomu, но мѣрному и оригинальному напѣву, нашъ путешественникъ; незамѣтно ни для кого, всматривался въ удивительныя красы новой своей знакомой. Раза три останавливался и на немъ ея черныя и пронизательныя глаза

— Ну-ко-те, за здоровье дорогого гостя, говорилъ Ковшовъ, чокаясь съ Зинаидой; та протянула руку къ стакану Высачева, и покраснѣла, потому что блистательная, полная, какъ мраморъ, рука должна была обнажиться отъ кисти до плечъ: рукава утренней блузы были широкіе. Самъ Высачевъ не могъ скрыть волненія при видѣ такой блистательной руки. А Омушка между тѣмъ пѣлъ:

Какъ Иванушко по берегу идетъ,
Какъ Васильевичъ по крутому идетъ,
Ты Иванушко суди, суди, суди,
Ты Васильевичъ суди, суди, суди;
Ты пожалуй на минутой на часокъ.
У меня есть того-сего про тебя.

— Ха-ха, того-сего про тебя! закричалъ Ковшовъ, подмигивая дамашъ и потомъ самъ сталъ подпѣвать Оумѣ:

Про тебя, сударь, проватна убрана —
Про тебя, сударь, перина послана.
На перивушкѣ дѣтанушка спалъ!
Кабы этому дѣтнушкѣ,
Кабы чарочка зеленого вина,
Табакерочка серебряная —

Не лежалъ бы въ кабану на боку,
 Не глядѣлъ бы въ краснымъ дѣвкамъ за рѣку;
 За рѣку-рѣку рѣшетчатую,
 За стекольчато окошечко,
 Краснымъ дѣвушкамъ во горенку.

Окончивъ пѣсню, старикъ опять-таки обратился въ Ковшову.

— А и въ городу худо будетъ, Федосей Яковдичъ.

— Да ужъ чего хуже теперешняго, молвилъ откупщикъ.

— Э-э худо, худо будетъ. Ёхаль я ономнись съ Тентелева, ночью. Изъ лѣсу и выходитъ мужичковъ древній-преддревній.— Куда-ко, говоритъ, ѣдешь? — Въ городъ, молъ. — Зачѣмъ? — Рыбки, молъ, продать.—Скорѣе, говорятъ, ступай, а тамъ, говорятъ, неподобное лучится.—А что, молъ, такое, дѣдушко?— Лѣсь, говоритъ, на него пойдетъ. Мнѣ таково жутко стало—я посмотрѣлъ, а онъ лицо-то все прячетъ, да бормочетъ: *лѣсь на него, лѣсь на него!* Только стало свѣтатъ, а онъ и исчезъ.

— Кто же это? спросилъ Высачевъ.

— Синчакъ, отвѣтилъ спокойно Оома.

— Полно-ко, Оомушка, смѣясь сказалъ Ковшовъ.—Ты просто задремалъ, а товарищъ-то ушелъ.

— Я васъ, кажется, испугала, замѣтила Зинаида Высачеву.

— Нѣтъ, скорѣе поразили, отвѣтилъ тотъ.

— Это чѣмъ?

Высачевъ сначала сконфузился, и не зналъ, что отвѣтить, но потомъ сказалъ:

— Недаромъ весь Гнилозерскъ славить вашу красоту.

— Гнилозерскъ! сказала насмѣшливо Зинаида: — какая громкая слава.

— Не въ томъ дѣло; прекрасное вездѣ прекрасно, и вы...

— Однако, пора гостямъ и на мѣсто, сказала Ковшова, вставая.

— Посошокъ, посошокъ-то, жена, стой—мужъ есть глава же-нѣ, говорилъ откупщикъ, значительно захмѣлевшій, и протягивая стаканъ къ собесѣдникамъ.

Высачевъ чокнулся съ вупцомъ, и уже съ лукавымъ намѣреніемъ протянулъ стаканъ къ непочатому стакану Зинаиды.

Красавица поняла намѣреніе Высачева, чуть замѣтно улыбнулась, кокетливо прикрыла рукавомъ только верхнюю часть руки и подала стаканъ тою же блестящею, бѣлою ручкой.

Ковшовъ, покачиваясь, пошелъ за дамами, а Высачевъ остался наединѣ съ Оомой, потому что Игнатій, закусивъ и потянувъ значительно изъ барской фляжки, давно храпѣлъ.

— А ужъ въ этого-то ерестунъ влѣзетъ, Николай Александрычъ, вотъ ты увидишь, молвилъ Оома, указывая на Ковшова.

— А что? спросилъ Высачевъ.

— Э, дико, дико избиваетъ крестьянство! говорилъ старикъ, разстелая свой армякъ, и укладывался спать.

— А здѣсь въ лѣсу-то есть? шутя спросилъ Высачевъ.

— Здѣсь синчаекъ больше, отвѣтилъ Оома.

— Лѣсъ, значить?

— Лѣсъ, отвѣтилъ старикъ потихоньку, какъ будто боясь, чтобъ кто его не подслушалъ: — ономнися портнова Ложку со всѣмъ было-завелъ въ трясину.

Легъ и Высачевъ. Костеръ уже погасъ. Впечатлѣнія этого страннаго дня сильно потрясли нервы нашего героя. Онъ долго не могъ уснуть. Блестательная фигура дѣвушки, какъ живая, стояла передъ его глазами; мысли о ней перемишлялись съ длинными разсказами Оомы. Думая о Зинаидѣ, онъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ впервые встрѣтилъ ея блестящую фигуру; но оттуда бросилась на него черная мгла лѣса; онъ взглянулъ вверхъ— такія же черныя гривы сосенъ висѣли и тутъ, закрывая облачное небо. Лѣсная ночь всею своею грозною силою налегла на непривычнаго къ такимъ впечатлѣніямъ путника. Костеръ угасъ. Каждый звукъ, весьма обыкновенный и даже неслышимый днемъ, какъ-то страшно раздавался въ лѣсу теперь. Стонала какая-то птица надъ рѣкою. Качалось и скрипѣло гдѣ-то дерево, и этотъ скрипъ казался какимъ-то суровымъ голосомъ лѣснаго чудовища.

— Ого-го! вскричалъ кто-то вдали.

Высачевъ вздрогнулъ:

— Ого-го! прокатилось подъ сводомъ лѣса и надъ водою. Птица, вспорхнувшая отъ этого крика, громко захлопала крыльями, будто въ ладоши. Оома Егоровъ зашевелился.

— Что? Лѣсъ? спросилъ его шутя Высачевъ.

— Онъ, отвѣчалъ потихоньку Оома, наглухо заворачиваясь въ полушубокъ.

Н. ДМИТРИВЪ.

(До слѣдующей книжки).

ИЕЗУИТЬ И МОНАХЪ.

Le Jésuite.—Le Moine. Аббата ***; автора Le Maudit и La Religieuse.

Религиозные вопросы болѣе и болѣе занимають Западъ; читатели наши знакомы съ борьбою разныхъ ученій въ средѣ протестантизма; они знакомы съ борьбою нѣмецкихъ богослововъ съ антихристіанскими ученіями матеріалистовъ. Теперь мы представимъ имъ очерки религиозныхъ недоумѣній въ средѣ католицизма.

Авторъ сочиненій «Проклятый» и «Монахиня», появившихся въ 1864 году, издалъ въ 1865 еще два другія: «Иезуитъ» и «Монахъ». Онъ продолжаетъ въ нихъ рассказывать настоящее состояніе католическаго духовенства. «Эти сочиненія — говорить онъ самъ — выходятъ изъ обыкновенной рамки романовъ. Форма романа принята мною какъ болѣе популярная, для проведенія серьезныхъ идей, касающихся важнѣйшихъ интересовъ цивилизаціи. Я болѣе мыслитель, нежели романистъ. — Не моя вина, если я, писатель, вынужденъ отбросить строгость публициста и облечься въ форму, которую ищутъ массы для ученія и развлечения. Я предпочелъ бы, какъ Монтанъ и Монтескьё, воздвигнуть памятники и на нихъ гордо записать свое имя, нежели скрываться подъ двойнымъ покровомъ вымысла и анонима. Конечно, это бы меня болѣе прославило, но принудило бы мое перо быть сдержаннѣе и сдѣлало бы мои книги почти безплодными, потому что онѣ не низошли бы въ массу читателей. Романомъ я обрекаю себя на вѣчную безвѣстность; но, какъ рычагъ, поднимающій громадныя глыбы, какъ закваска, отъ которой всходить питающій хлѣбъ—я получаю вѣрный, мгновенный результатъ. Я достигаю до мыслящей толпы обоихъ полушарій. Я соединяюсь со всѣми, въ комъ есть жаркая симпатія къ прогрессу; сильное влеченіе къ новымъ судьбамъ человѣчества. Я менѣе писатель — въ старомъ смыслѣ этого слова — я болѣе человекъ, я воплощаюсь, я — народъ!

«За одно съ массами—продолжаетъ онъ—я понялъ слово загадки, ихъ томившей. Онѣ тосковали въ виду скорбной проблемы, заданной XIX столѣтіемъ: паденія общества при вѣрованіяхъ прогресса общества съ чѣмъ-то въ родѣ атеизма! Мое апостольство — объяснить эту загадку. Я приношу подтвер-

женіе намѣсто ужасающихъ сомнѣній, приношу слово мира послѣ трехъ вѣковъ войны между вѣрой и философіей. Истина въ душѣ человѣка не погибнетъ. Религія предъ нами, также какъ законы матеріальнаго міра и неопровержимыя аксіомы математики: религія, слѣдовательно, не можетъ погибнуть... Поклоненіе не исчезнетъ, измѣнится его форма... Я не прихожу ничего разрушать; я пришель научить васъ, что культъ преобразуются — только, не оольше. Въ глубинѣ душъ человѣческихъ совершается долгіи религиозный переворотъ; онъ преобразуетъ христіанство и сврѣпитъ его съ новымъ порядкомъ существованія человѣческаго рода на землѣ — порядкомъ, котораго прежде предугадать было невозможно — порядкомъ, въ глазахъ нашихъ подготовленнымъ удивительными успѣхами цивилизаціи. Преобразование, неизбѣжно, установитъ и новую церковь — новую не тѣмъ, что она будетъ проповѣдывать догматы, отрицающіе ея прежніе догматы—математика вѣры не противорѣчить себѣ, также какъ математика науки—но новую тѣмъ, что къ новымъ нуждамъ челоѣчества эта церковь иначе приложитъ свою неизмѣняемую и негибнущую истину. Тогда, логически, не станетъ официальной священства, упрямю считающаго абсолютной истиной ту форму, въ которой оно видѣло и поняло христіанство, но не истребитъ священство, занимающее свое высокое должностное мѣсто въ лонѣ новой церкви.

«Стало быть, ужасная проблема рѣшена. Нѣтъ болѣе противодѣлствія, котораго нельзя удержать! Нѣтъ болѣе преграды между разумомъ, который есть вѣра естественная, и вѣрой, которая есть разумъ откровенія. Душа челоѣческая устремится къ христіанству, менѣе опутанному формами и символами, менѣе матеріальному и потому вѣрнѣе выражающему божественное слово о поклоненія отцу *духомъ и истиною*.

«Такоеъ смыслъ того справедливаго слова, которому мои книги служатъ широкимъ комментариемъ: *религиозное преобразование*.

«Пусть официальные оберегатели залога, порученнаго вѣрой, не торопятся принять эту програму; пусть ищутъ съ законнымъ благоразуміемъ, нѣтъ-ли коварства въ этихъ словахъ писателя, обращенныхъ къ массамъ. Я не жалуясь на такую осторожность и не осуждаю ихъ молчанія».

Рѣшительный и высокогѣрный тонъ этого предисловія заставляетъ предполагать, что въ своей книгѣ авторъ представитъ факты, до сихъ поръ неизвѣстные, броситъ на нихъ новый, или болѣе яркій свѣтъ, приведетъ неопровержимыя доказательства своей вѣдп, и, низводя свою идею, ради популярности, въ форму романа, дастъ массамъ болѣе того, къ чему онѣ привыкли. Не прозноса своего сужденія, на сколько авторъ выполнитъ задачу, мы расскажемъ содержаніе «Иезуита». Каждый народъ рѣшаетъ религиозные вопросы по своему: французы — посредствомъ романа. Будемъ читать романъ.

I.

Мнѣ пятьдесятъ лѣтъ, и тридцать изъ нихъ я провелъ въ обществѣ Иисуса. Я любилъ этотъ орденъ, я былъ къ нему страстенъ. Даже нынѣ, собираясь свободно раскрыть на этихъ страницахъ многое тяжелое для меня, столько-же сколько и для ордена — я чувствую, что еще люблю его, что онъ былъ моею семьею, очагомъ, у котораго согрѣвалось мое сердце, плодоносною нивой, на которой радостно трудился мой разумъ. Я не врагъ іезуитовъ и не предатель, но они назовутъ меня такъ за эти откровенныя и смиренныя страницы; я долженъ ожидать гоненій и мщенія; я прощаю имъ, и жалѣю о нихъ.

Я увѣренъ въ моемъ безпристрастїи; я не былъ увѣренъ въ спокойствїи моего воображенія и въ ясности моего слога. Къ счастью, я сохранилъ замѣтки, письма, выписки изъ архивовъ ордена, которыя я дѣлалъ, когда принадлежалъ ордену. Эти документы отвѣчаютъ мнѣ за мое безпристрастіе. Хотя мнѣ нечего клеветать на орденъ, но я не хочу и быть несправедливымъ: противъ него довольно одной правды. Я не забываю также, что оставивъ орденъ, я сохранилъ священство и съ моими новыми братьями утѣшаюсь въ уединенїи и забвенїи...

Мое семейство, Сент-Моръ—уроженцы Пуату. Мой отецъ былъ молодъ, когда эмигрировалъ съ Бурбонами. Графъ прованскій, впослѣдствїи Лудовикъ XVIII, приблизилъ его къ себѣ и сдѣлалъ почти своимъ другомъ. Отецъ пристрастился къ политическимъ принципамъ Англіи и во время реставраціи присталъ къ роялистамъ-либераламъ. Это приводило въ отчаяніе мою мать. Ею руководилъ, ее воспитывалъ и отдалъ замужъ старикъ іезуитъ, которому она, хотя умная женщина, довѣрилась вполне. Отецъ не любилъ его, почему и меня инстинктивно что-то отталкивало отъ іезуита. Но мать любила его и, пришло время, я увлекся энтузіазмомъ къ этому старiku, изгнаннику, священнику, святому. Думаю, что истинное, искреннее чувство привлекло меня къ духовной жизни.

Наше дѣтство — мое и моего старшаго брата — прошло въ Англіи; я его не помню. Мы воротились во Францію вмѣстѣ съ Бурбонами.

Пришло время дать намъ воспитателя. Отецъ былъ человѣкъ своего вѣка, изгнаніе принесло ему пользу — онъ научился кое-чему. Между нимъ и матерью произошла долгая борьба за выборъ нашего воспитателя. Моя нянька англичанка, которую, не знаю за что, не любилъ іезуитъ, пересказала мнѣ, что отецъ намѣренъ дать намъ учителя свѣтскаго, профессора университе-

та, и поручить ему насъ, до совершеннѣтїа. Отецъ привезъ изъ Англіи готовый планъ воспитанїа; тамъ молодые лорды учились много, путешествовали и вступали на карьеру общественной жизни зрѣлые разумомъ, какъ старики. Это прельстило отца, и онъ намѣревался дать своимъ дѣтямъ воспитаніе, которое сдѣлало бы ихъ способными занять блестящїя мѣста на службѣ возстановленной монархіи.

Мать считала Англію, гдѣ вышла замужъ, страной изгнанїа, ея учрежденїа казались ей политической ересью, а религія—религіей отверженныхъ. Почтенный отецъ-иезуитъ поддерживалъ въ ней это отвращеніе. Всякая идея свободы, по его мнѣнію, означала революцію, ниспроверженіе троновъ—анархію, эшафотъ; права челоувѣка — были выдумка ада, а жалкая хартія Лудовика XVIII — опасная уступка философіи, которая рано или поздно должна была погубить потомковъ святаго Лудовика. У матери не было другихъ понятїй, кромѣ понятїй духовника, и я наслушался хорошихъ вещей объ этихъ либералахъ, которые должны были погубить монархію. Политическая семейная жизнь наша была странная. «Ты съ ума сошла, твои дѣти будутъ идиоты!» кричалъ отецъ.—«Они будутъ добрые католики и добрые роялисты», возражала мать. Борьба долго продолжалась. Иногда отецъ какъ-будто одерживалъ побѣду, и вдругъ, непреклонная женщина бросала ему страшное слово: «что мнѣ въ твоей новой наукѣ? Я хочу спасти душу моихъ дѣтей»... Наконецъ, прекративъ споры, послѣ нѣсколькихъ дней молчанїа, мать написала отцу письмо, очевидно, диктованное духовникомъ. Она осуждала свѣтское воспитаніе, признавала единственнымъ знаніемъ—познаніе Бога, проклинала философскїя ученїя и ученыхъ, увѣрала, что для нея легче видѣть своихъ дѣтей мертвыми, нежели на рукахъ у богохульниковъ-философовъ, и заключила тѣмъ, что не имѣя силы предохранить дѣтей отъ погябели, она считаетъ, по крайней-мѣрѣ, дѣломъ совѣсти не быть участницей ихъ нравственнаго отравленїа: если дѣти осуждены на свѣтское воспитаніе, она уйдетъ изъ дома и заключается въ монастырь. — Отецъ былъ вынужденъ уступить хотя въ половину: онъ предложилъ раздѣлить дѣтей и отдалъ старшаго въ коллегіумъ Карла-Великаго. Мать отправила меня, меньшаго, въ иезуитскїй коллегіумъ въ Сент-Ашѣль. Мнѣ было десять лѣтъ.

Наши наставники заставляли любить себя. Безъ видимой строгости, они умѣли внушать повиновеніе. Наказанїа были рѣдки, въ особенности тѣлесныя, хотя они сохранились въ училищахъ ордена, по преданїямъ стараго порядка. Впослѣдствїи я строже осудилъ способъ, которымъ иезуиты ведутъ юнѣшество; они

побѣждали наши страсти другой страстью: они обращались къ нашей чести и тѣмъ порождали въ насъ гордость. «Вы — Сент-Моръ!!!» говорили мнѣ почтенные отцы. Этотъ способъ былъ хорошъ, чтобъ удержать дворянина отъ поступка, который уронилъ бы его имя, но совершенно безсилень внушить понятіе о совѣсти, о долгѣ, сформировать человѣка нравственнаго. Вмѣсто чувства долга, этотъ способъ развивалъ одно пустое тщеславіе. Но для іезуитовъ, какъ я позналъ впоследствии, было довольно одной наружной безупречности. Отсюда, неизбежно, происходило лицемеріе. Это подтвердили факты: когда іезуитскіе коллегіумы были уничтожены во Франціи и ученики ихъ, которыхъ родители не желали отправить за границу, перешли въ училища, подвѣдомственные епископамъ — всѣ удивлялись безнравственности, которой эти молодые люди стали подавать примѣръ своимъ новымъ товарищамъ. Нравственность іезуитскихъ школъ не стала лучше и по новомъ водвореніи іезуитовъ во Франціи, съ 1848 года. Неудивительно: система дурна въ основаніи; это старое фаризейское ученіе: снаружи лоскъ, внутри грязь. Шпіонство было естественнымъ послѣдствіемъ этой системы. Гдѣ совѣсть сама не стоитъ на сторожѣ, тамъ нужна тайная полиція. Я краснѣю при воспоминаніи, что моимъ дѣтскимъ чистосердечіемъ пользовались для шпіонства за моими товарищами. Мнѣ легче было бы признаться въ какомъ угодно проступкѣ, вызванномъ пылкостью возраста, чѣмъ въ гнусной роли, къ которой меня приучили и которую выставляли мнѣ какъ заслугу, какъ доказательство моей преданности добрымъ отцамъ. Точно, у меня было единственное извиненіе: я ихъ любилъ. Мать моя, у которой была своя цѣль, находила, что это очень-мило и не краснѣла за честь имени, которое я носилъ. Но пришло время, я образумился, отстранился отъ должности шпіона; на меня много рассчитывали, но настаивать не посмѣли и ко мнѣ возвратились независимость и прямота моего характера.

Другое зло воспитанія въ Сент-Ашѣлѣ была лесть; чрезъ нее мы получали все, если только дѣйствовали ловко. Я видѣлъ много низостей, ничтожества, гибели честныхъ характеровъ. Наши добрые отцы поддавались дѣтской лести, не замѣчая ее отъ чванства, общаго недостатка ордена...

Такъ проходили годы моего ученія.

Основатель и начальникъ сент-ашѣльскаго дома былъ отецъ Лорикѣ. Это—имя извѣстное. Ему общество поручило написать для воспитанниковъ курсъ исторіи. Онъ составилъ небольшую книжку, на которой вмѣсто имени автора стояло крупными буквами: A. M. D. G. (Ad majorem Dei gloriam). Ужъ слишкомъ

преувеличивали историческія вольности этой книжки. Въ ней, говорили, Наполеонъ I назывался маркизомъ де-Буонапарте, главнокомандующимъ войсками е. в. Лудовика XVIII. Иезуиты слишкомъ умны, чтобъ написать подобную глупость. Отецъ Лоррикэ сдѣлалъ лучше: онъ сохранялъ факты, но искажалъ ихъ. Онъ не отрицалъ Наполеона I, но представилъ его гонителемъ церкви, «имѣвшимъ намѣреніе не мечомъ истребить христіанство, на тайно подкопать его и задушить». Наполеонъ 18-го брюмера—есть бичъ Европы и исполнитель правосудія надъ народомъ, «виновнымъ во всѣхъ преступленіяхъ революціи»—Наполеонъ и походъ на Россію—«фараонъ и шестьсотъ тысячъ египтянъ, потонушіе въ Черномъ морѣ» и пр.

Пять лѣтъ подобнаго ученія сдѣлали меня фанатикомъ; слыша, что мой отецъ либераль, я серьезно боялся за его душу; я былъ убѣжденъ, что кто не идетъ по пути иезуитовъ, тотъ идетъ путемъ погибели.

Въ реставрацію, у нашего общества во Франціи было только восемь коллегіумовъ, и въ нихъ наши отцы не были независимыми начальниками, а считались только директорами и профессорами маленькихъ семинарій, принадлежащихъ епископамъ. Официально они были простые священники. Ихъ знали подъ именемъ «отцовъ вѣры», и въ этомъ нарядѣ они воротились во Францію во время имперіи. Въ 1814 г., буллою Пія VII они были возстановлены во всемъ католичествѣ. Но булла не была обнародована согласно съ законами, и прошла незамѣченная среди политическихъ волненій того года.

Въ то время, наши отцы, которыхъ было только двѣсти во Франціи, имѣли неловкость поднять противъ себя всю страну. Имъ показалось слишкомъ темно и скромно званіе профессоровъ въ заведеніяхъ, довѣряемыхъ имъ епископами. Торжественно возстановленные въ Италіи, Австріи и Испаніи, они желали и во Франціи той же чести; они желали оставить имя «отцовъ вѣры», подъ которымъ ихъ терпѣли, и громко принять имя иезуитовъ, которое—они не хотѣли въ этомъ сознаться—во Франціи ненавидѣли.

Это были послѣдніе годы нашихъ курсовъ. Уже давно Сент-Ашѣль изъ тихаго училища превращался въ очагъ политической агитаціи. Дюпенъ, тогда адвокатъ, защищая процессъ о направленіи журнала «Constitutionnel», сильно напалъ на иезуитовъ и произнесъ слова, которые сохранились: «Учрежденіе Лойолы—мечъ, котораго рукоять въ Римѣ, а остріе—вездѣ». Вскорѣ послѣ этой рѣчи, Дюпенъ пріѣзжалъ въ Сент-Ашѣль, навѣститъ меня, по знакомству съ моимъ отцомъ. Хитрые иезуиты приняли

врага будто желаннаго, почетнаго гостя, удержали на дѣлшй день, великолѣпно угостили, заставили учениковъ произносить предъ нимъ хвалебныя латинскія рѣчи, наконецъ, въ нарочно устроенной въ этотъ день процесіи Тѣла Господня, предложили Дюпену нести шнурокъ балдахина въ знакъ величайшаго уваженія. Дюпенъ на все отвѣчалъ очень-любезной благодарственной рѣчью и это посѣщеніе подало поводъ къ большимъ сплетнямъ со стороны его враговъ, друзей іезуитовъ.

Но съ знаменитой рѣчи Дюпена въ защиту «Constitutionnel», общее вниманіе къ существованію іезуитовъ пробудилось сильнѣе, нежели когда нибудь. Либеральныя журналы кричали всакій день объ опасности этой корпораціи, недозволенной закономъ. Тѣма была неисчерпаемая, и вскорѣ во всей Франціи только и говорили, что о конгрегаціи іезуитовъ.

Роялистская пресса помогала шуму. Либералы находили насъ опасными для страны; наши защитники видѣли въ насъ спасеніе монархіи. Безъ іезуитовъ—говорили они—тронъ будетъ ниспровергнутъ и философія воссядетъ на алтаряхъ. Преувеличенія за и противъ общества были неисчислимы.

Іезуиты находили, что еще слишвомъ мало говорится имъ во славу. Домъ Монружъ, близъ Парижа, гдѣ находились самыя вліятельныя отцы, болѣе всѣхъ мѣшавшіеся въ политическую интригу, волновался лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, чтобы, наконецъ, бурбонская монархія въ лицѣ человѣка, искренно имъ преданнаго, признала ихъ предъ народамъ, какъ религіозное учрежденіе. Но дѣло было трудное: надо было идти противъ слишкомъ сильной ненависти.

Однако, желанная минута настала. Былъ май 1826. Въ палатѣ депутатовъ шли жарскія пренія, оппозиція ничего лучше не желала, какъ вызвать на бой министерство. Тамъ должно было отозваться волненіе, распространенное въ обществѣ журналами, представлявшими Францію окутанною въ сѣть конгрегаціи іезуитовъ, нѣчто въ родѣ монашескаго карбонаризма, страшное, какъ воѣ тайныя общества. Съ свободной трибуны раздалось жестокое и страстное обвиненіе. Депутатъ Ажѣ, несомнѣнно преданный Бурбонамъ, принадлежавшій къ оппозиціи правой стороны, поднялъ вопросъ. Онъ умѣренно, но энергически обвинялъ конгрегацію, онъ отдѣлялъ ее отъ достойныхъ уваженія асоціацій, сложившихся для истинно-добрыхъ дѣлъ, и не побоялся выразить, что «конгрегація поклялась въ ненависти нашимъ учрежденіямъ». Онъ указалъ на ея инвизиторскій духъ, на низкое шпіонство ея агентовъ, на ея ложные доносы, на ея недостойныя клеветы. «Префекты и подпрефекты — прибавилъ онъ—боятся ея

тайнаго вліянiя, когда они не изъ ея adeptовъ; она владичествуетъ надъ самымъ министерствомъ... Откуда же эта сила, раздающая и отнимающая мѣста въ арміи и гражданскомъ управленіи? Если подкупъ лицемѣрія сдѣлается средствомъ возвышенiя—честный характеръ націи исказится, что компрометируетъ религію и грозитъ монархіи. Пусть министерство сброситъ яго этой тайной силы, которою скоро будетъ опровергнуто и оно само; пусть оно сразится на этой трибунѣ и отречется отъ плановъ, которые составляетъ противъ нашей гражданской и духовной свободы!»

Ударъ былъ силенъ, министерство молчало. Десять дней оно колебалось, и не могло ни напасть на знаменитую конгрегацию, ни отречься отъ нея. Г. де-Виллель и его товарищи были ея членами. Подстрекаемый общественнымъ мнѣніемъ, де-Виллель, наконецъ, рѣшился объясниться съ трибуны; онъ уже не отрицалъ существованiя знаменитой конгрегации и восстановленiя иезуитовъ — его бы осмѣяли — но онъ отрицалъ вредное вліянiе, ей приписываемое, и оправдывалъ возвращенiе иезуитовъ. Епископъ гермополіскій, министръ духовныхъ дѣлъ, призналъ существованiе конгрегации, но объявилъ, что она совершенно безвредна и не имѣетъ на правительство никакого таинственнаго вліянiя. «Запишемъ—вскричалъ Казиміръ Перрье—признанiе самаго правительства: конгрегациа не призракъ!»

Но имя нашихъ отцовъ не было произнесено. Министръ-епископъ не говорилъ о иезуитахъ; онъ былъ благоразумнѣе ихъ и боялся поднять грозу, признавшись въ ихъ существованіи. За то этимъ были недовольны сами иезуиты: имъ только и хотѣлось, чтобъ ихъ объявили и признали. Гроза поднялась на епископа въ Монружѣ. Иезуиты собрали совѣтъ, шумѣли много и, наконецъ, одинъ изъ нихъ, отецъ Варенъ, отправился въ Парижъ, къ министру-епископу просить его объявить о нихъ съ трибуны, увѣряя, что это желаніе папы и генерала ордена. Тотъ самый отецъ Варенъ, въ 1809 г., далъ письменное показанiе министру Порталису, что «ни онъ, ни его товарищи—не иезуиты, не были ими и никогда не будутъ, что они учили, учатъ и будутъ учить только въ духѣ галиванской церкви». Епископъ, по ихъ желанію, на другой же день объявилъ въ палатѣ о существованіи иезуитовъ во Франціи, о томъ, что въ ихъ вѣдѣніи находится семь небольшихъ семинарій, и неловко напомнилъ, что Наполеонъ хотѣлъ изгнать ихъ. Либеральная оппозиція только этого и ждала. Министръ Виллель объяснился почти благосклонно для иезуитовъ. Противъ нихъ возсталъ преса и даже палата перовъ, членъ ко-

Т. СЛХV. — Отд. I. 7

торой, графъ Монлозье, подалъ въ королевскій судъ записку, полную обвиненій на іезуитовъ. Королевскій судъ произнесъ надъ ними самый жестокий приговоръ, и доказалъ этимъ, что и высшая, независимая магистратура была въ числѣ ихъ враговъ. Между конгрегаціей Іисуса и новой либеральной Франціей завязалась не минутная борьба, но битва на смерть. Іезуиты въ Монружѣ придумывали средства для полной побѣды. Посредствомъ своихъ братій, разсыянныхъ по Франціи, они желали вызвать манифестаціи общественнаго мнѣнія, которое бы потребовало восстановления духовныхъ конгрегацій (то-есть, нашего ордена), запрещенія свободы печати, совершенія браковъ по церковному обряду прежде гражданскаго, уничтоженія университета и т. д. Они этимъ только торопили свое паденіе.

Этимъ же временемъ рѣшилось мое призваніе. Мой старшій братъ умеръ. Я всегда чувствовалъ влеченіе къ духовному званію, но не къ священству, однако: приходскіе священники казались мнѣ, въ церковной іерархіи, существами низшаго разряда, слишкомъ занятии своими трудами и требами, чтобы имѣть возможность возвыситься до святости. Въ Сент-Ашѣлѣ надъ ними много насмѣхались. Существовала аксіома: «хорошіе священники — только іезуиты». Іезуиты были въ этомъ серьезно убѣждены; я не знаю примѣра, чтобы они посоветовали кому нибудь вступить въ приходскую семинарію; они умѣли всегда такъ обойти желающаго, что направляли его въ свой новиціатъ. Они не прямо старались внушить призваніе; опытъ, вѣроятно, убѣдилъ ихъ въ неудачности этого способа. Они рассчитывали, что блескъ, которымъ они себя окружали, важная роль, которую они, казалось, играли, какъ избранные подвижники католицизма, ихъ пышныя церемоніи, ихъ книги, написанныя съ цѣлью доставить имъ и ихъ ордену постоянное уваженіе—будутъ дѣйствовать сильнѣе, нежели призывъ во имя нужды церкви, съ которымъ простое духовенство (*clergé séculier*) обращалось, приглашая желающихъ вступить въ священство. Такъ было и со мною. Они никогда не говорили мнѣ о посвященіи, но моя любовь къ нимъ была такъ искренна и сильна, что я только и желалъ, что быть іезуитомъ. Смерть брата, котораго я горячо любилъ, еще болѣе угрѣшила меня въ моемъ желаніи. Отцы этого не знали, но они много рассчитывали на меня, завербовывая въ свой орденъ, по принципу, членовъ аристократическихъ фамилій. Тутъ они ждали, что мой отецъ возьметъ меня отъ нихъ, и я, богатый, единственный наследникъ, привяжусь къ свѣтской жизни. Вѣрные своей системѣ, они ничего мнѣ не сказали, ничѣмъ не выказали своихъ опасеній, только стали ко мнѣ ласковѣе и внимательнѣе. Тоскуя о потерѣ брата,

я въ это время особенно привязался къ одному молодому иезуиту, недавно прѣхавшему въ Сент-Ашѣль. Его звали отецъ Монгазенъ. Мои начальники, непренебрегавшіе ничѣмъ, тотчасъ дали намъ сблизиться. У нихъ, очевидно, была цѣль.

Общество Иисуса принимаетъ въ число свое три сорта людей: богатыхъ, хотя бы неталантливыхъ и невысокорожденныхъ; высококорожденныхъ, хотя бы безталантныхъ и бѣдныхъ, и людей талантливыхъ, безъ имени и богатства. Общество любитъ богачей, какъ доставляющихъ средства ворочать свѣтомъ; въ свою очередь, отцы-богачи любятъ общество, какъ свою вещь, какъ земное благо, которое они помогли купить. Орденъ бѣдный ничего не сдѣлаетъ. Игнатій Лойола учредилъ орденъ иезуитовъ на совершенномъ отреченіи отъ богатства, и въ послѣдующихъ правилахъ, подтвержденныхъ папами, орденъ числится нищенствующимъ. Это продолжалось въ героическій періодъ основанія. Преемники Лойолы поняли, что бѣдное страдальчество, кормящееся милостынею, будетъ слишкомъ жалко и ничтожно въ свѣтѣ, а потому оставили въ сторонѣ, какъ мертвую букву, параграфъ, предписывающій бѣдность, и постарались доставить ордену всю силу, которую даетъ богатство. Новые иезуиты тщательно скрываютъ это отступленіе отъ первобытнаго правила и уже не напоминаютъ о немъ никогда. Въ самомъ дѣлѣ, было бы забавно говорить о нищенствѣ людямъ, о которыхъ цѣлому свѣту вѣдомо, что они владѣютъ миллионами. Иезуиты любятъ и привлекаютъ въ орденъ знатныхъ, но они понимаютъ, что талантъ — сила. Отецъ Монгазенъ, мой другъ, былъ человекъ образованный, умный, чувствительный. Ему приходилось часто бороться съ послѣднимъ качествомъ, даже опаснымъ для монаха, и побѣда надъ собою придала ему задумчивость, дѣлавшую его особенно привлекательнымъ. Всѣ сент-ашѣльскіе воспитанники его любили; мною онъ овладѣлъ совершенно, и менѣе нежели въ два мѣсяца мои намѣренія окончательно укрѣпились: я рѣшился быть иезуитомъ. Я кончилъ курсъ въ это время; мнѣ было восемнадцать лѣтъ. Духовникъ мой, вѣроятно, звавшій отъ отца Монгазена, что происходило въ моей душѣ, подтвердилъ мое рѣшеніе.

«— Богъ призываетъ тебя, дитя мое, отдайся ему!»

Я не помнилъ себя послѣ этой исповѣди; только вспоминая свои ранніе юношескіе годы, можно понять экстазъ, который овладѣлъ мною; въ духовникѣ я видѣлъ уже не священника, не ангела, но самого Бога, говорившаго со мною.

Мать прѣхала взять меня изъ коллегіума; мы возвратились съ нею въ Парижъ. Отца тамъ не было; съ самой смерти брата, поразившей его, онъ жилъ въ деревнѣ, постоянно больной.

«— Ты будешь моимъ утѣшеніемъ, говорила мнѣ мать».

Съ первыхъ словъ ея, я понялъ, что она уже не желаетъ видѣть меня въ духовномъ званіи. Это предполагалось для меньшаго въ семьѣ, но не для наследника огромнаго состоянія и знатнаго имени. У насъ произошло много споровъ; видя, что нѣжныя убѣжденія безсильны, она прибѣгла къ упрекамъ, насмѣшкамъ, даже насмѣшкамъ надъ іезуитами, умѣющими ловко заманивать въ свои свѣты: говорила, что могла бы поразсказать этому много примѣровъ. Она меня удивила, и я высказалъ ей это. Я спросилъ ее, не ожидала ли она, помѣщая меня въ ихъ училище, что они внушатъ мнѣ мысль отъ отреченія отъ благъ земныхъ, и почему теперь ей кажется такъ важно и необходимо, чтобы я остался въ свѣтѣ, женился, поддержалъ свой благородный родъ? Она разсердилась. Черезъ нѣсколько дней, она обратилась ко мнѣ съ просьбами и слезамъ: она тосковала, что я хочу ее оставить. Я отказалъ ей и разбилъ ей сердце своею гордостью, въ которой не раскаивался: я считалъ эту гордость внушеніемъ благодати. Во мнѣ шевелилось чувство мщенія и оскорбляемаго самолюбія: мать сказала, что я не уважаю своего рода, своей знатности. Такъ что же, сказалъ я себѣ, я буду низкорожденнымъ ради имени Бога! Я попру ногами земное величіе. Я долженъ, говорятъ мнѣ, продлить этотъ княжескій, аристократическій родъ, а я съ святнымъ наслажденіемъ погублю его въ себѣ! Младшій въ родѣ—невеликая жертва, но велика жертва семьи, задной къ богатству, когда старшій разбиваетъ гербъ своихъ предковъ и причется въ келью!... Я отказалъ матери; она бросилась на колѣни—я отказалъ снова и хотѣлъ видѣти; она легла на порогъ—я перешагнулъ черезъ нее... Въ ту же минуту явился посланный изъ деревни: мой отецъ умиралъ и звалъ къ себѣ жену и сына. Мы поспѣшили къ нему и еще застали его въ живыхъ. Онъ зналъ о моемъ намѣреніи отречься отъ свѣта, и въ послѣднія свои минуты не сталъ ни уговаривать меня, ни приказывать. «Мнѣ было бы, конечно, отрадно, сказалъ онъ, оставить тебя въ свѣтѣ достойнымъ представителемъ нашей семьи...» Я хотѣлъ поклясться, что исполню его желаніе; онъ прервалъ меня: «Нѣтъ, нѣтъ! на все твоя собственная воля. Благословлю тебя и требую, приказываю только одно, чтобы въ свѣтѣ или въ кельѣ ты остался честнымъ человекомъ. Будь свободенъ, дитя мое!» Это было его послѣднее слово. Горе сблизило меня снова съ матерью; она болѣе нежели когда нибудь отдалась исполненію разныхъ благочестивыхъ обрядовъ. Ея духовникъ былъ уже не іезуитъ, но капуцинъ, съ которымъ она совѣтывалась и обо мнѣ. Онъ посѣщалъ меня не разъ, не отговаривалъ отъ вступленія въ монашество, но выхвалялъ свой орденъ. Я ему не со-

чувствовать: я видѣлъ святость только у иезуитовъ. При первомъ разговорѣ, я повторилъ это матери. Къ удивленію, она будто покорилась моему рѣшенію принять священство, но стала просить, чтобъ я вступилъ въ простое священство (*séculier*), въ парижскую семинарію Сульпиція. «Изъ этой школы былъ Фенелонъ!» говорила она. — «Иезуиты держатся на волоскѣ, ихъ изгнали бы давно, еслибы государь (Карлъ X) не выпросилъ отсрочки. Къ тому же, иезуиты могутъ послать тебя на край свѣта, и тогда ты погибъ для меня.» Я еще не понималъ ея намѣреній, и только позднѣе разобралъ ихъ: она ласкала себя мыслью, что въ простомъ священствѣ я могу быть настоятелемъ большаго аббатства, епископомъ, кардиналомъ—честолюбивые замыслы! Съ ними, при жизни брата, она готовила меня въ духовное званіе; они же и теперь заставляли ее съ нимъ мириться. Я отказался.

Мать моя хорошо знала, что готовило правительство иезуитамъ. Въ іюнѣ 1828 г. явилось предписаніе министра юстиціи Порталиса, чтобы «всѣ духовныя школы второго разряда, управляемыя лицами религіозной конгрегаціи, неразрѣшенной правительствомъ, подчинились правиламъ университета», и чтобы «всякое лицо, занимающее мѣсто въ школахъ, подчиненныхъ университету, дало подписку, что не принадлежитъ ни къ какой конгрегаціи, неразрѣшенной законами во Франціи».

Иезуиты не были названы по имени въ этихъ предписаніяхъ, Они могли бы оставаться во Франціи и священствовать, но для преподаванія отъ нихъ требовалась присяга. Многіе изъ нихъ остались въ Парижѣ; множество воспитанниковъ послѣдовало за ними въ ихъ коллегіумы, на французской границѣ, въ Бельгію, въ Швейцарію, въ Испанію. Ударъ, однако, былъ все-таки силенъ. Уже не революціонными мѣрами, но во имя христіаннѣйшаго короля, Бурбона, закрывались ихъ школы, а сами они, лишеныя легальнаго существованія, смѣшивались съ приходскимъ духовенствомъ, этимъ предметомъ ихъ постояннаго презрѣнія. Потому они только и ждали минуты, когда король, овладѣвъ мнѣніемъ, призоветъ ихъ, при одобреніи партіи духовенства. Въ этомъ смыслѣ они продолжали волновать умы. Журналы безумно грозили конституціонной Франціи и палатѣ депутатовъ—пробужденіемъ вандейскаго возстанія. Всякій день комментировалось и проповѣдывалось, какъ слово спасенія, слово о союзѣ алтаря и трона—союза, роняющаго троны и неснасающаго алтарей. Пресса открыла и обнародовала скандальный процессъ передачи одного большаго состоянія иезуитамъ; это не мирило съ ними общественнаго мнѣнія и они притихли въ ожиданіи и надеждахъ.

Этимъ временемъ прошли первые мѣсяцы моего траура. Горе и одиночество моей матери меня не поколебали. Общество иезуитовъ, въ силу предписанія 16 июня 1828 года, оставляло свои коллеіумы и распродало съ аукціона свое имущество. Либералы оказывались правы, говоря, что никогда иезуиты не согласатся быть скромными профессорами въ епископскихъ школахъ. Это было время невѣроятнаго раздраженія. Одна мысль объ изгнаніи моихъ милыхъ отцовъ бросала меня въ крайности; я не сталъ ждать конца траура по отцу, посоветовался со своимъ духовникомъ, конечно, иезуитомъ, еще остававшимся въ Парижѣ, и получилъ отъ него благословеніе на подвигъ отреченія отъ свѣта. Онъ пророчествовалъ мнѣ великую будущность и заранѣе назвалъ меня *отцомъ*. Я не зналъ только, какъ привести это въ исполненіе, какъ оставить мать; ея горе меня мучило. Духовникъ цитировалъ мнѣ тексты писанія и житія святыхъ и научилъ меня обмануть мать и бѣжать не простясь. Я такъ и сдѣлалъ. Я оставилъ ей письмо, несвязное, гдѣ нѣсколько словъ еще говорили ей о моей любви. Послѣ я узналъ, что она бросила это письмо въ огонь, сказавъ: «У меня нѣтъ сына!»

Черезъ недѣлю я былъ въ Бригѣ.

По правиламъ общества, новиціатъ долженъ продолжаться два года. Несмотря на строгій аскетизмъ и безконечныя мелочности, я не видалъ, какъ прошли эти два года. Для меня вступать въ послушничество иезуитовъ было то же, что вступать въ чертогъ царства небеснаго; съ невѣроятной ревностью я отдавался исполненію многочисленныхъ обрядовъ поклоненія, поглощающихъ въ себѣ душу и чувства, какъ машина захватываетъ, мнетъ глину и придаетъ ей форму. Я преслѣдовалъ идеалъ вѣчной красоты, вѣчнаго блага. Все свое существо, всѣ его силы и способности, его любовь и волю, его разумъ, даже его ощущенія, такъ трудно подчиняющіяся сложнымъ стѣсненіямъ аскетическихъ теорій—взять и сдѣлать все это только послушнымъ орудіемъ высшей благодати; убить въ себѣ плотскаго человѣка и возвысить человѣка духовнаго и вознести его до непрерываемыхъ наслажденій созерцанія и любви—вотъ что казалось мнѣ высшей цѣлью, для меня достижимой, и я стремился къ ней; я поставилъ задачей осуществить въ себѣ то совершенство, которое аскеты опредѣлили отвратительнымъ выраженіемъ: *As cadaver*.

Читатель пойметъ мою борьбу; я погибъ въ ней, какъ погибли всѣ жаркія натуры, преслѣдовавшія этотъ идеалъ. Я экзальтировался, но не любовью къ Богу, что было бы еще основательно, еслибъ любовь дѣйствительно возгоралась восторгами, а не дѣлами; нѣтъ, я желалъ быть типомъ настоящаго послушника, какой изображенъ въ

правилахъ, каково желаютъ начальствующіе. Чѣмъ болѣе я трудился надъ этой странной задачей, тѣмъ болѣе служивалось мое пониманіе. Нужно было создать вокругъ себя пустоту, забыть семью, отечество, богатство, заманчивое и страшное нѣчто, называемое свѣтомъ — я создалъ эту пустоту, я бѣжалъ отъ міра. Чтобы быть совершеннымъ, слѣдовало его возненавидѣть — я возненавидѣлъ этотъ незнакомый мнѣ міръ и въ числѣ его образовъ отталкивалъ даже образъ моей матери.

Минутами, однако, я испытывалъ оглядки, какъ будто проблески разума, истины; иногда ихъ вызывало простое сравненіе словъ евангелія съ правилами иезуитовъ. Но это были только проблески; я ужъ былъ захваченъ ужасной машиной, оставалось отдаваться ей. Чтобы быть послѣдовательнымъ предъ самимъ собою, я долженъ былъ идти ваяться начальнику послушниковъ въ этихъ помыслахъ, сомнѣніяхъ, фантазіяхъ, въ этихъ *искушеніяхъ*, какъ называются они на духовномъ аргю. Меня то нѣжно утѣшали, то журили за гордость, осуждавшую дѣло мудрости въбоговъ; я долженъ былъ смиряться и приниматься снова за дѣло самоуби- тоженія и смерти.

Болѣе всего меня смущала мысль: я искренно хочу быть иезуитомъ, но я не знаю, къ чему я этимъ обязываюсь. Лучшее средство узнать орденъ, это — узнать тѣхъ, изъ кого онъ состоитъ, судить объ умѣ этихъ людей, разсмотрѣть изъ откровенныхъ бесѣдъ, нѣтъ ли между ними недовольныхъ тѣмъ, что вступили въ орденъ.

Но строжайшее и никогда непреступаемое правило воспрещаетъ послушнику говорить съ кѣмъ бы то ни было изъ отцовъ, исключая того, кого настоятель назначить ему въ наставники. Правило распространяется даже на слугъ «для того, говорить Игнатій Лойола, чтобы послушникъ, постоянно безмолвствуя, свободнѣе могъ размышлять о своемъ призваніи» (*Regulae comites*). И далѣе, тамъ же: «Во всѣхъ конгрегаціяхъ есть братія менѣе совершенные, желающіе, чтобы на нихъ было похоже большинство. Потому, они имѣютъ обычай обращаться къ вношамъ, которыхъ, по простотѣ ихъ, надѣются вовлечь въ подражаніе своимъ нравамъ. Они изрыгаютъ изреченія, противоположныя тѣмъ, которыя слышатъ отъ наставника послушниковъ и которыя не приводятся здѣсь, ибо могутъ быть скорѣе вредны, чѣмъ полезны читающимъ». Рѣшено, стало быть, что послушникъ не можетъ сблизиться ни съ кѣмъ, кто бы могъ просвѣтить его на счетъ ордена, до тѣхъ поръ, пока не свяжется неразрывными вѣтвями. Меня это возмущало; наставникъ укорялъ и гнѣвался, и отдѣлывался одной фразой: «Это — искушеніе сатаны!»

Долго не могъ я примѣниться къ однообразію вѣшнихъ ужимокъ, которымъ, въ новиціатѣ, придаютъ столько важности. Съ дѣтства, мой покойный отецъ училъ меня смотрѣть прямо, *смотреть хорошо*, какъ выражался онъ; прямой взглядъ, ни униженный, ни надменный, по его мнѣнію, былъ признакомъ честности. Мнѣ было тяжело, когда начальникъ послушниковъ, по своимъ правиламъ, сталъ отучать меня отъ моей привычки и училъ *смотреть дурно*. Я сначала его не понималъ; я не могъ вообразить, проникнутый тѣмъ, что мнѣ внушалось съ дѣтства, что гляди безъ гордости въ глаза тѣмъ, съ кѣмъ я говорилъ, я поступалъ несогласно съ правилами религіи.—«Смотрите, объяснялъ мой наставникъ:— всегда ниже глазъ вашего собесѣдника; лицо ваше никогда не должно выражать болѣе радости, нежели печали; руки должны находиться въ святомъ бездѣйствіи; не раскрывайте и не сжимайте губъ; ноздри и лобъ не должны шевелиться, чтобы наружность выказывала постоянную ясность духа. Такъ понималъ это святой Игнатій, желавшій единообразія во всемъ, въ наружности, какъ въ образѣ мысли». Я примѣнялся, но не могъ перевоспитать своего взгляда и, впоследствии, по косому взгляду признавалъ нашихъ іезуитовъ.

Но самое тяжелое правило на время новиціата — запрещеніе дружбы между товарищами; за нами строго присматривали. Въ евангеліи я находилъ отрицаніе этого жестокаго правила, и не могъ съ нимъ примириться. У меня былъ другъ, тоже послушникъ, изъ моихъ бывшихъ сент-ашельскихъ товарищей. Я ужъ получилъ выговоръ за наше сближеніе; мнѣ объявили, что если исключаютъ изъ новиціата, то именно за преступленіе этого правила о дружбѣ. Но однажды, мы гуляли всѣ за городомъ; мой товарищъ и я отдалились отъ другихъ, говорили о Франціи, нашей родинѣ, мечтали о будущемъ; онъ выражалъ такіа возвышенна чувства, я увидѣлъ въ немъ такую нѣжную самоотверженную душу, что бросился ему на шею, и братски цалуя его, вскричалъ: «Люблю тебя за это! Еслибы намъ встрѣтиться когда нибудь въ нашей милой Франціи!»

Прогулка кончилась, мы возвратились въ городъ. Но за нами подсмотрѣли, на меня донесли; я былъ призванъ къ начальнику послушниковъ и подвергся допросу, какою мысль я имѣлъ, цалуя моего друга. Я ничего не понималъ изъ этого допроса, но меня отослали, сказавъ, что надѣются на мое расказаніе. Вечеромъ, я сталъ на колѣни въ столовой и, обвинивъ себя въ важномъ отступленіи отъ правилъ, просилъ прощенія у товарищей въ дурномъ примѣрѣ, который имъ подалъ. Эти торжественны униженія въ большомъ обычаѣ во время новиціата и даже позднѣе.

Въ Римѣ, въ Gesù, всѣхъ держать ребятами. Только позднѣе я понялъ дѣль этихъ дикихъ правилъ, запрещающихъ дружбу, сближеніе взрослыхъ съ юношами и даже ласку маленькихъ дѣтей.

Мой новиціатъ кончился; мнѣ было двадцать лѣтъ. Я принесъ обществу самое жаркое сердце, самое полное самоотреченіе; я побѣдилъ въ себѣ даже тоску о матери и, восторженный, съ невозобразимымъ блаженствомъ произнесъ первые торжественные обѣты.

Обѣтъ цѣломудрія. Я и двухъ разъ въ жизни не встрѣчался съ женщиной, которая дала бы мнѣ понять, что можетъ существовать влеченіе любви. Я отрекался отъ неизвѣстнаго. Если смыслъ обѣта былъ — не жениться, то ничего для меня не было легче. Брать, по нашимъ книгамъ и телованіямъ, былъ дѣло растлѣнія человѣка, преобладаніе плоти, передача первороднаго грѣха, униженіе духа. Я могъ отвергнуть это, и даже болѣе: я могъ обѣщать цѣломудріе, даже въ случаѣ, еслибы полюбилъ. Но не полюбить—этого обѣта дать невозможно. Я далъ его, я солгалъ.

Обѣтъ нищеты. Въ двадцать лѣтъ, отрекшись отъ высшаго богатства, отъ любви, легко отказаться отъ благъ земныхъ. Но мое нравственное воспитаніе было такъ извращено, что именно это отреченіе и казалось мнѣ важно—также какъ и нашимъ отцамъ и другимъ послушникамъ, постригавшимся вмѣстѣ со мною. Не въ словахъ только, но во всѣхъ взглядахъ отцовъ выражалось нѣчто въ родѣ торжественной радости, благоговѣнія, что послѣдній изъ Сент-Моровъ, мильонеръ, двадцатилѣтній юноша, отказывается отъ роскоши міра. Я долженъ прибавить здѣсь, что, вѣроятно, для полноты моей жертвы, иезуиты устроили такъ, что меня признали совершеннолѣтнимъ; я владѣлъ наслѣдствомъ послѣ моего отца.

Обѣтъ покорности. Уже съ дѣтства я не принадлежу себѣ. Я любилъ орденъ, но я зналъ, что обѣщаю ему покорность только на время, пока онъ пожелаетъ имѣть меня, если я самъ пожелаю въ немъ остаться. Орденъ могъ изгнать меня, въ случаѣ недовольства мною; папа могъ разрѣшить меня, если я найду, что орденъ не соотвѣтствуетъ моему идеалу.

И такъ, невозможный обѣтъ цѣломудрія, неограждающій меня отъ пробужденія и размѣна чувства; странный обѣтъ нищеты, среди богатства ордена, всегда заботящагося о своихъ членахъ, снабжающаго ихъ не только необходимымъ, но излишнимъ; бесполезный обѣтъ покорности, когда покорность имѣетъ свой опредѣленный срокъ... Что я дѣлалъ, произнося эти обѣты?

Въ самое это время произошла іюльская революція. Орденъ

тайно радовался паденію Бурбона, неустоявшаго предъ требованіями либераловъ, и мы принимали какъ похвалу глупую мысль, что изгнаніе Карла X было праведнымъ наказаніемъ божескимъ за іезуитовъ.

Позднѣе я понялъ, какъ эта революція поразила ихъ; они лишались владычества во Франціи, въ этомъ очагѣ всякой мысли и движенія, по мнѣнію очень многихъ. Изгнанные оттуда какъ преподаватели, они могли вкрадываться только какъ помощники простаго духовенства, всегда ими презираемаго; они дѣлались кліентами, слугами тамъ, гдѣ желали быть господами и покровителями. Въ такомъ униженномъ положеніи, въ такихъ испытаніяхъ прошли для нихъ восемнадцать лѣтъ царствованія младшей бурбонской линіи.

То надѣялись они, что во время смуть и заговоровъ своихъ первыхъ годовъ, іюльская монархія погибнетъ и настанетъ новая реставрація, болѣе благопріятная іезуитамъ; то, вдругъ у нихъ, всегда терпѣливыхъ, недоставало терпѣнія, и римскій генераль ордена прислалъ приказанія сблизаться съ новой властью и льстить ей. Вотъ одна изъ собственноручныхъ замѣтокъ генерала, писанная въ 1842 г.:

«Такъ-какъ нашъ отецъ Равиньянъ будетъ имѣть случай на дняхъ проповѣдовать въ церкви св. Роха, въ присутствіи королевы французовъ, то необходимо, чтобы онъ произнесъ вышнюю похвалу королевѣ, прославилъ ея благочестіе и счастливое вліяніе, которое она имѣетъ надъ государемъ своимъ супругомъ. Пусть отецъ Равиньянъ ничего не шадеть, лишь бы расположить королеву въ нашу пользу. Пусть онъ говоритъ пространно. Нужна не простая похвала, не нѣсколько словъ, провозносимыхъ проповѣдникомъ изъ учтивости, но страницы, хорошо приготовленныя и довольно рѣзкія, чтобы поразить королеву, чтобы она, направляемая съ другой стороны вліяніемъ, которымъ мы можемъ располагать, поговорила королю о нашихъ отношеніяхъ къ его правленію. Отдать мнѣ подробный отчетъ обо всемъ, что произойдетъ въ церкви св. Роха».

Все исполнилось по этому приказанію. Отецъ Равиньянъ отлично исполнилъ программу, и общество спрашивало, отчего вдругъ іезуиты повернули на сторону правительства, которое по своему происхожденію и условіямъ своего существованія было неспособно ничего сдѣлать для ордена?

Почти въ то же время, римскій генераль писалъ:

«Сдѣлать все возможно, чтобы всѣ политическія газеты, преданныя намъ во Франціи, въ особенности L'Universel, высказывались въ пользу правительства Луи-Филиппа. Орденъ ничего

не можеть ожидать отъ демагоговъ, желающихъ опрокинуть это правительство и нескрывающихъ своего желанія. Луи-Филиппъ будетъ принужденъ искать опоры противъ революціи, и обратится къ намъ...»

Но я забѣгаю слишкомъ впередъ.

Послѣ провознесенія обѣтовъ, я долженъ былъ, по уставу, посвятить два года изученію риторики и литературы. Это былъ пріятный отдыхъ отъ суровой и стѣсненной жизни новиціата, развлеченіе отъ мистицизма, благодѣтельное для молодой головы. Но учредитель, Лойола, не имѣлъ этого въ виду. Полагая два года на ученіе, онъ просто хотѣлъ дать нѣсколько образованія послушникамъ, которые часто поступали имѣя его далеко неполное; ихъ было необходимо подготовить къ начальничеству въ коллегіумахъ, къ проповѣди во время миссій, къ принятію исповѣдей, къ профессорству. Естественно, успѣвали въ два года только тѣ, которые учились чему нибудь ранѣе; эти, дѣйствительно, дѣлались замѣчательными знатоками классической литературы, остальные не шли дальше посредственности.

На меня эти занятія имѣли благотворное вліяніе и нѣсколько возвратили мнѣ самообладаніе; я сталъ думать яснѣе, свободнѣе, сердце вступало въ свои права. У меня, изъ моего классическаго изученія, началъ слагаться идеалъ женщины, идеалъ античный, просвѣтленный христіанствомъ... Понятно, что въ этихъ мечтахъ я приносилъ покаяніе моему духовнику, а онъ рассказывалъ мнѣ о св. Антоніѣ и прибавлялъ:

«Обольстительный образъ, преслѣдующій тебя, есть нечистое привидѣніе, созданное демономъ».

II.

Исторія моихъ радостей, или, вѣрнѣе, моихъ мечтаній, здѣсь останавливается. Для меня начиналась новая жизнь; я надѣялся, что она пройдетъ спокойная и занятая, и не понималъ, что въ ней могутъ произойти бури, отъ которыхъ я оторекся обѣтами.

Съ моею жизнью тѣсно связана жизнь отца Монгазена, того, котораго восторженныя женщины, парижанки и провинціалки, называли *красавецъ-иезуитъ*. Еще въ Сент-Ашѣль, ученикомъ, я къ нему привязался, и потому очень обрадовался, когда его прислали къ намъ професоромъ философіи. Ему было тридцать-восемь лѣтъ, и онъ былъ дѣйствительно необыкновенно хорошъ собою. Въ Ф. всѣ спрашивали, почему онъ, Монгазенъ, имѣвшій въ Парижѣ и главнѣхъ провинціальныхъ городахъ Франціи неоспоримый успѣхъ какъ проповѣдникъ, вдругъ оторванъ отъ этой

обязанности и помѣщенъ въ Швейцаріи профессоромъ молодыхъ монаховъ. Съ учениками онъ сблизился, но наши отцы-профессоры его недолюбливали и было замѣтно, что его назначеніе въ насъ немилость. За что? Никто изъ насъ не угадывалъ. Наши отцы всегда расхваливали его краснорѣчіе, и на этотъ разъ не преувеличивали и не льстили — хотя расхваливанье своихъ есть одно изъ свойствъ ордена; этимъ онъ и заманиваетъ молодыхъ людей; самый маленькій талантъ можетъ быть увѣренъ, что будетъ прославленъ.

Отецъ Монгазенъ былъ постоянно задумчивъ; я замѣтилъ это, но не сообщалъ никому: стали бы дѣлать заключенія, что онъ жалѣетъ о карьерѣ, которую его принудили оставить.

Былъ іюль 1833 г. Недалеко отъ насъ воды """, гдѣ въ то лѣто было много посѣтителей. Это было для насъ выгодно. Наша церковь велика, новая, въ чистомъ готическомъ стилѣ; съ цѣлью привлечь толпу, устраивались духовныя церемоніи, возможно пышныя и блестящія. Все было предлогомъ: девятидневное поклоненіе Сердцу Іисуса, такое же Сердцу Маріи, празднигъ Горы Кармельской, празднигъ св. Игнатія; этотъ въ особенности былъ роскошенъ. Въ послѣдній день его, церковь была полна народа, вся въ цвѣтахъ, огняхъ, куреніяхъ, драпировкахъ. Отцу Монгазену было приказано, за вечерней, сказать похвальное слово учредителю нашего ордена. Онъ не готовился, но вошелъ на кафедру, говорилъ увлекательно, какъ вдругъ прервался и упалъ въ обморокъ. Онъ оправился на другой день, но, казалось, постарѣлъ вѣсколькими годами, сталъ отдаляться отъ всѣхъ и отказался проповѣдывать. Происходило что-то странное; его какъ-то сторожили, подозрѣвали: стали говорить, что онъ оставитъ орденъ. Мнѣ это казалось невозможнымъ.

Моя привязанность къ нему была всѣмъ извѣстна — я не умѣлъ скрывать, и хотя меня укоряли въ ней, однако, еще были ко мнѣ довольно снисходительны. Отецъ Монгазенъ, хотя болѣе меня опытный, не скрывалъ тоже своего предпочтенія ко мнѣ. У насъ былъ большой садъ. Гулять вдвоемъ строго запрещалось: необходимо было брать, по крайней-мѣрѣ, третьяго, но не запрещалось бродить одному, чѣмъ я часто пользовался. Однажды, сидя въ уединенной бесѣдѣ, я услышалъ голоса троихъ нашихъ отцовъ. Я хорошо зналъ существующую у насъ систему шпіонства и доносовъ и, хотя самъ не приводилъ ее въ исполненіи, но находилъ натуральнымъ, что ее употребляли и противъ меня. Мнѣ только казалось излишнимъ слишкомъ большое усердіе. Этого не признавали отцы Вермонъ и Руфинъ, которые открывали старшимъ не только явные грѣхи братьевъ, но, по

§ 20 Regulae communes и *искушенія*, напริมѣръ, желанія возвратиться въ миръ, желаніе заставить исключить себя изъ ордена, и пр. Понятно, что для этого необходимо испытывать совѣсть братьевъ, замѣчать всякое незначащее слово, истолковывать даже молчаніе. Вслѣдствіе доноса о подобныхъ *искушеніяхъ*, виновные подвергаются совѣтамъ, выговорамъ духовниковъ, и сами не вѣдая почему, становятся подозрительными. Отцы Вермонъ и Руфинъ, гуляя въ саду, брали съ собою отца Тифона, который былъ набоженъ, разсѣянъ и глупъ, такъ что при немъ можно было говорить что угодно. Они остановились недалеко отъ меня и произнесли имя отца Монгазена.

Незадолго предъ тѣмъ, мнѣ писала мать, что она сдружилась въ молодой графиней де-Флавіакъ. «Богъ послалъ мнѣ въ ней дочь», гоорила она. Я зналъ только имя этой молодой женщины. Изъ разговора отцовъ, я услышалъ, что въ Парижѣ гр. Флавіакъ была влюблена въ прекраснаго отца Монгазена, но что въ настоящее время, «этотъ негодай думаетъ о другомъ».

— Монгазенъ, продолжалъ отецъ Руфинъ:—жалуются, что его вызвали изъ Парижа, что здѣсь торгуютъ его талантомъ, назначая Большую цѣну за стулья въ церкви, когда онъ проповѣдуетъ, что онъ охотно отправился бы въ миссію на край свѣта, гдѣ *была бы менше несчастя*. Графиня Флавіакъ пріѣхала сюда и нѣсколько разъ вызывала отца Монгазена для разговора въ пріемную залу; онъ всегда отказывался. Почему? Я открылъ причину. Замѣтили вы вчера на лѣстницѣ молодого человѣка, который, когда мы проходили, надвинулъ шляпу на глаза, боясь чтобы мы его не разглядѣли? Онъ былъ у отца Монгазена! Я убѣжденъ въ этомъ; уже нѣсколько дней назадъ, въ щель изъ сосѣдней кельи, я имѣлъ случай посмотрѣть въ келью отца Монгазена, и видѣлъ какъ онъ, прощаясь, обнималъ этого юношу, говоря: «прощай, мой ангелъ, жизнь моя, любовь моя!» Я писалъ ужъ объ этомъ отцу-генералу, въ Римъ, напишу сегодня еще разъ, а вы поговорите съ нашимъ начальникомъ.

Они ушли. Я былъ пораженъ, остался въ саду, несмотря на сильный внезапный дождь, пропустилъ время класса и возвратился въ церковь только къ вечерней молитвѣ. Темнота, тишина, одинокій голосъ, читавшій молитвы, на который разомъ отвѣчали всѣ голоса, монахи, движущіеся какъ тѣни—все это казалось мнѣ фантастическимъ. Мой разумъ мутился. Я былъ измученъ. Я спрашивалъ себя, что такое добродѣтель, и если такъ низко цалъ этотъ человѣкъ, кто устоитъ, устою ли я? Я говорилъ себѣ, что есть ступени преступленія, которыхъ не можетъ перейти благородная душа, и затѣмъ мнѣ хотѣлось бѣжать изъ этого

ордена, изъ этого ненавистнаго дома, гдѣ порокъ могъ прятаться подъ самой привлекательной наружностью... И этотъ человѣкъ любилъ меня!...

Молитвы кончились, мы разошлись. Не раздѣваясь, я бросился въ постель, въ моей кельѣ, въ волненіи, которое все возрастало. Вдругъ мнѣ вспомнилось, что монахи собирались донести на отца Монгазена, и я пришелъ въ ужасъ, ужъ не за себя, но за него. Этотъ ужасъ просвѣтилъ меня; я рѣшился идти сейчасъ къ нему. Спускаясь съ лѣстницы, я увидѣлъ, что за мной подсматривалъ отецъ Руфинъ; мнѣ послышалось, что онъ смѣется. Негодованіе придадо мнѣ силы; я забылъ постучаться и прямо отворилъ дверь къ отцу Монгазену.

Онъ стоялъ на молитвѣ; я взглянулъ ему въ лицо — оно было въ слезахъ. Онъ испугался моей блѣдности и разстройству и поднялся мнѣ на встрѣчу.

«— Дитя мое, чтѣ съ вами? что случилось?»

Я еще разъ бессмысленно посмотрѣлъ ему въ лицо; это благородное, прекрасное лицо привело меня въ сознаніе; я бросился предъ нимъ на колѣни.

«— Я такъ и зналъ! вскричалъ я: — вы не низкій преступникъ!

«— Низкій преступникъ? Чтѣ съ вами, Сент-Моръ? Вы обезумѣли?»

«— Да, я былъ безуменъ, но теперь я очнулся... Говорите тише; насъ могутъ слышать.

«— Никто, дитя мое, стѣны толсты, отвѣчалъ онъ спокойно. Я вырвалъ у него мои руки, схватилъ со стола кусокъ плотной бумаги и сургучъ, вскочилъ на стулъ, и легко найдя щель, о которой говорили монахи, заклеилъ ее.

«— Повѣсьте завтра здѣсь какую-нибудь изъ вашихъ картинъ, сказалъ я, успокоиваясь.

Онъ былъ пораженъ. Я рассказалъ ему все, чтѣ слышалъ. Онъ поблѣднѣлъ.

«— Меня обвиняютъ въ страшномъ преступленіи... А вы, мой сынъ по сердцу, вы повѣрили?»

«— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ я.

«— О, бѣдное дитя, отчего же вы измучились до лихорадки? я не осуждаю васъ. Никого не осуждаю, даже отца Руфина, который спитъ теперь спокойнымъ сномъ, готовясь завтра писать свое письмо. Онъ писалъ бы его теперь, но по уставу назначено спать въ этотъ часъ, а этотъ человѣкъ, который подсматривалъ за братомъ, судилъ, осудилъ — не отступитъ на волосъ отъ устава .. Ты все узнаешь, дитя мое, но не теперь: мнѣ надо отдох-

вуть, собраться съ мыслями... То, что произошло сегодня, есть праведное наказаніе божіе—я преступникъ.

«— Преступникъ! вскричалъ я.

«— Да; но, ты сказалъ, не низкій преступникъ. Я и не ангель, я—человѣкъ... Тебѣ все объяснить одно слово: юноша, котораго видѣлъ у меня отецъ Руфинъ—женщина, графиня де-Флавиагъ... До завтра.

На завтра я серьезно занемогъ; отецъ Монгазенъ ухаживалъ за мною, и когда мнѣ стало лучше, рассказалъ мнѣ свою исторію.

Онъ былъ сирота, рано порученъ иезуитамъ, четырнадцать лѣтъ вступилъ въ новиціатъ, а шестнадцать произнесъ обѣты. У него былъ замѣчательный ораторскій талантъ. «Ему обязалъ я—говорилъ онъ—моими радостями и печалями... Теперь не даютъ права священства монахамъ прежде тридцати лѣтъ; въ мое время, это дѣлалось раньше, и васъ, Сент-Моръ, конечно, не посвящать еще лѣтъ семь или восемь»...

«— Мнѣ кажется это очень благоразумно, замѣтилъ я:—у молодого человѣка сложится воля и, узнавъ страсти, съ которыми онъ долженъ бороться, онъ можетъ отдать себѣ отчетъ, чувствуетъ ли силу устоять.

«— Это хорошо въ теоріи; вы говорите о свободной волѣ. Но, проведя въ орденѣ десять, пятнадцать, двадцать лѣтъ, человѣкъ дѣлается не человѣкомъ, а вещью, принадлежащей ордену. Съ восьмилѣтняго возраста иезуиты владѣли мною, передѣлывали меня по своему образу и подобию; я читалъ только ихъ книги, не зналъ благороднаго, прекраснаго, высокаго какъ только ихъ учрежденіе, считая его единственнымъ способнымъ обновить землю. Къ тому же, священство не связываетъ болѣе тѣхъ обѣтовъ, которые ужъ произнесены въ шестнадцать-восемнадцать лѣтъ. Еслибы намъ, для испытанія, предлагали нѣсколько лѣтъ пребыть въ свѣтѣ, немногіе изъ насъ воротились бы въ орденъ.

«— Я бы воротился, возразилъ я.

«— Возможно; и вы имѣли бы право сказать тогда, что вы иезуитъ по собственной волѣ. Впрочемъ, еслибы набралось много такихъ людей, какъ вы, орденъ бы измѣнился. Въмѣсто громадной силы, враждебной обществу, онъ сдѣлался бы одной изъ его живыхъ силъ. Съ нимъ вмѣстѣ, мы трудились бы для него. Я уже въ зрѣломъ возрастѣ, но не отрѣшался отъ вліянія, отъ предразсудковъ моего перваго воспитанія, не могу рѣшить, идеалъ ли совершенства нашъ орденъ. Вы разсмѣтрите это въ эти нѣсколько лѣтъ; вы рѣшите, зависитъ ли будущность общества отъ осуществленія нашихъ плановъ, нужно ли для спасенія народовъ

соединить ихъ въ одинъ, во всемірную республику подъ теократическимъ управленіемъ главы церкви при помощи іезуитовъ, и такъ ли должно быть понято слово о единомъ стадѣ и единомъ пастырѣ. Я долго этому вѣрилъ. Это, можетъ быть, было бы возможно, еслибы орденъ не осудилъ себя на полную неподвижность и не заключилъ въ одной буквѣ своихъ правилъ, а изсѣдовалъ духъ ихъ. Мы хотимъ быть властителями міра, а міръ переѣнился со временъ св. Игнатія. Онъ не идетъ больше дорогою отцовъ своихъ, не понимаетъ нашего языка, киваетъ на насъ головою; за насъ однѣ женщины, потому что имъ дорога пышность церемоній, музыка, кадильный дымъ, очарованіе слова, легенды...

«— И это все, чтѣ у насъ осталось? спросилъ я.

«— Осталось! Развѣ у насъ было что-нибудь больше? Развѣ мы когда-нибудь вліяли на общество, которое имѣемъ претензію преобразовать, которымъ хотимъ управлять?

«— Но Господь воздвигъ нашъ орденъ на борьбу съ ересью?

«— Да, это говорятъ намъ историки и хвалители. Но развѣ мы побѣдили ересь? Римъ принялъ нашу помощь, но мы не помѣшали иоловинѣ Запада отпасть отъ него. Мы ничего не дѣлали для цивилизованнаго міра. Во Франціи, гдѣ мы воспитывали юношество, это юношество оставило насъ для философіи XVIII вѣка. Мы интриговали на исповѣди, только; примѣры—отецъ Лашезъ, отецъ Летеллье. Мы писали очень скользко нравственныя книги, наперекоръ строгой нравственности янсенистовъ, а между тѣмъ вызывали драгоннады, козни, изгнаніе еретиковъ, которыхъ обратить мы были безсильны... Чтѣ же мы сдѣлали? Ахъ, да, мы поддержали и распространили бредни влюминатки, Маріи Алакокъ; благодаря намъ, развилось поклоненіе Сердцу Іисуса; мы гнали янсенистовъ, мы срыли до основанія монастырь, гдѣ несчастныя женщины надѣялись прожить и умереть, изгнали и преслѣдовали этихъ женщинъ за то, что онѣ, честныя души, не хотѣли отрицать или принимать тѣ, чего не понимали; мы возвели во святыя нишаго Венуа-Лабро—да вотъ и вся наша дѣятельность за XVII и XVIII вѣка. Отъ начала ордена до его уничтоженія Климентомъ XIV, ничего не сдѣлано. Отъ возстановленія его Піемъ VII ничего не сдѣлано. Мы поработали для себя, поправили наши финансы, настроили церквей, дворцовъ для помѣщенія нашихъ коллегіумовъ — и только. Чтобы существовать и быть чтѣмъ-нибудь, орденъ долженъ переформироваться. За нами остается истинная слава нашихъ мисіонеровъ. Говоря *мисси*, я разумѣю не религіозныя парады, которые мы устраивали въ реставрацію, но мисіи въ нехристіанскія земли. Тамъ іезуиты

были истинно велики. Но тамъ не нужны люди ловкіе, нужны вѣрующіе, любящіе, герои безъ страха мученичества. Въ степяхъ, въ саваннахъ, за мисіонеромъ не идутъ доносчики; онъ любитъ братьевъ, съ которыми дѣлитъ труды; онъ не связанъ мелочными приказаніями, онъ можетъ быть самимъ собою, онъ подвергается опасности не по уставу, а по увлеченію... Я просилъ милости быть мисіонеромъ—мнѣ отказали!...

Отецъ Монгазенъ былъ сильно растроганъ и взволнованъ.

«— Въ реставрацію, продолжалъ онъ:—началье мисіи внутри Франціи. Вы знаете, какъ это торжественно дѣлается; въ городахъ, куда мы являемся, устраиваются процесіи, украшается церковь, совершаются три церемоніи подтвержденія обѣтовъ крещенія, покаянія предъ св. дарами и посвященію Маріи. Мисіи продолжались недѣль пять-шесть, и завершались особенно пышной процесіей съ хоругвами и орифламмой и водруженіемъ креста. Это дѣлалось съ цѣлю пробудить чувство религіи въ массахъ народа; его увлекали эффектами, какъ любилу въ театрѣ, но, конечно, не удерживали надолго: изъ полторы тысячи человекъ, приступавшихъ къ общему причастию в. тайнъ, едва десятокъ причащались на слѣдующій годъ. Эти мисіи дѣлали больше зла, чѣмъ добра; наше присутствіе производило волненіе въ городахъ, гдѣ мы являлись; въ семьяхъ въ-за насъ ссорились. Религіозное чувство въ нѣсколько дней и восстанавливается. Намъ кричали, провожая насъ: «да здравствуютъ мисіонеры!» Три четверти города бывали за насъ, самые горчіе либералы приходили слушать наши проповѣди. Правда, ни сначала подбрасывали въ церкви орѣхи, начиненные порохомъ, и называли насъ ярмарочными паясами за наши высоко-сооружаемые алтари, но между проповѣдниками бывали люди талантливые, и неприятели наши смирились, даже раздѣляли общее умеченіе. Но все это было искусственно и потому дурно. Это было религіозное шарлатанство — ничего больше. Опомнясь, насъ только больше ненавидѣли. Намъ доказали это въ 1828 г., выгнавъ насъ, а въ 1830 г. сломавъ кресты, которые водоужали при насъ съ такимъ восторгомъ... Въ 1825 году я былъ съ мисіей въ Марсели. Меня давно прославили какъ проповѣдника, хотя въ то время я едва началъ это поприще. Я говорилъ въ соборѣ. Еще въ первый разъ было у меня такъ много слушателей, и я былъ нѣсколько взволнованъ. Я говорилъ о цѣли и пользѣ мисіи—тогда я въ нее вѣрилъ—и успѣхъ мой былъ полный. Нашъ отецъ-провинціалъ далъ мнѣ письмо къ старому маркизу де Флавиакъ, жившему около Марсели, на дачѣ, на берегу моря. Этотъ сарикъ служилъ нѣкогда при дворѣ Лудовика XVI, но принадлежалъ къ иезуитской партіи, находив-

шей себѣ покровительство у тѣтокъ короля, дочерей Лудовика XV; онъ былъ то, что называютъ «посвященный» (affilié) или «іезуитъ въ короткомъ платьѣ». Это одна изъ степеней нашихъ, хотя орденъ не признается, что у него есть такіе «посвященные». Они проносятъ только *простой обѣтъ* повиновенія, орденъ съ своей стороны обѣщаетъ покровительство и помощь имъ и тѣмъ, кто имъ близокъ. «Посвященные» всѣ носятъ на себѣ наравнѣнъ; у всѣхъ онъ одинаковаго цвѣта, формы и матеріи. Маркизь де-Флавіакъ эмигрировалъ въ революцію, возвратился и отдалъ своего сына, графа де-Флавіака, на воспитаніе іезуитамъ. Впослѣдствіи, онъ женилъ его на дѣвицѣ Сальмеронъ, изъ дома, тоже преданнаго ордену: предкъ Сальмероновъ былъ изъ друзей св. Игнатія. Женивъ сына, старшій маркизь де-Флавіакъ поселился жить въ Марсели. Я поѣхалъ къ нему на дачу, и былъ прекрасно принятъ. Онъ сказалъ мнѣ, что ждетъ къ себѣ свою невѣстку, графиню де-Флавіакъ, жаловался что у нея нѣтъ дѣтей, и что весь ихъ родъ состоитъ только изъ маленькаго внука, сына его племянника, послѣдняго изъ Флавіаковъ. Меня очень мало занимали его жалобы, я отдалъ ему письмо и уѣхалъ. На другой день, вечеромъ, я проповѣдывалъ. Между слушателями я увидѣлъ маркиза, а въ первомъ ряду стульевъ молодую женщину, которой прежде не замѣчалъ. Она была роскошно и изящно одѣта. Мнѣ пришло на мысль, что это — графиня де-Флавіакъ. Меня что-то смутило, какое-то странное любопытство, безпредметная досада. Я обѣщалъ себѣ обличить въ проповѣди этихъ свѣтскихъ женщинъ, приходящихъ въ храмъ божій для выставки своихъ нарядовъ. Запѣли молитву; я вслушался въ ея голосъ, потомъ разглядѣлъ ее; она была далеко не красавица, мала ростомъ, смугла, худа, съ блестящими черными глазами — типъ испанки. Я видалъ красавицъ, и не смущался; теперь я былъ смущенъ: я чувствовалъ на себѣ ея взглядъ, огненный, искавшій моего взгляда; хотѣлъ избѣжать его, и не могъ. Но я продолжалъ говорить, не сбиваясь. Во мнѣ было будто два чловѣка: ораторъ — властитель своей мысли, и чловѣкъ, измученный сномъ, отъ котораго не можетъ проснуться. Я говорилъ о вѣчныхъ мученіяхъ. Въ то время я былъ весь проникнутъ средневѣковыми понятіями, и представлялъ трепетать слушателей. Она одна не трепетала, не плакала. Мнѣ хотѣлось смирить ее, поразить; я распространился объ ужасахъ и казняхъ, и не затронулъ ни ея чувства, ни даже нервовъ. Я сошелъ съ кафедръ педвольный. Теперь я нахожу, что проповѣдь была нелѣпна, но тѣмъ какъ она была сказана, она произвела дѣйствіе на всѣхъ, кромѣ *одной*... Кто знаетъ, умалъ я, она, можетъ быть, не находить во мнѣ таланта? Я по-

шелъ отдохнуть на хоры, пока пѣли послѣдній гимнъ; въ немъ говорилось объ адѣ, какъ въ предшествовавшей проповѣди. Толпа расходилась. Она стояла на колѣняхъ, закрывъ руками лицо, при послѣдней строфѣ подняла голову и заплѣла; поущіе остановились, чтобъ слушать ее. Она пѣла отчаянныя слова, съ отчаяніемъ, приводящимъ въ ужасъ. Это былъ точно голосъ одной изъ тѣхъ душъ, которыя я вызывалъ, чтобъ явились, и принесли живымъ грѣшникамъ послѣдній совѣтъ покаяться... Выйдя изъ церкви, я ушелъ къ морю, не понимая самъ, по мѣрѣ того, какъ отдыхалъ, какъ я могъ такъ увлечься. На другой день я слегка занемогъ, и два дня не выходилъ. Этимъ временемъ меня навѣщали, и въ числѣ карточекъ, я получилъ карточки маркиза и графини Альфонсины де-Флавиакъ. Стало быть, это точно была она. Проповѣдуя на другой день, я былъ почти доволенъ, что ее не было въ церкви, но чрезъ день еще, у меня были гости, когда доложили о маркизѣ и графинѣ. Она привезла мнѣ письмо отъ отца-провинціала нашего парижскаго дома, и еще отъ одного изъ отцовъ. Она была весела, разговорчива, привлекательна. Проводивъ ее, я взглянулъ на письма; между ними была вложена записка:

«Отецъ мой, мнѣ нужны совѣты, и я могу ждать ихъ только отъ васъ; вы одинъ внушаете мнѣ полное довѣріе, вы одинъ прочтете въ душѣ, которую никто не пойметъ. Свѣтъ видитъ только наружность; я улыбаюсь, и онъ славить мое счастье, мое блестящее положеніе, между тѣмъ, какъ я страдаю, страдаю смертельно! Отецъ мой, допустите меня къ себѣ; вы одинъ можете меня спасти...
«Альфонсина.»

«— Эта записка меня раздосадовала. Еще привлеченіе свѣтской женщины, которая отъ избытка счастья, отъ нечего дѣлать, воображаетъ себя несчастной, а сама, вѣроятно, преступно влюблена! Меня хватала за сердце ревность; я увѣрилъ себя, что это негодованіе, и отвѣчалъ графинѣ запиской, въ которой сухо увѣдомлялъ, что я бываю въ исповѣдальнѣ въ такіе-то часы, и если ей угодно, пусть пожалуетъ. Она не пришла въ церковь вечеромъ, а я, воротившись къ себѣ, прочелъ письма, которыя она привезла мнѣ. Парижскій отецъ-провинціалъ настоятельно приказывалъ мнѣ заняться духовнымъ руководствомъ гр. де-Флавиакъ. Семейство Флавиакъ намъ было необходимо. Молодая графиня пожаловалась отцу-провинціалу на недостаточность твердости въ вѣрѣ, и полупшта говорила, что желаетъ обратиться. Она уѣзжала въ Марсель къ старику-маркизу. — «Тамъ теперь ваша миссія, говорила она отцу-провинціалу: — рекомендуйте мнѣ духовника». Онъ называлъ ей одного изъ нашихъ отцовъ; она вскричала, что онъ

дурень и некраснорѣчивъ, и пожелала взять меня. Отець-провинціалъ далъ ей письмо ко мнѣ, въ которомъ разсказалъ все это, прибавляя, что Господь ведетъ душу къ сожженію всякими путями, что я долженъ сдѣлать графиню благочестивою, заставить ее принять малый законъ нашего ордена, нарамникъ, вступить въ конгрегацію; графиня, писалъ онъ, богата, и не имѣетъ дѣтей, пусть достойно и свято расточитъ свое достояніе! Вырвемъ у свѣта его золоте, и пусть багачи знаютъ, что они только наши распорядители. Мнѣ предписывалась святая покорность. Я еще раздумывалъ, что дѣлать, когда ко мнѣ вошла графиня Флавіакъ. Я неробокъ, но увидя ее, смутился; можно смѣяться, а самъ смѣюсь надъ предчувствіями, но мнѣ показалось, что это существо завладѣетъ моею судьбою; мнѣ было тяжело и сладко, я страдалъ, и былъ счастливъ. У этой женщины, я зналъ, бывало въ лицѣ непріятное выраженіе насмѣшекъ — но, я подмѣтилъ тоже, никогда это выраженіе не относилось ко мнѣ. Въ настоящую минуту она была тиха, покорна, почти унижена, даже одѣта съ преувеличенной простотою. Ея голосъ дрожалъ, на глазахъ, мнѣ показалось, были слезы, когда она стала просить прощенія, что пришла не въ исповѣдальню, какъ я назначалъ, а прямо «безопасно» меня... Мнѣ уже не нужно было вспоминать привязанія моего начальника: эта умоляющая женщина повелѣвала мною.

«— Мнѣ нечего прощать вамъ, сказалъ я. — Вы не хотите исповѣдываться, я васъ не принуждаю; Господь ждетъ, его посредники обязаны быть терпѣливы. У васъ есть печали, вамъ необходимы совѣты; говорите, я готовъ выслушать.

— Она сѣла, и долго отчаянно плакала; она была необыкновенно хороша въ эти минуты, а я — тронуть до глубины души. Вѣроятно она это замѣтила.

«— О, вы добры! сказала она. — Вы велики и сердцемъ, и разумомъ. Я это знала, когда ѣхала сюда изъ Парижа. Зачѣмъ я пріѣхала, какъ сказать вамъ? Вы не поймете... Несчастливая!...

«— Графиня, отвѣчалъ я: — монахъ не живетъ въ мирѣ, но знаетъ его опасности. Въ шесть лѣтъ служенія, я видѣлъ много душевныхъ ранъ, горькихъ слезъ. Священникъ знаетъ, сколько скорби выносить человѣкъ, и умѣетъ всему сочувствовать.

— Я говорилъ съ печалью, увѣренный, что у этой женщины на совѣсти былъ проступокъ. Она перестала плакать, глаза ея засверкали.

«— Неужели вы думаете, прервала она: — что я стану вамъ разсказывать какую-нибудь пошлую страстишку, что-нибудь изъ вѣтскихъ искушеній? Я надъ ними смѣялась, я выше этихъ ко-

медіи! развѣ въ свѣтѣ бываетъ любовь?... О, вижу, вы довольны, что я могу глядѣть вамъ въ лицо... не просите! прибавила она съ прелестнымъ молодымъ увлеченіемъ, и схватила мою руку.

— Не знаю самъ, какъ я отвѣчалъ на пожатіе; я былъ счастливъ, что она чиста. Она поблѣднѣла, и откинулась въ кресло. Я испугался, и понялъ опасность.

«— Такъ отчего же вы страдаете? спросилъ я: — если вы прошли мимо соблазновъ, не измѣвъ вашихъ ангельскихъ крыльевъ, вы, которой Богъ не отказалъ въ дарахъ, вы, красавица...

«— Вы находите, что я красавица? вскричала она, глядя на меня пристально.

— Никогда я не былъ такъ смущенъ. Какъ сорвалась у меня подобная глупость? я не зналъ, какъ поправиться.

«— Вашъ мужъ любить васъ... сказалъ я слово.

«— Вы думаете? Напротивъ. Онъ честолюбивъ, а честолюбцы не знаютъ любви.

«— Но его уваженіе, дружба...

«— О, не повторяйте этихъ общихъ мѣстъ! вскричала она и прибавила нетерпѣливо: — я знала, что вы меня не поймете!

— Она опять заплакала.

«— Такъ это свѣтская скука, сказалъ я, овладѣвъ собою: — скука пресыщенія суетою и пустотою, великій шагъ къ жизни истинно христіанской. Но когда распадаются въ прахъ наши мечтанія, не должно говорить: я страдаю! должно оставить преувѣличенія, недостойныя существа такого, какъ вы; когда за первыми упоеніями юности приходитъ эта глубокая скука...

— Она вдругъ звонко засмѣялась.

«— Такъ это только скука?

«— Только скука, никакъ не больше, подтвердилъ я, раздраженный ея смѣхомъ:—болѣзнь богатыхъ и знатныхъ женщинъ. Это не истинная, благородная, стоящая участія скорбь, это—пресыщеніе, болѣзнь пошленькая; о ней могутъ нѣсколько пожалѣть только тѣ, на комъ лежитъ обязанность облегчать всѣ скорби; у васъ страстный характеръ, и вы нахватались удовольствій, веселостей до отягощенія...

— Она не прерывала, смотрѣла во всѣ глаза, вдругъ зарыдала, бросилась предо мной на колѣни и схватила мои руки.

«— Отецъ мой, вскричала она: — зачѣмъ я пришла къ вамъ! Нѣтъ... нѣтъ, зачѣмъ передъ вами я нарядилась въ беззаботность, въ эту маску моего общества! Вы меня презираете!

«— Вѣдное дитя, сказалъ я, заставляя ее подняться:—я васъ не понимаю.

«— Я сама себя не понимаю, я безумна! продолжала она; ры-

дая.—Я отказалась придти въ исповѣдальню, но я хочу вамъ открыть всю мою душу, до конца!... Я люблю, я бѣшено люблю, а онъ меня не любитъ и, можетъ быть, никогда не полюбитъ!.. Вамъ жаль меня?

«— Да, вашей чистоты, выговорилъ я.

«— О, я его люблю какъ ангела! возразила она:—онъ ангелъ на землѣ, прекраснѣйшій изъ ангеловъ! Пусть онъ мнѣ скажетъ слово, оглянется на меня съ жалостью... моя любовь сильна, она сможетъ принести себя въ жертву, скрыться въ сердцѣ навѣки. Но пусть онъ скажетъ мнѣ, какъ вы сейчасъ сказали: «Мнѣ жаль васъ»... О, повторите!...

«— Боже, что вы говорите, графиня?

«— Развѣ я назвала? спросила она съ ужасомъ:— развѣ я назвала его?

«— Нѣтъ... отвѣчалъ я, думая, что не такъ ее понялъ.— Оставимте этотъ тяжелый разговоръ. Не ко мнѣ должны вы были идти... Хотите излечиться отъ вашей роковой страсти?... Скажите, тотъ, кого вы любите—человѣкъ вашего общества?

«— Свѣтъ недостоинъ его; онъ его оставилъ.

«— Такъ не старайтесь больше никогда его видѣть...

«— Никогда! вскричала она, ломая руки:— а я пришла сюда затѣмъ, чтобъ сказать: люблю тебя!

— Она опять упала на колѣни, повторяя: «я тебя люблю!» У меня забружилась голова. Не помня себя, я ее подвѣлъ, сжалъ въ объятіяхъ и отвѣчалъ поцалуями на ея поцалун. Когда прошло наше безуміе, мнѣ было невыразимо горько и стыдно. Во всякой добродѣтели есть гордость: до этой минуты у меня не было на совѣсти ни единой вины. Жаркой вѣброу я умѣлъ восторжествовать надъ моими чувствами, я считалъ себя своимъ властелиномъ; я забывалъ, что сердце можетъ повелѣвать въ свою очередь. Борьба внушаетъ нѣчто въ родѣ отвращенія къ побѣждаемому тѣлу; но какъ остеречься отъ впечатлѣній духа, отъ привязанностей, которыя представляются чистыми? Тутъ—одинъ случай и человѣкъ погибаетъ... Такъ было со мною. Затѣмъ явилось страшное разочарованіе: я чувствовалъ, что люблю безумно, что отдаюся всецѣло этой женщинѣ, а она, въ ту минуту, когда, упоенный и униженный, я выражалъ ей свое счастье и свою скорбь—она смотрѣла не съ любовью, а съ гордостью торжества, будто царица на побѣжденнаго. Ея любовь, казалось, упала въ то время, какъ моя возвысилась. Мы разстались почти холодно.— Съ стыдомъ и укорами размышлялъ я, что мнѣ дѣлать; я былъ готовъ разбить свое сердце, чувствовалъ себя сплннымъ обратиться, но бессмыленнымъ, если эта жертва будетъ стоить слезъ мо-

ей возлюбленной... Вечеромъ я проповѣдываю: я выбралъ текстъ о паденіи сильныхъ и покаяніи; я былъ краснорѣчивъ, какъ еще не бываю никогда. Она слушала, спокойная, холодная, будто смѣялась надо мной и надъ небесами. Я ужаснулся. Не я жь такъ развратилъ душу, которую былъ долженъ спасти? Она преступала свои обѣты, я тоже... Я рѣшился послѣ тяжелыхъ колебаній, и написалъ отцу-провинціалу, что не могу ничѣмъ быть полезнымъ графинѣ де-Флавіакъ, что въ этомъ я вижу для себя потерю времени и, можетъ быть, опасность. Я написалъ и ей, умоляя ее, во имя неба, отказаться отъ меня и сохранить одно воспоминаніе, освященное великодушіемъ нашей общей добровольной жертвы... Отецъ-провинціалъ выговорилъ мнѣ за непокорность, напоминая повиновеніе ас садавер... Сердце человѣка склонно къ противорѣчію: я искренно рѣшился прервать всѣ сношенія съ графиней де-Флавіакъ, а между тѣмъ странно обрадовался этому письму. Я раскрылъ *Cursus theologiae* отца Эскобара; тамъ говорилось: «Провидѣніе установило многіе пути къ благочестивымъ дѣламъ и самый дурной поступокъ можетъ быть признанъ хорошимъ, смотря по тому, какой цѣли достигаютъ поступающіе». Лойола, въ своихъ постановленіяхъ, подтверждалъ повиноваться слѣпо... Стало быть, не было грѣха видѣть г-жу Флавіакъ, но былъ грѣхъ послушаться моего начальника. Я заставилъ молчать разумъ и совѣсть и увидѣлся съ г-жей Флавіакъ. Мои колебанія поддерживали ее страсть, моя собственная страсть дошла до высшей силы; я проводилъ съ этой женщиной все время, которое оставалось отъ трудовъ миссіи. Когда кончилась миссія, я уѣхалъ въ Парижъ, графиня тоже; ее мужа тамъ не было. Въ ее домѣ, я познакомился съ вашей матерью, Сент-Моръ. О, еслибъ вы знали, милое дитя, какъ страшно честному человѣку сознавать, что его жизнь идетъ въ разладъ съ его убѣжденіями, что онъ неправъ присвоиваетъ себѣ уваженіе людей, что онъ, проповѣдующій правду и добродѣтель, мститъ, измѣняетъ Богу, воруетъ у мужа честь его жены! Мои силы были разбиты, здоровье разстроилось; на лѣто мнѣ позволили оставить проповѣдь и послали наблюдателемъ преподаванія въ Сент-Ашѣль. Тамъ я узналъ васъ, я уѣхалъ, не простясь съ Альфонсиной; едва пріѣхавъ въ Сент-Ашѣль, я получилъ отъ нея письмо... Мнѣ былъ данъ отъ ордена *sigillum*, то-есть право самому печатать и распечатывать мои письма. Эта милость дается всѣмъ нашимъ отцамъ, посылаемымъ на проповѣдь и подаваніе духовныхъ совѣтовъ, ни никто не ручается, что письма не будутъ вскрыты. Съ своей стороны, я убѣжденъ, что «тайный кабинетъ», сдѣлавшійся мнѣомъ для уважающихъ себя правительствъ, въ нашемъ ордени существуетъ

во всей силѣ. Послѣ нѣсколькихъ случаевъ, я принялъ свои мѣры... Письмо графини Флавіакъ было холодно, церемонно: она покорилась разлукѣ, благословляла Бога, общала мнѣ дружбу... Я сказалъ себѣ, что она никогда меня не любила. Черезъ нѣсколько дней, она явилась въ Сент-Ашѣль, переодѣтая крестьянкой, пробыла тамъ нѣсколько дней, мы видѣлись. Она воротилась въ Парижъ, оставивъ меня безумиѣе, чѣмъ когда-нибудь и совершенно увѣреннаго въ ея любви. — Вскорѣ, меня возвратили въ Парижъ, а оттуда послали въ Римъ. Тамъ я одумался и просилъ отправить меня въ далекую миссію. Не называя никого по имени, я признался во всемъ нашему отцу-генералу. Онъ выслушалъ снисходительно, общался обо всемъ молчать, хотя и признавался не на исповѣди, взялъ съ меня слово разорвать преступную связь, но заключилъ, что мой ораторскій талантъ принадлежитъ ордену, а мои проступки лишаютъ меня права служить ордену иначе, нежели оныя располагаютъ. Я написалъ графинѣ, что расстаюсь съ нею. Это было въ 1830 году. Мужъ ея, хотя старинной аристократіи, не оставилъ своей дипломатической карьеры при водвореніи орлеанскаго дома; этого желали іезуиты: г. Флавіакъ, какъ одинъ изъ «посвященныхъ», получилъ привязаніе признать орлеанскую династію «какъ совершившійся фактъ». Всѣ повиновались. Графъ Флавіакъ вошелъ въ милость королеви Маріи-Амалии и получилъ назначеніе болѣе блестящее, чѣмъ при Бурбонахъ; графиня уѣхала съ нимъ въ В. Казалось, она примирилась съ нашей разлукой, писала мнѣ иногда, спрашивала совѣтовъ, и хотя я отклонялъ переписку, она настаивала продолжать ее. Въ это время меня послали сюда: я попалъ въ немилость, не знаю за что. Такъ бываетъ въ жизни іезуита. Надо мной мелко смѣялись, меня неопредѣленно упрекали, неосновательно обвиняли; говорили, что я гордецъ, считаю себя необходимымъ для ордена, умнѣе всѣхъ, и тому подобныя глупости. — Прошелъ годъ; г-жа Флавіакъ вдругъ прекратила со мною переписку, доставивъ себѣ сначала жестовое удовольствіе возбудить во мнѣ ревность. Я страдалъ, но одумывался, успокоился и въ полгода; проведенные здѣсь, дошелъ до мысли, что у меня есть обязанности, и испущеніе моей вины становилось мнѣ сладко... Припомните, милый Сент-Моръ, день св. Игнатія и проповѣдь, изъ-за которой меня вынесли въ обморогъ: я увидѣлъ въ церкви графиню де-Флавіакъ! Она пріѣхала сюда нечаянно, требовала видѣться со мною — я отказался; она настаивала, писала, наконецъ, пришла въ пріемную — я не вышелъ къ ней. Черезъ нѣсколько дней рассказывали у насъ, что графиня Флавіакъ, гуляя въ горахъ, подверглась какой-то опасности, спаслась чудомъ, про-

вѣла на молитвѣ все утро въ нашей церкви, сдѣлала богатый подарокъ часовнѣ Богородицы и, наконецъ, два часа исповѣдывалась у нашего отца-начальника. Трудно вообразить, какъ у насъ любятъ повторять разные рассказы; я примѣтила улыбки братьевъ, когда они подмѣтили, что къ этимъ рассказамъ и я прислушиваюсь. Я заперся у себя въ кельѣ. Въ одно утро ко мнѣ постучались, я позволилъ войти... вошла Альфонсина въ мужскомъ платьѣ.

— Она была восхитительна и кокетничала своимъ нарядомъ. Я ужаснулся за неприличіе и смѣлость ея поступка.

«— Къ вамъ женщины не входятъ, вотъ я и переодѣлась. Я пришла сказать, что ненавижу васъ. Я васъ любила, можетъ быть, и теперь еще люблю. Я хотѣла разорвать нашу связь, предчувствуя, что она мнѣ наскутитъ; но мнѣ хотѣлось, чтобъ послѣдній вздохъ любви былъ точно вздохъ, а не зѣвота. Вы уже стали толковать мнѣ о благочестіи, о нравственности; я молчала, но я не хотѣла такъ скоро отказаться отъ власти надъ вами. Я старалась забыться, разсѣяться, быть равнодушной, любить другихъ—мною овладѣла скука. Скука—это смерть. Докторъ послалъ меня сюда. Я не знала, что я васъ встрѣчу, но эта встрѣча доказала мнѣ, что не все еще изгладилось въ вашемъ сердцѣ, и я сама сознала, что у меня только и было истиннаго чувства, что къ вамъ. Но вы были грубы со мною, вы отказались видѣть меня, вы оскорбили и мою любовь, и мою гордость — я васъ возненавидѣла.. Вы слышали, въ горахъ со мной былъ несчастный случай; онъ вдругъ обратилъ меня. Я, вы знаете, вѣрующая, даже суевѣрна; въ вашемъ отказѣ, въ этой опасности я поняла указаніе неба, и рѣшилась теперь съ двадцати-восьми лѣтъ начать строгую христіанскую жизнь, которую собиралась начать позднеѣе.

«— Благодарю васъ, я счастливъ, отвѣчалъ я, пожмая ея руку:—это рѣшеніе—миръ для насъ обоихъ.

«— Нѣтъ, для васъ нѣтъ мира!... Не знаю, зачѣмъ я пришла: сказать ли, что я люблю тебя, или сказать, что я отомстила.

«— Отомстила?

«— Да. Я исповѣдывалась вчера вашему начальнику и сказала ему все. Для блага ордена я позволила ему располагать этой тайной.

«— Богъ да проститъ вамъ зло, которое вы мнѣ сдѣлали. Будьте искренни, по крайней-мѣрѣ, въ вашемъ возвратѣ на путь добродѣтели; за все горе, которымъ вы меня упонили, прошу одного—не преслѣдуйте меня болѣе. Судьба наша свершилась, разстанемся навѣки! Мы могли, тяжелой, но добровольной жертвой нашей любви сохранить себѣ отрадное воспоминаніе, вы

этого не захотѣли. Что удѣляло отъ страсти, вы измяли ненавистью. Прощаю вамъ!

«— Но я себя не прошу!» вскричала она; упавъ къ моимъ ногамъ, отчаянная, плачущая, безумная, краснорѣчивая отъ гори и страсти. Безуміе овладѣло и мною, мое сердце билось. Я не оттолкнулъ эту женщину, которая мнѣ измѣнила, которая предала меня—я снова принадлежалъ ей... Разставшись съ нею, я оглянулся и въ первый разъ понялъ, что она никогда меня не любила. Я былъ для нея—преодолимая трудность. Любовь монаха интереснѣе любви свѣтскаго человѣка: свѣтскій человѣкъ можетъ пожертвовать только другой женщиной, монахъ забываетъ Бога. Гордая женщина торжествовала. Она прислала мнѣ холодное письмо, въ которомъ, прощаясь со мною, рассказывала свои честолюбивые замыслы, основанные на выставкѣ благочестія. Она возвращалась въ Парижъ и хотѣла остановиться у вашей матери.

— Я пошелъ объясниться съ отцомъ-начальникомъ. Онъ удивился, что я началъ самъ о такомъ щекотливомъ вопросѣ. Точно, чтобы узнать мою тайну, онъ пустилъ въ ходъ правило, предписывающее сообщницѣ монаха назвать его на исповѣди подъ страхомъ неотпущенія грѣховъ. Г-жа Флавіакъ назвала меня. Начальникъ, какъ онъ говорилъ, «съ горестью» донесъ обо всемъ отцу-генералу въ Римъ. Отцы Вермонъ и Руфинъ опоздали съ своимъ доносомъ. Сегодня поутру я узналъ, что меня назначили начальникомъ въ Лионъ.

«— Отецъ-генераль, говорилъ здѣшній начальникъ:—желаетъ поднять васъ въ вашихъ собственныхъ глазахъ и дѣлаетъ вамъ довѣріе. Отецъ Монгазень, по его мнѣнію, не изъ обыкновенныхъ людей. Все забыто.

«— Видите, Сент-Моръ, мнѣ нечего жаловаться на начальство. Въ Лионѣ я примусь за дѣло проповѣди. Я испыталъ на себѣ слабость человѣческую; можетъ быть, я буду искуснѣе, если примусь лечить ее. Будемъ стараться дѣлать добро. Обдумайте все, прежде нежели окончателно вступите въ орденъ. Я, виноватый самъ, не судья ему. Когда я укрѣплюсь, возстану и оправдаюсь передъ собою, тогда получу право разбирать, точно ли путь, по которому мы идемъ, есть путь, указанный Христомъ».

Такъ заключилъ свой рассказъ отецъ Монгазень.

(До слѣдующей книжки).

ПОЛМИЛЬОНА.

РОМАНЪ МИССЪ АМЕЛИ ЭДВАРДСЪ.

Часть первая.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Печатаемый нами романъ принадлежитъ перу новой англійской писательницы, почему мы и находимъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ новомъ талантѣ, тѣмъ болѣе, что взыскательные критики Westminster и Saturday Review признали произведеніе миссъ Эдвардсъ если не лучшимъ, то «однимъ изъ самыхъ пріятныхъ явленій въ области романа въ настоящій сезонъ». Миссъ Эдвардсъ очень недавно выступила на литературное поприще, но сразу заняла видное мѣсто своимъ первымъ романомъ «Исторія Варвары» (Barbar's History), надѣлавшимъ много шума при своемъ появленіи въ 1863 году и переведеннымъ тотчасъ на французскій и нѣмецкій языки. Главное достоинство ея произведеній — это вѣрность и жизненность представляемыхъ ею сценъ и характеровъ, увлекательная легкость разсказа, который никогда не теряетъ интереса, хотя источники этого интереса простыя, обыкновенныя явленія обыденной или общественной жизни, а не какія-нибудь страшныя тайны или неслыханныя ужасы. Первый ея романъ, въ которомъ разсказывалась исторія пламенной натуры женщины-живописца, влюбившейся еще въ дѣтствѣ въ идеалъ своихъ художественныхъ стремленій, обнаружилъ въ авторѣ много тонкаго анализа человѣческой души и мѣстами достигалъ восторженнаго пафоса, но нѣсколько утомлялъ своимъ идеальнымъ, иногда натянутымъ тономъ. Въ послѣдующихъ своихъ произведеніяхъ «Рука и Перчатка» (Hand and Glove), «Мисъ Каро» (Miss Karew), «Ватерлейская Мельница» (Waterleigh Mill) и особливо въ «Полмильонѣ», появившемся сначала въ Диккенсовомъ журналѣ «All the Year Round», миссъ Эдвардсъ обратилась къ болѣе прозаическимъ предметамъ, и ея произведенія, если, можетъ быть, и потеряли немного собственно въ романтической занимательности, за то приобрѣли громадное преимуще-

щество въ интересѣ и жизненности выводимыхъ ею лицъ. Въ-сто таинственныхъ, идеальныхъ Чайльд-Гарольдовъ, мы видимъ передъ собою живыхъ людей, обрисованныхъ иногда съ такимъ искусствомъ, что Saturday Review не задумался сравнить нѣкоторыя ея сцены клубной лондонской жизни съ лучшими типическими страницами Текереа. Иные критики ставятъ въ упрекъ миссъ Эдвардсъ то, что она слишкомъ гонится за современностью и не только, напримѣръ, описываетъ въ «Полмилльонѣ» такіе историческіе факты, какъ экспедицію Гарибальди и агитацію въ Европѣ итальянскихъ патриотовъ, но самыя главныя событія своего разсказа основываетъ на фактахъ общественной жизни, конечно измѣняя ихъ согласно литературнымъ требованіямъ. Намъ, напротивъ, кажется, что въ наше время, когда все вниманіе общества обращено на политическіе и общественные вопросы, многими авторамъ гораздо приличнѣе и благоразумнѣе черпать свои матеріалы изъ фактовъ окружающей ихъ жизни, изъ политическихъ событій, процесовъ, газетныхъ извѣстій и такъ далѣе, чѣмъ изъ собственной, увы, иногда очень разстроенной фантазіи. Они этимъ путемъ гораздо успѣшнѣе затрогиваютъ наше любопытство, удовлетворяя, въ то же время, потребности, присущей современному человѣку, и въ минуты отдохновенія и удовольствія не забывать окружающей его дѣйствительности, ея нужды и интересовъ.

ПРОЛОГЪ.

1760.

Вечеромъ 22-го марта 1760 года, Джемсъ Трефольденъ, купецъ и альдерманъ города Лондона, лежалъ на смертномъ одрѣ, въ одной изъ комнатъ громаднаго дома на Базингольской улицѣ.

Уже стемнѣло, и въ домѣ все было мрачно, безмолвно, какъ-бы въ ожиданіи страшнаго вѣстника смерти. Въ комнатѣ больного сидѣли двое докторовъ, знаменитости того времени: сэръ Джонъ Прингелъ, состоявшій при особѣ короля, и Джошуа Вардъ, котораго Гогартъ обезсмертилъ въ своей знаменитой карикатурѣ «Общество Гробовщиковъ».

Оба эти почтенныя лица очень мало говорили между собой, только иногда шопотомъ перекидывались словами и время отъ времени смотрѣли на свои часы, свѣряя ихъ съ большими бронзовыми часами, стоявшими на каминѣ. Точно такъ же время отъ времени они бросали взглядъ на постель, на которой почти сидя, окруженный множествомъ подушекъ, медленно кончался больной

старикъ. Было что-то ужасно отталкивающее въ лицѣ старика, въ этомъ багровомъ, безчувственномъ, покрытомъ мокрыми компресами лицѣ. Глаза его были закрыты, губы распухши, дыханіе слабо, порывисто. Утромъ этого же самаго дня около полудня съ нимъ случился ударъ; его принесли домой съ биржи, въ этомъ же безчувственномъ, полумертвомъ состояніи. Старая экономка сидѣла подлѣ его постели безмолвная, испуганная. Внизу въ гостиной находились три его сына и стрипчіи. Всѣ въ домѣ знали, что старикъ не прожить болѣе двухъ часовъ.

Между тѣмъ ночь уже совершенно наступила и окружающее безмолвіе становилось все тягостнѣе и тягостнѣе. Только изрѣдка по улицѣ проѣзжалъ экипажъ или стучался въ дверь лакея отъ кого-нибудь изъ сосѣдей, чтобъ узнать о здоровьѣ богатаго купца. Вскорѣ и это прекратилось; на небѣ появились звѣзды, на улицѣ тусклые масляные фонари.

— Что жъ намъ не дадутъ свѣчей! воскликнулъ капитанъ Трефольденъ и тотчасъ позвонилъ въ колокольчикъ.

Свѣчи были принесены и тяжелыя штофныя занавѣсы опущены. Капитанъ Трефольденъ взялъ со стола газету; Фредерикъ Трефольденъ посмотрѣлся въ зеркало, поправилъ себѣ галстухъ, зѣвнулъ, понюхалъ табакъ и углубился въ созерцаніе изящной формы своихъ ногъ; Вильямъ Трефольденъ пододвинулъ кресло къ столу и какъ-то безсознательно сталъ перелистывать страницы какого-то журнала. Кромѣ газетъ и журналовъ, на столѣ лежало еще и нѣсколько книгъ, между прочимъ только что вышедшіе, модные романы «Тристрамъ Шанди» извѣстнаго пастора Лоренса Стерна, и «Расселсъ» — ученаго Самуэля Джонсона.

Всѣ три брата были такъ же удивительно похожи другъ на друга, какъ и непохожи, но всѣ они походили на своего отца, всѣ были молодцы и красивы собой. Старикъ Джэкобъ былъ родомъ изъ Корнваллиса и въ юности отличался красотой и высокой, статной фигурой. Капитанъ Трефольденъ не былъ такъ красивъ, какъ отецъ; Фредерикъ Трефольденъ не былъ такъ высокъ; Вильямъ Трефольденъ не былъ ни такъ высокъ и ни такъ красивъ, но, несмотря на это, всѣ они походили на отца, а потому и другъ на друга.

Капитанъ Джэкобъ былъ старшій изъ братьевъ. Отецъ предназначалъ его себѣ въ помощники, но онъ какъ-то не имѣлъ никакого расположенія къ индигу, а напротивъ питалъ самое горячее сочувствіе къ красному цвѣту, особливо къ красному, шитому золотомъ, и поэтому поступилъ въ армію. Проведя шумно и весело свою молодость, Джэкобъ отличился въ сраженіяхъ при Фонтенуа, Детингенѣ и Манденѣ, и теперь, сорока лѣтъ отроду,

сдѣлалъ непростительную глупость, женившись по любви на дѣвухѣ безъ имени и состоянія. Отецъ грозилъ за это лишитъ его всякаго наслѣдства, и въ продолженіе послѣднихъ пяти мѣсяцевъ не пускалъ къ себѣ въ домъ. Братья были еще больше разгнѣваны на капитана чѣмъ отецъ, потому естественно, что встрѣтившись въ этотъ роковой вечеръ впервые послѣ долгаго времени, младшіе братья обходились со старшимъ очень при-
нужденно и большею частью молчали.

Второму брату, Фредерику, было тридцать-шесть лѣтъ; младшему, Вильяму, тридцать. Фредерикъ ненавидѣлъ индигу, быть можетъ, еще болѣе Джэкоба, а всѣ мысли и понятія Вильяма были до того окрашены этимъ цвѣтомъ, что видѣ его, онъ ничего не вѣдалъ. Фредерикъ былъ легкомысленный, лѣнивый франтъ, гуляка и картежникъ. Вильямъ же, напротивъ, былъ дѣловой человѣкъ, холодный, методичный, честолюбивый. Ни одинъ изъ трехъ братьевъ не питалъ особой привязанности къ остальнымъ двумъ. Оно и очень понятно, ибо ихъ характеры и образъ жизни были совершенно различные и ихъ не связывала между собою никакая общая привязанность: мать ихъ умерла очень рано, отца они не любили, а сестры у нихъ никогда не было.

И такъ теперь всѣ три брата были собраны подѣ отцовскимъ кровомъ въ этотъ достопамятный вечеръ, когда старикъ Трефольденъ находился въ такомъ положеніи, что его уже не могло спасти никакое человѣческое искусство. Всѣ они думали одно въ глубинѣ своего сердца, и въ ихъ мысляхъ не было ни сожалѣнія, ни молитвы. Бѣдный старикъ! Онъ былъ страшно богатъ, и такъ одинокъ, такъ покинутъ всѣми, и въ томъ числѣ даже людьми, которые, казалось, должны были его лелѣять. Никто его не любилъ, никто о немъ не заботился, а у него было чистыхъ денегъ — *полмиліона!*

Наконецъ, Фредерикъ Трефольденъ посмотрѣлъ на часы, и съ клятвой объявилъ, что онъ очень голоденъ.

— Поѣшь чего-нибудь, братъ Фредъ, сказалъ капитанъ, и снова позвонивъ въ колокольчикъ, приказалъ накрыть столъ въ столовой.

Оба младшіе брата переглянулись съ едва скрытой улыбкой. Ясно было, что Джэкобъ принимаетъ на себя роль хозяина. «Хорошо, хорошо», думали они: «стрипчій Бевинтонъ здѣсь и намъ еще предстоитъ прочесть духовное завѣщаніе».

Между тѣмъ Фредъ и капитанъ сошли въ столовую; послѣдній пріѣхалъ издалека, и потому былъ не прочь присоединиться къ брату и съѣсть кусокъ холоднаго мяса. Мистеръ Вильямъ остался въ гостиной и только попросилъ чашку чаю, потому что

онъ уже отобѣдалъ въ два часа, какъ всѣ скромные торговые люди.

Если что-нибудь могло быть угрюмѣ мрачной гостиной въ домѣ богатаго купца, то это, конечно, столовая. Стѣны ея были изъ чернаго дуба съ рѣзьбой, камины—громадный саркофагъ изъ чернаго и бѣлаго мрамора; занавѣски на окнахъ штофныя, темно-масаковаго цвѣта. Надъ каминомъ висѣлъ портретъ хозяина дома, писанный дѣтъ сорокъ тому назадъ. Все это при слабомъ свѣтѣ нѣсколькихъ восковыхъ свѣчей придавало комнатѣ какой-то торжественный, мрачный, гнетущій душу видъ. Самыя кушанья напоминали похоронные обѣды, особливо огромный пирогъ съ телатиной, стоявшій посрединѣ. Но такъ-какъ оба брата были очень голодны, то они на это не обратили никакого вниманія.

Капитанъ сѣлъ во главѣ стола и съ необыкновеннымъ проворствомъ воткнулъ вилку въ сердце большого пирога.

— Если у тебя такой же помѣстительный желудокъ, какъ у меня, Фредъ, сказалъ онъ очень добродушно: — то я увѣренъ, что ты сдѣлаешь хорошую брешь въ этой вѣрности.

— Напротивъ, не могу терпѣть такихъ грубыхъ кушаньевъ, возразилъ франтъ, презрительно пожимая плечами: — вотъ я вчера обѣдалъ съ сэромъ Гари Фаншо въ Гумомсѣ. Намъ подали рагу изъ восьмидневныхъ цыплятъ, и такую говядину а ла-модъ, что ты бы себѣ всѣ пальчики облизалъ, братъ Джэкобъ.

— Я этотъ пирогъ не промѣнялъ бы ни на какой рагу въ свѣтѣ, отвѣчалъ капитанъ.

— Въ сосѣдней съ нами комнатѣ обѣдали мистеръ Горасъ Вольполь и мистрисъ Клэйвъ, продолжалъ франтъ: — и всего смѣшнѣе было то, что отправившись вечеромъ въ Воксалъ, мы опять ужинали рядомъ съ мистеромъ Горасомъ и мистрисъ Китти.

— Налей себѣ вина, Фредъ, и передай мнѣ бутылку, сказалъ капитанъ, не понявъ, что было смѣшнаго въ разсказѣ брата.

— Недурной портвейнъ! замѣтилъ Фредъ, щелкая языкомъ съ видомъ знатока:—у старика-то славный погребъ!

— Еще бы! отвѣчалъ капитанъ.

— Но онъ никогда не умѣлъ пользоваться состояніемъ!

— Никогда.

— Какъ можно жить, напримѣръ, въ такомъ домѣ! воскликнулъ франтъ, окидывая зоромъ комнату:—и еще въ Базенгольской улицѣ! Какъ можно держать такую бухарку и не имѣть собственнаго экипажа. Мы съ вами, сударь, лучше сдумѣемъ употребить денежки-то.

— Да, я полагаю, братъ Фредъ, отвѣчалъ капитанъ: — бѣд-

ний старикъ велъ жизнь скучную. Мы съ тобой, мнѣ кажется, могли бы сдѣлать его существованіе веселѣе.

— Будь я проклятъ, если я знаю, какъ могли бы это сдѣлать! воскликнуть Фредъ.

— Да просто помогая ему въ дѣлахъ и живя дома, какъ нашъ меньшей братъ, отвѣчалъ капитанъ:—этотъ мальчишка былъ для него лучшимъ сыномъ, чѣмъ мы съ тобой, братъ.

— У Вилы старая голова на молодыхъ плечахъ; сказалъ серьезно Фредъ: — ну, полно, братъ, говорить о пустякахъ, скажи-ка лучше, не знаешь ли ты, какъ старикъ распредѣлялъ свое состояніе.

— Я столько же объ этомъ знаю, сколько эта бутылка портвейну.

Наступило минутное молчаніе. Въ сѣняхъ послышались чьи-то шаги. Оба брата стали прислушиваться, и потомъ взглянувъ другъ на друга, снова наполнили свои стаканы. Очевидно было, что одна и та же мысль занимала обоихъ.

— Самое лучшее и справедливое было бы, Фредъ, сказалъ, наконецъ, благородный капитанъ:—еслибы все состояніе онъ раздѣлилъ поровну между нами троемъ.

— Поровну! произнесъ съ удивленіемъ Фредерикъ: — нѣтъ, старикъ слишкомъ гордился своимъ состояніемъ, чтобъ на это рѣшиться. Я, напротивъ, полагаю, братъ Джэкобъ... Насъ никто не можетъ услышать?

Капитанъ всталъ и, взглянувъ въ сѣни, затворилъ дверь и воротился на свое мѣсто.

— Никто не услышитъ, сказалъ онъ: — говори безъ всякаго опасенія.

— Ну, такъ мое мнѣніе, что мы, младшіе сыновья, получимъ по шестидесяти или семидесяти тысячъ фунтовъ; а ты, какъ глава семейства, получишь все состояніе.

— Можетъ быть, Фредъ, промолвилъ капитанъ.

— А состояніе-то равняется тремстамъ сорока тысячамъ фунтовъ, прибавилъ Фредъ.

— Мнѣ надо будетъ у тебя поучиться, какъ израсходовать столько денегъ, сказалъ капитанъ, улыбаясь.

— Ужъ я тебя научу жить покаянски. Ты купишь имѣнье въ Кентѣ, городской домъ въ Сого; ты заведешь лошадей, экипажи, ливрейныхъ лакеевъ, будешь имѣть свою собственную охоту, отличный погребъ, ложу въ итальянской оперѣ...

— Да я не понимаю ни слова поитальянски, возразилъ капитанъ.

— Это ничего не значить. У тебя будетъ французскій поваръ, свой домашній пасторъ, арапъ-лакей; женѣ своей ты будешь дарить брильянты, а себѣ хорошенеккихъ содержановъ.

— Погоди, погоди, Фредъ, слова перебилъ его капитанъ: — я протестую противъ послѣдняго. Я уже старъ, и мое время прошло для такихъ забавъ.

— Но, любезный братъ, ни одинъ знатный...

— Я вовсе не знатный, возразилъ капитанъ: — я простой солдатъ, и сынъ простого купца.

— Ну, такъ ни одинъ богатый и замѣчательный своими дарованіями человѣкъ...

— Я еще небогатъ, Фредъ, сказалъ сухо капитанъ: — а что касается до моихъ дарованій, то я думаю всего лучше объ нихъ не упоминать. Я человѣкъ неученый, ты это очень хорошо знаешь и... но что это, кто-то стучится? войдите.

Дверь отворилась; въ комнату вошелъ высокій мужчина, воинственнаго вида и съ загорѣлымъ лицомъ. Онъ держалъ въ рукахъ шляпу и палку и очень учтиво поклонился обоимъ братьямъ. Это былъ сэръ Джонъ Прингель.

— Господа! сказалъ онъ торжественнымъ тономъ: — я очень сожалѣю, что долженъ быть грустнымъ вѣстникомъ.

Оба брата молча встали, и капитанъ замѣтно поблѣднѣлъ.

— Онъ... мой отецъ умеръ? произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ.

Докторъ безмолвно опустилъ голову. Капитанъ отвернулся въ сторону, а Фредерикъ, вынувъ изъ кармана надушенный платокъ, торжественно обтеръ слезу, которая не катилась по его щекѣ.

— Докторъ Вардъ уже уѣхалъ, сказалъ сэръ Джонъ, послѣ минутнаго молчанія: — онъ просилъ меня выразить вамъ все свое сожалѣніе. Позвольте, господа, теперь мнѣ вамъ пожелать добраго вечера.

— Вы прежде хотъ выпейте стаканъ вина, сэръ Джонъ, сказалъ Фредъ, подходя къ столу; но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ договорить эти слова, докторъ уже вышелъ изъ комнаты, учтиво махнувъ рукой. Фредъ пожалъ плечами, все-таки налилъ вина и самъ выпилъ его.

— Пустяки, братъ, сказалъ онъ, обращаясь къ капитану: — теперь не время предаваться меланхоліи. Помни, ты глава семейства. Пойдемъ внизъ и прочтемъ духовное завѣщаніе.

Между тѣмъ Вильямъ Трефольденъ, какъ человѣкъ аккуратный, методическій, уже успѣлъ сходить въ комнату своего отца, взять тамъ ключи и, спустившись внизъ въ контору, вынуть изъ желѣзнаго сундука ящикъ, въ которомъ хранилось духовное завѣщаніе отца. Когда капитанъ и Фредъ вошли въ комнату, то они увидѣли, что ящикъ уже стоялъ на столѣ, передъ стряпчимъ Бевинтономъ, который заботливо надѣвалъ очки.

— Господа, сказалъ онъ, значительнымъ тономъ: — сдѣлайте одолженіе, садитесь.

Всѣ три брата сѣли безмолвно, и съ замѣтнымъ волненіемъ.

Стряпчій открылъ ящикъ. Онъ былъ полонъ бумагъ, контрактовъ, трансфертовъ и разныхъ другихъ документовъ. Стряпчій вынулъ ихъ всѣ одинъ за другимъ, и на самомъ днѣ нашель столъ пламенно-ожидаемую духовную.

— Это неединное завѣщаніе, замѣтилъ Бевинтонъ, откашляваясь передъ чтеніемъ.

Пока онъ развертывалъ документъ, изъ него выпалъ лоскутокъ бумаги.

— Это, вѣроятно, какая-нибудь добавочная записка, писанная собственноручно вашимъ покойнымъ отцомъ, сказалъ стряпчій, пробѣгая глазами записку: — гм, это—разсчетъ всего состоянія покойнаго. Имѣете ли вы, господа, какое-нибудь опредѣленное, понятіе о томъ, сколько имѣлъ вашъ отецъ?

— Всѣ полагали, что у моего отца около полумиллона денегъ, отвѣчалъ Фредъ поспѣшно.

— Богѣ полумиллона, сказалъ младшій братъ, качая головою.

— Вы правы, сэръ. Въ этой запискѣ сказано: *круммъ числомъ, я полагаю, что мое состояніе теперь равняется пятистамъ двадцати-пяти тысячамъ фунтовъ. Сего января 1-го 1760 года, по Рождествѣ Христовѣ. Джэкобъ Трефольденъ.* Нечего сказать, хорошее состояніе, хорошее!

Братья переглянулись съ довольнымъ видомъ.

— Пятьсотъ двадцать-пять тысячъ! воскликнулъ капитанъ: — пожалуйста, мистеръ Бевинтонъ, прочтите намъ поскорѣе самое завѣщаніе.

Стряпчій медленно свернулъ дополнительную записку, придвинулъ къ себѣ свѣчи, поправилъ свои очки и торжественно началъ чтеніе:

«Именемъ Господа-Бога, аминь. Я, Джэкобъ Трефольденъ, родившійся въ городѣ Редрутѣ, графства Корнвалиса, а теперь гражданинъ города Лондона, купецъ (вдовый), находясь по милости божіей въ здоровомъ состояніи физическомъ и умственномъ, сего 11-го дня января мѣсяца 1760 года, пишу сію, мою послѣднюю волю и завѣщаніе. А въ чемъ онѣ состоятъ, слѣдуютъ нижеозначенные пункты: *Вопервыхъ*, я желаю быть похороненнымъ въ моемъ семейномъ склепѣ, рядомъ съ моею покойной женой и сколь можно проще. *Восторыхъ*, я назначаю тѣмъ изъ моихъ нижеименованныхъ душеприказчиковъ, которые будутъ приводить въ исполненіе сіе мое завѣщаніе, по пятисотъ фунтовъ стерлинговъ каждому, каковая сумма и будетъ имъ выплачена въ теченіе ка-

лендарныхъ шести мѣсяцевъ послѣ моей смерти. *Втретью*, я назначаю своимъ тремъ синовьямъ: Джэкобу, Фредерiku и Вильяму по пяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ каждому. Въ...

— Погодите, воскликнулъ капитанъ:—пять тысячъ... потрудитесь перечестъ, мистеръ Бевинтонъ.

— По пяти тысячъ фунтовъ стерлинговъ каждому, повторилъ стряпчій:—цифра эта совершенно ясно видна, но имѣйте терпѣніе, господа, вѣдь это еще только предварительныя статьи. Эти пять тысячъ, вѣроятно, имѣютъ какое нибудь особенное назначеніе, а главный-то капиталъ еще впереди.

— Можетъ быть, можетъ быть, мистеръ Бевинтонъ, отвѣчалъ капитанъ:—продолжайте, я васъ слушаю съ полнымъ вниманіемъ.

«*Вчетвертую*, я назначаю моему кассиру, Эдуарду Прикату пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, моимъ прикащикамъ по сто фунтовъ каждому, и всѣмъ домашнимъ служителямъ двѣсти фунтовъ, которые раздѣлятся поровну; каковыя суммы будутъ выплачены въ теченіе трехъ календарныхъ мѣсяцевъ послѣ моей кончины.

Впятую, я назначаю пастору въ Редрутѣ и пастору того прихода, въ которомъ я буду жить передъ своею смертью, по сту фунтовъ стерлинговъ каждому, каковая сумма будетъ имъ выдана въ теченіе одного календарнаго мѣсяца послѣ моей кончины, и роздана ими по ихъ благоусмотрѣнію немущимъ вдовамъ ихъ прихода. *Вшестую*, я симъ постановляю и требую, чтобъ мои нижепоименованныя душеприказчики съ возможною быстротою послѣ моей кончины, отложили бы изъ того состоянія, исполнѣ благопріобрѣтеннаго и преимущественно помѣщеннаго въ государственныхъ фондахъ, такую часть онаго, которая равнялась бы суммѣ пяти-сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ...

— Ну, вотъ, вотъ! воскликнулъ Фредъ, едва перевода дыханіе.

«Каковую сумму я предоставляю на сбереженіе для нижепоименованныхъ цѣлей лорду-мэру города Лондона и альдерманамъ, какъ ими исполняющимъ оныя должности, такъ и ихъ преемникамъ, въ вѣчныя времена, почему онымъ лицамъ именоваться въ отношеніи капитала, находящагося у нихъ на сбереженіи, *Трефольденскими доверителями*.

Стряпчій остановился, чтобъ протереть свои очки, а братья въ изумленіи взглянули другъ на друга.

— Боже мой! чтó это значить, мистеръ Бевинтонъ? воскликнулъ капитанъ.

— Честью клянусь, что я такъ же мало знаю объ этомъ за-вѣщаніи, какъ вы, сэръ, отвѣчалъ стряпчій:—не я писалъ его.

— Кто жъ его писалъ? спросилъ Вильямъ.

— Не я, сэръ. Вашъ отецъ обратился къ какому-нибудь чужому стряпчему; но, быть можетъ, когда мы прочтемъ далѣе...

— Довольно, сэръ, продолжайте, сказали оба меньшіе братья въ одинъ голосъ.

Стряпчій возобновилъ чтеніе:

«*Вседьмизъ*, симъ объявляю свою волю, чтобъ вышепоименованные довѣрители мои получали ежегодный доходъ съ вышеозначеннаго капитала, находящагося у нихъ на сохраненіи, и обращали сей доходъ въ государственные фонды и дѣйствовали бы такимъ образомъ въ продолженіе ста лѣтъ послѣ моей смерти, дабы сіи прибавочныя суммы составили бы въ совокупности съ первоначальнымъ, вышепоименованнымъ капиталомъ—общую сумму семи миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. *Восьмизъ*, я желаю, чтобъ вышепоименованный общій капиталъ былъ раздѣленъ на двѣ ровныя части, изъ которыхъ одну я назначаю прямоу, нисходящему наслѣднику мужского пола старшаго сына моего, вмѣстѣ съ симъ устраняя младшія вѣтви моего семейства съ ихъ потомками отъ всякаго права на сіе наслѣдство; съ остальной же частью онаго капитала мои довѣрители поступать ниже слѣдующимъ образомъ: а) они приобрѣтутъ въ городѣ Лондонѣ достаточно большое мѣсто земли и выстроятъ на немъ, подъ руководствомъ отличнаго архитектора, красивое и фундаментальное зданіе со всѣми необходимыми службами и назовутъ оно *Лондонскимъ Трефольденскимъ челоѣколюбивымъ заведеніемъ*; б) цѣль этого челоѣколюбиваго заведенія—доставлять денежную помощь, какъ постоянную, такъ и временную старцамъ, вдовамъ и сиротамъ купческаго, духовнаго, судебнаго и докторскаго званій, также, если будетъ найдено возможнымъ, давать безпроцентныя ссуды честнымъ, но несчастнымъ банкротамъ. Кромѣ раздачи денежныхъ пособій, довѣрители мои будутъ имѣть полное право содержать и воспитывать въ вышеозначенномъ челоѣколюбивомъ заведеніи ограниченное число вдовъ и сиротъ бѣдныхъ, но достойныхъ лондонскихъ гражданъ. Дабы сіе вышепоименованное заведеніе было основано и содержано удовлетворительнымъ образомъ, я требую, чтобы мои довѣрители составили уставъ онаго заведенія и представили бы его на утвержденіе правительства. *Девятизъ*, на случай того, если не будетъ наслѣдника мужского пола у старшаго сына моего, то вышепоименованная первая часть капитала будетъ употреблена моими довѣрителями на учрежденіе таковыхъ же челоѣколюбивыхъ заведеній, въ меньшихъ размѣрахъ, въ городахъ: Манчестерѣ, Бирмингамѣ, Бристолѣ и Ливерпулѣ, каковыя всѣ заведенія будутъ руководствоваться тѣмъ же самымъ уста-

вомъ, какъ и главное, основное, лондонское заведеніе. *Вдесятьмь*, все остальное мое состояніе, какъ въ государственныхъ фондахъ, такъ и въ чистыхъ деньгахъ, товарахъ, долгахъ, картинахъ, мебели и проч. и проч. (за исключеніемъ уплаты моихъ долговъ и расходовъ по моему погребенію и исполненію моего завѣщанія), я назначаю своимъ тремъ сыновьямъ по равнымъ частямъ, и въ случаѣ распри по дѣлежу однимъ сыновьямъ обращаться къ душеприказчикамъ моимъ, рѣшеніе конхъ считать окончательнымъ и безапелляционнымъ. *Впослѣднихъ*, я назначаю своихъ друзей Ричарда Мортонна, Эразма Врука, Даниеля Шутельворта и Артура Макензи, всѣхъ родомъ изъ Лондона и по званію купцовъ—своими душеприказчиками. Въ свидѣтельство чего, я, вышепоименованный Джэкобъ Трефольденъ, къ сему руку и печать приложилъ въ вышепоименованный день, мѣсяцъ и годъ.

«Джэкобъ Трефольденъ».

«Симъ свидѣствуемъ, что вышепоименованный Джэкобъ Трефольденъ, въ нашемъ присутствіи приложилъ руку и печать къ сей своей послѣдней волѣ и завѣщанію, въ чемъ и подпишемся, по просьбѣ его, свидѣтелями.

«Джонъ Мурей,
Александръ Лойдъ».

Окончивъ чтеніе, мистеръ Бевинтонъ положилъ завѣщаніе на столъ и снялъ очки. Всѣ три брата были поражены словно громомъ. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ, они смотрѣли на него безмолвно, точно на нихъ нашель столбнякъ. Вильямъ первый прервалъ молчаніе.

— Я буду протестовать противъ этого завѣщанія, сказалъ онъ, поблѣднѣвъ, но твердымъ, рѣшительнымъ тономъ: — оно незаконно.

— Это просто—подлый и низкій обманъ! воскликнулъ Фредъ, вскакивая съ мѣста и грозя кулакомъ: — еслибъ я только зналъ, какой провлятый дуракъ...

— Тише, тише, сэръ, опомнитесь, замѣтилъ испуганный стряпчій: — хоть мертвыхъ-то уважайте!

— Хорошо, мистеръ Бевинтонъ, мы окажемъ уваженіе мертвому, но не его послѣдней волѣ, произнесъ капитанъ, гнѣвно ударя рукой по столу.—Я не пожалѣю оставленныхъ мнѣ несчастныхъ пяти тысячъ, но добьюсь справедливости и уничтожу это завѣщаніе.

— Не горячитесь, братья, сказалъ Вильямъ: — я вамъ говорю, что завѣщаніе незаконно.

— А на какомъ основаніи? спросилъ поспѣшно стряпчій.

— На основаніи закона о выморочныхъ имуществахъ, изданнаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Въ 1736 году, статутъ девятый, благополучно царствующаго короля, перебилъ Бевинтонъ.

— И этотъ законъ запрещаетъ оставлять на сохраненіе деньги или земли для какихъ нибудь челоуѣколюбивыхъ цѣлей?

Стряпчій одобрительно вивнулъ головой.

— Такъ, такъ, у васъ отличная память, сказалъ онъ, потеряя руки: — вы только одно забыли.

— Я забылъ?

— Да. Что гражданинъ Лондона можетъ, по обычному праву Лондона, оставлять такимъ образомъ землю, находящуюся въ самомъ Лондонѣ, хотя согласно закону о выморочныхъ имуществахъ, и не можетъ этого сдѣлать съ имуществомъ, находящимся внѣ Лондона. Если хотите, я приведу статью и параграфъ, откуда я вамъ цитировалъ эти слова.

— Если такъ, такъ все пропало! воскликнулъ Вильямъ, свѣтившись за голову.

Дѣйствительно, все пропало. Фредъ былъ правъ, предполагая, что Джэкобъ Трефольденъ гордился своимъ состояніемъ. Какъ оно ни было велико, онъ рѣшился его еще увеличить. Оставить громадное наслѣдство еще неродившемуся потомку, и основать огромное челоуѣколюбивое учрежденіе, которое обезсмертитъ его имя — вотъ двѣ любимыя идеи, которыя въ послѣдніе годы не оставляли ни на минуту старика. Женитьба же старшаго его сына, въ ноябрѣ предъидущаго года, дала ему благовидный предлогъ къ осуществленію своихъ душевныхъ мыслей. Хорошо было для сыновей Джэкоба Трефольдена, что его состояніе не ограничивалось круглой цифрой, а были еще добавочные двадцать-пять тысячъ фунтовъ, ибо столь жадно ожидаемые *милльоны* проскользнули съвозъ ихъ пальцы и были потеряны для нихъ навѣки.

I.

Что случилось въ продолженіе ста лѣтъ.

Когда красавица волшебныхъ сказокъ уснула на сто лѣтъ, то всё и все въ заколдованномъ мірѣ уснуло съ ней. Сама природа какъ-бы остановилась. Ни одинъ волосъ не посядѣлъ на обитателяхъ этого замка; ни одинъ паукъ не свилъ паутинки на стѣнахъ роскошныхъ залъ; ни одинъ червь не проложилъ себѣ дороги къ книгамъ или мѣбели замка. Самое вино въ громадныхъ погребахъ не устарѣло, а оставалось тѣмъ же свѣжимъ виномъ.

Однимъ словомъ, ничего не испортилось, ничего не поправилось, не измѣнилось въ эти сто лѣтъ! Совершенно иное зрѣлище представляетъ намъ Англія въ продолженіе столѣтія, протекшаго отъ весны 1760 года до весны 1860. Никто не спалъ въ это время; ничто не остановилось. Все жило, кипѣло, шло впередъ. Нельзя сказать, чтобъ все совершенное въ это время было безукоризненно и справедливо. И пауки поразставили свои паутины, и черви подточили не одно хорошее дѣло, много сдѣлано ошибокъ, но во всякомъ случаѣ, люди не оставались безъ дѣйствія. Работали, трудились, и если иногда можно покрасить, вспомнивъ о нашихъ ошибкахъ, за то сердце наполняется гордою радостью, когда думаешь о томъ, сколько сдѣлано нами въ это столѣтіе честнаго, великаго, полезнаго. Мы, правда, потеряли Америку, но покорили Индію, присоединили Канаду и колонизировали Новую-Зеландію и Австралію. Мы побѣдили французовъ почти на всѣхъ водахъ, почти на всѣхъ берегахъ, исключая, слава богу, нашего собственнаго. Мы уничтожили рабство въ нашихъ колоніяхъ. Мы установили на твердыхъ началахъ свободу печати. Мы освѣтили наши города изъ конца въ конецъ такимъ свѣтомъ, который только уступаетъ свѣту солнечному. Мы изобрѣли паровую машину и электрическій телеграфъ. Мы научились разбирать тѣ таинственныя письма, которыя въ продолженіе долгихъ вѣковъ были скрыты въ горахъ и ущельяхъ. Мы нашли неожиданную науку въ самомъ языкѣ, на которомъ мы говоримъ. Мы учредили почты, которыя въ свою очередь замѣнили сѣтью желѣзныхъ дорогъ, обнимающей всю страну и дающей возможность путешественникамъ перелетать въ минуту цѣлую милю. Дѣйствительно, удивительный вѣкъ, быть можетъ, самый удивительный изъ всѣхъ вѣковъ, пронесшихся надъ землею и человѣчествомъ со времени великой эры нашего лѣтосчисленія.

И въ продолженіе всего этого времени трефольденское наслѣдство росло, увеличивалось, удваивалось, утраивалось, учетверилось и т. д.

Не такова была участь трефольденскаго семейства. Оно очень мало распространилось и увеличилось. Одна изъ его вѣтвей совершенно уничтожилась, а другія двѣ имѣли теперь только двухъ представителей. Прежде чѣмъ продолжать далѣе нашъ рассказъ, мы должны передать читателямъ, какъ все это случилось; но мы остановимся только на минуточку, ибо изъ всѣхъ деревьевъ, насаждаемыхъ человѣкомъ, всѣхъ бесплоднѣе—генеалогическое дерево. Это дерево, конечно, не росло въ эдемскомъ саду, ибо корни его въ могилѣ, а продуктъ—пустоцвѣтъ.

Вымершая отрасль Трефольденовъ началась и кончилась въ

лицѣ мистера Фредерика Трефольдена. Этотъ фантъ, краса свѣтскаго общества, былъ неожиданно похищенъ смертію вслѣдствіе драки въ одномъ изъ публичныхъ мѣстъ Лондона, года полтора послѣ кончины отца. Но и въ этотъ кратковременный срокъ онъ счумѣлъ прожить свои пять тысячъ фунтовъ, разорить своего портного и надѣлать долгу около семи тысячъ фунтовъ.

Младшій изъ братьевъ, Вильямъ, послѣ основательнаго обсуждения вопроса, что ему дѣлать, рѣшился взять себѣ въ товарищи по фирмѣ бывшаго прикащика отца, знавшаго по мнѣнію всего Лондона, лучше другихъ все, что касалось до индиго. Этотъ печенный господинъ имѣлъ порядочный капиталецъ и единственную дочь, на которой Вильямъ впоследствии и женился. Плодъ этой женитьбы былъ сынъ Чарльсъ, въ чьихъ рукахъ торговый домъ процвѣталъ долгое время, до марта 1844 года. Онъ былъ женатъ на дочери одного изъ директоровъ ост-индской компаніи, принесшей ему двѣнадцать тысячъ фунтовъ приданого. Отъ этого брака онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ которыхъ два среднихъ умерли въ дѣтствѣ; меньшей, Вильямъ, родившійся въ 1822 году, избралъ себѣ карьеру адвоката, а старшій, Эдуардъ, принялъ управленіе торговаго дома по смерти отца. Толстый, разжирѣвшій дѣтій, онъ почти не занимался дѣлами и оставилъ ихъ, послѣ скоропостижной смерти въ 1850 году, въ самомъ разстроеномъ положеніи. Съ нимъ окончилась линія Трефольденовъ-купцовъ, и его братъ страпчій остался теперь единственнымъ представителемъ младшей вѣтви семейства.

Что же касается до старшей отрасли Трефольденовъ, то ея исторію мы должны начать снова съ 1760 года.

Честный капитанъ Джэкобъ, на котораго, по завѣщанію отца, возложена была отвѣтственность поддержанія трефольденскаго имени, взялъ съ тяжелымъ вздохомъ свои пять тысячъ фунтовъ, и выйдя въ отставку, отправился въ Швейцарію, гдѣ и поселился на вѣчныя времена. Купивъ маленькій средневѣковый замокъ, въ одномъ изъ самыхъ уединенныхъ уголковъ граубинденскаго кантона, капитанъ Джэкобъ сталъ вести совершенно патриархальную жизнь, и со своими пятью тысячами считался всѣми сосѣдами за милонера. Онъ имѣлъ право засѣдать въ сеймѣ и каждые полгода мѣнялся торжественными визитами съ самыми старыми республиканскими аристократами оверстныхъ городовъ. Но не ради этихъ преимуществъ онъ высоко цѣнилъ жизнь въ этихъ первобытныхъ мѣстахъ. Онъ любилъ свободу, спокойствіе, просторъ. Онъ любилъ простую, мирную, почти пастушескую жизнь швейцарскаго народа. Онъ любилъ помогать своимъ бѣднымъ сосѣдамъ, дарить отъ времени до времени пастору новое обла-

ченіе, жертвовать въ церковь новую купель, и на ежегодныхъ праздникахъ стрѣлковъ назначать отъ себя серебряные часы въ видѣ приза для самого ловкаго и искуснаго стрѣлка. Онъ не могъ бы всего этого сдѣлать въ Англіи на двѣсти пятьдесятъ фунтовъ, которые онъ получалъ въ годъ. Такимъ образомъ, храбрый воинъ повѣсилъ свой мечъ надъ каминомъ въ столовой, вдѣлалъ въ раму свой атестатъ объ отставкѣ, и провелъ всю свою остальную жизнь, какъ настоящій швейцарскій гражданинъ, въ сельскихъ работахъ и охотѣ, окруженный своимъ семействомъ, женою, сыномъ и двумя дочерьми. Передъ своею смертію онъ раздѣлилъ свое состояніе между своими дѣтьми по равной части, согласно своимъ понятіямъ о справедливости. Обѣ дочери вышли замужъ и уѣхали: одна въ Италію, другая въ Германію; сынъ же Генри сдѣлался, подобно отцу, фермеромъ, и хотя онъ былъ гораздо бѣднѣе его, ибо долженъ былъ продать двѣ трети земли на удовлетвореніе своихъ сестеръ, но онъ все же оставилъ за собою старый замокъ и пользовался меньшимъ уваженіемъ сосѣдей. На 22-мъ году онъ женился и прижилъ многочисленное семейство, изъ котораго остались въ живыхъ, однако, только двое: Саксенъ, родившійся въ 1783 году, и Мартинъ—въ 1786 году.

Генри Трефольденъ зналъ очень хорошо, что одинъ изъ его сыновей или наслѣдникъ одного изъ нихъ долженъ получить великое наслѣдство. Онъ зналъ также, что его обязанность приготовить ихъ такъ, чтобы они достойнымъ образомъ воспользовались громаднымъ состояніемъ, и поэтому онъ посвятилъ себя воспитанію дѣтей съ необыкновеннымъ постоянствомъ и энергіею. Цѣлью этого воспитанія онъ поставилъ себѣ сдѣлать своихъ сыновей честными, человѣколюбивыми людьми, съ умѣренными требованіями и готовыми пожертвовать собою для блага ближнихъ; научить ихъ теоретически, на что можетъ быть годно богатство; вселить въ нихъ любовь къ Богу, къ знанію и труду; наконецъ, близко познакомить ихъ съ исторіей, законами и языкомъ Англіи. Какъ имъ уже сказали, онъ посвятилъ всю жизнь этой задачѣ, и его усилія увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Оба брата были въ высшей степени развиты умственно и физически. Они были рослые, красивые молодцы; простые, мужественные, благородные люди. Ни одинъ изъ нихъ ни за что бы не солгалъ, даже еслибъ отъ этого зависѣла его жизнь. Саксенъ былъ бѣлорунный, какъ слѣдуетъ быть саксонцу. Мартинъ же, подобно своей матери, брюнетъ, былъ съ темно-оливковымъ цвѣтомъ лица. Саксенъ былъ гораздо энергичнѣе и мужественнѣе своего брата, но за то Мартинъ отличался большими способностями къ умственнымъ занятіямъ. Когда они оба выросли, то Саксенъ сдѣлался

ловнимъ стрѣлкою и искуснымъ земледѣльцемъ, а Мартинъ выразилъ желаніе поступить въ лютеранскіе пасторы. Такимъ образомъ, старшій братъ остался дома и, подобно отцу и дѣду, пахалъ, сѣялъ, жалъ, охотился и удилъ рыбу, а младшій отправился въ одно прекрасное утро съ котомкой за плечами въ Женеву, для поступленія въ тамошній университетъ.

Время шло. Генри Трефольденъ умеръ, Саксенъ сдѣлался главою семейства, а Мартинъ, окончивъ курсъ въ университетѣ, былъ назначенъ пасторомъ въ сосѣдній приходъ; черезъ нѣсколько же лѣтъ, когда умеръ старшій пасторъ въ ихъ собственномъ приходѣ, Мартинъ перешелъ на его мѣсто. Такимъ образомъ, оба брата жили вмѣстѣ съ своею матерью въ полуразвалившемся замкѣ, и вели очень счастливую, мирную, полезную для себя и для другихъ жизнь. Они были очень довольны своимъ существованіемъ, и не желали ничего лучшаго. Ихъ маленькая долина была для нихъ цѣлымъ міромъ. Альпы составляли границу всѣхъ ихъ желаній и помысловъ. Они знали, что въ Англіи растутъ и увеличивается громадное состояніе, которое могло достаться Саксену, если онъ доживетъ до глубокой старости; но это время было еще такъ отдаленно, и вся эта исторія казалась такъ баснословна, что братья никогда не думали и не говорили безъ смѣха о своемъ будущемъ богатствѣ. Однако, годы шли за годами, госпожа Трефольденъ умерла, и братья остались одни. Саксену уже минуло сорокъ-семь лѣтъ, а Мартинъ уже посѣдѣлъ. Наступилъ 1830 годъ, и оставалось только тридцать лѣтъ до срока, когда знаменитое наслѣдство могло достаться тому изъ нихъ, кто будетъ въ живыхъ. Тѣперь братья серьезно начали думать о томъ, что имъ дѣлать въ виду этого великаго событія.

Однажды сидя передъ каминомъ, оба брата разсуждали объ этомъ предметѣ. Передъ ними на столѣ лежала старая, пожелтѣвшая копія съ завѣщанія альдермана Трефольдена; эта копія принадлежала первоначально капитану Джэвобу, и съ того времени свято сохранялась въ семействѣ. Братья достали этотъ документъ, чтобъ основательно изучить его, но это ихъ ни въ чему не привело.

— Оно, конечно, перейдетъ къ тебѣ, Мартинъ, если я прежде умру, сказалъ старшій братъ.

— Ты не умрешь прежде, отвѣчалъ младшій, тономъ убѣжденія: — посмотри, какой ты молодецъ, Саксенъ, точно тебѣ не болѣе двадцати лѣтъ.

— Но по закону природы...

— По закону природы сильный переживаетъ слабого, и посмотри, какой я щедушный въ сравненіи съ тобой.

Саксенъ покочалъ головой.

— Не въ этомъ дѣло, сказалъ онъ: — вопросъ въ томъ, достались-ли бы тебѣ эти деньги или нѣтъ? Миѣ, кажется, что да. Въ завѣщаніи сказано: *устраняя младшій отътеи моего семейства съ ихъ потомками отъ всякаго права на сіе наследство.* Замиѣть, *младшій отътеи*, а ты вѣдь, Мартинъ, не отъ младшей вѣтви, а отъ старшей.

— Хорошо, братъ, но ты забываешь, что написано строчкой прежде: *прямоу, нисходящему наследнику мужского пола старшаго сына моего старшаго сына.* Ну, вѣдь ты старшій сынъ старшаго сына, а я не твой прямой нисходящій наследникъ. Я только твой младшій братъ.

— Это правда, отвѣчалъ Саксенъ: — видно, законы можно понимать различно.

— Они, кажется, только для того и писаны, чтобы ихъ понимали различно, сказалъ пасторъ: — впрочемъ, намъ незачѣмъ ломать голову о томъ, какъ понимать завѣщаніе. Намъ достаточно знать самый фактъ, что ты прямой наследникъ, и что состояніе будетъ твое черезъ тридцать лѣтъ, если ты проживешь до того времени.

Саксенъ пожалъ плечами, и подойдя къ камину, закурилъ трубку.

— Ты забываешь, сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія: — что миѣ будетъ тогда семьдесятъ-семь лѣтъ. Какая польза миѣ тогда будетъ въ деньгахъ?

Мартинъ ничего не отвѣчалъ, и снова наступило молчаніе. Пасторъ первый прервалъ его, бросая изподлобья взгляды на своего брата.

— Есть только одинъ способъ, Саксенъ, сказалъ онъ нерѣшительнымъ голосомъ, и устремивъ глаза въ огонь: — ты долженъ жениться.

— Жениться! воскликнулъ здоровенный фермеръ въ изумленіи. Пасторъ утвердительно махнулъ головой.

— Жениться! продолжалъ Саксенъ: — въ мои годы, въ сорокъ-семь лѣтъ! Нѣтъ, братъ, спасибо. Ты лучше миѣ объ этомъ и не говори.

— Бѣдный отецъ всегда этого такъ желалъ, сказалъ Мартинъ. Саксенъ не обратилъ никакого вниманія на его слова.

— И ты нѣкоторымъ образомъ обязанъ доставить наследника состоянію... началъ-было снова Мартинъ; но Саксенъ перебилъ его:

— Будь оно прок... виноватъ, Мартинъ; но какое намъ дѣло, что будетъ съ этимъ состояніемъ, послѣ нашей смерти? Къ тому

же, вѣдь оно должно быть обращено на какія-то человѣколюбивыя цѣли, и повѣрь, попадетъ въ гораздо лучшія руки, чѣмъ мои.

— Я въ этомъ нисколько не увѣренъ, отвѣчалъ пасторъ:—не всегда добрыя дѣла, совершенныя общественной властью, приносятъ болѣе пользы, чѣмъ добрыя дѣла частныхъ людей. Къ тому же, я бы очень желалъ, чтобъ часть этого громаднаго состоянія была употреблена на благо нашихъ бѣдныхъ швейцарскихъ братьевъ; чтобъ, наприимѣръ, была проложена хорошая дорога между Таминсомъ и Флимсомъ, чтобъ бѣдные пастухи Альтфельдена имѣли у себя собственную церковь, а не ходили бы каждое воскресенье въ такую даль, сюда, чтобъ, наконецъ, былъ выстроенъ мостъ на заднемъ Рейнѣ, у Ортенштейнскаго брода, гдѣ прошлой зимой потонули дѣти бѣднаго Рютли.

Саксенъ не отвѣчалъ, и молча продолжалъ курить.

— Все бы это можно было сдѣлать, и еще гораздо болѣе, еслибъ ты женился, и родилъ сына, прибавилъ пасторъ.

— Гм! произнесъ Саксенъ мрачно.

— Къ тому же, продолжалъ Мартинъ:— намъ нужна въ домѣ женщина.

— На что? спросилъ Саксенъ.

— Для того, чтобъ держать насъ въ порядкѣ, отвѣчалъ пасторъ:—теперь все идетъ иначе въ домѣ, чѣмъ при матушкѣ. Право, узнать нельзя, такая во всемъ разительная переимѣна.

— Старикъ Лѣтшъ ведетъ хозяйство лучше всякой женщины, промолвилъ Саксенъ:—онъ стряпаетъ, печетъ хлѣбъ...

— Стряпаетъ! воскликнулъ пасторъ:—сегодня баранина была совсѣмъ сырая, а вчера телятина была сожжена.

Честный Саксенъ покачалъ головой, и тяжело вздохнулъ. Онъ не могъ отвергать истины, и Мартинъ, видя свое преимущество, спѣшилъ имъ воспользоваться.

— Есть только одно средство, и это самое простое. Ты долженъ, Саксенъ, жениться. Это — твоя обязанность.

— На комъ же я могу жениться? спросилъ Саксенъ, опустивъ грустно голову.

— Я и объ этомъ подумалъ, отвѣчалъ пасторъ:— вотъ дочь нашего сосѣда Клауса—добрая, разсудительная дѣвушка, была бы для тебя отличной женой.

— Ей, по крайней-мѣрѣ, тридцать-пять лѣтъ, и она никогда не была красавицей! вскрикнулъ старшій братъ, сдѣлавъ кислую физиономію.

— Братъ Саксенъ, отвѣчалъ пасторъ:— мнѣ, право, стыдно изъ-за тебя. Какой благородный человѣкъ твоихъ лѣтъ станетъ искать себѣ молодую и еще красавицу-жену? Къ тому же, Ма-

рин Клаусъ только тридцать-два года. Я объ этомъ еще сегодня навелъ справки.

— Отчего же ты самъ на ней не женишься, Мартинъ? скажь Саксенъ:—я убѣжденъ, что это было бы гораздо лучше.

— Милый мой Саксенъ, ты вѣрно опять забылъ завѣщаніе, забылъ, что *прямой нисходящій наследникъ мужского пола старшаго сына моего старшаго сына...*

Саксенъ быстро вскочилъ съ мѣста и, бросивъ свою трубку въ каминъ, воскликнулъ:

— Довольно, братъ, довольно! не говори объ этомъ ни слова; быть по твоему. Я завтра пойду въ Бергтонъ и сдѣлаю ей предложеніе.

Дѣйствительно, на слѣдующее утро Саксенъ Трефольденъ надѣлъ свое праздничное платье, и отправился къ фермеру Клаусу, какъ агнецъ на закланіе

«Надѣюсь, что она мнѣ откажетъ», думалъ онъ, подходя къ дому, и увидѣвъ въ окошкѣ свою будущую невѣсту.

Но, увы! она не была такая дура! Она вышла за него замужъ.

Послѣ этого счастливаго событія, братья уже никогда не жаловались на невкусный обѣдъ—старый замокъ совершенно преобразился, и вообще молодая оказалась примѣрной, благоразумной хозяйкой. Она измѣнила все въ домѣ, даже и самихъ братьевъ. Она запретила имъ курить трубки, прогнала на задній дворъ вхъ любимую собаку *Карло*, перемѣнила часы обѣда и ужина—однимъ словомъ, тиранила братьевъ всевозможнымъ образомъ. Хуже же всего было то, что она оставалась бездѣтной. Это было самое жестокое разочарованіе. Они даромъ потеряли свои трубки, спокойствіе и свободу, и потому естественно, что бѣдный Мартинъ грустно опускалъ голову, какъ преступникъ, всякій разъ, какъ заходила рѣчь объ этомъ предметѣ.

Такъ прошло семь лѣтъ, и наконецъ, къ величайшему удивленію всѣхъ сосѣдей и несказанному восторгу братьевъ, Марія родила сына. Бѣлокурый, съ большими голубыми глазами, онъ очень походилъ на своего отца, и былъ названъ въ честь его Саксеномъ. Радость была всеобщая, колокола гудѣли во всѣхъ окрестныхъ церквахъ. Такимъ образомъ родился, наконецъ, наследникъ великаго трефольденскаго состоянія.

II.

1860 годъ.

Въ небольшой комнатѣ, выходившей на Чамсери-Лэнъ, сидѣло два человѣка. День былъ пасмурный, холодный, а въ ком-

натѣ было еще мрачнѣе и холоднѣе. Все въ ней было въ страшномъ безпорядкѣ, грязно, неуютно. Густой слой пыли лежалъ на картонахъ съ документами, на старыхъ книгахъ, разставленныхъ въ шкапу противъ каминна, на пожелтѣвшей картѣ, висѣвшей на стѣнѣ, и на безчисленныхъ бумагахъ, валявшихся на столѣ. Ничего не было ни свѣтлаго, ни блестящаго въ этихъ четырехъ стѣнахъ кромѣ большого, зеленого сундука съ желѣзными дверцами, вдѣланнаго въ стѣнѣ. Во всей комнатѣ было только два старомодныхъ стула, обитыхъ волосяной матеріей. Даже на полу не было ковра. Вообще трудно себѣ представить что-нибудь неуютнѣе и некрасивѣе этой комнаты, хотя подобнаго рода комнаты никогда не отличаются изяществомъ и удобствами.

Это былъ кабинетъ Вильяма Трефольдена эсквайра, присяжнаго стряпчаго. Рядомъ съ нимъ находилась контора, еще болѣе угрюмая и мрачная комната, гдѣ работали его помощники и писцы. Въ каждой комнатѣ висѣли стѣнные часы и на каждомъ каминѣ находилось по календарю. Часы показывали половину четвертаго, а календари гласили, что былъ второй день марта 1860 года.

Два человѣка, сидѣвшіе въ кабинетѣ, были самъ стряпчій и одинъ изъ его кліентовъ. Мистеръ Трефольденъ сидѣлъ спиной къ окну, заслоняя лицо рукой, и потому трудно было разглядѣть его черты. Его кліентъ, полный мужчина съ сѣдыми волосами и блѣднымъ лицомъ, сидѣлъ прямо противъ него, опершись на ручку своего зонтика.

— Я пришелъ къ вамъ, мистеръ Трефольденъ, сказалъ онъ:— чтобъ поговорить о кастльтауерской закладной.

— О кастльтауерской закладной? спросилъ мистеръ Трефольденъ.

— Да. Я думаю помѣстить свои деньги гораздо выгоднѣе.

Стряпчій еще болѣе отодвинулся отъ окна и совсѣмъ закрылъ глаза рукою.

— Какимъ образомъ думаете вы, мистеръ Беренсъ, лучше помѣстить ваши деньги? сказалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія.— У васъ они теперь выгодно и вѣрно помѣщены. Кастльтауерское помѣстье не обременено никакими другими долгами, и чего вамъ лучше желать, какъ пять процентовъ съ вашего капитала, обезпеченные землей?

— Я ничего не имѣю сказать противъ этого, отвѣчалъ мистеръ Беренсъ:— но я предпочитаю помѣстить свои деньги иначе.

Вильямъ Трефольденъ бросилъ на него пристальный, пытливый взглядъ.

— Я увѣренъ, вы слишкомъ умный человѣкъ, мистеръ Беренсъ, сказалъ онъ:— чтобъ соблазниться громадными, но невѣрными процентами.

— Вы слишком умный человекъ, я надѣюсь, мистеръ Трефольденъ, возразилъ его кліентъ съ хитрой улыбкой:—чтобъ предположить такую глупость въ Оливерѣ Беренсѣ? Но дѣло въ томъ, что пять процентовъ не составляютъ для меня такой важности, какъ семь лѣтъ тому назадъ. И я хочу на эти двадцать-пять тысячъ фунтовъ купить имѣніе.

— Имѣніе! воскликнулъ странчій:—да, любезный мистеръ Беренсъ, вѣдь оно вамъ едва-ли принесетъ три съ половиною процента.

— Знаю, но я могу позволить себѣ эту роскошь.

Снова наступило непродолжительное молчаніе.

— Вы, вѣроятно, предупредите лорда Кастльтауерса, прежде чѣмъ найдете что-нибудь подходящее, сказалъ Трефольденъ.

— Я уже напелъ, отвѣчалъ мистеръ Беренсъ.

— Неужели?

— Да. Въ Варсетширѣ; въ ста тридцати миляхъ отъ Лондона.

— Это ужъ не слишкомъ ли далеко для дѣлового человека, мистеръ Беренсъ?

— Нѣтъ; у меня вѣдь есть въ Сурей маленькая дача подлѣ самага Кастльтауерскаго помѣстья.

— Это правда. Вы уже приступили къ переговорамъ о покупкѣ?

— Я далъ вашъ адресъ странчюму, у котораго находятся документы, и просилъ его вступить съ вами въ сношеніе. Я надѣюсь, что вы позаботитесь о томъ, чтобъ всѣ бумаги были въ порядкѣ.

Трефольденъ слегка наклонилъ голову.

— Я разсматриваю это дѣло, и дамъ вамъ совѣтъ по совѣсти, отвѣчалъ онъ:— между тѣмъ, вы вѣроятно желаете, чтобъ я уведомилъ лорда Кастльтауерса о необходимости возвратить вашъ капиталъ?

— Я именно для этого и пришелъ къ вамъ.

Трефольденъ взялъ перо и листъ бумаги.

— Вы, конечно, дадите ему годовой срокъ? сказалъ онъ, вопросительно посмотрѣвъ на Беренса.

— Конечно, не дамъ. Зачѣмъ? Въ закладной сказано: полгода.

— Правда; но учтивость! ..

— Позвольте, позвольте. Тутъ дѣло идетъ о законѣ, а не объ учтивости, прервалъ его Беренсъ.

— Все же я боюсь, что это требованіе очень разстроитъ лорда Кастльтауерса, продолжалъ странчій:— двадцать-пять тысячъ фунтовъ — большая сумма!

— Разстроитъ или не разстроитъ это лорда Кастльтауерса,

миѣ рѣшительно все равно, рѣзко возразилъ Беренсъ: — а чело-
вѣкъ простой, и нимало не уважаю лордовъ и бароновъ.

— Очень можетъ быть, мистеръ Беренсъ, сказалъ Трефольденъ,
примирительнымъ тономъ: — но вы должны взять въ соображеніе,
какъ акуратно вамъ уплачивали ежегодно ваши проценты, и что
бѣдному аристократу — а лордъ Кастльтауерсъ, дѣйствительно
бѣдный человѣкъ — очень трудно найти двадцать-пять тысячъ
фунтовъ въ какіе-нибудь шесть мѣсяцевъ.

— Онъ однако не считалъ этотъ срокъ слишкомъ короткимъ,
когда заключалъ условіе, сказалъ мистеръ Беренсъ.

— Ему тогда были нужны деньги, отвѣчалъ Трефольденъ, по-
жывая плечами.

— Ну, а теперь онѣ миѣ нужны. Полноте, мистеръ Трефоль-
денъ, торговаться; вѣдь если лордъ Кастльтауерсъ вашъ кліентъ,
и вы желаете ему сдѣлать пріятное, то вѣдь и я такой же кліентъ,
и вѣроятно получше и поисправнѣе.

— Я никогда не дѣлаю одолженія одному кліенту во вредъ
другому, рѣзко отвѣчалъ Трефольденъ: — вы очень ошибаетесь,
если предполагаете, что я способенъ на такое дѣло.

— Я полагаю, сэръ, что вы, подобно большинству людей, бо-
лѣе уважаете лорда, чѣмъ торговца шерстью, отвѣчалъ съ улыб-
кой Беренсъ: — я васъ за это нимало не виню; вы адвокатъ,
а всѣ адвокаты имѣютъ свои предрассудки.

— Извините, мистеръ Беренсъ, у меня нѣтъ никакихъ пред-
разсудковъ. Я сынъ купца, все мое семейство купеческое. Но
нечего объ этомъ говорить, вернемтесь къ дѣлу. Я долженъ увѣ-
домить лорда Кастльтауерса, что вы требуете свои деньги, дан-
ныя ему подъ залогъ имѣнія — въ полугодичный срокъ.

Беренсъ наклонилъ голову въ знакъ согласія, и страпцій на-
писалъ нѣсколько словъ на приготовленномъ листѣ бумаги.

— Если лордъ Кастльтауерсъ будетъ просить отсрочки еще на
полгода, то я долженъ ему отказать, не такъ ли?

— Да, конечно.

Мистеръ Трефольденъ молча положилъ перо.

— Если же онъ не можетъ найти денегъ, сказалъ продавецъ
шерсти: — то пускай продаетъ свой старинный замокъ, я его куплю.

— Такъ и приважете сказать лорду? спросилъ саркастически
Трефольденъ.

— Какъ хотите. Но вѣдь до этого не дойдетъ, вы — человѣкъ
богатый, мистеръ Трефольденъ (нечего качать-то головой, я вѣдь
знаю, что вы богаты) и дадите ему займы.

— Я васъ увѣраю, что вы ошибаетесь, мистеръ Беренсъ; я
очень бѣдный человѣкъ, сказалъ страпцій, вставая.

— Конечно, вы не признаетесь, но я знаю, какого объ васъ мнѣнія весь свѣтъ. Ну, прощайте, мистеръ Трефольденъ. Но позвольте вамъ замѣтить, что вы ужасно блѣдны; вы слишкомъ много работаете и думаете. Это всегда бываетъ съ вами—умными, бережливными людьми. Но вы должны непременно беречь не только деньги, а и себя.

— Какъ вы хотите, чтобъ холостой человѣкъ берегъ себя? отвѣтилъ Трефольденъ, пытаясь улыбнуться.

— Правда. Но вы были должны бы найти себѣ богатую невесту.

Странчій покачалъ головой.

— Нѣтъ, сказалъ онъ: — я предпочитаю свободу. Прощайте, мистеръ Беренсъ.

— Прощайте.

Трефольденъ проводилъ своего кліента до наружной двери конторы, и подождая съ минуту, пока егѣ шаги перестали раздаваться по улицѣ, онъ успѣшно возвратился къ себѣ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь.

— Боже мой! воскликнулъ онъ въ ужасномъ водненіи: — что мнѣ дѣлать? это разореніе, совершенное разореніе.

Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ взадъ и впередъ; потомъ бросившись въ кресло, схватилъ себя обѣими руками за голову.

— Онъ былъ правъ, что я блѣденъ, промолвилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — я самъ это чувствовалъ. Меня этотъ ударъ поразилъ, какъ громъ. Я богатый человѣкъ! Я! выплатить двадцать-пять тысячъ фунтовъ! Боже мой! что мнѣ дѣлать? къ кому обратиться за помощію? Кто мнѣ повѣритъ? И сроку только полгода. Все кончено, я пропащій человѣкъ!

Онъ всталъ и подошелъ къ сундуку, вдѣланному въ стѣнѣ подлѣ камина. Рука его такъ дрожала, что онъ съ трудомъ отперъ тяжелую желѣзную дверцу и вынулъ пергаментъ съ надписью на наружной сторонѣ: *дѣло о закладной между Джервезомъ - Лепольдомъ Винклифомъ, графомъ Кастльтауерсомъ и Оливеромъ Беренсомъ, эсквайромъ.* Возвратившись на свое прежнее мѣсто, онъ развернулъ пергаментъ и прочелъ его очень внимательно отъ первой строчки до послѣдней. Чѣмъ дальше читалъ онъ, тѣмъ лицо его становилось мрачнѣе и щоки покрывались мертвою блѣдностью; когда же онъ дошелъ до подписи въ концѣ документа, то оттолкнулъ его отъ себя съ тяжелымъ вздохомъ.

— Не къ чему придратъса! промолвилъ онъ, съ болѣзненнымъ словомъ: — нѣтъ ни малѣйшаго предлога, чтобъ огложить робо-

вой день хоть на недѣлю! Какой я былъ дуракъ, какъ могъ я думать, что когда-нибудь буду въ состояніи возратить эти деньги! Однако, что-жь мнѣ тогда было дѣлать? мнѣ нужны были деньги! Еслибъ завтра я опять очутился въ подобныхъ же обстоятельствахъ, то, видитъ Богъ, я сдѣлалъ бы то же самое, не смотря ни на какія послѣдствія.

Онъ снова всталъ, и взявъ со стола какое-то письмо, долго разсматривалъ подпись.

— Оливеръ Беренсъ! промолвилъ онъ: — смѣлый почеркъ, съ нѣмецкимъ оттѣнкомъ, но его очень легко перенять. Еслибъ я только рѣшился... Но, есть свидѣтели... нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Лучше бѣжать, чѣмъ подобный рискъ! Вѣдь въ крайнемъ случаѣ, всегда есть Америка.

И онъ снова опустился въ свое кресло, и подперевъ голову руками, погрузился въ глубокую, мрачную думу.

ЯЗЫКЪ, КАКЪ ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОСТИ.

Статья вторая и последняя.

Шаткость нашего національнаго развитія. — Вліяніе на насъ въ этомъ отношеніи національностей французской и нѣмецкой. — Нападки реалистовъ на гуманное образованіе. — Неудачи славянофиловъ. — Итоги бесплодной дѣятельности космополитовъ.

Въ предшествующей статьѣ мы старались выставить факты, вслѣдствіе которыхъ языкъ долженъ считаться единственной и исключительной основой національности; теперь намъ хочется объяснить причины, почему эта основа самобытности и оригинальности каждаго народа подвергается у насъ такимъ колебаніямъ. Нѣкоторыя изъ явленій, задерживающихъ движеніе языка и литературы и вліяніе его на общество, заключаются, какъ мы уже говорили, въ слишкомъ поверхностномъ обращеніи съ печатнымъ словомъ, въ говорливости и балагурствѣ писателей; но эта причина не главная и она наконецъ обща всѣмъ литературамъ, которыя всѣ большей частью растутъ не въ глубину, а въ ширину и черезъ это, при самыхъ даже развитыхъ государственныхъ учрежденіяхъ, не захватываютъ всей массы народа и не проникаютъ въ глубь общества. Условія, болѣе всего обезличивающія нашу національную индивидуальность, должны зависѣть отъ причинъ болѣе постоянныхъ и относящихся только къ намъ. Странно въ самомъ дѣлѣ: всѣ мы составляемъ огромную семью, говорящую однимъ русскимъ языкомъ, у котораго свой литературный центръ, нѣтъ ли для всѣхъ равно грустное прошлое, томительно-тревожное настоящее и многосулящее будущее, и всѣ эти печали прошлого, тревоги теперешняго дня и надежды въ будущемъ выражаются одними и тѣми же словами, однимъ и тѣмъ складомъ мысли, и, несмотря на это, языкъ все-таки не вяжетъ насъ въ одно органически-цѣлое, языкъ не владеть на насъ такого отпечатка своеобразности, чтобы онъ былъ видѣнъ и со стороны, а не намъ только самимъ. Насъ, правда, слишкомъ много, и мы чересчуръ

раздѣлены пространствомъ и временемъ, сама наша исторія какъ-то растянута, а общество перегорожено во всѣхъ направленіяхъ: каждое сословіе у насъ имѣетъ почти свой языкъ и эти сословные языки чуть ли не болѣе отличаются другъ отъ друга, чѣмъ самыя нарѣчія. А между тѣмъ, языкъ отъ мысли неотдѣлимъ; ростомъ языка условливается ростъ мысли и чувства; ну, и неудивительно, что мы идемъ врозь, какъ-бы оторванные отъ почвы силою тяжелыхъ обстоятельствъ, и кажемся иностранцамъ какими-то безличными пришлецами изъ неизвѣстной страны. Сама даже эта страна не возбуждаетъ въ нихъ никакого интереса, потому что мы являемся передъ ними не гражданами своей родины, а только гражданами міра. Точно такъ же неловко себя чувствуетъ и всякій одноплеменникъ, хоть бы на примѣръ полякъ, который, вслѣдствіе трагической судьбы своего отечества, готовъ иногда прислониться къ чужой родинѣ: отсутствіе фізіономіи общества и неумѣнье держаться своего ставитъ скоро его симпатіи въ шаткость и обращаетъ его самого въ какого-то пасынка Россіи. Этимъ путемъ у насъ выработалось немало политическихъ недоумѣній; но о нихъ послѣ. Начнемъ съ болѣе выпуклыхъ явленій, которыя, отрывая насъ отъ народной почвы, обезличиваютъ наше общество.

Первое отвлеченіе отъ національнаго центра, первое колебаніе нашей народной основы производить старая, еще со временъ фон-Визина осмѣиваемая привычка — чуждаться родного языка и мѣнять его на французскій или какой другой. Правда, что французскій языкъ въ большомъ ходу не у насъ однихъ; но у другихъ народовъ онъ имѣетъ значеніе болѣе внѣшнее, считается не болѣе какъ свѣтскою прибавкою или орудіемъ научнаго знанія; у насъ же онъ имѣетъ часто воспитательное и даже общественное значеніе. Посредствомъ французскаго языка у насъ какъ-бы отгораживается цѣлый обширный классъ общества, который, вслѣдствіе своей обеспеченности и безъ труда и безъ нужды достающагося образованія, могъ бы быть очень полезенъ своей странѣ; и мы не сдѣлаемъ большой натяжки, если скажемъ, что у насъ есть много, очень много природныхъ соотечественниковъ, которыхъ нельзя назвать вполне русскими. Они говорятъ по-французски, читаютъ по-нѣмецки, помт по-итальянски, воспитываютъ дѣтей богъ-знаетъ по-каковски, а путешествуютъ не какъ англичане въ своей родной шкурѣ, а маскируются обыкновенно въ разныя національности, смотря по мѣсту. Нѣкоторые приобрѣ-

таютъ даже такимъ образомъ національно-французскія или національно-нѣмецкія особенности въ характерѣ и образѣ мыслей. И чѣмъ ближе такая личность въ различныхъ отношеніяхъ къ французской или нѣмецкой народности, тѣмъ она обыкновенно считаетъ себя аристократичнѣй. Богатство, знатность рода еще не составляютъ жизненной струи этого рода аристократизма: для него непремѣнно нужно, чтобы человѣкъ сдѣлался совершенно непохожимъ на толпу, въ которой онъ родился. Такъ-какъ свое трудно выдумать, то онъ обыкновенно и пристаетъ къ чужой національности, не подозрѣвая нисколько, что измѣна языку отечества есть измѣна своему народу.

О такихъ господахъ, впрочемъ, жалѣть нечего; тѣмъ болѣе, что они объ этихъ сожалѣніяхъ и услышать ничего не могутъ: русская печать для нихъ почти не существуетъ и самыя даже новости доходятъ нерѣдко до нихъ, прежде пройдя по Европѣ, а потомъ уже возвратившись оттуда въ иностранныхъ газетахъ. И наконецъ это почти неизбѣжная вещь, что каждая страна теряетъ много вскормленныхъ и взлелѣянныхъ ею членовъ общества. Достойны сожалѣнія собственно дѣти этихъ господъ, которые, будучи разодѣты въ мужицкіе костюмы изъ бархата, говорятъ чистымъ парижскимъ языкомъ, не зная ни слова почти порусски. Этотъ чисто-аристократическій обычай обучать дѣтей двумъ или тремъ языкамъ заразъ, чрезвычайно вредно дѣйствуетъ на первоначальное развитіе. Мысль ребѣнка раздваивается, имѣя передъ собой какъ-бы два пути, двѣ формы выраженія; зародышъ мысли растрачивается на внѣшности; и послѣ, когда придетъ время созрѣванія мысли, она выражается не въ логическихъ истинахъ, а въ софизмахъ; такъ-какъ мысль эта съ первыхъ же дней ея зачатія попалась въ путаницу разнородныхъ словъ и выраженій, какаа образуется въ головѣ дитяти при изученіи двухъ языковъ разомъ. Кто знаетъ, быть можетъ, не только свѣтскіе, но и литературные фразеры переживали въ дѣтствѣ это смѣшеніе языковъ.

Всѣмъ этимъ мы отнюдь не думаемъ сказать, что памятью дѣтскаго возраста не слѣдуетъ пользоваться при изученіи иностранныхъ языковъ; нѣтъ, мы утверждаемъ только, что этимъ языкамъ не слѣдуетъ никогда придавать воспитательнаго значенія; и можно положить норму, что *до тѣхъ поръ, пока дитя не выучится совершенно говорить на своемъ родномъ языкѣ, никакой отецъ и мать не справъ навязывать ему чужое*. Первоначальное обученіе языку есть не только орудіе развитія мысли, но и средство сближенія и приврѣпленія себя къ странѣ, въ которой судьбѣ угодно было, чтобы мы родились. А приврѣпленіе это

необходимо, какъ прикрѣвленіе растенія къ почвѣ, изъ которой оно беретъ свои соки. Почва каждаго растенія должна, какъ извѣстно, имѣть опредѣленный химическій составъ, соотвѣтственный организаціи, и небезопасно переносить въ чужой климатъ растительные индивидуумы; они часто гибнутъ черезъ это. То же нерѣдко бываетъ и съ тѣми дѣтьми, которыя не по своей волѣ пересаживаются на чужую родину посредствомъ искусныхъ садовниковъ, называемыхъ гувернерами и гувернантками. Послѣдніе теперь хоть и не такъ калечатъ наше будущее поколѣніе, какъ прежде, замѣняясь большею частію русскими, но и самые эти туземные воспитатели и воспитательницы остаются все еще скроенными на старинный французскій манеръ, и потому въ своихъ публикаціяхъ о себѣ и объявляютъ, что они знаютъ хорошо языки, а не науки. Въ обученіи говорить на разные ладъ заключается вся задача даваемого ими воспитанія.

Но не довольствуясь еще этимъ домашнимъ пересаживаніемъ на чужую почву, многіе отправляютъ своихъ дѣтей совсѣмъ за границу до времени отрочества и юношества, уступая тѣмъ чрезвычайно лестнымъ приглашеніямъ, которыя дѣлаются для русскихъ содержателями иностранныхъ пансіоновъ въ родѣ г. Двенкера. Послѣдніе, для большаго успѣха своихъ спекуляцій, заводятъ даже русскихъ учителей, какъ о томъ опубликовалось въ русскихъ газетахъ. Оно, пожалуй, и удобнѣе и лучше воспитывать дѣтей за границей: жизнь тамъ во многихъ мѣстахъ дешевле, чѣмъ у насъ въ столицахъ. Книжки составлены складнѣе, учителя сформированы современнѣе, да вѣдь дѣло-то не въ томъ, чтобы воспитать и научить вообще ребѣнка, а воспитать именно такъ, чтобы онъ былъ сыномъ своей страны, полезнымъ членомъ общества, къ которому причислила его судьба, а не безцвѣтнымъ индивидуумомъ, безъ національныхъ способностей и народныхъ симпатій. Если вы воспитываете своего сына или дочь за границей для того, чтобы его тамъ оставить навсегда, то въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды. Тѣ народности такъ сильны, что сейчасъ же привьютъ его къ себѣ и обратятъ въ свою пользу; но если вы воспитываете свое дитя на чужомъ языкѣ и подъ чужимъ небомъ для того только, чтобы перенести потомъ на родную почву, то вы ставите его на всю жизнь въ фальшивое положеніе. Положеніе это хуже, чѣмъ положеніе иностранца между чужихъ. Иностранецъ еще въ воспоминаніи имѣетъ какое-нибудь отечество, у вашего же сына его нѣтъ. Онъ поневолѣ отдается весь эгоизму, поневолѣ смотритъ на свое отечество, какъ на мѣсто для добыванія средствъ, а не какъ на свою родную мать, которая ему должна быть близка, какъ близко намъ все родное.

И такъ любовь къ народу главнѣйшимъ образомъ формируется языкомъ; и всеаристократизирующіе насъ элементы мѣшаютъ только нашему національному объединенію, и народность выставляютъ какимъ-то демократическимъ пугаломъ. Поэтому-то и нельзя слишкомъ довѣрять тѣмъ защитникамъ дворянскихъ интересовъ, которые, подобно издателямъ «Вѣсти», называютъ опасными социалистами даже и защитниковъ народа въ Эстляндіи. Для нихъ тамошніе дворяне, на томъ основаніи, что они дворяне и помѣщики, выходятъ какъ будто ближе, чѣмъ масса нетронутаго цивилизаціей и немущаго чернаго люда.

Но не одинъ только французскій языкъ служить для нашего русскаго элементомъ, ослабляющимъ его народное значеніе; нѣмецкій языкъ, кромѣ его цивилизующаго значенія, тоже дѣйствуетъ въ этомъ направленіи. Тамъ мы сами, непрошенные, хватаемся за чужой языкъ, какъ за орудіе, посредствомъ котораго развивается отдаленное отъ насъ племя французы, а тутъ мы, пригласивъ къ себѣ сосѣдей, не сохраняемъ въ себѣ настолько чувствъ домоводства и хозяйственности, чтобы покорить ихъ своему нравственному вліянію. Тамъ мы слѣпо увлекаемся модой и подражаніемъ; здѣсь же, не имѣя достаточно своеобразности, мало побуждаемъ гостей къ тому, чтобы они сдѣлались своими людьми. Нѣмцы потому-то отчасти и остаются такъ упорно нѣмцами, что мы еще не вполне сдѣлались русскими. Нѣмцы у насъ не перелетныя птицы, подобно большей части французовъ, а совершенно осѣвшіе люди. Какъ народъ трудолюбивый, они, разумѣется, и мѣста для себя выбираютъ самыя трудныя, а не ограничиваются причисваніемъ головъ и продажей галстуковъ, какъ дѣлаютъ простодушные французы. Мѣста, выбираемыя нѣмцами, даже ни на волосъ не труднѣйшія и не сложнѣйшія чѣмъ тѣ, какія занимаемъ и мы. Понятно, что такое явное желаніе что-нибудь дѣлать и не сидѣть сложа руки, обязываетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ и быть вооруженными всѣми средствами для дѣла. На счетъ ихъ способностей, ремесленной и научной подготовки, мы сомнѣваться, конечно, не будемъ; но это еще не составляетъ всѣхъ условій для широкой плодотворной дѣятельности. Дѣятельность эта условливается также и степенью соприкосновенія чловека съ средою, въ которой онъ дѣйствуетъ, а это, въ свою очередь, зависитъ отъ большаго или меньшаго знакомства съ бытомъ и языкомъ среды или общества. Самнй, напримѣръ, способный нѣмецъ или англичанинъ не можетъ принести никакой

пользы, если онъ очутится посреди людей, его непонимающихъ; нужно въ такомъ случаѣ или чтобы среда научилась его языку, или чтобы онъ узналъ языкъ среды. Есть, конечно, должности, какъ, напримѣръ, булочниковъ, сапожниковъ, колбасниковъ, которыя не требуютъ особеннаго сближенія съ средою; но есть оборотъ и такія должности, гдѣ сближенія, обмѣнъ мыслей и полное пониманіе производителя и потребителя нужны въ самой большой степени. Нѣмцы, всегда славившіеся своею добросовѣстностію, современемъ, конечно, поймутъ, въ какое неловкое положеніе они ставятъ себя недостаточнымъ знакомствомъ съ языкомъ народа, которому рѣшились приносить пользу. Нѣкоторые даже и поняли, какъ, напримѣръ, г. Вальтеръ, сдѣлавшій въ прошедшемъ году нѣчто въ родѣ приглашенія своимъ соотечественникамъ обучаться скорѣе порусски. Но нѣмцы не всѣ Вальтеры, и потому мы сплошь да рядомъ видимъ людей, которые, изживя въ Россіи цѣлыя десятки лѣтъ, не научились, не приобрѣли только одного — знанія русскаго языка.

И какая путаница понятій, недоразумѣній происходитъ черезъ этотъ, повидимому неважный недостатокъ. Иностранецъ, дѣйствующій въ чужой странѣ съ неполнымъ знаніемъ языка и быта, похожъ, можно сказать, на тѣхъ дѣтей, которыя не сроднились вполнѣ ни съ однимъ языкомъ и всю жизнь осуждены говорить на чужихъ. Мысль ихъ, какъ бы она ни была сильна, двоится и путается, и сами они, наконецъ, кажутся часто совсѣмъ не тѣмъ, что они на самомъ дѣлѣ. Въ глубинѣ Россіи иностранцы, напримѣръ, слывуть нерѣдко за глухихъ людей, на томъ основаніи, что они никого не понимаютъ и ихъ тоже мало кто разумѣетъ; человекъ какъ-бы безъ вины кажется безтолковъ. И какую бы общественную обязанность мы ни взяли, можно сейчасъ же доказать какъ дважды-два четыре, что она требуетъ полнаго знанія языка; хоть бы, напримѣръ, обязанность врача, которую у насъ часто исполняютъ иностранцы.

Остановимся на этомъ примѣрѣ, чтобы объяснить такимъ образомъ значеніе языка и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Лечение, какъ извѣстно, состоитъ изъ многихъ элементовъ—изъ разспросовъ больного, изъ изслѣдованія объективнаго, изъ прописанія лекарства и умѣнья вліять на нравственное расположеніе пациента. Чтобы прописать рецептъ и изслѣдовать больного посредствомъ стетоскопа, микроскопа, и другихъ орудій науки, не нужно, конечно, знанія языка, на которомъ говорить больной, а одно только знаніе медицины; но объективнымъ изслѣдованіемъ, какъ оно ни важно, врачъ довольствоваться не можетъ: пациентъ своими отвѣтами тоже помогаетъ врачу изслѣдовать самого себя.

Врачъ поэтому долженъ быть опытенъ не только въ объективномъ, но и въ субъективномъ изслѣдованіи или умъни распросить больного — иначе онъ можетъ запутаться и сосредоточить свое объективное изслѣдованіе на томъ, что собственно нѣтъ надобности изслѣдовать. А черезъ это происходитъ трата времени и отвлеченіе подчасъ отъ главнаго пункта болѣзни, что особенно важно въ практикѣ больничной или госпитальной, гдѣ много дѣла и гдѣ пациенты жалуются врачамъ на свои недуги на чистонародныхъ нарѣчіяхъ. Самый опытный, свѣдущій иностранецъ можетъ тутъ сильно промахнуться. Одному, напримѣръ, православному мужичку былъ введенъ катетеръ на томъ только основаніи, что онъ сказалъ, что ему мѣчи нѣтъ. И это было сдѣлано однимъ изъ добросовѣстнѣйшихъ и ученнѣйшихъ врачей. Что же касается до нравственнаго вліянія доктора на болѣзнь, то оно, конечно, не можетъ быть приобрѣтено вполнѣ безъ полнаго знанія языка, и характера больныхъ, что даетъ врачу средство овладѣвать такъ-сказать душою страждущаго человѣка. Врачебный тактъ, который такъ необходимъ при несовершенной еще разработкѣ медицинскихъ наукъ, именно и основывается на умъни входить въ довѣріе больного, овладѣвать его мыслями и давать имъ извѣстное направленіе. Знаменитый англійскій врачъ Беннеттъ придаетъ этому умънью вліять на настроеніе и расположеніе духа больныхъ чрезвычайно важное значеніе, и старается даже подвести подъ нѣкоторую научную опредѣленность. Довазывать, на сколько необходимо такое полное знаніе языка для професора-судьи, землевладѣльца, воина — уже нѣтъ надобности. Достаточно только припомнить, что величайшій изъ полководцевъ Суворовъ былъ въ то же время и самый близкій къ народу человѣкъ.

Но не на совершенномъ исполненіи различныхъ обязанностей еще не ограничивается вредъ, происходящій отъ неполнаго знанія отечественнаго языка; черезъ постоянное коверканіе иностранцами страдаетъ наконецъ и самый языкъ. Языкъ есть нѣчто до такой степени подвижное и всеобъемлющее, что къ нему можетъ прикасаться и видоизмѣнять его всякій; и какъ бы ни мало было число людей, неправильно говорящихъ на извѣстномъ языкѣ, коверканіе словъ и фразъ не можетъ не отражаться на цѣломъ организмѣ ідіома: извѣстно, что народы завоеватели, расселившись по Европѣ, измѣняли языки только путемъ неправильнаго выговариванія и пониманія словъ. Но тутъ у насъ не можетъ быть даже и рѣчи о завоеваніи. Народность наша распространяется даже за предѣлы собственно Россіи, какъ, напримѣръ, въ Польшѣ. А если это такъ, то тѣмъ болѣе имѣемъ мы права

желать, чтобы внутри-то насъ не было какой-нибудь помѣхи національному развитію, какого-нибудь замкнутого общества. Это даже въ интересъ самихъ русскихъ нѣмцевъ и въ особенности ихъ дѣтей, чтобы они поскорѣй оставили свои кружки и слылись посредствомъ языка съ нашею народностію.

Но относясь такимъ образомъ къ вліянію духа языковъ новѣйшихъ или чуждыхъ національностей, мы нисколько не думаемъ уменьшать значеніе этихъ языковъ, какъ орудій науки и филологическаго развитія. Еще Лейбницъ, положившій первое основаніе настоящей лингвистики, говорилъ, что новые языки должны быть фундаментомъ филологическаго образованія. Макс-Миллеръ придаетъ имъ въ этомъ отношеніи еще большее значеніе. Новѣйшіе языки — говоритъ онъ — только и отерываютъ намъ тайну человѣческой рѣчи. Въ первой статьѣ своей мы уже приводили его мнѣніе, почему онъ языки романскіе считаетъ болѣе успешными впередъ передъ своимъ первообразомъ въ томъ отношеніи, что каждое слово въ нихъ требуетъ менѣе напряженія органовъ рѣчи, меньшей траты времени; каждое слово во французскомъ, и подобныхъ языкахъ, короче чѣмъ въ латинскомъ, и оттого легче усваивается и запоминается. Конструкція ихъ тоже, безъ сомнѣнія, проще, а исключеній изъ правилъ меньше. Грамматика древнихъ языковъ разработана, конечно, въ совершенствѣ, но чтобы они сами по себѣ были совершеннѣе языковъ новыхъ, утверждать невозможно. * И было бы странно думать, чтобы мысль человѣческая, развиваясь съ теченіемъ времени, приобрѣтала все менѣе и менѣе совершенную форму.

«Важность новыхъ языковъ — говоритъ Макс-Миллеръ — по отношенію къ изученію природы человѣческой рѣчи и къ вѣрной оцѣнкѣ законовъ, которыми обуславливается ростъ древнихъ языковъ (или переходъ ихъ въ новѣйшіе), еще никогда не была достаточно взвѣшена. На томъ основаніи, что древніе языки изучались только немногими, и что знакомство съ ними казалось всегда болѣе труднымъ дѣломъ, вывели, что такъ-называемые классическіе языки — санскритскій, греческій и латинскій — есть чистѣйшее и совершеннѣйшее орудіе мысли, а народныя говоры Европы или новѣйшіе языки далеко имъ въ этомъ уступаютъ. Но можно ли допустить, чтобы люди, идя впередъ въ дѣлѣ ис-

* Педагогическое значеніе древнихъ языковъ составляетъ другой и очень важный вопросъ.

куства, науки, философіи и религіи, шли назадъ въ отношеніи языка, чтобы языкѣ, это могущественнѣйшее орудіе мысли, отступалъ съ нашимъ развитіемъ отъ своей первобытной чистоты, терялъ силу и благородство, обращался въ простой жаргонъ? Если языки впродолженіе вѣковъ измѣнялись, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они больше и больше падали; то, что называемъ мы въ исторіи языковъ паденіемъ или порчею, есть въ сущности не что иное, какѣ необходимое условіе ихъ жизни и движенія. Передъ судомъ настоящей филологіи, исчезаетъ поэтому всякая разница между древними и новыми языками... И тѣ, которые видятъ въ новыхъ языкахъ только порчу или аномалію, разумѣютъ очень мало въ натурѣ языковъ вообще:

Но приведа такое мнѣніе на счетъ теоретическаго значенія языковъ, мы должны въ то же время прибавить, что люди, защищающіе у насъ классицизмъ противъ реализма, стоятъ и за многое такое, что и должно быть отставляемо. Они, хоть и не прямо, являются защитниками гуманныхъ наукъ, нападать на которыя считается теперь какою-то шивомъ либерализма. Въ послѣднее время, какѣ вѣдомо всякому, у насъ развелось множество людей, которые, чуть понюхавъ естествознанія, стараются какъ-бы вытѣснить имъ человѣкознаніе. Кутаясь въ реалистическій плащъ, подобно тому, какѣ кутались когда-то въ романтическій, эти люди, можно сказать, просто напустили на себя реализмъ, да еще увѣряютъ, что они его выдумали. Г. Писаревъ, на примѣръ, тщеславясь передъ г. Антоновичемъ этимъ великимъ изобрѣтеніемъ, ссылается между прочимъ и на насъ, будто бы мы гдѣ-то приписывали ему честь этого открытія.

Вотъ эти-то, и подобные имъ господа, и кричатъ вездѣ: лягушка, скальпель, микроскопъ! Мы ихъ не видѣли; но въ этомъ спасеніе и обновленіе русскаго народа. И кому они ни предлагаютъ естественныхъ наукъ!! и барышнямъ, и дѣтямъ, и простому народу — не понимая того, что науки эти вѣнецъ человѣческаго знанія, и что съ нихъ, какъ съ самаго труднѣйшаго, начинать нельзя. Естествознаніе требуетъ анализа химическаго, физическаго и анатомическаго: безъ анализа, натурализмъ есть только игрушка. А можно ли требовать анализа отъ ребѣнка, который еще долженъ воспринять міръ въ цѣломъ, чтобы потомъ разбирать въ частностяхъ? Единственная естественная наука, которая вполне доступна ребѣнку — географія, посредствомъ которой міръ представляется въ цѣломъ объемѣ, и въ связи съ человѣчествомъ.

Естествознаніе, будучи совершенно отдѣлено отъ человѣкознанія, теряетъ всякое развивающее значеніе: наполняя память множествомъ

интересныхъ вещей, оно не трогаетъ мысли. Другое дѣло, если естествознаніе является какъ-бы продолженіемъ, дополненіемъ человѣкознанія, то тогда оно, какъ предчувствовалъ еще и Бэконъ, составляетъ вѣнецъ человѣческой мудрости. Но до такой связности наукъ и полного примиренія гуманизма и натурализма, реализма и идеализма и всѣхъ крайностей, на которыя раздваивается наше міросозерцаніе, еще далеко. Естественныя науки, при настоящемъ ихъ положеніи, имѣютъ значеніе болѣе техническое, гуманныя же науки — жизненное. Первые даютъ намъ средство ориентироваться въ природѣ, вторыя же — въ обществѣ. А человѣку, пробуждающемуся для дѣятельности, прежде всего, конечно, нужно, чтобы онъ созналъ свою человѣчность, а потомъ уже свои отношенія къ природѣ. Для общества было бы мало выигрыша, еслибы всякій развивающійся въ немъ индивидуумъ сознавалъ себя при первомъ знакомствѣ съ наукой, только какъ двурукое животное, homo bipedus, какъ выражается зоологія. Мы знаемъ, что реалистамъ нашимъ этого бы очень хотѣлось, самихъ себя они давно уже причислили къ первому разряду млекопитающихъ; но съ другими — этой штуки имъ разыграть не удастся. Самое даже раздвоеніе гимназическаго образованія мало этому поможетъ. Мы лично, положительно противъ этого раздвоенія гимназій на классическія и реальныя. Еще въ послѣдней статьѣ своей объ отношеніи естествовѣдѣнія къ искусству, мы замѣтили, какую дисгармонію въ жизни производитъ то обстоятельство, что наши общественныя дѣятели воспитываются сначала въ трехъ разнаколыберныхъ заведеніяхъ — гимназіяхъ, семинаріяхъ и кадетскихъ корпусахъ; къ этой же цѣли идетъ и двойственность въ нашемъ гимназическомъ воспитаніи. Самое даже названіе этихъ фракцій среднихъ учебныхъ заведеній — классическія и реальныя гимназіи противорѣчитъ простому смыслу. Между понятіемъ классицизма и реализма, нѣтъ противоположности. Классицизму или классическому образованію, противоположно только образованіе, основывающееся на новѣйшихъ языкахъ и на современной наукѣ; реализму же противопоставляется гуманизмъ или идеализмъ — а гуманнѣйшихъ или идеальнѣйшихъ гимназій, конечно, быть не можетъ. Точно такъ же не можетъ быть въ настоящемъ смыслѣ и реальной гимназіи. Но такое специализированіе или умышленное сосредоточеніе способностей на естественныхъ наукахъ въ отроческомъ возрастѣ логически недопустимо. Выборъ извѣстнаго рода наукъ, когда наконецъ разовьется нѣкоторая самостоятельность мышленія въ ученикѣ, долженъ вполнѣ зависѣть отъ самаго учащагося; и они обыкновенно это дѣлаютъ тѣмъ, что учатся лучше тѣмъ предметамъ, къ которымъ болѣе склонны, а хуже тѣмъ, къ которымъ менѣе

способны. На основаніи всего этого, мы думаемъ, что раздѣленіе гимназій на двѣ фракціи столь же покровительствуетъ защитникамъ поверхностнаго естествознанія, сколько и противной партіи. Самый же русскій, отечественный языкѣ нашъ, который долженъ служить связывающимъ центромъ гимназическаго образованія, остается на второмъ планѣ. Орудіе народности, орудіе сближенія всѣхъ сословій, орудіе нашего оригинальнаго, самобытнаго развитія оставляется въ сторонѣ.

Другой, не менѣ важной помѣхой нашему національному развитію были люди, которые повидимому болѣе всего думали о нашемъ народѣ. Мы говоримъ о славянофилахъ. Подобно латинской расѣ, славянскія племена тоже, вѣроятно, нѣкогда говорили однимъ языкомъ. Исторія ужъ не застаеъ ихъ въ этомъ единеніи. Разбросанныя на огромномъ пространствѣ, племена эти дифференцируются, языки болѣе и болѣе разнятся. Древній болгарскій языкѣ, на который переведено св. писаніе, понятенъ былъ, на примѣръ, всѣмъ славянскимъ нарѣчіймъ; теперешняго же болгарскаго языка, какѣ и сербскаго, или польскаго мы не можемъ съ перваго раза назвать своимъ языкомъ. И ученые славянисты, съхавшись разъ въ Прагѣ, увидѣли, что мало понимаютъ другъ друга. Славянскій народъ, славянская нація, славянскіе орлы, и славянское государство и всѣ другіе эпитеты, которыми старались у насъ украсить русскую народность—понятія не совсѣмъ опредѣленные для настоящаго времени. Сдѣлавъ такъ много для русской народности, собравъ произведенія народной поэзи и объяснивъ значительно русскую исторію и чисто-русскія учрежденія—общину, земство, славянофилы въ то же время погрѣшили противъ народности тѣмъ, что слишкомъ старались расширить ее, требовали, чтобы народность шла, такъ-сказать, за предѣлы отечества, за границы языка. Народность черезъ это явилась у нихъ увеличенною такими пространными прибавленіями и несбыточными мечтами, что простой умъ рѣшительно отказывался ихъ воспринимать. Нѣкоторые обвиняли ихъ даже въ завоевательныхъ стремленіяхъ, и панславизмъ былъ долго какимъ-то пугаломъ, который при мѣрахъ предшествовавшаго времени, ставилъ Россію въ неловкое положеніе. Но вся бѣда славянистовъ заключалась только въ томъ, что они смѣшали народность съ религіей. Одно филологическое сродство славянскихъ языковъ не подвинуло бы ихъ на проповѣдь славянофильства, еслибы они не были одушевлены пропагандой духовнаго объединенія.

Причина ошибки заключалась въ историческихъ обстоятельствахъ. Подобно тому, какъ латинскій языкъ долго не забывался на Западѣ на томъ основаніи, что на немъ была библія, такъ и славянскій языкъ и славянскія идеи стали прививать къ чистонароднымъ началамъ потому только, что книги св. писанія были на этомъ языкѣ. Упустили только изъ виду тутъ одно обстоятельство, что древне-славянскій языкъ былъ собственно не языкъ всѣхъ славянъ, а языкъ одного племени болгарь. Онъ, значить, находился не въ такомъ отношеніи, въ какомъ, на примѣръ, былъ латинскій съ романскими языками. Собственно славянскаго языка, изъ котораго вышли и болгарскій, и русскій, и сербскій и другіе, письменнаго не существуетъ; онъ есть такой же проблематическій языкъ, какъ, на примѣръ, арійскій, изъ котораго произошли индо-европейскіе языки. Но древне-болгарскій языкъ былъ языкомъ священнымъ, и потому только славянисты хотѣли его сдѣлать и орудіемъ народности. Собственно тутъ дѣло шло не объ языкѣ, а о религіи, которую славянофилы, слишкомъ привязавшись къ буквѣ, и положили въ основу народности. Но что религія должна быть только связью, а отнюдь не основой дифференцированныхъ народностей, видно изъ св. писанія. Въ немъ мы не видимъ даже и слѣда смѣшенія народности съ вѣрой; напротивъ, съ тѣхъ поръ какъ христіанство уничтожило слово «варваръ», выраженія — языки (или языцы) и націи употреблялись безразлично. Значить, по духу самого евангелія языкъ и національность неотдѣлимы; и еслибы евангеліе было всѣмъ народами понято одинаково, то тогда бы, конечно, и религія или вѣроисповѣданіе христіанское было на свѣтѣ одно; а ужели черезъ это религіозное единство должны бы были уничтожиться и всѣ народности, всякая національная разновидность? Нѣтъ, религія въ чисто-житейскомъ вопросѣ играла только ту роль, что санкционировала, признала народности. «Когда людей разныхъ племенъ — говоритъ Макс-Миллеръ — стали учить смотрѣть другъ на друга какъ на ближнихъ и братьевъ, тогда только разнообразіе челоувѣческой рѣчи представилось вопросомъ, призывающимъ къ своему рѣшенію глубокомысленныхъ наблюдателей, и потому я считаю настоящее начало науки о языкѣ съ перваго дня пятидесятницы», то есть съ того времени, когда существенный принципъ христіанства, проповѣдь на разныхъ языкахъ, потребовала отъ людей только духовнаго, а не національнаго перерожденія.

Но міръ христіанскій распался, и духъ нетерпимости, отсюда происшедшій, сталъ мало по малу примѣшивая къ совершенно свѣтскому понятію народности духовную идею вѣры, и религіозный принципъ, по мѣрѣ того, какъ развѣтвлялся по вѣроиспо-

вѣданіямъ, сталъ брать перевѣсъ надъ національными разновидностями. Фанатизмъ, іезуитство и тайныя судилища окончательно сдвигаютъ со сцены исторію дифференцированія націй по языкамъ. Съ появленіемъ протестантства и его сектъ, разрозненность народовъ еще болѣе увеличилась; самны наконецъ войны приняли религіозный отбѣнокъ: сражались между собою не націи, а масса людей разныхъ вѣроученій. Религіозный принципъ до того слѣлся съ политическимъ, что всякое государство стало наконецъ держаться одной только религіи, а другой ни подъ какимъ видомъ не терпѣло. Такъ это и продолжалось чуть-ли не до позднѣйшаго времени, когда религія опять заняла свою примиряющую роль, и наше правительство, быть можетъ, ничѣмъ не показало такой уступки духу времени и такого пониманія національных интересовъ, какъ дозволеніемъ преподавать римско-католическій катихизисъ на русскомъ языкѣ и улучшеніемъ положенія раскольниковъ. Славянофилы перваго, конечно, не одобрили, и въ этомъ ихъ самая большая ошибка.

Привыкнувъ смотрѣть на прошедшее, какъ на золотой вѣкъ, славянофилы мало-по-малу такъ сосредоточились на немъ, что оставили безъ вниманія многое изъ сдѣланнаго ими для настоящаго. Собрали драгоценнѣйшія произведенія народной поэзіи и не оцѣнили, не разобрали, не сдѣлали ихъ общимъ, народнымъ достояніемъ. Они оставили добытыя ими произведенія народной поэзіи и народной мудрости въ видѣ археологическихъ открытій. А между тѣмъ, исходя изъ этого пункта, они могли бы сдѣлаться источникомъ оригинальнаго литературно-народнаго движенія. Славянофилы шли впередъ несомнѣнно, но повернувшись лицомъ къ прошлому, въ которомъ были всѣ ихъ идеалы и первообразы. Еслибы они какимъ нибудь чудомъ повернулись и взглянули смѣло впередъ, то они обратились бы въ самыхъ лучшихъ и самыхъ вѣрныхъ защитниковъ народныхъ интересовъ и національнаго объединенія.

Наконецъ подходимъ мы къ самымъ главнымъ и непримиримымъ врагамъ народности—космополитамъ. Тѣ элементы, о которыхъ мы выше говорили, дѣйствовали болѣе или менѣе косвенно, болѣе или менѣе неумышленно: это же ученіе прямо не придавало никакого значенія національнымъ стремленіямъ. Въ нашей литературѣ партія эта, впрочемъ, болѣе извѣстна была подъ другими именами. Сами себя они называли прогрессистами, другіе прозвали ихъ нигилистами; болѣе же всего къ нимъ шло имя кос-

мополитовъ или западниковъ, какъ называли ихъ прежде, когда еще космополитизмъ имѣлъ свое оправданіе въ исключительномъ состояніи страны. Это эмигрированіе изъ своей родины, не оставляя ея предѣловъ, имѣло поэтому свои причины. Тамъ, гдѣ худо жилось и гдѣ тяготы времени особенно увеличивались, тамъ являлось и много космополитовъ. У насъ прежде было ихъ болѣе, чѣмъ теперь. И такъ космополитизмъ очень часто коренится въ недовольствѣ людей своимъ положеніемъ. Человѣку въ высшей степени свойственно любить болѣе всего окружающую его среду или народъ, въ которомъ онъ родился и воспитывался; къ этому побуждаетъ его и сила привычки, и одинаковость способа выраженія, и необходимость покойнаго развитія или осѣдлости. Все человѣчество или какую нибудь часть свѣта, хотя бы на примѣръ Европу, мы можемъ уважать, удивляться, благоговѣть, сердечно же любить — только свое отечество, свою родину.

Не такъ думаютъ объ этомъ космополиты: они называютъ идею національности просто «романтизмомъ», который (будто бы) для восстановленія народной личности возвращается къ среднимъ вѣкамъ»: такъ выразился г. Пыпинъ въ своей статьѣ «Вопросъ о національности и панславизмѣ», помѣщенной въ первыхъ нумерахъ «Современника» 1864 года и потомъ перенесенной большею частію въ его книжку «Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ». Чтобы не быть въ своихъ обвиненіяхъ голословнымъ, мы такъ и будемъ держаться этой апофеозы космополитизма, заимствованной г. Пыпинымъ, какъ и слѣдовало, изъ одного нѣмецкаго трактата. «Авторъ трактата, а за нимъ, разумѣется, и г. Пыпинъ находятъ, во первыхъ, что національность и образованіе антипатичны, что національныя стремленія, гдѣ они сознательны, впадаютъ въ противорѣчіе съ образованіемъ. Последнее неизбѣжно побуждаетъ искать всеобщихъ началъ за предѣлами одного народа, побуждаетъ не давать дѣямъ мелочнымъ различіямъ» (200 стр.). Въ другомъ мѣстѣ, потолковавъ объ увеличеніи путешествій, торговыхъ сношеній, вездѣ распространенномъ изученіи языковъ и умноженіи переводовъ, г. Пыпинъ говоритъ: «национальныя особенности такимъ образомъ исчезаютъ болѣе и болѣе, угловатости сглаживаются въ постоянномъ столкновеніи народностей. Образованные классы приобретаютъ одинъ общій типъ и общій характеръ понятій; нравы больше и больше обобщаются — отдѣльныя черты разныхъ племенъ входятъ въ одинъ общій типъ европейскихъ нравовъ и т. д. Эти условія космополитическаго объединенія обѣщаютъ еще болѣе сильное развитіе въ будущемъ, и трудно было бы повидному предвидѣть границы этого развитія» (190 стр.). Далѣе идея

национальности называется прямо противоположной понятію равенства всѣхъ людей и народовъ.

Остановимся на этой послѣдней мысли, такъ нерѣдко повторяемой многими. Какого равенства вы хотите? Равенства правъ для всѣхъ націй вообще? Но права и обязанности вырабатываются исторіею или договорами, болѣе или менѣе зависящими отъ мѣстныхъ условій страны, значить—они не могутъ быть одни и тѣ же. Равенства физическихъ силъ? Но оно тоже невозможно и внѣ законовъ природы, въ которой все индивидуально и своеобразно. Равенства умственного и нравственного? Но это вѣдь то же самое, что требовать отъ народовъ, чтобы они повторяли на разныхъ языкахъ одно и то же, что такъ же было бы естественно, какъ еслибы всѣ члены общества говорили и пѣли въ унисонъ. Такъ обыкновенно и дѣлаютъ космополиты. Въ этомъ-то смыслѣ мы уже давно назвали дѣятельность ихъ просто переводомъ; они кажутся оригинальными только до тѣхъ поръ, пока не узнаешь источниковъ, откуда они черпали. А какъ узнаешь эти источники, такъ и увидишь, что все это переводъ, чистый переводъ, иногда сильно извращающій текстъ. Въмѣсто того, чтобы сдѣлать чтонибудь съобща, внести свою ленту въ храмъ науки и искусства, они, вѣчно жалуясь на несовершенство нашей науки, только компилируютъ чужую дѣятельность. Путь этотъ торный, но неплодотворный. Для отдѣльнаго общества выигрышь черезъ него есть, но для цѣлаго человечества никакого, все равно что переливаніе изъ пустаго въ порожнее. Космополитизмъ и происходящее отъ него рабское отношеніе къ дѣятельности опередившихъ насъ народовъ, есть поѣтому выраженіе инерціи, непроизводительности ума. Учиться можно только до извѣстнаго предѣла, за которымъ ужъ надо самимъ чтонибудь дѣлать. Космополиты—это какіе-то вѣчные ученики, иногда плохіе иногда хорошіе, но все-таки ученики, компиляторы и переводчики — и это мы говоримъ не о второстепенныхъ дѣятеляхъ, которымъ естественно и даже должно заниматься компиляторствомъ; но о дѣятеляхъ первостепенныхъ, которые, однакожъ, несмотря на всю свою авторитетность, ни одной мысли не высказали, которую бы нельзя было прочесть въ иностранныхъ книжкахъ, ни одной статьи не написали, которая бы не была толкованіемъ или примѣчаніемъ къ статьямъ разныхъ авторовъ. Въмѣсто того, чтобы относиться къ европейской мысли критически, они обыкновенно относились къ ней подобострастно, рабски. Возьмутъ какогонибудь Фурье, да и твердятъ его, какъ заданный урокъ. А то такъ пройдутся подручку съ Льюсомъ или пофамильярничаютъ съ Миллемъ. И если иногда позволяютъ себѣ какуюнибудь шалость, водятся обы-

кновенно за учениками, такъ просто ошельмуютъ, дадутъ прозвище, или обругаютъ такъ, что небу жарво; этимъ ограничивалась вся ихъ британская дѣятельность въ отношеніи иностранной литературы.

Въ этомъ же направленіи дѣлались и простые переводы книгъ, за которые обыкновенно брались люди безъ всякаго знанія дѣла. Отъ этого-то бѣлая часть переводовъ положительно не даютъ вѣрнаго понятія объ иностранной литературѣ: они всегда производились въ одну сторону и съ извѣстнымъ выборомъ, подходящимъ къ какому нибудь журнальному направленію. А у насъ же не встало оказалось много людей, которые вмѣсто того, чтобы по выходѣ изъ среднихъ учебныхъ заведеній развивать себя по серьезнымъ книгамъ, стали додѣлывать себя сообразно журналамъ и извѣстнаго рода спеціальностямъ, возставшимъ теперь противъ научнаго университетскаго образованія. Этакимъ-то манеромъ и произошелъ и поддерживается у насъ тотъ уровень бездѣльныхъ и несамостоятельныхъ личностей, которыя, не зная куда себя помѣстить, бросились на переводы и литературу.

Г. Пшпинъ, такъ сильно сочувствующій этому бездѣльному нивелированію способностей, смѣется надъ существованіемъ коренныхъ свойствъ нашего народа, и всѣхъ защитниковъ племенныхъ качествъ и особенностей называетъ врагами общечеловѣческой идеи (188 стр.). Но это вѣдь то же, что требовать, чтобы всѣ страны земнаго шара имѣли одинъ климатъ, одни произведенія природы и одно положеніе подъ градусами меридіана и экватора, то есть требовать невозможнаго. Если условія природы, посреди которыхъ живутъ различныя націи, разны, то не можетъ быть одинакова и дѣятельность этихъ націй, хотя бы головы ихъ и созданы были по одной модели. Фактъ дифференцированія языковъ лучше всего показываетъ, что индивидуальность, равнообразіе, свойственны не только странамъ, но и народамъ, въ нихъ обитающимъ. Коренныхъ свойствъ народа нельзя опредѣлять фаталистически: нельзя напередъ сказать, что извѣстный народъ сдѣлаетъ въ будущемъ; но что они есть, существуютъ — несомнѣнно. И національная объединенность играетъ въ проявленіи этихъ природныхъ свойствъ народа главную роль. Подобно тому, какъ для самостоятельной дѣятельности человѣка необходимо прежде помѣть особнякомъ, чтобы не затерлась потомъ его личность въ цѣломъ, такъ и для каждаго народа нужно, чтобы она имѣла какія-нибудь объективныя границы своего умственнаго и нравственнаго развитія. Самую лучшую въ этомъ отношеніи границу служитъ языкъ, который, не уничтожая возможности сообщенія одного народа съ другимъ, дѣлаетъ все-таки бо-

лѣе легкимъ пониманіе и работу сообща людей одного и того же племени, одной и той почвы. На этомъ-то и основывается высокое цивилизующее значеніе языковъ, когда народы, при счастливыхъ обстоятельствахъ, выражаютъ ихъ въ письменности и развиваютъ цѣлую литературу, нестѣсняемую препятствіями. Если, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, письменности языка пользуется только одно сословіе, то изъ этого происходитъ, во первыхъ, отодвиганіе этого болѣе образованнаго слоя отъ массы народа или почвы и неоригинальность, космополитичность литературы. Единственнымъ спасеніемъ въ этомъ случаѣ и есть обращеніе къ народу, какъ бы ни низко было его положеніе. Такъ и дѣлали лучшіе наши писатели, которые, начиная съ Пушкина и Гоголя, болѣе или менѣе держались народной и реальной почвы. И они этимъ достигали двойной цѣли: съ одной стороны увеличивали симпатіи къ простому, униженному люду, а съ другой—наблюдая жизнь, развившуюся посреди намъ близкой природы, набирались своеобразныхъ красокъ. Всякій изъ нашихъ писателей-художниковъ былъ болѣе или менѣе народенъ, то-есть болѣе или менѣе знакомился съ бытомъ той почвы, изъ которой вышло его сословіе. Совсѣмъ не такъ поступила партія космополитовъ, державшихся сферы общечеловѣческой идеи. Отвернувшись отъ національности, они естественнымъ образомъ не придали значенія и основъ ея, языку съ его эстетически-литературнымъ развитіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они перестали дорожить и плодами развитія—талантами. Отрицаніе таланта явилось у нихъ такимъ образомъ логическимъ слѣдствіемъ ихъ крайней неоригинальности и влеченія къ чужому.

Что космополиты не имѣли настоящаго понятія о значенія языка, лучше всего доказываютъ слѣдующія строки, заимствованныя г. Пыпинымъ у нѣмецкаго космополита. «Языкъ не столько составляетъ основаніе національныхъ отличій, сколько служитъ ихъ признакомъ. Правда, каждый языкъ выражаетъ способъ мышленія своего народа и самъ вновь дѣйствуетъ на это мышленіе; но не въ цѣломъ преобладаетъ общечеловѣческое начало, какъ это можно видѣть изъ вполне одинаковаго ситаксиса въ самыхъ различныхъ языкахъ (!). Притомъ, каждое высшее развитіе языка имѣетъ то дѣйствіе, что звуковыя начала, флексіи и производимыя формы ослабляются, а логическія усиливаются». Авторъ, и на слово повѣрившій ему г. Пыпинъ, повидимому, не знаютъ, что логическія начала только тогда и достигаютъ развитія, когда гибкость и подвижность флексій даетъ силу языку, выражаетъ подвижность мысли и чувства, и что одно зависитъ отъ другаго. Неудивительно поэтому, что онъ языки называетъ только средствомъ различія на-

цій; «народы—говорить онъ—узнаются по языкамъ, какъ отдѣльные люди по именамъ». Итакъ, языки, по его мнѣнiю, есть клички народовъ, а не орудіе дѣятельности. Авторъ, повидимому, и не подозреваетъ другой высшей цѣли въ дифференцированіи языковъ, которые, начиная съ первобытнаго идиома, расчленились сообразно климату и способностямъ націй. Мысль человечества, какъ слѣдуетъ изъ выводовъ г. Пыпина, можетъ быть вѣчно одна и та же, а языки разнообразны. Но языкъ и мысль неотдѣлимы: языки, развиваясь, не могутъ не видоизмѣнять мысли, не придавать ей оригинальности. Не признавать великаго значенія языковъ и ихъ творческаго движенія—это то же, что не мыслить, и не понимать, что такое мысль.

Но не довольствуясь еще этимъ, г. Пыпинъ говоритъ наконецъ, что намъ въ особенности не слѣдуетъ мечтать о самостоятельномъ національномъ развитіи еще и по особеннымъ, независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ. «Для будущаго развитія національности — говоритъ онъ — трудолюбиво слѣдя за ученымъ нѣмцемъ, крайне важно знать степень, которая ужъ достигнута народомъ въ настоящее время: о многихъ родахъ дѣятельности можно сказать, что если эта степень, достигнутая народомъ, невысока, то онъ *начинаетъ поздно*. Знакомство съ замѣчательными чужими трудами въ какой нибудь области мѣшаетъ самому произвести въ этой области что-нибудь замѣчательное и самобытное. Поэтому менѣе образованные народы (въ родѣ, напримеръ, насъ, русскихъ) до тѣхъ-поръ только производили что-нибудь цѣнное и національное, пока они ничего не знали о великихъ результатахъ другихъ націй. Какъ скоро они принимали общее образованіе, ихъ духовная самостоятельность исчезала» (стр. 206). Эти строки намъ кажутся чрезвычайно замѣчательными. Нѣмцамъ, германизирующимъ у себя славянскія племена, пожалуй еще естественно говорить, что нѣкоторымъ народамъ, отставшимъ передъ ними въ развитіи, уже поздно начинать свое, а слѣдуетъ только повторять чужое; но намъ-то съ какой же стати такъ думать? Не вѣрнимъ мы этимъ кабинетнымъ хитростямъ нѣмецкаго ученаго, ученически повторяемымъ русскими. Лучше поздно, чѣмъ никогда!

Какъ будто опасаясь за то, что онъ наговорилъ по внушенію чужого ума, г. Пыпинъ въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ: «Что будетъ создано нами національнаго, самобытнаго и вмѣстѣ общечеловѣческаго—неизвѣстно; но не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что если нашей національности предстоить будущность культурная и политическая, то для созданія этой будущности внутренніи силы народа должны дѣйствовать только въ смыслѣ европейскаго, общечеловѣческаго образованія: связывая себя напередъ однимъ вы-

полненіемъ мнимо-народныхъ началъ, то-есть безсознательныхъ инстинктовъ и весьма неширокой опытности народа, мы осуждаемъ себя на повтореніе историческихъ началъ и порчу своего собственнаго дѣла» (213 стр.). Но дѣйствуя вѣчно въ смыслѣ европейскаго образованія, мы будемъ только образовывать себя, а не дѣлать что-нибудь; а не оживляя себя никакими народными началами, мы осуждаемъ себя, при неувѣренности въ будущность, только на повтореніе давно уже сказаннаго*. Если славянофилы грѣшили много тѣмъ, что повторяли зацѣ, то наши космополиты еще болѣе повинны въ томъ, что плясали по чужой дудѣ, пѣли на чужой ладъ и весь вѣкъ свой довольствовались переводомъ и племятомъ, и наконецъ, когда уже все было сказано, принимались повторять другъ друга. Смѣшная національная стремленія съ панславистическими, г. Пыпинъ вездѣ старается доказать нелѣпность первыхъ неосуществимостью послѣднихъ. Если панславизмъ неосуществимъ, а онъ есть выраженіе національности, то значить, и національность — пуфъ; на этомъ-то силогизмѣ построены всѣ его доводы противъ славянофиловъ въ обзорѣ славянскихъ литературъ. Но панславизмъ, замѣтимъ мы г. Пыпину, есть скорѣе выраженіе космополитизма: если космополитизму суждено осуществиться, то это, конечно, путемъ сліянія сперва родственныхъ народовъ и языковъ, а потомъ уже всѣхъ націй. Значить, силогизмъ, построенный г. Пыпинымъ, обращается не противъ націоналистовъ, а противъ космополитовъ; послѣдніе поэтому дѣйствовали не въ пользу, а во вредъ себѣ, постоянно нападая на тѣ изъ славянофильскихъ тенденцій, которыя разсѣвали наше народное чувство на слишкомъ большое пространство. Между этими противоположными партіями есть даже сходство. Все равно, какъ славянофилы говорили, что нельзя довольствоваться русскою народностью, а слѣдуетъ расширять ее славянскою, такъ и космополиты стремились раздвинуть народность нашу на какую-то европейскую. У славянофиловъ только то преимущество, что они обнаруживали идеи завоевательныя, космополиты же — идеи рабскія. Что послѣдніе дѣйствительно мечтали, и еще мечтаютъ о небывалой европейской національности, доказываютъ слѣдующія, тоже замѣчательныя стро-

---

* Отъ себя мы можемъ только сказать, что споры о народныхъ началахъ, длившіеся у насъ десятии лѣтъ, ровно ни къ чему не привели, и по очень простой причинѣ. Защитники народныхъ началъ не назвали намъ этихъ началъ; противники ихъ глумились надъ защитниками (и по дѣломъ), такъ-какъ эти не умѣли формулировать того, что хотѣли защищать. Возвращаясь въ наше время къ этому вопросу, мы считаемъ дѣломъ вполне правдыми.

Ред.

ки г. Пыпина: «Такъ-какъ національность сильно зависитъ отъ государства, то единство общечеловѣческой національности могло бы явиться въ одномъ всемирномъ или всеевропейскомъ государствѣ. Но и эта перспектива невѣроятна въ близкомъ будущемъ при нынѣшнемъ положеніи государствъ» (204 стр.). А въ далекомъ будущемъ и при другомъ положеніи государствъ, значить, она вѣроятна, какъ вѣроятна и всемирная монархія! Подумаешь, право, что это разсуждаетъ не Александръ Пыпинъ, а Александръ Македонскій. Удивительно ли, что при такихъ всеобъемлющихъ планахъ, имъ вазались ничтожны скромныя разсужденія нашихъ журналистовъ о національности въ политикѣ и литературѣ. Не вѣдали они, что творили во имя своей александровой монархіи.

Но какимъ же образомъ строилась, разумѣется въ теоріи, эта всеевропейская національность, эта александрова монархія? А очень просто: такъ-какъ сліяніе въ одну національность цѣлаго человѣчества невозможно безъ общаго, всѣмъ понятнаго языка (недаромъ же вѣдь, когда Богъ смѣсилъ языки, то люди разошлись), а одинъ общій языкъ выдумать невозможно, то космополиты Западной Европы и придумали уничтожить значеніе языка и развивающагося изъ него искусства. Отрицаніе искусства вышло такимъ образомъ самымъ неизбежнымъ логическимъ послѣдствіемъ отрицанія національностей, для которыхъ языкъ служитъ основой, а искусство — двигающимъ началомъ. Понятно, что за это схватились люди, лишенные отъ природы эстетическаго чувства, и имѣвшіе вкусъ только къ сенсуальнымъ удовольствіямъ. Сторонниковъ ученія набралось этакимъ манеромъ много. Провозглашена была, наконецъ, эманципация мяса: боялись, чтобы влеченіе половъ, которое у словесныхъ тварей, называемыхъ людьми, образуетъ семейныя привязанности, какъ нибудь не помѣшало; а помѣшать могло: изъ любви неизбежнымъ образомъ выходятъ дѣти, которыя составляютъ связь и центръ семьи. И вотъ они ударили въ этотъ центръ, тѣмъ болѣе, что съ нимъ связано было и право собственности. Дѣтямъ сказали, чтобы они не придавали особеннаго значенія отцовскому и материнскому авторитету. — отсюда вышелъ ихъ тезисъ вѣроученія о молодомъ поколѣніи. Родителямъ же сказали, чтобы они, загнувшись въ себѣ всякій слѣдъ ревности, сдѣлались какъ можно либеральнѣе и прогресивнѣе въ своихъ привязанностяхъ—отсюда различнаго рода бигаміи, полигаміи и полиандріи. Космополиты такимъ образомъ, а не націоналисты оказались романтиками, скажемъ мы, вопреки мнѣнію г. Пыпина: усвоенный переходъ женщины, изъ

однихъ объятій въ другія и отъ одного очага къ другому очагу, могъ, конечно, произвести гораздо болѣе романтическихъ похожденій, чѣмъ ригористическое ученіе о постоянствѣ въ любви и вѣрности дѣтямъ. Неудивительно поэтому, что Жоржъ-Зандъ, вдохновенная ученіемъ космополитовъ-коммунистовъ, написала такое огромное количество романовъ. Въ ея старомъ, но неизвѣстно почему недавно переведенномъ сочиненіи «Пьеръ Гюгененъ», она называетъ ихъ коммуны даже иѣннымъ именемъ семьи (61 стр. 1 ч.). Коммуны въ настоящемъ видѣ дѣйствительно должны были разыгрывать въ предполагаемой александровой монархіи роль семей и служить отличнѣйшимъ средствомъ къ ослабленію чувства національности и космополитическому смѣшенію. Главнѣйшіе изъ строителей новой вавилонской башни фаланстеръ, говорятъ по крайней мѣрѣ такъ же часто о коммунахъ, какъ и о всемірной монархіи съ метрополіей міра. Коммуны этихъ, конечно, нельзя смѣшивать съ нашими русскими общинами. То общины искусственныя, наши—естественныя. Тѣ основываются на разрушеніи семьи, наши же—на ея сохраненіи. Въ нашей природной общинѣ люди, владѣя съобща или трудясь вмѣстѣ, принадлежать въ то же время и семьѣ, и человѣкъ такимъ образомъ является семьяниномъ и товарищемъ. Космополиты же захотѣли, чтобы онъ былъ болѣе товарищемъ, чѣмъ семьяниномъ; поэтому-то у нихъ и вышло, что семья—вздоръ, и что хорошиямъ товарищемъ общины важнѣе быть, чѣмъ хорошиямъ членомъ семьи. Семья менѣе располагаетъ любить дѣлое человѣчество и болѣе свою среду, свой народъ. И наконецъ, думали они, почему же не подвести подъ свои воззрѣнія на имущества и неведественныя явленія жизни человѣка, любовь, напримеръ? Какъ всякій кусокъ хлѣба или земля принадлежать, по ихъ мнѣнію, всѣмъ вообще и никому въ особенности, такъ и всякій индивидуумъ въ отношеніи своего пола долженъ быть принадлежать всѣмъ и никому въ особенности. Искусственная община или коммунизмъ строилась на развалинахъ семьи.

Космополиты совершенно не поняли, что *семья есть социальный индивидуумъ*, безъ котораго не можетъ быть построено никакое общество. Мужчина самъ по себѣ, и женщина сама по себѣ не образуютъ дѣлаго человѣчества въ общественномъ смыслѣ. Цѣлый идеальный человѣкъ является только въ семьѣ, въ которой, какъ отростки изъ дерева, вырастаютъ дѣти. Живя въ одиночку, то-есть вполнѣ индивидуально, дѣтей, въ которыхъ наше будущее, не наживешь; а живя безразлично, полигамически, дѣти хоть и екажутся иногда въ результатѣ, но они неизвѣстно, чьи будутъ. У нихъ не будетъ предковъ: дѣти съ первыхъ же годовъ должно дѣлаться общественнымъ индивидуальнымъ человѣкомъ,

что такъ же естественно, какъ еслибы первые отпрыски на деревѣ или почку отрѣзывать и сажать въ землю. Нѣтъ, какъ дерево въ ботаническомъ смыслѣ есть индивидуумъ, заключающій въ себѣ много индивидуумовъ или вѣтвей, такъ и семья есть индивидуумъ, содержащій въ себѣ свои индивидуумы. Мужъ, мать, дѣти, индивидуальныя сами по себѣ, въ отношеніи общества есть только части цѣлаго семейнаго индивидуума. Можно поэтому сказать, что коммунисты строили свою монархію изъ дробей человѣчества, а не изъ цѣлыхъ чиселъ. Семья есть единица, изъ которой только и могутъ слагаться общества и государства нормальнымъ образомъ. Экономисты несправедливо говорить, что коммунизмъ убиваетъ развитіе личности; нѣтъ, личность въ немъ вырастаетъ даже выше нормы, подъ влияніемъ того начала, которое презираетъ фашизмъ и боготворитъ эгоизмъ. Космополитъ-коммунистъ видитъ человѣчество не въ своемъ народѣ или семьѣ, а только въ самомъ себѣ—человѣчество это! Известное индійское преданіе о происхожденіи людей изъ грушъ очень образно объясняетъ связность главныхъ членовъ семьи. Оно говоритъ, что Богъ, создавши груши, разрѣзалъ ихъ пополамъ и изъ этихъ половинокъ вышли мужчины и женщины; но такъ-какъ онѣ были разбросаны по землѣ, то каждая половинка, разумѣется, не могла скоро найти свою половинку, чтобы образовать цѣлое. Когда, говоритъ преданіе, сходились половинки отъ одной груши, то образовалась счастливая пара, отъ разныхъ же—несчастливая. Если приложить этотъ мифъ къ требованіямъ космополитовъ, то выходитъ, что половинки никогда не должны долго оставаться другъ подлѣ друга, чтобы какимъ-нибудь образомъ сдѣлать плодъ. Но еще здравый смыслъ нашего народа называлъ мужа и жену половинами, и потому никакіе соблазны утопистовъ, и никакія несчастія жизни не отнимутъ вѣры у трудящихся людей въ возможность полнаго семейнаго счастья.

Не болѣе разумны были наши отношенія анти-націоналистовъ и въ простому народу. Они относились къ нему или свысока, какъ дѣлалъ до сихъ поръ «Современникъ», или говорили о немъ à la Жорж-Зандъ, то-есть выставляли ремесленниковъ и крестьянъ такъ, какъ бы шла дѣло о студентахъ. Чистые романтики! Теперь, напримѣръ, говорятъ о необходимости господства ремесленниковъ и чернорабочихъ надъ всѣми другими сословіями, и не догадываются, что Ласаль, несмотря на весь свой пылъ и желаніе добра, сильно ошибается. Что чернорабочіе не должны быть угнетены и подавлены другими сословіями—этого требуетъ и разумъ и справедливость; но чтобы они имѣли привилегіи на томъ основаніи, что они ремесленники и пахарь, а

не дворяне—это нелѣпность. Ни дворянство, владѣющее землею, ни духовенство, раздающее дары неба, ни кучечество, распоряжающееся деньгами, и ни рабочіе, исполняющіе большей частью трудную обязанность машинъ—не имѣютъ естественныхъ правъ на привилегіи. Нѣкотораго рода права на это даетъ только истинное образованіе, которое ставитъ человѣка какъ-бы внѣ сословій и убиваетъ въ немъ всякій слѣдъ эгоизма. Четвертое или рабочіе сословіе должно быть не возвышено надъ всѣми другими, а болѣе или менѣе уничтожено, болѣе или менѣе освобождено отъ египетскаго или механическаго труда. Періодъ освобожденія отъ этого труда начался со времени Эרקрайта, или даже со времени изобрѣтенія сохи. Еще тогда человѣкъ почувствовалъ, какъ трудно добывать въ потѣ лица хлѣбъ свой и инстинктивно понималъ, что слишкомъ усиленная дѣятельность тѣла не можетъ въ немъ не ослаблять энергіи ума; такъ-какъ физическая и умственная дѣятельность составляетъ нѣкоторымъ образомъ противовѣсъ. Поэтому рабочій, разыгрывающій роль сохи или плуга, не можетъ еще быть господствующимъ членомъ въ обществѣ; иначе мы должны будемъ признать господство и физическаго развитія надъ умственнымъ, невѣжества надъ образованіемъ, грубой силы—надъ властію слова и языка.

Мы здѣсь не безъ причины коснулись до тяжелой, исполненной лишеній жизни нашего народа. Вся участь его будущаго развитія столь же зависитъ отъ распространенія школъ, сколько отъ увеличенія времени для умственнаго труда, и отъ облегченія его хоть въ нѣкоторой степени отъ механическаго или египетскаго труда, подъ бременемъ котораго онъ коснѣлъ до сихъ поръ, обливаясь потомъ и кровью. А что народъ нашъ имѣетъ право на самобытвое умственное развитіе, а не на повтореніе сказаннаго и выдуманнаго другими—и что въ языкѣ, всѣхъ насъ связывающемъ, заключены неисчерпаемыя творческія силы, доказываютъ произведенія народной поэзіи. Кромѣ литературы образованнаго класса, у насъ, какъ извѣстно, существуетъ еще народная литература, которая явилась не какъ сочиненіе, навѣянное цивилизаціей, а какъ непосредственное выраженіе русскаго характера, какъ неизбѣжное отраженіе окружающей насъ природы и воспитывавшихъ насъ историческихъ обстоятельствъ. Эта, такъ-сказать, литература безграмотнаго люда лежитъ еще въ видѣ археологическаго или историческаго матеріала; и на ея чисто-литературныя достоинства мало кто обращаетъ вниманіе: такъ что, если какому-нибудь писателю приходитъ въ голову зачерпнуть жизни, прямо выросшей изъ русской природы и русской исторіи, то онъ болѣею частью отправляется

на рынокъ, площадь, въ курную избу; на самыя же произведенія народной поэзіи, на самаго же Гомера нашей литературы мало обращаютъ вниманіе. О публикѣ и говорить нечего: она, пожалуй, и не повѣритъ, если ей кто-нибудь скажетъ, что въ нашихъ былинахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и пословицахъ сосредоточивается такая сила таланта, которая не блѣднѣетъ и по прочтеніи лучшихъ поэтическихъ произведеній. Желательно поэтому было бы, чтобы народныя произведенія были побольше введены въ наши хрестоматіи, и составлена была бы книга, въ которую человекъ съ талантомъ и знаніемъ внесъ бы все, что есть самаго умнаго и самаго поэтическаго въ произведеніяхъ народной литературы. У насъ есть много книгъ, которыя пишутся только для простаго народа, и еще большее, конечно, число книгъ для образованныхъ классовъ; но нѣтъ ни одной такой, которая была бы одинаково доступна всѣмъ классамъ общества и могла бы служить исходнымъ пунктомъ дѣйствительнаго, а не призрачнаго демократизма. Необходима, конечно, при этомъ критически-эстетическая оцѣнка, сдѣланная человекомъ, понимающимъ, что одной эрудиціи недостаточно, чтобы этотъ непосредственно изъ природы бьющій родникъ поэзіи животворно подѣйствовалъ на нашу литературу. Наше аристократическое непониманіе народной поэзіи тогда бы само собою исчезло. Любви къ народу, повторяемъ, сочинить нельзя: чтобы его полюбить, нужно пожить съ нимъ, пожить хоть на какомъ-нибудь разстояніи, остановиться надъ его думами, послушать его сказокъ и пѣсень. Пѣснь эту поетъ съобща цѣлый народъ: одинъ начинаетъ, другой доканчиваетъ; одно выдумано мужчиной, другое вызвалось прямо изъ женской груди. И такимъ образомъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ своей безотрадной исторической жизни, тянетъ народъ нашъ свою, то грустную, то наивновеличаваю пѣснь. Кто не чувствуетъ той невидимой нити, которою она насъ связываетъ, чье сердце не бьется подъ звуки ея родныхъ мотивовъ — тотъ еще не русскій.

НИКОЛАЙ СОЛОВЬЕВЪ.

ЧЕЛОВѢКЪ — ПРОСТОЙ-ЛИ ЧУВСТВУЮЩІЙ АВТОМАТЪ?

Статья первая.

По поводу статей г. Сѣченова: «Рефлексы головного мозга». Медицинскій Вѣстникъ. 1863 г. №№ 47 и 48. — «Исслѣдованіе центровъ, задерживающихъ отраженныя движенія въ мозгу лягушки». Медицинскій Вѣстникъ. 1863 г. №№ 1, 2 и 2, и брошюры. «Новыя опыты надъ головнымъ и спиннымъ мозгомъ». И. Сѣченова и студента В. Пашутина. С.-Петербургъ. 1866 г.

Читатель, знакомый съ тѣми толками, которые возбуждены были въ извѣстныхъ кружкахъ нашего общества при появленіи «Исслѣдованія» г. Сѣченова и въ особенности его знаменитой статьи «Рефлексы головного мозга», конечно не скажетъ, чтобы вопросъ, какимъ озаглавлена наша статья, былъ поставленъ слишкомъ рѣзко. Напротивъ, весьма многими онъ не только былъ поставленъ именно такимъ образомъ, но, даже если не самимъ авторомъ, то по крайней-мѣрѣ, нѣкоторыми изъ слывшихъ его послѣдователей сочтенъ окончательно рѣшеннымъ утвердительно, и именно на основаніи статей г. Сѣченова, о которыхъ наша журналистика до сихъ поръ упорно молчала.

Поэтому статья наша написана вовсе не для того, чтобы полемизировать съ г. Сѣченовымъ, который, кромѣ положительнаго значенія своимъ физиологическимъ опытовъ, сдѣлалъ не болѣе, какъ блистательную попытку объяснить многія высшія духовныя отправленія человѣка на основаніи однихъ физиологическихъ данныхъ и хотя выставилъ на видъ нѣкоторыя положенія, вытекающія изъ его общаго взгляда на дѣло, но затѣмъ скромно назвалъ всѣ эти выводы простою ипозезою, ни для кого необязательною. Напротивъ, мы предпринимаемъ свой трудъ именно для тѣхъ, кто рѣшительно думаетъ, что исслѣдованія г. Сѣченова окончательно рѣшили поставленный нами въ заглавіи статьи вопросъ, и рѣшили конечно положительно.

Извиняясь за позднее появленіе статьи, которая впрочемъ не могла появиться ранѣе по многимъ обстоятельствамъ, приступимъ прямо къ дѣлу.

Естественныя науки, разработывая все болѣе и болѣе всѣ царства природы, привели постепенно, между прочимъ, къ четыремъ слѣдующимъ, болѣе или менѣе яснымъ для всякаго, теоретическимъ результатамъ:

Онѣ навели, во 1-хъ, на мысль, что во всемъ мірѣ органическомъ существуетъ строгая, непрерывная постепенность въ усложненіи формъ;

во 2-хъ, онѣ показали самую близкую связь между сложностью этихъ формъ и степенью полноты ихъ жизни, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого понятія;

въ 3-хъ, разъяснивъ лучше и притомъ непосредственными наблюденіями и опытами прямую связь между различными внѣшними возбужденіями и разнообразными функциями организмовъ, онѣ успѣли раскрыть до извѣстной степени чисто-физиологическую роль тѣхъ путей, которыми организмы сообщаются съ внѣшнимъ міромъ и при помощи которыхъ происходятъ въ нихъ рефлективные движенія. Мы разумѣемъ, конечно, нервную систему вообще.

Наконецъ въ 4-хъ, онѣ показали весьма ясно, что богатство, сложность и разнообразіе внѣшней, видимой дѣятельности организмовъ, находится въ ближайшей связи съ степенью совершенства ихъ нервной системы, причемъ, ограничиваясь въ низшихъ формахъ немногими, почти чисто-автоматическими (рефлективными) движеніями, она въ высшихъ организмахъ становится *постепенно* богаче, сложнѣе и разнообразнѣе, именно *по мѣрѣ* усовершенствованія нервной системы.

Послѣ такихъ результатовъ сдѣлалось, конечно, весьма соблазнительно и довольно естественно заподозрить во всѣхъ видахъ организмовъ совершенно однородныя явленія, а затѣмъ все разнообразіе ихъ дѣятельности, какъ бы безконечно различна ни была эта дѣятельность, попытаться объяснить тою машинностью (автоматичностью), признаніе которой въ низшихъ организмахъ почти позволительно.

Многіе такъ и рѣшились поступить безъ дальнихъ околичностей, признавъ такой взглядъ справедливымъ уже à priori.

Г. Сѣченовъ, какъ точный ученый, не могъ, конечно, удовлетвориться такимъ способомъ рѣшенія вопросовъ. Имѣя à priori именно такой взглядъ, который мы сейчасъ изложили, онъ очень хорошо понималъ, что взглядъ этотъ въ сущности остается все-

такъ гипотезой и что для приведенія его на степень несомнѣнности, его нужно было еще *доказать* прямымъ физиологическимъ путемъ.

Имѣя въ рукахъ предшествовавшіе опыты надъ задерживающими центрами въ мозгу лягушки, онъ имѣлъ такимъ образомъ хоть нѣкоторую точную физиологическую точку опоры для предположенія подобныхъ же задерживающихъ центровъ и въ человѣкѣ. Такимъ образомъ явилась статья «Рефлексы головного мозга», разборъ которой мы и имѣемъ въ виду.

Но такъ-какъ въ статьѣ г. Сѣченова должно положительно различать двѣ стороны: изложеніе его взгляда, и собственно физиологическія данныя, которыя должны были подкрѣпить и *точнымъ образомъ* доказать этотъ взглядъ, то мы и займемся сначала обсужденіемъ первой, то-есть теоретической ея части.

Сущность теоретической части статьи г. Сѣченова можетъ быть выражена слѣдующимъ вопросомъ: принимая несомнѣннымъ, что дѣйствія человѣка подчинены, какъ и все сущее, роковымъ законамъ причинной связи, можно ли придавать какое-либо значеніе внутреннему убѣжденію человѣка въ его свободной волѣ и пронстекающимъ оттуда выводамъ? Г. Сѣченовъ склоняется теоретически къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ. Ниже мы увидимъ, на сколько подтверждается его мнѣніе строго-физиологическими изслѣдованіями.

Извѣстно, что вопросъ въ подобномъ видѣ не впервые уже представляется человѣческому уму, и что исторія попытокъ его разрѣшенія есть въ нѣкоторой мѣрѣ исторія философскихъ системъ. Ограничиваясь исключительно новѣйшею философіей, мы и здѣсь встрѣтимся съ этимъ вопросомъ, въ той или другой его формѣ, въ каждой системѣ. Извѣстно, напримѣръ, что даже знаменитѣйшіе основатели новой, такъ-называемой идеальной, философій относительно этого вопроса недалеко расходились со взглядами современныхъ матеріалистовъ. Декартъ, напримѣръ, прямо говоритъ: «Всѣ органическіе процессы: пищевареніе, кровообращеніе, ростъ, дыханіе, сонъ и бодрствованіе, чувственные впечатлѣнія, представленія, память, побужденія, суть *чисто-механическіе процессы*, какъ въ автоматѣ или въ часахъ». Ученіе Спинозы о произволѣ человѣка такъ излагается однимъ изъ лучшихъ современныхъ историковъ философій *: «Если подъ свободною волею разумѣть способность дѣйствовать чисто изъ себя, безъ всякаго внѣшняго побужденія, то такой, ничѣмъ неопре-

---

* Kuno Fischer. Erster Band. S. 496.

дѣляемой воли нѣтъ мѣста въ системѣ Спинозы. Тагъ-какъ всѣ явленія управляются строгою математическою необходимостью и связаны неразрывною цѣпью причинъ, то ничего не можетъ выскочить изъ этой крѣпкой связи и дѣйствовать по *своему произволу*. Если законъ чисто-причинной связи есть единственный смыслъ вселенной, то произволъ есть чистая бессмыслица... Дѣйствія человѣческія произвольны точно такъ же, какъ дѣятельность всякихъ тѣлъ; они равно отовсюду окружены побуждающими условіями и совершаются подъ гнетомъ неотразимыхъ причинъ. Наконецъ послушаемъ, что говоритъ объ этомъ предметѣ Лейбницъ, извѣстный защитникъ врожденныхъ идей. Обращаемся за изложеніемъ его ученія опять-таки къ Куно-Фишеру, тагъ-какъ иначе пришлось бы сводить отрывки изъ разныхъ мѣстъ его собственныхъ сочиненій. «Каждое отдѣльное, мелкое впечатлѣніе оставляетъ въ нашемъ существѣ слѣдъ, который никогда уже не исчезаетъ вовсе и продолжаетъ дѣйствовать по естественнымъ законамъ причинной связи, а тагъ-какъ сила впечатлѣнія дѣйствуетъ непрерывно, то дѣйствія ихъ связываются другъ съ другомъ въ непрерывной цѣпи, и изъ этого безконечнаго количества малыхъ впечатлѣній образуется мало по-малу живое, цѣльное выраженіе оригинальной индивидуальности. Мелкія впечатлѣнія суть образовательныя, пластическія силы души, которыя всѣ вмѣстѣ постепенно вырабатываютъ нашу живую физиономію и каждая порознь отдѣлываетъ по своему какою-нибудь частность. И весь этотъ процессъ образующейся душевной индивидуальности происходитъ неслышнымъ образомъ, тагъ-сказать, позади полнаго, сознающаго себя духа. Прежде нежели мы начинаемъ думать сознательно, хотѣть отчетливо, мы уже находимъ себя готовыми, какъ извѣстную опредѣлившуюся индивидуальность, въ которой душевныя наклонности уже имѣютъ опредѣленное направленіе. Эта готовая индивидуальность образуетъ источникъ, изъ котораго разумъ черпаетъ свои познанія, воля свои намѣренія и цѣли. Но все, что образуется въ нашей душѣ безъ ясныхъ понятій, безъ сознательныхъ намѣреній, дѣлается произвольнымъ... И такъ мелкія впечатлѣнія составляютъ ту дѣятельную основу, изъ которой возникаетъ вся наша произвольная жизнь, на которой зиждутся всѣ наши произвольныя движенія, всѣ произвольныя душевныя состоянія. Эта произвольная часть жизни нашей души составляетъ въ насъ тагъ-называемыя *натуру* и *привычку*, врожденныя и пріобрѣтенныя душевныя дѣятельности. Одна составляетъ нашу первую натуру, другая вторую. Въ чемъ же именно состоитъ *привычка*, обнимающая большую часть функций человѣческой души? Очевидно,

въ томъ, что извѣстныя впечатлѣнія, извѣстныя дѣйствія мы видимъ такъ часто повторяющимися въ нашей жизни, что, наконецъ, перестаемъ сопровождать ихъ сознаниемъ, что представленія ихъ, отъ частаго повторенія, мельчаютъ до такой степени, въ которой уже не могутъ быть постоянно замѣчаемы. Привычныя впечатлѣнія, привычныя дѣйствія суть такія, которыя стали нашей природою и существуютъ въ душѣ какъ врожденныя ея положенія и наклонности. Привыкнуть къ чему нибудь значить не болѣе, какъ превратить сознательное представленіе предмета или дѣйствія въ бессознательное, слабое представленіе. Когда *учатся* читать, каждая отдѣльная буква есть сознательное сильное представленіе, привлекающее къ себѣ все вниманіе учащагося. Когда же читать мы уже *выучились*, отдѣльныя буквы превращаются въ малыя слабыя представленія, которыхъ уже почти не замѣчаютъ или по крайней-мѣрѣ не имѣютъ нужды посвящать имъ всего вниманія. Умѣнье читать есть такимъ образомъ *привычка* или *способность*, *механическая* потому именно, что многія участвующія въ ней отдѣльныя представленія низведены до столь малой напряженности, что составляютъ уже принадлежность бессознательной части души. *Точно такимъ же образомъ объясняются все наши привычки и вообще всякое-привычное состояніе.*

«Человѣческая жизнь остается еще весьма мало объясненною, пока не объяснена въ ней *привычка*, пока она не выведена ясно изъ природы человѣческой души... Во врожденныхъ идеяхъ, которыя первоначально суть бессознательныя представленія, заключаются логическія условія познанія и инстинкты нравственныхъ побужденій воли. Всѣ ясныя представленія были первоначально темными. Сознаніе, мысль *не образуетъ воплотъ новыхъ идей, но принимаетъ и осяцаетъ только уже данныя въ душѣ. Точно такъ же воля не рождаетъ чисто самой себя, намъренія и цѣли своихъ дѣйствій, но постоянно пользуется преобладающимъ, наиболее сильнымъ въ данномъ случаѣ инстинктомъ. Ясное, сознательное побужденіе воли есть только болѣе напряженное, развитое, выше въ сознаніи стоящее инстинктивное побужденіе. Но такъ-какъ каждое побужденіе или инстинктъ составляетъ непроизвольный актъ души, то оказывается, что въ человѣческой волѣ *нѣтъ чисто произвола*, а въ человѣческой душѣ нѣтъ такого самоопредѣленія или свободы, которая бы представляла безусловный произволъ».*

Читатель замѣтилъ уже, конечно, что во всѣхъ трехъ приведенныхъ выпискахъ, мы привели мнѣнія только той школы новѣйшихъ философовъ, которыхъ можно считать представителями идеалистическаго направленія. И что же? оказывается, что даже

у этихъ философовъ тѣ мысли о *механизмѣ* человѣческихъ дѣйствій, объ истинномъ характерѣ *воли* и т. д., которыя такъ стремится *доказать* новѣйшая физиологическая школа, уже давно существовали, мало того, были признаваемы ими въ такой общности и широтѣ, въ какой далеко не успѣли доказать ихъ материалисты нашего времени. Мы просимъ особенно людей, со вниманіемъ читавшихъ статью г. Сѣченова, пересмотрѣть выписку, сдѣланную нами изъ изложенія ученія Лейбница, чтобы убѣдиться, до какихъ близкихъ аналогій сходятся мнѣнія стараго философа-идеалиста съ мнѣніями современнаго физиолога. Пусть не смущается онъ пока совершенною разницею принциповъ въ этихъ двухъ ученіяхъ и обратитъ исключительное вниманіе на сущность дѣла, то-есть на объясненіе душевныхъ процесовъ. Въ самомъ дѣлѣ, стоило г. Сѣченову замѣнить въ приведенной нами выпискѣ кое-какія слова новыми терминами, и онъ могъ бы внести цѣликомъ эту выписку въ свою статью, не нарушивъ нисколько своего общаго плана и задачи. Не говоримъ уже объ окончательныхъ выводахъ, которые почти тождественны.

Что все это доказываетъ? То, что общія мысли, изложенныя вновь въ статьѣ г. Сѣченова и придавшія ей такой интересъ въ глазахъ общества, вовсе не суть что либо совершенно новое въ области мышленія, и именно менѣе всего онѣ новы въ той части ихъ, то-есть въ общихъ выводахъ о *воли* и *механизмѣ* человѣческихъ движеній, которыми статья нашего физиолога обратила на себя вниманіе публики. То собственно, что дѣйствительно открылъ г. Сѣченовъ, или тѣ стороны его объясненія психологическихъ процесовъ, въ которыхъ онъ дѣйствительно оригиналенъ, остались по большей части незамѣченными и неопѣненными, а напротивъ произвело эффектъ въ его статьѣ, именно то старое, что вдругъ оказалось опять новостью, отчасти по невѣжеству нашей публики, отчасти по совпаденію этого стараго съ господствующимъ въ извѣстныхъ кругахъ направленіемъ. Мы считаемъ дѣломъ, достойнымъ критики, возстановить въ истинномъ свѣтѣ значеніе открытія г. Сѣченова, и показать, какой именно шагъ сдѣланъ новѣйшею физиологіею, на ея естественномъ пути и на сколько, съ другой стороны, изслѣдованіе г. Сѣченова разрѣшило строго-научнымъ образомъ тотъ важный теоретическій вопросъ, о которомъ говорено выше.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло по занимающему насъ вопросу съ мнѣніями чистыхъ философовъ, и хотя убѣдились, что они уже давно и рѣшительно принимаютъ тѣ общія положенія, которыя старается доказать въ своей статьѣ г. Сѣченовъ, но нельзя однако не видѣть, что ихъ рѣшенія вопроса стоятъ на

ной, чисто-философской почвѣ. И этотъ недостатокъ, если хотите, раздѣляютъ съ ними даже и тѣ школы философвъ, отъ которыхъ непосредственно ведетъ себя нынѣшнее материалистическое возрѣніе.

Всѣмъ доводамъ философвъ недоставало донинѣ того важнаго начала, котораго значеніе впервые выяснилось новѣйшимъ естествознаніемъ, мы разумѣемъ — искусственный опытъ. Эту-то новую силу ввела въ старый вопросъ физиологія новаго времени, и такимъ образомъ рѣшительно пережѣстила его изъ сферы болѣе или менѣе общей, отвлеченной въ сферу реального, въ сферу строгаго, положительнаго, ни шагу не ступающаго безъ опыта естествознанія. Никто не усомнится, конечно, что это былъ важный шагъ и огромная заслуга для положительнаго знанія. Прежде всего въ новомъ методѣ было то преимущество предъ старымъ философскимъ, что какое либо дѣйствительное открытіе, вполне разъясненное и подтвержденное опытомъ, дѣлалось уже прочнымъ, несомнѣннымъ достояніемъ человѣческой мысли и не подлежало уже тому или другому толкованію, зависящему отъ общаго тона той или другой философской системы. Такимъ образомъ къ роковому вопросу стали подвигаться уже не смѣлыми, на удачу дѣлаемыми вылазками, но начали осаждать его правильными траншеями и подкопами, которые, хотя и не такъ скоро, но за то повидимому неизбѣжно должны привести къ побѣдѣ. Но кромѣ этой методы въ обработкѣ вопроса, произошло весьма важное измѣненіе въ самой сущности вопроса. Превія философскія системы, какъ уже было замѣчено, брали вопросъ преимущественно съ его формальной стороны, то-есть не входя окончательно въ сущность процесовъ человѣческой дѣятельности, рѣшали болѣе или менѣе теоретическимъ образомъ, что все связано роковою цѣпью, и потому на дѣйствіяхъ человѣка, какъ и на всемъ въ природѣ существующемъ, лежитъ печать необходимости. При этомъ для занимающаго насъ специально вопроса о человѣческой свободѣ было въ сущности все равно, что въ природѣ человѣка, очевидно распадающейся на два параллельныхъ ряда явленій, принимается за начало и дѣйствительную причину — духовная или физическая сторона его природы. Напротивъ, послѣ блистательнаго ряда открытій, сдѣланныхъ естествознаніемъ, послѣ точнаго и положительнаго изученія по преимуществу физическихъ законовъ, вопросъ самъ собою постановился иначе. Явилась естественная, законная потребность разъяснить человѣка, именно какъ часть матеріальной природы, какъ одно изъ звеньевъ въ общей цѣпи, охватываемой естествознаніемъ. Разъяснить природу человѣка изъ законовъ физическихъ стало глав-

Т. СЛXV. — Отд. I. 1/12

нѣйшею, насущною задачею естествознанія, пробнимъ камнемъ его успѣха, общности и непреложности открываемыхъ имъ законовъ. Работы въ этомъ смыслѣ начались разомъ по многимъ направленіямъ. Мы ограничимся исключительно тѣмъ вопросомъ, который затронуть и развить г. Сѣченовымъ въ его статьѣ. Но прежде еще, постараемся выяснить обстоятельнѣе тотъ ходъ фізіологическихъ работъ и способъ обобщенія достигнутыхъ ими результатовъ, который составляетъ важнѣйшую сторону труда нашего автора, и для этого взглянемъ мимоходомъ на трудъ Льюиса или правильнѣе на популярный сводъ имъ сдѣланнаго по тому же вопросу. Мы потому именно останавливаемся преимущественно на этомъ авторѣ, хотя онъ и справедливо не пользуется авторитетомъ между учеными, что, во первыхъ, онъ нуженъ намъ вовсе не какъ авторитетъ по фізіологіи, а просто какъ примѣръ воздержности отъ общихъ, еще недоказанныхъ, хотя и соблазнительныхъ выводовъ, а во вторыхъ, потому, что онъ очень распространенъ и уважаемъ именно между тѣми *любителями* фізіологіи, для которыхъ преимущественно и назначается наша статья.

Точно такъ же, какъ и г. Сѣченовъ, Льюисъ начинаетъ съ фізіологическихъ опытовъ и затѣмъ, обобщая все болѣе и болѣе точные выводы науки, смѣло доходить до той грани, гдѣ начинается новый и недоступный для фізіологіи въ своей сущности элементъ — чувствительность, до грани, однимъ словомъ, отдѣляющей фізіологію отъ психологіи: внѣшній опытъ и наблюдение отъ самочувствія и самосознанія. Но здѣсь онъ и останавливается. Выразившись, что человѣческій организмъ есть пожалуй «машина, но машина, въ которой каждый зубецъ чувствителенъ», онъ высказалъ хотя и недоказанную вполне мысль, но по крайней-мѣрѣ мысль свѣтлую, ясно показывающую пути и цѣль предстоящихъ фізіологіи работъ и предлѣгъ въ изученіи психическихъ явленій, до которыхъ можно дойти съ точки зрѣнія фізіологіи. Дѣйствительно, какова въ этомъ отношеніи истинная задача фізіологіи? Провести и разъяснить до конца ту параллель, которая несомнѣнно существуетъ между рядами психическихъ явленій и фізіологическихъ отправленій организма, указать съ точностью органы въ тѣлѣ, соотвѣтствующіе извѣстнымъ душевнымъ функціямъ его, разъяснить, однимъ словомъ, тѣло, какъ сосудъ духа, не разрѣшая окончательно вопроса о первенствѣ того или другаго начала — таковъ идеалъ фізіологіи, какъ строгой и точной науки и такимъ, какъ намъ кажется, представляетъ его себѣ и Льюисъ. Такъ по крайней-мѣрѣ имѣемъ мы право

заключить изъ многихъ мѣстъ его книги и хотя бы, на примѣръ, изъ слѣдующаго:

«Психологія—наука о душѣ; физиологія—наука о жизни. Всѣ, признающіе психологію наукою, признаютъ также, что задача ея состоитъ въ разъясненіи законовъ мышленія, сущности души и ея свойствъ. Эта наука можетъ—я слѣдую мнѣнію тѣхъ, которые думаютъ, что она *должна*—искать средствъ изслѣдованія въ физиологическихъ законахъ, такъ же точно какъ и сама физиологія ждетъ помощи у химіи и физики; но результаты, добытые ею, какъ независимой вѣтвью знанія, не могутъ быть подводимы подъ основныя правила физиологіи; о годности или негодности ихъ нельзя заключать по тому, подходятъ ли они подъ физиологическіе законы, или противорѣчатъ имъ. Психологія говорить, что душа имѣетъ различныя способности и что каждая изъ этихъ способностей можетъ быть временно экзальтирована, или ослаблена, почти уничтожена. Это основано на полной очевидности и въ психологіи имѣетъ силу закона; а между тѣмъ въ физиологіи о-сю пору не найдено соотвѣтственнаго факта. Ни въ анатоміи головного мозга, ни въ томъ, что извѣстно о его дѣятельности, нельзя найти ничего такого, что могло бы служить подтвержденіемъ вышеприведеннаго психологическаго положенія. Еслибы психологія необходимо должна была подчиняться выводамъ физиологіи, то въ этомъ случаѣ мы должны были бы оставить подъ сомнѣніемъ одно изъ самыхъ неопровержимыхъ положеній психологіи. Съ другой стороны не менѣе вѣрно и то, что физиологію нервной системы должно изучать совершенно независимо отъ контроля психологовъ. Если мы не навязываемъ имъ нашихъ выводовъ, то и они не должны намъ навязывать своихъ. Мы оставляемъ имъ законы мышленія, они должны оставить намъ трудную задачу опредѣлить соотношеніе между ощущеніями и различными частями нервной системы... Наша наука не имѣетъ претензіи имѣть что-нибудь общее съ таинствами психологіи. Эти тайны вѣроятно навѣки останутся неразгаданными, а между тѣмъ труды физиологовъ сдѣлали возможнымъ существованіе ученія о жизненныхъ явленіяхъ, связанныхъ съ нервной системой, и «такимъ образомъ», по извѣстному выраженію Гёкелея, «отъ царства безпорядочной таинственности, подлежащаго владычеству невѣжества, была отторгнута еще одна обширная область и присоединена къ царству науки, области приведенныхъ въ порядокъ таинствъ».

Итакъ, отдѣльное, самостоятельное существованіе двухъ наукъ — физиологіи и психологіи, независимость каждой изъ нихъ

въ методахъ изслѣдованія — вотъ главныя положенія, которыя Льюисъ считаетъ необходимыми для успѣха той и другой. Онъ, правда, склоняется въ мысли, что психологія *должна* искать средствъ изслѣдованія въ физиологическихъ законахъ, но эта уступка, весьма естественная въ физиологѣ, любящемъ свой предметъ, и весьма понятная въ человѣкѣ, который предпочитаетъ ясность законовъ, открытыхъ естествознаніемъ, туманнымъ по большей части изслѣдованіямъ міра души — эта уступка, повторяемъ, вовсе еще не показываетъ стремленія подчинить окончательно одинъ методъ другому, противъ чего говоритъ вся приведенная нами выписка. Мы не знаемъ, конечно, что бы сказалъ Льюисъ, еслибы физиологія достигла своего идеальнаго предѣла, то-есть еслибы дѣйствительно для каждаго явленія душевной жизни найдена была ясная физиологическая причина и еслибы, наконецъ, мы дѣйствительно получили возможность объяснить чисто-физиологическими процессами всю сложную жизнь души. Очень вѣроятно, что Льюисъ отвергъ бы тогда психологію какъ отдѣльную и самостоятельную науку, и ограничился бы для объясненія всего человѣка одною физиологіею. Но пока этого еще нѣтъ, онъ благоразумно отказался отъ преждевременнаго рѣшенія и поступилъ, какъ мы думаемъ, строго научно. Не отказавъ себѣ даже въ удовольствіи выразить свой личный взглядъ на дѣло, то-есть готовность свою признать человѣческій организмъ механизмомъ во всей его дѣятельности, хотя это еще и не доказано, почтенный авторъ избѣжалъ однако всѣхъ важныхъ и щекотливыхъ вопросовъ, о свободѣ воли, о первоначальной причинѣ и т. п., которые тѣсно связаны съ тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ вопроса о жизни, наконецъ, положительно устранилъ мысль о дѣятельности организма, какъ *чистою механизма*. «Организмъ есть механизмъ, говоритъ онъ, и дѣйствуетъ механически потому, что дѣйствія его *необходимо опредѣляются взаимнымъ расположеніемъ и приспособленіемъ его органовъ*. Но организмъ отличается отъ механизма тѣмъ, что онъ обладаетъ жизненностью, что его *главная пружина*, пружина, приводящая его въ дѣйствіе — *чувствительность* и дѣйствія его, называемыя механическими, или автоматическими, всѣ *опредѣляются импульсомъ управляющихъ ими ощущеній*... (стр. 137). «Изъ того, что было уже сказано, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ (172 стр.), читатель можетъ заключить, что мы не признаемъ никакого дѣйствительнаго, никакого существеннаго различія между дѣйствіями произвольными и непроизвольными. *Всѣ они производимы. Сознательность составляетъ источникъ всѣхъ ихъ*». Мн

ограничиваемся этими цѣтатами изъ Льюиса, считая ихъ достаточными для нашей цѣли — показать ту воздержность и осторожность, которая руководить постоянно Льюисомъ при произнесеніи имъ суда надъ важнѣйшими и труднѣйшими вопросами жизни, хотя онъ и очень хорошо знаетъ, «что результаты научныхъ изслѣдованій въ теченіе многихъ столѣтій постепенно склонялись, и въ послѣднее время быстро склоняются къ тому заключенію, что животный организмъ устроенъ на началахъ аналогическихъ съ тѣми, на которыхъ основывается устройство машинъ.» Нѣкоторые именно и сфавятъ въ упрекъ остроумному популяризатору его нерѣшительность, прямо и до конца идти по извѣстному направленію, его, какъ-бы, уступки прежнему порядку мыслей; но въ чемъ же бы и заключались самостоятельныя достоинства мыслителя, еслибы онъ, подобно толпѣ, давалъ нести себя извѣстному направленію мысли и принималъ безъ контроля всѣ лежащія на этомъ пути выводы, прежде чѣмъ они окончательно доказаны строгимъ и точнымъ изслѣдованіемъ.

Но пора, наконецъ, перейти и къ статьѣ г. Сѣченова: «Рѣфлексы головного мозга», по поводу которой мы ужъ успѣли потревожить столько мыслителей. Г. Сѣченовъ очевидно *склонился* въ ней окончательно къ тому заключенію, что животный организмъ устроенъ на началахъ аналогическихъ съ тѣми, на которыхъ основывается устройство машинъ. Но этого мало, что онъ склонился; въ этомъ даже, какъ мы сейчасъ замѣтили, не было бы никакой заслуги, такъ-какъ, по объясненнымъ отчасти причинамъ, къ этому склоняется мышленіе большинства. Заслуга его иная— онъ попытался представить довольно цѣльный и полный, хотя и краткій, опытъ разясненія всей такъ-называемой душевной дѣятельности человѣка чисто-механическимъ образомъ, говоряными словами, привести всю дѣятельность человѣка къ роковой, механической необходимости, условливаемой какъ физическимъ устройствомъ человѣческаго тѣла, такъ и исключительно физическими на него влияніями. Въ его опытѣ не остается уже ничего неяснаго, туманнаго, каковы были духъ въ ученіи прежнихъ философовъ или чувствительность, производящая импульсъ, у Льюиса. Попытка во всякомъ случаѣ любопытная, и мы считаемъ безинтереснымъ разобрать ее съ полнымъ вниманіемъ и подробностію, безъ которыхъ была бы невозможна серьезная и справедливая ея оцѣнка. Прослѣдимъ же тщательно за ходомъ мысли и доказательствамъ, въ которыхъ развиваетъ г. Сѣченовъ свое воззрѣніе.

«Все безконечное разнообразіе внѣшнихъ проявленій мозговой дѣятельности сводится окончательно къ одному лишь явленію —

къ мышечному движенію. Смѣется ли ребѣнокъ при видѣ игрушки, улыбаются ли Гарибальди, когда его гонять за излишнюю любовь къ родинѣ, дрожить ли дѣвушка при первой мысли о любви, создаетъ ли Ньютонъ міровые законы и пишетъ ихъ на бумагѣ — вездѣ окончательнымъ фактомъ является мышечное движеніе. Чтобы помочь читателю поскорѣе помириться съ этою мыслью, я ему напомню рамку, созданную умомъ народовъ и въ которую укладываются всѣ вообще проявленія мозговой дѣятельности; рамка эта — *слово и дѣло*. Подъ *дѣломъ* народный умъ разумѣть, безъ сомнѣнія, всякую внѣшнюю механическую дѣятельность человѣка, которая возможна лишь при посредствѣ мышцъ. А подъ *словомъ* уже вы, вслѣдствіе вашего развитія, должны разумѣть, любезный читатель, извѣстное сочетаніе звуковъ, которые произведены въ гортани и полости рта при посредствѣ опять тѣхъ же мышечныхъ движеній. Итакъ, всѣ проявленія мозговой дѣятельности, дѣйствительно, могутъ быть сведены на мышечное движеніе.»

И такъ вопросъ поставленъ ясно. И надобно сознаться, что съ сказаннымъ до сихъ поръ въ общихъ чертахъ г. Свѣченымъ трудно не согласиться. Не будемъ же преждевременно, не рассматривъ строго всѣхъ доводовъ автора, спорить съ нимъ теперь же о точности или неточности, о преждевременности или современности его общаго положенія.

И такъ мы готовы признать, что вся внѣшняя, доступная чувствамъ другихъ душевная дѣятельность человѣка можетъ быть сведена или разложена на мышечныя движенія. Но это только начало разсужденія г. Свѣчнова. Непосредственно затѣмъ, рядомъ опытовъ, отчасти уже извѣстныхъ читателю, хотя бы на примѣрѣ изъ физиологіи Льюиса, авторъ ведетъ насъ къ выводу, что въ сущности каждое мышечное движеніе, а слѣдовательно, и вся сложная масса движеній, представляющихъ внѣшнюю сторону такъ-называемыхъ психическихъ процесовъ, есть явленіе ровное, машинное, неотразимо-являющееся при данномъ устройствѣ нервныхъ путей въ организмъ и при извѣстномъ внѣшнемъ на него стимулѣ. Пойдемъ же за нимъ и по этому пути, но съ тою осторожностью, которую г. Свѣчновъ самъ себѣ рекомендуетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ.

Дѣло начинается съ простѣйшей формы такъ-называемыхъ невольныхъ движеній, и притомъ сначала не на головномъ мозгу, а на спинномъ. Было уже и прежде извѣстно, что нѣкоторыя животныя, будучи даже обезглавлены, производятъ нѣкоторое время, при возбужденіи ихъ различнымъ образомъ, рядъ внѣшнихъ дѣйствій, совершенно соответствующихъ тому цѣлесообразному обра-

зу дѣйствій, которыя бы они, при данныхъ возбужденіяхъ, произвели съ цѣлымъ головнымъ мозгомъ, то-есть, какъ говорится, сознательно, при помощи воли. Очевидно, стало-быть, что головной мозгъ не есть неизбѣжное условіе для того, чтобы животное могло дѣйствовать до извѣстной степени, какъ-бы цѣлесообразно, и что происходящія при этомъ движенія, какъ, на примѣръ, отдергиванье ноги при уколѣ и т. п., имѣющія видъ цѣлесообразныхъ, необходимо, стало-быть, принять въ сущности за роковыя, неизбѣжныя явленія, условливаемые вовсе не сознательною волею, но чисто-физиологическими причинами, каковы устройство и сочетаніе нерва и мышцъ... Отсюда сама собою рождается мысль, не простирается ли эта машино-образность и на всѣ мышечныя движенія, обнимающія, какъ выше было замѣчено, всѣ внѣшнія проявленія психической дѣятельности. Дѣйствительно, при трудности ясно и точно отличать то, что называется чисто-рефлективнымъ, то-есть произвольнымъ дѣйствіемъ, отъ мышечныхъ движеній, управляемыхъ сознательною волею, весьма многое склоняетъ къ мысли, что всѣ они однородны по своему характеру. Принявъ за стимулъ жизни чувствительность, Льюисъ, какъ мы видѣли, призвалъ всѣ мышечныя движенія произвольными, сознательными. Г. Сѣменовъ склонился къ другому взгляду: онъ думаетъ, что всѣ безъ исключенія мышечныя движенія машинны и что, слѣдовательно, вся жизнь человѣка происходитъ роковымъ образомъ. Но какъ доказать это? Единственный, вполнѣ рacionales, строгій и безошибочный путь состоялъ бы въ слѣдующемъ. Опредѣлить съ точностью всѣ тѣ естественныя роковыя связи между различными, соединенными нервами, частями человѣческаго тѣла, показать какъ съ самого перваго появленія своего на свѣтъ извѣстный организмъ, подъ вліяніемъ извѣстныхъ стимуловъ, долженъ былъ неотразимо дѣйствовать, затѣмъ представивъ себѣ схематически, постепенно естественныя измѣненія организма и всю массу дѣйствующихъ не него непрерывно стимуловъ, прослѣдить постепенно усложненіе совершающихся въ этомъ организмѣ невольныхъ рефлексовъ. Еслибы такое примѣрное построеніе всѣхъ сложныхъ дѣятельностей организма, единственно на основаніи произвольныхъ рефлексовъ, дало бы намъ въ результатѣ объясненіе всѣхъ сложныхъ явленій, встрѣчаемыхъ дѣйствительно въ живыхъ организмахъ, вопросъ былъ бы, конечно, рѣшенъ окончательно, то-есть, было бы несомнѣнно доказано, что вся, такъ-называемая духовная сторона жизни данного организма есть простой продуктъ физиологической дѣятельности организма, и что все, противорѣчащее этому въ нашемъ самосознаніи, есть простое самообольщеніе. Но такая полная попытка разъяснить дѣло очевидно невозможна,

по крайней-мѣрѣ, въ настоящее время, когда ни анатомія не достигла еще того, чтобы указать отчетливо физическій органъ или путь для каждой психической функціи, ни психологія не успѣла еще разобрать и разложить до послѣдней простоты всего сложнаго міра душевныхъ процессовъ. Наконецъ одна физическая громадность такой дробной и сложной исторіи организма, веденной не по днямъ или часамъ, но по мгновеніямъ и часто подъ разнообразными, сложнѣйшими вліяніями, превышаетъ силы человѣка. Итакъ, г. Сѣченову оставался другой путь для доказательства его мысли. А именно, установивъ ясно и точно типъ аппарата такъ-называемаго рефлекса, то-есть мышечнаго движенія, неотразимо происходящаго при извѣстномъ возбужденіи, устранить всѣ сомнѣнія въ возможности такого чистаго, ничему другому неподчиненнаго отраженнаго движенія, и затѣмъ прослѣдивъ до извѣстной поры, шагъ за шагомъ, схематическое развитіе и усложненіе такого аппарата въ дальнѣйшемъ — удовлетвориться лишь нѣсколькими опытами сведенія наиболѣе сложныхъ психическихъ актовъ къ простому рефлексу. Этоть-то именно сокращенный путь и выбралъ по необходимости г. Сѣченовъ. Посмотримъ же, по крайней-мѣрѣ, на сколько вѣрнъ онъ остался этому упрощенному и, какъ мы замѣтили выше, не-исполнѣ удовлетворительному методу.

Итакъ прежде всего, чтѣ же такое рефлексъ въ его простомъ, чистомъ, неосложненномъ, типическомъ видѣ? «Вотъ, по словамъ г. Сѣченова, рядъ актовъ, составляющихъ рефлексъ или отраженное движеніе: возбужденіе чувствующаго нерва, возбужденіе спинно-мозгового центра, связывающаго чувствующій нервъ съ движущимъ, и возбужденіе послѣдняго, выражающагося сокращеніемъ мышцы, то-есть мышечнымъ движеніемъ». Оставаясь строгимъ мыслителемъ, авторъ, чтобы доказать исполнѣ мысль о машинности всѣхъ вообще человѣческихъ дѣйствій, долженъ бы въ каждомъ частномъ анализѣ сложнаго психологическаго акта, начать именно съ этой первоначальной, типической формы рефлекса, и по крайней-мѣрѣ нѣсколько шаговъ провести насъ чисто-физиологическимъ путемъ, не дѣлая гипотезъ и не опережая выводовъ данными изъ наблюденій другой области. Такъ ли это, однако?

Разсмотримъ, напр., предложенное г. Сѣченовымъ физиологическое объясненіе одного изъ сложныхъ, психическихъ актовъ, именно образованія представленія предметовъ, хотя, замѣтимъ мимоходомъ, это есть еще одинъ изъ довольно простыхъ актовъ человѣческой души съ точки зрѣнія психологіи. Не забудемъ, что единственная данная, которую мы имѣемъ доселѣ и къ которой мы обязаны

привести объясненіе даннаго явленія, есть типическая форма чистаго рефлекса, то-есть автоматическаго переноса извѣстнаго возбужденія чрезъ мозговой центръ на извѣстное же, неизбѣжное мышечное движеніе. Чего вправѣ мы ожидать въ этомъ случаѣ отъ строгой методы, которой необходимо держаться автору, чтобы получать строго-научные выводы? Прежде всего, разумѣется, онъ долженъ показать намъ, какъ въ зрительномъ аппаратѣ нервъ, или нервы, принимающіе впечатлѣніе, связаны съ нервами мышечными, и какія именно отраженныя движенія должны произойти роковымъ образомъ въ первый разъ, когда устроенный извѣстнымъ образомъ организмъ получаетъ извѣстное впечатлѣніе чрезъ зрительный нервъ. Затѣмъ, какъ мы уже говорили, прежде, чѣмъ перейти къ общимъ соображеніямъ объ образованіи процесса представленія въ его окончательномъ, сложномъ видѣ, онъ долженъ былъ, не отступая ни шагу отъ чисто-физиологическаго пути, показать намъ, вслѣдствіе какой физиологической причины первоначальное, роковое, отраженное движеніе измѣняется въ характерѣ во второй, третій разъ и т. д., совершенствуясь и усложняясь такимъ образомъ въ силу исключительно анатомическихъ и физиологическихъ причинъ, путемъ простаго, роковаго рефлекса. Не совсѣмъ такъ, но все-таки съ чисто-опытныхъ наблюдений начинается г. Сѣченовъ.

«Человѣкъ родился на свѣтъ съ очень незначительнымъ количествомъ инстинктивныхъ движеній въ сферѣ такъ-называемыхъ животныхъ мышцъ, то-есть мышцъ головы, шеи, рукъ, ногъ, и тѣхъ изъ туловищныхъ, которыя покрываютъ костный скелетъ снаружи. Онъ *умѣетъ* отрывать и закрывать глаза, сосать, глотать, вричать, плавать, вить, чихать и проч. Прочія движенія рукъ, ногъ и туловища, безъ малѣйшаго сомнѣнія, происходятъ у него тоже путемъ рефлекса.

«Сфера ощущеній у новорожденнаго также небогата, потому что онъ не умѣетъ ни смотрѣть, ни слушать, ни нюхать, ни осязать. Доказательство этому очень простое: во всѣхъ трехъ актахъ необходима дѣятельность опредѣленныхъ группъ мышцъ, которыми управлять ребѣнокъ при рожденіи положительно не умѣетъ. Напримѣръ, на основаніи научныхъ, доступныхъ, впрочемъ, каждому, наблюдений, чтобы видѣть предметъ, лежащій передъ глазами, необходимо прежде всего направлять ось зрѣнія, такъ, чтобы онъ пересѣкались на предметъ; это же возможно лишь при помощи мышцъ, вращающихъ глазъ во всѣ стороны. У ребѣнка этого искусства нѣтъ: глаза его смотрять всегда неопредѣленно, то-есть ни на чемъ не останавливаются.

Нюхательныхъ движеній тоже, конечно, никто не видалъ на ребѣнкѣ. И тому и другому онъ однако современемъ выучивается».

Остановимся пока на этомъ и осмотримся. Нельзя не сознаться, что приступъ г. Сѣченова съ разу не совсѣмъ удовлетворяетъ насъ. Прежде всего въ немъ нѣтъ еще и тѣни собственно физиологическихъ данныхъ. Наблюдения въ томъ видѣ, какъ они изложены г. Сѣченовымъ, доселѣ принадлежатъ столько же психологii, какъ и физиологii. Психологii точно такъ же наблюдаетъ и знаетъ, что сфера первоначальныхъ инстинктивныхъ движеній и ощущеній у новорожденнаго небогата, и что всѣмъ позднѣйшимъ сложнымъ и цѣлесообразнымъ движеніямъ ребѣнокъ научается впоследствии. Опытная психологii, какова, напримѣръ, Бенеке, представляетъ даже весьма удовлетворительное, хотя и гипотетическое, конечно, объясненіе этому процессу наученія чловѣка управлять своими дѣйствіями и впечатлѣніями. Отъ физиологii мы были вправѣ ожидать инаго, именно, какъ уже сказано, описанія тѣхъ анатомическихъ данныхъ, вслѣдствіе которыхъ чистый рефлексъ въ новорожденномъ ребѣнкѣ даетъ при извѣстныхъ раздраженіяхъ только ту или другую группу движеній и не можетъ дать ничего болѣе, но уже на первыхъ порахъ мы встрѣчаемся въ его разсужденіи съ страннымъ въ этомъ случаѣ выраженіемъ: *умѣть*. Но не представитъ ли намъ далѣе г. Сѣченовъ болѣе физиологическаго объясненія?

«Я разскажу теперь—говоритъ онъ—подробно процессъ выучиванья ребѣнка смотрѣть на предметы, потому что процессъ этотъ можетъ служить нормой первоначальнаго обученія или воспитанія чувства вообще». Затѣмъ идетъ объясненіе устройства глаза и объясненіе того, что называется неяснымъ зрѣніемъ. Предполагая, что читатели, которые могутъ заинтересоваться настоящей статьей, должны быть нѣсколько знакомы съ этимъ предметомъ, мы опускаемъ это предварительное объясненіе и продолжаемъ въ письму.

«Направить оси зрѣнія обоихъ глазъ на предметъ, то-есть выучиться смотрѣть—продолжаетъ г. Сѣченовъ—значитъ, слѣдовательно, установить свои глаза относительно предмета такимъ образомъ, чтобы ощущеніе этого предмета было наирѣзкое. Теперь уже понятенъ процессъ обученія этому искусству. У ребѣнка передъ глазами держать обыкновенно предметы яркихъ цвѣтовъ. Глазъ его, блуждая въ разныя стороны, получаетъ различнои силы свѣтотвыя ощущенія, но сильнѣе всего, когда зрительная

ось упала на предметъ. Мозгъ ребѣнка *такъ устроенъ*, что цвѣтъ, тѣмъ ярче, тѣмъ больше ему нравится. Ясно, что при этомъ условіи ребѣнокъ, безъ всякаго разсужденія, то-есть невольно, будетъ стремиться удержать глазъ въ томъ положеніи, въ какомъ ощущеніе пріятнѣе. Исторія повторяется не разъ, не два, а тысячу; и вотъ ребѣнокъ выучивается смотрѣть. Мышечное движеніе, играющее здѣсь главную роль, есть актъ всегда невольный, развивающійся *въ данномъ направленіи* подъ вліяніемъ привычки, то-есть частаго повторенія движенія въ одномъ и томъ же направленіи. Первый актъ зрѣнія и у взрослого человѣка, слѣдовательно, невольный, хотя и изученный».

Остановимся здѣсь и обратимъ вниманіе на слова, напечатанныя нами курсивомъ. *Мозгъ ребѣнка такъ устроенъ, что цвѣтъ, чѣмъ ярче, тѣмъ больше ему нравится.* Чтѣ же это такое? Развѣ это точная физиологія? Это, во первыхъ, гипотеза довольно смѣлая и притомъ, съ одной стороны, гипотеза вовсе даже не физиологическая, потому что физиологія никогда не въ силахъ будетъ подтвердить ее какими бы то ни было анатомическими изслѣдованіями. *Нравится?* Развѣ повѣрка этого чисто-субъективнаго чувства доступна съ какой либо стороны физиологіи? И притомъ гдѣ же строгій путь физиологическаго объясненія, о которомъ мы такъ много толковали выше? Г. Сѣченову слѣдовало бы указать именно въ устройствѣ мозга необходимость всего сложнаго процесса, которымъ глазъ совершенно безсознательно, независимо отъ какаго бы то ни было субъективнаго ощущенія, долженъ привести въ дѣятельность именно ту связь нервовъ, принимающихъ впечатлѣніе, съ нервами, управляющими мышцами, и именно въ такія положенія, которыя болѣе благопріятны для зрѣнія. Но развѣ онъ это сдѣлалъ или можетъ сдѣлать? Сомнѣваемся. Итакъ, во всякомъ случаѣ, *самый первый* изъ его физиологическихъ доводовъ, долженъ быть отвергнутъ или сочтенъ недоказанною, съ точки зрѣнія физиологіи, гипотезою.

Но посмотримъ далѣе: «Ясно, что при этомъ условіи ребѣнокъ безъ всякаго разсужденія, то-есть невольно, будетъ стремиться удержать глазъ въ томъ положеніи, въ какомъ ощущеніе пріятнѣе». Чтѣ это опять за противорѣчіе? «ребѣнокъ *невольно* будетъ стремиться удержать» и т. д. Какъ же это можно стремиться невольно? Что-нибудь одно: или въ этомъ актѣ приспособленія глаза нѣтъ никакого стремленія, а есть просто роковое, устройствомъ и связью нервовъ условленное развитіе, или уже съ самаго перваго движенія ребѣнка въ этомъ направленіи начинается извѣстный, болѣе или менѣе темный, болѣе или менѣе соз-

ванный, но настоящій, психическій актъ воли, какъ именно и утверждаетъ психологія ; но тогда куда бы пошли всѣ выводы о механизмѣ и проч., составляющіе сущность и цѣль статьи г. Съченова?

Но кстати уже здѣсь соберемъ изъ фізіологической статьи г. Съченова всѣ тѣ странности, часть которыхъ авторъ хотя и оговариваетъ въ концѣ, но при изложеніи дѣла пускаетъ ихъ заурядъ съ доказанными и несомнѣнными фізіологическими истинами, и тѣмъ, какъ намъ вѣжется, путаетъ понапрасну и себя и читателя.

Е. Э— нъ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Второй внутренней 5% русскій заемъ.—Системы займовъ.—Голштинскій вопросъ.—Положеніе дѣлъ въ Венгріи.—Закрытіе прусскихъ палатъ.—Событія въ придунайскихъ княжествахъ.

Говоря въ Политической Хроникѣ послѣдней книжки «Отечественныхъ Записокъ» о положеніи нашихъ финансовъ, мы замѣтили, что у насъ вообще не имѣется въ виду всѣхъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы судить обстоятельно и подробно объ этомъ важномъ предметѣ. Очень понятно, что при такомъ условіи трудно и даже невозможно опредѣлить настоящее значеніе какой либо финансовой мѣры, не вдаваясь при этомъ въ односторонность или въ ошибки. Замѣчаніе это относится во всей своей силѣ и къ объявленному нынѣ второму внутреннему пятипроцентному съ выигрышами займу, который, какъ снѣгъ на голову, упалъ 17-го февраля на русскую биржу. Поэтому, мы предпочитаемъ сослаться только на официальные документы, относящіеся къ этой финансовой операціи, упомянувъ впрочемъ о той обстановкѣ, при которой она предпринята, и присовокупивъ къ этому нѣсколько общихъ замѣчаній, выработанныхъ практикою и наукою о государственныхъ финансахъ.

При заключеніи перваго внутренняго 5% съ выигрышами займа, господствовали у насъ на счетъ этой мѣры два крайнихъ мнѣнія. Одни думали, что предложенная къ подпискѣ сумма не достигнетъ полнаго количества; другіе же, напротивъ, предполагали, что взносы послѣдуютъ въ такихъ размѣрахъ, которые далеко превзойдутъ требуемую сумму.

На дѣлѣ, однако, не сбылось ни то, ни другое. Заемъ состоялся, но подписная сумма, простираясь всего до 115.000,000 руб., не представляла значительнаго избытка противъ той, которая требовалась для реализаціи займа. Предположенія о непокрытіи займа основывались вовсе не на недобѣрихъ со стороны подписчиковъ къ выгодамъ этой финансовой операціи, но на томъ толь-

ко, что у нас вообще страдают въ настоящее время сильными безденежемъ, такъ что по всей вѣроятности не найдется въ наличности достаточныхъ капиталовъ для образованія суммы въ сто милльоновъ рублей серебромъ. Такое предположеніе казалось въ особенности вѣроятнымъ потому, что въ послѣднее время свободные капиталы въ значительныхъ размѣрахъ были обращены у насъ въ разныя частныя и государственныя бумаги. Но допущеніе дѣлать займы изъ банка подъ залогъ тѣхъ же 5% билетовъ съ выигрышами, дало возможность съ избыткомъ реализовать первый заемъ: многие купившіе билеты перваго внутренняго займа, тотчасъ же ихъ закладывали въ банкъ и обратно получали внесенныя суммы; такъ что реализація перваго внутренняго займа не доказывала избытка капиталовъ въ обществѣ.

Заемъ однако состоялся и притомъ съ нѣкоторымъ перевѣсомъ противъ требуемой суммы, но при этомъ никакъ нельзя опредѣлить, на сколько онъ былъ внутреннимъ въ настоящемъ значеніи этого слова, такъ-какъ въ подпискѣ на него участвовали заграничныя банкиры и иностранныя капиталисты.

Наконецъ, нужно принять во вниманіе и два еще слѣдующихъ обстоятельства, содѣйствующихъ успѣху подобныхъ займовъ: положеніе нашего кредита и ту привлекательность, которую, помимо 5% и премій при тиражѣ, представляетъ еще и возможность выигрыша. Что же касается кредита, то при низкихъ извѣстныхъ процентахъ на капиталы, обращающіеся въ кредитныхъ установленіяхъ, и при упадкѣ частнаго кредита, обращеніе свободныхъ капиталовъ въ пятипроцентныя билеты представляло значительную выгоду ихъ владельцамъ, тѣмъ болѣе, что билеты перваго внутренняго займа, при подпискѣ, продавались ниже номинальной ихъ цѣны. Короче, первый внутренній заемъ совершился при самой благоприятной для него обстановкѣ, и далъ поводъ предполагать о возможности, въ случаѣ надобности, прибѣгнуть и другой разъ къ подобной операціи:

Уже нѣсколько времени тому назадъ стали ходить слухи о второмъ внутреннемъ займѣ, но только при этомъ высказывались предположенія, что второй заемъ будетъ заключенъ на условіяхъ еще болѣе выгодныхъ для подписчиковъ, нежели тѣ, которые были при первомъ. Хотя слухи эти и осуществились скорѣе, нежели ожидали, но условія втораго займа остались въ сущности тѣ же, которые были приняты при заключеніи перваго. Необходимость такой мѣры очень понятна. Предлагая второй внутренній заемъ на условіяхъ болѣе выгодныхъ для подписчиковъ, правительство слишкомъ сильно и быстро роняло бы цѣнность билетовъ перваго займа, а съ нимъ и всѣхъ прочихъ государственныхъ бумагъ, которые и безъ того стоятъ на биржѣ невысоко;

правительство, быть можетъ, привлекая этого мѣрою большее число охотниковъ участвовать въ новомъ займѣ, готовило бы, однако, для него въ то же время и весьма невыгодныя условія. Желавшіе подписаться, не въ одной только надеждѣ на выигрышъ, но и съ расчетомъ имѣть у себя процентныя бумаги, твердо державшіяся въ курсѣ, уклонились бы отъ подписки въ виду того, что за вторымъ займомъ можетъ послѣдовать еще и третій, опять на болѣе выгодныхъ условіяхъ, такъ что новый заемъ уронить стоимость билетовъ предшествовавшаго. Такимъ образомъ правительство, удержавъ при настоящемъ займѣ условія предыдущаго займа, и даже затрудиливъ ихъ нѣсколько, поддержало въ нѣкоторой степени цѣнность билетовъ предыдущаго займа, и вселило въ новыхъ подписчиковъ надежду, что приобретаемые ими билеты не слишкомъ упадутъ въ своей стоимости, если и при послѣдующихъ случаяхъ оно будетъ придерживаться этихъ же самыхъ основаній. Впрочемъ, какъ бы то ни было, но опытъ показалъ, что при второмъ займѣ цѣнность билетовъ перваго займа значительно понизилась, и теперь еще нельзя предвидѣть, до чего можетъ дойти это пониженіе.

Цѣль перваго внутренняго 5% съ выигрышами займа, въ 100.000.000 рублей, открытаго на основаніи высочайшаго указа отъ 13 ноября 1864 года, состояла въ томъ, чтобы посредствомъ возврата государственному банку части долгосрочныхъ ссудъ, данныхъ въ прежнее время государственному казначейству на казенныя и общественныя надобности изъ бывшихъ государственныхъ кредитныхъ установленій—права и обязанности которыхъ перешли на государственный банкъ—дать этому учрежденію средства къ развитію своихъ операцій на пользу торговли и промышленности, и чтобы содѣйствовать сооруженію важнѣйшей для государства линіи желѣзныхъ дорогъ, между Москвою и Чернымъ моремъ.

Настоящій же заемъ открытъ въ видахъ безостановочнаго продолженія желѣзныхъ нашихъ дорогъ и дабы возвратитъ банку, для обезначенія развитія его оборотовъ, позайствованныя у него на сооруженіе дорогъ суммы, а съ тѣмъ вмѣстѣ предоставить государственному казначейству средства на покрытіе другихъ лежащихъ на немъ расходовъ.

Сводя эти оба правительственныя заявленія, мы видимъ, что цѣли обоихъ займовъ клонились къ одному и тому же, а именно: къ усиленію денежныхъ способовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, къ возврату государственному банку позайствованныхъ у него государственнымъ казначействомъ суммъ и къ предоставленію послѣднему изъ этихъ учрежденій средствъ покрыть лежащіе на немъ расходы. Такимъ образомъ, настоящій заемъ вызванъ въ сущности тѣми же потребностями нашего финансоваго положенія, какія представлялись и при первомъ внутреннемъ займѣ. Въ промежутокъ времени между двумя займами, то-есть отъ 13-го января 1864 года до 14-го февраля текущаго года,

не представилось никаких особенных, усиленных издержек в нашем государственном бюджете. Это подтверждает и «Общая государственная роспись доходов и расходов на 1866 год», в которую не только не внесено никаких чрезвычайных расходов, но в которой, напротив, оказывается некоторое их сокращение, и в то же время уменьшение дефицита сравнительно с предыдущими годами.

Настоящий заем по его количеству, сроку, числу билетов и серий, а также по их распределению, по тиражу погашения и выкупной сумме на билеты, совершенно сходен с предыдущим займом. Билеты настоящего займа также выкупаются в течение 60 лет по возрастающим ценам, от 120 до 150 руб. за каждый. С этой целью, согласно составленному плану, производится ежегодно, 1-го марта и 1-го сентября, тираж погашения, причем погашается каждый раз надлежащее число билетов цѣлыми сериями.

Уплата по вышедшим в тираж билетам, течение процентов и тираж выигрышей производится по тем же самым правилам, которые были установлены при первом займе. При всех этих условиях, разница между двумя займами заключается в первоначальной стоимости билетов, и в способе взноса причитающихся за них денег. В этом отношении настоящий заем представляет для приобретателей билетов меньше удобств, нежели предыдущий. Впервые, массы билетов нового займа долгое время будут приливать на биржу и производить колебания процентных бумаг, кавія всегда бывають при новых займах. Вторых, от этого же самого, нескоро опять установится определенная на них цена.

При первом займе вносилось при подписке только 10 рублей, и притом допускалась рассрочка в платеж полной суммы для взявших больше 10 билетов, и, кроме того, покупавших билеты в банк они продавались ниже нарицательной их цены, по 98 рублей, так что покупка их в первые руки, благодаря последующему высокому курсу билетов, представляла выгодную спекуляцию для первоначальных приобретателей, которые, при перепродаже, получали впоследствии, вместо внесенных ими 98 рублей за билет, до 117 рублей. При настоящем же займе повидимому желали устранить как дешевизну первоначального приобретения билетов, так и основанную на этой дешевизне слишком выгодную перепродажу билетов. Отнимет ли это условие в значительной степени у последнего займа характер биржевой игры, удержав при существовании двух одинаковых займов однажды купленные билеты второго займа в руках их первоначальных приобретателей — покажет нам недалекое будущее. И без того, при значительном приливе новых билетов, они станут обращаться в таком количестве, что не будут уже предметом столь выгодного для перепродавцев торга, каким были билеты предыдущего займа. Билеты второго

займа назначено продавать по цѣнамъ, которыя будутъ устанавливаться самимъ банкомъ. Это условіе — до сихъ поръ небывалое у насъ, и мало понятное для публики, гдѣ банкъ является соврѣнователемъ частной конторы. Не думаемъ однако, чтобы онъ могъ удержать отъ паденія цѣну прежнихъ билетовъ. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствительныя цѣны на билеты новаго займа будутъ устанавливаться соразмѣрно съ тѣми требованіями, которыя будутъ на нихъ заявляемы. Въ день открытія новаго займа, билеты его продавались по 103 рублей; билеты же перваго займа, упавъ въ своей прежней цѣнѣ, стояли однако въ тотъ же день по 107 рублей.

Принятый способъ совершенія новаго займа, по словамъ официального заявленія, сдѣланнаго въ «Сѣверной Почтѣ», признанъ наиболее сообразнымъ свойству потребностей, для коихъ предназначена эта кредитная операція. На удовлетвореніе ихъ могутъ понадобится отпуски денегъ не вдругъ, а постепенно, а такому ходу дѣла соотвѣтствуетъ и постепенная реализація займа при комисионерской продажѣ его билетовъ въ теченіе нѣкотораго времени, при чемъ для государственнаго казначейства совершеніе займа этимъ способомъ представляетъ ту выгоду, что въ такомъ случаѣ устраняется значительное накопленіе праздныхъ суммъ въ кассахъ, которое убыточно для казны, потому что на эти суммы платятся проценты и всегда бываетъ сопряжено съ нѣкоторымъ стѣсненіемъ частныхъ денежныхъ оборотовъ.

Что же касается вліянія перваго займа на положеніе нашихъ финансовъ, то на счетъ этого имѣются въ настоящее время слѣдующія официальные извѣстія:

По подпискѣ на первый 5% внутренній заемъ, за исключеніемъ расходовъ и учетныхъ процентовъ, предоставленныхъ въ пользу лицъ, дѣлавшихъ взносы до назначенныхъ сроковъ, поступило 99.000,000 рублей. Сумма круглая и доказывающая, что заемъ совершенъ былъ необыкновенно выгодно для правительства въ сравненіи съ заграничными займами! Затѣмъ изъ долговъ государственнаго казначейства бывшимъ кредитнымъ установленіямъ списана сумма, соотвѣтствующая капитальному поступленію по означенному займу, и за произведенными, сверхъ того, въ теченіе 1865 года, уплатами, долговъ этихъ въ 1-му января 1866 г. осталось 58.782,000 рублей.

Суммы, поступившія по первому 5% займу, получили слѣдующее назначеніе: отпущено государственнымъ банкомъ въ ссуду государственному казначейству на расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ 25.000,000 руб., и употреблено на развитіе банковыхъ оборотовъ до 20.000,000 руб., на удовлетвореніе востребованія вкладовъ самого банка и бывшихъ кредитныхъ установленій 16.000,000 руб., остальная же сумма до 38.000,000 руб. обращена на счетъ государственнаго казначейства какъ на покрытие сверхсметныхъ расходовъ, такъ и на операціи по заграничнымъ платежамъ, что дало возможность исполнить загранич-

ные правительственные платежи 1865 года, не истощая на этот предмет денежных средств, такъ что большая часть оказавшагося на 1866 годъ по государственной росписи дефицита могла быть покрыта посредствомъ отчисления на то 12.583,000 руб. изъ суммъ, находящихся въ распоряженіи министерства финансовъ для внѣшнихъ платежей.

Какое распредѣленіе получать суммы нынѣ реализируемаго займа—это неизвѣстно. Можно только сказать, что самымъ неутѣшительнымъ признакомъ положенія нашихъ финансовъ было бы предпочтительное обращеніе этихъ суммъ на покрытіе текущихъ расходовъ, а не на постройку желѣзныхъ дорогъ и на платежи долговъ.

Въ заключеніе скажемъ, что если настоящій заемъ состоится, то доставленная имъ сумма, при предполагаемой продажѣ билетовъ, выше ихъ номинальной цѣны, должна быть значительнѣе 100.000,000 рублей. Конечно, это будетъ зависѣть отъ курса билетовъ обонхъ займовъ, а главное, отъ того, съ какимъ успѣхомъ пойдетъ за границу и въ провинціяхъ подписка.

Система внутреннихъ займовъ, которую съ 1864 года приняло наше правительство, возникла впервые за семьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Англіи. Первый подобнаго рода заемъ былъ открытъ въ Лондонѣ 1 декабря 1796 года подъ именемъ «loyalty loan», т.-е. займа изъ преданности къ правительству. Этотъ заемъ доставилъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, 18 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Такую попытку въ 1844 году сдѣлало нидерландское правительство, съ цѣлью обратитъ 5% заемъ въ 3%. Попытка эта увѣчилась полнымъ успѣхомъ. Во Франціи этой системѣ придали названіе національной подписки, и первый разъ къ ней обратилось правительство короля Луи-Филиппа. Обрѣтѣй тогда заемъ состоялся, хотя и не было великаго прилива капиталовъ. Въ настоящее же время такая система займовъ установилась во Франціи окончательно. Въ Австріи внутренній заемъ въ 1854 году неудался, и тамошнее правительство должно было обратиться къ посредству иностранныхъ банкировъ, придавъ только этому займу видъ внутренняго займа. Система внутреннихъ займовъ перешла нынѣ въ Италію. Первую такого рода попытку сдѣлало, съ блестящимъ успѣхомъ, піемонтское правительство въ 1859 и 1861 годахъ. Подписка происходила не только въ Сардиніи, но и во вновь присоединенныхъ къ сардинскому королевству областяхъ. Впослѣдствіи однако, заемъ 1863 года не былъ такъ удаченъ; итальянское правительство должно было обратиться къ содѣяствію банкировъ, такъ что заемъ былъ покрытъ публичною на него подпискою въ Туринѣ, Парижѣ и Лондонѣ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ Англіи, гдѣ система внутренняго займа была употреблена только однажды, система эта до сихъ поръ привилась окончательно только во Франціи. Тамъ она представляла самыя блестящія результаты. Такъ, когда во

Франціи, въ 1854 году, былъ объявленъ заемъ въ 250 милліоновъ франковъ, подписная сумма достигла 667 милліоновъ, а другой разъ въ томъ же году, когда требовалось 500 милліоновъ, составила подписка въ 2,175 милліоновъ. Въ 1855 году требовалось 750 милліонъ франковъ, подписались же на 3,653 милліона и наконецъ, когда въ 1859 году требовалось 500 милліоновъ, подписка простиралась до 2,510 милліоновъ.

Несмотря однако на эти результаты, та медленность, которая была замѣчена при подпискѣ на четвертый заемъ, сравнительно съ той быстротой, которою сопровождался первый заемъ, заставляетъ убѣдиться, что эта система, даже во Франціи, требуетъ большой осмотрительности, такъ-какъ при учащенныхъ займахъ, каждый новый заемъ непременно роняетъ стоимость билетовъ предыдущаго займа, и это обстоятельство заставляетъ призадумываться новыхъ подписчиковъ, изъ которыхъ многіе или имѣютъ уже билеты предшествовавшихъ займовъ и, слѣдовательно, не желаютъ подорвать самихъ себя, или опасаются, что новый заемъ испытаетъ участь прежнихъ, такъ что не видать въ немъ случая для выгоднаго помѣщенія своихъ капиталовъ. Надо впрочемъ сказать, что при той системѣ займовъ, о которой мы теперь говоримъ, прибавляется обыкновенно одинъ весьма дѣйствительный стимулъ — а именно лотерейные выигрыши, но эта прибавка къ займу имѣетъ своего рода, всѣмъ очень хорошо извѣстныя какъ нравственныя, такъ и экономическія неудобства, усиленно, посредствомъ лотерей, отвлекаетъ капиталы отъ обыкновенныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и направляетъ ихъ въ другую сторону.

Обращаясь затѣмъ къ сравнительной оцѣнкѣ двухъ системъ государственныхъ займовъ, надобно сказать, что система внутреннихъ займовъ имѣетъ во многихъ отношеніяхъ преимущество передъ системой займовъ внѣшнихъ. займы перваго рода дѣлаются по крайней-мѣрѣ гласно, тогда такъ иногда внѣшніе займы заключаются въ иныхъ государствахъ по секретному соглашенію между правительствами и банкирами, и потому они совершенно неожиданно появляются въ долговой государственной книгѣ. Кромѣ того, при внутреннихъ займахъ сберегаются коммисіонерскіе проценты и не вывозятся денежные суммы за границы. Конечно, послѣднее бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда заемъ дѣлается внутреннимъ въ полномъ значеніи этого слова безъ участія въ немъ иностранныхъ банкировъ, что, впрочемъ, случается чрезвычайно рѣдко, такъ-какъ билеты выгоднаго внутренняго займа пріобрѣтаются иностранными банкирами и обращаются въ большомъ количествѣ на иностранныхъ биржахъ.

Если въ послѣднемъ нашемъ обзорѣніи заграничныхъ событій намъ не приходилось говорить ни объ одномъ замѣчательномъ фактѣ кромѣ адреса венгерскаго сейма, то теперь, напротивъ;

представляются два случая, обращающих на себя особенное внимание: а именно распушение прусских палатъ и переворотъ, совершившійся въ Бухарестѣ. Къ этому надобно прибавить свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Венгріи и извѣстія о взаимныхъ отношеніяхъ между Австріей и Пруссіей по шлезвиг-голлштинскому вопросу, хотя, безъ всякаго сомнѣнія, сдѣлка на счетъ его только между кабинетами вѣнскимъ и берлинскимъ не приведетъ его въ окончательной развязкѣ. Нынѣ политическіе вопросы въ Европѣ до того запутаны и связаны между собою, а вліяніе на нихъ со стороны первенствующихъ европейскихъ кабинетовъ такъ чувствительно и сложно, что никакъ нельзя ручаться за то, чтобы разрѣшеніе какаго-либо изъ упомянутыхъ вопросовъ нѣкоторыми державами безъ согласія или одобренія другихъ не привело еще большей запутанности. Господствующіе въ современной европейской политикѣ принципы не только не установились еще окончательно, но даже очень часто противорѣчатъ одинъ другому при практическомъ ихъ примѣненіи. Такъ, принципъ національностей, пущенный въ ходъ Наполеономъ, поддерживается имъ на дѣлѣ весьма слабо и уклончиво, а между тѣмъ, подъ защитою этого принципа, успѣла Пруссія вести за собою разноплеменную Австрію, для которой принципъ національностей долженъ быть самымъ грознымъ призракомъ. Революціонныя стремленія въ Европѣ обусловливаются весьма сильно идеею національностей, а между тѣмъ, эту идею сумѣлъ прежде всего воспользоваться прусскій министръ Бисмаркъ, конечно слишкомъ несочувствующій всякимъ революціоннымъ тенденціямъ. Австрія, уступая тяготѣнію Пруссіи, послала свои войска, составленныя преимущественно изъ славянъ, въ приальбскія герцогства во имя національнаго нѣмецкаго единства, а между тѣмъ, сама она не можетъ никакъ устроить у себя государственнаго единства съ преобладаніемъ надъ нимъ нѣмецкаго элемента.

Впрочемъ, если нѣкоторыя газеты заговорили о сближеніи Австріи и Пруссіи по голштинскому вопросу, за то другія газеты увѣряютъ, что взаимныя отношенія двухъ этихъ державъ, по упомянутому вопросу, сдѣлались теперь натянутыми болѣе, чѣмъ когда нибудь. «Ostdeutsche Post» сообщаетъ, что берлинскій кабинетъ предлагалъ сначала Австріи денежное вознагражденіе за Голштинію; что потомъ онъ выступилъ съ предложеніемъ объ окончательномъ раздѣлѣ герцогствъ, такъ чтобы Голштинія осталась за Австріей, а Шлезвигъ перешелъ бы окончательно подъ власть Пруссіи, но, какъ замѣчаетъ упомянутая газета, и этотъ планъ не имѣетъ никакого успѣха. Соперничество въ приальбскихъ герцогствахъ двухъ первенствующихъ державъ въ настоящее время весьма замѣтно. Австрія, взявъ въ свое распоряженіе Голштинію съ главнымъ городомъ герцогства—Килемъ, приобрѣла, вслѣдствіе этого, преобладающее вліяніе на шлезвиг-голлштинскую партію. Между тѣмъ феодалы, сочувствующіе прусскимъ порядкамъ, прислали отъ себя въ Берлинъ заявленіе въ пользу

скорѣйшаго соединенія герцогствъ съ Пруссіею. Съ своей же стороны мѣстное голштинское правительство, подѣ влияніемъ австрійскихъ властей, объявило на дняхъ о необходимости судебного преслѣдованія лицъ, сдѣлавшихъ упомянутое заявленіе, и обратилось къ австрійскому генералу Габленцу съ просьбою составить особую комисію для разсмотрѣнія бюджета герцогствъ. Генераль Габленцъ отвѣчалъ на это, что онъ признаетъ необходимость созванія мѣстнаго національнаго представительства на основаніи закона 1854 года, но какъ для такого созванія требуется согласіе Пруссіи, то въ ожиданіи его, австрійское правительство, признавая съ своей стороны обязательными для себя законы 1854 года, соглашается на чрезвычайное собраніе мѣстныхъ представителей. Очевидно, что всѣ эти демонстраціи направлены противъ Пруссіи, которая не хочетъ признать никакой самостоятельности герцогствъ, и не думаетъ вовсе собирать тамошнихъ представителей, въ виду того, что герцогства, по соглашенію съ Австріей, должны будутъ составить часть прусской монархіи.

Такое положеніе дѣлъ заставило одну изъ прусскихъ газетъ, служащую органомъ графа Бисмарка, объявить, что Пруссія во всякомъ случаѣ прекратитъ споръ о герцогствахъ на бумагѣ, но что, вмѣстѣ съ этимъ, она еще рѣшительнѣе будетъ дѣйствовать для окончательнаго разрѣшенія вопроса о герцогствахъ въ смыслѣ германскихъ и прусскихъ интересовъ. Очень понятно, что въ силу той политики, которой держится прусскій первенствующій министръ и при которой прусскіе интересы только прикрываются германскими, Пруссія, прекративъ споръ о герцогствахъ на бумагѣ, постарается инымъ способомъ упрочить за собою если не герцогства, то свое преобладающее надъ ними влияніе.

Такимъ образомъ шлезвиг-голштинскій вопросъ приводитъ къ раздору двѣ главныя германскія державы. Такое послѣдствіе неизбежно, если сообразить то противорѣчіе политическихъ принциповъ, о которомъ мы говорили и которое отразилось на политикѣ Австріи, вздумавшей ратоборствовать за идею національности, и на политикѣ Пруссіи, предпочитающей свои собственные интересы національнымъ интересамъ Германіи. Ложная точка отправленія, принятая двумя великими германскими державами, должна была направить всѣ ихъ дѣйствія на затруднительную дорогу и обнаружить ихъ тайные расчеты и своекорыстныя цѣли.

Для того, чтобъ Австрія могла дѣйствовать по вопросамъ внѣшней политики съ большею самостоятельностью, ей необходимо прежде всего устроить окончательно свои внутреннія дѣла, находящаяся нынѣ въ положеніи весьма неблагоприятномъ. Предполагаемое сближеніе съ Венгріей, которое должно послужить крае-

угольнымъ камнемъ этого устройства, оказывается нинѣ дѣломъ весьма нелегкимъ. Въ предшествовавшемъ обзорѣннѣ мы говорили о представленномъ императору Францу-Иосифу палатою венгерскихъ депутатовъ адресъ, отдаляющемъ соглашеніе Венгріи съ австрійскимъ правительствомъ. Требования, заявленныя въ этомъ почтительно-откровенномъ адресѣ, далеко не соответствуютъ тѣмъ предположеніямъ на счетъ политическаго устройства Венгріи, которыя были высказаны императоромъ Францомъ-Иосифомъ въ его тронной рѣчи, и которыхъ, какъ видно, онъ намѣренъ твердо держаться.

Въ настоящее время извѣстенъ и адресъ венгерской палаты магнатовъ. Въ этомъ адресѣ, повидимому, проглядываютъ болѣе примирительныя чувства, но въ сущности и палата магнатовъ, несмотря на высказываемую ею преданность габсбургской династїи, въ требованіяхъ на счетъ устройства Венгріи далеко расходится со взглядомъ императора Франца-Иосифа на этотъ предметъ. Адресъ палаты магнатовъ собственно есть не что иное, какъ только торжественное заявленіе въ пользу конституціонныхъ правъ Венгріи, какъ государства, добровольно присоединившагося къ австрійской монархіи и находящагося съ нею только въ династической связи. Сравнивъ главныя мысли адреса палаты магнатовъ съ тѣмъ, что было высказано въ адресѣ палаты депутатовъ, нельзя не согласиться, что магнаты только повторили то, что, прежде ихъ, высказали депутаты.

Послѣ общихъ благодарственныхъ фразъ императору за его расположеніе къ Венгріи, магнаты заявляютъ, что съ одной стороны они признаютъ соединеніе подъ его властью наследственныхъ владѣній габсбургскаго дома не слѣпымъ случаемъ, но результатомъ внутренней потребности всѣхъ отдѣльныхъ частей монархіи, и что такое соединеніе представляетъ необходимое условіе для сохраненія европейскаго мира. Съ другой же — продолжаютъ магнаты — мы твердо увѣрены, что прочія области монархіи поймутъ, какою могущественною поддержку найдутъ ихъ политическая жизнь и конституціонная свобода, если Венгріи будетъ предоставлено то устройство, на которое она имѣетъ право, и если будутъ удовлетворены ея матеріальныя и нравственныя интересы.

Вслѣдъ затѣмъ, магнаты говорятъ, что такъ-какъ уваженіе къ національнымъ законамъ должно служить исходной точкой при обсужденіи общихъ интересовъ монархіи, то палата магнатовъ считаетъ себя въ правѣ заявить императору, что она при этомъ не можетъ принять съ своей стороны никакого инаго основанія, какъ только уваженіе къ національнымъ учрежденіямъ Венгріи.

Далѣе высказывается въ адресѣ слѣдующая мысль объ отношеніи Венгріи къ монархіи Габсбурговъ:

Такъ-какъ земли, принадлежація коронѣ св. Стефана, всегда, съ самаго основанія королевства венгерскаго, пользовались конституціонными учрежденіями и перешли подъ власть габсбург-

скаго дома подъ тѣмъ условіемъ, что эти учрежденія будутъ сохранены ненарушимо, то Венгрія не можетъ смотрѣть на февральскій дипломъ, какъ на законный источникъ конституціонныхъ своихъ правъ, недопуская ихъ ни въ какомъ случаѣ отъѣтъ прежняго порядка, или какъ на источникъ возстановленія этихъ правъ. Венгрія, по словамъ адреса, можетъ видѣть въ этомъ дипломѣ лишь основаніе конституціонныхъ учреждений для другихъ частей монархіи.

Еще менѣе одобряетъ адресъ примѣненіе къ Венгрії де-кабрьскаго патента, такъ-какъ это примѣненіе равнялось бы уничтоженію важнѣйшихъ конституціонныхъ правъ, обезпеченныхъ за Венгрію прагматическою санкціею. Наконецъ, въ адресѣ прямо говорится, что законы Венгрии, какъ прежніе такъ и новыя, требуютъ, чтобы венгерское правительство было независимо и отвѣтственно передъ сеймомъ и что немедленное возстановленіе муниципій, этой драгоцѣнной и дѣйствительной опоры венгерской конституціи, составляетъ главный предметъ національныхъ желаній. Вслѣдствіе этого, палата магнатовъ ожидаетъ, въ самомъ непродолжительномъ, по возможности, времени, учрежденія венгерскаго правительства, законнаго, независимаго, сосредоточеннаго въ рукахъ нѣсколькихъ лицъ.

Нетрудно было предвидѣть, въ какомъ смыслѣ долженъ былъ послѣдовать со стороны императора Франца-Иосифа отвѣтъ на подобныя заявленія сейма, несходныя съ его взглядами на отношенія Венгрии къ главѣ австрійской монархіи. Дѣйствительно, 20-го февраля (5 марта) на венгерскомъ сеймѣ былъ прочитанъ рескриптъ императора въ отвѣтъ на представленныя ему адреса. Сущность этого отвѣта заключается въ слѣдующемъ:

Императоръ признаетъ нераздѣльнымъ какъ благоденствіе Венгрии, такъ и прочихъ подвластныхъ ему народовъ. Вслѣдствіе этого, онъ считаетъ необходимымъ, чтобы законы Венгрии не противорѣчили условіямъ этого благоденствія и, въ случаѣ крайности, были бы измѣнены для этой цѣли. Императоръ желаетъ возстановленія венгерской конституціи, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы не осталось ничего неопредѣленнаго относительно того, чѣмъ обуславливается благо всѣхъ его подданныхъ и сила монархіи. Хотя, сказано далѣе въ отвѣтѣ, императоръ и не требуетъ, чтобы Венгрія отказалась отъ своей конституціи, но считаетъ необходимымъ пересмотръ законовъ 1848 года, такъ-какъ нѣкоторыя статьи этихъ законовъ неоднократно нарушаютъ права государя. Императоръ не желаетъ допустить, чтобы палатинъ, снабженный слѣшкомъ большимъ полномочіемъ, заступалъ мѣсто короля и чтобы сеймъ не могъ быть распущенъ до утвержденія бюджета палатами. Возстановленіе муниципальныхъ правъ Венгрии императоръ находитъ затруднительнымъ и признаетъ нужнымъ отмѣнить законъ о національной гвардіи, которая, по мнѣнію императора, обременяетъ народъ, не содѣйствуя общественной безопасности. Императоръ указываетъ и на то, что и всѣ прочія статьи зако-

новъ 1848 года должны быть пересмотрѣны, такъ-какъ онѣ составлены слишкомъ скоро, безъ зрѣлой обдуманности. Въ виду такой противоположности во взглядахъ императора на права Венгрии со взглядами, высказанными сеймомъ, Францъ-Иосифъ, чувствуя значеніе коронаціонной присяги, отказывается утвердить то, чему онъ долженъ принести ее.

Сопоставляя адреса обѣихъ венгерскихъ палатъ и отвѣтъ императора на эти адреса, можно видѣть, что какъ та, такъ и другая сторона далеки отъ взаимнаго сближенія, несмотря на обмѣнъ примирительныхъ выраженій. Такое разъединеніе во мнѣніяхъ обѣихъ сторонъ по одному и тому же дѣлу происходитъ отъ основнаго на него взгляда. Венгерцы, отвергая и февральскій и декабрьскій патенты, настаиваютъ на непрерывной законности венгерской конституціи, которая, по ихъ мнѣнію, была уничтожена австрійскимъ правительствомъ самопроизвольно. Отсюда стремленіе ихъ удержать на практикѣ руководящій ими принципъ, и тѣмъ самымъ оградить права Венгрии на будущее время, доказать, что родина ихъ пользуется политическими правами не по милости австрійскихъ государей, но сохраняетъ свои исконныя права безъ всякаго перерыва. Съ точки зрѣнія императора такіа стремленія Венгрии представляются уклоненіемъ Венгрии отъ дѣйствія на нее правъ верховной власти, и онъ, пытаясь сблизиться съ Венгріей, исходитъ отъ другого начала. Онъ считаетъ, что всѣ измѣненія, произведенныя въ древней венгерской конституціи по его волѣ, должны быть признаны законными, тогда какъ, наоборотъ, всѣ измѣненія, принятыя сеймомъ, но неутвержденныя императорскою властью, есть только присвоеніе правъ, не принадлежащихъ Венгрии. При такой противоположности невозможно достигнуть соглашения безъ существенныхъ уступокъ, а между тѣмъ при нихъ неизбѣжно должны будутъ поколебаться основы или монархической власти или національнаго представительства Венгрии. По всему этому можно предвидѣть, что венгерскій вопросъ нескоро еще приблизится къ окончательной развязкѣ и что, по всей вѣроятности, начавшееся теперь сближеніе Австріи съ Венгріей кончится распущеніемъ венгерскаго сейма.

Въ конституціонныхъ государствахъ распущеніе представительныхъ собраній служитъ довольно вѣрнымъ орудіемъ правительствъ если не для совершеннаго устраненія ихъ столкновеній съ палатами, то, по крайней мѣрѣ, къ отдаленію на нѣкоторое время тѣхъ бурь, которыя грозятъ разразиться надъ страномъ вслѣдствіе подобныхъ столкновеній. Успѣшность такой системы всего замѣтнѣе обнаружилась теперь въ Пруссіи, гдѣ правительство постоянно, изъ года въ годъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ.

Хотя и можно было предвидѣть, что ходъ преній въ палатѣ прусскихъ депутатовъ не поведетъ къ соглашенію между ею и правительствомъ, и что послѣднее употребитъ ту мѣру, о которой мы сейчасъ говорили, но тѣмъ не менѣе закрытіе прусскаго сейма было событіемъ внезапнымъ. 10-го (22-го) февраля, по окончаніи преній, вызванныхъ проектомъ адреса, подавнымъ со стороны одного изъ католическихъ депутатовъ, всталъ неожиданно графъ Бисмаркъ. «Я долженъ сообщить палатѣ — началъ онъ — два слѣдующихъ королевскихъ повелѣнія», и затѣмъ онъ прочелъ эти повелѣнія.

Въ первомъ изъ нихъ, на основаніи 77 статьи конституціи, король поручилъ президенту государственнаго министерства, графу Бисмарку-Шенгаузену, закрыть именемъ его величества нынѣшнее засѣданіе обѣихъ палатъ сейма. Чтеніе этого повелѣнія вызвало въ палатѣ сильное движеніе и знаки удивленія, и въ то же время раздались крики: браво! въ средѣ консервативной партіи. Во второмъ повелѣніи, на основаніи 52 статьи конституціи, объявлялось, что засѣданія палатъ сейма отсрочиваются до конца нынѣшней сесіи.

На другой день, въ малочисленномъ собраніи палаты депутатовъ, графъ Бисмаркъ держалъ рѣчь, имѣющую въ сущности значеніе обвинительнаго акта противъ палаты депутатовъ. Рѣчь эта важна въ томъ отношеніи, что въ ней формулируются тѣ причины, которыя побудили короля закрыть засѣданія сейма.

Изъ словъ графа Бисмарка видно, что хотя королевское правительство и не ожидало немедленнаго разрѣшенія конституціоннаго спора, продолжающагося между правительствомъ и палатой депутатовъ, но что все-таки оно надѣялось на устраненіе той рѣзкой протівоположности, которая обнаруживалась между поступками палаты депутатовъ съ одной стороны, съ поступками короны и палаты господъ — съ другой стороны.

Затѣмъ, графъ Бисмаркъ напомнилъ о рѣчи президента палаты депутатовъ. Въ рѣчи этой, по отзыву Бисмарка, Грабовъ «дѣлалъ неосновательные упреки королевскому правительству, выражая такимъ образомъ враждебное правительству настроеніе большинства палаты». Графъ Бисмаркъ находить, что такому первоначальному проявленію соотвѣтствовала и вся послѣдующая дѣятельность палаты, такъ-какъ дѣятельность эта была направлена не къ миру, а къ продолженію распри. Палата, по мнѣнію министра, перешла границу своихъ конституціонныхъ правъ, порицая присоединеніе Лауэнбурга къ прусской коронѣ, принятое съ живѣйшею радостью всею странюю; палата посягала на независимость судовъ, обезпеченную за ними конституціею; палата нарушила 47 статью конституціи, присвоивъ себѣ право исполнительнаго власти, принадлежащее единственно королю, такъ-какъ она предписывала чиновникамъ правила относительно исполненія ими служебныхъ ихъ обязанностей.

Въ виду всего этого, правительство, по словамъ Бисмарка, почувствовало опасеніе, что путь, на который вступила палата депутатовъ, поведетъ страну къ новымъ серьезнымъ раздорамъ, и затруднитъ окончаніе нинѣ существующей распри между правительствомъ и народными представителями. Эти причины, какъ заявилъ графъ Бисмаркъ, и вызвали королевское повелѣніе о закрытіи сейма.

Прекращеніе засѣданій палаты депутатовъ имѣетъ важность для прусскаго правительства въ двухъ отношеніяхъ. Во первыхъ, оно получаетъ теперь возможность дѣйствовать снова по своему произволу до открытія новой сесіи, и вовторыхъ, въ текущемъ году оканчивается срокъ уполномочій, данныхъ нинѣшнимъ депутатамъ. При этомъ условіи, правительство можетъ рассчитывать на то, что палата депутатовъ явится въ новомъ личномъ составѣ, и, безъ всякаго сомнѣнія, рѣшительный Бисмаркъ употребитъ разные средства для того, чтобы палата наполнилась представителями консервативной партіи.

Такимъ образомъ, продолжительная борьба палаты депутатовъ съ министерствомъ графа Бисмарка не привела ни къ какимъ результатамъ, благоприятнымъ для развитія конституціонныхъ правъ Пруссіи. Палата должна была уступить настойчивости перваго министра, и разошедшимся ея членамъ теперь остается только прибѣгнуть къ агитаціи, которая вызвала бы демонстраціи въ пользу распущенной палаты. Впрочемъ, едва-ли можно имъ рассчитывать на успѣхъ этого средства: бдительность и рѣшительность прусской полиціи предупредятъ подобную попытку и агитаторы-депутаты подвергнутся тѣмъ преслѣдованіемъ, какія имъ уже пришлось испытать въ прошломъ году. Конечно, полицію будутъ поддерживать и аристократы, и солдаты прусскіе.

По всей вѣроятности, закрытіе прусской палаты депутатовъ произвело бы большее впечатлѣніе, еслибы одновременно съ этимъ событіемъ не случился въ Бухарестѣ переворотъ, заставившій озаботиться дипломатовъ и давшій поводъ европейской журналистикѣ заговорить о приданайскихъ княжествахъ. Въ прежнее время, когда Молдавія и Валахія находились въ большей зависимости отъ Порты и когда онѣ были разъединены одна отъ другой—смѣна тамошнихъ господарей не могла имѣть никакого международнаго значенія, и вообще тамошнія событія имѣли только мѣстный характеръ. Парижскій трактатъ поставилъ Молдавію и Валахію совершенно въ иные отношенія, какъ къ Портѣ, такъ и къ главнымъ европейскимъ кабинетамъ, гарантировавшимъ новое политическое устройство румынскаго народа. Избраніе полковника Кузы одновременно господаремъ Молдавіи и Валахіи и система его дѣйствій придала приданайскимъ княжествамъ видъ независимаго государства. Въ сущности однако онѣ далеко не

пользуются политической самостоятельностью, находясь под покровительством первенствующих европейских кабинетов, которые с своей стороны извѣряютъ обязанности ими покровительство своимъ собственными интересами. Вслѣдствіе этого, совершившійся нынѣ въ Румыніи переворотъ получилъ общеевропейское значеніе. Здѣсь важно не паденіе князя Александра-Іоанна I, но важны послѣдствія этого паденія. Теперь для всѣхъ кабинетовъ, покровительствующихъ Молдавіи и Валахіи, представляется необходимость согласиться на счетъ политическаго устройства румынской націи, а между тѣмъ взаимное ихъ въ этомъ случаѣ соглашеніе дѣло весьма нелегкое. Россія, Австрія, Франція и Англія должны быть самымъ близкимъ образомъ заинтересованы въ судьбѣ придунайскихъ княжествъ, потому что отъ ихъ преобладанія на Дунаѣ зависитъ весьма много и вліяніе ихъ на такъ-называемый восточный вопросъ. Въ этомъ отношеніи между четырьмя упомянутыми державами можетъ быть общее политическое соперничество, но, кромѣ того, у Россіи и Австріи, какъ у государствъ сосѣднихъ съ Румыніею, имѣтся по молдавовалахскому вопросу свои собственные, исключительные интересы. Для нихъ важно не только то, подъ чьимъ вліяніемъ будетъ избранъ новый государь, но и то, въ какой степени сдѣлается возможнымъ не временное только, но постоянное соединеніе княжествъ, и въ какой мѣрѣ они будутъ независимы отъ Порты. Румынское племя, населяющее Молдавію и Валахію, а также и южную часть Австрійской Имперіи, можетъ, при благопріятныхъ для него политическихъ условіяхъ, образовать изъ себя самостоятельное государство съ 12 милліонами населенія, а появленіе такого государства должно будетъ весьма чувствительно измѣнить условія политическаго быта на юго-востокѣ Европы. Поэтому, для Россіи и для Австріи важно не только временное устройство придунайскихъ княжествъ, но и то вліяніе, какое можетъ имѣть на политическую судьбу данная этимъ княжествамъ организація. Нельзя отвергать того, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ Бухарестъ можетъ быть для соединенія румыновъ въ одно политическое цѣлое тѣмъ, чѣмъ былъ нѣкогда Туринъ для итальянцевъ.

Только съ точки зрѣнія обще-европейской политики, совершившійся въ Бухарестѣ переворотъ представляется событіемъ, заслуживающимъ особеннаго вниманія. Тамъ, гдѣ бываетъ дипломатическое вмѣшательство нѣсколькихъ кабинетовъ, всегда можно предвидѣть болѣе или менѣе серьезныя столкновенія. Между тѣмъ, покровительствующіе Румыніи кабинеты держатъ ее въ коллективной оцѣнѣ, и потому положеніе государя дѣлается крайне-затруднительнымъ не только по отношенію къ Портѣ, но и по отношенію къ тѣмъ европейскимъ державамъ, изъ которыхъ каждая считаетъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ ходъ молдово-валахскихъ дѣлъ и руководить дѣйствіями государя. Притомъ, вассальныя, хотя уже и весьма слабыя его отношенія къ Портѣ, ставятъ го-

сударя Румыніи въ особое положеніе. Это обстоятельство затрудняетъ выборъ господара изъ принцевъ владѣтельныхъ европейскихъ домовъ, о чемъ стараются теперь румыны, надѣясь, что при утвержденіи такого выбора европейскими кабинетами, Молдавія и Валахія избавятся окончательно отъ васальной зависимости со стороны Турціи.

Причины, бывшія поводомъ къ низложенію князя Кузы, не объяснены еще вполне. Въ настоящее время нѣкоторыя газеты видятъ въ этомъ событіи только расправу боярской партіи съ княземъ Кузою, недовольной его демократической системой. Другіе приписываютъ ее интригамъ Франціи, которая будто-бы стала недовольна поддерживаемымъ ею прежде господаремъ за то, что онъ сталъ склоняться, въ послѣднее время, на сторону Россіи. Наконецъ, третьи видятъ въ паденіи Кузы происки Англіи, желавшей усилить свое вліяніе на Дунай, низложивъ господара, преданности котораго Франціи была весьма непротивна для великобританской политики на востокѣ Европы.

По низложеніи князя Кузы, румынское законодательное собраніе предложило корону графу Фландрскому, брату короля бельгійцевъ, но онъ отказался отъ павшаго на него выбора. Въ настоящее время не предвидится ни одного кандидата на господарство, да едва-ли и можно думать о выборѣ такого лица до тѣхъ поръ, пока предполагаемыя въ Парижѣ или Константинополѣ конференціи не рѣшатъ, по соглашенію съ Портой, вопроса о томъ, должна ли Румынія, вслѣдствіе отстраненія князя Кузы отъ престола, раздѣлиться попрежнему на два особыя государства, или составить на всегда одно нераздѣльное государство?

Вообще молдаво-валахскому вопросу придется сдѣлаться предметомъ разныхъ политическихъ комбинацій, а до тѣхъ поръ, пока не выяснятся мнѣнія первенствующихъ европейскихъ державъ и Порты касательно будущаго устройства придунайскихъ княжествъ, и дипломатин и журналистикѣ не остается ничего болѣе, какъ теряться среди самыхъ разнообразныхъ предположеній.

ОБОЗРѢНІЕ СПЕЦІАЛЬНЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Финансовыя соображенія американскаго министра финансовъ Мак-Кулоха объ обращеніи бумажныхъ денегъ въ консолидированный долгъ и погашеніи государственныхъ долговъ. — Единство кассы и система финансового управленія въ Россіи. — Иезуитизмъ бывшаго римско-католическаго митрополита Феликсаго. — Образецъ проповѣди польскаго ксендза на тѣму: Божіе Богу, Кесарево Кесарю, пробощево пробощу.

Новый 5% лотерейный заемъ, открытый правительствомъ совершенно внезапно, сдѣлался съ перваго же дня объявленія

предметомъ всеобщихъ толковъ и всеобщаго вниманія; сравнительно съ первымъ займомъ онъ имѣеть то преимущество, что о немъ болѣе говорятъ, чѣмъ о первомъ. Лотерейные займы занимаютъ въ настоящее время общественное вниманіе такъ же, какъ еслибы въ Россіи открыта была золотonosная Калифорнія. Мы не привыкли видѣть въ нашемъ обществѣ такого оживленія по поводу общественныхъ событій и считаемъ настоящій случай исключеніемъ, зависѣвшимъ, впрочемъ, отъ обстоятельствъ, при которыхъ объявленъ новый заемъ. Курсъ на билеты перваго займа, какъ извѣстно, доходилъ на здѣшней биржѣ въ послѣднее время до $118\frac{1}{4}$; такое значительное возвышеніе могло доказывать огромное требованіе билетовъ со стороны публики, если не было результатомъ биржевой игры; билеты требовались и за границу, и въ провинціи, гдѣ цѣна ихъ, естественно, превосходила всегда биржевую; столичные обыватели также стремились заготовить билеты, желая предупредить наибольшее возвышеніе цѣнъ на нихъ. Спекуляторы, банкиры и т. п., въ виду такого спроса, ожидали, и не безъ основанія, хорошей позы отъ перепродажи билетовъ, и весьма азартно устремились къ приобрѣтенію этихъ цѣнностей. Однимъ словомъ, билеты перваго займа представляли на нашей биржѣ образецъ того движенія, того ажіотажа, который управляетъ оборотами главнѣйшихъ европейскихъ рынковъ. Для многихъ новый заемъ былъ чувствительнымъ ударомъ по карману, гдѣ остались непроданными купленные по дорогой цѣнѣ билеты, а кто успѣлъ продать и нѣжить болѣе 20% , тотъ, конечно, не имѣеть причины сожалѣть о быстромъ паденіи курса билетовъ.

Но эта превратность биржеваго счастья, коснувшаяся личныхъ интересовъ весьма значительнаго числа членовъ общества, преимущественно среднихъ слоевъ, отразилась не на одной лишь практической сторонѣ денежныхъ дѣлъ, а послужила и исходной точкой безчисленно-разнообразныхъ мнѣній о финансовой политикѣ нашего правительства и споровъ вообще о теоретическихъ проблемахъ финансовой науки и о настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ. Всѣ эти разговоры весьма полезны, какъ хорошая практика для нашей публики въ изученіи финансовыхъ операцій и обсужденіи ихъ самимъ обществомъ, помимо и безъ участія прессы; но высшая степень этой пользы состояла бы въ томъ, еслибы общество уяснило себѣ общій планъ, которому правительство слѣдуетъ, дѣлая послѣдовательные займы, и тѣ ресурсы, которые представляются, конечно въ отдаленномъ будущемъ, для погашенія займовъ. Долги наши будутъ платить будущія поколѣнія; хотя, впрочемъ, съ каждымъ займомъ увеличивается и по текущимъ бюджетамъ цифра ежегодныхъ процентовъ, несмотря на существующій и безъ того перевѣсъ государственныхъ расходовъ надъ доходами, въ видѣ значительныхъ и постоянныхъ дефицитовъ.

Бумажныя деньги, необезпеченныя соотвѣстственнымъ размѣг-

нимъ фондомъ, возрастающіе долги, паденіе курса — вотъ тѣ финансовыя тѣмы, которыя занимаютъ въ настоящую минуту общественное мнѣніе страны; въ связи съ этими вопросами находятя чисто-экономическіе факты: застой промышленности, ослабленіе или недостатокъ производства, упадокъ цѣнъ на недвижимую собственность, недостатокъ капиталовъ. Но при этой массѣ золъ намъ можетъ служить до нѣкоторой степени утѣшеніемъ то, что и по ту сторону океана, другая великая страна, Америка, съ населеніемъ хотя и образованнѣйшимъ и дѣятельнѣйшимъ, но съ меньшимъ на половину чѣмъ въ Россіи, находится, послѣ своего внутренняго кризиса, почти въ такомъ же состояніи, какъ и мы. Тѣ же бумажныя деньги, тѣ же долги и въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что въ сравненіи съ нашими кажутся иперболическими: что у насъ считается сотнями милліоновъ рублей, тамъ считается милліардами.

Для русскои публики и любопытно и поучительно взглянуть поближе на финансовыя планы и дѣла Соединенныхъ Штатовъ; почему мы и приводимъ извлеченіе изъ отчета американскаго министра финансовъ за 1864—65 г., представленнаго имъ назадъ тому два мѣсяца вашингтонскому конгресу (Сборн. М. Ф. 1866 г. № 1). Знаменитый Мак-Куллохъ предлагаетъ своему правительству самыя смѣлныя и обширныя планы по устройству денежной системы и уплатѣ государственныхъ долговъ; причеиъ онъ также касается системы налоговъ и развитія производительности страны.

Министръ начинается съ вопроса о *бумажныхъ деньгахъ*; громадный выпускъ кредитныхъ билетовъ онъ считаетъ простомъ военною мѣрою. Во время войны изданы были законы объ обязательномъ курсѣ, въ силу которыхъ конгресу предоставлено было право пускать въ обращеніе, вмѣсто звонкой монеты, кредитные билеты, и употреблять ихъ какъ законное средство платежа. Министръ говоритъ, что законы эти допущены не для того, чтобы породить въ странѣ, кромѣ денежной валюты на звонкую монету, еще другую (бумажную), и Мак-Куллохъ стремится перейти къ установленію расчетовъ на звонкую монету. Въ пользу кредитныхъ билетовъ говорятъ, что за нихъ государство не платитъ процентовъ, что они вполне обезпечены всѣмъ достоинствомъ страны и имѣютъ постоянную цѣнность. Но противъ этого существуютъ сильныя возраженія. Бумажныя деньги — говоритъ министръ — должны, то прибывать, то убывать, смотря по потребностямъ страны. Выпускаемыя правительствомъ, они станутъ прибывать и убывать, соразмѣрно не съ потребностями торговли и промышленности, а съ потребностями государственнаго казначейства и съ интересами партій. Сверхъ того, постоянныя правительственныя бумажныя деньги ведутъ къ ослабленію бережливости въ правительствѣ и придають партіи, вступившей въ управленіе страню, такое могущество, которое возбуждѣтъ въ ней сильное искушеніе къ употребленію своей власти не для

общественнаго блага, а для другихъ дѣлей. Денежный вопросъ станетъ тогда вопросомъ политическимъ и будетъ вредить странѣ не только въ торговомъ и промышленномъ, но и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

Кризисъ требовалъ выпуска кредитныхъ билетовъ; но кризисъ прошелъ, и какъ ни желательно избавиться отъ процентныхъ займовъ, но, по мнѣнію министра, настоятъ крайняя необходимость приступить къ постепенному удаленію бумажныхъ денегъ изъ обращенія. Скорость изытія правительственныхъ ассигнацій изъ обращенія зависить отъ превращенія части ихъ въ процентныя облигаціи. Вліяніе отверженія долга на денежный рынокъ будетъ служить достаточнымъ препятствіемъ слѣшкомъ быстрому изытію билетовъ изъ обращенія. Министръ полагаетъ, сверхъ того, что рѣшительный шагъ къ уменьшенію бумажныхъ денегъ не только составляетъ явную необходимость, но и послужитъ лучшимъ средствомъ къ быстрому устраненію безденежья и упадка благосостоянія.

Нѣтъ ни одного просвѣщеннаго наблюдателя, который бы не замѣтилъ того положительнаго факта, что спросъ на деньги (вслѣдствіе повышенія цѣнъ) увеличивается вмѣстѣ съ количествомъ ихъ, и что этотъ спросъ является нерѣдко въ самой сильной степени именно въ то время, когда выпускъ ассигнацій дошелъ до своего кульминаціоннаго пункта. Но деньги, когда ихъ не пускаютъ въ оборотъ, оказываются неприбыльнымъ товаромъ, поэтому, только весьма ничтожная часть ихъ не поступаютъ въ активное обращеніе, а между тѣмъ съ приливомъ ихъ повышаются и цѣны. Съ другой стороны, удаленіе денегъ изъ обращенія понижаетъ цѣны, а съ пониженіемъ цѣнъ уменьшается спросъ на деньги, такъ что уменьшеніе бумажныхъ денегъ въ дѣйствительности только увеличиваетъ запасъ ихъ. Какъ ни парадоксально послѣднее положеніе, оно однако вѣрно. Нечего опасаться также, что уменьшеніе бумажныхъ денегъ (уменьшеніе не насильственное) окажетъ вредное вліяніе на дѣйствительное процвѣтаніе страны. Трудъ есть великій источникъ народнаго богатства; но съ *умноженіемъ* бумажныхъ денегъ, промышленность непременно падаетъ. Цѣна денегъ зависить отъ способа употребленія ихъ. Деньги полезны, если способствуютъ развитію производительной промышленности; они вредны, если препятствуютъ развитію промышленности, и вредны на столько, на сколько ослабляется предпримчивость. Даже въ видѣ благородныхъ металовъ, деньги не всегда служатъ выраженіемъ народнаго богатства. Неразѣнныя бумажныя деньги въ данное время могутъ быть необходимы, но служа постояннымъ орудіемъ обращенія, они могутъ стать наконецъ народнымъ бѣдствіемъ. *Золото и серебро* — единственныя правильныя *мѣры цѣнности*. Они стали такими вслѣдствіе безмолвнаго согласія націй и являются необходимыми регуляторами экономической жизни, средствомъ, при помощи котораго уравниваются балансы между разными странами и между разными частями

одной и той же страны. Какъ универсальный мѣритель цѣнности, они считаются торговою необходимостью. Торговля между разными націями и между частями одной и той же страны совершается посредствомъ обмѣна цѣнностей, но этотъ обмѣнъ не ведетъ къ возстановленію баланса, и когда дѣло идетъ безъ кредита, то балансъ оказывается въ пользу того, кто получить большее количество наличныхъ денегъ. Когда Соединенные Штаты, торгуя съ другими націями, покупаютъ больше, чѣмъ продаютъ (это происходитъ теперь въ весьма широкихъ размѣрахъ), то образуется балансъ, который, или покрывается монетою, или остается въ видѣ долга. Всѣ серьезныя затрудненія, возникающія въ торговыхъ сношеніяхъ между разными націями, происходятъ вслѣдствіе неисправной уплаты балансовъ и расширенія кредита. Благоразуміе требуетъ исправной уплаты балансовъ. Тѣмъ же самымъ законамъ подлежатъ и торговныя сношенія между различными частями Соединенныхъ Штатовъ. Когда одна изъ этихъ частей станетъ должникомъ другой, то ей приходится нести на себѣ всю тяжесть балансовъ, въ видѣ долга; такое положеніе обходится весьма дорого, сопряжено со многими опасностями, и выйти изъ него можно лишь при помощи денегъ, необходимыхъ для покрытія балансовъ. Когда же мѣрителемъ цѣнности служатъ *разныя* бумажныя деньги, и торговля предоставлена своимъ естественнымъ законамъ, то уравненіе балансовъ происходитъ исправно, безъ всякихъ замѣшательствъ въ торговыхъ сношеніяхъ. Эти деньги выйдутъ изъ банковъ должника, по требованію вкладчиковъ и предъявителей банковыхъ билетовъ, взамѣнъ монеты или векселей. За этимъ послѣдуетъ уменьшеніе *дисконтовъ*, что, въ свою очередь, ограничитъ *чрезмѣрную спекуляцію*, или понизитъ цѣны на продукты, такъ что спросъ на продукты увеличится и будетъ увеличиваться до тѣхъ поръ, пока не возстановится равновѣсіе. Далѣе, министръ доказываетъ вѣрность своей теоріи кризисами 1837 и 1857 годовъ. Громадный выпускъ бумажныхъ денегъ обуславливаетъ крайне-высокія цѣны и сильно развиваетъ спекуляцію. Все это дошло до такой степени, что огромная часть народа ощущаетъ крайнее стѣсненіе; количество труда уменьшается и народная нравственность колеблется. Правда, зло еще не перешло своихъ границъ, но оно увеличивается съ каждымъ днемъ и можетъ современемъ свергнуть страну въ колоссальное несчастіе. Единственнымъ средствомъ противъ этого кризиса можетъ послужить сокращеніе количества бумажныхъ денегъ.

Такова доктрина американскаго министра финансовъ о бумажныхъ деньгахъ и о значеніи количества ихъ и вліяніи на внутреннюю и вѣдшнюю торговлю и промышленность.

Бумажныхъ денегъ въ американскихъ штатахъ къ 31-му октября 1865 года находилось въ обращеніи 734.218,038 долларовъ. Государственный долгъ въ различныхъ процентныхъ и срочныхъ облигаціяхъ и билетахъ, а также и бумажныхъ деньгахъ, составлялъ къ тому же времени 2.808.549,434 доллара, но министръ

предполагаетъ, что въ 1-му іюлю 1866 года долгъ достигнетъ болѣе чѣмъ до трехъ миллиардовъ долларовъ. Съ такой громадной цифрой приходится вступать въ борьбу финансовому управленію великой республики! Но бюджетъ ея на 1865—66 г. показываетъ, что долгъ нестрашенъ для страны, что она легко можетъ уплачивать и проценты и капиталъ. Вотъ несложныя категоріи цифръ этого бюджета: *доходы* — отъ таможенныхъ пошливъ 100 м., внутреннихъ сборовъ 275 миліоновъ, съ земель одинъ миліонъ, изъ разныхъ источниковъ 20 миліоновъ, итого 396.000,000 долларовъ; *расходы*: на гражданское управленіе, военное и морское министерства 125.165,472 доллара, на пенсіи и индѣйцамъ 17.609,640 и процентовъ государственнаго долга 141.542,068 дол., затѣмъ излишекъ 111.682,818 долларовъ, который Мак-Куллохъ и надѣется употребить на погашеніе государственнаго долга. Мак-Куллохъ стремится къ приведенію государственнаго долга въ такую форму, чтобъ съ наступленіемъ срока для уплаты процентовъ правительство могло уплачивать и капиталъ. Съ разрѣшеніемъ вопроса объ отношеніяхъ между землевладѣльцами и рабочими въ южныхъ штатахъ, тяжесть и величина государственнаго долга, по мнѣнію министра, быстро уменьшится, даже безъ помощи повышенія налоговъ.

Государственный долгъ въ три миллиарда, отверженный въ $5\frac{1}{2}\%$ процентовъ, по представленному министромъ соображенію, обойдется странѣ въ 165 миліоновъ долларовъ, а отверженный въ 5% — въ 150 миліоновъ долларовъ ежегодно. Если теперь на уплату процентовъ издерживать въ каждое полугодіе по 100 миліон., то отверженный $5\frac{1}{2}\%$ долгъ погасится въ 32 года, а 5% долгъ погасится еще скорѣе — въ 28 лѣтъ. Въ первомъ случаѣ, въ первый годъ на погашеніе долгового капитала пойдетъ только 35 миліоновъ долларовъ, а въ послѣдній, 32-й годъ (когда вся сумма процентовъ будетъ равна только девяти миліонамъ) — 191 миліонъ. Если же предположить, что весь долгъ обратится въ 5% отверженный, тогда на погашеніе долговъ капитала въ первый годъ пойдетъ 50 мил., а въ послѣдній, 28-й г. — 192 мил. и на 8 миліоновъ процентовъ. Но какъ принятая цифра долга необходимо уменьшится прежде отверженія его уплатами хотя на 100 миліоновъ, то весь долгъ сократится до 2.900.000,000 долларовъ. Этотъ долгъ, отверженный по $5\frac{1}{2}\%$, погасится въ 29 лѣтъ, а отверженный въ 5 процентовъ — въ 27 лѣтъ. Сокращеніе капитала на 100 мил. до начала систематической уплаты дастъ въ концѣ ея сбереженіе въ 400 мил., если отверженіе состоится въ $5\frac{1}{2}\%$, и сбереженіе въ 300 миліоновъ, если отверженіе состоится по 5.

Далѣе, министръ переходитъ къ разбору народныхъ средствъ для погашенія долга. Въ 1860 году движимое и недвижимое имущество Союза (за исключеніемъ невольниковъ) оцѣнивали въ 14,183 миліона долларовъ. Изъ этой суммы на долю южныхъ штатовъ приходилось 3.467.000,000; въ сравненіи съ 1850 г.

богатство Юга увеличилось на 139,7%. Собственность федеральных штатов оценивали в 10,716 миллионов; в сравнении с 1850 годом богатство их увеличилось только на 126%. Если предположить теперь, что народное богатство федеральных штатов увеличится в следующее десятилетие, с 1860 до 1870 — только на 125%, то в 1870 году получится капитал в 24,111 миллионов; приложив к нему прямо цифру богатства южных штатов 1860 года, мы получим в 1870 г. капитал в 27,578 миллионов долларов. Эта сумма принесет ежегодный доход в 6.894.500,000 долларов, 200 миллионов на уплаты государственного долга составляют только 2,9% этого дохода. Но если предположить, что и в южных штатах богатство страны увеличится в 1870 г. хотя на 25%, то 200 миллионов составят только 2,81% годового дохода всего Союза. Применив то же самое вычисление к следующему десятилетию — от 1870 до 1880 года, мы получим капитал страны в 62.050.000,000 (увеличение на 125%), и ежегодный народный расход с него в 15.512.000,000; в сравнении с этою суммою 200 мил. долларов составят только 1,29%. В 1890 г., если народное богатство увеличится в десятилетие от 1880 до 1890 г. только на 100%, доход с капитала страны будет равен 31,025 миллионам; 200 мил. на уплату государственного долга составят только 0,644% этого дохода, то-есть меньше $\frac{2}{3}$ %, а в 1900 году они составят меньше $\frac{1}{3}$ %.

Все эти вычисления министр основывает на результатах такого же экономического факта в Англии, где государственный долг был выше американского цѣлою третью.

Что касается до всей системы налогов в Соединенных Штатах, то министр советует почаще и потщательнее пересматривать и приравнивать ее ко всем переменам в характере и обычаях народа, к промышленности страны, к силе труда и капитала. Вашингтонский конгресс придерживается того же мнения и поручил министру собрать для этой цѣли особую комиссию. Комиссия составила и представила уже некоторые предварительныя соображенія. Комиссия полагает, что внезапныя, радикальныя и насильственныя переменны в системѣ налогов не принесут никакой пользы, и что изменять ее слѣдуетъ мало-помалу. Комиссия нашла также, что некоторое изменение и улучшение настоящих законовъ можетъ, не повышая статей налога, увеличить ежегодную цифру оныхъ на 50—60 миллионов долларов. Основываясь на этомъ показаніи, министр советуетъ конгрессу уничтожить многіе мелкіе налоги.

Въ южныхъ штатахъ во время войны прежняя податная система приняла другой видъ, и министр финансовъ предлагаетъ теперь, для возстановленія правильного сбора податей, слѣдующія мѣры: отсрочить на неопредѣленное время сборъ недоимокъ, накопившихся до учрежденія новаго финансоваго управленія; преобразить всякую продажу собственности за неплатежъ прямыхъ

налоговъ, пока южные штаты не въ состояніи будутъ уплачивать наложенныя на нихъ подати. Всѣ договоры, заключенныя въ южныхъ штатахъ безъ платежа законной штемпельной пошлины, и потому недействительныя, конгрессомъ признаются имѣющими силу. Конгрессу предстоитъ также рѣшить, желаетъ ли онъ помочь (и чѣмъ именно) тѣмъ южанамъ, собственность которыхъ продана за нарушение податныхъ законовъ и находится теперь въ рукахъ правительства.

Министръ предлагаетъ также конгрессу билль о продажѣ земель, въ которыхъ находятся минеральныя богатства.

И такъ, источниковъ для покрытія долга правительство республики ищетъ въ оживленіи частной промышленности и облегченіи ея всѣми возможными льготами.

Если мы не можемъ представить такихъ же блистательныхъ и смѣлыхъ плановъ о погашеніи нашихъ государственныхъ долговъ, и не можемъ похвалиться нашими производительными силами и равновѣсіемъ доходовъ и расходовъ по государственному бюджету, тѣмъ не менѣе пользуемся случаемъ ознакомить нашихъ читателей съ введенной у насъ уже два года системою единства кассы, по запискѣ г. Борисоглѣбскаго, напечатанной въ «Сбор. Мин. Фин.» (№ 1), и вообще съ новой системою финансоваго управленія, введенной у насъ со времени новаго закона о бюджетѣ.

Въ прежнее время, до 1863 года, государственная роспись доходовъ и расходовъ составлялась безъ подробностей. Каждое отдѣльное министерство заявляло государственному совѣту о своихъ нуждахъ на слѣдующій годъ. Эти заявленія разсматривались и входили въ годовую бюджетъ, который утверждался высочайшею властію и передавался къ исполненію министерству финансовъ. Каждое министерство, въ свою очередь, сообщало министерству финансовъ, въ какой мѣстности Россіи ему нужны суммы, назначенныя по бюджету. Министерство финансовъ раз-ассигновывало по губерніямъ суммы, требуемыя министерствами; затѣмъ деньги отпускались изъ казначействъ въ распоряженіе мѣстныхъ и центральныхъ учрежденій или валовыми суммами, назначаемыми въ бюджетѣ, или частями, по мѣрѣ надобности. Распорядительныя учрежденія сами уже выдавали ихъ, чрезъ своихъ казначеевъ и приходорасходчиковъ, прямымъ кредиторамъ казны. Такимъ образомъ на министерствѣ финансовъ лежала только та обязанность, чтобы извѣстному министерству или под-вѣдомственному ему учрежденію не было выдано болѣе назначеннаго, и съ другой стороны — чтобы всегда въ извѣстныхъ мѣстностяхъ были деньги для выдачи учрежденіямъ, по ихъ требованіямъ. При этомъ тѣ учрежденія, къ которымъ поступали нѣкоторыя отрасли государственныхъ доходовъ, удовлетворяли

сами свои, разрѣшенные имъ, расходы изъ поступившихъ суммъ; въ казначейства же сдавали только свободные остатки доходовъ. При этой системѣ, въ учрежденіяхъ, получающихъ на свои расходы деньги изъ казначействъ, образовались остатки, которые употреблялись не на прямыя, разрѣшенные имъ расходы, или, подъ именемъ неисполненныхъ расходовъ, суммы лежали въ сундукахъ управленій, безъ всякаго движенія и безъ пользы государству. При этомъ каждое управленіе имѣло свою систему счетоводства и отчетности, примененную къ его потребностямъ, но очень мало связанную съ общею государственною отчетностію. Каждое учрежденіе имѣло свой контроль и повѣряло такимъ образомъ законность своихъ же собственныхъ дѣйствій, такъ-что министерство финансовъ, въ качествѣ государственной бухгалтеріи, имѣло возможность сводить общій счетъ доходовъ и расходовъ за пзвѣстный годъ, только на 3 годъ по истеченіи онаго, а государственный контроль могъ повѣрять правильность и законность распоряженій суммами государственными только по истеченіи 4 лѣтъ производства расходовъ, и притомъ подлинныхъ документовъ и книгъ государственный контроль не выдавалъ, а повѣрялъ только генеральные отчеты департамента государственнаго казначейства, составляемые изъ такихъ же отчетовъ казенныхъ палатъ. Ревизія же по доходамъ въ сущности совсѣмъ не существовала. Такимъ образомъ каждое отдѣльное министерство и управленіе являлось, въ финансовомъ отношеніи, отдѣльнымъ, замкнутымъ учрежденіемъ, имѣющимъ свою казну, свою бухгалтерію и свой контроль.

Съ 1863 года установлены новыя правила составленія государственной росписи и финансовыхъ сметъ. Ими требуются отъ министерствъ и управленій указанія всѣхъ подробностей какъ въ доходныхъ, такъ и расходныхъ статьяхъ. Каждый видъ дохода и расхода получилъ свою рубрику и явился въ сметахъ отдѣльнымъ параграфомъ и отдѣльною статьею. Распорядителямъ не предоставлено права употреблять суммы, назначенныя по одному параграфу, на расходы по другому. Министерству финансовъ поставлено въ обязанность, по истеченіи каждаго года, представить государственному совѣту полный финансовый отчетъ о заключенной росписи по параграфамъ сметъ. Понятно, что при такомъ требованіи, министерство финансовъ должно было измѣнить систему своего счетоводства и поставить себя въ возможность отдавать полный отчетъ государственному совѣту, а для того имѣть въ своихъ учрежденіяхъ полныя и вѣрныя данныя для составленія отчета, что было невозможно при старомъ порядкѣ счетоводства. Кассы министерства финансовъ должны были съ одной стороны соединить въ себѣ всѣ поступления государственныхъ доходовъ, въ полной ихъ цифрѣ, а съ другой — получить исключительное право производить государственные расходы непосредственно, выдавая ихъ прямымъ кредиторамъ казны, въ тѣхъ размѣрахъ и въ такіе сроки, которые точно опредѣлены законами.

Домашній, прежній контроль отдѣльныхъ министерствъ и управленій, при новыхъ сметныхъ правилахъ, оказался несостоятельнымъ, потому что распорядительныя учрежденія перестали быть непосредственными распорядителями своихъ суммъ. Явилась необходимость передать современный контроль отдѣльнымъ самостоятельнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ государственнаго контроля. Распорядительныя учрежденія, лишенная своихъ кассъ и своего контроля, оставили при себѣ необходимую обязанность вести подробное счетоводство по всѣмъ суммамъ, получаемымъ ими и сдаваемымъ въ кассы министерства финансовъ и выдаваемымъ кассами, по ихъ требованіямъ (ассигновкамъ), прямымъ кредиторамъ казны изъ кредитовъ ихъ сметъ. Но это счетоводство, какъ находящееся въ тѣсной связи съ счетоводствомъ министерства финансовъ, должно было основаться на однихъ съ нимъ началахъ, и быть поэтому однообразнымъ для всѣхъ учрежденій; отсюда возникла потребность установить общую систему счетоводства для всѣхъ распорядительныхъ учрежденій. Однимъ словомъ, всѣ эти условія создали необходимость новой реформы единства кассы, на слѣдующихъ началахъ: а) сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ въ рукахъ одного министерства финансовъ, которое, взявая всѣ въ государствѣ доходы, удовлетворило бы изъ нихъ всѣхъ прямыхъ кредиторовъ казны непосредственно, по ассигновкамъ министерствъ, представляемымъ въ кассы министерства финансовъ; б) установленіе современной документальной повѣрки прихода и расхода суммъ учрежденіямъ вѣдомства государственнаго контроля, и в) учрежденіе во всѣхъ министерствахъ и управленіяхъ однообразной системы счетоводства и отчетности.

На практикѣ эти основныя начала примѣняются слѣдующимъ образомъ:

Всѣ кассы министерства финансовъ раздѣляются на кассы доходныя и расходныя. Къ доходнымъ кассамъ принадлежать всѣ казначейства, находящіяся въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, и кассы специальныхъ сборщиковъ*. Къ кассамъ расходнымъ относятся: главное казначейство въ С.-Петербургѣ, касса комисіи погашенія государственныхъ долговъ, губернская казначейства съ расходными отдѣленіями ихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Доходныя кассы принимаютъ государственные доходы самостоятельно, ведутъ по нимъ полное счетоводство, и представляютъ отчетность учрежденіямъ государственнаго контроля; расходныя кассы дѣйствуютъ самостоятельно по производству расходовъ.

Основаніемъ для взиманія какого-либо рода государственнаго

---

* Подъ именемъ специальныхъ сборщиковъ разумѣются тѣ учрежденія, которымъ поручено взиманіе известнаго рода специальныхъ доходовъ, напримѣръ, почтовыхъ конторъ, таможи и т. п. Эти учрежденія обязаны всѣ собираемые ими доходы передавать, въ полной цифрѣ сбора, въ казначейства министерства финансовъ.

дохода и производства расхода служить государственная роспись. Она приводится въ исполненіе посредствомъ кассовыхъ росписаний объ ожидаемыхъ доходахъ, и о предстоящихъ расходахъ. Эти росписанія суть не что иное, какъ подробная указанія: въ какихъ мѣстностяхъ и въ какіе сроки могутъ поступать ожидаемые доходы и потребоваться разрѣшенные расходы; росписанія эти передаются въ подлежащія кассы, и служатъ основаніемъ ихъ дѣйствій.

Новый порядокъ, въ отношеніи частныхъ лицъ, представляетъ ту разницу со старымъ, что требуетъ письменнаго объявленія при взносѣ денегъ, между тѣмъ какъ прежній допускалъ и словесныя объявленія. Эта мѣра вызвана необходимостью имѣть въ кассахъ документы, для причисленія полученной суммы въ известному роду сбора. Расходы изъ суммъ государственныхъ доходовъ производятся расходными кассами, но ассигновкамъ распорядительныхъ управленій, на руки прамыхъ кредиторовъ казны, по предъявленіи ими талонъ тѣхъ ассигновокъ. Ассигновки составляются распорядительными управленіями на имя прямого кредитора казны, на особо установленныхъ благахъ, и отсылаются прямо въ расходную кассу, а талонъ выдается на руки кредитора. При ассигновкѣ прилагаются всѣ документы, требуемые государственнымъ контролемъ, для оправданія расхода. Касса, по полученіи ассигновокъ, удостовѣряется: существуетъ ли для учрежденія, выдавшаго ассигновку, кредитъ на указанный въ ней предметъ расхода, и не истощился ли онъ. При отсутствіи этого условія, касса отказываетъ въ удовлетвореніи ассигновки.

Издаваемый въ Вильнѣ «Вѣстникъ Западной Россіи» содержитъ въ себѣ весьма много сырыхъ матеріаловъ для исторіи православія въ тамошнемъ краѣ. Это болѣею частію грамоты, записи, судебныя вызовы и рѣшенія, просьбы и жалобы православнаго духовенства ка разныя притѣсненія, насилія, даже грабежи со стороны католическихъ монаховъ и мѣстныхъ польскихъ властей. Изданіе подобныхъ матеріаловъ даетъ прочное основаніе исторіи края и совершающейся въ немъ борьбы двухъ народностей и двухъ вѣроисповѣданій, православнаго и католическаго. Читатель не встрѣчаетъ въ этихъ матеріалахъ никакихъ авторскихъ выводовъ и взглядовъ, но онъ видитъ передъ собою самую несомнѣнную и неподдѣльную истину. Такъ, напримѣръ, онъ видитъ изъ подлинныхъ документовъ, что тотъ или другой монастырь, та или другая церковь, нынѣ католическія, прежде были православныя и основаны записями православныхъ жертвователей, а позже преобразованы въ католическія королевскими грамотами; что недвижимыя имущества многихъ православныхъ монастырей и церквей были отъ нихъ отбираемы въ пользу католическихъ;

изъ напечатанныхъ до настоящаго времени документовъ видно, между прочимъ, какъ много изъ числа считающихся нынѣ древними польскими аристократическими фамиліями, прежде всегда принадлежали къ православнои церкви, какъ напримѣръ князя Сапеги, Огинскіе, Сангушки и др.; Сапега былъ даже православнымъ епископомъ смоленскимъ, а около 1474 г. кievскимъ и всероссійскимъ митрополитомъ; дочь князя Сапеги, Еватерина, была инокинею въ виленскомъ православномъ монастырѣ, гдѣ и скончалась въ 1500 году.

Въ послѣднемъ выпускѣ «Вѣстника Западнои Россіи» (№ 5) мы находимъ также весьма интересные матеріалы, относящіеся не къ минушей исторіи, а къ настоящему времени, именно «Дружественные совѣты» ксендза Фелинскаго, читанные имъ въ 1858 году въ Петербургѣ для студентовъ римско-католической духовной академіи. Ксендзъ Фелинскій былъ ректоромъ академіи, впоследствии былъ римско-католическимъ митрополитомъ въ Россіи и архіепископомъ варшавскимъ. Слѣдовательно, это высшій сановникъ римской церкви въ Россіи, пользовавшійся особымъ довѣріемъ правительства до недавней высылки его изъ Варшавы въ Ярославль. Въ означенныхъ «бесѣдахъ» изложены самыя концентрированныя правила для римско-католическаго духовенства, касающіяся самыхъ высшихъ вопросовъ, именно: отношенія польскаго духовенства къ Риму, къ русскому правительству, епископамъ и тому подобное. Всѣхъ лекцій напечатано шесть, всѣ онѣ представляютъ глубоко-обдуманые образцы иезуитизма и всѣ равно интересны и любопытны какъ наилучшіи матеріалы для изученія внутренняго содержанія полонизма. Мы не можемъ привести этихъ лекцій вполнѣ, потому что онѣ очень объемисты, а ограничимся извлеченіемъ наиболее существенныхъ мѣстъ ихъ. Лекція эти говорились, конечно, не для печати, но однимъ изъ слушателей онѣ были записаны, и тетрадь найдена недавно въ бумагахъ одного монастыря, принадлежащихъ, какъ полагаютъ, законоучителю минской гимназіи, ксендзу Кульвановскому.

Прежде всего обратимъ вниманіе, говорить ксендзъ Фелинскій, на нынѣшнее положеніе церкви. «Въ этомъ отношеніи, съ утѣшеніемъ видимъ, что все наше наличное духовенство болѣе, чѣмъ когда либо, заявляетъ преданности и привязанности къ апостольскому престолу. Добрый это знакъ и доброе дѣло, ибо могутъ ли быть члены отдѣльными отъ главы. Мы по опыту видимъ, какія происходили и происходятъ невыгоды, пока духовенство зависаетъ отъ правительства, безъ котораго оно не могло ни епископа избрать, ни что либо подобное совершить. Отсюда же происходили и неоднократныя нарушенія церковнаго права; становой тамъ какой-нибудь погрозитъ доносомъ, духовный и молчитъ, будучи какъ-бы оторванъ отъ престола, который одинъ можетъ защитить его. Дѣйствительно, нынѣ заграничное духовенство почувствовало, что совершенное подданство Риму не только не составляетъ для него какого-либо ярма, напротивъ, служить

крѣпкою защитою; вслѣдствіе этого, оно старается, сколько возможно, освободиться изъ-подъ власти свѣтской, хотя еще не вполне умѣетъ дѣйствовать; давняя привычка (къ прежнему положенію) сдѣлала его въ нѣкоторомъ родѣ боязливымъ, неувереннымъ въ себя.

«При взглядѣ на молодое поколѣніе нинѣшняго духовенства, мы замѣчаемъ почти общую добродѣтель (быть можетъ, съ небольшими только исключеніями), и именно — чистоту вѣры, а съ нею преданность и любовь къ апостольской столицѣ.

«Какъ съ одной стороны, много должно трудиться надъ отверженіемъ себя самого, такъ съ другой — непременно слѣдуетъ дѣйствовать при этомъ съ постепенностію и въ одинаковомъ направленіи, такъ чтобы не задаваться мыслию, гдѣ мы, будемъ, что съ нами случится, но прямо поступать согласно съ волею божіею, для которой переносить все. Подлинно, что надъ такимъ человѣкомъ никто изъ людей не можетъ показать своей силы, ибо чѣмъ болѣе онъ терпитъ за Бога, тѣмъ болѣе этого желаетъ и отвѣчаетъ, какъ тотъ святой, котораго, когда спросили: «что бы онъ сдѣлалъ, еслибы велѣли его разсѣчь на части?» отвѣчалъ: «попросилъ бы, чтобы сѣкли на мелкія части и по-медленнѣе, дабы болѣе потерпѣть для Христа». Отчего, на-примѣръ, когда изгнали іезуитовъ, а петербуржцы просили чтобы выслать ихъ въ Сибирь, то правительство, само приговаривающее (къ ссылке) въ это мѣсто преступниковъ, не отважилось однако сослать туда іезуитовъ, ибо предчувствовало, что они и тамъ будутъ дѣйствовать и приобрѣтутъ великое вліяніе, отарывая непросвѣщеннымъ истинное ученіе Христово, что для нихъ ничего не будутъ значить никакія угрозы; и поэтому распорядилось, чтобы какъ можно скорѣе оставили они Россію и никогда болѣе въ нее не возвращались. Или, на-примѣръ, когда, во время сильнѣйшаго преслѣдованія, всендзъ Ожарскій запретилъ своей исповѣдницѣ-дѣвушкѣ выходить замужъ за русскаго, послѣ чего былъ позванъ къ Бибинову и на вопросъ: «развѣ не знаешь, что я имѣю право тебя повѣсить?» отвѣчалъ: «вѣшай», то, видя его неустрашимость. Бибиновъ, вмѣсто приговора, еще большее возымѣлъ почтеніе къ этому всендзу. Будемъ же этого желать и къ этому стремиться, будемъ проникаться самоотверженіемъ или дѣятельностію по волѣ божіей. А достигнуть этого мы можемъ, всегда храня въ памяти распятаго на крестѣ Христа, который пилъ желчь, а также, никогда не забывая о вѣчной славѣ и кратковременности сей жизни, которая есть только одинъ мигъ.

«Власть духовная совершенно отлична отъ свѣтской: ибо эта послѣдняя установлена только для поддержанія порядка, и чтить ее мы обязаны, какъ отъ Бога установленную, хотя бы и зла была; но повиноваться ей — обязаны только въ томъ случаѣ, когда ея распоряженія не противорѣчатъ церковному праву; тогда какъ съ властью церковною соединена благодать, которую мы и получить можемъ собственно не иначе, какъ чрезъ ту же самую

власть духовную. Отъ папы, какъ главы церкви, наливается благодать и на всѣхъ членовъ церкви; разорвется эта связь — наступитъ параличъ. Поэтому, хотя бы казалось, что епископы приказываютъ что нибудь нехорошее, не надобно однако выступать въ-подъ ихъ власти никому, какъ бы достоинъ кто ни былъ. *Сила и независимость* духовенства опирается именно на *единство*. Положимъ, напримѣръ, что какой-либо епископъ захотѣлъ совершить что-либо по своему произволу; но если духовенство его честно, консисторія и капитулъ добросовѣстны, то что могъ бы сдѣлать такой епископъ; каждый, кому онъ прикажетъ что либо, противное долгу, отвѣтитъ: «я этого не могу, совѣсть мнѣ не позволяетъ». И, напротивъ, взглянемъ на тѣхъ ксендзовъ, которые выступили въ-подъ высшей власти: какъ сильно они поплачались! Думали быть свободны, а вмѣсто того впади въ сущую неволю, ибо ихъ подчинила себѣ ватѣмъ власть свѣтская. Это можно видѣть какъ на отдѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣломъ государствѣ. То же самое вообще можно сказать и о цѣлхъ церквяхъ, напр. галликанской, іозефиніанской и др., подчинившихся свѣтской власти, что повело къ ересямъ и расколамъ. Греки всегда стремились къ подобной же независимости, за то терпѣли и терпятъ отъ власти свѣтской. У нихъ, напр., императоры управляли и соборами и всякими другими совѣщаніями: оттого утратилось это святое преданіе, это помазаніе, не понимаютъ своихъ обязанностей пастыри. Въ Россіи, напримѣръ, какъ они унижены! Старшій духовный — будто исправникъ какой, младшій — точно становой или писарь, на жаловань отъ правительства, по приказанію котораго служатъ. Недавно былъ свѣжій примѣръ, какъ далеко простиралось у нихъ забвеніе пастырскихъ обязанностей. Одинъ полякъ, сдѣлавшись казацкимъ атаманомъ, хотѣлъ узнать, въ какой мѣрѣ научены казаки Закону Божію — спрашиваетъ дѣтей изъ катихизиса — не знаютъ — спрашиваетъ молитвы — то же. Спрашиваетъ родителей, но тѣ не знаютъ сами и говорятъ, что ихъ никто не научилъ. Тотъ отправляется къ попу; пошъ отвѣчаетъ, что это вовсе не его обязанность; сносится наконецъ съ архіереемъ, и получаетъ отъ него въ отвѣтъ, что онъ справлялся въ Сводѣ Законовъ, гдѣ сказано только, что слѣдуетъ преподавать катихизисъ по школамъ и пансіонамъ, о казакахъ же не упомянуто, значитъ и обязанностей относительно казаковъ онъ не имѣетъ. Всѣ духовныя мѣста (должности) даются отъ правительства, а теперь даже начали давать титулы безъ должности, такъ, напр., одному позволено облачаться поархіерейски и титуловаться — *почетнымъ епископомъ*. Слава-богу, что въ настоящее время духовенство болѣе, чѣмъ когда либо, предано нынѣшнему папѣ; можно сказать, что теперь среди духовныхъ нужно поискать такого, который имѣлъ бы на этотъ счетъ ниня чувства: быть можетъ, именно этимъ наше духовенство охранило себя отъ совершеннѣйшаго подчиненія. Но еслибы такіа чувства были питаемы съ са-

мага начала, то никогда наше духовенство не дошло бы до такой степени подчинения свѣтской власти. Въ самомъ дѣлѣ, покорность епископамъ составляетъ для насъ великую силу: еслибы всѣ этого держались, то правительство ничто никогда не могло бы сдѣлать. Видимъ живой примѣръ на епископѣ Гудковскомъ, который, во время сильнѣйшаго гоненія, отважился оказать сопротивление и поступить согласно канонамъ. Покойный императоръ издавъ указъ, чтобы католическіе ксендзы не смѣли имѣть никакихъ сношеній съ униатами, не допустили бы ихъ къ себѣ, и строжайше приказалъ епископамъ огласить это съ амвоновъ. Одновременно съ этимъ указомъ св. отецъ издавъ буллу, повелѣвавшую не соглашаться на это, но продолжать быть въ братскомъ единеніи съ униатами и съ любовію обращаться съ ними. Указъ стали оглашать; своимъ чередомъ, и ксендзъ Гудковскій входитъ на амвонъ и читаетъ указъ. Присутствующіе, зная его ревность и мужество, удивились этому, но вдругъ же поняли въ чемъ дѣло, ибо, по прочтеніи указа, онъ сказалъ: «такъ говорить императоръ; теперь послушайте, что повѣдуетъ истина, что говорить св. Отецъ», и тутъ же, прочитавъ буллу, объявилъ, чтобы на указъ не обращали вниманія, и своимъ деканамъ приказалъ поступать по закону и совѣсти. Когда узнало объ этомъ правительство, то епископа потребовалъ Паскевичъ и спросилъ: какъ смѣлъ онъ противиться, когда всѣ другіе согласились? и когда погрозилъ ему за это Сибирью, то епископъ отвѣчалъ: «можешь выслать меня, куда угодно, а я сдѣлать такъ не могу, ибо ни законъ, ни совѣсть не позволяютъ мнѣ того. Ты служишь своему господину, а я своему». Его отрѣшили отъ должности, устранили отъ управленія, отказали ему въ пенсіи; переселился онъ въ убогую хижину, куда ему доставляли пищу и отбуда вѣрное ему духовенство почерпало совѣтъ и силу, какъ отъ человѣка, страдающаго за правду. Духовенство этого епископа оставалось непреклоннымъ; императоръ (Миколај) изъ себя выходилъ, но не могши ничего болѣе сдѣлать, отнесся въ Римъ, гдѣ разными просьбами и многочисленными посулами, добился таки, что святой отецъ написалъ къ Гудковскому, чтобы онъ позволилъ указу имѣть дѣйствіе и силу, но при этомъ папа выговорилъ, чтобы съ этого времени императоръ не имѣлъ на епископа никакой претензіи, назначилъ ему пожизненную пенсію и позволилъ выѣхать за границу на жительство, куда онъ захочетъ. Гудковскій, получивъ ясную волю папы, согласился выѣхать за границу; нынѣ св. отецъ сдѣлалъ его архіепископомъ, въ какомомъ санѣ онъ живетъ теперь благочестивѣйшимъ образомъ, и каждый съ уваженіемъ смотритъ на него, какъ на мученика или, по крайней мѣрѣ, исповѣдника. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ для настоятеля и всякаго ксендза ничего легче и вѣрнѣе, какъ отвѣчать: «я не могу этого сдѣлать, мнѣ не позволяетъ законъ, отправьтесь къ епископу; если онъ позволитъ, то я сдѣлаю». У насъ обыкновенно про людей говорятъ: вотъ слабый человѣкъ,

ничего не можетъ сдѣлать; но что касается насъ, то въ этой именно слабости и заключается наибольшая наша сила, то-есть не дѣлать самому, а ссылаться на волю старшихъ; старшими же у насъ епископы, потому что чрезъ нихъ и у нихъ мы получаемъ и юрисдикцію, и посвященіе, и благодать. Настоятель на приходѣ разсуждаетъ: какъ тутъ сдѣлать, когда какойнибудь тамъ становой станетъ требовать чегонибудь недолжнаго; какъ бы (всендѣзъ) ни старался отдѣлаться, къ нему, несмотря на все, такъ пристануть и такъ его опутаютъ, что наконецъ онъ долженъ будетъ сдѣлать; и коль скоро разъ уступить, то ужъ и въ другой, и въ третій разъ нельзя будетъ отказаться, если только всендѣзъ опирается на самого себя; совсѣмъ другое, когда онъ сразу скажетъ: «я самъ не имѣю права этого сдѣлать, спросите у епископа: какъ онъ скажетъ? Если письменно прикажетъ мнѣ, то я сдѣлаю». Къ епископу достучаться не такъ легко, какъ къ настоятелю; но еслибы чтонибудь подобное и случилось, то епископы могутъ снести съ губернаторомъ, или съ другою еще властію. А если будутъ непреклонны всѣ епископы, то къ папѣ достигнуть еще труднѣе: папа далеко, имѣетъ область, силою его заставить не могутъ, а еслибы какое государство и захотѣло обидѣть, то другія государства, видя несправедливость, заступятся за папу. То же самое разумѣется и о каждомъ всендѣзѣ въ особенности: если требуютъ отъ него того, чего законъ не позволяетъ, и онъ не соглашается, то каждый видитъ его правоту, каждый вооружится противъ несправедливости, и что жъ дурнаго могутъ сдѣлать такому всендѣзу? Развѣ сошлютъ куданибудь, ну хоть бы и въ Сибирь: что жъ? потерпѣть за правду равнѣ не обязанность наша? Притомъ, не такъ даже и опасно поступать прямо по закону. Теперь, напримѣръ, епископъ Боровскій ясно засвидѣтельствовалъ, что не позволяетъ смѣшанныхъ браковъ. На запросъ правительства отвѣчаетъ: «я не могу поступить иначе; можете сослать меня, куда хотите; но я противъ закона поступить не могу». Всегда мы должны помнить, что повинновеніе епископамъ составляетъ для насъ твердѣйшій щитъ. Епископы—власть старѣйшая, на нихъ видится безопасность и преусибяніе церкви — на нихъ слѣдовательно болѣе всѣхъ падаютъ и притѣсненія и къ нимъ болѣе всѣхъ пристрастия и притѣсненія. Не разъ, можетъ быть, какой-нибудь тамъ прокуроръ или министръ, позвавши епископа къ себѣ, наговорить ему, сколько ему только захочется, и не разъ съ глазу на глазъ предлагаетъ ему то или другое, грозя въ противномъ случаѣ Сибирью. И такъ, ясно, въ какомъ неприятомъ положеніи можетъ всегда находиться епископъ: онъ или прямо долженъ сопротивляться и лучше быть сосланнымъ въ Сибирь, чѣмъ поступить несогласно съ предписаніями каноническаго права — или же, напротивъ: пусть только разъ согласится на какую-нибудь вещь, хотя бы и малую и незначительную самую по себѣ, онъ уже этимъ самымъ откроетъ дорогу и далѣе; къ нему такъ привяжутся и такъ его

опутаютъ (правительство) и такъ запугаютъ, что долженъ будетъ дать согласіе и на другое, и на третье, и конца не будетъ предложеніямъ, пока, наконецъ, добдетъ до того, что уже увидитъ онъ адъ предъ собою, далѣе пути нѣтъ, — и «извините, скажетъ, нѣтъ, ужь этого сдѣлать не могу, ибо совѣсть вопіетъ» (я вѣдь началось съ того, что онъ сдѣлалъ по маловажному дѣлу). Павловскому вѣдь доучало же правительство съ своими предложеніями почти на смертномъ уже одрѣ, такъ что онъ наконецъ вынужденъ (стр. 189) былъ выругать ихъ, «какъ послѣднихъ негодяевъ». Правительство какъ поступило съ унитами, такъ же хотѣло сдѣлать и съ католическою школою, тѣмъ болѣе, что, избравъ молодого архіепископа г. (Головинскаго), навѣрно считало уже дѣло внигравнимымъ. Унитскій коллегіумъ перенесенъ въ столицу — хотѣли соединить его съ католическимъ; помѣщенъ при церкви в. мученицы Еватеринны, затѣмъ присоединенъ къ синоду, — тогда же, за данную сумну, Сѣмашко подалъ реэстръ тѣхъ ксендзовъ, которые хотятъ принять православіе; надавали имъ высшихъ должностей, — вотъ и начали они усердно хлопотать объ обращеніи другихъ волею и неволею. Избирая Головинскаго въ архіепископы, правительство уже заранѣе утѣшало себя успѣхомъ, думало, что молодого человѣка закупитъ блескомъ и столь высокимъ саномъ, и что затѣмъ станеть распоряжаться, какъ ему угодно. Въ такихъ-то видахъ уже заблаговременно переводитъ академію изъ Вильны, назначаютъ большое содержаніе, даютъ выгодное помѣщеніе, заботливо хлопочутъ объ удобствахъ учеивковъ, посѣщаютъ ихъ. Такъ Сербиничъ, директоръ министерства внутренннихъ дѣлъ ..... вѣдитъ каждый день, входитъ въ тѣснѣйшую пріязнь съ Головинскимъ. Императоръ составляетъ проектъ о назначеніи Головинскаго же и варшавскимъ архіепископомъ, чтобы католицизмъ составлялъ уже нѣчто единое и находился подъ управленіемъ одного архіепископа; имѣетъ намѣреніе перенести въ Петербургъ варшавскую академію, соединить ее съ бывшею виленскою и, но слити въ одно заведеніе, отдать подъ управленіе архіепископа. Одинъ начальникъ, одно высшее заведеніе; а завѣдывающимъ этимъ заведеніемъ, этимъ начальникомъ — Головинскій, значитъ — остается только вскружить ему голову золотомъ и дымомъ славы, какъ человѣку молодому — и затѣмъ, въ одинъ приемъ можно будетъ достичь своей цѣли. Таковъ былъ планъ! И такъ, призываетъ императоръ къ себѣ Головинскаго и отрываетъ свой проектъ соединенія варшавской академіи съ петербургскою, съ врученіемъ начальства Головинскому, котораго спрашиваетъ: какъ ты думаешь? А Головинскій отвѣчаетъ: «довольны ли в. в. духомъ нашей академіи?» «Очень!» — «А варшавской?» — «Нѣтъ». А Головинскій и говоритъ на это: «вотъ видите, когда перенесете варшавскую академію (въ которой одн. поляки), то я не только за тѣхъ, но и за своихъ

Въ подлинникѣ слѣдуетъ ругательный эпитетъ, оумешенный за «Вѣстникъ».

въ то же время не въ состояніи буду поручиться». Государь принялъ это къ свѣдѣнію, и дѣло оставилъ. Выбираютъ епископовъ (на которыхъ имѣютъ основаніе разсчитывать), показываютъ Головинскому, какихъ надежныхъ лицъ избрали — Головинскій хвалитъ выборъ, но вмѣстѣ проситъ, чтобы позволили и ему съ своей стороны представить нѣсколькихъ кандидатовъ; такимъ образомъ, избираетъ Боровскаго, Волончевскаго и Войткевича и секретно посылаетъ въ Римъ, чтобы этихъ только и утвердили. Получаетъ правительство резолюцію изъ Рима и дивится, отчего эта апостольская столица утвердила только кандидатовъ Головинскаго и ни одного изъ представленныхъ правительствомъ. Удивилось правительство, но, довѣряя ему (ибо не знало его доподлинно), оставалось покойно. Когда такимъ образомъ зангрынали съ Головинскимъ, вступали съ нимъ въ пріязнь — думало правительство, что уже пришла пора дѣйствовать согласно его планамъ. Скрипицынъ, этотъ вѣрный другъ, чуть не ежедневно посѣщавшій академію и Головинскаго, приходитъ однажды къ архіепископу, обѣщаетъ ему дать 60,000 руб. серебромъ, если онъ подастъ списокъ тѣхъ всендзовъ, которые согласились бы принять православіе. Тогда Головинскій, сильно пораженный, воскликнулъ: «доволе-жь это будетъ? Что жъ думаешь — я мальчикъ, — помни, что я не пересталъ быть полякомъ, — что я былъ шляхтичемъ прежде, чѣмъ всендзомъ, — такъ я не ручаюсь и за руку свою.» При этихъ словахъ поднялъ руку свою, какъ-бы для того, чтобы ..., а Скрипицынъ, совершенно не ожидая такого отвѣта, чуть не умеръ со стыда, убрался какъ лиса, красный, и не могъ никогда простить себѣ, что далъ себя такъ надуть. Съ того времени пересталъ уже посѣщать архіепископа, и только ждалъ и искалъ удобнаго случая. Когда въ Москвѣ вс. Горбачевскій не хотѣлъ вѣнчать смѣшаннаго брака и узналъ объ этомъ Скрипицынъ, то, какъ бѣшеный, прилетѣлъ онъ въ академію, ворвался въ классъ, на лекцію профессора Нѣмешни (каноническаго права) и началъ ему выговаривать, какъ это онъ читаетъ, что ученики академіи такъ бунтуютъ; потомъ полетѣлъ къ архіепископу, какъ шальной бѣгалъ по академіи; наконецъ кто-то, встрѣтившись съ нимъ, сказалъ, что здѣсь не академія вновата, но что въ Москвѣ есть аристократка Растопчина, которая приняла католицизмъ и, сдѣлавшись великой фанатичкою, теперь волнуетъ почти всю Москву. Опомнившись тогда, Скрипицынъ снова возвращается къ Головинскому, извиняясь, что несправедливо поступилъ и прося вмѣстѣ съ тѣмъ совѣта, какъ поступить и что сдѣлать Горбачевскому за непослушаніе? Головинскій говоритъ: «а что жъ? надо наказать.» Скрипицынъ: «ну, какъ же? Я думаю, въ Сибирь надо сослать.» Головинскій: «этого еще мало, слѣдовало бы выдумать что либо похуже; но что ты скажешь, если государь спроситъ: изъ какаго заведенія этотъ всендзъ, Горбачевскій? Изъ академіи. А кто начальникъ академіи? ты и я: вѣдь и намъ достанется.» Ахъ, это правда, говорить

Скрипидинъ: но что же дѣлать.» «Ну, ты отдай мнѣ этого ксендза, говоритъ Головинскій: а я уже спроважу его подалѣе.» Головинскій выслалъ Горбачевскаго куда-то въ викарію, откуда, чрезъ нѣсколько времени, онъ былъ переведенъ въ Могилевъ. Такиа-то возни строило тогда правительство, чтобы снова ослабить, а если можно и совершенно уничтожить католицизмъ, но оно ошиблось. Съ этою-то цѣлію назначена каведра архіепископа въ столицѣ, съ этою цѣлію переведена академія, ибо правительство успѣло уже приобрести значительное вліяніе на коллегію. Коллегію составили нѣсколько прелатовъ, явобы изъ опасенія, чтобы Сестренцевичъ не причинилъ вреда католицизму. Средство это оказалось однимъ изъ самыхъ гибельныхъ, ибо правительство постоянно добивалось получить въ нее доступъ. И тѣмъ легче правительство могло получить его, что коллегія составила изъ нѣсколькихъ членовъ, гдѣ бы нужно было быть собственно великому единенію и силѣ. Уже при Цѣцишовскомъ сдѣланъ былъ коллегіи запросъ, и это былъ еще первый, о томъ, можетъ ли быть отправлено въ костелъ заупокойное богослуженіе по умершей императрицѣ (Matce Mikołaja); нѣкоторые изъ прелатовъ отвѣтили, что слѣдуетъ спросить у митрополита, который находился тогда въ Каменцѣ или въ Луцкѣ, и дѣйствительно написали къ нему. Между тѣмъ, когда правительство настанвало, нельзя ли сдѣлать этого помимо отвѣта архіепископа, такъ-какъ долго придется ждать, то одинъ изъ прелатовъ отвѣчалъ, что еслибы согласился еще кто-нибудь, то онъ подписалъ бы. Правительство привязалось къ этому: подписалъ одинъ, принудило и остальныхъ; такимъ образомъ, рѣшено въ коллегіи прежде, нежели полученъ отвѣтъ архіепископа. Цѣцишовскій, въ самомъ дѣлѣ, съ достоинствомъ отвѣтилъ, что ни коимъ образомъ этого допустить нельзя, ибо этого не позволяетъ каноническое право. Но что же, когда дѣло рѣшено было уже прежде полученія увѣдомленія отъ епископа? Еслибы прелаты въ то время не поступили самовольно, или сослались бы на архіепископа, еслибы ждали отвѣта и ничего не дѣлали бы безъ его утвержденія, то, конечно, не осмѣлилось бы правительство добиваться чего-либо несообразнаго — а то этимъ однимъ и первымъ поступкомъ открыли дорогу и для дальнѣйшихъ привязовъ. Теперь даже трудно отговориться, ибо правительство сейчасъ же возражаетъ: «а почему же дѣлано такъ прежде? развѣ ты лучше?» Кромѣ того, когда согласится одинъ прелатъ, то должны согласиться и остальные. Ловя такимъ образомъ поодиночкѣ, правительство своей цѣли не разъ достигаетъ; можетъ быть, не разъ позоветъ къ себѣ одного изъ ихъ, наговоритъ ему всего какой-нибудь тамъ прокуроръ, да еще и погрозитъ. Теперь видимъ, какъ вредна и непрігодна была цѣль того, кто порѣшилъ основать коллегію. Утративъ, по неосторожности, свою независимость отъ правительства, коллегія часто противъ воли своей отмѣняетъ распоряженія епископа, или утверждаетъ то, что имъ отмѣнено, примѣнительно къ тому, на

сколько можетъ вліять на коллегію правительство. А вѣдь, если взять дѣло, какъ оно есть само по себѣ, то коллегія есть не болѣе, какъ собраніе нѣсколькихъ прелатовъ, изъ которыхъ съ каждымъ собственный его епископъ можетъ поступить, какъ съ подчиненнымъ: можетъ ему приказать или воспретить—не справедливо поэтому коллегія приписывала себѣ какія-нибудь чрезвычайныя преимущества. Что касается насъ, то будемъ помнить, что настоящіе наши начальники суть епископы, чрезъ которыхъ изливается на насъ благодать и юрисдикція, значить—ихъ мы обязаны слушать. Еслибы, поэтому, изъ коллегіи пришло какое-нибудь распоряженіе вопреки волѣ епископа, то мы ни мало не обязаны (исполнять его). Ибо мы обязаны дѣлать только то, на что есть ясная воля или приказаніе епископа, ихъ должны слушать, какъ отъ Христа поставленныхъ, коллегія же есть дѣло—*частное, временное, есть тѣло собирательное*, которому повиноваться мы обязаны только тогда, когда соизволитъ на это епископъ. Возвращаясь еще разъ къ коллегіи, видимъ, какъ она связана и что за неблагоприятныя дѣла были причиною ея учрежденія (разумѣется, при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы теперь находимся). Вѣдь эта самая коллегія, которая, можетъ быть, порознь вопіетъ противъ угнетенія, сама готовитъ себѣ петлю. Такъ, напр., одновременно съ указомъ императора объ унитакъ папа издалъ буллу, противную этому указу; онъ ее скрыли. Потомъ папа крѣпко стоялъ за имущества духовенства, они и объ этомъ промолчали — и что еще хуже, сама коллегія подала мнѣніе, что имущества вредны и препятствуютъ духовенству въ исполненіи обязанностей. То же самое должно разумѣть и относительно утвержденія епископовъ, и относительно закрытія монастырей. Разумѣется, правительство настоятъ, принудитъ подписать—а папа, вида волю духовныхъ, соглашается или не возражаетъ.

«Остается еще поговорить объ отношеніяхъ духовенства къ власти свѣтской — къ *правительству*. Дѣло несомнѣнное, что власть свѣтская происходитъ отъ Бога, ибо священное писаніе ясно говоритъ: всяка власть отъ Бога и проч. Мы должны двояко разсматривать эту власть и различать власть законную, которую любимъ, которая идетъ отъ собственныхъ королей, и власть наброшенную, подъ какою находимся мы въ настоящее время. Естественное, что этой другой власти любить мы не можемъ; но слушать ее обязаны. Потому что объ власти исходятъ отъ Бога, съ тѣмъ лишь различіемъ, что первая дается по милости божіей, для нашего добра и охраненія порядка, другая же — по божію попущенію, въ наказаніе. Обязанность повиновенія и сей послѣдней власти явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ Христа къ Пилату: не имѣлъ бы ты власти надо мною, еслибы не дано было тебѣ отъ Бога. А мы должны знать, что Пилатъ не былъ настоящимъ правителемъ іудеевъ, былъ римлянинъ, а жиды презирали язычниковъ. Эту же самую теорію можемъ мы приложить и къ Поль-

шѣ. Между всѣмъ славянствомъ Польша была странюю могущественнѣйшею, была въ то же время и странюю католическою. Въ то время, когда нѣмцы въ вѣвн славянскія находились въ недовѣрствѣ, на примѣръ, Русь, которая издавна уже принадлежала къ схизмѣ, сербы на Балканскомъ Полуостровѣ, принявшіе исламизмъ, и нѣмцы отрасли, къ которымъ вторглись гусситы, виклефасты и др. — въ это время, Польша, пока сохраняла чистоту вѣры и нравовъ, до тѣхъ поръ была могущественною, многіе завидовали ей. Должно еще замѣтить, что Польша всегда отличалась шляхетностію и просвѣщеніемъ, что воевала не для добычи и завоеваній, но единственно для распространенія католической вѣры; что возрасла не корыстію, но вслѣдствіе добровольнаго подчиненія и слѣнія съ нѣмцами. На примѣръ, Литва братски породнилась отнюдь не войною, но чрезъ принятіе католической вѣры; такъ и съ Русью Польша если воевала, то дѣлала это какъ для распространенія католической вѣры, такъ и для защиты братьевъ своихъ униатовъ отъ обидъ; то же самое было и съ казаками: вѣдъ Баторій дѣлъ имъ особенныя права и великія льготы, которые и не отнимались отъ нихъ, а Польша хотѣла только привить къ нимъ католицизмъ. Итакъ, видимъ, что Польша никогда не руководилась корыстію, что имѣла чистую цѣль введенія и распространенія католической вѣры. Знаемъ, что когда Собѣсскій ходилъ освобождать Вѣну, которая непремѣнно погибла бы, еслибы не выручилъ король, то всѣ современники дивились, да и теперь дивятся и ставятъ въ укоръ, почему Собѣсскій, который могъ бы тогда забрать Австрію и поступить съ нею, какъ угодно, ничего не хотѣлъ тогда взять въ свою пользу. Точно также, когда и Пруссія просила, чтобы Польша присоединила ее къ себѣ, долго поляки не могли согласиться, король долженъ былъ созвать сеймъ и долго еще разсуждали поляки прежде, чѣмъ рѣшились дать право гражданства нѣмцамъ плюдрамъ, какъ они выражались. Видимъ такимъ образомъ, что Польша не только не была жадною до завоеваній, но, напротивъ даже, и добровольно поддающихся не хотѣла принимать. Замѣтимъ и то еще, что Польша никогда не имѣла регулярнаго войска, что имѣла такую опасную конституцію (*liberum veto*), по которой одинъ могъ превратить въ ничто волю и постановленія всѣхъ, и при всемъ томъ, однакожъ, пока жива была вѣра, была и Польша мужественна и спокойнѣйшимъ образомъ и безъ препятствій совершала свои сеймы. Но позднѣе, когда измѣнилась она въ нравахъ своихъ, когда отеряла ворота разнѣмъ ересямъ, и знатнѣйшіе вельможи стали принимать ихъ, когда, говорю, забыла Бога и правду, тогда и Богъ началъ поражать Польшу. Уже и сосѣди тогда начали нападать и грабить, уже шведы напали, а поляки потеряли мужество, и самъ король Янъ Казимиръ долженъ былъ бѣжать въ Краковъ, но живая вѣра еще не вездѣ угасла, потому что когда шведы напали на Ченстоховъ, то Ясна Гора сохранена не войскомъ, но вѣрою нѣсколькихъ монаховъ, и когда

шведы, несмотря на всѣ усилія, не могли взять Ясной Горы, то вступило мужество тогда въ сердца поляковъ, пробудилась ихъ вѣра, и прогнали непріятелей. Итакъ, кара божія должна была пасть на Польшу за безвѣріе, извращеніе нравовъ, принатіе ересей и ту опеку, которую магнаты оказывали пновѣрнымъ — тѣ безчисленныя, наконецъ, благодѣянія, за которыя поляки оплачивали Богу неблагодарностію. Уже Сварга, какъ мужъ божій, за 260 лѣтъ до раздѣла Польши, предсказалъ ей паденіе, которое, наконецъ, и наступило. Вѣдь при раздѣлѣ Польши было только 5,000 войска, значитъ она покорилась не силѣ, но предопредѣленію. Нельзя поэтому говорить, что Польша завоевана: Польша сама распалась, а тѣ позабрали себѣ только распавшіяся части. И подлинно, не великія силы могутъ воскресить ее, а исправленіе жизни, покаяніе и искреннее обращеніе. Пока она не исправится, пока Богъ не умилостивится надъ нею, до тѣхъ поръ тщетны будутъ всѣ людскія старанія, какъ неразъ тщетны усилія евреевъ, хотѣвшихъ вопреки волѣ божіей выбиться изъ-подъ ярма, рукой божіей на нихъ возложеннаго. Напротивъ, за то, что не хотѣли они сносить его и хотѣли пріобрѣсти свободу собственною силою, а не чрезъ обращеніе, Богъ часто отдавалъ ихъ, въ наказаніе, въ руки еще худшія. То же самое было и съ Польшею: сколько было этихъ заговоровъ, и никогда не удавались. Въ 1831 году еще была по крайней-мѣрѣ отертыя война и не безъ плодовъ; въ 1846 году (въ Познани) не стоитъ даже упоминанія, а въ 1848 году, тѣмъ болѣе: было это какое-то ребячество, безтолочь — не болѣе. Ошибочно мнѣніе тѣхъ, которые судятъ, что, желая возвратить край, надобно собрать какъ можно болѣе пороку, оружія и т. п.; дѣлали и это, однако не удавалось. Трудно идти противъ воли божіей; нѣтъ, не въ такихъ приготовленіяхъ, а въ покаяніи, исправленіи нравовъ, обращеніи — вотъ въ чемъ средства, которыми можемъ мы умолить Бога, и какъ нѣкогда опомнившихся іудеевъ спасалъ Богъ, такъ и съ нами кающимися можетъ сдѣлать; какъ имъ послалъ Кира, такъ и намъ можетъ даровать избавителя и помощника во время, когда мы совершенно и не надѣемся. Вѣдь когда французы перешли за Рейвъ, или были подъ Севастополемъ, развѣ не показывалъ Богъ очевидно возможность избавленія нашего? Пусть бы только французы заняли эти области и пусть бы только пало въ нихъ правительство руссійское, тогда бы всѣ поднались: но такъ какъ мы не были этого достойны, то Богъ показалъ только, что можетъ насъ избавить, и затѣмъ отнялъ руку свою. По несчастію, много есть нашихъ, которые не понимаютъ этого. Они весь патріотизмъ полагаютъ въ чтеніи извѣстнаго рода книжекъ, въ заговорахъ, въ какой-то глупой экзальтаціи. По ихъ мнѣнію, кто этого не дѣлаетъ, тотъ человѣкъ недостойный, не полякъ. А между тѣмъ, если посудить о дѣлѣ здраво, то изъ этихъ книжекъ едва-ли даже десятая часть стоитъ прочтенія. Всѣ, по большей части, безбожныя, писаны противъ церкви и религіи като-

лической, а иные, кроме того, заключаютъ въ себѣ основаніи вредныя и ложныя. Эмигранты, напримѣръ, одержимые злостію, что имъ не удалось, сваливаютъ всю вину на пановъ, въ сочиненіяхъ своихъ поджигаютъ къ уничтоженію шляхты, тогда бѣгъ шляхты у насъ составляетъ все основаніе; что же останется, если ее уничтожить? темный народъ: но онъ даже и не понимаетъ, что такое патриотизмъ. Такими писателями были Лелевель, врагъ перкви; Морачевскій, который доказывалъ, что католицизмъ погубилъ Польшу, и т. д. Очень немногіе писали въ направленіи болѣе чистомъ, между которыми достоинъ замѣчанія Витвицкій и т. д. Къ несчастію, Морачевскій очень понравился обществу, молодежь до сихъ поръ занимается имъ, особенно же студенты, какъ юноши, легче достаютъ себѣ, съ жадностію читаютъ, заразились этимъ духомъ и не могутъ теперь выйти изъ заблужденія. Оттого-то молодежь наша университетская—самая не набожная. Лучше бы давно смечь эти книги, чѣмъ гоняться за ними. Какъ прекрасно изобразилъ это Мицкевичъ, который представляетъ старца, сидящаго на завалинѣ, будто бы уже по возстановленіи Польши и среди глубочайшаго мира, а при немъ забавляющіеся молодой внучекъ спрашиваетъ: «отчего, дѣдко, когда ушли мы за границу, то ничего не писали о своихъ дѣлахъ»? Старецъ отвѣчаетъ: «какъ такъ? нѣтъ, мы писали», но, мгновеніе подумавъ, прибавляетъ: «писали мы, и даже много, но поелику ничего тамъ не было добраго, то, по правдѣ сказать, сожгли мы все то».

«Такимъ образомъ, здѣсь положеніе всендза довольно трудное: съ одной стороны хвалить и считать добрымъ дѣломъ заговоры и книги — не годится, ибо дѣйствительно они вредны, а съ другой, и возставать противъ этого — будутъ на насъ кричать. Здѣсь, слѣдовательно, надобно выработать въ себѣ такое мужество, чтобы ихъ охуждать, несмотря на восхваленія другихъ, не обращая равно вниманія и на то, что будутъ на насъ говорить: пусть называютъ насъ москалями; пусть толкуютъ, что нѣтъ въ насъ патриотизма—мы поступаемъ по убѣжденію, не обращая вниманія на чьи бы то ни было крики. Что же касается затѣмъ власти, подъ которою находимся мы нынѣ, то негодится дѣлать видъ, что мы ее любимъ и признаемъ своею, законною, когда это не такъ; напротивъ, будемъ сами имѣть убѣжденіе и вопрошающимъ будемъ отвѣчать, что это власть завоевательная, наметная, по допущенію божию, что отъ Бога зависить отдать насъ подъ эту власть и освободить отъ нея. Поэтому, какъ негодится съ одной стороны ласкательствовать ей, такъ съ другой противиться ей и клеветать на нее было бы грѣхомъ противъ Бога. Такъ, напримѣръ, если отецъ держитъ розгу надъ дитятемъ, то не годится ребенку ни вырваться, ни сердиться, ибо, слѣлавъ это, согрѣшило бы не изъ-за розги, но непослушаніемъ своимъ и бунтомъ, ибо эта розга, пока она въ рукѣ отца, получаетъ авторитетъ отцовскій: если отецъ приважетъ, то ребе-

нокъ долженъ чтить ее и цаловать; но коль скоро отецъ бросить, розга эта ничего не значить, и ребенокъ можетъ и сломать ее, и бросить въ печь. Такъ же точно и власть, какова бы ни была, мы обязаны слушать, ибо Богъ даетъ ее и употребляетъ орудіемъ наказанія; поэтому, возставая противъ нея, грѣшимъ не относительно власти, но относительно Бога. Гадко смотрѣть, безчестно даже забѣгать, лстыть, дѣлать видъ, что преданы душою и сердцемъ, а въ существѣ дѣла быть иного убѣжденія. Мало ли у насъ такихъ патріотовъ, которые гдѣ нибудь по угламъ и сбѣгутъ и рубятъ, всѣхъ бы москалей, кажется, отъ разу перевѣшали, а въ глаза и слова-то сказать не отважатся, а напротивъ лстытъ и распинаются.

«Было-же вѣдь много ксендзовъ, которые не хотѣли исповѣдываться безъ свидѣтельства, безъ метрики, безъ какихъ-то тамъ доказательствъ, изъ боязни попасться. Годится-ли, чтобы служитель смиренія, утѣшенія и помощи былъ въ конфесіоналѣ какимъ-то полицейскимъ, частнымъ приставомъ? Въ каковомъ случаѣ, еслибы и епископъ кому запретилъ исповѣдываться, а совѣсть говорила бы ему иначе, то не долженъ онъ идти вопреки убѣжденію, ибо въ дѣлахъ, касающихся совѣсти, никого слушать не слѣдуетъ (развѣ еслибы папа повелѣлъ или воспрегилъ). Что касается заговоромъ и жѣмъ паче участія въ войнѣ, соединенной съ присягою, то слѣдуетъ замѣтить, что ни дозволять этого нельзя, ни также запрещать совершенно; мы должны напомнить и предостеречь кающагося, чтобы не участвовалъ; но если замѣчаемъ, что въ его дѣйствія не входитъ никакого личнаго разсчета, что онъ дѣлаетъ это для общаго, по его убѣжденію, блага, то совершенно отказывать ему въ разрѣшеніи не можемъ, да и не обязаны. Это было во время венгерской войны, когда тѣмъ, которые участвовали въ возстаніи, вѣюторне ксендзы отказывали въ разрѣшеніи, не умѣя помирить патріотизма съ данною присягою. Къ такимъ-то вотъ архіепископъ варшавскій писалъ, что осуждать ихъ мнѣнія онъ не можетъ, не можетъ насиловать ихъ убѣжденія, но если они такъ шекотливы, то не позволяетъ имъ исповѣдываться, запрещаетъ. И такъ, въ такихъ и тому подобныхъ случаяхъ, гдѣ не позволяетъ совѣсть, гдѣ что либо прямо противно совѣсти нашей, не можетъ принуждать насъ ни епископъ, ни архіепископъ. Если епископъ назначитъ наказаніе, засадитъ, напримѣръ въ монастырь, то должно принять наказаніе съ смиреніемъ и поворностию, но не слушать. Что же касается унитовъ, то святой отецъ ясно повелѣваетъ, чтобы мы не отлучали ихъ отъ себя, весьма трогательно увѣщаетъ и вмѣстѣ грозитъ великою отвѣтственностью на судѣ божіемъ, если эта малая часть стада Христова будетъ отдѣлена и потеряна; можно ли же поступать вопреки убѣжденію? Что до отношеній, наконецъ, къ свѣтской власти, то повторяю, что мы должны и слушать ее и переносить, какъ отъ Бога посланную, но лстыть, дѣлать видъ, что любимъ ее, какъ собственную, и распинаться предъ

нею не годится вовсе. Ибо это несогласно и съ достоинствомъ честнаго человѣка, да и москали именно только такихъ и любить, которые не боятся въ глаза сказать имъ правду.»

Это—образецъ высшаго поученія, притягивающаго польское духовенство къ Рпму, и опредѣляющій такия отношенія этого духовенства къ русскому правительству, чтобы духовенство и безъ революцій *всегда* было оппозиціоннымъ, по убѣжденію, по мысли, по духу и даже по внѣшнимъ своимъ сношеніямъ.

— Приводимъ здѣсь другой, весьма замѣчательный образецъ католическаго краснорѣчія, которымъ удерживаютъ въ своей власти ксендзы необразованную народную массу. Эта проповѣдь прежде всего обличаетъ глубочайшее невѣжество и крайнюю наглость ксендза, но тѣмъ не менѣе, она достигаетъ цѣли и служитъ выраженіемъ установившихся отношеній духовенства къ народу:

«Во имя отца и сына и святого духа!

«Извѣстно вамъ, слушатели, что Христа-Спасителя въ сей день поили на крестѣ отцомъ съ желчью — и я также съ горечью сердца буду говорить съ вами. Всего въ этомъ костелѣ недостааетъ — вижу, что и васъ также нужно обличать, какъ нѣкогда обличалъ іудеевъ св. псалмопѣвецъ, пророкъ Давидъ: — «имѣете, поганцы» — говорилъ онъ, буркали (очи) — и не видите, въ чемъ нуждается ксендзь-пробощъ; имѣете руки и не приносите, осли! Взгляните, вотъ даже у самаго гроба Христа нѣтъ лампы, которая была бы угодна Богу и полезна людямъ, чтобы кто-нибудь изъ васъ не стукнулъ объ лавку рыломъ и не расквасилъ себя *нюхала*. Посмотрите, олухи, Христосъ лежитъ нагъ — а догадались ли кто-нибудь изъ васъ принести хоть кусокъ полотна, а?... Гоняетесь за мірскою суетою, вѣруете въ колдунн^{*}, какъ Мошко^{**} въ Моисея, стараетесь золотыми наполнять мошну, только и думаете о своемъ грѣшномъ тѣлѣ, а о душѣ *ни ду — ду*, а?... Лѣзете, цымбалы, въ костелъ божій, какъ свиньи въ хлѣвъ, а не видите: что въ немъ дѣлается, а?... Вы забыли, ротозѣи (гапн), что сказалъ Христосъ: «Если дадите ксендзу-пробощу, то все равно, какъ-бы мнѣ самому дали!» — Сосѣднія парафіи удивляются вашему сваредничеству, что вы, свиньи, ни Христу, ни костелу, ни самому ксендзу-пробощу ничего не даете; хорошо ли это, собаки, а?... Приближаются праздники, я долженъ дѣлать свѣчи собственными руками, а дали вы воску, дегтярники, а?... Вѣдь вы сами знаете, что я ксендзь-пробощъ, а не какой-нибудь мыловаръ. Въ костелѣ нѣтъ оконъ, въ ксендзовскомъ домѣ также выбиты; воробьи загадили стѣны, свамьи и — что же? я самъ долженъ очищать и обметать, а?... Къ тебѣ, Господи, взываю, говори лучше... Ты за меня, милосердный!... Твоею властью я поставленъ въ этой парафіи пастыремъ; но кого жь, Господи, я буду пасти,

* Колдунн — кушанье въ родѣ пильменей.

** Мошка — еврейское уменьшительное имя Моисей.

когда эти висельники (галензники), ни козы, ни барана, ни вола, ни осла, ни свиньи, ровно ничего не даютъ мнѣ? Вѣдь самъ видишь, Господи, въ какой я рясѣ хожу, а ни одинъ хамъ не подаетъ мнѣ на лучшую!... Но я васъ объ этомъ не прошу, мерзавцы, обойдусь и безъ вашей милости; голымъ еще я не ходилъ и ходить не буду... Хотя я и въ бѣдной рясѣ, но не хуже того, который ходить въ атласной шубѣ и желтыхъ *бутахъ*. Вѣдь я тоже шляхтичъ отъ дѣдовъ, прадѣдовъ, отъ пятнадцати гербовъ, семи поколѣній... да развѣ вы что понимаете, шубравцы (сволочь), а?... Слушайте же, блазны, какъ Богъ, устами св. Августина, жалуется на васъ: «жаль васъ, говоритъ, дурни, что я сотворилъ васъ». Вѣдь вы не соблюдаете заповѣдей божіихъ, для чего же живете? Зачѣмъ васъ земля носить?... Развѣ для того, чтобы брала у другихъ и у меня?... Поотбирали принадлежавшія костелу земли—обидѣли меня, собаки, съ вашимъ паномъ!... Но за это придѣтся вамъ отвѣдать лакомства въ огненномъ *нектарѣ* (адѣ), поподчуютъ васъ тамъ горячею смолою, нажрется ею досыта, понимаете ли это, цымбалы, а?... Не знаете того, что когда обижаешь ксендза-пробоша, то какъ-бы самаго Бога обдиралъ, а?... Вѣдь слышите же, что говоритъ св. Евангеліе: «Отдай Богово Богу, кесарево кесарю, и пробошево пробошу!» Вѣдь на этомъ, цымбалы, и вѣра стоитъ; но вы вмѣсто того, чтобы мнѣ подать, еще мои *маморгатки** обтрусили, заборы поломали, траву потолочили, терзаете меня, ксендза-пробоша, какъ собаки кабана, а?... О, Господи, еслибы Ты умилостивился и прислалъ хотя одного изъ тѣхъ разбойниковъ, которые вмѣстѣ съ тобою висѣли на крестѣ, и приказалъ переломать ноги и ребра этимъ висѣльникамъ, которые, забывъ Бога, лезать въ мой огородъ и уничтожили мои бобы, горохъ и картофель!... понимаете ли, лотры, а?... О, еслибы у меня былъ камень въ рукахъ, повывивалъ бы я вамъ, шубравцамъ, всѣ зубы... Слушайте же, болваны, какъ жалуется Богъ, устами св. Августина:—«Я могъ сотворить тебя, говоритъ, и безъ тебя, но не могу спасти тебя безъ тебя!»—слушайте, вороны, а?... Повѣрь каждый свою совѣсть, сколько разъ ты обидѣлъ ближняго и меня?... Но Христось ожидаетъ исправленія и говоритъ каждому изъ насъ:—прийдте ко мнѣ всѣ жаждущіе, и я утолю васъ!—О, еслибы Ты, Господи, сошелъ съ этого креста, да взялъ бы кнутъ и этихъ собакъ-хамовъ, одного за другимъ, утолилъ кнутомъ—Господи, какъ бы Ты хорошо сдѣлалъ!... Въ самомъ дѣлѣ, вы, собаки, Бога въ сердцѣ не имѣете, когда мнѣ, вашему ксендзу-пробошу, ничего не даете... За то Богъ за мое долготерпѣніе не оставляетъ меня и помогаетъ мнѣ, а дьяволъ вамъ своимъ чадамъ не зачеркнетъ тѣхъ мѣтокъ, что записаны имъ на бычачьей кожѣ. Вы старались выгнать меня изъ этого пробства, да вотъ не

* Тамъ называютъ особенную породу грушъ-скороспѣлокъ.

будетъ же по вашему; я живу тутъ уже 12 лѣтъ и буду жить до самой смерти, а васъ, подлецовъ, если не исправитесь, черти всѣхъ распаленными влещами живьемъ перетаскаютъ въ адъ, чего вамъ отъ всей души желаю. Аминь» *.

Мы затрудняемся прибавить чтонибудь къ этимъ строкамъ католическаго краснорѣчія.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Проектъ децентрализаціи. *Изданіе Вагнера* **.

Книга эта заключаетъ въ себѣ предложеніе административнаго преобразованія во Франціи весьма умѣреннаго свойства, но тѣмъ не менѣе составляющаго очень интересное и значительное улучшеніе современнаго ея управленія. Все предложеніе сводится къ слѣдующимъ четыремъ пунктамъ, именно:

1) Дать большую самостоятельность общинѣ (*commune*) и придать ей значеніе, котораго она теперь почти вовсе не имѣетъ; 2) осуществить на дѣлѣ кантонъ (соединеніе нѣсколькихъ общинъ), который въ настоящее время существуетъ только на бумагѣ; 3) уничтожить округъ (*arrondissement*), неприносящій никакой пользы и несоотвѣтствующій потребностямъ управленія; 4) дать большую самостоятельность и независимость департаменту.

Означенное, вполне рациональное предложеніе обратило на себя всеобщее вниманіе и возбудило въ журналахъ весьма оживленную полемику по той причинѣ, замѣчаетъ колко «*Journal des économistes*», что нѣсколько французовъ добровольно рѣшились *сами*, безъ всякаго приглашенія или порученія со стороны правительства, обсудить тѣ измѣненія, которыя надлежитъ произвести въ управленіи страны, и отважились напечатать свои заключенія. Фактъ этотъ является совершенно новымъ во Франціи и положеніе всей общественной нравственности страны таково, что надлежитъ особенно радоваться явленію, которое по характеру своему должно бы принадлежать къ числу самыхъ обыденныхъ. Къ тому же, въ настоящее время вошло во Францію въ моду прославлять свободу, въ чемъ участвуютъ также лица, принадлежавшія нѣкогда къ числу самыхъ жестокихъ и непри-

* Проповѣдь эта не вымышленна, а буквально переведена изъ польскаго помянутого, находящагося теперь въ редакціи «Вѣстника Западной Россіи».

** UN PROJET DE DECENTRALISATION. *Wagner* éditeur. Nancy.

миримыхъ ея враговъ. Децентрализація же, какъ извѣстно, является самою ощутительною и наглядною формою свободы, и съ давнихъ поръ уже составляетъ предметъ желаній благонамѣренныхъ людей Франціи. Объ этомъ заявляли еще извѣстные *sabiers* 1789 года, громко жалуясь на невыносимую тяжесть централизаціи. Поэтому учредительное собраніе, а также и конвентъ признали самостоятельность (*autonomie*) мѣстнаго управленія въ изданныхъ ими конституціяхъ 1791, 1793 года и III-го года. Съ возстановленіемъ же прежняго правленія конституціею VIII года, появилась снова централизація, подававшая постоянно съ того времени поводъ къ многочисленнымъ заявленіямъ ея несостоятельности со стороны множества лицъ всѣхъ возможныхъ партій. Но заявленія эти, дѣланныя только отдѣльными лицами, оставались безъ всякихъ практическихъ послѣдствій; государственные перевороты, призывавшіе поочереды къ управленію страной легитимистовъ, орлеанистовъ и республиканцевъ, нисколько не измѣнили централизаціи; она оставалась все та же; никто и не думалъ даже измѣнить § 75 конституціи VIII года и установленный имъ порядокъ дѣлъ. Теперь же нѣсколько лицъ города Нанси *коллективно* заявляютъ о недостаткахъ централизаціи и вредныхъ ея послѣдствіяхъ, и напечатавъ свои предположенія къ отстраненію подобнаго ненормальнаго положенія дѣлъ, предлагаютъ ихъ обсужденію всей массы читателей. Теперь остается только узнать, какъ посмотреть на это вся нація и расположена ли она въ этомъ отношеніи послѣдовать началамъ, высказаннымъ ея предками въ 1789 году.

Объ отношеніи географіи къ политической экономіи. Дювала. *Парижъ* *.

Авторъ, проникнутый убѣжденіемъ, что географія и политическая экономія представляютъ собою двѣ науки, состоящія въ тѣсной, естественной связи, указываетъ на недостатки, проистекающіе отъ отдѣльнаго ихъ изученія, и предлагаетъ, по его мнѣнію, болѣе занимательный и полезный методъ изученія географіи. Онъ отправляется съ читателемъ путешествовать постепенно по всѣмъ частямъ свѣта и указываетъ ему экономическія послѣдствія тѣхъ фактовъ, на которые при первоначальномъ обученіи смотрятъ только съ любопытствомъ, какъ на игру природы. Онъ объясняетъ вліяніе мѣстности, климата, температуры, вѣтровъ, воды и талъ далѣе, на промышленность и занятія жителей, на торговлю и народное богатство страны, а также на нравственное ея положеніе. Эта часть сочиненія столь же оригинальна, какъ и занимательна. Хотя очевидно, что Дюваль пользовался при этомъ во множествѣ чужими изслѣдованіями, тѣмъ не менѣе, нерѣдко онъ высказы-

* DISCOURS SUR LES RAPPORTS ENTRE la geographie et l'économie politique, par Jules Duval. Paris. Guillaumin.

ваетъ довольно своеобразные взгляды и предположенія. Обращаясь послѣ этого къ царствамъ животному и растительному, онъ указываетъ содѣйствіе ихъ къ производству богатствъ и вліяніе на благосостояніе человечества. Послѣ этого онъ говоритъ о человѣкѣ вообще, о племенахъ, народахъ, центрахъ народонаселенія и такъ далѣе, и обнаруживаетъ при этомъ немалую юность своихъ экономическихъ воззрѣній. Онъ совѣтуетъ Мальтусу учиться географіи, упрекая автора безсмертнаго сочиненія о народонаселеніи въ незнаніи географіи. Это заставляетъ насъ предполагать, что Дюваль читалъ Мальтуса довольно поверхностно, хотя и трактуетъ о народонаселеніи, потому что въ такомъ случаѣ едва-ли бы онъ рѣшился выставлять *эмиграцію*, какъ разрѣшеніе великаго вопроса о народонаселеніи (*la solution du problème de la population*). Излишне распространяться, что это *одно изъ средствъ* къ облегченію положенія народонаселенія въ случаѣ чрезмѣрнаго его размноженія, и болѣе ничего. Авторъ, вслѣдствіе этого, восхваляетъ колонизацію и посвятилъ этому вопросу довольно значительный отдѣлъ въ своей книгѣ. Но это самое, по нашему мнѣнію, указываетъ на то, что политическая экономія находится въ связи не только съ географіею, но и съ политической жизнью народовъ, то-есть съ исторіею, а потому, слѣдуя системѣ Дювала, слѣдуетъ излагать политическую экономію съ исторіею или статистикою и такъ далѣе, а не съ географіею, что указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ на несостоятельность всего предложенія Дювала. Нисколько не отрицая необходимости знанія политической экономіи, мы полагаемъ, что ясное понятіе этого предмета и его изученіе требуетъ гораздо большаго развитія уже чѣмъ изученіе географіи, которое основано исключительно на памяти, а потому отлагать изученіе географіи до тѣхъ поръ, когда основательно можно знакомить ученика съ основаціями политической экономіи, значитъ замедлять нарочно развитіе ученика и ходъ общаго его образованія. Къ тому же, при такомъ совмѣстномъ обученіи нѣсколькимъ предметамъ въ одномъ курсѣ, невозможно систематическое изложеніе каждой изъ отдѣльныхъ наукъ, на которыя раздѣлено все человѣческое знаніе, единственно въ видахъ болѣе точнаго и основательнаго изученія и изслѣдованія.

Пауперизмъ и общества вспоможенія. Сочиненіе Эмиля Лорана. 2 тома. Парижъ. Изданіе 2-е *.

Рѣдкое сочиненіе пользовалось такимъ лестнымъ сразу приѣмомъ и имѣло такой заслуженный успѣхъ, какъ сочиненіе Лорана о пауперизмѣ и обществахъ вспоможенія, что вполне объясняется самымъ содержаніемъ этого произведенія, составляющаго весьма

---

* LE PAUPERISME et les associations de prévoyance. Nouvelles études sur les Sociétés de secours mutuels par *Emile Laurent*. Ouvrage couronné par l'Institut. 2 vol. Paris. Guillaumin. 2-e édit.

замѣчательное явленіе во французской современной литературѣ. Къ тому же и предметъ, разсматриваемый Лораномъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе интересующихъ современное общество. Все, о чемъ лѣтъ пятнадцать-двадцать, съ такимъ эффектомъ и шумомъ хлопотала извѣстная организація труда, дѣлается наконецъ въ настоящее время предметомъ заботливости обществъ вспоможенія и предусмотрительности, съ тою только разницею, свидѣтельствующею впрочемъ объ измѣненіи въ настроеніи умовъ, что прежде вричали и спорили по поводу какихъ-то отвлеченныхъ химеръ или самыхъ очевидныхъ парадоксовъ, которые могли разрушить благосостояніе государства и погубить свободу въ гражданской, междоусобной войнѣ, тогда какъ теперь разсматриваются тѣ вопросы и истины, которые не могутъ ни въ какую эпоху исторической жизни народа остаться неизслѣдованными и вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ слояхъ гражданского общества прилагаются искреннія усилія къ возможному отстраненію заблужденій, причинившихъ уже немало зла.

Въ этомъ отношеніи Лоранъ одинъ выполнилъ трудъ, который повидимому былъ бы по силамъ только правительству. Онъ предпринялъ изслѣдованіе объ обществахъ взаимнаго и простаго вспомошествованія и представилъ намъ критически вполне разработанные результаты въ книгѣ въ 1,100 страницъ. Въ семи отдѣлахъ онъ разсматриваетъ избранный имъ предметъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, представляя при этомъ множество любопытныхъ фактовъ. Онъ особенно настаиваетъ на томъ, чтобы учрежденія подобнаго рода, которымъ предстоитъ такое важное значеніе въ современномъ обществѣ, пользовались бы содѣйствіемъ со стороны государства, и не допускаетъ ни малѣйшихъ вредныхъ отъ этого для нихъ послѣдствій. При этомъ онъ указываетъ на необходимость существеннаго различія между учрежденіями благотворительными (*de charité*) и предусмотрительными (*de prévoyance*). Смѣшивать эти два рода учрежденій, онъ не видитъ никакой надобности, ни пользы и считаетъ безусловною для настоящаго времени необходимостью, чтобы мысль объ улучшеніи быта и положенія народа имѣла въ глазахъ лицъ богатыхъ и могущественныхъ то же самое теперь значеніе, какое нѣсколько лѣтъ назадъ выпало на долю построенія монастырей и завоеванія гроба господня.

Французскій національный банкъ и департаментскіе (мѣстные) банки. Сочиненіе Лаверня. *Парижъ* *.

Подъ вышеназваннымъ заглавіемъ издано отдѣльною книгою замѣчательное изслѣдованіе Лаверня, помѣщенное въ книжкахъ «*Revue des Deux Mondes*» за 1864 годъ о банкахъ, въ которому

* *La Banque de France et les banques départementales par M. L. Lavergne, membre de l'Institut. Paris. Guillaumin.*

авторъ приложилъ, въ видѣ введенія, весьма любопытное изслѣдованіе объ учетныхъ конторахъ до 1789 года. Лавернь, какъ извѣстно, предлагаетъ не безусловную свободу учрежденія банковъ, а только учрежденіе нѣсколькихъ банковъ, то-есть нѣскольکو кредитныхъ установленій, имѣющихъ закономъ опредѣленный уставъ и извѣстную сферу дѣятельности, но по возможности самостоятельныхъ и независимыхъ одно отъ другаго, хотя и состоящихъ въ взаимной связи и отношеніяхъ, какъ мы это видимъ въ знаменитыхъ шотландскихъ банкахъ. Что же касается самого числа подобныхъ учреждений, то Лавернь полагаетъ, что десятокъ мѣстныхъ банковъ съ извѣстнымъ числомъ конторъ, которыя находились бы по возможности въ каждомъ округѣ (arrondissement), вполне соответствовали бы дѣйствительнымъ потребностямъ настоящаго времени и дали бы полную и самую лучшую возможность освободиться отъ чрезмѣрной монополіи французскаго національнаго банка, не нарушая вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ рѣзко понятій и привычекъ, существующихъ въ отношеніи единства банка съ давнихъ поръ уже во Франціи.

Очевидно, что для страны, какъ Франція, имѣющей 54 милліона гектаровъ земли и 37 милліоновъ жителей, недостаточно имѣть *одинъ* общій банкъ. Только въ 50 департаментахъ имѣются конторы этого банка, и притомъ нерѣдко весьма жалкія, а 36 департаментовъ лишены ихъ вовсе. *Три седьмыхъ* общей суммы учетовъ, которая немногимъ только измѣнилась противъ таковой же суммы въ 1857 году, приходится на долю *одного Парижа*; остальные же *четыре седьмыхъ*—на долю *всей Франціи*, при чемъ нельзя не замѣтить, что эта послѣдняя цифра скорѣе уменьшается, чѣмъ увеличивается. Такое неестественное отношеніе само по себѣ уже показываетъ весьма пагубное отсутствіе средствъ и способовъ кредита въ провинціи, которое становится еще болѣе поразительнымъ, если мы сдѣлаемъ въ этомъ отношеніи сравненіе съ Шотландіею. Страна эта имѣетъ 460 банковыхъ конторъ, то-есть одну на каждые 8,000 жителей. Еслибы Франція имѣла по одной конторѣ въ округѣ (arrondissement), то-есть 373 для всей Франціи, то и тогда приходилась бы только *одна* на 100,000 жителей. На долю французскаго банка осталась бы городъ Парижъ и самые ближайшіе департаменты Франціи, всего до 9 милліоновъ жителей.

Въ отношеніи бумажныхъ знаковъ этихъ банковъ, Лавернь не требуетъ безусловно однообразія: онъ находитъ необходимымъ только, чтобы банки, принимая билеты в векселя одинъ другого, всякіе пятнадцать или семь дней сводили бы свои взаимные счета, какъ это дѣлаютъ союзные банки Шотландіи и Бостона. Отличаясь необычайною ясностію изложенія, сочиненіе это, вмѣстѣ съ тѣмъ, знакомитъ читателя съ различными видоизмѣненіями, которымъ подвергалось устройство банковъ во Франціи. Оно показываетъ совершенно нагляднымъ образомъ, что торговые интересы, предоставленные сами себѣ въ силу природнаго,

свойственнаго имъ влеченья, стремились всегда къ устройству мѣстныхъ кредитныхъ установлений, къ *локализации банковъ*, и что организація цѣлой системы, взаимно связанныхъ между собою, банковъ является цѣлью, къ осуществленію которой неоднократно уже были дѣлаемы попытки. Лавернь доказываетъ, что до революціи 1848 года, идея многочисленности банковъ ясно видна въ самомъ французскомъ законодательствѣ; что 23 февраля 1848 года, наванунѣ революціи, при обсужденіи вопроса о возобновленіи банка въ Бордо, палата положительно высказалась *противъ* принципа единства банковъ; что и Леонъ Фошѣ, авторитетъ котораго приводить въ пользу подобной монополіи, высказывалъ мысль о *федерации* банковъ, точно также какъ и Росси, который, сравнивъ систему банковъ съ планетною системою, говорилъ о необходимости настойчиво развивать систему мѣстныхъ учрежденій (*institutions locales*), стремясь при этомъ по возможности къ *единообразію*, а не къ *единству* (*vers l'uniformité et non vers l'unité*), какъ это ему напрасно приписываютъ. Уничтоженіе мѣстныхъ банковъ въ 1848 году, является мѣрою революціоннаго правительства, принятою безъ обсужденія, безъ разсмотрѣнія, которая, установивъ обязательный пріемъ банковыхъ билетовъ по назначенному курсу только въ предѣлахъ того департамента, въ которомъ находилась главная контора банка, сдѣлала вмѣстѣ съ тѣмъ невозможнымъ всякій платежъ ими въ другихъ мѣстахъ, тогда какъ средствомъ самымъ раціональнымъ и самымъ простымъ, при назначеніи обязательнаго пріема и курса, являлось распространение этой мѣры въ отношеніи банковыхъ билетовъ на всю Францію, не ограничиваясь только однимъ департаментомъ, потому что выпуски билетовъ банками, какъ мѣстнымъ такъ и главнымъ въ Парижѣ, были точно опредѣлены и ограничены.

Такимъ образомъ ходъ постепеннаго развитія мѣстныхъ банковъ былъ остановленъ мѣрою столь же произвольною, какъ и опрометчивою. Сочиненіе Лаверня имѣетъ главною своею цѣлью снова вызвать къ жизни систему мѣстныхъ банковъ, благотворное вліяніе которыхъ на развитіе всякаго рода промышленности не можетъ подлежать сомнѣнію.

О наукахъ политическихъ и административныхъ и ихъ преподаваніи. Сочиненіе Э. Леноэля. Парижъ. 1 томъ б. 8° 447 стр.

Въ 1863 году парижская академія политическихъ наукъ предложила, назначивъ премію, слѣдующую задачу на конкурсъ: 1) опредѣлить полезныя для служащихъ по государственному управленію познанія, которыя могутъ быть включены въ програм-

* DES SCIENCES POLITIQUES ET ADMINISTRATIVES ET DE LEUR ENSEIGNEMENT. Ouvrage récompensé par l'academie des sciences morales et politiques, par *Emile Lenoele*. Paris, chez Auguste Durand.

мы общественнаго образованія, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить должности и занятія по управленію, успѣшное отправленіе которыхъ обусловливается *свѣдѣніями*, приобретаемыми повидимому предварительнымъ теоретическимъ представленіемъ, которыя и отдѣлить отъ служебныхъ занятій, преимущественно требующихъ практики и приготовленія къ самой службѣ. 2) Изучить развитіе, преимущественно съ 1789 года, учебныхъ заведеній, основанныхъ во Франціи съ тою цѣлью, чтобы путемъ обученія ознакомить съ законами и постановленіями администраціи вообще или съ нѣкоторыми отдѣльными, специальными отраслями государственнаго управленія. Сравнить современное состояніе означенныхъ учебныхъ заведеній съ подобными имъ заведеніями, существующими въ различныхъ европейскихъ государствахъ и по преимуществу въ Германіи. 3) На основаніи этого сравненія сдѣлать предположеніе о мѣрахъ и преобразованіяхъ, которыя могутъ содѣйствовать къ улучшенію этой отрасли учебныхъ учреждений въ самой Франціи.

Къ разрѣшенію этой задачи, рѣшился приступить Леноэль, близко знакомый съ администраціею и не разъ испытанный тѣ невыгоды и даже вредныя для службы послѣдствія, которыми сопровождается большая часть назначеній на службу лицъ, вовсе неприготовленныхъ къ ея отправленію. Чувствуя всю важность предположеннаго академіею вопроса и настоятельную необходимость правильнаго его разрѣшенія, Леноэль тѣмъ не менѣе считаетъ необходимымъ къ тому условіемъ предварительно составить себѣ ясное понятіе объ администраціи самой и по возможности опредѣлить ея значеніе въ современномъ обществѣ. Поэтому онъ начинаеть сочиненіе свое, удостоенное академіею полной преміи, разборомъ опредѣленій слова «администрація», сдѣланныхъ разновременно Гизо, Вивьеномъ, Макарелемъ и т. д., и показавъ всю трудность попытки сдѣлать слову этому опредѣленіе точное и вмѣстѣ съ тѣмъ полное и краткое, высказываетъ однако, что не должно счигать администрацію одною лишь исполнительною властью; она является чѣмъ-то болѣе; она должна не только соображать, приказывать и дѣйствовать. Она должна изыскивать мѣры полезныя, указывать на работы и предпріятія, осуществленіе которыхъ сопряжено съ пользою и выгодною для общества, надзирать за должнымъ выполненіемъ этихъ предпріятій, предлагать и даже осуществлять въ силу нерѣдко принадлежащей ей инициативы, преобразованія, настоятельность и польза которыхъ указываются опытомъ жизни и т. д. Онъ сравниваетъ администрацію въ государствахъ съ хозяйствомъ отца семейства (какъ вамъ это нравится?), замѣчая что сфера дѣйствій ея нѣсколько обширнѣе, горизонтъ пространнѣе и интереснѣе, и дѣла болѣе сложны и многочисленны (*administrer un état ce n'est pas autre chose, seulement l'horizon est plus vaste, le domain plus étendu, les interets plus nombreux et plus compliqués* (p. 10)). Поэтому, по понятіямъ и разсужденіямъ Леноэля о значеніи администраціи необходимо,

чтобы администраторъ (то-есть служащій по государственному управленію) обладалъ всѣми познаніями, всѣми качествами, которыя потребовалъ бы *добрый отецъ семейства* отъ довереннаго лица, которому онъ захотѣлъ бы во время своего отсутствія поручить заведываніе домою въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніи. Не опредѣливъ и даже не упомянувъ, какія познанія и качества потребовалъ бы отецъ семейства отъ подобнаго довереннаго лица, Леноэль немедленно же говоритъ, что этого еще мало для администратора. Онъ долженъ обнимать однимъ взглядомъ всю страну, соглашать нерѣдко совершенно противоположные интересы и желанія партій, принимать въ соображеніе препятствія, какъ физическія такъ и нравственныя, представляемыя народонаселеніемъ страны и ея мѣстностью, предвидѣть событія, принимать мѣры, содѣйствующія отстраненію общественнаго благосостоянія, заботиться и удовлетворять вообще многочисленнымъ и постоянно измѣняющимся потребностямъ общества (стр. 11).

Составивъ себѣ такое понятіе объ обязанностяхъ администратора, Леноэль высказываетъ весьма много дѣльных замѣчаній въ отношеніи образованія и положенія служащихъ, опредѣленія ихъ на службу, а также объ учебныхъ заведеніяхъ для приготовленія служащихъ и т. д., что собственно и заставило насъ указать на означенное, заслуживающее полного вниманія сочиненіе Леноэля, хотя мы отнюдь не раздѣляемъ взгляда его на администратора, то-есть чиновника, служащаго въ одномъ изъ учрежденій распорядительной власти государства. Взглядъ Леноэля чисто-французскій, возникшій именно въ классической странѣ правительственной опеки. Пора бы, кажется, оставить всякія сравненія государства съ семействомъ, по той причинѣ, что подданные государства совсѣмъ не дѣти, а такіе же взрослые люди, какъ и тѣ, которымъ ввѣряется управленіе ими, и что обязанность администраціи состоитъ въ томъ, чтобы дополнять усилія частныхъ лицъ, а отнюдь не поглощать или даже уничтожать ихъ, поставляя проявленіе ихъ въ зависимость отъ воли и усмотрѣнія администраціи. Она должна имѣть поэтому возможно меньшій кругъ дѣятельности и проявляться только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ усилія частныхъ лицъ оказываются недостаточными. Очевидно поэтому, что понятіе о значеніи и объемѣ администраціи не можетъ быть опредѣлено разъ навсегда одинакимъ образомъ для всѣхъ государствъ; оно стоитъ въ самой тѣсной зависимости отъ народнаго характера, который, какъ извѣстно, представляется весьма разнообразнымъ не только у разныхъ народовъ, но и у одного и того же народа въ разные эпохи историческаго развитія. Поэтому въ странѣ, гдѣ частная дѣятельность необычайно развита, не останавливается предъ самыми значительными затрудненіями и до крайности разнообразна, администрація будетъ имѣть совсѣмъ другой объемъ, несравненно меньшій чѣмъ въ странѣ, народонаселеніе которой нисколько не дѣятельно и живетъ въ постоянной беззаботности. Между лихорадочною дѣятель-

ностью англичанъ или американцевъ и бездѣйствіемъ (*farniente*) итальянца или испанца, сидящихъ спокойно à la puerta del sol, нельзя не видѣть слишкомъ большого различія въ характерѣ народномъ, достаточно объясняющаго различіе въ характерѣ государственныхъ учрежденій этихъ странъ. Если среди первыхъ возможно съ полнымъ успѣхомъ устроить самоуправленіе на самыхъ широкихъ основаніяхъ, и по возможности ограничить дѣятельность администраціи, которая здѣсь будетъ напрасно принимать на себя трудъ дѣлать худо то, что сами граждане сдѣлаютъ несравненно лучше, то народный характеръ вторыхъ обуславливаетъ несравненно болѣе обширный кругъ дѣятельности и для самой администраціи, которая легко можетъ достигнуть значенія отца въ семействѣ, какъ скоро подданные государства, подобно дѣтамъ, не въ состояніи, по какимъ бы то ни было причинамъ, сами о себѣ заботиться.

Это все приводитъ насъ къ тому заключенію, что если понятіе объ администраціи, высказанное Леноземъ, справедливо въ отношеніи французской администраціи (и мы думаемъ, что оно справедливо, ибо взглядъ этотъ раздѣляетъ и парижская академія, одобрявъ все это сочиненіе), то оно вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ не совсѣмъ-то лестное понятіе о самомъ народѣ во Франціи.

НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, НѢМЕЦКІЯ И ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Англичане у сѣвернаго полюса. Сочиненіе Жюль Верна. Съ картовъ и множествомъ рисунковъ. Цѣна 1 р. 80. Изданіе Шелгуновой. С.-Петербургъ.

Исторія философіи. Д. Г. Люиса. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей В. Спасовича. Выпускъ 1-й. Цѣна 2 р. 50. С.-Петербургъ. Изданіе Ковалевскаго.

Исторія философіи. Бауера. Переводъ Антоновича. Цѣна 2 р. С.-Петербургъ. Изданіе Бауста.

Объ ассоціаціи, настоящее положеніе рабочаго класса и тѣмъ оно быть должно. Х. Перейра. Переводъ подъ редакціей Антоновича. Цѣна 1 р. С.-Петербургъ. Изданіе Бауста.

Исторія французской революціи XVIII вѣка. Г. Геттнера. Переводъ А. Пыпина. Цѣна 2 р. С.-Петербургъ. Изданіе Бауста.

Міры. Популярная астрономія. А. Гильемена. Переводъ подъ редакціей и съ примѣчаніями Пальховскаго. Цѣна 1 р. Москва. Въ типографіи Грачева.

Лекціи малой войны, читанныя въ елисаветградскомъ офицерскомъ кавалерійскомъ училищѣ подполковникомъ Новицкимъ. Цѣна 3 р. С.-Петербургъ. У Исакова.

КРЕСТЬЯНОСКАЯ ШКОЛА. Сочиненіе *М. Ростовской*. С.-Петербургъ. 1866. Цѣна 1 р. 50 к. 146 стр. съ 70 картинами.

ОВЪ УХОДА ЗА ВОЛЬНЫМИ ДѢТЬМИ. Наставленіе для матерей, нянекъ и воспитательницъ вообще. Сочиненіе *Чарльза Веста*, доктора дѣтской больницы въ Лондонѣ. Переводъ *Ловцовой*. С.-Петербургъ. Цѣна 60 к.

МАКСИМОВЪ. Край крещенаго совѣта. Мерзлая пустыня или повѣсть о дикихъ народахъ, вочуждшихъ съ полуночной стороны Россіи. С.-Петербургъ. Изданіе Товарищества Общественная польза.

ПУТЕШЕСТВІЯ И ОТКРЫТІЯ второй гринельской экспедиціи въ сѣверныя полярныя страны для отысканія *Джона Франклина*. Переводъ съ нѣмецкаго *Тухменова*. Изданіе *Вольфа*. С.-Петербургъ. Цѣна 2 р.

РУКОВОДСТВО къ практической медицинѣ. *Д-ра Кунце*. Переводъ со 2-го нѣмецкаго изданія *Кмена и Никитина*. Москва. Цѣна 8 р.

ОЦѢРКЪ развитія историческихъ наукъ. Сочиненіе *Герге*. С.-Петербургъ. Цѣна 1 р.

ЦЕЛЛУЛЯРНАЯ ПАТОЛОГІЯ. *Рудольфа Вирхова*. Переводъ съ 3-го изданія *Чащина*, съ портретомъ *Вирхова* и 150 рисунками. Выпускъ I-й. Цѣна 1 р. 50 к. Москва.

THE STATESMAN'S year book a statistical, genealogical and historical account of the states and sovereigns of the civilized World for the Year 1866, by *Frederick Martin*. (Справочная книга для государственныхъ дѣятелей, на 1866 годъ, составленная *Мартиноу*).

A VIDE ACROSS Mexico by *W. Bullock*. (Поѣздка черезъ Мексику. Соч. *Буллока*).

TEN YEARS in Sarawak by *Charles Brooke*. 2 vol. (Десятилѣтнее пребываніе въ Саравакѣ, *Чарльза Брука*).

A TRIP to Barbary by *Georges Augustus Sala*. 1 v. (Поѣздка въ страну Берберовъ, *Георга Сала*).

FRANZ SCHUBERT, a musical biography by *Edward Wülfers*. (Францъ Шубертъ, биографическій очеркъ *Вильберфорса*).

MERLIN or the early history of King Arthur, a prose romance ab 1450—60 u., edited by *Henry Wheatley*. (Мерленъ или древнее сказаніе о королѣ Артурѣ, романъ 1450—60 годовъ. Изданный *Генрихомъ Ветли*).

THE MONARCHS and other poems of air *David Lyndesay*. Edited by *Fitzedward*. (Монархи и прочія стихотворенія *Давида Линдесса*. Изданныя *Фитзедвардомъ*).

THE AUTOBIOGRAPHY of a man of Kent. Edited by *Reginald Stanhope*. London 1866. (Человѣкъ изъ Кента, автобіографія. Изданная *Станпопомъ*. 1860 г. Лондонъ).

TWO of the Saxon Chronicles parallel with supplementary extracts from the others. Edited with introduction and notes by *John Earle*. Oxford. (Параллель двухъ саксонскихъ лѣтописей. Изданная съ предисловіемъ и примѣчаніями *Джонномъ Ирлемъ*).

THE GREAT Sahara. Wanderings South of the Atlas Mountains by *B. Tri-*

stram. (Степь Сахара, путешествие на юг отъ горнаго хребта Атласа, совершенное *Тристрамомъ*).

THE CONSERVATIVES and liberales, their principles and policy by *Murchison*. (Консерваторы и либералы, ихъ принципамъ и политика. Соч. *Мурчисона*).

TURKEY by *J. Lewis Farley*, author of two years en Syriâ. (Турція. Соч. *Луиса Фарлея*, автора сочиненіе: Два года въ Сиріи).

POLITICAL essays by lord *Hobart*. (Политическія рассужденія лорда *Хобарта*).

DIARY of the right hon: W. Windham M. P. 1788—1809. Edited by *Henry Barnig*. (Дневникъ Вандхэма времянь 1788 — 1809 годовъ. Издаваемый *Бернитономъ*).

HISTORY of the Church of England to the revolution of 1688 by *Short*. (Исторія церкви въ Англіи до революціи 1688 года. Составленная *Шортномъ*).

LIFE and LETTERS of the late rev. Frederick Robertson. Edited by *Storford*. (Жизнь и переписка Фридриха Робертсона. Издаваемая *Сторфордомъ*).

A HISTORY of Gipsies with characteristic anecdotes and specimens of the Gipsy language by *Simson*. (Исторія цыганъ съ характеристическими анекдотами и образцами цыганскаго языка. Составленная *Симсономъ*).

DIE KÖNIGE der Germanen. Das Wesen des ältesten Königthum des germanischen Stämme und seine Geschichte bis auf die Feodalzeit. Nach der Quellen dargestellt von *Felix Dahn*. III Abtheilung. Verfassung des Ostgotischen Reiches in Italien. 1866. Staber in Würzburg. (Короли Германцевъ. Быть древнѣйшаго королевства германскихъ племенъ и его исторія до времянь феодальнаго періода. Составлено по источникамъ Феликсомъ *Даномъ*. Часть 3-я. Государственное устройство ост-готскаго царства въ Италіи. 1866).

GESCHICHTE der Stadt Rom im Mittelalter von fünften bis zum sechzehnten Jahrhundert von *Ferdinand Gregorovius*. 5 Band. 1866. Stuttgart. Cotta. (Исторія города Рима въ средніе вѣка, съ V по XVI столѣтіе. Фердинанда *Грегоровіуса*. Томъ V).

DAS WESSEN und die Ziele der Landwirtschaft. Beiträge zur wissenschaftlichen und volkwirtschaftlichen Begründung der Bodenproduction, von *Wilhelm Hamt*. 1866. Iena und Leipzig. (Сущность земледѣлія и его задачи. Матеріалы для научнаго и народно-хозяйственнаго основанія производительности земли. Вильгельма *Хамма*. 1866).

DIE LICHEN von *Mirza-Schaffy*, mit einem Prolog von *Friedrich Bodenstedt*. Fünfzehnte aufs neue vermehrte Auflage, mit zwei Titelbildes. Berlin. (Лишн-Мирзы-Шаффи, съ предисловіемъ *Боденштедта*, 15-е издаіе съ прибавленіями).

VERGLEICHENDE Psychologie oder Geschichte des Seele in des Reichenfolge des Thierswelt von *D. Karl Gustav Carus*. Wien, bei Braumüller. 1866. (Сравнительная психологія или исторія души въ животномъ царствѣ. Соч. *Карла Каруса*. Вѣна. 1866).

DIE KRÄFTE der Natur und ihre Benutzung. Eine physikalische Technologie, bearbeitet von *Julius Zöllner*. 1866. 2 Band, bei *Otto Spamer* in Leipzig. (Силы природы и пользованіе ими. Физическая технология, составленная *Юлусомъ Целльнеромъ*. 1866. Томъ 2-й).

SCHIESSPULVER und Feuerwaffen. Illustrirte Übersicht aller auf diesem Gebiete gemachten Erfindungen und Entdeckungen. (Порохъ и огнестрѣльные орудія. Обзоръ всѣхъ открытій и изобрѣтеній, сдѣланныхъ въ этомъ отношеіи).

GOTTI's Italienische Reise. Aufsätze und Aussprüche über bildende Kunst. Herausgegeben von Christian Schuchardt. 2 Bände. Stuttgart bei Cotta. (Повѣдка Гётте въ Италію. Статьи и замѣчанія объ искусствѣ. Изданія Шухардама. 2 тома. Штутгардъ).

ВЗГЛЯДЪ ÜBER die Wirthschaft des Menschengeschlechts von Julius Fröbel. (Письма о человеческомъ хозяйствѣ. Фрѣбеля).

SAEKENBUCH des Bayerischen Lande. Aus dem Munde des Volkes der Chronik und der Dichter herausgegeben von Schöppner. München. 1866. Volk-Ausgabe. (Сборникъ сказаній баварскаго народа, составленный Шопнеромъ на основаніи лѣтописей, народныхъ преданій и поэтическихъ произведеній. Мюнхень. 1866).

ВЗГЛЯДЪ von Johann Peter Uz an einem Freund aus den Jahren 1758—82. Herausgegeben von August Henneberger. 1866. Brockhaus in Leipzig. (Письма Петра Уза къ другу, относящіяся къ періоду 1758 — 82 годовъ, изданныя Хеннебергеромъ. Брокгаузъ въ Лейпцигѣ).

CORRESPONDANCE de Napoleon I. Publiée par ordre de l'empereur Napoleon III. Tome 19-e. Henri Plon, éditeur. (Переписка Наполеона I, изданная по приказанію императора Наполеона III. Томъ 19-й. Издатель Плонъ).

DE LA DÉCENTRALISATION par Fumeron d'Ardewil, ancien préfet et conseiller d'Etat. 1 v. prix 1 f. 50 c. (О децентрализациі—сочиненіе Фюмеронъ д'Ардевилля).

LA CIVILISATION moderne. Cours professé à l'Académie de Lausanne par Louis Jousserandot. 1 v. 6 fr. (Цивилизациія новѣйшаго времени. Лекціи, читанныя въ лозанской академіи Жуссерандо).

VIE DE JÉSUS suivie des évangiles parallèles avec un commentaire philologique, topographique et archeologique. Traduction nouvelle, littérale sur les plus anciens manuscrits grecs par l'abbé I. Michon. 2 v. Dentu-éditeur. (Жизнь Иисуса Христа. Соч. аббата Мишона съ приложеніемъ сравнительнаго сказанія евангелистовъ и различныхъ филологическихъ, топографическихъ и археологическихъ примѣчаній. Новый буквальный переводъ на основаніи самыхъ древнихъ ученыхъ рукописей).

DE LA FOLIE en matière de religion, par C. R. P. Lefèvre, de la compagnie de Jésus. 1 v. prix 6 f. Paris. (О безуміи въ отношеніи религіи. Соч. Лёфевра, члена іезуитской коллегіи. Парижъ).

LES SALONS de Paris et la société parisienne sous Louis Philippe I, par le Y. de Beaumont Vassu. 1 v. (Парижское общество времени Людовика-Филиппа I. Соч. Бомонъ-Вассу).

LA CONVENTION NATIONALE, par M. F. de Moisse. 1 partie. Paris. 1866. (Национальный конвентъ. Соч. Муисса. Часть 1-я).

MÉLANGES d'économie politique par Batbie. 1865. 1 v. (Политико-экономическія статьи. Батби. 1866).

TURBOT philosophe, économiste et administrateur par Batbie, ouvrage

couronné par l'Institut (sciences morales et politiques). (Трудъ какъ философъ, экономистъ и администраторъ. Соч. Баби, удостоенное преміи академіею).

ŒUVRES COMPLÉTES de Rollin avec notes et éclaircissements sur les sciences, les arts, l'industrie et le commerce des anciens, par *Emile Berté*. 7 vol. gr. in 8. (Полное собраніе сочиненій Роллена съ примѣчаніями и поясненіями, относительно состоянія наукъ, художествъ, торговли и промышленности древнихъ народовъ. Изданное *Эмилемъ Бересомъ*).

HISTOIRE de Napoleon I (consulat et empire) par *Camille Leynadier*. Prix 6 fr. (Исторія Наполеона I (консульство и имперія. Сочиненіе *Камилла Ленадье*).

L'ÉGLISE et l'Etat, par *Laurent*. 2 vol. (Церковь и государство. Соч. *Лорана*. 2 тома).

LA POLICE sous Louis XIV, par *Pierre Clément*. 1 v. prix 7 fr. (Полція при Лудовикѣ XIV, изслѣдованіе *Клемана*).

LE LEVAIN du Calvinisme ou commencement de l'herésie de Genève. 1 volume in-8°, imprimé sur papier à la main en caractères du 16 siècle par *Fick*, à Genève. (Зачатки кальвинизма или начало женеvской ереси; изслѣдованіе, относящееся къ 16-му столѣтію и изданное шрифтомъ того времени).

LES FRONTIÈRES de la France, par *Theophile Lavallés*. 1 vol. (Границы Франціи. Соч. *Лавалле*. 1 томъ).

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ

У М. БЕРНАРДА

Въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, № 10.

ШКОЛЫ ДЛЯ ФОРТЕПЬЯНО.

- КОНТСКИЙ.** *Полная школа для фортепьяно* съ изложеніемъ теоріи музыки, дополненная примѣрами изъ произведеній классическихъ композиторовъ и руководствомъ къ изученію генерал-баса. Третье, передѣланное и умноженное изданіе (3 р.).
- ВЕЙЕРЪ.** *Дитская фортепьянная школа*, предназначенная исключительно для самыхъ малолѣтнихъ учениковъ и посвященная матерямъ семействъ. Съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ, переложенныхъ для фортепьяно (3 р.).
- ГЮНТЕНЪ.** *Полная школа для фортепьяно* на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. 10-е изданіе, просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками, легкими и постепенно возрастающей трудности въ 2 и 4 руки. Новый русскій переводъ съ послѣдняго, нѣмецкаго изданія (3 р. 50 к.).
- БЕРНАРДЪ «L'Enfant pianiste».** Собраніе легкихъ пьесокъ для дѣтей, составленныхъ изъ любимыхъ мотивовъ съ цѣлю возбудить въ малюткахъ охоту къ музыкѣ. Посвящается добрымъ матерямъ, которыя намѣрены сами учить своихъ дѣтей первымъ началамъ фортепьянной игры. Третье умноженное изданіе (1 р. 50 к.). *Ежедневныя упражненія* (Exercices journaliers). Продолженіе къ собранію легкихъ пьесокъ для дѣтей (1 р. 50 к.).
- KÖHLER.** Die ersten Etüden für jeden Clavierschüler. *Первыя упражненія* для учащихся на фортепьяно, какъ техническое основаніе виртуозности (1 р. 30 к.).

ДЛЯ ПѢНІЯ.

- КАРПЕНКО.** *Васильковскій соловей Кіевской Украйны.* Славяно-русскій альбомъ для одного голоса съ аккомп. фортепьяно, составленный изъ 115 малороссійскихъ народныхъ пѣсень, думъ и романсовъ, съ присовокупленіемъ малороссійскихъ и еврейскихъ танцевъ (7 р. съ пересылкою).
- БЕРНАРДЪ.** ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА для одного голоса съ аккомп. фортепьяно. Новое, передѣланное и умноженное изданіе съ красивымъ заглавнымъ листомъ (6 р. съ перес.).
- СОБРАНІЕ ДѢТСКИХЪ ПѢСЕНОКЪ, составленныхъ для забавы и развитія слуха и голоса. 2 тетради (каждая 1 р.).
- БУЛАХОВЪ.** Вско-то, всю мою дорожку (60 к.). Прости, на долгую разлуку (60 к.). Прелестные глаза (60 к.).
- ВИЛЛАМОВЪ.** Моя душечка, моя милочка (50 к.). Прощай (50 к.).

ДЕРФЕЛЬДТЪ. Тебя ужъ нѣтъ! (60 в.). Одинокая слеза (40 в.).
ДОНАУРОВЪ. Ожиданіе (50 в.). Очи-звѣзды (40 в.). Пѣсня
удалая (40 в.). Далекій другъ (50 в.).

КАЖИНСКІЙ. Ганзя. Малороссійская пѣсня (60 в.). Схилился
двѣ березы. Казацкая пѣсня (50 в.).

КАПРИ. Чуть твой ротикъ улыбнется (40 в.).

КОНТСКІЙ. Романсы: № 17. Приди ко мнѣ, когда грущу я (60 в.).
№ 18. Не плачь, не плачь, мое дитя (60 в.). № 19. О, не
гляди, мой другъ, впередъ (60 в.).

KOTSCHOUBEY (Princesse). Quand loin de toi. Romance (50 в.).

МАКАРОВЪ. Встань, проснись (50 в.). Когда ты плачешь (50 в.).

МЕЙЕРЪ. Зачѣмъ? (40 в.). Не покидай (50 в.). Волоса (40 в.).
Люби меня безъ размысленій (40 в.).

МЕНДЕЛЬСОНЪ-ВАРТОЛЬДИ. Желалъ бы я въ одно чтобъ
слово любовь вся моя слилась. Дуэтъ (60 в.).

БЕТХОВЕНЪ. Шесть духовныхъ пѣсенъ Геллерта, переводъ Н. И.
Куликова. № 1. Моленіе. № 2. Божье могущество и прови-
дѣніе. № 3. Любовь къ ближнему. № 4. Памятованіе о
смерти. № 5. Прославленіе Бога природою. № 6. Пѣснь по-
ваанія (1 р.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер., по-
лучаютъ двадцать-пять процентовъ уступки, а выписывающіе на
десять руб. сер., пользуются означенною уступкою, и кромѣ того,
ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются
тѣ, которые обратятся непосредственно въ магазинъ М. Бернарда.
На тѣхъ же условіяхъ можно отъ него выписывать всѣ музыкаль-
ныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены, кромѣ
изданій придворной пѣвческой капеллы и дешевыхъ изданій
классической музыки и оперъ, цѣны которымъ крайнія и за пе-
ресылку ихъ слѣдуетъ приложить особо.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го марта третья тетрадь
музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXVII), содержащая въ
себѣ новѣйшія сочиненія: *Стиндлера, Вольфа, Бера, Годфрей,*
Страуса, Крупа и др., всего 11 пьесъ и литературное приба-
вленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10
р., съ пересылкою 11 р. 50 в.). Желающіе подписаться на 1866
г. получаютъ сполна всѣ тетради, вышедшія сначала нынѣшняго
года.

Вновь получены въ большомъ выборѣ: *рояли, скрипки, смычки,*
флейты, гитары, цитры, гармонифлейты, метрономы, канифоль
и проч. по весьма умѣреннымъ цѣнамъ.

Депю лучшихъ итальянскихъ струнъ.

НЕЧИСТАЯ СИЛА.

ПОВѢСТЬ.

(Окончаніе).

ЛѢСНЫЯ СВѢДѢНІЯ.

Утро на другой день было великолѣпное; но Высачовъ, утомленный путемъ и тревожной ночью, спалъ долго. Напившись чаю, нашъ собиратель статистическихъ свѣдѣній тотчасъ же отправился къ рѣкѣ, у которой стоялъ лѣсъ, и по которой сплавали его. Но лишь только онъ подошелъ къ берегу, то представившееся его глазамъ заставило почти содрогнуться. Лѣсъ остался назади. Берегъ круто спустился внизъ, покрытый густымъ мѣшаннымъ лѣсомъ. У этой горы лежала рѣка, одна изъ тѣхъ сѣверныхъ рѣкъ нашихъ, которыя поражаютъ всякаго громадностию и пустынностію. Бѣлая, какъ сталь отъ бѣлаго сѣвернаго неба, она видна была на громадномъ пространствѣ. Вдали, утонувъ въ черномъ лѣсномъ морѣ, рѣка скоро опять выплывала и, подобно озерамъ, сверкала отъ лучей солнечныхъ. Все пройденное пространство лѣснаго царства лежало теперь подъ ногами нашего героя. Виднѣлись даже голубоватныя очертанія тѣхъ молчаливыхъ холмовъ, которыя мы видѣли во время проѣзда нашихъ путниковъ. Рѣка, точно мертвая, лежала въ черномъ пространствѣ; на ней не было ни лодки, ни судна, ни плота, ни даже птицы; лѣсъ точно окаменѣлъ. Все это громадное пространство поражало своимъ великимъ непробуднымъ молчаніемъ. Думалось, что если скажетъ оно слово, то это будетъ слово еще неслыханное міромъ. Такъ и тянула въ себя зрителя эта нескончаемая пустынная даль.

— Чтò это, батюшко, Николай Александрычъ, послышался сзади голосъ откупщика:—вѣдь этакъ и пирогъ простынетъ—ждеть тебя хозяйка-то, безъ тебя и ѣсть не принимается.

Съ этими словами Ковшовъ взялъ молодого человѣка подъ руку, и велѣвъ нести дорожныя вещи гостя, повелъ его за собою. Посреди прекрасной группы березоваго лѣса, построенъ былъ огромный баракъ съ нѣсколькими комнатами, меблированными простыми деревянными скамьями и столами. Когда онъ вошелъ въ комнату, закуска была поставлена. Дамы были уже тутъ. Сама хозяйка хлопотала у стола, а Зинаида сидѣла у окна, и очаровательная ея голова обозначалась на яркой зелени молодыхъ деревь, закрывавшихъ окно. Послѣ завтрака дамы вышли, а Федосей Яковлевичъ, оставивъ на столѣ бутылку рейнвейну и наливъ въ бокалы, остался одинъ на одинъ съ Высачовымъ. Послѣднему представилась возможность навести вѣщца на разговоръ о городскихъ происшествiяхъ.

— Давно ли начались у васъ эти смуты-то, Федосей Яковличъ? спросилъ онъ.

— Да вѣдь по правдѣ сказать, у этого толстяка Вовчка, жена такая молодая да красивая — на второй вѣдь, старшій, женился, и самъ не знаетъ для чего; по праздникамъ барыни всѣ ѣздятъ поздравлять губернаторшу; а та инимъ отдавала визиты, а инимъ нѣтъ — ну, барыня тонная — при дворѣ бывала, а ужъ къ этой и совсѣмъ не ѣздила — вотъ ее и взбѣсило. «Ахъ она, говорить, такая-сякая, да я сама генеральша!» и начала подбивать всѣхъ; ну, а за ней увиваются не только молодежь, да и старье-то. И пошло! Ну, да ужъ самъ-то онъ потомъ повелъ себя нехорошо.

— А чѣмъ же?

— Да такъ ужъ, знаете, совсѣмъ безъ всякаго спорову, вотъ хоть бы здѣсь. Въ прошлые годы мы по гривеннику платили съ дерева, а нынче по двадцати копеекъ подай. «Отчего?» Да, говорятъ его слуги-то: прежде мы тысячку возили въ Гнидозерскъ; а нынче двѣ подавай; такъ что же, говорятъ, не свои же платить.

— И всѣ ему платятъ?

— Да какъ еще. Или съ хлѣбомъ! Вѣдь эку дороговизну пустилъ. Прежде, бывало, пристань полнымъ полнешенька, а нынче никого нѣтъ — гонить съ пристани; самъ же съ мошенникомъ Роговымъ закупилъ хлѣба въ Рыбинскѣ, да и продаетъ почемъ хочеть — вѣдь вотъ какой разбойникъ! А по откупу-то-сь, вѣдь ужъ тащить, тащить все мало. Какъ только чуть не хватаетъ и шлетъ въ контору, точно въ свою бассу — подавай! А не подашь, такъ...

— Чтò же?

— Да нагадить такъ, что не оберешься; вѣдь ни стыда, ни совѣсти.

— Вотъ у васъ, вице-губернаторъ, такъ, кажется, прекраснѣйшій человекъ, замѣтилъ вкрадчиво Высачовъ.

— Ну, отвѣтилъ рѣзко хозяинъ.—Этотъ, батюшко, облупить такъ, что не успѣешь и опомниться. Притомъ-то ему воли нѣтъ, а какъ случится одному остаться, такъ ужъ только держись. Вотъ хоть бы и это дѣло... да ужъ Богъ съ нимъ! сказалъ, махнувъ рукою, Ковшовъ.

— Вы меня не опасайтесь, молвилъ Высачовъ:—я человекъ сторонній. Мнѣ, вѣдь, съ нимъ не дѣтей крестить.

— Повѣрите ли, за одно свидѣтельство счистилъ съ меня семь тысячъ рублей. Да какъ? Уцѣпился и не пускаетъ. Я говорю, у меня и денегъ теперь такихъ нѣтъ. «Ну, полноте, говорить».—Право, нѣтъ, говорю, и показаль бумажникъ. Такъ какъ хотите, говорить.—Не дасть свидѣтельства, да и только, а время идетъ—вѣдь здѣсь лѣто короткое.

— Что же?

— Ну, говорю, стойте, въ конторѣ посмотрю. Какъ вы думаете? — въ контору вмѣстѣ со мною поѣхалъ, то-есть чтобы мнѣ кто не отсовѣтовалъ.—Нѣтъ, батюшко, это гусь. Да и всѣ-то они...

— А Бѣлобрысовъ?

— Э-э! суды пріѣхалъ въ худомъ сюртучишкѣ, а теперь, смотрите—домъ-то, какъ у вельможи, да капиталцу есть тысячъ до ста. Ему всѣ губернаторы ни по чемъ, при немъ ужъ до десяти перемѣнилось, а онъ сидитъ да сидитъ.

Прошло двѣ недѣли. Во все это время Ковшовъ цѣлые дни проводилъ на работахъ, между тѣмъ какъ супруга его была вся погружена въ соленье, моченье и варенье всѣхъ возможныхъ сортовъ ягодъ и грибовъ. Николай Александровичъ постоянно оставался съ Зинаидой Карловной. Немудрено, что онъ скоро сблизился съ ней до того, что часъ, проведенный безъ нея, былъ уже для него скученъ. Тѣмъ не менѣе, странной казалась ему эта женщина. Веселая, умная, свѣтская, Талецкая по временамъ дѣлалась грустною, даже мрачною. Высачовъ не на шутку принялся наблюдать ее, и рѣшительно не могъ составить окончательнаго мнѣнія о ней. Его сбивало съ толку и то, что сестра бѣднаго офицера, она, однако, казалась избалованной богатствомъ и роскошью. Онъ замѣтилъ также, что она съ кажимъ-то нетерпѣніемъ прерывала всякій разговоръ, который могъ бы заставить ее высказать что-нибудь о ея прошедшемъ. Разъ, не находя ее дома и скучая, Высачовъ отправился на берегъ рѣки, куда часто манила его великолѣпная картина рѣчной дали. Проходя лѣсомъ, онъ вспомнилъ о своихъ статистическихъ свѣ-

дѣвнѣхъ; ему стыдно стало, что онъ совсѣмъ забылъ о нихъ. Онъ рѣшился завтра же ими заняться. Подойдя къ берегу, онъ, къ удивленію своему, увидѣлъ тутъ же Зинаиду Карловну, которая сидѣла на берегу и горько плакала. Сердце замерло у Высачова; у него у самого чуть не полились слезы—такъ стало жаль ему свою новую лѣсную подругу. Онъ рѣшился подойти къ ней. Услышавъ шаги, дѣвушка вздрогнула, отерла поспѣшно глаза и направилась прямо къ нему.

— Что съ вами, Зинаида Карловна? спросилъ онъ, принимая поданную ему руку, между тѣмъ, какъ Зина уже улыбалась и на лицѣ ея не было и тѣни печали.

— Ничего, отвѣтила она, смѣясь:—рѣшительно ничего—мнѣ всегда грустно дѣлается, когда я бываю здѣсь и смотрю на эту безпредѣльную даль. Я люблю эту мѣстность — и вмѣстѣ она грусть на меня наводитъ.

— Ну, этого быть не можетъ, Зинаида Карловна; вы просто не хотите мнѣ сказать. Я давно замѣчаю, у васъ есть что-то на сердцѣ; вы не хотите мнѣ довѣряться, вы не хотите сдѣлать меня вашимъ другомъ, тогда какъ я...

— О, другомъ! какъ я была бы рада этому, проговорила Зинаида, подавъ руку Высачову, которую тотъ рѣшился слегка пожать.

— Такъ вотъ скажите мнѣ, что у васъ на душѣ.

— И, полноте, что можетъ быть на душѣ у такой свѣтской вертушки, какъ я, да и есть-ли у насъ души-то. Вы совершенно правы, говоря, что женщина не стоитъ того, чтобы ею занимались серьезно, что она не стоитъ истинной привязанности.

— Зинаида Карловна, какъ вамъ не грѣхъ; когда я это говорилъ?

— Да вѣдь вы и брака даже не признаете, лукаво говорила Зинаида:—вы говорите, что въ наше время женщина только отвлекаетъ мужчину отъ общественной дѣятельности

— Зинаида Карловна, отвѣтилъ Высачовъ, вспомнивъ свои недавнія разглагольствованія о бракѣ: — я точно имѣлъ свое понятіе о бракѣ, основаннаго, впрочемъ, на полномъ уваженіи женщины, но... теперь... да, я долженъ сознаться, что заблуждался.

Зина улыбнулась и пошла по лѣсу; какъ ни старалась она казаться веселою, но задумчивость ясно проглядывала въ ея глазахъ. Недалеко отъ жилья Ковшова она остановилась, и нѣжно взглянувъ на Высачова, сказала:

— Такъ дружба?

— О, полная, отвѣчалъ Высачовъ, и на этотъ разъ подалъ ей обѣ поданныя ему руки.

Завтрагъ былъ уже поданъ, когда они пришли. Послѣ завтрака Федосей Яковлевичъ предложилъ прогуляться по лѣсу.

— Вы будете посѣщать меня въ городѣ? тихо спросила Зина Высачова.

— О, буду-буду; я бы давно былъ у васъ, но вашего брата все нѣтъ, я не смѣлъ.

— Это ничего; пріѣзжайте, я буду рада вамъ. Высачовъ похвалъ руку Зины въ благодарность.—Лѣсное царство не было на этотъ разъ молчаливо, какъ обыкновенно. День былъ праздничный и лѣсъ гудѣлъ голосами огромной артели Ковшова. Рабочіе въ различныхъ группахъ размѣщались по лѣсу, говорили, шѣли и даже попросту кричали, невѣдомо для чего. Ома гдѣ-то гулялъ на артелѣ. Вотъ два парня идутъ по лѣсу, обнявшись, и толкуютъ о чемъ-то серьезно, причѣмъ одинъ сильно размахиваетъ рукой.

Въ другомъ мѣстѣ группа состояла человекъ изъ пяти. Одинъ мужикъ держалъ на рукѣ деньги и считалъ, прочіе смотрѣли со вниманіемъ.

— Трехкопеечнаго не хватаетъ, наконецъ молвилъ мужикъ.

— Не хватаетъ? спросилъ одинъ.

— Не хватаетъ! Ну, Терешка, дьяволь, давай.

— Да чортъ, я и то позавпрошлый разъ пятакъ давалъ, что же? вонъ Васьян Тыртырь—должонъ...

— Да нѣту, отвѣтилъ Тыртырь:—неужто бы не далъ?

— На-те, черти, вскричалъ наконецъ Тереха, вынимая изъ кармана три копейки и бросая на руку мужику.

— Ну, Тыртырь, катай.

Тыртырь взялъ деньги, положилъ въ кожаную кису за пазуху, перекинулся брюхомъ на лошадь и долго не могъ вскарабкаться на ея спину. Когда онъ трускомъ поскավалъ по лѣсу, тряся руками, Тереха не выдержалъ и крикнулъ:

— Ухъ ты, пошаривай!...

Гуляющимъ нашимъ попался на встрѣчу высокій, русоволосый и красивый парень. Онъ былъ хмѣленъ сильно, а на ногахъ гвердь. Поровнявшись съ Ковшовымъ, онъ какъ-то любовно остановился, снявъ налету шапку.

— Федосей Яковичъ—умру за тебя—вотъ что!!—требуи!

— Ну, проходи-проходи, говорилъ ласково Ковшовъ.

— Умру за хозяина, вотъ оно что—миѣ денегъ не надо!

— Проходи-проходи, говорилъ Ковшовъ, удаляясь отъ разгубившагося молодца.

Тотъ, неизвѣстно отчего, свистнулъ такъ, что по лѣсу эхо раскатилось, и послѣ этого бофатырскимъ голосомъ заплѣлъ вслѣдъ гуляющимъ:

Коли я тебѣ не по вдразу,
Прострѣли ты грудь мою!

Оппозиція растеть.

Между тѣмъ, какъ герой нашъ на берегу великой сѣверной рѣки вглядывался въ своеобразныя красы лѣсной природы, въ Гнилозерскѣ накопляются постепенно такія событія, которыя привели нѣкоторыхъ гражданъ къ трагическому концу. Одни изъ чиновъ города вначалѣ неудовольствій, показавшихся между губернаторомъ и гражданами, держали себя въ сторонѣ; другіе же явно тянули къ губернатору. Такъ, напримѣръ, директоръ гимназій, почтенный старикъ изъ моряковъ лазаревскихъ временъ, былъ почти домашнимъ другомъ въ губернаторскомъ семействѣ. Вмѣшательства губернатора въ дѣла гимназій онъ не только не устранялъ, но даже содѣйствовалъ этому. Разъ, когда въ совѣтѣ гимназій образовалась противъ директора сильная коалиція, упрекавшая его въ незаконномъ употребленіи *двухъ рублей пятидесяти копеекъ*, старикъ сильно струсилъ. Несмотря на то, что это былъ добрѣйшій человѣкъ, онъ поѣхалъ къ губернатору и пожаловался на двухъ учителей, которые оказались упорнѣе въ борьбѣ. Губернаторъ вызвалъ учителей и далъ имъ нагоняй, сказавъ, что это бунтъ, что это даже потрясеніе религіозныхъ уставовъ, потому что всѣ власти у насъ Богомъ поставлены, и что если они еще разъ позволятъ себѣ что-нибудь подобное, то...

— Чтѣ же, ваше превосходительство? осмѣлился спросить одинъ.

— А то, что уйдете куда нибудь подальше.

Но чѣмъ болѣе борьба разгоралась, тѣмъ губернаторъ становился подозрительнѣй. Ему было неприятно, что директоръ, жившій со всѣмъ городомъ душа въ душу, посѣщалъ дома явныхъ враговъ его. Онъ замѣтилъ ему объ этомъ; но тотъ какъ-будто не обратилъ на это вниманія. Потомъ начальнику губерніи повѣдалось, что гимназисты перестали ему кланяться. Это взбѣсило губернатора, и онъ сдѣлалъ уже строгій выговоръ директору за распущенность. Старикъ обидѣлся и сталъ рѣже посѣщать губернаторскій домъ. Губернаторъ директора отиѣтилъ врагомъ своимъ и началъ искать случая насолить ему. Случай скоро представился. Разъ директоръ былъ потребованъ начальникомъ губерніи. Старикъ явился, и губернаторъ, принявъ его совершенно сурово и не самая, сказалъ:

— У васъ въ гимназiи распространяется самый вольный духъ.

— Какой же, ваше превосходительство?

— А такой-съ, что стали читать книги безбожныя и революціонныя.

— Быть не можетъ, ваше превосходительство.

— Быть не можетъ! а вотъ неудобно ли посмотрѣть?

Съ этими словами губернаторъ подалъ директору книгу подъ названіемъ *Физиологическія картины* Бюхнера.

— Такъ что жъ тутъ революціоннаго? спросилъ старикъ въ изумленіи.

— Да вѣдь это волтеріанецъ, атеистъ, революціонеръ!

Директоръ, не имѣя понятія о сочиненіи, выпучилъ глаза, совсемъ не понимая, какимъ образомъ въ физиологію заѣхала революція.

— Извольте отправляться и будьте осторожнѣе, а не то я донесу въ Петербургъ.

Старикъ вспыхнулъ; такое безцеремонное обращеніе съ нимъ, черноморскимъ морякомъ, его взбѣсило.

— На доносы-то, ваше превосходительство, я знаю, что вы не скупитесь, отвѣтилъ директоръ:—но дѣло въ томъ, что если вамъ надо будетъ доносить на меня, то придется клеветать.

Съ этими словами директоръ гимназiи вышелъ, а генералъ, сердито посмотрѣвъ ему въ слѣдъ, сѣлъ и, взявъ листъ бѣлой бумаги, написалъ вверху: *секретно*. Пописавъ съ часъ времени, онъ запечаталъ бумагу въ конвертъ, на которомъ тоже написалъ: *секретно*. Въ тотъ же день весь городъ толковалъ, что отъ губернатора послано секретное донесеніе въ Петербургъ.

Такъ копились неудовольствія одно за другимъ, и вскорѣ, по совершенно случайному обстоятельству, привели дѣла къ роковому исходу. У непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія была жена именинница. Самъ членъ, Адольфъ Густавовичъ Гутманъ, былъ существо добрѣйшее и даже преисполненное нѣжности. Это былъ длинный, сухой нѣмецъ, всегда чрезвычайно тщательно причесанный à la соq, съ постоянно нѣжнѣйшею улыбкою на устахъ и до такой степени вѣжливый, что даже чловѣку своему говорилъ не иначе какъ: позвольте васъ попросить принести то-то. Любимѣйшимъ его занятіемъ было клеить разные футлярчики, коробочки, альбомы и т. п. Надобно сказать, что это искусство довелъ онъ до совершенства: его футляры, коробочки поражали своею прелестью, даже изяществомъ работы. Каждый годъ онъ подносилъ губернатору такой ящикъ, съ какимъ нибудь затѣвливнымъ механизмомъ для сигаръ, для писемъ, для бумагъ, а губернаторшиѣ — рабочій футлярчикъ или карто-

ночку для перчатокъ. И нынче онъ поднесъ ей чудную штучку для туалетныхъ вещей, устроенную въ видѣ таинственнаго грота, въ которомъ скрывается амуръ со стрѣлою. Губернаторша, молоденькая и нѣсколько вѣтреная дама, была въ восхищеніи. Словомъ, самъ членъ находился съ губернаторомъ въ отличныхъ отношеніяхъ; но членша... тутъ была особенная исторія. Надобно сказать, что членша, Василиса Александровна, была еще очень нестарая женщина и весьма представительной наружности. Это была полная, высокаго роста дама съ весьма выразительнымъ лицомъ, которому черные глаза, орлиный носъ и прекрасные каштановые волосы давали видъ какого-то величія римской матроны. Все это было тогда, какъ она была у себя дома или запросто гуляла на улицѣ, въ саду и т. п. Но какъ только Василиса Александровна надобно было выѣхать, то-есть одѣться по бальному, тогда богъ-знаетъ, что изъ себя дѣлала супруга Адольфа Густавовича. Она выдумывала такіе небывалые товы, такіе необыкновенныя манто, тальмы, что ужасъ! Обвѣшанная разныхъ красокъ лентами, цвѣтами, въ какомъ-нибудь испещренномъ бантами и букетами платьѣ, она иной разъ казалась похожею на тѣхъ добродушныхъ быковъ, украшенныхъ цвѣтами и лентами, которыхъ водятъ въ Италиі въ извѣстныхъ процессіяхъ. Разъ, блистая яркостью всѣхъ семи цвѣтовъ радуги, явилась она въ собраніе, а губернаторша, въ которой еще не совсѣмъ выдохлась петербургская институтка, померла со смѣху и выразилась неосторожно, что это не м-ше Гутманъ, а monstre. Услужливыя городскія пріятельницы тотчасъ передали все это Василисѣ Александровнѣ, и названіе *чудовища* такъ и осталось за нею въ городѣ. Этого никогда не могла простить м-ше Гутманъ губернаторшѣ, и въ тайнѣ души своей поклялась отомстить жестоко. М-ше Гутманъ очень не нравилась угодливость мужа губернаторшѣ; она, конечно, тотчасъ повернула бы мужа въ другую сторону, но боялась еще вооружить губернатора. Поэтому м-ше Гутманъ зорко слѣдила за ходомъ борьбы чиновнаго сословія съ начальникомъ губерніи, и дожидалась минуты, когда могла бы, безъ вреда, перевести мужа на укрѣпившуюся позицію враговъ губернатора. Думала ли она, что эта желанная минута настанетъ именно у нея въ домѣ?

Итакъ, она была именинница и у нея былъ вечеръ. Первая часть его прошла благополучно. Въ залѣ протанцовали, богъ-знаетъ, сколько кадрилией. Кавалеры, большею частію изъ губернаторской канцеляріи и изъ лѣсничихъ, послѣ каждой кадрили выходили въ буфетъ и подкрѣплялись, отчего нѣкоторые изъ дѣвиць, понѣживъе, перестали танцевать. Чиновникъ особихъ

порученій при губернаторѣ, Мигаевъ, съ длиннѣйшими волосами, въ особенности скакалъ, что есть мочи, и не обращалъ вниманія, что волосы его хлестали дамъ по глазамъ. Въ гостиной мужчины посолондѣе — такъ-называемыя власти — съиграли, богъ-знаеть, сколько пулекъ и, наконецъ, дѣло подошло къ ужину. Гутманъ, а особенно жена его, хоть изрѣдка, но любили покормить гостей. Ужинъ былъ на славу, вина пропасть. Къ концу ужина были всѣ уже навеселѣ; Петръ Михайловичъ затянулъ бы своего *журавельку*, еслибъ не останавливалъ его сидѣвшій съ нимъ радомъ князь Романъ. Мигаевъ, раскраснѣвшись отъ танцевъ, водки и хересу, что-то нашептывалъ сидѣвшей съ нимъ радомъ очень недурной, пухленькой дамѣ съ криволиномъ, который закрывалъ всѣ колѣна Мигаева. Губернатору, разумѣется, слышались чуть не проклятiа.

— Я его упеку, говорилъ Цеклеръ, стукнувъ по столу: — я такую бумажку послалъ въ Петербургъ, что вотъ увидите...

— Да и я ему подсахарилъ, замѣтилъ князь: — не поздоровится!

— Я еще не подсахарилъ, а документики собралъ, молвилъ Петя.

— Какіе, какіе? поспыпались вопросы.

— Да по калугинскому дѣлу.

— А что, а что?

— Да такъ-съ: документы изъ дѣла вынулъ, да и затаялъ. Пять тысячекъ взялъ за это съ Калугина, за то этотъ продесъ выигралъ, а правая-то сторона по міру пошла.

— Мошенникъ!

— Разбойникъ!

— Убийца! сказала внушительно мадамъ Вовчокъ.

— Клятвопреступникъ! замѣтилъ Брыжжиковъ.

— Измѣнникъ! закричалъ во все горло Вѣтранный.

— Пойдите, господа, вдругъ возвысился голосъ Цеклеръ, взглядываясь въ щель нѣсколько растворенной двери изъ прихожей, и блѣднѣя: — что это такое? Лица всѣхъ оборотились туда.

Въ щели свѣтились пуговицы виц-мундира и красный воротникъ.

Виц-губернаторъ, блѣдный, какъ смерть, всталъ и растворилъ двери. Въ прихожей стоялъ частный приставъ съ листомъ бумаги, на которомъ писалъ имена всѣхъ присутствовавшихъ.

На первую минуту, собраніе погрузилось въ страшное молчаніе; всѣ были положительно ошеломлены, и мы не знаемъ, долго ли бы оно продолжалось, еслибъ не нарушили его губернаторскіе чиновники, которые тотчасъ же стали бросаться изъ-за стола, и прятаться въ углы, за мѣбель, а Мигаевъ такъ и сползъ со стула, скрывшись за обширный криволиный своей пухленькой софдкн, которая тщательно его прикрывала.

- Что это такое! вскричалъ князь.
- Сейчасъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ раболѣпно приставъ.
- Да какъ же вы осмѣлились войти въ мой домъ? завопила бѣшено мадамъ Гутманъ.
- Служба, Василиса Александровна, жалобно говоритъ приставъ, включая въ списокъ и хозяйку:—его превосходительство...
- Что такое его превосходительство? спросилъ Цеклеръ.
- Его превосходительство, г. начальникъ губерніи, изволили приказать... по именному приказанію-съ... отвѣтилъ частный приставъ, складывая списокъ, и пихая его въ карманъ. — Не гнѣвайтесь на меня, ваше сіятельство, дѣло подначальное. — Затѣмъ, частный приставъ извинился и вышелъ.
- Что же это такое, господа? спросилъ въ изумленіи Гутманъ.
- А то, что ты дуракъ! вскричала запальчиво Василиса Александровна, вся блѣдная: — скоро къ твоей женѣ въ спальню будутъ ходить жандармы, а ты все будешь коробочки клеить, да и вы-то, господа, сказала она, обратясь къ князю съ невыразимымъ презрѣніемъ, и замолчала.
- Дурни, отвѣтилъ Вовчокъ: — дурни!
- Что же это такое? восклицалъ Цеклеръ.
- Разбой, отвѣтилъ инженеръ.
- Разбой, рѣшительно воскликнула супруга предсѣдателя врачебной управы, сухая и тонная дама.
- Что жъ теперь съ нами будутъ дѣлать? замѣтила робѣя пухленькая дама.
- А то-съ, воскликнулъ, пылая гнѣвомъ, Вѣтряный:—что если до волоска кого-нибудь изъ васъ онъ дотронется, такъ я его убую-съ!
- Господа, я завтрашній день, внѣ службы, ему не кланяюсь, пробормоталъ Цеклеръ.
- Я при встрѣчѣ отворачиваюсь, сказалъ Вовчокъ.
- Я рапортуюсь больнымъ до тѣхъ поръ, пока его не выгонять, сказалъ инженерный полковникъ.
- Я... я...
- Mesdames! воскликнула Гутманъ: — отмстимъ хоть мы, если наши милые супруги не умѣютъ отстоять свою честь. Мы не ѣдимъ къ ней — ни одна.
- Ни одна, ни одна!
- Въ саду, какъ только онъ, или она появятся — всѣ вонъ.
- Всѣ, всѣ непременно.
- Въ собраніе ни ногой.
- Ни одна, клянемся!

— Господа, подхватилъ вице-губернаторъ:—мы всё завтра же пишемъ въ Петербургъ, каждый къ своему начальству.

— Всё, всё, о злоупотребленіяхъ, притѣсненіяхъ, личныхъ оскорбленіяхъ, говорилъ директоръ.

— Будемъ дѣйствовать дружно противъ общаго врага.

— Дружно, дружно.

— Клянемся, кричалъ князь.

— Клянемся, клянемся.

— Шампанскаго, сказалъ хозяинъ.

Бокалы были налиты.

— На врага, дружно, ура! закричалъ Гутманъ.

— Ура!

— Ура, ра-а-а!...

Мы не знаемъ, долго ли бы продолжалось это громовое ура, еслибы оно не прекратилось вслѣдствіе одного смѣшного, хотя и не совсѣмъ пріятнаго случая. Тучный Вовчокъ, еще болѣе сдѣлавшійся грузнымъ отъ выпитаго имъ огромнаго количества пуншу, воды и вина, едва сидѣлъ на стулѣ; отъ сильнаго движенія при громогласномъ ура, стулъ подъ нимъ подломился, и тотъ всю тяжесть грянулся на полъ, и своею тучностію увлекъ сухопараго вице-губернатора. Громкое ура превратилось вдругъ въ гробовое молчаніе; а потомъ, когда несчастная жертва поднялась, всеобщій смѣхъ смѣнилъ молчаніе.

— Однако, это скверное предзнаменованіе, замѣтилъ лукаво инженеръ своему сосѣду, соборному протопопу.

— Скверное, скверное, отвѣтилъ тотъ, жуя что-то.

Пиръ продолжался еще долго. Гости разѣхались далеко за полночь.

— Сашка, а Сашка, отнесся Мигаевъ къ одному столоначальнику губернаторской канцеляріи, выходявшему вмѣстѣ съ нимъ отъ Гутмана: — штука-то скверная.

— Скверная, отвѣтилъ тотъ: — да еще какая скверная-то!

— Вѣдь, пожалуй, выгнать.

— Выгнать, злодѣй, пожалуй.

Выступаетъ.

— И богатъ онъ, Петровнушка?

— Богатъ, Маврушка, ей богатъ. Золота-то одного, такъ, говорятъ, ковшами мѣряетъ, а ужъ бумажекъ-то и сметы нѣтъ!

— Откуда это у него берется такая пропасть?

— Да разное бываетъ, Маврушка — разное!

Петровнушка при этомъ махнула рукой, и подперевъ рукою подбородокъ, замолчала, будто опасаясь продолжать разговоръ. Старушка Мавра служила нянькой у хозяйки гостиницы, и пришла теперь вечеромъ поболтать на кухню съ пріятельницей, Петровнушкой — той самой кривой дѣвкой, которая дивилась небесному явленію, въ началѣ нашего разсказа, у воротъ гостиницы, и которая тутъ была кухаркой. Кухня была большая, чистая, съ лавками кругомъ, съ деревяннымъ бѣлымъ столомъ, за которымъ бесѣдовали Мавра съ Петровной. Въ углу, около печи, сидѣли три пріѣзжіе мужика, въ одиѣхъ рубахахъ, и молча смотрѣли на разговаривавшихъ.

— Темное дѣло, темное, говорила, вздыхая, Мавра.

— Какое темное дѣло, матка? подхватила Петровна: — собственными глазами видѣла: помните, какъ бура-то страшная была — такъ-таки змѣй огненный и летить и летить, да прямо въ это окошечко-то, знаешь, на самомъ-то верху его стараго дома. Такъ до самаго разсвѣта тамъ свѣтъ небесный и горѣлъ.

— Батюшко, истенный Христось! молвила при этомъ крестясь нянька.

— И то я думала, начала, немного погода, Петровна: — кому же быть на чердакѣ всю ночь, кого это вознесетъ туда. И экіе у него хоромы — трехэтажный, каменный домъ, кому тутъ мѣста нѣтъ? Вотъ оттуда-то и все богатство его, говорила кривая дѣвка: — онъ и носить, вѣдь стоитъ разъ только душу-то отдать.

— Чтò же это за змѣй, Петровнушка? Живой онъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, неживой, онъ залятой; вотъ кого провѣлануть, да онъ умереть, и если осиноваго кола не вколотать — онъ змѣй и будетъ — нечистая сила, значить.

— Господи, истенной Христось!

— Да вотъ у насъ, въ Звенигородѣ, онъ леталъ ко вдовѣ гъ одной, купчихѣ, такъ та, чу, дѣтей отъ него рожала.

— Дѣтей!

— Да, человекъ, чу, пять было.

— Куда же они дѣвались?

— А куда, матушка, я и не знаю, вскорѣ я уѣхала, разное говорили: — одни говорили, что онъ же и уносилъ.

— Нечистая-то сила?

— Да; иной разъ говорили, что и сама она ихъ воспитывала гдѣ-то, но никто не зналъ, гдѣ . . . . .

— Этого никогда доселева не бывало, говорилъ одинъ изъ мужиковъ, сидящихъ въ углу, постарше: — бывало, какъ пріѣдешь, такъ прідешь въ наѣлату — и расчесть; а нынче, другую недѣлю

живемъ — ступай, говорятъ, къ губернатору; не велѣлъ выдавать безъ себя. — У того стоишь цѣлый день; выйдетъ, говоритъ: ступай къ вице-губернатору; тамъ стоишь цѣлый день — пошлетъ опять въ палату: я, говорятъ, безъ позволенія губернатора не могу — и вотъ другая недѣля!

— И вездѣ какіе-то непорядки завелись, возразилъ молодой, красивый парень съ гладко-причесанными волосами. — Вотъ хоть бы въ нашемъ рыбацкомъ дѣлѣ — прежде, бывало, какъ привезешь — разнесешь въ часъ — живемъ разберутъ, а нынче, мы, вотъ, съ Ваней-то третій день живемъ — не берутъ, рыба вся передохла.

— Передохла! съ удивленіемъ возразилъ мужикъ постарше.

— Передохла, продолжалъ парень. — Сунулся-было я въ лабазъ къ Микитѣ Иванычу...

— Къ Пупкову-то?

— Къ Пупкову; прежде, бывало, какъ разъ возьмешь, а нынче... и рукой махнулъ.

— Не взялъ!

— Не взялъ. Некому, говорятъ, истъ у насъ теперь.

— Некому истъ!

— Да, такъ-таки и сказала. — Почѣму, молъ, такъ полагаете, Микита Иванычъ? говорю. — А такъ, говорятъ, теперь, говорить, въ городу-то — нечистая сила одна, грѣхъ, говорятъ, одинъ, прости Господи! — И плюнулъ даже, старый — я ушелъ, потому какъ-то жутко стало.

— И впрямъ, нечистая сила; правду, видно, бабоньки-то говорить. У Оедьки Хохря-то кобыла, слышь, чу, утку принесла.

— Полно!

— Пра-а, живой, чу, уткой и ожеребилася.

— Ишь ты! замѣтилъ рыбакъ.

— Про кого же это бабы-то толкуютъ — нечистая-то сила завелась?

— Да у откупщика, чу.

Въ это время сидѣвшій у дверей сторожъ изъ части, присланный къ кому-то изъ живущихъ въ гостиницѣ, и ничего неговорившій, вдругъ во всеуслышаніе проглаголялъ:

— А вчера у насъ брантмейстера такъ въ канаву, подъ мостъ сперло.

— Кто? спросили почти всѣ въ одинъ голосъ.

— А кто его знаетъ! отвѣтилъ солдатъ, и замолчалъ. Немного погодя, онъ однакожъ продолжалъ: — вотъ тоже покажутъ, что нечистая сила. Былъ онъ на крестинахъ у селетара консисторіи Успенскаго; сидѣлъ, чу, тамъ чуть не до утра; пошелъ домой—

не могу, говорить, воротъ-то своихъ найти. А вѣдь секретарь-отъ, живеть, почитай, насупротивъ.

— Ну, что, батюшко, спросила Мавра: — что съ нимъ сердешнымъ стало-то?

— Не могу, говорить, найти воротъ-то, а ворота-то, говорить, близко. Какъ ни подойдетъ къ воротамъ, анъ чужіе, точно что заслѣпшо. А сонъ такъ и клонить.

— Ишь ты, замѣтилъ опять одинъ изъ крестьянъ.

— Такъ и не добился? спросила Маврушка.

— Не добился и легъ въ лужу у забора, изъ силъ выбился. Утромъ очутился подъ мостомъ, въ канавѣ, весь въ грязи. На другой день только къ ночи очнулся — окурило совсѣмъ.

— Да не напоялся ли сильно? спросила Петровна, которая сама выпивала, и бывала въ подобныхъ передѣлкахъ.

— Толкуй тутъ, напоялся! Спощи нашего брантмейстера.

— Здоровъ? вопросительно и съ явнымъ удовольствіемъ замѣтилъ мужикъ постарше.

— Эхъ, здоровъ, отвѣтилъ солдатъ, нюхая табакъ. — Какъ на команду, иной разъ, водки пожертвуютъ — купечество или обыватели какіе — такъ вся команда во хмелю, а онъ больше половины выпьетъ — какъ ни въ чемъ не бывало. Только ходитъ, да платочкомъ утирается.

— Я все про откупщика-то, матушка, подхватила Мавра: — бають, что къ нему, чу, какая-то бѣла-дѣвка ходитъ. Задняя-то стѣна у него въ огородъ выходитъ; такъ, чу, по огородамъ-то ночью и идетъ. Подойдетъ къ желѣзной-то двери, что тутъ у него есть, да и рассыплется.

— Исчезнетъ, значить, замѣтилъ мужикъ.

— Да, батюшко, многіе говорятъ; ужъ правда ли, нѣтъ, не знаю. Прости-ко, Петровнушка, пора.

Маврушка, разумѣется, рассказала все слышанное своей хозяйкѣ; у нея гостила тогда извѣстная во всемъ городѣ старушечка, которая ходила къ святымъ мѣстамъ, и собственными глазами видѣла кievскихъ вѣдьмъ. Узнала объ этомъ вся гостиница — и пошла гулять нечистая сила по Гнилозерску. Тамъ она запарила мужа въ банѣ, а тамъ заѣздила корову въ клеѣвѣ. На дебрѣ у слесарши пеклись хлѣбы; только что она посадила ихъ въ печку, а хлѣбы въ печкѣ-то винтомъ, вышибли заслонку, да по полу-то кубаремъ, кубаремъ — такъ и выкатились изъ избы. — Соборной попадѣ сталъ каждую ночь казаться мужъ, который три мѣсяца умеръ. У откупщика такъ и горѣлъ огонь на чердакѣ всѣ ночи напролетъ. Совсѣмъ помутилось на душѣ у бѣдныхъ гражданъ. Неголько въ низшихъ слояхъ народонаселенія,

не и въ высшихъ у многихъ стало нехорошо на душѣ. Вовчогь рѣшительно пересталъ выходить по вечерамъ. Почтмейстерша, женщина нервическая и худая, какъ скелетъ, настрого приказала мужу спать у нея въ спальнѣ: оттого, что ей казались привидѣнія. Начальство даже приняло свои мѣры. Отъ полиціймейстера было объявленіе, что никакой нечистой силы, несмотря на самое тщательное разслѣдованіе, въ городѣ не оказалось. Архіерей въ Ильинъ день тоже говорилъ проповѣдь, гдѣ съ свойственною духовному витію доказательностью развивалъ ту мысль, что нечистой силы никакой нѣтъ; что нечистая сила — только вѣчный врагъ чловѣка — дьяволъ, но что противъ этого врага есть всегда оружіе — молитва. Все это было хорошо, но напуганное воображеніе видѣло иное. Вонъ дочки секретаря губернскаго правленія пошли въ лѣсъ за грибами; возвращаются ужъ вечеромъ — темненько. Вдругъ видятъ — стоитъ за елочкой Василій Федоровичъ, протоколистъ дворянской опеки. Они его окликаютъ — старикъ не отвѣчаетъ. Шутить, думаютъ дѣвушки. Подошли къ нему, смотреть, а онъ синеобразный. Съ мосту, среди бѣлаго дня, сдернуло въ воду профессора семинаріи. И все, все шло какъ-то совсѣмъ иначе, какъ-то странно, какъ-то дикообразно. Все перемутилось, всѣ стали бояться другъ друга. Словомъ, какой-то тяжкій кошмаръ легъ на весь городъ. Всѣ были въ ожиданіи чего-то, чего-то боялись. Судите же положеніе гражданъ, когда посреди такого неблагоприятнаго состоянія моральнаго и общественнаго, вдругъ съ одною почтою получились двѣ бумаги, которыми повелѣвалось категорически предсѣдателю уголовной палаты и директору гимназіи немедленно подать просьбы объ отставкѣ. Вечеромъ того же дня директоръ гимназіи умеръ отъ апоплексическаго удара.

Пора пришла.

Заглянемте къ нашему герою. Утро было уже въ полномъ блескѣ, а Николай Александровичъ ходилъ по комнатѣ и безпрестанно смотрѣлъ на часы. Не разъ онъ садился за работу, но рѣшительно не могъ ничѣмъ заниматься. За что бы онъ ни ввляся, что бы ни задумалъ—мысли приходили къ одному предмету. Самъ онъ положительно не зналъ, чтѣ съ нимъ дѣлается. Въ этотъ день Зинаида Карловна пригласила его вечеромъ къ себѣ *по-скупать*, какъ она говорила, *потому что будетъ одна*. Надо сказать, что Николай Александровичъ, послѣ своего загороднаго путешествія, рѣшительно сблизился съ Зинаидой Карловной. Онъ

часто бывалъ у нея и каждый день видался съ нею гдѣ-нибудь. Она сама сказывала ему, гдѣ, въ какой день будетъ, и очень мило приглашала его туда. Высачовъ — постоянный проводникъ ея; какъ мило она украдкой жметъ ему руку, при прощаньи, когда наединѣ онъ усаживаетъ ее въ экипажъ; но съ другой стороны, странная эта особа со многими бываетъ еще любезнѣе, особенно съ тѣми, которые были поопытнѣй и поразвязнѣй его. Вотъ съ княземъ Печенежскимъ, она даже кокетничаетъ, такъ что злые языки говорили, будто-бы она дала поводъ князю наметнуть на кой-какія предложенія. Но это, разумѣется, вздоръ. Нерѣдко Зинаида была очень внимательна къ Мигаеву, тому самому чиновнику особыхъ порученій, который на извѣстномъ вечерѣ скрылся за криволиню хорошенькой и пухленькой дамы. Даже поговаривали, будто-бы прекрасной Зинаидѣ нравился Мигаевъ, а что тотъ чуть-ли не женится на ней... Всѣ эти толки, на которые прежде вниманія не обращалъ Высачовъ, стали ему очень неприятны. Въ то время, какъ онъ раздумывалъ о нихъ въ сотни разъ, дверь отворилась, и вошелъ знакомый уже намъ мальчишка, нумерной слуга.

— Что тебѣ? спросилъ Высачовъ.

— Письмо отъ Талецкой.

Кровь бросилась въ голову Высачову. Письмо! вѣрно отказъ въ свиданіи подъ какимъ-нибудь предлогомъ. Высачовъ разсматривалъ красивый конвертъ со всѣхъ сторонъ, наконецъ распечаталъ; тутъ прекраснымъ женскимъ почеркомъ было написано пофранцузски: «Такъ-какъ у-васъ много занятій, то я думаю нелишнее будетъ напомнить, что сегодняшній вечеръ вы дали слово провести у меня». Сердце иначе забилося у Высачова.

Какъ ни казался безконеченъ день Высачову, а все-таки время не ускоряетъ и не сокращаетъ своего вѣчнаго хода ни для кого. Сѣрое дождливое небо закрылось тьмою, и Высачовъ позволилъ у крыльца Зинаиды. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась, и сама хозяйка очутилась передъ нашимъ героемъ. Внезапность ли ея появленія, или дѣйствительная красота дѣвушки произвели впечатлѣніе на Высачова, такъ что онъ сконфузился. Никогда не была такъ хороша Зинаида Карловна, какъ теперь. Высачовъ не нашелся какъ начать разговоръ, и спросилъ съ видомъ изумленія:

— Вы сами отпираете дверь?

— Такъ что же? отвѣтила Зинаида. — Дѣвушка подала самоваръ и отпросилась на свадьбу—у сосѣдей свадьба. Для нихъ вѣдь это праздникъ.

Высачовъ улыбнулся. Зинаида наединѣ съ нимъ! Герой нашъ

вдруг почувствовалъ въ душѣ необыкновенное удовольствіе. Зина усадила его возлѣ себя на диванѣ и такъ ласково-нѣжно смотрѣла на него, что онъ взялъ ручку ея и поцаловалъ. Зина видимо была не въ претензіи на Высачова.

Черезъ нѣсколько минутъ Зинаида встала, подошла къ своему рабочему столу и сказала:

— Хотите, я вамъ сдѣлаю подарокъ?

— Я не люблю подарковъ, но то, что напоминало бы мнѣ васъ, будетъ для меня дорого.

Зинаида подошла къ Высачову и подала ему илюминированную фотографическую карточку.

Восторгъ овладѣлъ нашимъ героемъ. Онъ опять завладѣлъ прекрасной ручкой и чувствовалъ, какъ она дрожала въ рукахъ его.

— Вотъ доказательство моей къ вамъ довѣренности. Я думала сдѣлать такой подарокъ только одному...

— Кому?

Дѣвушка замолчала и потомъ отвѣчала:

— Жениху; но для васъ я измѣнила своему обѣту...

Въ это время напомнилъ о себѣ самоваръ, который заклокоталъ самымъ сумасшедшимъ образомъ, какъ-будто сочувствуя бурнымъ чувствамъ молодого человѣка.

Черезъ минуту бѣлоснѣжные пальцы красавицы замелькали по чайному прибору. Отъ счастья и внутреннего восторга Высачову говорилось плохо. Онъ только смотрѣлъ на волшебныя красы хозяйки и думалъ: неужели кто другой будетъ владѣть ими? При этой мысли дрожь пробѣжала по его нервамъ.

— Что съ вами? спросила Зинаида.

Высачовъ не смѣлъ или, лучше сказать, не нашелся объяснить настоящую причину своего испуга. На устахъ Зинаиды показалась невольная улыбка самодовольствія.

Послѣ чаю Зинаида открыла рояль и сказала Высачову: *слушайте*. Затѣмъ сѣла, взяла нѣсколько аккордовъ своими алебастровыми руками и съ необыкновеннымъ чувствомъ и выразительностію пропѣла извѣстные стихи Пушкина:

Я помню чудное мгновенье и проч.

Высачовъ съ удивленіемъ слушалъ одушевленную музыку Зинаидина голоса; но особенно пораженъ былъ удивительными словами поэта, хотя ему давно знакомыми. Никогда не представлялась ему такъ ясно глубокая истинность, поразительная вѣрность этой поэтической импровизаціи:

Душѣ настало пробужденье
Передо мной явилась ты,

Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ гений чистой красоты!

Ему казалось, что Пушкинъ выразилъ именно его теперешнее внутреннее настроеніе. Онъ дѣйствительно чувствовалъ что-то новое въ душѣ, и смотря на оживленныя черты лица пѣвицы, дышавшія на этотъ разъ особенною нѣжностію и одушевленіемъ, думалъ: да, это *гений чистой красоты*—правда!

Зина встала и спросила:

— Хорошо ли?

— Чудно! отвѣтилъ Высачовъ:—но... чувствовали ли вы когда нибудь то, что высказано въ этихъ стихахъ?

Талецкая задумалась, глубоко вздохнула и тихо сказала, взявъ Высачова за руку:

— Не чувствовала, но чувствую теперь...

Талецкая поспѣшно вышла изъ комнаты.

Предоставляемъ судить читателю о томъ душевномъ восторгѣ, который овладѣлъ нашимъ героемъ послѣ этого очевиднаго признанія; но Зина скоро вошла въ комнату, совершенно возвратясь къ своему обычному спокойствію, и пригласила гостя ходить съ нею по залѣ. Высачовъ взялъ очаровательную дѣвушку подъ руку и сталъ съ нею ходить. Онъ чувствовалъ и, такъ-сказать, видѣлъ ея дыханіе, слышалъ аромать волосъ. Наконецъ не въ силахъ будучи владѣть собою и покоряясь одолюющей его силѣ, внезапно остановилъ дѣвушку и обнялъ со всѣмъ влѣкновеніемъ молодости. Талецкая въ изнеможеніи чуть держалась. Высачовъ посадилъ ее на кресло и умолялъ простить его. Зина, закрывъ лицо руками, молчала.

Въ глубокую полночь выходилъ Высачовъ отъ Талецкой. Прежде нежели была отперта дверь, Зинаида подошла къ юношѣ, обняла его своимъ роскошнымъ объятіемъ и прильнула къ устамъ. Высачовъ вышелъ отъ Талецкой потрясенный, измученный, такъ-сказать, избыткомъ счастья. Зинаида же вошла къ себѣ въ комнату, и сѣвъ возлѣ стола, глубоко задумалась. Мало-по-малу лицо ея дѣлалось все сумрачнѣе и наконецъ даже приняло строгій суровый характеръ. Брови сдвинулись, лицо поблѣднѣло, въ глазахъ появились слезы. «Душѣ настало пробужденіе!» говорила она мрачно. «Чьей душѣ? его или моей? И къ чему приведетъ это пробужденіе? Къ новымъ бѣдствіямъ и новымъ страданіямъ!... Въ могилѣ какое пробужденіе? Местъ—моя любовь. Для нея живу и и хочу жить».

Затѣмъ Талецкая встала и вышла изъ комнаты.

Звонокъ.

На шелковомъ пунцовомъ турецкомъ диванѣ въ раздражающемъ полумракѣ чуть свѣтящей лампы лежала Талецкая черезъ недѣлю послѣ рассказаннаго въ предыдущей главѣ, усталая послѣ вчерашняго вечера, въ бѣломъ кружевномъ капотѣ, съ разсыпавшимися по плечамъ черными локонами, развившимися послѣ бала. Высачовъ сидѣлъ возлѣ нея на диванѣ же, покрывая руки, шею и уста красавицы поцалуйми. Оба повременамъ задыхались отъ блаженства и говорили мало.

— Ахъ, Зина, сказала наконецъ Высачовъ: — какъ я сегодня счастливъ, какъ готовъ отдать жизнь за эти минуты; но вчера! я не знаю, какъ пережилъ сегодняшний день.

— Какъ тебѣ не стыдно, милый, ревновать! сказала Зинаида, иѣжно взявъ руку Высачова.

— Ахъ, какъ ты счастлива, что не знаешь этого демона!

— Да, оттого и не знаю, что вѣрю тому, кого люблю.

— Но какъ же я буду вѣрить тебѣ, когда ты ужасъ что дѣлаешь? Вѣдь ты вчера весь вечеръ съ нимъ, ты глазъ съ него не спускала. Ты видѣла, что онъ, стоя у твоего стула, безстыдно пожиралъ тебя глазами, ты это видѣла... и молчала! Меня же ты я не замѣчала.

— Полно; какъ тебѣ не стыдно, милый; но что же мнѣ дѣлать, скажи пожалуйста? Онъ влюбился въ меня... вѣдь я ревновата... онъ... и Зинаида улыбнулась.

— Что онъ? не перевода духа спросилъ Высачовъ.

— Онъ... ужасы говорить... ахъ, милый, да мнѣ стыдно...

— Подлецъ! вскричалъ Высачовъ, быстро вскочивъ съ дивана и энергически шагая по комнатѣ.

— Ха-ха-ха, засмѣялась Зинаида.

Немного спустя, она сказала тихимъ голосомъ:

— Полно, поди сюда, ревнивецъ...

Молодой человекъ подошелъ къ дивану. Зинаида взяла его за руку, и пританувъ къ себѣ, стала ласкать рукою юное лицо своего гостя. Тотъ, видѣ себя, обнялъ роскошныя плечи красавицы и прильнулъ къ ея устамъ.

— Ахъ, Зина, молвилъ онъ:—какъ близко счастье!

Красавица молча вздрогнула и слегка оттолкнула его.

— Зина, ты боишься меня?

— Боюсь.

— Чего?

— Любовь моя смертельна. Когда я родилась, воздухъ пред-

сказала, что любовь моя принесетъ смерть; не люби меня, милый, шептала дѣвушка, страстно прижимаясь къ Высачову.

Молодой человѣкъ вздрогнулъ. Въ этомъ чуть слышномъ, задыхающемся шопотѣ было столько убѣдительной силы, столько страстной правды, что Талецкая его любитъ, что она—его. Въ головѣ помутилось у молодого человѣка.

Талецкая, молча, взяла руку своего возлюбленнаго, и приложивъ ее къ своей груди, сказала:

— Смотри, какъ бьется сердце.

Высачовъ омертвѣлъ. И къ чему бы повела Талецкую ея довѣренность, мы не знаемъ, еслибы вдругъ не раздался звонокъ.

Зинаида вспорхнула, какъ голубь; у Высачова какъ-то болезненно сжалось сердце.

— Это онъ! мрачно произнесъ Высачовъ:—сердце мое чуетъ.

— Ступай, ступай, говорила Зинаида тихо, выпроваживая его въ коридоръ:—какое онъ! — въ такую пору—12 часовъ—это вѣрно братъ пріѣхалъ. Прости, мой ангелъ, шептала Зинаида, цѣлуя его и крѣпко прижавъ къ груди:—прости, завтра я пришлю за тобой—прости.

Опьянѣвшій отъ блаженства, юноша вышелъ отъ своей возлюбленной. Холодный ночной воздухъ нѣсколько освѣжилъ его чувства. Выйдя на улицу онъ увидѣлъ, что у воротъ стоятъ чьи-то дрожки. Братъ былъ въ отъѣздѣ, слѣдовательно не могъ пріѣхать въ городскихъ дрожкахъ; но за темнотою ночи нельзя было узнать, кому принадлежалъ экипажъ. Онъ рѣшился подойти, и вообразите ужасъ моего героя—когда онъ увидѣлъ, что кучеръ и лошадь были князя.

— Съ кѣмъ ты? спросилъ онъ у кучера, который, что-то поправивъ у лошади, сѣлъ на возлы и поѣхалъ.

— Съ его сіятельствомъ, сударь.

— Куда же ты?

— Домой-съ, приказали ѣхать, батюшко — пѣшкомъ придуть.

Высачовъ едва устоялъ на ногахъ. Онъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ, но экипажъ князя медленно удалялся, слегка постукивая по мостовой. Сначала онъ рѣшительно не зналъ, что дѣлать—идти домой, или броситься къ ней—подсмотреть, что они дѣлаютъ, мысли толпились, путались въ головѣ, онъ ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ, наконецъ, чувствуя сильное утомленіе, недалеко отъ дома Талецкой, легъ на траву.

Небольшой отдыхъ возстановилъ его силы, и нравственные и физическія.

«Неужели коварство?» думалъ онъ... «Но почему же я такъ думаю? Она невиновата. — Ну, что жъ дѣлать! наглій волокита

преслѣдуетъ—негодяй и болѣе ничего—она сейчасъ его выпроводить»...

Высачовъ внимательно смотрѣлъ на дверь; дверь не отворялась; сквозь опущенныя темныя сторы въ комнатѣ, гдѣ онъ былъ съ Талецкой, точно также видѣнъ былъ полусвѣтъ... ужась! на соборныхъ часахъ пробило часъ. Чувствуя холодъ и дрожь, Высачовъ всталъ и началъ ходить по улицѣ, не спуская глазъ съ дома Зинаиды. Попрежнему въ той же комнатѣ горѣлъ огонь, но никто не выходилъ. Совершенное отчаяніе овладѣло молодымъ человѣкомъ. Давно ли, давно ли онъ считалъ себя счастливейшимъ въ мірѣ человѣкомъ, а теперь, Боже мой!... Можно ли вѣрять, чтобы въ этой красотѣ, въ этихъ обольстительныхъ молодыхъ глазахъ, въ этой цѣломудренной груди таилась лживая душа! Ужась!

Въ то время, какъ нашъ герой, терзаемый всею горечью обманутой страсти, едва держался на ногахъ, а все-таки наблюдалъ за роковымъ крыльцомъ Зинаиды, въ это самое время вдали, тамъ, гдѣ уже были огороды, тянувшіеся до другой улицы, за которою были опять-таки огороды, примыкавшіе къ задней стѣнѣ громаднаго Ковшовскаго дома, вдали показалась кака-то черная точка. Точка эта росла, приближалась и обратилась возлѣ дома Зинаиды Карловны въ какого-то мальчугана, который шелъ смѣлыми шагами прямо къ дому Талецкой. Войдя на дворъ, онъ приблизился къ крыльцу, за которымъ съ лихорадочною дрожью наблюдалъ Высачовъ, и дернулъ звонокъ.

Въ комнатѣ, гдѣ былъ огонь—гдѣ недавно былъ онъ на верху блаженства—сквозь сторы замелькали тѣни. Сердце у Высачова замерло. Двери никто не отворялъ. Звонокъ раздакъ въ другой разъ. Черезъ нѣсколько секундъ, по другую сторону дома за калиткой, изъ которой самъ онъ вышелъ недавно, послышались шаги. Высачовъ притаялъ дыханіе и спрятался за крыльцо противоположнаго дома. Длинная фигура князя Печенежскаго осторожно посмотрѣла сквозь притворенную калитку. Увидѣвъ, что на улицѣ никого нѣтъ, князь вышелъ и отправился, осторожно оглядываясь по сторонамъ, домой. Передъ мальчикомъ, между тѣмъ, дверь отворилась. Онъ вошелъ и, возвратясь черезъ минуту, отправился тою же дорогою. Не въ силахъ болѣе владѣть собою, Высачовъ бросился къ этой предательской двери, которую, вѣроятно, отпирають по ночамъ золото и банковые билеты. Сильною рукою рванулъ онъ звонокъ—звонокъ не звенѣлъ! Высачовъ дернулъ въ другой разъ—звонокъ молчалъ, онъ въ третій—молчаніе! Высачовъ сталъ сильно стучать въ дверь—никто не отворялъ и въ домѣ царствовало гробовое молчаніе, онъ опять—

все тихо. Только легкій шелестъ послышался на дворѣ. Онъ взглянулъ, и не зналъ, что подумать. Черезъ дворъ перешла и двигалась по огороду высокая, вся въ бѣломъ, женщина. Не оглядываясь никуда, она быстро шла впередъ черезъ улицу. Покораясь какой-то инстинктивной силѣ, Высачовъ бросился за ней. Таинственная женщина какъ-то странно очутилась въ огородѣ, на другой сторонѣ улицы, тогда какъ передъ Высачовымъ оказался заборъ. Онъ однако перелѣзъ; незнакомка была уже далеко; запинаясь за гряды, онъ спѣшилъ за нею. Бѣлая одежда замелькала въ деревьяхъ, которыя росли по краю огорода, онъ туда — бѣлое платье мелькнуло вдаль; черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ остановиться, потому что путь ему заслоняла кирпичная стѣна дома Ковшова. Нашъ герой сталъ бродить между деревьями — никого не было; онъ прислушался — мертвое молчаніе!

Исполненный отчаянія, измученный тревогами, усталый, съ нервическою дрожью онъ пошелъ домой, проклиная свѣтъ, проклиная родъ людской, и ту, которая такъ нагло, такъ безстыдно смѣялась надъ его первую любовью.

Мы не знаемъ, правъ ли былъ нашъ герой, проклиная свѣтъ и людей; только относительно чувствъ Зинаиды Карловны къ князю Печенежскому онъ ошибался. Романъ Сергіевичъ выбрался отъ Зинаиды Карловны далеко не такъ счастливый, какъ полагалъ нашъ молодой ученый.

Когда Высачовъ вышелъ, Зинаида, заперевъ за нимъ дверь, быстро поправила прическу, надѣла мантилью и пошла сама отворять дверь. Встрѣтивъ князя, Зинаида Карловна, повидимому, смутилась и стояла, какъ вкопаная, не говоря ни слова. Тотъ весело вошелъ въ прихожую и снялъ пальто.

— Такъ поздно, князь, проговорила, наконецъ, хозяйка.

— Да, прелестная Зинаида Карловна, говорилъ князь, цалуя протянутую ручку. — Мнѣ нужно переговорить съ вами наединѣ, такъ я и выбралъ время, когда навѣрное можно застать васъ одну.

— Садитесь, князь, сказала Зинаида Карловна, вводя князя въ ту самую комнату, гдѣ былъ сейчасъ Высачовъ: — садитесь — странно! — не взмните, что видите меня такую растрепанною: не могла отдохнуть отъ вчерашняго бала.

При этомъ красавица указала на свой бѣлый нарядъ и на свои рассыпавшіеся локоны.

— Если вы вчера были блистательны, то сегодня обольстительны, сказалъ Печенежскій.

— Что же васъ привело ко мнѣ, князь?

— Страсть! быстро отвѣтилъ тотъ:—страсть, Зинаида Карловна, владѣть болѣе собою не могу; вы вчера были ангель, вы подали мнѣ надежду быть выслушаннымъ и возобновить прошлое.

Большія рѣсницы Зинаиды Карловны упали внизъ; она, повидимому, смутилась, но по легкой улыбкѣ, летавшей на ея устахъ, казалось, что ей не непріятно лепетаніе красиваго и аристократичнаго влюбленнаго.

— Я не могу болѣе жить безъ васъ, говорилъ князь, схвативъ руку дѣвушки и осыпая ее поцалуйми:—я всю жизнь отдамъ, чтобы загладить прежнюю вину свою передъ вами—жизнь! При одной мысли, что вы будете принадлежать другому, я боюсь умереть; чтѣ же будетъ, когда увижу васъ дѣйствительно въ объятіяхъ этого другого?

Зинаида не отвѣчала.

— Зинаида Карловна, волшебная Зина, я половину своего состоянія рѣшился отдать вамъ на мировую... вотъ оно — у ногъ вашихъ, говорилъ князь, кидая банковые билеты къ ногамъ Зины и бросаясь самъ на колѣни.—Безподобная Зинаида, я умру безъ тебя, кричалъ князь, хватая Талецкую за колѣни. Дѣвушка слегка отодвинулась, но не отняла руки, которую вновь схватилъ князь, и то прижималъ къ груди, то покрывалъ поцалуйми.

— Сядьте здѣсь, прошептала Зина, и указала мѣсто рядомъ съ нею на диванѣ.

— Очаровательная, милая, говорилъ, весь дрожа, князь. Онъ осмѣлился обнять талію красавицы и страстно поцаловалъ Зину въ щеку.

Зинаида вздрогнула и, оттолкнувъ нѣсколько своего гостя, прошептала:

— Слушайте!

— Говори, говори, моя безцѣнная, кричалъ князь:—да что говорить! зачѣмъ говорить? надо жить — и князь бѣшено кинулся къ дѣвушкѣ и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.—Зина вскрикнула и рванулась изъ его объятій.

— Князь, вы забываетесь! вскричала она, задыхаясь въ рукахъ дерзкаго сластолюбца.

Высокая и чудная фигура Зинаиды, ея блѣдное и гнѣвное лицо, ея черные глаза, которые на этотъ разъ стали больше, остудили немного волокиту.

Черезъ минуту князь молвилъ:

— Такъ ты рѣшительно, Зина, не хочешь мириться...

— Рѣшительно не хочу, отвѣчала Зинаида.

— Отчего?

— Оттого, что презираю васъ.

Князь повеленѣлъ. Голова у него затряслась. Оправясь, онъ сказалъ:

— Подумала ли ты о томъ, что говоришь?

— Очень подумала; времени для этого было много.

Князь опять замолчалъ.

— Ну, а если я скажу, кто ты?

— Тогда и я скажу, кто вы.

— Вотъ прекрасно! Да что же ты скажешь? спросилъ насмѣшливо князь.

— То, что ты — воръ!

Князь поблѣднѣлъ. Голова у него затряслась еще болѣе.

— Это какимъ образомъ?

— А вотъ какимъ.

Талецкая встала совершенно спокойно; лицо ея было даже весело. Она отперла большой окованный желѣзомъ сундукъ, стоявшій тутъ же, вынула оттуда металлическій ларчикъ, который тоже отперла. Передъ глазами князя блеснули всѣми огнями радуги большой портретъ императрицы Екатерины, осыпанный крупными брильянтами.

— Зинаида! вскричалъ, задрожавъ, князь:—онъ у тебя? Что ты дѣлаешь?

— Ничего, князь, сказала спокойно Зина, кладя портретъ въ карманъ.

— Но онъ мой, Зина, отдай его мнѣ.

— Нѣтъ, онъ не вашъ, князь—онъ вами украденъ, это правда, но не вашъ.

Талецкая совершенно спокойно сѣла на диванъ.

Князь, блѣдный, сидѣлъ возлѣ въ креслахъ. Если не умомъ, то лукавствомъ онъ понималъ, что честь его, судьба его въ рукахъ этой женщины; поэтому овладѣть ею, и главное, портретомъ, теперь стало необходимою. Онъ рѣшился немедленно выманить или даже отнять портретъ у Талецкой.

— Зина, ангелъ мой, воскликнулъ князь, становясь предъ нею на колѣни:—Богъ съ тобою, дѣлай со мной, что хочешь, только будь моею—я жить безъ тебя не могу; будь моею—ну, я жуюсь на тебѣ.

— А, это другое дѣло, сказала Зина.

— Но я владѣть собою не могу, вдругъ заговорилъ князь, и онъ вновь заключилъ въ объятія красавицу. Зинаида вспыхнула, быстро рванулась, но она была уже въ желѣзныхъ рукахъ.

— Бога ради, Бога ради! сдерживая голосъ, говорила Зинаида, употребляя послѣднія силы, чтобы освободиться изъ рукъ князя:—что вы дѣлаете...

Князь молчалъ. Въ глазахъ его совсѣмъ помутилось; въ головѣ у него былъ роковой портретъ, а въ объятіяхъ — знойныя прелести Зинаиды. Въ это самое время раздался сильный звонокъ. Князь вздрогнулъ, силы Талецкой воротились и она вскочила съ дивана.

Оправивъ платье и волосы, она снова покойно взглянула на князя Романа, и сказала:

— Ступайте вонъ, это братъ мой пріѣхалъ, ступайте скорѣе, говорила она, выпроваживая князя тѣмъ же путемъ, какимъ вывела Высачова. Въ это время раздался другой звонокъ.

Выпустивъ князя, она вошла снова въ будуаръ и подобрала банковые билеты; затѣмъ, оправивъ волосы, безъ свѣчи, вышла на крыльцо и отперла дверь. Извѣстный уже намъ мальчуганъ подалъ ей записку, на которой было написано:

«Бога-ради, ко мнѣ сейчасъ же: я гибну. Одеждѣ скажи только *да* или *нѣтъ*».

— Скажи: *да*, отвѣтила Талецкая мальчику и заперла за нимъ дверь. Затѣмъ, отвязавъ проволоку отъ рукоятки боловольчика, она вошла къ себѣ въ спальню, надѣла бѣлый бурнусъ, покрылась великолѣпнымъ бѣлымъ платкомъ, а на лицо нагнула бѣлый же вуаль. Закутанная темнотою ночи, отправилась она въ путь. Услышавъ, что ее кто-то преслѣдуетъ, Талецкая боялась оглянуться и, не зная, что это былъ обожавшій ее молодой человѣкъ, удвоила шаги и скрылась въ извѣстныхъ намъ еустарникахъ.

То же сила.

Можно сказать навѣрное, что случившіяся у Талецкой происшествія не прошли бы ей даромъ; она непременно бы сдѣлалась басней всего города, гдѣ знали все, даже чтó у кого на столъ подается; стали бы непременно допытываться, откуда воротился вице-губернаторъ въ 2 часа ночи, когда пульки нигдѣ не было; кого караулилъ Высачовъ цѣлую ночь у дома Талецкой; все бы это неминуемо сдѣлалось предметомъ толковъ цѣлаго города, еслибы въ немъ не совершились другія грозныя событія, привлекавшія вниманіе всѣхъ обитателей Гнилозерска.

Мы уже говорили, что Петръ Михайловичъ Вовчокъ, по случаю расходившейся въ городѣ нечистой силы, прекратилъ всякія ходенія. Принявъ отставку довольно равнодушно, даже съ удовольствіемъ, потому теперь и въ палату ходить не надо, бывшій предсѣдатель проводилъ все время дома. Разъ какъ-то вечеромъ, когда на дворѣ шумѣла сильная буря, Петръ Михайловичъ, здо-

ровенько поужинавъ и попросившись съ своею супругой, отправился въ кабинетъ. Спать ему что-то не хотѣлось, читать и заведенія не было во всеъ домѣ, а потому для развлечения онъ вздумалъ бриться. Въмѣсто того, чтобы совершать эту операцію утромъ, когда можетъ кто нибудь навѣстить, лучше теперь. Все же занятіе, а то въ голову такое нехорошее лѣзетъ. Вотъ онъ взялъ свой бритвенный приборъ, налилъ изъ самовара въ стаканъ теплой воды, и намылилъ свою тучную, брусничнаго цвѣта физиономію. Только что онъ принялся за бритву, какъ вдругъ раздался звонокъ. Петръ Михайловичъ вздрогнулъ и сотворилъ молитву—такъ страшны казались напуганному воображенію самня обыкновенныя случайности.

— Кого несетъ въ такую пору? Что за чудо! бормоталъ про себя Вовчокъ, дрожа, самъ не зная отчего. Звонокъ повторился еще громче. Петръ Михайловичъ хотѣлъ спрятаться куда нибудь, и радехонекъ былъ, что на звонокъ никто не пробуждался; но когда раздался третій звонокъ, заспанный лакей медленно пошелъ къ двери. На вопросъ: «дома баринъ?» онъ отвѣчалъ: «дома». Шаги подходящаго пришельца казались Вовчку страшнѣе шаговъ дон-жуановой статуи. Вошелъ князь—и было чего ужаснуться: лицо его было блѣе намыленного лица предсѣдателя—такъ онъ былъ блѣденъ.

— Что съ тобою, князенька? спросилъ Вовчокъ.

— Съ тобою-то что? изумился князь, вида вмѣсто красной физиономіи предсѣдателя—бѣлую.

— Я брѣжусь, князенька, отвѣтилъ спокойно старикъ.

— Нашелъ время, замѣтилъ серьезно князь, бросивъ фуражку на столъ:—слышалъ?

— Что, князенька? дрожа всеъ тѣломъ, спросилъ старикъ:—опять что-нибудь случилось?

— Да, случилось, только почище прежняго.

— Что же, что? допрашивалъ испуганно Вовчокъ.

— Флигель-адъютантъ изъ Петербурга пріѣхалъ, отвѣтилъ тотъ холодно.

— А-а! могъ только произнести предсѣдатель:—да зачѣмъ же онъ, Ромашенька, пріѣхалъ, пошто? спросилъ наконецъ старикъ.

— Пошто? А вотъ по то, чтобы разслѣдовать, какія это препирательства, да пререканія завелись у чиновниковъ съ губернаторомъ, поразвѣдать подноготную-то—вотъ пошто.

— Э-э! протянулъ предсѣдатель:—такъ пусть развѣдывается. Вовчокъ зналъ, что будучи въ отставкѣ, онъ не подвергнется отвѣтственности.

— Толкуй тутъ, сердито проворчалъ князь: — эти, братъ, вѣжливынюко, да миленько упекуть тебя въ Сибирь.

— О-о! восликинулъ предсѣдатель.

— То-то, о-о! Тутъ, братъ, не станутъ долго судить да радить; что захочетъ, то и сдѣлаетъ; скажетъ: вонъ вице-губернатора— и вонъ вице-губернатора; скажетъ, вонъ губернатора— и выгонятъ губернатора; скажетъ, Вовчокъ ограбилъ почту—и сошлютъ въ Сибирь Вовчка.

— Э-э, князенька, что ты! промычалъ старикъ съ испугомъ.

— То-то и есть. Это дѣло сильное. Тутъ надо поразмыслить да поразмыслить, говорилъ князь, ходя по комнатамъ и говоря больше съ собою, чѣмъ съ бывшимъ предсѣдателемъ.

И дѣйствительно, на другой день поднялся до-свѣту весь городъ. Необыкновенной величины ноги совѣтника губернскаго правленія очутились въ прихожей вице-губернатора, чуть не до заутрени. Новенькая фуражка съ зеленымъ околышкомъ и кокардой предсѣдателя палаты государственныхъ имуществъ, быстро двигалась къ дому Цеклера, когда чуть еще брезжило; дрожжи начальника гарнизона стрекнули къ полиціимейстеру, когда тотъ, пробудясь, только-что два раза фыркнулъ на постелѣ. Все заговорило, засуетилось и замерло отъ страха. Пошли разспросы: кто онъ такой, молодъ или старъ, холостъ или женатъ, въ какомъ мундирѣ, есть ли у него бакенбарды, курить или нѣтъ и что именно курить, видный онъ мужчина или такъ себѣ? Какъ онъ будетъ разслѣдовать? Вѣроятно, будетъ составлена комисія. А можетъ быть, чрезъ тайную полицію — тишкомъ подноготную-то всю прознаетъ. Можетъ быть, съ собой привезъ агентовъ-то, петербургскихъ, которые уже и теперь работаютъ.

Пріѣзжій недолго тревожилъ любопытство городскихъ властей: на другой же день своего пріѣзда, онъ сдѣлалъ всѣмъ визиты и въ тотъ же день разослалъ всѣмъ вѣжливыя письма, въ которыхъ просилъ каждаго объяснить собственноручно и совершенно безцеремонно, въ какихъ пререваніяхъ находится онъ съ губернаторомъ и что именно знаетъ о его злоупотребленіяхъ. Этого никто не ожидалъ. Разсказать письменно, да еще собственноручно все, что знаешь о злоупотребленіяхъ губернатора! Да вѣдь мало ли что знаешь, но гдѣ же документы. А отказать нельзя: всѣ болѣе или менѣе дѣлали доносы, хотя и въ смутныхъ темныхъ намевахъ. Вотъ петербургская-то штучка! говорили чины, однако дѣлать нечего — надо писать. И тутъ-то пошла суетня пуще прежняго. Разгулялись чиновническія душеньки. Въ квартирѣ предсѣдателя государственныхъ имуществъ образовалась дѣлая канцелярія, которая заняла почти весь домъ. Онъ наци-

салъ цѣлый томъ, гдѣ описывался губернаторъ съ точки зрѣнія политической, гражданской, административной, религіозной, ученой и хозяйственной. И вездѣ находилъ онъ его образцомъ безобразія. Другіе описывали его какъ врага общественнаго спокойствія. Нѣкоторые писали, что онъ принадлежитъ къ тайной сектѣ спиритовъ и былъ несомнѣнный виновникъ необыкновеннаго прилива нечистой силы въ городъ: съ его появленіемъ началась чистая чертовщина. Майоръ Цеклеръ доказывалъ, что онъ измѣнникъ и фармазонъ. Короче всѣхъ и, кажется, справедливейе отозвался Вовчокъ, который, несмотря на отставку, тоже былъ спрошенъ: «никакихъ злодѣйствъ я за губернаторомъ не видывалъ; но должно быть, онъ скверный человѣкъ, когда всѣ о немъ такъ отзываются». Писалъ и губернаторъ. Словомъ, *пошла т-сать губернія*, какъ сказалъ Гоголь. Пріѣзжій собиралъ всѣ эти драгоцѣнные матеріалы, читалъ, пересчитывалъ и впалялъ въ портфель; какое у него составлялось обо всемъ этомъ мнѣніе—никто понять не могъ; на его приличномъ и весьма недурномъ лицѣ ничего нельзя было прочесть. Онъ былъ чрезвычайно вѣжливъ со всѣми, бывалъ у всѣхъ на обѣдахъ, на вечерахъ, въ роскоши и обиліи которыхъ каждый хотѣлъ превзойти другого. Для него устраивались пивники, загородныя прогулки, поѣздки въ мѣстнымъ достопримѣчательностямъ; непремѣнный членъ склеилъ для него такую удивительную коробочку, что ахнулъ весь городъ. Въ одинъ изъ табельныхъ дней была устроена великолѣпная иллюминація; и между вензелевыми щитами красовался щитъ съ его именемъ. Дамы съ нимъ кокетничали, и тѣ, которыя были уфренны въ красотѣ своихъ плечъ, значительно понизили лифы своихъ платьевъ. Флигель-адъютантъ былъ просто, чрезвычайно общедоступенъ, внимателенъ ко всѣмъ и совершенно одинаковъ въ обращеніи какъ съ губернаторомъ, такъ и со всѣми чинами. Жители города до такой степени съ нимъ обжились, освоялись, что когда онъ уѣхалъ, всѣмъ стало скучно безъ него. Но черезъ нѣсколько времени оказалось, что это былъ за штука такая. Въ полученныхъ «Сенатскихъ Вѣдомостяхъ» было напечатано, что гнилозерекій губернаторъ увольняется отъ должности и исправляющимъ его должность назначается князь Печенежскій; майоръ Цеклеръ предается суду за дерзкія выраженія относительно начальника губерніи. Надъ поступками же прочихъ чиновниковъ назначено произвести формальное слѣдствіе.

Легко себѣ представить, какъ поражено было все общество, отъ мала до велика.

— Чортъ знаетъ, что это такое! выразился Вржжиковъ.

— Штука-съ! вскричалъ Вѣтранный.

— Вотъ оно и вышло такъ, Петровнушка, говорила знакомая уже намъ старушка:—я тебѣ предвѣщала, что большой человекъ свалится — такъ и случилось.

У Д А Р Ъ.

Итакъ идолъ низверженъ! Предметъ ненависти, раздраженія, ужаса—паль. Все бы, кажется, должно было войти въ обыкновенный порядокъ. Даже нечистая сила, появившаяся, по мнѣнію нѣкоторыхъ, вмѣстѣ съ прибытіемъ губернатора, должна бы оставить городъ. Но на дѣлѣ выходило не такъ.

— Уйти надо изъ городу, Николай Александрычъ, говорилъ однажды Ома Высачову, сѣдя у него и выпивая седьмой стаканъ чаю:—худо будетъ хрестьянству, эй, худо будетъ.

— Что же такое? спросилъ Высачовъ, зная причуды старика.

— Да такъ, Николай Александрычъ. Ёду я сюда въ городъ-отъ лѣсомъ, смеркаться стало. Смотрю, коло телеги-то мужичокъ: то вытаскается, то сжимается—все въ ровень съ лѣсомъ-то. Лѣсъ повыше, и онъ повыше. Лѣсокъ-то кустарникомъ пойдетъ, и онъ съ кустиками вровень. — Что, молъ, вамъ надо? спрашиваю я.—На городъ, говоритъ, идемъ.—А пошто, молъ, вы идете?—Надо, говоритъ.—Да кто, молъ, вы? — Лѣсъ, говоритъ... *Лѣсъ, лѣсъ*, заговорило кругомъ въ лѣсу — вѣришь ли, Николай Александрычъ, жутко стало таково, а онъ и пропалъ — лѣшій, значить.

— Зачѣмъ же въ городъ-отъ они?

— Къ худу всегда находятъ, отвѣтилъ Ома, и отвернулся.

— Да ужъ хуже-то едва быть можетъ, замѣтилъ Высачовъ, думая о чиновническихъ тревогахъ. И дѣйствительно, въ городѣ стало невыносимо худо. Всѣмъ овладѣлъ какой-то невыразимый страхъ. Каждый ждалъ по меньшей мѣрѣ, что его выгонитъ изъ службы. Изъ Петербурга доходили вѣсти одна грознѣе другой. Въ это же время случилось происшествіе, которое мрачно подѣйствовало на всѣхъ. Въ Чижи, гдѣ происходила порубка лѣсу Ковшова, отправился исправникъ Федоръ Лаврентьевъ Хватовъ. Приѣхавъ туда, онъ осмотрѣлъ количество срубленнаго лѣса, и тотъ, который готовился въ срубкѣ; потомъ повелъ переговоры съ завѣдывающимъ работами. Переговоры эти оказались очень непріятны для завѣдывающихъ, да дѣлать нечего, кой-какъ сладили, и по русскому обычаю нужны были слитки. Когда костры рабочихъ зажглись вечеромъ подъ мрачными навѣсами дремучаго лѣса, обѣ договаривавшіяся стороны расположи-

лись тоже возлѣ костра, на высокомъ берегу рѣки, которую мы уже видѣли. Пиръ пошелъ не на шутку; Хватовъ былъ изъ оставшихъ гусаръ давидовскихъ временъ—выпить былъ не плохъ. Прогуляли далеко за полночь. Но всему на свѣтѣ, конецъ бываетъ; произошло и тутъ конецъ, только очень печальный. Едва Хватовъ легъ, рассказывалъ онъ впоследствии, на разостланное ему сѣно и началъ смыкать глаза, вдругъ кто-то, будто обухомъ, хватилъ его въ голову; онъ было хотѣлъ вскочить, а какая-то могучая сила держала его за грудь и начала крутить, что есть мочи. Въ лѣсу же въ это время начался такой страшный, непостижимый гамъ, будто миллионы голосовъ гагайвали въ разъ. Дѣло въ томъ, что на другой день нашли Хватова полумертваго надъ рѣкой, чуть живого привезли его въ городъ, гдѣ онъ едва понятнымъ языкомъ рассказалъ, что мы уже знаемъ, и на другія же сутки отдалъ Богу душу.

Легко себѣ представить, что при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилось все служащее общество, подобное происшествіе не могло не поразить. Тома, разнеся по городу, что лѣсъ уже пошелъ на городъ, скрылся самъ далеко, говоря, что городу худо будетъ, что-нибудь несообразное объявится.

— На булаки пошла нечистая сила, говорилъ народъ въ Гнилозерскѣ: — вотъ до чего согрѣшили мы окаянныя. Чего же смотреть начальство? «Да что же тутъ подблаетъ начальство-то?» возражали нѣкоторые. «Да судъ, что ли бы, какой нарядить», говорили нѣкоторые. «Судъ! говорили другіе: — развѣ лѣсная-то сила нашему суду подсудна? Какъ же! Молебствіе бы надо — крестный ходъ, вотъ что!» — «Вотъ до чего довелъ, подлець, говорилъ Вѣлобрыскій Вѣтриану: — дограбительствовалъ до разбоя».

— И вы полагаете, что это Ковшовскіе? спросилъ Вѣтрианнъ съ видомъ удовольствія.

— Еще бы!

— Ударъ, говорятъ.

— Ударъ! хорошъ ударъ. А кости-то съ чего переломаны?

— Говорятъ, въ пьяномъ видѣ свалился.

— Какое свалился, онъ легъ спать недвижный! Да чего ужъ? сознались...

— Сознались! вскричалъ весело Вѣтрианнъ.

— Теперь отпираются, Ковшовъ подстроилъ, да и Романъ не плохъ! Кажется, ведетъ дѣло ловко, чтобы, говорить, не *дѣлать несчастныхъ*—вѣдь ужъ не воскресить, говорить. Но все-таки есть собственноручныя подписи.

Волѣ всѣхъ поразило совершившееся несчастье, конечно, князь

Романа и Ковшова. Первый, какъ намъ уже извѣстно, правиль губернію, и такое происшествіе было весьма неприятно. А для Ковшова дѣло могло принять страшный оборотъ. Однажды утромъ рано, явился къ нему человѣкъ отъ князя Печенежскаго, съ приглашеніемъ пожаловать къ нему поскорѣе.

Ковшовъ измѣнился въ лицѣ, но тотчасъ же отправился.

Когда онъ вошелъ къ князю въ кабинетъ, тотъ сейчасъ же вышелъ, и сказалъ человѣку, чтобы рѣшительно никого не принимать; затворилъ пріемную, находящуюся передъ кабинетомъ, и заперъ за собою дверь.

— Северное дѣло-то, Ѳедосей Яковличъ, сказалъ князь.

— Северное! воскликнулъ Ковшовъ, блѣднѣя.

— Пойманы совсѣмъ, показываютъ, что ты внушалъ...

— Да чѣмъ же они это докажутъ?

— Докажутъ! Ужъ ты бога-ради о доказательствахъ-то молчи. Дѣло-то въ нашихъ рукахъ; но какъ пойдешь на доказательства, такъ тебѣ, братъ—каторга чистая!

Ковшова подернуло. Лицо конвульсивно pokrивилось.

— Вотъ видишь, во первыхъ, говорилъ князь, вынимая дѣло:— это записка твоя. Ты пишешь, что коли больно много будетъ драть, такъ можно и *спровадить съ дачи-то*. А какъ ужъ спровадить съ дачи, ты, чу, говорилъ своему управляющему; онъ его и спровадилъ.

Ковшова опять передернуло. Молча онъ полѣзъ въ пазуху, вынулъ оттуда банковный билетъ въ 10 тысячъ, и положилъ его передъ княземъ Печенежскимъ.

— Э-э! отвѣтилъ тотъ, отводя руку Ковшова:— тутъ, батинька, дѣло каторгой пахнетъ, а ты съ пустяками лѣзешь.

— Ну, я еще столько же доставлю.

— Полно шутить-то, Ѳедосей Яковличъ, вѣдь тутъ надо всю судьбу на карту поставить. Вѣдь такія дѣла разъ въ жизнь обдѣлываются. Здѣсь можно будущность себѣ обезпечить разомъ, говорилъ князь, одушевляясь.— Да, батюшко, Ѳедосей Яковличъ, сошлись мы съ тобой на узенькой дорожкѣ— разойтись можно, только надо ловко. Иначе ты погибъ невозвратно.

— Какъ же, сколько? спросилъ Ковшовъ, задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Сто тысячъ, отвѣтилъ князь, глядя спокойными глазами въ лицо Ковшову.

— Милосердый Господи! Князь, помилуйте, да у меня и въ оборотѣ-то такого капитала нѣтъ, говорилъ Ковшовъ.

— Ну, въ оборотѣ-то у тебя до двухъ миліоновъ есть, а сто тысячъ найдется и теперь въ наличности.

— Нѣту, и всего-то нѣту, вопилъ Ковшовъ: — ей-богу нѣту.

— Ну, такъ въ острогъ, Ѳедосей Яковличъ.

— Господи милосердый, что мнѣ дѣлать? дай хоть обдумать-то, князь.

— Сдѣлай милость, подумай, Ѳедосей Яковличъ; вотъ тебѣ три дня сроку.

— Да помилосердствуй, князь, нельзя-ли поменьше.

— Да расчитай, голубчикъ, самъ, говорилъ князь. — Вѣдь здѣсь я самъ рискую Сибирью.

— Но вѣдь я разоренъ въ конецъ, по міру пущенъ.

— Ну, полно турусы-то на колесахъ рассказывать, Ѳедосей Яковличъ. Какое тутъ разоренъ, когда еще почти на два мильона останется? Да развѣ ваторга-то лучше?

Ковшовъ вышелъ въ совершенномъ отчаяніи. Погруженный въ думу, онъ медленно подвигался по улицѣ. Мысли у него были въ беспорядкѣ; долго шель онъ понуривъ голову, не замѣчая ничего вокругъ, потомъ что-то въ родѣ улыбки показалось на лицѣ; потомъ складки на лбу расправились. Онъ довольно весело взглянулъ на окно Зинаиды Карловны, и наконецъ, сказалъ:

— Погоди же, голубчикъ, я тебя доѣду.

Это происходило утромъ въ тотъ самый день, когда князь Романъ расщедрился такъ, что подарилъ Талецкой пять тысячъ рублей, а та получила известную намъ записку, и когда, огорченный до глубины души, Высачовъ впервые увидѣлъ бѣлую женщину.

Дня три спустя, эту же бѣлую женщину видѣли ночью, вышедшею изъ дома вице-губернатора, а потомъ вскорѣ разнеслась страшная вѣсть, которую жители Гнилозерска шопотомъ передавали другъ другу: документы по убійству Хватова были украдены у вице-губернатора.

Правда князи.

Нечистая сила расходилась и охватывала своими всежидкими кругами все живущее въ Гнилозерскѣ. Николай Александровичъ Высачовъ, какъ ни былъ чуждъ всѣхъ этихъ чиновническихъ передрагъ, тѣмъ не менѣе чувствовалъ, что и у него на душѣ стало нехорошо, странно, наконецъ даже мрачно. Преразсудки, призраки — конечно, это вздоръ! Но бѣлая-то женщина, бѣлая женщина—это ужъ не призракъ! И кто она! Высачевъ блѣднѣлъ при мысли, что она вышла изъ дому Зинаиды Карловны. Боже мой, неужели! Такъ прекрасна, такъ молода, такъ очаровательна и такъ коварна! Но куда же ей ходить? Не-

умели презрѣнная связь! Такъ зачѣмъ же она лжетъ ему, зачѣмъ же она говоритъ, что любитъ его? На другой день послѣ известнаго вечера, онъ былъ у нея—дома не засталъ, на третій тоже нѣтъ. Прежде они видались каждый день. Прежде она сама, бывало, посылала за нимъ, а теперь съ утра до вечера онъ ждалъ, считалъ каждую минуту, но желанная вѣсть не приходила. Онъ попробовалъ писать—отвѣта не было. Тысячи различныхъ предположеній о виновности любимой имъ женщины приходили одно за другимъ. Но все-таки онъ не могъ быть вполне увѣренъ въ такомъ наглоѣ безстыдствѣ. Вдругъ до него дошла вѣсть, что блудную дѣвку видѣли вышедшею на разсвѣтѣ изъ дома вице-губернатора, что она дѣйствительно направилась черезъ огороды мимо дома откупщика и исчезла въ огородѣ, гдѣ живетъ Талецкая. Въ жаръ и ознобъ бросали всѣ эти рассказы нашего героя. Чтò все это значило? Богъ знаетъ! только сердце предвѣщало что-то недоброе.

Имъ овладѣло какое-то странное, невыразимое чувство—какая-то боязнь чего-то грозящаго. Съ какою горечью вспоминалъ онъ прежнія свои мысли о женщинѣ, о бракѣ, о любви—мысли, очерпнутыя имъ изъ книгъ, когда жизнь еще не развернула передъ нимъ дѣйствительныя свои тайны. Какъ легко казалось сойтись и разойтись съ женщиной, какъ стѣснительнъ казался бракъ, какъ бессмысленна казалась ревность... «Вотъ она, книжная мудрость», думалъ онъ. Теперь, когда приходилось ему разстаться навсегда съ тѣмъ, чтò было ему дорого какъ сама жизнь, когда, можетъ быть, приходилось передать въ объятія другого завѣтную красоту обожаемаго существа, ужасъ овладѣлъ его душою. Онъ вспомнилъ роковыя слова Зинаиды, что женщина можетъ любить только разъ, что переходить изъ рукъ въ руки она не можетъ, что разъ отдавшись кому либо, она отдается вся. Какъ жалки показались ему прежнія теории, и эти люди, проповѣдующіе ихъ, бездушные, сухіе, съ гуттаперчевыми сердцами, которыя только механически сжимаются и разжимаются отъ прикосновенія жизни, не принимая вовсе впечатлѣній.

Теперь только онъ понялъ, что любовь не есть какое-либо напускное чувство, которое, по доброй волѣ, можно взять, а потомъ отбросить; теперь только ему стало ясно, что это чувство независимое, могучее, овладѣвающее всѣмъ существомъ человѣка безъ его воли—чувство развивающееся и живущее вмѣстѣ съ человѣкомъ, какъ развиваются его убѣжденія, его характеръ и его личность.

Тоска овладѣла нашимъ героемъ невыносимая; люди и самый свѣтъ стали ему скучны; все какъ будто потемнѣло и всюду по-

чувствовалось что-то мертвое. Забылъ онъ свои планы, забылъ зачѣмъ пріѣхалъ, забылъ пріятелей, которые такъ много на него рассчитывали. Узналъ онъ, что жизнь и книга—двѣ вещи совершенно разныя. Померкъ какой-то свѣтъ въ душѣ его.

Въ это самое время князь Романъ, обманутый дважды и попавшій въ исторію нештучную, потому что слухъ о пропавшихъ документахъ по убійству Хватова распространился по городу, сидѣлъ запершись у себя въ кабинетѣ. Досада, злоба, страхъ до того истерзали перехитрившаго чиновника, что онъ позеленѣлъ и даже похудѣлъ. Онъ придумывалъ всевозможныя средства уничтожить откупщика Ковшова, и въ это-то самое время ему доложили, что тотъ желаетъ его видѣть.

Скрывъ свое чувство, князь велѣлъ принять Ковшова.

— Здравія желаемъ, ваше сіятельство, говорилъ Ковшовъ, весело входя въ кабинетъ и покачиваясь, по своему обыкновенію, на стороны: — здоровенько ли поживаете?

— Ничего-съ, отвѣтилъ князь:—садитесь. Затѣмъ хозяинъ заперъ дверь.

— Вы на меня сердитесь, князь? началъ Ковшовъ.

— Нисколько, вымолвилъ князь сквозь зубы.

— Эхъ, ваше сіятельство, молвилъ простодушно лѣсопромышленникъ:—намъ-ли съ вами ссориться, первый годъ, что-ли, мы знакомы?

При этотъ Ковшовъ вынулъ бумажникъ и, подавая князю Роману банковый билетъ въ 20 тысячъ, говорилъ:

— Возьмите, Романъ Сергіевичъ, вашей мнѣ копейки не надо; какъ было связано, такъ и должно быть, слово мое сзято.

— А документы? сорвалось у князя съ языка.

— Какіе документы! молвилъ Ковшовъ серьезно:—знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

— Хорошо, хорошо, сказалъ князь, понимая, что тутъ ужъ взятки гладки и что *худой миръ лучше доброй ссоры*:—хорошо, такъ кончимъ же миролюбиво...

— Вотъ! вскричалъ Ковшовъ:—вотъ это по нашему! Чтò за ссора? И стоить ли сердиться?

— Ну, хорошо, хорошо.

— Въ пьяномъ видѣ свалился съ горы — переломался. Ну, а дураки-то хоть и глупы, да вѣдь себѣ-то любви... на себя нагваривать не стануть.

— Хорошо, хорошо...

— Вотъ такъ, ваше сіятельство, толковалъ радостно Ковшовъ, ударяя князя по ладони своею нѣсколько мозолистою рукою: — вотъ это дѣло. Миръ! Съ миромъ все можно подѣлать къ общему

удовольствію. Загляните-ко сегодня ко мнѣ на мировую-то, по старинѣ, на верхушку, примолвилъ Ковшовъ самымъ вкрадчивымъ голосомъ: — запьемъ невзгодушку въ тишинѣ. Грѣхи мои такіе вы теперь знаете... посѣтите, ваше сіятельство.

— На вышку, молвилъ князь, улыбаясь, и что-то обдумывая... на вышку... гм!... хорошо, приду.

— Такъ, такъ, вскричалъ Ковшовъ:—до пріятнаго! ужъ пораньше, часиковъ въ одиннадцать.

— Буду, молвилъ князь, выпроваживая купца.

«Разбойникъ!» думалъ онъ, когда Ковшовъ вышелъ. «Упеку же я тебя--погоди. Будешь въ Сибири!»

Но прежде нежели упекать Ковшова въ Сибирь, князь задумался.

Люди, подобные князю—враги нешуточные. На открытый бой они не выйдутъ; для этого у нихъ неостанется ни ума, ни смѣлости; хитрость же, замѣняющая у нихъ умъ, даетъ имъ возможность преслѣдовать жертву тайно и навѣрное. Холодное безсердечіе, безстрастное себялюбіе дѣлаютъ ихъ неумолимыми въ злобѣ и врагами иногда довольно опасными. По уходѣ Ковшова, князь долго сидѣлъ въ креслахъ, кусая губы, и что-то думая. Наконецъ на лицѣ его показалось нѣчто рѣшительное. Онъ сталъ ходить по комнатѣ, и, совершенно предавшись своимъ мыслямъ, говорилъ: «ты, пріятель, во всякомъ случаѣ неопасенъ для меня; документы, украденные тобою и существовавшіе на твою гибель, конечно, теперь истреблены: такіа вещи не сберегаются. А васъ, *ma belle blanche*, я теперь вовсе не боюсь; талисманъ, посредствомъ котораго вы владѣли моею честью, у меня. Такъ позвольте же покончить съ вами навсегда».

Поздно вечеромъ князь отправился къ Высачову. Тотъ, какъ мы уже видѣли, съ растерзанной душой и почти больной, сидѣлъ у себя запершись. Все ему казалось какъ-то дико. Поздній звонокъ въ одиннадцать часовъ удивилъ его. Онъ даже вздрогнулъ. При видѣ входящаго князя, у Высачова сердце перевернулось.

— Здравствуйте, Николай Александрычъ. Чтó это вы такіе сумрачные? а я пришелъ вамъ сюрпризъ сдѣлать.

— Благодарю, князь, отвѣтилъ холодно молодой человѣкъ:—я не охотникъ до сюрпризовъ.

— Нѣтъ, ужъ не отказывайтесь; мой сюрпризъ изъ ряду вонъ—вы не ожидаете.

— Тѣмъ хуже.

— Нѣтъ, пойдите, пойдите; вы молодой человѣкъ, вамъ пригодится.

— Да куда?

— Да ужъ пойдите, я вамъ бѣлую женщину покажу!

Высачовъ вздрогнулъ.

— Пойдемте, пойдемте, останетесь довольны.

Высачовъ, покоряясь какой-то невѣдомой силѣ, почти механически послѣдовалъ за княземъ. Возлѣ сада Зинаиды Карловны, путники перешли черезъ улицу и пошли огородами. Видно, что князь хорошо зналъ дорогу.

— Видите, пируютъ, сказалъ онъ, указавъ на высокое окно ковшовскаго дома, предметъ страшныхъ разсказовъ всего города; окно дѣйствительно яро горѣло.

— Помилуйте, я не пойду, сказалъ Высачовъ, остановись и содрогаюсь чего-то.

— Это почему?

— Да зачѣмъ? онъ меня не звалъ...

— Полноте, я званъ—вѣдь мы съ нимъ давнишніе пріятели. Это онъ отъ жонушки-то прячется, да и деньги свои тутъ же бережетъ. Тамъ у него всѣ секреты совершаются. Такая тутъ трущоба, что ужасъ.

Вошли въ кустарникъ, который росъ у заднихъ стѣнъ ковшовскаго дома, и скоро очутились возлѣ желѣзной двери, которую за заросшимъ тутъ, довольно частымъ кустарникомъ почти видѣть было нельзя. Князь вынулъ изъ кармана небольшой ключъ и отперъ дверь. Они вступили въ подземелье, гдѣ была совершенная темнота. Князь засвѣтилъ свѣчку.

— Ну, теперь пойдемте, сказалъ онъ.—Пожалуйста, только потихоньку; мы ихъ накроемъ.

Съ страшнымъ трепетаніемъ въ груди Высачовъ слѣдовалъ за своимъ путеводителемъ. Они стали подыматься по крутой лѣстницѣ и вошли на обширный чердакъ огромнаго дома Ковшова.

— Тихе, пожалуйста, тихе, говорилъ князь, осторожно ступая по песчаной насыпи чердака.

Высачевъ слѣдовалъ молча за Печенежскимъ. Перешагнувъ нѣсколько балокъ, онъ вышелъ на ровное песчаное пространство. Князь шепнулъ:

— Видите вправо огонекъ?

— Вижу.

— Дайте руку, тихе, я погашу огонь.

Князь сталъ осторожно красться въ свѣту. Высачовъ, дрожа нервически, слѣдовалъ за нимъ. Князь не понималъ, что было въ душѣ Высачова, не понималъ, что тотъ шелъ на вазнь; для него рѣшался явопросъ жизни, вопросъ: кто она—эта бѣлая женщина!

Черезъ нѣсколько шаговъ имъ слышенъ былъ звукъ ставановъ и голоса, еще черезъ нѣсколько князь поставилъ Высачова передъ полурастворенною дверью, и сказалъ:

— Смотрите.

На кровати, покрытой шелковым одѣяломъ, лежала Зинаида. Черные волосы ея разсыпались по изголовью. Безподобный, бѣлѣйшій, какъ воздухъ капоть весь въ кружевахъ одѣвалъ роскошное ея тѣло. Ковшовъ сидѣлъ возлѣ, и уже захмѣлѣвшій цаловалъ полуобнаженную грудь.

— Ну, пойдемте, шепнулъ князь и отворилъ дверь.

— А, князенька, голубчикъ, закричалъ радостно Ковшовъ, значительно раскраснѣвшись:—вотъ уменъ!

— Князь, какъ не стыдно! говорила Зинаида, вскочивъ и оправляясь:—потихоньку подкрасаться—стыдно! этакой хитрецъ. А ты что же мнѣ не сказалъ? обратилась она къ Ковшову.

— Я хотѣлъ тебѣ сюрпризецъ сдѣлать, отвѣтилъ тотъ.

— И я хочу вамъ сюрпризъ сдѣлать, сказалъ князь: — я съ гостемъ!

— Съ гѣмъ, съ гѣмъ? съ испугомъ вскричала Зинаида.

— Князь, какъ не стыдно! промолвилъ Ковшовъ.

— Съ Николаемъ Александрычемъ, отвѣтилъ торжествуя Печенежскій.

— Ахъ! вскричала Талецкая, и кинулась въ уголъ комнаты, закрываясь всѣмъ, что попадалось подъ руку.

— Что ты дѣлаешь, князь? говорилъ, поблѣднѣвъ, Ковшовъ.

— Ничего, Федосей Яковличъ — входите, Николай Александрычъ, входите, обратился онъ къ двери.

Ковшовъ задернулъ занавѣсь кровати.

— Николай Александрычъ, входите.

— Боже мой! стонала Зинаида.

Высачевъ не отвѣчалъ.

— Что жъ вы? не найдете вѣрно двери?—и взявъ лампу со стола, князь отворилъ комнату.

У самой двери на пескѣ лежалъ блѣдный и бездыханный Высачевъ.

Предсказаніе Оомы Егорова сбылось. Мѣсь дѣйствительно двинулся на городъ — и жители, давно уже настроенные чрезвычайно тревожно, пришли положительно въ ужасъ. Солнце померкло. Оно палило жаромъ, но не свѣтило. вмѣсто солнца былъ какой-то несвѣтащій мѣдный кругъ. Въ воздухѣ было что-то удушающее.

— Ну, что, далеко ли? спрашивали другъ друга жители Гниловерска, вмѣсто обычныхъ привѣтовъ.

— Все ближе и ближе, былъ обыкновенный отвѣтъ.

Пожаръ лѣсовъ есть явленіе ужасное. Кто видалъ его, тотъ, конечно, не забудетъ никогда картины, гдѣ разрушающая стихія не имѣетъ никакихъ предѣловъ. Каково же было положеніе жителей Гнилозерска, когда заповѣдныя лѣса, обхватывающіе его съ трехъ сторонъ, горѣли, когда пламя все болѣе и болѣе охватывало городъ своими объятіями.

Кто могъ выѣхать изъ городу, выѣхалъ, остальные ждали страшной участи. Еще днемъ ужасъ былъ не такъ поразителенъ; ночью же кровавая громадная дуга огненнаго свѣта являлась на небѣ, дуга эта все близилась къ городу, росла. Тучи пеплу и дыму носились по воздуху. Молебствія и крестные ходы ежедневно совершались въ городѣ, но гнѣвъ божій не смягчался.

Разъ, вечеромъ, когда зарево, какъ страшное огненное море, стояло надъ городомъ, Ковшовъ позвонилъ у князя. Хозяинъ немедленно вышелъ съ озабоченнымъ видомъ.

— Ну, что?

— Умираетъ, сказалъ князь: — тифъ!

— Полно?

— Вѣрно.

Князь и собесѣдникъ замолчали. Чтò шевелилось въ этихъ душахъ—трудно представить человѣку чистому.

— Ну, а пожаръ что? спросилъ князь.

— Да верстахъ въ десяти; видно, Господь хочетъ истребить нашъ подлый родъ, замѣтилъ мрачно лѣсопромышленникъ: — и подѣломъ!

Собесѣдники опять замолчали.

Дверь отворилась, и вошелъ медленно Вѣтряный, блѣдный какъ мертвецъ.

— Чтò такое?

— Горимъ-съ, отвѣтилъ тотъ.

— Что ты, что ты? вскричали князь и Ковшовъ.

— Дурово ужъ горитъ, крестьяне бѣгутъ сюда, сказалъ Вѣтряный, бросивъ фуражку и сѣвъ утомленный на стулъ.

Дурово была деревня верстахъ въ двухъ отъ города.

— Съ нами силы крестныя! сказалъ Ковшовъ.

Черезъ нѣсколько минутъ прибѣжалъ изъ части писарь.

— Ваше сіятельство, народъ повадилъ на поле.

Князь поспѣшно надѣлъ фуражку и вышелъ.

Зрѣлище было ужасное. Небо измѣнило обычный свой видъ. Оно обратилось въ безбрежное пламенное море. Луна померла передъ этимъ блескомъ. Клубы дыма носились по расваленному небесному полю, которое мѣстами вспыхивало ярко, мѣстами омрачалось. Въ городѣ царствовалъ ужасъ. Кто-то ударилъ въ

набать; народъ въ отчаяніи бросился на площади, за городъ, всюду слышны крики, слезы, стонъ, рыданіе. «Лѣсъ идетъ, спасайтесь, кричалъ народъ:—вотъ она нечистая-то сила до чего довела, вотъ Богу-то не молились, опивались да обжирались». Къ довершенію ужаса поднялась буря. Озеро застонало. Крикъ, вопли, брань смѣшались съ воемъ вѣтра, съ грохотомъ падающихъ крышъ, досокъ и т. п. Наконецъ, загрохотала гроза. Потoki молній съ неисчерпаемымъ ливнемъ дождя ринулись съ небесъ. Все окончательно одурманилось отъ страха. Адъ чистый водворился въ городѣ. Во многихъ домахъ стояли на колѣняхъ и молились, полагая, что пришелъ послѣдній мигъ городу. Но этотъ бурный гнѣвъ природы былъ на благо Гнилозерску. Къ утру гроза стихла, но вѣтеръ продолжалъ дуть съ озера на пожаръ. Благодѣтельный дождь лилъ ливнемъ цѣлые три дня, и при помощи высланнаго гарнизона залилъ пожаръ. Простолудины говорили, что въ эту бурную ночь, архистратигъ Михаилъ сошелъ въ Гнилозерскъ и сокрушилъ нечистую силу. Спустя 10 дней послѣ этой бури, полиціймейстеръ доложилъ князю Печенежскому, что ночью въ четыре часа скончался штабс-капитанъ Высачевъ.

ПРЕКРАСНАЯ МАСКА.

Въ то время, какъ нечистая сила распростерла свои черныя крылья надъ Гнилозерскомъ, мы должны пригласить читателя на минуту возвратиться къ началу нашей исторіи, въ Петербургъ, въ этотъ великій источникъ всякихъ силъ, въ томъ числѣ и нечистыхъ.

На Васильевскомъ островѣ, въ семнадцатой линіи, въ надворномъ флигелѣ деревяннаго дома, въ комнатѣ, выходящей окнами въ садъ, сидѣла на диванѣ молодая, очаровательная собою дѣвушка и горько плакала. По нѣжнымъ, блистающимъ самою раннею молодостію щекамъ, градомъ катились слезы. Большіе, черные, глубокіе глаза, исполненные тоже красотой первой молодости, были окружены краснымъ кругомъ — видно, что слезъ было пролито немало. Она была высокаго роста, сильная брюнетка, хотя тѣло ея было удивительно бѣло. Молодые сильныя формы упруго выказывались въ ея нарядѣ; тѣмъ не менѣе она казалась скорѣе худощавою, чѣмъ полною. Она плакала и по временамъ тревожно къ чему-то прислушивалась. Хлопнула калитка съ улицы—и дѣвушка бросилась къ дверямъ комнаты. Услышавъ шаги, вѣроятно, знакомые, она нѣсколько повеселѣла.

Вошелъ князь Печенежскій — не тотъ солидный, уже сановитый князь Романъ Сергіевичъ, который вице-губернаторствуетъ

въ Гнилозерскѣ, а прежній князь, робкій, оглядывающійся, котораго мы знали въ Петербургѣ скитавшимся по лакейскимъ вельможъ.

Молодая особа вскочила и бросилась на шею князя; тотъ удивился, видя ея страдальческое лицо.

— Что съ тобою, Зина? спросилъ онъ.

Читатели, вѣроятно, догадались, что плачущая незнакомка и была наша героиня.

Зина ничего не отвѣчала, только рыдала. Князь трусливо спрашивалъ, сажая на диванъ плачущую Зинаиду:

— Что такое, что случилось?

— Ахъ боже-мой! тяжело наконецъ произнесла дѣвушка:— что за судьба моя? мать умерла съ горя по мнѣ, отецъ провлялъ— и вотъ теперь онъ изъ-за меня же идетъ въ тюрьму.

— Что такое, какъ? говорилъ князь.

— Вотъ читай, отвѣтила Зинаида и подала письмо изъ кармана.

Князь прочелъ:

«Мать была убита тобою; я тебя провлялъ, и теперь гибну самъ. Съ тѣхъ поръ, какъ ты обезчестила мои сѣдины, я не могъ уже вести дѣла свои, какъ слѣдуетъ—и разорился. Сегодня мнѣ надо уплатить десять тысячъ, у меня ихъ нѣтъ. Меня ведутъ въ тюрьму, а младенцы—братья твои и сестры должны умереть съ голоду.—Прощаю и предаю тебя собственной твоей совѣсти, а соблазителя, губителя всей нашей семьи, проклинаю».

Князь поблѣднѣлъ. Онъ вскочилъ и молча началъ ходить по комнатѣ. Очаровательная головка Зины, съ выплакавшими слезами, тоскливо оперлась на бѣлую ручку, обнявшеюся по локоть.

Князь ходилъ по комнатѣ, потомъ остановился у окна и долго смотрѣлъ въ садъ, что-то думая. Десять тысячъ, положимъ, у него и наберется, но отдать разомъ все нажитое съ такимъ трудомъ, съ такимъ униженіемъ!—между тѣмъ князь давно обдумывалъ одно выгодное, хотя очень опасное предпріятіе. Несчастіе зинаидиной семьи заставило его рѣшиться. Князь обратился къ Зинаидѣ и спросилъ:

— Это вѣрно, Зина?

Горькая улыбка показала на лицѣ дѣвушки. Она молча подала листокъ газеты, гдѣ было написано, что купецъ Карлъ N. N. объявленъ несостоятельнымъ должникомъ.

— Ну, слушай, сказалъ князь:—не огорчайся. Я спасу твоего отца. Проклатіе его не очень страшно, потому самъ дурной человекъ, какъ ты знаешь: онъ ростовщикъ. Но я все-таки вынудить передъ тобою. Я спасу твоего отца и семью, только...

— Только что, что?... говори, мой ангелъ, говори... я все тебѣ отдала, и жизнь тебѣ отдамъ...

— Тайна! То, что ты увидишь, надо, чтобы знали ты да я — и никто въ мирѣ.

— О, можешь ли ты сомнѣваться!...

— Ну, такъ жди же меня, я сейчасъ приду.

Черезъ часъ князь воротился, блѣдный, какъ смерть.

— Одѣнься же, сказала онъ ей:— и ступай въ Караванную въ домъ N. N. Спроси тамъ квартиру Франца Келлера. Отнеси эту вещь ему, тамъ тебѣ дадутъ деньги; эта вещь стоитъ пятьдесятъ тысячъ, но ты бери сколько дадутъ.

Князь раскрылъ красный сафьянный ящикъ и тысячи разноцвѣтныхъ огней свернули передъ Зиной. У дѣвушки загорѣлись глаза. Передъ нею былъ портретъ прекрасной женщины, осыпанный невѣроятной величины брилльантами и другими камнями.

— Ступай. Сегодня же отдадимъ десять тысячъ отцу.

Какъ птичка, выпорхнувшая изъ клѣтки, Зина помчалась въ путь, и, покоряясь благородной невѣрности сердца—отправилась прямо въ отцу. Когда она объявила, что черезъ часъ ему доставитъ деньги, тому, который исторію своей несостоятельности устроилъ нарочно—нетрудно было узнать, какимъ образомъ достанутся эти деньги. Онъ сейчасъ смекнулъ, что ему надо завладѣть этимъ сокровищемъ. Онъ отправился съ Зиной, заложилъ портретъ въ пятнадцать тысячъ. Зина получила отъ князя десять тысячъ для передачи отцу, который черезъ недѣлю же послалъ своего пріятеля и выкупилъ портретъ.

Это было именно въ то время, когда княземъ овладѣло честолюбіе и когда онъ задумывалъ отправиться въ провинцію на мѣсто. Теперь исторія съ портретомъ побуждала его еще болѣе развязаться съ Петербургомъ. Наконецъ и связь съ дѣвушкой, становившаяся серьезной, связь съ семействомъ еврея и ростовщика — все это торопило его выйти изъ непріятныхъ обстоятельствъ, сложившихся вокругъ него. При томъ талантѣ, которымъ обладалъ князь Романъ Сергіевичъ, онъ твердо пошелъ по избранному пути. Онъ вынулъ изъ ломбарда пятнадцать тысячъ и отправилъ Зину за портретомъ, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать точно такой же фальшивый, положить его въ кабинетъ вельможи, а настоящимъ сокровищемъ завладѣть. Каково же было его изумленіе, когда Талецкая, воротясь, съ ужасомъ объявила, что портрета уже нѣтъ, что онъ выкупленъ, а кѣмъ — ей неизвѣстно? Князь былъ пораженъ, какъ громомъ.

Но надо было выходить изъ дѣла, которое пахло Сибирью. Съ свойственнымъ ему безстрастіемъ и безстыдствомъ князь тотъ-

часть обсудилъ, такъ ему поступить. Онъ на другой же день самодично объявилъ вельможѣ объ ужасной пропажѣ. Тотъ взбѣсился, поднялъ на ноги весь домъ, и когда воровству были и концы въ воду, вельможа въ негодованіи прогналъ всю прислугу, какая только находилась въ домѣ, исключая князя, въ благородную честь котораго онъ вѣрилъ, какъ въ свою. Тогда-то была настоятельная необходимость князю выбираться изъ Петербурга. Въ это время представилось ему мѣсто вице-губернатора въ Гнилозерскѣ, и мы уже видѣли, какъ онъ туда отправился.

Зина, между тѣмъ, оправившись отъ одного горя, попала въ другое. Вскорѣ послѣ исторіи съ отцомъ она стала замѣчать, что князь видимо холодѣлъ къ ней. Онъ сталъ являться очень рѣдко, былъ разсвѣянъ, явно таготился ея обществомъ, и боялся какъ огня всякаго посторонняго лица, которое могло бы встрѣтить его у Зины и т. п.

Разъ, онъ прибылъ къ ней довольно разстроенный, и на вопросъ Зины, чтò такое, отвѣчалъ, что ему ѣхать надо, довольно надолго, въ дальнее имѣніе вельможи. Зина огорчилась, но должна была примириться съ первою разлукою. Князь уѣхалъ. Зина получила отъ него письмо безъ подписи. Письма эти сначала были довольно часты, но потомъ стали рѣже, наконецъ совсѣмъ прекратились. Зина бросилась къ вельможѣ узнать тамъ, чтò сдѣлалось съ княземъ. Красивый швейцаръ съ улыбкой, довольно недвусмысленной, отвѣчалъ, что онъ не знаетъ такого князя.

— Но онъ здѣсь управлялъ имѣніемъ князя.

— Можетъ быть, до меня: прислуга здѣсь вся перемѣнилась.

Кровь бросилась въ голову бѣдной дѣвушки. Тѣмъ не менѣе она рѣшилась добиться истины и съ трудомъ узнала въ конторѣ, что князь давно уже оставилъ службу у вельможи и получилъ мѣсто вице-губернатора, въ какомъ-то дальнемъ губернскомъ городѣ.

Зина чувствовала, что грудь ея хотѣла разорваться; но ни одна жилка на лицѣ не передала ея страданій. Безъ памяти бросилась она домой и какъ безумная кинулась на кровать. Бѣшено разорвала она платье на груди, корсетъ, и громкія рыданія огласили комнату. На другой день утромъ Зина опомнилась и встала, будто послѣ страшной болѣзни, похудѣвъ и какъ будто постарѣвъ нѣсколько. Тѣмъ не менѣе она стала обдумывать свое положеніе. Ясно, что князь ее бросилъ. Яркій румянецъ негодованія выступалъ на ея лицѣ. Она взглянула въ зеркало, злобная улыбка блеснула на устахъ, посмотрѣла въ шкатулку—плохо! — тамъ не было и ста рублей. Она отправилась къ отцу, и, въ отчаяніи, спросила, чтò дѣлать.

— То же, что я, отвѣчалъ тотъ съ значительнымъ еврейскимъ акцентомъ:— я былъ тоже нищій, имѣлъ гонителей, а теперь я богатъ и погубилъ своихъ гонителей.

Лицо дѣвушки вспыхнуло и глаза засверкали.

— Да какъ?

— Ты молода, прекрасна, умна...

— Но деньги, деньги...

— Я тебѣ дамъ денегъ; ты мнѣ сдѣлала добро и я тебѣ сдѣлаю добро. Вотъ тебѣ пять тысячъ, а когда у тебя будетъ двадцать тысячъ, принеси мнѣ ихъ, я тебѣ дамъ вещь, съ которою ты можешь имѣть пятьдесятъ тысячъ и погубить своего гонителя.

Все лицо Зины озарилось зловѣщимъ огнемъ.

— Мщеніе! вскричала она, и задыхаясь отъ новаго наполнившаго ея душу чувства, бросилась домой.

Года три спустя, въ ложахъ итальянской оперы стала появляться особа, на которую обращались и даже считали долгомъ обращаться лорнеты, биннокли, *pince-nez* всего петербургскаго высшаго круга. Очаровательная *m-le Elise*, живущая на Большой Миліонной, гдѣ собрался цвѣтъ аристократіи родовой и биржевой, была въ Петербургѣ—модой. Роскошные ковры, ея будуары, штофныя обои очаровательныхъ комнатъ, северскія вазы, чудный таинственный полумрагъ китайской вохнаты, окруженной диванами и стѣнами до того пуховыми, что здѣсь ничто не издавало звука—были въ великой славѣ. Это-то и была наша знакомка Зина; но кто бы узналъ прежнюю скромную, худенькую дѣвушку въ этой пышной красавицѣ, съ мраморными плечами, какъ пѣна морская роскошною грудью, съ глазами томными, глубокими и страстными?

Зинаида Карловна въ этомъ блескѣ не забыла своей мести, не забыла своей оскорбленной молодости, и вотъ—среди этого окружающаго ея *beau monde* появился прищелецъ, который, повидимому, могъ бы неприятно дѣйствовать на петербургскій высшій кругъ; но этотъ человѣкъ былъ такъ характеренъ, такъ уменъ, а главное такъ богатъ, что имъ даже стали интересоваться—это Ковшовъ. Съ прекрасною наружностію, съ его тонкимъ сметливымъ умомъ, съ его опытностію, по которой онъ насевозъ видѣлъ всѣхъ этихъ моншеровъ высшаго свѣта, Ковшовъ успѣлъ сдѣлаться своимъ въ этомъ кругѣ. *M-le Elise*—ко всеобщему удивленію—явно ему протезировала. Затѣмъ... въ одно прекрасное утро *m-le*

Елизе исчезла изъ Петербурга. А въ Гнилозерскѣ появилась на первомъ же собраніи сестрица молоденькаго путейскаго прапорщика—Зинаида Карловна Талецкая, которая поразила всѣхъ красотой, изяществомъ манеръ, богатствомъ наряда и т. п.

Князь Романъ Сергѣевичъ понялъ, что не въ интересахъ его—нарушать тайну Талецкой, да онъ и не зналъ объ ея петербургской карьерѣ. Онъ думалъ, что любовь къ нему привела Зину сюда. Счастливыя воспоминанія, красота Зинаиды, роскошь, которою она себя окружала на ковшовскія деньги—снова увлекли сластолюбиваго князя. Мы уже видѣли его изступленіе передъ Зинаидой, и знаемъ какое потерпѣлъ онъ пораженіе. Талецкая торжествовала. Ея обольститель, ея врагъ былъ у ногъ ея. Но это было мало Зинѣ.

Записка, полученная Зинаидою, въ тотъ же вечеръ ея торжества, была отъ Ковшова. Тотъ, послѣ разговора съ княземъ, въ отчаяніи, обратился къ ней. Полагая, что князь влюбленъ въ Талецкую и понимая, что Зина, ради своихъ интересовъ, не отступитъ ни отъ чего—Ковшовъ объяснилъ ей, что судьба его въ ея рукахъ, что она можетъ завладѣть документами, которые его погубятъ, и что, вмѣсто того, чтобы давать разбойнику-князю сто тысячъ, онъ съ удовольствіемъ дастъ ей двадцать.

Зина вспыхнула отъ восторга.

«Погодите же, князь», думала она: «погодите!» Черезъ нѣсколько минутъ она писала пофранцузски слѣдующую записку: «Неизмѣнное мое сердце возвращается къ вамъ; меня тронула искренность вашего раскаянія. Сегодня вечеромъ въ двѣнадцать часовъ я буду у васъ. Примите мѣры, чтобы все было въ тайнѣ.»

«Ваша».

Это было въ ту самую ночь, когда бѣлая женщина вышла отъ вице-губернатора и когда стало извѣстно, что документы объ убійствѣ Хватова пропали. Зина успѣла въ эту ночь устроить два дѣла: выгодно сбыть князю роковой для него портретъ, и вынуть изъ бюро его документы, необходимые для спасенія Ковшова.

Документы эти однако къ Ковшову не попали. Зина сказала, что завладѣвъ бумагами, она не могла ихъ унести съ собою, а потому сожгла ихъ въ спальнѣ же князя, въ каминѣ. Въ самомъ же дѣлѣ оставила у себя. Такимъ образомъ судьба князя была все-таки въ ея рукахъ. Да и Ковшовъ впоследствии могъ выкупить эти бумаги дорогою цѣною.

Смерть Высачова, какъ громомъ, поразила все гнилозерское общество. Среди общихъ тревогъ никто и не слышалъ о болѣзни молодого человѣка. Грозный образъ смерти возникъ такъ внезапно. Что? какъ? отчего?—только и слышались вопросы. Но за воз-

возможным удовлетвореніемъ этихъ вопросовъ, выполняли невольно многіе другіе: что за грозная сила налегла на городъ? думали одни; чужой, посторонній гость точно задохнулся въ этой гнилой атмосферѣ. Что же всё наши чиновническія самолюбія и дразги, къ чему? Зачѣмъ наше вѣчное, столь дорогое нашему сердцу, стремленіе—погубить нашего брата? Развѣ не настанетъ для всего *стѣнная память*? «Нечистая сила, говорилъ Вовчокъ». — «Земля еси и въ землю отъидеши» думалъ Брыжниковъ: «все прахъ и тлѣніе!» — «И зло во спасеніе!» молвилъ Ковшовъ, приглашая, при отпѣваніи, къ себѣ князя Печенежскаго и Брыжникова, вечеромъ, *помянуть покойнаго*.

Поздно вечеромъ, дѣйствительно, у Ковшова засѣдала честная компанія. Ковшовъ и князь давно поняли другъ друга. Смерть Высачова имъ пришлось кстати: скандалъ, такъ неосторожно подготовленный княземъ, миновался, а вѣдь ужъ отъ смерти не спасешь. Брыжниковъ сидѣлъ и шурилъ глаза; Ковшова, разрумянившись, сидѣла тутъ же; она очень жалѣла молодого человека, котораго любила; но, развеселившись винцомъ, гетова была хоть въ присядку. Было уже около полуночи, какъ вдругъ въ темной дали комнаты появился блѣдный призракъ, весь въ черномъ.

Собесѣдники вздрогнули, и замолчали. Первый опомнился Брыжниковъ.

— Зинаида Карловна, что съ вами?

— Охъ, Зинушка, радость, какъ ты меня перепугала! вскричала Ковшова: — что такъ поздно?

— Я пришла проститься.

— Какъ, матушка? куда? — Въ Петербургъ.

Князь и Ковшовъ переглянулись.

— Ахъ, матушка, Зинушка, чтой-то ты это, зачѣмъ? — А ну ко, Николай-то Александрычъ!

— Да, убьли, молвила мрачно Талецкая.

— Кто, это, матушка? какъ? спросила изумленно купчиха, тогда, какъ князь, Ковшовъ и Брыжниковъ разинули рты.

— А вотъ всё эти господа, отвѣтила Талецкая, указывая на мужчинъ: — и я!

Всѣ смотрѣли другъ на друга въ изумленіи.

— Что ты, матушка, Зинушка, Богъ съ тобой!

— Про вашего мужа я и говорить не стану: — вы знали прежде, что онъ развратенъ.

— Охъ, матушка, крестъ несу! заголосила толстѣйшая Ковшова: — всю жизнь крестъ несу отъ его безпутства.

— Но вы не знаете вотъ этого господина, продолжала Талецкая, указывая на князя — это воръ!...

— Зинаида! вскричалъ князь.

— Молчи, лжецъ и вѣтвоступникъ — ты и есть его убійца. Зачѣмъ ты вель его предательскою рукой къ той, которую самъ же сдѣлалъ развратницей? Зачѣмъ? Я сама хотѣла пасть къ его ногамъ, я сама бы сказала, что я презрѣнная тварь, но эта тварь любить его, освящена, возвышена его любовію. Я бы плакала у небесъ ему счастье; въ любовь и раскаяніе я превратила бы свое существованіе. Богу не было угодно; я не стою его пощады; я тварь, и должна ею остаться; женщина, однажды переставъ быть чистою, утрачиваетъ свою силу, она тогда смѣшивается съ грязью, съ вами, носители разврата и лжи.

— Правда, правда, Зинушка, говорила Ковшова, не совсѣмъ понимая Талецкую: — весь вѣкъ врестъ несъ, засушилъ онъ меня, всю жизнь мою выпилъ.

— Прощайте же, говорила Зина, обнявъ Ковшову; слезы катились у нея по щекамъ.

— Прощайте, князь, сказала Зина: — вы меня еще вспомните; вы будете знать, что обезчестить дѣвушку, значитъ — или убить ее или сдѣлать изъ нее такую же позорную тварь, какъ ты самъ.

Зина вышла. Собесѣдники остались пораженными, какъ громомъ. На другой день по городу разнеслось, что Талецкая уѣхала въ Петербургъ; черезъ недѣлю князь Романъ и Ковшова были тайно арестованы, и съ жандармами отправлены въ Петербургъ.

Такъ и кончилась наша странная исторія. Съ тѣхъ поръ въ городѣ все переимѣнилось. Власти были всѣ новыя, да между ними появились уже такія, которыхъ прежде было слыхомъ не слышать. И нечистой силы стало меньше; она понемногу стала отступать передъ другою побѣдительною силой. Тамъ, гдѣ прежде гагайкалъ лѣсъ съ своимъ воинствомъ, и селились въ хижинахъ домовики съ ерестунами, теперь строились храмы божіи, возводились школы и на свободныхъ поляхъ раздавалась благодарная врестьянская пѣсня Великому вызывателю *новыхъ чистыхъ силъ*.

Н. ДМИТРІЕВЪ.

ГРАФЪ ЛЕСТОКЪ.

Статья вторая.

Отправивъ въ самый день прибытія своего въ Копенгагенъ кабинет-курьера въ Россію за царевичемъ, съ повелѣніемъ его высочеству явиться въ теченіе осмидневнаго срока, Петръ, по обыкновенію, занялся посѣщеніемъ всевозможныхъ городскихъ заведеній, что, вмѣстѣ съ безплодными рекогносцировками шонійскаго берега и смотрами русскихъ дворянъ, слѣдовавшихъ чрезъ Копенгагенъ въ заграничную науку, продолжалось еще полтора мѣсяца. Между тѣмъ, наступила осень, высадка въ Шонію отложилась до будущаго лѣта и государю нечего было дѣлать въ Копенгагенѣ. Послѣ великолѣпнаго маскарада, устроеннаго королемъ, Петръ оставилъ датскую столицу, гдѣ, въ силу политическихъ обстоятельствъ, Лестокъ ни скучно ни весело прожилъ болѣе трехъ мѣсяцевъ. Передъ отъѣздомъ изъ Копенгагена, не было никакихъ слуховъ о царевичѣ, хотя давнымъ-давно уже миновалъ назначенный ему осмидневный срокъ; но за то въ царской свитѣ поговаривали о появленіи въ Гамбургѣ племянника Мазепы, Войнаровскаго и замышляемой поимкѣ этого прославленнаго искателя приключеній, возбуждавшаго, по этому самому, особенное любопытство Лестова. Направясь снова въ Мекленбургію, ихъ величества прожили недѣлю въ Фридрихштадтѣ, проѣхали Любекъ и прибыли въ Шверинъ, откуда Петръ долженъ былъ отправиться одинъ въ Габельсбергъ, для свиданія съ прусскимъ королемъ. Проводы его царскаго величества не обошлись безъ блистательной охоты, устроенной герцогомъ мекленбургскимъ въ окрестностяхъ Нейштадта. По окончаніи габельсбергскаго свиданія, на которомъ король принималъ царя «съ крайнимъ оказательствомъ высокопочитанія»^{*}, Петръ и Екатерина съѣхались въ Гамбургъ, гдѣ любопытство

^{*} Голиц. VI, 163.

Лестова удовлетворилось: Петру дѣйствительно былъ представленъ скваченный Войнаровскій. Въ Штаде, куда ихъ величества прибыли изъ Гамбурга водою, государь и государыня снова разстались и довольно надолго: Петръ, въ сопровожденіи Головкина, Шафирова, Толстого, князя Василія Владиміровича Долгорукаго и другихъ, поскакалъ по ганноверской почтѣ на Бременъ въ Голландію, и 6-го декабря прибылъ въ Амстердамъ; а Еватерина, тогда беременная, не могла ѣхать скоро и слѣдовала туда же на Оснабрюкъ и Мюнстеръ. При ней состоялъ и Лестокъ, разлученный на этотъ разъ съ другомъ своимъ Шепелевымъ, находившимся въ свитѣ государя.

Доѣхавъ до города Везеля, въ влевскомъ округѣ Пруссіи, государыня не могла продолжать путешествія, и остановилась. Здѣсь встрѣтилъ Лестокъ новый 1717 годъ, и здѣсь же, 2-го января, ея величество разрѣшилась отъ бремени сыномъ, царевичемъ *Павломъ*, который жилъ всего одни сутки.

Такъ-какъ вслѣдствіе родовъ, не совѣтъ благополучныхъ, здоровье государыни было весьма плохо, то, надо полагать, медикамъ ея величества, Паликалъ и Лестоку, пришлось нахлопотаться въ Везелѣ вдоволь. Обоюдныя старанія ихъ, заслужившія каждому особенное расположеніе Екатерины, увѣнчались наилучшимъ успѣхомъ: 2-го февраля, ровно чрезъ мѣсяцъ по разрѣшеніи своемъ, государыня уже вѣзжала въ Амстердамъ, гдѣ, въ то же самое время, недомогаъ Петръ, еще съ 27-го декабря заболѣвшій лихорадкою «съ огневидею». Но, вскорѣ по прибытіи супруги, его величество выздоровѣлъ.

Въ Амстердамѣ, царь и царица пробыли вмѣстѣ больше мѣсяца. Во все это время, при ихъ величествахъ, по назначенію голландскихъ штатовъ, безотлучно находились: генераль графъ *Альбермарль*, президентъ магистрата *Гонъ*, членъ *Коштокъ* и секретарь *фон-Экъ*. Ознакомившись съ этими солидными господами, Лестокъ, какъ и всѣ другіе чиновники царской свиты, неразъ хаживалъ за государемъ въ различныя мастерскія или, изъ любопытства, присутствовалъ съ его величествомъ на аукціонахъ картинъ, при чемъ бывалъ свидѣтелемъ, какъ государь, занявъ мѣсто подлѣ маклера Ксея*, скупалъ произведенія Рубенса, Вувермана, Остада и другихъ мастеровъ фламандской школы, предпочтительно же — картины морскихъ видовъ, кисти славнаго Адама Сило, которыми, впоследствии, украсился петергофскій Монплезиръ. Мы не знаемъ, со-

* Этотъ Ксей тогда же былъ приглашенъ Петромъ въ русскую службу и, вмѣстѣ съ своею женою — дочерью извѣстной путешественницы, ученой и артисткой въ живописи, г-жою Моріанъ, пріѣхалъ въ Петербургъ, находился при академіи и умеръ въ глубокой старости, когда царствовала уже Елизавета. Голин. VI, 200.

путствовалъ ли Лестоку ихъ величествамъ въ Саардамъ, гдѣ, лѣтъ двадцать тому назадъ, русскій царь плотничалъ, какъ самый простой смертный; потомъ въ Утрехтѣ, гдѣ теперь Петръ едва не погибъ, поднятый водянымъ колесомъ, движеніе котораго его величество пробовалъ остановить одною рукою ¹; наконецъ, въ Петербургѣ, загородный домъ резидента Бранта ², гдѣ Петръ получилъ первое извѣстіе о побѣгѣ царевича и откуда тотчасъ же отправилъ на поискъ резидента Веселовскаго и любимица своего Румянцева. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что Лестоку, въ числѣ другихъ различныхъ специалистовъ, былъ употребляемъ государемъ при разборѣ и укладкѣ тогда же купленныхъ его величествомъ драгоценныхъ собраній: анатомическаго, профессора Рейша, и зоологическаго, аптекаря Себы, до сихъ поръ составляющихъ истинное сокровище науки и хранимыхъ въ Санктпетербургѣ.

1-го марта ихъ величества выѣхали изъ Амстердама и, 8-го, прибыли въ Гагу. Въ этомъ городѣ, Лестоку имѣлъ случай любоваться голландскимъ этиветомъ, въ силу котораго мѣстные власти первые два дня «съ великою препорціею или убраннымъ на визиту къ российскому монарху пріѣзжали», а потомъ былъ очевиденъ и другого случая, доказывающаго монаршую любознательность. «Въ то время — повѣствуетъ почтенный Писаревъ — прилучился въ Гагѣ нѣкоторый математикъ, который похвалялся въ изысканіи собою компаса, показующаго точно долготу и широту мѣсть, и что чрезъ оный можно смыснати быть всему полуденному кругу. Великій Петръ пожелалъ присутствовать самъ при чинимыхъ онымъ математикомъ опытахъ. Построена у того математика была осмнугольная клѣтка на лодкѣ, и та лодка опущена въ прудъ, въ которомъ потыканы были разныя копыя къ надписаніемъ на каждомъ изъ нихъ нумера; а внутри той клѣтки стояло математическое орудіе, показующее прудъ, якобы широкимъ моремъ, на которомъ казались всѣ копыя берегами, или разными пристанями. Великій Петръ не скучился пробить въ той клѣткѣ чрезъ цѣлыя три часа запертъ, имѣя при себѣ въ сотовариществѣ славнаго милорда Авермале (Альбемарле?) и нѣкоторыхъ изъ главныхъ бургомистровъ голландскихъ. Матросы, бывшіе въ лодки, гребли оную веслами по пруду, взадъ и впередъ; а математикъ, запершись въ клѣткѣ, показывалъ, въ которой сторонѣ пруда, и при которомъ копъѣ находилася лодка? Великій Петръ, который разумѣлъ и математическую науку, яко

¹ Это случилось на шелковой фабригѣ кунца фон-Моллеми. Русск. стар. Корнил., 4.

² Въ угодность Петру, Брантъ, служившій русскимъ резидентомъ въ Голландіи, назвалъ свою дачу именемъ новой русской столицы. Голл. VI, 206.
Т. СЛХУ. — Отд. I. 16

всякій другій профессоръ въ ней искуснѣйшій, много тому математику противорѣчилъ, отъ чего оный приходилъ въ замѣшательство. Однако, послѣ объявилъ, что тотъ математикъ великое имѣлъ искусство въ узнаваніи градусовъ, но еще несовершенъ былъ въ ономъ полезнѣйшемъ вымысленіи компаса»¹.

19-го марта ихъ величества отправились изъ Гаги въ Роттердамъ, и здѣсь, 24-го марта, опять разстались: государь, съ своею снотю, поѣхалъ во Францію, а государыня, съ своею, возвратилась въ Гагу. Разлука ихъ величествъ продолжалась четыре мѣсяца, изъ которыхъ Петръ посвятилъ 43 дня осмотру Парижа, а 23 дня леченію водами въ Спа. Въ теченіе всего этого времени, Екатерина пребывала въ Гагѣ и занимала домъ русскаго посланника. Въ числѣ лицъ, состоявшихъ тогда при особѣ ея величества, главнѣйшими были канцлеръ графъ Головкинъ, старикъ вѣчно насупленный, и князь Куракинъ, хозяинъ дома, своякъ царя по первой своей женѣ, рожденной Лопухиной. Съ этими людьми Лестоку, конечно, нечего было дѣлать. Но въ Гагѣ тогда же имѣлась компанія веселой руской молодѣжи, которую составляли: Павелъ Федоровичъ *Балъ*, преобразенскій поручикъ, лихой малый и отличный танцоръ; Василій Михайловичъ *Арсеневъ*, чиновникъ посольства и родной братъ княгини Меншиковой, о которомъ сама Екатерина отзывалась, что онъ «изрядный молодецъ»², и графъ Платонъ Ивановичъ *Мусинъ-Пушкинъ*, служившій при Куракинѣ, богатый баричъ и человекъ образованный. Съ ними-то дѣлилъ Лестоку свой лѣтній досугъ и, разумѣется, предпочиталъ ихъ гульливый кружокъ обществу степенно-неуклюжихъ голландцевъ.

23-го іюля, государыня переѣхала въ Амстердамъ, куда наканунѣ возвратился изъ своего путешествія государь, а на другой день Лестоку сопровождалъ ихъ величества въ четырехдневной поѣздкѣ къ ост-индскому флоту, стоявшему на якоряхъ въ Зюдерзее. По ратификованіи Петромъ договора съ министрами: прусскимъ — Книппгаузеномъ и французскимъ — Шатонёфомъ — о дружбѣ и торговлѣ, и по отправленіи ни съ чѣмъ англійскихъ пословъ Норриса и Витворта, ихъ величества, 22-го августа, выѣхали, гаарлемскимъ каналомъ, изъ Амстердама въ Торгау, слѣдовали отсюда сухопутно въ Нимвегенъ и Клевъ, а 31-го августа прибыли въ Везель, памятный и Екатеринѣ, и Лестоку. Здѣсь государь взялъ почтовыхъ и отправился впередъ, въ Берлинъ, куда и пріѣхалъ 8-го сентября, двумя днями раньше государыни. Король Фридрихъ-Вальгельмъ I-й устроилъ въ честь августѣйшихъ гостей великолѣпный

¹ Житіе Петра-Великаго, 349.

² Словарь Вант.-Кам. 1836. I, 67.

бать въ Шенгаузенѣ, на который пригласилъ и всю русскую свиту. 14-го сентября, выѣхалъ изъ Берлина государь, а нѣсколькими днями позже и государыня. Отъ Данцига до Мемеля ихъ величества ѣхали водою, а потомъ слѣдовали сухопутно въ Курляндію. Не дождая Митавы, государь опять уѣхалъ впередъ и только въ Нарвѣ дождался, 7-го октября, государыни. 10-го октября ихъ величества прибыли въ Петербургъ, котораго и Лестоковъ не видалъ уже почти два года.

Возвратившись въ новое отечество свое съ новою опытностію, новыми связями и новымъ благоволеніемъ государыни, Лестоковъ зажилъ въ Петербургѣ по старому. *Веселый нравъ* продолжалъ быть господствующею его чертою и главнымъ двигателемъ дѣяній молодого хирурга въ сферѣ придворной жизни. Но, на бѣду Лестока, время тогда выдавалось вовсе невеселое. Дѣло царевича, отысканнаго и привезеннаго въ Россію Толстымъ и Румянцовымъ, слѣдовалось съ неумолимою строгостію; допросы ближнихъ и дальнихъ сообщниковъ его высочества привлекали въ пыточные застѣнки сотни лицъ; десятки головъ валялись въ Москвѣ и Петербургѣ; десятки людей умирали въ обѣихъ столицахъ на колахъ и колесахъ. Государь былъ пасмуренъ и грозенъ, шутки съ нимъ становились страшны. Въ эту самую пору, царскій шутъ Лакоста¹, тогда графъ и владѣлецъ безлюднаго острова Соммерса — одного изъ срединныхъ Финскаго Залива, а впоследствии самоѣдскій король въ Петербургѣ, пожаловался, говорятъ, на Лестока, возмущавшаго, будто-бы, семейное счастье доморощеннаго графа преступными связями не только съ женою, но и съ четырьмя дочерьми его, Лакосты².

Трудно повѣрить теперь справедливость такого обвиненія, даже самый фактъ его. Бюшингъ оправдываетъ Лестока, лично знакомаго ему много лѣтъ спустя, и считаетъ его оклеветаннымъ³. Гельбигъ, упоминая о какой-то жалобѣ одного изъ придворныхъ на Лестока, полагаетъ и другую, неизвѣстную причину царскаго гнѣва на хирурга⁴. Мы готовы согласиться съ существованіемъ такой причины, потому что, дѣйствительно, Петръ, «только впрочемъ стро-

¹ Происходилъ изъ португальскихъ жидовъ, зналъ превосходно священное писаніе и въ богословскихъ спорахъ одерживалъ верхъ надъ Петромъ; вышлѣ привилегію получать съ государя по 100,000 рублей за каждый разъ, въ который бы его величество забылъ выпить здоровье *семьи Ивана Михайловича*, о-есть русскаго флота, чего, разумѣется, никогда не случалось.

² Anecd. interes.

³ Magazin. II, 435.

⁴ Russ. Gunst.

гій государь, былъ ниснисходятельный къ слабостямъ человѣческимъ, паче же относительнымъ до плотскихъ грѣховъ»¹.

Какъ бы то ни было, Лестоку, подъ предлогомъ изысканія и осмотра марціальныхъ водъ, высланъ изъ Петербурга въ Казань². Это случилось въ 1718-мъ году, когда новооткрытыя олонецкія воды плѣнили Петра, вошли въ моду и вызывали на разъяскиваніе цѣлебныхъ ключей во всей Россіи.

Можно себѣ представить, какъ неприятно должна была подѣлываться такая неожиданность на молодого хирурга, уже достаточно привыкнущаго къ веселой придворной жизни. Ему, только что возвратившемуся изъ путешествія по Европѣ, соединеннаго со всѣми удобствами и рядомъ удовольствій, предстояло теперь другое путешествіе, въ какую-то азіатскую сторону, невѣдомую европейцамъ и хорошо извѣстную однимъ шведскимъ плѣнникамъ — путешествіе, за которымъ его ждала глухая, безцвѣтная жизнь, богъ-вѣсть, среди какого народа. Всѣ планы Лестока, широко задуманные еще до пріѣзда въ Россію, и всѣ мечты, взлелѣанныя уже въ самой Россіи, одинаково осуждались разрушиться и исчезнуть. Такъ, по крайней-мѣрѣ, должно было казаться и, вѣроятно, казалось самому Лестоку, когда его привезли въ Казань, мѣсто недавняго заточенія извѣстнаго Крюйса и неменѣе извѣстнаго Александра Кикина, сообщника царевича.

Но Казань временъ Петра немногимъ чѣмъ уступала тогдашнему Петербургу; а внѣшній видъ ея едва-ли даже не былъ лучше петербургскаго. Лестоку насчиталъ въ Казани тѣ же полтора-два десятка каменныхъ домовъ³, какъ и въ Петербургѣ, но за то увидѣлъ собственными глазами 13 монастырей, 32 церкви и каменный гостинный дворъ⁴, чего въ Петербургѣ онъ никогда не видывалъ. Не было, конечно, въ Казани того, что Лестоку не вознаградиво терялъ съ Петербургомъ, то-есть царскаго двора; но было неизбѣжное адмиралтейство, существовала порядочная суконная фабрика, имѣлась батальонная школа, гдѣ обучали и геометріи, и фортификаціи, и флейтовой музыкѣ⁵. Затѣмъ, въ Казани, невѣдомой до сихъ поръ Лестоку и, потому только, утрашавшей его

¹ Духъ Петра-Великаго, императора всероссійскаго. Изд. Ос. Вѣлева. Спб. 1798, 283.

² Кажется, одинъ только Спада отвергаетъ фактъ этой ссылки въ своихъ *Ephémérides Russes politiques, historiques et nérologiques*. 1816. Т. II, р. 664.

³ Опытъ казанской исторіи, Петра Рнчкова. Спб. 1767, 183.

⁴ Цѣлѣющее состояніе всероссійскаго государства и проч. Сочиненіе обер-секретари Ивана Карлова въ 1727 г. Изд. 1831. Москва. Ч. II, стр. 11.

⁵ Истор. гор. Казани, М. Рыбушкина. Казань. 1834. Ч. I, стр. 110.

издали, оказывалось до 50 чиновниковъ — губернской и гарнизонной канцелярій, надворнаго суда, камерирской; крѣпостной и кабацкой конторъ, магистрата, таможни, конской избы—совершенно сходныхъ съ чиновниками петербургскими; торговало болѣе двухъ тысячъ купцовъ ¹, изъ которыхъ иные, напримѣръ, Михляевъ, потягались бы мошною съ любыми петербургскими; жило множество плѣнныхъ шведовъ, людей, по тому времени, весьма образованныхъ; наконецъ, стояло три пѣхотныхъ полка ² и даже друмантовъ драгунскій. Однимъ словомъ, Лестоуъ нашель Казань городомъ, организованнымъ на европейскій манеръ и, скрѣпя сердце, покорился своей участи.

Но и эта участь, благодаря тогдашнему недостатку въ Россіи докторовъ, оказалась, въ свою очередь, не совсѣмъ горькою: отъ вице-губернатора, почтеннаго старца Нефедя Алферьевича Кудряцова, и начальника суконной фабрики, подполковника Грузинцова, первыхъ лицъ въ городѣ, до послѣдняго татарина, все казанское народонаселеніе нуждалось въ Лестоуѣ, искусство котораго скоро снискало ему общее благорасположеніе горожанъ. Прибытіе въ Казань новаго губернатора, ближняго боярина Алексѣя Петровича Салтыкова, всенародно присягавшаго въ соборной церкви 11-го октября 1719 года, едва-ли пошатнуло относительное благополучіе Лестока, хотя Салтыкову, вслѣдъ за прибытіемъ его на губернаторство, писано государемъ, изъ Петербурга, о содержаніи «присланнаго для осмотра и разысканія марціальныхъ водъ левара Лестока *покрѣпче*» ³. Мы говоримъ «едва-ли», потому что казанскій климатъ, вообще суровый и переменчивый ⁴, развивалъ мѣстныхъ болѣзни совершенно независимо отъ того, крѣпко или некрѣпко будетъ содержаться Лестоуъ. Слѣдовательно, казанцы, вдыхавшіе при весеннихъ разливахъ вредную сырость, а лѣтомъ—водянисто-душливыя испаренія нескоро высохавшихъ мѣсть, и потому подверженные различнымъ недугамъ, всегда одинаково нуждались въ медицинской помощи. И Лестоку, собственно хирургу, оставалось, благословясь, сокрушать силу простудныхъ болѣзней, упорныхъ лихорадовъ и цынготныхъ худосочій, бичей Казани ⁵. Удачно подвизаясь на этомъ импровизированномъ поприщѣ, Лестоуъ пріобрѣталъ себѣ недурные гонораріи и, мало-по-малу, привыкъ къ городу, сжился съ казанцами, полюбилъ романтическую Суюмбекину башню, узналъ отъ правовѣрныхъ, что подъ нею, въ глубочайшихъ

¹ Цвѣтуц. сост., 11.

² Тамъ же, 16.

³ Это письмо отъ 4-го января 1720 г. Голиц. VIII, 374.

⁴ Казанская исторія, Никол. Баженова. Казань. 1847. Ч. III, 29.

⁵ Тамъ же, 30.

нѣдрахъ земли, сокрытъ благочестивѣйшій мухамеданинъ, изъ черепа котораго бьетъ тайницкѣй ключъ ¹, подсмѣивался съ шведскими офицерами надъ другимъ татарскимъ преданіемъ, о царевнѣ Гортандѣ, злой волшебницѣ, со дня взятія Казани сидящей, будто бы, на днѣ Кабан-озера и губищей русскихъ пловцовъ ²; посѣщалъ, весной, татарское празднество сабанъ, и, въ заключеніе, былъ любимъ и уважаемъ всѣми жителями города: православными, иноувѣрными и правовѣрными ³.

Такъ наступилъ 1722 годъ, достопамятный въ лѣтописяхъ Казани. 27-го мая этого года, къ берегу, въ пяти верстахъ отъ города, причалила съ Волги цѣлая флотилія, состоявшая изъ одного струга и множества островскихъ лодокъ. То былъ самъ Петръ, уже императоръ ⁴, отправлявшійся воевать въ Персію и конвоируемый двумя гвардейскими батальйонами, преображенскимъ и семеновскимъ. Въ тотъ же день, государь прибылъ въ Казань и сталъ въ небольшомъ каменномъ зданіи, подлѣ нынѣшняго петропавловскаго собора. На другое утро, его величество, въ сопровожденіи престарѣлаго митрополита Тихона, посѣтилъ церкви и монастыри города, а 3-го мая праздновалъ тутъ же день своего рожденія, сегоднемъ пятидесятый. Казань тогда ликовала. Исконный богачъ Строгановъ угощалъ, съ дозволенія государя, на свое иждивеніе, войско и народъ; а Михляевъ, богачъ разживавшійся, тутъ же далъ обѣтъ соорудить петропавловскій соборъ ⁵. Наконецъ, 8-го іюня, колокольный звонъ возвѣстилъ Казани отбытіе государя—и заговорили казанцы, и до сихъ поръ вспоминаютъ они объ этихъ нѣсколькихъ дняхъ пребыванія Петра въ ихъ городѣ. Сохранилось, напримѣръ, преданіе о заводчикѣ Михляевѣ, явившемся къ Петру въ такое время, когда государь не велѣлъ никого къ себѣ впускать, едва непобитомъ за то самимъ императоромъ и, все-таки, предложившемъ его величеству, нуждавшемуся тогда въ деньгахъ для войны, два блюда съ золотыми рублями и чашку жемчуга ⁶. Но не сохранилось никакихъ извѣстій о томъ, вспомнилъ ли, даже видѣлъ ли Петръ въ Казани бывшаго хирурга царскаго двора, Лестока.

Прошло еще два года съ половиною — и не стало Петра. Тогда только Лестокъ убѣдился, что не былъ забытъ окончательно: воца-

¹ Казан. истор. Ч. III, 24.

² Тамъ же, 26.

³ Helbig.

⁴ Этотъ титулъ, соединенный съ проименованіями: «отецъ отечества» и «великій», предложенъ, какъ извѣстно, Петру государственными чинами 22-го октября 1721 года.

⁵ Каз. ист., 57.

⁶ Ист. гор. Каз., Рыбушкина. I, 95.

рившаяся Екатерина незамедлила призвать къ своему двору своего везельскаго врача.

Лестокоъ оставилъ Казань. Одновременно съ нимъ возвращался изъ казанскихъ же деревень въ столицу и другой участникъ высочайшаго путешествія въ Голландію, князь Василій Владиміровичъ Долгорукій, сосланный по дѣлу царевича, въ одинъ и тотъ же годъ съ Лестокоемъ. Въѣзжая, послѣ семилѣтняго отсутствія, въ Петербургъ, изгнаники едва узнавали городъ: берега Мыи и Фонтанки сплошь 'окаймилась домами; нынѣшнія Конюшенныя украсились каменными зданіями; на Васильевскомъ островѣ воздвиглись каменный дворецъ царицы Прасковьи Ѳеодоровны¹ и каменная биржа; Быборгская сторона щеголяла каменными госпиталями, а уголь Миліонной къ Царицыну Лугу такою же казенною аптекою; Охта заселилась; Галерная гавань отстроилась. Столица Петра, при жизни своего основателя, росла, дѣйствительно, не по днямъ, а по часамъ и теперь величалась уже учрежденными въ ней коллегіями, синодомъ, полиціею, освѣщалась по вечерамъ фонарями², имѣла даже деревянный оперный домъ.

Составъ двора и знати измѣнился въ семь лѣтъ не менѣ самой столицы. Ново было Лестоку признать въ Екатеринѣ, нѣкогда первой подданной Петра, единственную и неограниченную теперь самодержицу Петровой Россіи, а цесаревенъ, дочерей государыни, извѣстныхъ ему дѣтьми, увидѣть совершенными, вполне разцвѣтшими красавицами. Точно такъ же не привыкъ Лестокоъ ни къ почету, окружавшему при русскомъ дворѣ герцога голштинскаго, нареченнаго жениха старшей цесаревны, ни къ постоянному присутствію при томъ же дворѣ двухъ принцевъ гессен-гомбургскихъ, капитановъ русской гвардіи, личностей до того небывалыхъ, и страннымъ казалось ему безпрестанно сталкиваться во дворцѣ съ семьями Скавронскихъ, Ефимовскихъ, Гендриковыхъ, родственныхъ императрицѣ, но сохранившихъ слишкомъ еще свѣжіе слѣды недавняго превращенія изъ ливонскихъ поселянъ въ російскіе графы и вельможи. Наконецъ, находя во всей силѣ могущества того самого князя Меншикова, котораго оставлялъ въ обстоятельствахъ весьма тонкихъ³, Лестокоъ и вовсе не нашелъ старой царицы Прасковьи Ѳеодоровны, младенца царевича Петра Петровича, знаменитаго князя Якова Ѳеодоровича Долгорукаго, генерала Вейде, князя-

¹ На мѣстѣ нынѣшней академіи художествъ.

² Первые фонари явились на петербургскихъ улицахъ въ 1728 г. См. Пандо Петер. II, 188.

³ Въ 1717 и 1718 годахъ открылись многія злоупотребленія кн. Меншикова, для изслѣдованія которыхъ было тогда же наряжено нѣсколько комисій, и самъ князь состоялъ подъ гѣвонъ государя.

папы Бутурлина и другихъ, похищенныхъ смертію. Между послѣдними былъ и прежній начальникъ Лестока, умный Арескинъ, архіатерское мѣсто котораго занималъ уже Іоанъ-Деодатъ *Блумстротъ*, начальствовавшій не аптекарскою, а *медицинскою* канцелярію ¹.

Милость императрицы къ бывшему изгнаннику не ограничилась однимъ возвращеніемъ его изъ ссылки: Лестоку наименованъ былъ лейб-хирургомъ ея величества и назначенъ состоять при цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Это новое званіе опредѣляло Лестоку — по штатнымъ вѣдомостямъ 1723 г. ²—600 рублей ежегоднаго содержанія — сумму, въ то время, довольно круглую. Еслиже прибавить къ ней достаточно увѣсистыя воспоминанія, оставленныя въ карманахъ Лестока казанскою его практикою — что утверждаетъ положительно и правдивый Гельбигъ — то, должно согласиться, денежная сторона широкихъ плановъ авантюриста изъ Целле была уже на половину обработана. Остальное зависѣло, разумѣется, отъ обстоятельствъ. И Лестоку, вновь одушевленный надеждами, весело ждалъ свадьбу царевны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ — событія, къ которому изъ-подъ траура приготавлились и и дворъ и городъ.

21-го мая 1725 года, налюбовавшись зрѣлищемъ августѣйшаго бракосочетанія, при которомъ цесаревна Елизавета отправляла должность *ближней двиницы* со стороны невѣсты, Лестоку, облеченный въ «цвѣтное платье», пировалъ съ четырьмястами *значимыхъ* особъ «въ салѣ (залѣ), преизряднымъ художествомъ созданный» ³; гулялъ, на другой день, «въ огородѣ ея величества», то есть, въ Лѣтнемъ саду — «куда впущены были и подлѣе разныхъ чиновъ люди» ⁴; а на третій — былъ со всѣми въ домѣ новобрачнаго герцога, гдѣ «отъ страны его королевскаго высочества, со всею подобающею магніфіценціею, чрезъ довольное время отправилось трактованіе» ⁵. Затѣмъ Лестоку зажилъ своа обычною придворною жизнью, которая, однакоже, съ исчезновеніемъ магической дубинки Петра, утратила много своей экспрессіи. Кодексъ этой жизни, при дворѣ Екаторины I, заключался: въ страхъ и трепетъ предъ могуществомъ князя Меншикова; въ повлоненіи фаворѣ графовъ Салѣги и Левенвольде; въ присканіи и соблюденіи связей съ чинами свиты герцога голштинскаго; въ перешептываніяхъ того, о чемъ трактовалось въ новоучрежденномъ верховномъ

¹ Называлась такъ съ 1725 г.

² Ист. мед. въ Рос. III, 88.

³ См. въ XIII т. «Древн. Рос. Визіюемни». Изд. 2. «Описаніе брака между царевною Анною Петровною и Карломъ-Фридрихомъ, герцогомъ Голштейн-Готторскимъ, въ 1725 г. мая 21-го дня совершившагося».

⁴ Тамъ же.

⁵ Тамъ же.

тайномъ совѣтѣ; наконецъ, въ присутствованіи на балахъ, смѣнившихся уже петровскія ассамблеи.

Во всемъ этомъ не было для Лестока ничего затруднительнаго. Даже значеніе Меншикова, пригнетавшаго всякое другое значеніе, не могло враждебно касаться незначительнаго лейб-хирурга. И Лестоко безмятежно состоялъ при цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, поворывая для ея высочества дыни изъ Лѣтнаго Сада, за что всегда бывалъ преслѣдуемъ по пятамъ вѣрнымъ стражемъ, садовникомъ изъ шведовъ, но всегда же проворно и благополучно ускользалъ съ полицинымъ, забрасываемымъ, въ догонку, грязью ¹. Подобныя услуги и пріятность въ обхожденіи вообще—скоро приобрѣли лейб-хирургу милостивое расположеніе цесаревны. Ея высочество любила слушать неистощимую болтовню весельчака Лестока и нечувствительно привыкла довѣрять заключеніямъ его о людяхъ и вещахъ, основаннымъ, впрочемъ, на здоровомъ разсудкѣ и порядочной опытности. И, конечно, не разъ слѣдовалъ Лестоко за цесаревною въ тѣ самыя послѣбѣдненные кружки императрицы, гдѣ ея величество, находясь въ обществѣ ближайшихъ придворныхъ, оставляла весь этикетъ и, легонько ударяя по карманамъ присутствовавшихъ, ласково требовала съ каждаго конфетку ². Подвергаясь той же дани наряду со всѣми, Лестоко, разумѣется, носпѣшала выплачивать свою долю съ самою любезною готовностью.

Царствованіе Екатерины I не было продолжительно. Чрезъ два съ небольшимъ года по восшествіи своемъ на престолъ, императрица скончалась въ тотъ самый день, когда старецъ Толстой, участникъ стрѣлецкихъ бунтовъ и ретивый сподвижникъ Петра, отправлялся Меншиковымъ въ соловецкую ссылку, а Девіеръ и Скорняковъ-Писаревъ, старинные знакомцы Лестока, испытывали собственными спинами, что значить неуважать князя Меншикова: бѣдняковъ били кнутомъ. Менѣе нежели мѣсяцъ спустя, умеръ, въ Петербургѣ же, и «его любовь» ³, герцогъ шлезвиг-голштинскій Карлъ-Августъ, епископъ любскій, нареченный женихъ цесаревны Елизаветы Петровны, искренно и долго оплакиваемый ея высочествомъ.

Престолъ великаго Петра наслѣдовалъ сынъ несчастнаго царевича, Петръ II Алексѣевичъ. Меншиковъ властвовалъ именовъ отрока-императора, удалил изъ Россіи герцогиню голштинскую, Анну Петровну съ ея супругомъ, выпроводилъ на почетныя службы внѣ Петербурга всѣхъ, сколько нибудь мѣшавшихъ ему госнодъ и, на свободѣ, обручилъ самого императора съ своею собственною до-

¹ Anecd. interes.

² Helbig.

³ Такъ титулуется герцогъ въ завіщаніи императрицы Екатерины I.

черью, княжною Марією. Все приняло предъ гордымъ временщикомъ. Никогда еще значеніе русскаго вельможи не возрастало до такихъ размѣровъ. У лейб-хирурга цесаревны кружилась голова, когда онъ заглядывался на высоту, которой достигнуть князь Ижорскій. И мало ли что, можетъ быть, тогда уже мелькало въ мысляхъ предприимчиваго авантюриста, взбаламученныхъ созерцаніемъ ослѣпительнаго богатства и великолѣпія, которыми окружался императорскій quasi-тестъ. Но Меншиковъ палъ. Лестогу видѣлъ пышный выѣздъ князя изъ Петербурга; слышалъ, потомъ, что князь услали въ какой-то Березовъ; пересталъ, наконецъ, слышать что нибудь объ этомъ князѣ: и, все-таки, ни малѣйше не намоталъ себѣ на усъ таковой назидательный урокъ.

Между тѣмъ, дворъ, освобожденный отъ подавляющаго вліянія Меншикова, представлялъ странную наурядицу. «Новые временщики — писалъ тогда къ другу современникъ-придворный — привели великую конфузю, такъ что мы съ опасеніемъ бываемъ при дворѣ. Всякій всякаго боятся, а крѣпкой надежды ни на кого нѣтъ»¹. — Не знаемъ, не раздѣлялъ ли тѣ же чувства страха и Лестогу, состоявшій при цесаревнѣ, къ которой именно въ это время юный императоръ возчувствовалъ такую сильную привязанность, что началъ быстро возвышать приближенныхъ своей августѣйшей тѣтки. Такъ, напримѣръ, Бутурлинъ, первѣйшій любимецъ и камергеръ ея высочества, менѣе чѣмъ въ полтора мѣсяца получилъ двѣ нешуточныя награды: александровскую ленту и, потомъ, генерал-майорскій чинъ. Въ угоду императору, и князья Голицины, соперники князей Долгорукихъ, составлявшіе сильную дворскую партію, работѣли предъ цесаревною, ласкали чиновниковъ ея штата, слѣдовательно, и Лестога.

Въ такомъ положеніи была «конфузія», когда наступило время коронаціи, умышленно отлагавшейся уничтоженнымъ Меншиковымъ. — Императорскій дворъ отправился въ Москву; за нимъ выѣхалъ и дворъ цесаревны. Къ послѣднему, не считая Бутурлина и Лестога, принадлежали: гофмейстеръ Семенъ Григорьевичъ Нарышкинъ; гофмейстерина Салтыкова, вышедшая впоследствии за фельдмаршала Миниха²; фрейлины Аграфена Васильевна Салтыкова, и старшая дочь того же Миниха, Софья³, наконецъ, нѣсколько кавалеровъ изъ фамилій Скавронскихъ, Ефимовскихъ и Гендриковыхъ.

Въ Москвѣ, Лестогу впервые увидѣлъ развѣнчанную царичу Евдокію Федоровну Лопухину, тоже назидательный примѣръ па-

¹ См. царствованіе Петра II. Арсеньева, стр. 182.

² Записки Миниха-сына.

³ Вышла впоследствии за полковника, барона Мальдана.

шаго величія ¹, а потомъ, впервые же, и обрядъ вѣнчанія на царство, невиданный еще на Руси лейб-хирургоуъ.

Коронація сопровождалась обычными торжествами, а торжества — необычайнымъ преобладаніемъ Долгорукихъ, которые, одолевъ Голицыныхъ, замѣнили ихъ смущавшую современниковъ «конфузію» собственнымъ, непрощеннымъ влияніемъ. Чтобы сохранить это влияніе, Долгорукимъ хотѣлось удалить цесаревну. Они стали прочить ей высочество въ замужество за Морица саксонскаго, побочнаго сына польскаго короля Августа II. Но плутни не удались. За то и въ это же самое время — цесаревна «своимъ легкомысліемъ разрушила сама свою силу и навсегда лишилась уваженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любви императора» ². — Конечно, безъ Долгорукихъ не было бы и этого: «они подсмотрѣли слабости цесаревны и успѣли очернить ее въ глазахъ Петра до того, что императоръ началъ публично показывать ей свое отвращеніе и неприязнь къ ней» ³, отвергъ предложеніе новаго жениха Елисаветы, маркграфа Бранденбург-Байретскаго, и отправилъ Бутурлина командовать полками въ Украйнѣ. — Лестоуъ, въ самомъ дѣлѣ преданный цесаревнѣ, конечно, принималъ къ сердцу эти продѣлки Долгорукихъ; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, лейб-хирургу чрезвычайно нравилось положеніе юнѣйшаго члена этой фамиліи, князя Ивана Алексѣевича, ближайшаго царскаго любимца, имѣвшаго полное право черпать изъ царской казны сколько угодно и распоряжаться почерпаемымъ совершенно безотчетно.

Дворъ продолжалъ жить въ Москвѣ. Бѣлокаменная плѣвила юнаго императора, несмотря на то, что онъ успѣлъ уже утратить здѣсь родную сестру, царевну Наталью, лучшую изъ своихъ привязанностей, «драгоценнѣйшій перлъ Россіи» ⁴. — Оплакавъ невознаградимую потерю, его величество развлекался охотою, во всѣхъ ея родахъ и видахъ, которая и поглотила все остальное время пребыванія въ Москвѣ и, вмѣстѣ, царствованія Петра II. — Лестоуъ, и самъ непокидавшій ружья до старости ⁵, съ удовольствіемъ раздѣлялъ господствующій вкусъ, сопровождая цесаревну не только въ примосковныя отъѣзжія поля, но даже и въ истори-

¹ Развѣнчанная царица жила въ вознесенскомъ монастырѣ въ Кремлѣ; ей назначено по 60,000 рублей ежегоднаго содержанія, многие изъ экипажей и цуговъ, описанныхъ у кн. Меншикова, наконецъ особый штатъ со всѣми придворными чинами.

² См. царствованіе Петра II, Арсеньева, 186.

³ Тамъ же, 160.

⁴ Записки Дюна де-Лирія.

⁵ Что видно въ одномъ изъ писемъ его къ Ив. Ив. Шувалову, помещенномъ ниже.

ческую Александрову-слободу (нынче уѣздный городъ Владимірской губерніи), гдѣ, на большомъ, привольномъ лугу, ея высочество изволила тѣшиться травлею зайцевъ и напускомъ соколовъ ¹.

Наконецъ, и Долгорукіе достигали зенита своихъ желаній: императоръ обручился съ сестрою своего любимца, красавицей-внучкою Еваториною Алексѣевою. Но, полтора мѣсяца спустя, въ самый день назначеннаго бракосочетанія его величества, смерть скосила новую жертву — и гофмейстеръ Остерманъ, впоследствии знаменитость, рыдалъ надъ бездыханнымъ трупомъ жениха-императора, своего питомца ².

Послѣдовала новая «конфузія» и, на этотъ разъ, довольно мудреная: не знали, за гѣмъ быть престолу. Еслибѣ хотѣли въ точности исполнить завѣщаніе императрицы Еваторины I ³, хранившаяся въ одномъ изъ шкафовъ иностранной коллегіи, въ особой шкатулѣ, ключъ отъ которой былъ у канцлера графа Головкина, то надлежало тотчасъ же послать въ Голштинію, за младенцемъ-сыномъ тогдашняго герцога, «десцендентомъ» покойной герцогини Анны Петровны. Но все голштинское не пользовалось тогда на Руси особенною любовью и въ самомъ завѣщаніи подозрѣвалась нѣкоторыми работа князя Меншикова съ голштинскимъ министромъ Бассевичемъ; а перспектива грудного младенца на тронѣ — никого не манила. Далѣе, по силѣ того же завѣщанія, право на престолъ принадлежало цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, «съ ея десцендентами».

Зналъ или не зналъ лейб-хирургъ ея высочества о существованіи такого завѣщанія, но извѣстно, что, въ это самое время, Лестокъ краснорѣчиво убѣждалъ цесаревну явиться въ залу лефортовскаго дворца и торжественно предъявить собранному тамъ верховному тайному совѣту, располагавшему наслѣдіемъ великаго Петра, права свои на корону, казавшіяся лейб-хирургу ясными, вагъ день ⁴. Извѣстно также, что цесаревна, случившаяся на ту

¹ См. Лид. Лекс. Плюшара и вновь издаваемый Энцикл. Словарь (статья: «Александровъ»).

² Императоръ Петръ II скончался въ Москвѣ въ лефортовскомъ дворцѣ, въ ночь съ 18-го на 19-е января 1730 года.

³ «Если великій князь безъ наслѣдниковъ преставится, то имѣть по нему цесаревна Анна съ своими десцендентами, по ней цесаревна Елизавета и ея десценденты, а потомъ великая княжна и ея десценденты наследовать, однакожъ, мужскаго пола наслѣдники предъ женскими предпочтены быть имѣть. Однакожъ, никогда россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, которой не греческаго закона, или кто уже другую корону имѣть». См. Царствованіе Еваторины I. Арсеньева.

⁴ Magazin für die neue Historie und Geographie, angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. Hamburg. 1768. Т. II, S. 33.

пору за-городомъ, поколебалась внять убѣжденіямъ своего приверженца, не рѣшилась показаться собранію государственныхъ чиновъ, даже вовсе не пріѣхала въ столицу, не полагаясь, можетъ быть, на то всеобщее сочувствіе, въ которомъ увѣрялъ ея высочество, вѣроятно, одинъ только Лестоукъ. Еще извѣстнѣе, наконецъ, что всѣ недоразумѣнія *верховниковъ*, неразрѣшныя съ мыслию ограничить самодержавіе, разрѣшились приглашеніемъ на всероссійскій престолъ родной племянницы Петра I и дочери царя Іоанна Алексѣевича, Анны Іоанновны, давно уже вдовствовавшей герцогини курляндской, которая, охотно подписавъ предложенныя ей «кондиціи», не замедлила благополучно прибыть изъ Митавы въ Москву.

Наступала иная эпоха, начиналось новое царствованіе, долженствовавшее грозно и великолѣпно наполнить собою десятилѣтній періодъ русской исторіи. И столько же времени, даже болѣе, было суждено цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ оставаться въ тѣни, а Іоанну-Герману Лестоку, съ обманутыми но живыми надеждами, пребывать въ прженемъ ничтожествѣ.

Въ первые же дни новаго правленія были разорваны митавскія «кондиціи», съ уничтоженіемъ которыхъ разлетѣлись мечты объ ограниченіи самодержавія, и окончилось бытіе верховнаго тайнаго совѣта. Затѣмъ послѣдовала коронація избранной государыни, отправленная «со всякими радостными забавы zelo преславно»; * то-есть — состоялось множество выходовъ, аудіенцій, обѣдовъ и баловъ, сожжено нѣсколько фейерверковъ и столько же иллюминацій, совершено два-три церемоніальныхъ переѣзда, изъ кремлевскаго дворца въ головинскій и обратно, расхватаю народомъ нѣсколько выставленныхъ жареныхъ быковъ съ золочеными рогами, роспито тутъ же нѣсколько фонтановъ съ краснымъ и бѣлымъ виномъ, разметано толпѣ множество золотыхъ и серебряныхъ денегъ, наконецъ, эквилибристъ-персіянинъ ходилъ и плясалъ на канатѣ, протянутомъ отъ Краснаго крыльца до верха ивановской колокольни. — Долгорукихъ, распределенныхъ на сибирскія воеводства, при дворѣ уже не было; но за то этотъ дворъ только-что получилъ изъ Курляндіи славный гостинецъ — Эрнста-Іоанна Вирона.

Цесаревна тогда же начала чувствовать какую-то фальшивость положенія своего относительно императрицы, и на лѣто, когда ея величество переселилась съ своимъ дворомъ въ подмосковное село

---

* См. въ камер-фурьерскихъ журналахъ «Описаніе коронаціи ея величества императрицы и самодержицы всероссійской Анны Іоанновны, торжественно отправленной въ царствующемъ градѣ Москвѣ, 28-го апрѣля 1780 года».

Измайлово, ея высочество отбыла съ своимъ штатомъ — гдѣ продолжалъ состоять и Лестокоъ — въ подмосковное же село Покровское, Рубцово тожь. Такое обособленіе обонхъ дворовъ не ограничилось однимъ только лѣтомъ. Во все время высочайшаго присутствія въ Москвѣ, продолжавшагося первые два года царствованія Анны Іоанновны, приближенные цесаревны составляли свой отдѣльный кружокъ, почти пренебрегаемый придворными императрицы; а сама цесаревна, являясь въ извѣстныхъ случаяхъ къ высочайшему двору, не имѣла съ нимъ тѣсныхъ связей, и почти не разставалась съ Покровскимъ. — У москвичей до сихъ поръ ведутся преданія о тогдашнемъ здѣсь житьѣ-бытьѣ цесаревны, любившей, лѣтомъ, водить на лугу хороводы съ сѣнными дѣвушками, распѣвая съ ними пѣсни ¹, или собственноручно прикармливать щугъ и карповъ, по звону колокольчага всплывавшихъ на поверхность покровскаго пруда, а зимою — учреждать катанья съ горъ или, по улицамъ, въ пошевняхъ ².

Свидѣтель и участникъ подобныхъ удовольствій, Лестокоъ, поневолѣ, мирился съ жизнію въ Покровскомъ. И, пользуясь удобствами мѣстнаго хозяйственнаго обзаведенія, представлявшаго къ услугамъ приближенныхъ ея высочества житный, скотный и даже каплуновскій дворы, пруды и садки съ рыбою, приспѣвши, медоставки, пивоварни, огороды и плодовые сады, наконецъ, липовую баню ³ — лейб-хирургъ цесаревны не переставалъ желать лучшаго. Но до лучшаго было еще не совсѣмъ близко.

Въ первыхъ числахъ января 1732 года, императорская фамилія начала возвращаться въ Петербургъ, сиротѣвшій безъ нея болѣе четырехъ лѣтъ. Цесаревна прибыла въ отчую резиденцію въ самый крещенскій сочельникъ ⁴ и заняла дворецъ свой на Царицыномъ лугу ⁵. Торжественный въѣздъ императрицы послѣдовалъ 16-го января и цѣлую недѣлю послѣ того Петербургъ сіялъ по ночамъ иллюминаціями ⁶.

Замкнувшись въ обществѣ немногихъ приближенныхъ, цесаревна продолжала соблюдать въ отношеніи высочайшаго двора тѣ же формальности, какими ограничивалась въ Москвѣ. Стало быть, и Лестокоъ, постоянный членъ кружка цесаревны, могъ только изда-

¹ Изъ нихъ одна, весьма извѣстная: «Во селѣ, селѣ Покровскомъ», приписывается даже поэтическому вдохновенію ея высочества.

² Русская старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества. Мартынова и Снегирева. Москва. 1848. Ч. III, стр. 64.

³ Тамъ же, 60.

⁴ «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1732 года.

⁵ Почти на мѣстѣ нынѣшнихъ казармъ лейб-гвардіи павловскаго полка.

⁶ «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1732.

ли наблюдать бытъ двора императрицы, не имѣлъ возможности распознавать многихъ пружинъ этого быта и съ самыми придворными Анны Иоанновны сходилса вовсе не такъ близко, какъ нѣкогда съ царедворцами Петра. Конечно, и дворъ и придворные утратили съ той поры много своей оригинальности, интересной для заѣзжаго европейца: императорская фамилія перестала участвовать въ шутовскихъ уличныхъ процессіяхъ; царедворцы залечили синяки незабвенной царской трости; ни токарныхъ станковъ, ни корабельныхъ шкиперовъ, ни ассамблей съ попойками не было уже въ дворцовыхъ апартаментахъ, гдѣ, напротивъ, поселялась азиатская роскошь, щеголявшая, на первый разъ, какую-то версальско-остзейскою чопорностію, въ силу которой мужчины одѣвались по пугаями * и прѣли въ громадныхъ парикахъ, а дамы, осыпанныя пудрою и облѣпленные мушками, исчезали въ неизмѣримыхъ роброндахъ. Но, все-таки, Лестокъ, поотдаленный отъ всего этого, оставался въ потерѣ, потому что совокупность личностей и дѣятельностей Остермана, Миниха, Черкаскаго, Трубецкаго, братьевъ Левенвольде, Волинскаго, борцовъ тогдашней придворной арены, и кучи голодныхъ гурляндцевъ, перемѣшанныхъ съ выходившими въ люди остзейцами, представляла зрѣлище, весьма любопытное. Одно, что уравнивало лейб-хирурга цесаревны со всѣми знаменитостями эпохи и смѣшивало его съ остальною грязью, это — личность и дѣятельность обер-каммергера императрицы, которыми одинаково наслаждалась вся Россія. Сильный и злобный еще въ Москвѣ, Эрнстъ-Юганнъ Биронъ оказался въ Петербургѣ могущественнѣйшимъ любимцемъ и совершеннѣйшимъ чудовищемъ. По милости его графскаго сіятельства, присутствіе тайной канцеляріи не закрывалось ни днемъ, ни ночью; пыточные листы исписывались вилами; заплечные мастера работали безъ устали; безчисленные жертвы приволакивались безчисленными расмыльщиками со всѣхъ концовъ Россіи, гибли на плахахъ, увѣчались въ кровавыхъ застѣнкахъ и въ такомъ множествѣ шли населять далекіе остроги и невѣдомыя зимовья пустынной Сибири, что бывшее кучумово царство рядомъ съ памятникомъ Ермаку, завоевателю страны, могло бы справедливо воздвигнуть другой — Бирону, истинному ея колонизатору.

Сравнивая времена преходившія съ недавно-прошедшими, Лестокъ, очевидецъ тѣхъ и другихъ, убѣждался, что Россію, просвѣщаемую Петромъ, не омрачали ужасы, подобные совершавшимся при

* Ни императрица, ни Биронъ не жаловали темныхъ цѣтвовъ, почти изгнанныхъ изъ придворнаго употребленія вообще. И сѣдовласые старцы-угодинныя выдвигались въ дворцовыя залы въ розовыхъ, блѣдно-зеленыхъ, желтыхъ и небесно-голубыхъ кафтанахъ.

Аннѣ, и находилъ, что громкая и страшная нѣкогда слава обихъ Ромодановскихъ, отца съ сыномъ, должна была теперь далеко уступить кровавой и грязной славѣ одного Ушакова. Отголоски общественнаго мнѣнія, существовавшіе, конечно, и подъ гнетомъ подобной эпохи, были небезъизвѣстны лейб-хирургу цесаревны, которымъ, на всякій случай, принимались въ свѣдѣнію и закладывались въ основаніе надеждъ, доступныхъ исключительно душѣ авантюриста. Пользуясь, однакоже, тогдашнимъ удобствомъ наказать другу и недругу, лейб-хирургъ и самъ не отказывался изловить рыбу въ мутной водѣ. На него падаетъ подозрѣніе въ скрытной интригѣ, приготовившей внезапное несчастье шталмейстера цесаревны, извѣстнаго Шубина, поведеніе котораго могло набросить тѣнь и на особу самой цесаревны, что вовсе не соотвѣтствовало далекимъ видамъ предусмотрительнаго Лестока. Полагаютъ, что послѣдній успѣлъ разными путями довести до свѣдѣнія всемогущаго Бирона вещи, потребовавшія разбирательства, и Шубинъ былъ безъ суда сосланъ въ Камчатку, откуда, много лѣтъ спустя, возвратился заклятымъ, хотя и неопаснымъ врагомъ Лестока ¹.

Время шло. Два раза, въ глазахъ Лестока, выгоралъ Петербургъ до того, что тысячамъ народа приходилось «на лугахъ, безъ всякаго прикрытія, со всѣмъ своимъ иждивеніемъ быть» ², а городу — залегать привольными пустырями; и — два раза привѣтствовалъ лейб-хирургъ цесаревны новыхъ русскихъ архіатеровъ: сначала безсовѣстнаго Юганна-Христофора *Ритера*, потомъ добросовѣстнаго Бернгарда *фон-Фитшера* ³. Биронъ, не переставая неистовствовать, сдѣлался герцогомъ той самой Курляндіи, которая еще недавно отказывала ему въ правахъ дворянства, а Черкасскій и Левенвольды, не переставая кланяться и интриговать, украсились тѣми самыми андреевскими лентами, которыхъ одинаковымъ путемъ добивались Трубецкой и Волынской. Съ другой стороны, побѣды счастливаго Миниха, оглашая міръ русскою славой, полагали въ вѣкамъ императрицы то потрясенный Данцигъ, то разоренный Крымъ; а труды неусыпнаго Остермана, подстерегая европейскую политику, очищали Россію мѣсто въ ряду первостепенныхъ державъ. Все это перемежалось посольскими аудіенціями, кавалерственными обѣдами, побѣдными торжествами и другими безпрерывными празднованіями; шло объ руку съ манежной ѣздой, цѣльной стрѣльбою и петергофскими охотами ея величества; освѣща-

¹ Geschichte des russischen Staats, von Dr. Ernst Hermann. Hambourg. 1853. V, 185—186.

² Указъ 17-го августа 1787 года. II. С. 3. 1830. Т. IX, ст. 7033.

³ Ист. мед. въ Рос. Т. III, 246 и 270.

лось блистательными фейерверками и очаровательными иллюминаціями ¹.

Частехонько любуясь послѣдними, наряду со всѣмъ населеніемъ Петербурга, Лестоуъ, въ свитѣ цесаревны, изрѣдка попадалъ и въ залы Зимняго Дворца. Это бывало въ тѣ торжественные дни, когда ея высочество дарила своимъ присутвіемъ придворный балъ. Въ такихъ случаяхъ, Лестоуъ бывалъ, обыкновенно, свидѣтелемъ всеобщаго вниманія и даже удивленія, которыя привлекала къ себѣ цесаревна, красавица — въ полномъ смыслѣ слова. Преимущество въ этомъ отношеніи, всѣми оставляемое за ея высочествомъ, выразилось однажды въ весьма забавной формѣ. На придворномъ балѣ ², гдѣ, въ числѣ приглашенныхъ, были бухарскій, турецкій и китайскій посланники, императрица спросила послѣдняго: которую изъ дамъ, присутствующихъ въ залѣ, находитъ онъ красивѣйшею? Дипломатъ небесной имперіи уклонился сначала отъ положительнаго указанія и отвѣчалъ, что «въ звѣздную ночь трудно рѣшить, которая звѣзда всѣхъ свѣтлѣе»; но видя, что государыня не довольствуется одною метафорою, подошелъ къ цесаревнѣ, низко поклонился ея высочеству и сказалъ: «невозможно было бы перенести ея взгляда, еслибъ только глаза ея были поменьше» ³.

Но поклоненіе, воздаваемое всѣми красотѣ цесаревны, не удовлетворяло лейб-хирурга, слишкомъ заинтересованнаго въ судьбѣ ея высочества. Лестоуку хотѣлось бы другаго поклоненія, болѣе прочнаго и, конечно, болѣе выгоднаго для него самаго. Мысль о возвращеніи цесаревнѣ престола — по мнѣнію Лестоука, у нея похищеннаго — не покидала горячей головы лейб-хирурга и, въ ту эпоху, далеко нечуждую вѣры огромнаго большинства въ астрологическія бредни ⁴, поддерживалась, можетъ быть, извѣстнымъ пред-

¹ Иллюминаціи времени Анны были, дѣйствительно, хороши. Вотъ какъ одну изъ нихъ, 8-го февраля 1787 года, описываетъ очевидецъ: «На валахъ адмиралтейства нѣсколько тысячъ лампъ и разнообразныхъ фонарей, симметрично расположенныхъ, горѣло разноцвѣтными огнями, изъ которыхъ составлялись различныя имена и эмблемы. Стѣны петропавловской крѣпости были залиты свѣтомъ и на нихъ полными литерами, искусно переиъшанными съ листьями, сіяло *Анна Иоановна императрица*, начертанное желтымъ, красными, зелеными и голубыми огнями. Безчисленныя свѣчи мелькали во всѣхъ онахъ. Все это восхитительно отражалось въ Невѣ». См. Peter von Haven's Reise in Russland, aus dem Dänischen übersetzt. Copenhagen. 1744.

² Въ январѣ 1784.

³ Рус. стар. Корниловича, 116.

⁴ Вѣрованіе въ астрологию, гороскопы, предсказанія и проч. существовало тогда и въ Петербургѣ. Императрица Анна Иоанновна очень серьезно прислушивалась за сиреною у академическаго профессора Іоанна-Вольфганга Крафта: какаѣ погода будетъ завтра или тогда-то?

сказаніемъ Ламберти, царскосельскаго садовника ¹, утверждавшаго, что цесаревна будетъ царствовать. Сначала могли еще родиться кое-какія надежды на осуществленіе, раньше или позже, мысли лейб-хирурга и предсказанія садовника, потому что императрица не имѣла прямыхъ наслѣдниковъ. Но когда обер-штамейстеръ графъ Левенвольде съѣздила въ Вѣну и, въ февралѣ 1733 года, вывезла оттуда къ петербургскому двору молодого Антона-Ульриха, принца Брауншвейг-Бевери-Люнебургскаго, а императрица, въ маѣ того же года, посѣтила присоединить къ православной церкви племянницу свою, лютеранку Елисавету-Екатерину-Христину ², дочь герцога и герцогини Мекленбургскихъ, намѣренія ея величества обрисовались явственно. Дворъ и городъ незамедлили сообразить и заговорить, что принцъ и принцесса — женихъ и невѣста. Стало быть, престоль отодвигался еще далѣе отъ цесаревны и, современемъ, могъ совсѣмъ уйдти изъ глазъ ея высочества. Лейб-хирургъ это видѣлъ и, можетъ быть, тогда же подѣлился волновавшими его опасеніями съ нѣкоторыми приверженцами цесаревны, чѣмъ погладѣло и кончилось. Что касается самой цесаревны, ея высочество, привыкнувъ къ своему положенію, была, повидимому, очень далека отъ притязаній на родительскую корону и, напротивъ, оказывала императрицѣ всѣ знаки должнаго почтенія, строго исполнила главнѣйшія требованія придворнаго этикета, даже, чтобы не опоздать къ какому-нибудь торжественному выходу или выѣзду, вставала, зимой, при свѣчахъ. Въ официальные дни, цесаревна, сопровождаемая нѣсколькими лицами своего штата, являлась къ высочайшему двору, поздравляла императрицу съ случившимся торжествомъ, кушала съ ея величествомъ подъ балдахинномъ, посѣщала послѣобѣденный балъ или куртагъ, а вечеромъ, послѣ фейерверга и иллюминаціи, возвращалась къ себѣ. Въ домашнемъ быту, постояннымъ очевидцемъ котораго былъ Лестоукъ, цесаревна менѣе всего походила на цесаревну, дочь императора. Въ бѣлой матерчатой кофтѣ и темно-грязетовой юбкѣ, ея высочество просто и незатѣйливо дѣлила время съ Воронцовымъ, Шуваловыми, Скворонскими, Гендриковыми и другими кавалерами своего двора, смѣялась анекдотамъ своего лейб-хирурга и одинаково благоволила къ искусству казака Разумовскаго — играть на бандурѣ, коф-шенка Си-

¹ Село Царское не было еще тогда городомъ, принадлежало съ 1728 г. цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ и числилось приписнымъ «въ комнатѣ» ея высочества. См. Царскосельскій летописецъ, въ № 30 журнала «Благонамѣренный», за 1826 годъ.

² Миропомазана 12-го мая 1733 г., въ Петербургѣ и, въ честь императрицы, наречена *Анною*; по отцу, Леопольдовна (у иностранцевъ *Карлоана*, потому что отецъ, герцогъ Мекленбургскій, назывался Карлъ-Леопольдъ).

верса — готовить кофе. Доходы цесаревны были невелики, а вліяніе — ограничивалось сухимъ почтеніемъ къ ней Бирона, да безплодно-низкими поклонами придворныхъ, одинаково изгибавшихся и предъ дочерью Петра, и предъ курляндскимъ пришлецомъ. Но народъ, по какому-то инстинкту, не былъ равнодушенъ къ цесаревнѣ; а гвардія очень любила прямую отрасль своего учредителя. На этомъ послѣднемъ обстоятельстве, очень хорошо извѣстномъ не одному Лестоу, основывались главнѣйшія надежды и покоились любимѣйшія мечты лейб-хирурга.

Но, независимо отъ надеждъ и мечтаній, всегда радужныхъ, положеніе самого лейб-хирурга съ нѣкотораго времени не могло назваться завиднымъ: судьба, иногда справедливая, наслала мстителя за честь многихъ мужей, обязанныхъ Лестоу рогамп. Этотъ мститель предсталъ лейб-хирургу цесаревны въ лицѣ барона Курта-Александра Шемберга, польскаго камергера и саксонскаго оберберггауптмана, приглашеннаго въ 1736 году въ Россію, съ назначеніемъ генерал-берг-директоромъ ¹. Прекрасный мужчина и чловѣкъ образованный, свѣтскій, баронъ Шембергъ — отвергнувшій, какъ говорила молва, лестныя предложенія одной высокой особы — увлекся, къ общему удивленію, прелестями Алнды Лестоу, рожденной Миллеръ, второй жены нашего героя, нѣмки низкаго происхожденія, некрасивой, неопрятной и любившей выпить ². Нѣжная страсть изящно-благороднаго барона нашла, разумѣется, полное сочувствіе въ неказистомъ предметѣ обожанія ³ — и Лестоу пришлось тяжело осушать ту же самую чашу, которую онъ такъ легко и часто поднашивалъ мужьямъ. Лейб-хирургъ возненавидѣлъ генерал-берг-директора, но дѣлать было нечего.

Между тѣмъ, десятилѣтнее владѣтельство императрицы Анны, нераздѣльное съ чудовищною тираніею герцога Бирона, близилось къ концу. Въ Петербургѣ, съ невиданнымъ до того великолѣпіемъ, совершилось бракосочетаніе принцессы Анны Леопольдовны ⁴, выданной, дѣйствительно, за принца Антона-Ульриха; и Лестоу, неприязненно смотрѣвшій на самое событіе, имѣлъ случай вдоволь налюбоваться цесаревною, явившеюся на торжество въ малиновомъ платьѣ, вышитомъ серебромъ и украшенномъ множествомъ брилліантовъ ⁵. Вслѣдъ за тѣмъ, ставучанскія пушки побѣдоноснаго Миниха возвѣстили міру новую славу Россіи, а самой Россіи

¹ Указъ о принятіи барона Шемберга въ русскую службу и его назначеніи послѣдовалъ 4-го сентября 1736 г.

² Helbig.

³ Anecd. interess.

⁴ 3-го іюля 1739 г.

Письма леди Рондо. Сиб. 1836, стр. 124.

Бѣлградскій миръ ¹, давно вождѣнный народомъ и войскомъ, но не фельдмаршаламъ, ненасытно алкавшимъ чести и лавровъ; и Лестоку, свидѣтель мирныхъ торжествъ, увидѣлъ ледяной домъ—пресловутое чудо своего времени, наслаждался зрѣлищемъ пестраго поѣзда шутовской свадьбы, отпразднованной въ этомъ домѣ. Далѣе, на глазахъ Лестока, упала къ ногамъ Бирона умная голова кабинет-министра Волынскаго; потомъ, родился внучъ императрицы, несчастный Іоаннъ ², явленіе котораго въ миръ встрѣчено новыми торжествами, и, два мѣсяца спустя, скончалась сама императрица ³.

Россія, прославленная побѣдами и обогрѣнная кровію, получила императора въ колыбели и регента въ ненавистномъ Биронѣ. Лестоку присягнувъ обоимъ—и удѣлѣвъ въ мрачные дни трехлѣтнаго регентства, представившіе эссенцію десятилѣтнихъ неистовствъ Бирона и оконченные ночнымъ набѣгомъ Миниха съ гренадерами на опочивальню изверга-регента ⁴.

Плѣненный удачею отважнаго подвига опытнаго полководца, Лестоку, какъ говорится, зарубилъ ее на носу и снова присягнувъ возникшему правленію.

Но Іоанну-Герману Лестоку было теперь уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, и основаній рассчитывать на исключительное долговѣчіе онъ не имѣлъ никакихъ. А такъ-какъ мечты и надежды, присущія ему отъ юности, не только не исчезали съ лѣтами, но, напротивъ, питались обстоятельствами, складывавшимися въ его глазахъ, и теперь, сильнѣе чѣмъ вогда-нибудъ, были возбуждены недавнимъ опытомъ миниховой удачи, то объ исполненіи этихъ мечтаній и надеждъ надлежало подумать серьезно, не откладывая, по возможности, и самаго исполненія. Время было тѣмъ болѣе дорого, что Россія, едва вѣрившая избавленію своему отъ курляндскаго страшилища, не успѣла еще привыкнуть къ какой-то власти, смѣнившей прежнее свирѣпство, не прислушалась еще къ имени новаго императора и управлялась матерью вѣнценоснаго младенца—женщиною молодою, безопасною, любившею одни удовольствія, избѣгавшею занятій дѣлами государственными, боявшею Миниха, недовѣрявшею Остерману, главное же — почти неизвѣстною народу и окруженною людьми, ни малѣйше непопулярными. Лестоку, такой же чужеземецъ, какъ Левенвольды и Менгдены, былъ, разумѣется, зна-

¹ Заключенъ 18-го сентября 1739, а ратификація размѣнена въ Константинополѣ 18-го декабря того же года.

² 12-го августа 1740 г.

³ 17-го октября 1740 г.

⁴ Биронъ арестованъ въ ночь съ 8-го на 9-е ноября 1740 г.

емъ еще менѣе и, ровно ничего не знача, не могъ имѣть ни партіи, ни средствъ къ ея привлеченію. Но имя цесаревны, пользами которой лейб-хирургъ ея высочества старался совершенно замаскировать личные свои расчеты, было, дѣйствительно, имя популярное и, будучи произнесено во время, кстати, могло надѣлать на Руси много дѣла, даже обратить въ ничто правительницу Анну Леопольдовну, съ ея сыномъ-императоромъ и всею чужеземною обстановкою. Лестоуъ понималъ это очень хорошо и, конечно, не ошибался въ своихъ предположеніяхъ.

Итакъ, въ рукахъ почти пятидесятилѣтняго авантюриста оказывалось почти вѣрное средство къ превращенію въ золотую дѣйствительность надеждъ, ласкавшихъ его и въ Целле, и въ Петербургѣ, служившихъ ему утѣхою и въ Шателе, и въ Казани. Не испробовать этого средства было бы недостойно предприимчиваго духа, которымъ обладалъ Лестоуъ. Отлагать подобную пробу до другаго времени, когда благоприятствуетъ настоящее, значило бы поступать глупо. А Лестоуъ былъ уменъ, къ тому же и немолодъ: могъ не дожить до какаго-то другаго времени или, доживъ, не успѣть насладиться осуществленіемъ надеждъ, составлявшихъ всю задачу его бытія. Онъ рѣшился не медлить и — дѣйствовать.

Само собою разумѣется, что предприимчивому лейб-хирургу прежде всего надлежало обратиться къ цесаревнѣ, именемъ которой онъ задумывалъ совершать переворотъ, и, получивъ согласіе ея высочества, тѣмъ самымъ какъ-бы освятить чистоту своихъ намѣреній, по крайней-мѣрѣ въ чужихъ глазахъ. Лестоуъ такъ и сдѣлалъ. Но затрудненія, встрѣченныя имъ при этомъ, едва-ли не превосходили всѣ остальные, всегда соединенныя съ затѣями подобнаго рода. Цесаревна, преданная удовольствіямъ, къ которымъ власть не могла прибавить многого, не помышляла о престолѣ, не желала разставаться съ спокойствіемъ частной жизни, дружелюбно посѣщала правительницу, систематически охлаждаемую къ Елизаветѣ интригами камер-фрейлины и любимицы своей Юліаны Менгденъ¹, и — вовсе не сочувствовала мятежнымъ внушеніямъ лейб-хирурга. Къ тому же, цесаревна, сильно заинтересованная братомъ Антономъ-Ульрихомъ, вновь избраннымъ герцогомъ курляндскимъ Людвигомъ, гостившимъ тогда въ Петербургѣ², естественно не была располо-

¹ Зная, что цесаревна не оставалась у правительницы долѣе семи часовъ вечера, Юліана нарочно переводила всѣ дворцовыя часы, которые, въ присутствіи ея высочества, и были цѣлымъ часомъ ранѣе настоящаго времени. Елизавета это замѣтила. См. *Materialien zu der Russischen Geschichte seit dem Tode Kaisers Peter des Großen*. 1784. Т. II, в. 364.

² Прибылъ изъ Митавы въ Петербургъ 6-го іюля 1741 года, встрѣченъ бра-

жена предпринимать что-нибудь противъ родныхъ нравившагося ей высочеству молодого человѣка, бракъ съ которымъ, какъ утверждаютъ, былъ бы по сердцу Елизаветѣ *.

Такая неудача не остановила, однакожъ, Иоганна-Германа, слишкомъ наэлектризованнаго желаніемъ поскорѣе осуществить свои золотыя мечты и подстрекаемаго, въ особенности, примѣромъ такъ недавно и такъ удачно совершеннаго переворота. Съ упорствомъ згонста, преслѣдующаго личныя цѣли, и съ краснорѣчіемъ адвоката, защищающаго собственное дѣло, Лестоку продолжалъ твердить цесаревнѣ о законности правъ дочери Петра на отчій престолъ, о хищничествѣ, даровавшемъ корону несмысленному младенцу, о возможности возвратить первыя и уничтожить послѣднее; наконецъ, сметливый авантюристъ намекалъ вскользь объ опасностяхъ, будто бы предстоящихъ ей высочеству раньше или позже—и скорѣе раньше, чѣмъ позже. Въ то же время, Лестоку дѣйствовалъ на приближенныхъ цесаревны, людей незначительныхъ и небогатыхъ, воображеніе которыхъ онъ распалалъ заманчивою перспективою значенія и богатствъ, ожидавшихъ cadaго изъ нихъ въ томъ случаѣ, еслибъ ей высочеству довелось быть ея величествомъ. Тутъ сладкоглаголивый лейб-хирургъ успѣвалъ скоро, потому что всѣ приближенные цесаревны, взятые вмѣстѣ, уступали въ смыслености Лестоку одному, а взятые порознь—годились ему въ сыновья.

М. Д. Хмыровъ.

томъ за нѣсколько верстъ отъ столицы и принять правительницею «съ великою радостію». См. «С.-Петербург. Вѣдом.» 1711 г.

* Materialien zu der Russischen Geschichte. II, 867.

ПОЛМІЛЬОНА.

РОМАНЪ МИССЪ АМЕЛИИ ЭДВАРДСЪ.

Часть первая.

III.

Р ъ ш е н і е.

Вильямъ Трефольденъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ погруженный въ тяжелыя думы, до тѣхъ поръ, пока день сталъ клониться къ вечеру, и послѣдній лучъ солнца освѣтилъ его блѣдное, прекрасное лицо. Послѣднее качество не съ разу бросалось въ глаза при взглядѣ на Вильяма Трефольдена. Большинство считало, что у него просто умное лицо. Увлеченные его громаднымъ прямымъ лбомъ, поверхностные наблюдатели едва замѣчали рѣдкую нѣжность и изящество остальныхъ его чертъ. Матовый цвѣтъ лица, граціозная форма его рта и подбородка ускользали отъ ихъ вниманія, даже его большіе, каріе, блестящіе глаза теряли много отъ густыхъ, нависшихъ бровей. Ему было тридцать-восемь лѣтъ отроду, но на взглядъ ему казалось гораздо болѣе. Волоса его были густыя, темныя, съ проблесками кое-гдѣ серебрястой просѣды. Несмотря на то, что былъ очень худъ, онъ былъ такъ статенъ и хорошо сложенъ, что, казалось, не могъ сдѣлать ни одного неграціознаго движенія. Руки его были бѣлыя и небольшія, голосъ отличался пріятностью, а обращеніе было серьезное и изящно вѣжливое. Очень зоркій, наблюдательный глазъ могъ бы замѣтить, быть можетъ, какое-то нервное раздраженіе подъ этой серьезно-изящной наружностью — раздраженіе, которое Вильямъ Трефольденъ всю свою жизнь старался побороть и скрыть. Подъ искусственной ледяной оболочкой въ его натурѣ скрывался огонь, котораго никто изъ окружающихъ и не подозревалъ. Его собственные помощники и писцы, которые его ви-

дѣли каждый божій день, впродолженіе многихъ и многихъ лѣтъ, такъ же мало знали его настоящій характеръ, его внутреннюю жизнь, какъ любой прохожій, который случайно встрѣчался съ нимъ на улицѣ. Они смотрѣли на него съ той же точки зрѣнія, какъ всѣ; они думали о немъ то же, что и всѣ думали. Они знали, что онъ былъ основательно знакомъ со своимъ дѣломъ, имѣлъ желѣзную волю и вѣчѣмъ несокрушимую энергію. Они знали, что онъ могъ сидѣть за работою, когда было нужно, двѣнадцать и даже четырнадцать часовъ не вставая съ мѣста. Они знали, что онъ всегда ходилъ въ старенькомъ платьѣ, вмѣсто завтрака каждый день стѣдалъ нѣсколько сухихъ сухарей, не имѣлъ никакихъ друзей, не принималъ ни отъ кого приглашеній и старательно скрывалъ свою квартиру отъ всѣхъ, даже отъ своего старшаго помощника. Онъ казался имъ серьезнымъ, хитрымъ, осторожнымъ, умнымъ человѣкомъ, немного скуповатымъ, чрезвычайно скрытнымъ и очевидно посвятившимъ всю свою жизнь на увеличеніе своего состоянія. Они точно также были справедливы въ своемъ сужденіи объ этомъ человѣкѣ, какъ тотъ конклавъ кардиналовъ, который избралъ въ папы Сикста V, считывая только на его старость и болѣзнь.

Уже фонари зажгли на улицахъ, а Вильямъ Трефольденъ все еще сидѣлъ въ прежнемъ положеніи, все еще думалъ, думалъ, думалъ. Раза два онъ тяжело вздохнулъ, но голова его все еще покоилась на рукахъ, а глаза были устремлены въ пространство. Наконецъ, онъ, казалось, на что-то рѣшился. Онъ всталъ, позвонилъ въ колокольчикъ, и смявъ листъ бумаги, на которомъ написалъ требованіе мистера Беренса, бросилъ его въ огонь.

Дверь открылась и рыжій писецъ появился на порогѣ.

— Прикажите мнѣ подать лампу, сказалъ мистеръ Трефольденъ:—и попросите мистера Кэвпча пожаловать ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился мистеръ Кэввичъ съ зажженной лампой въ рукахъ.

— Надѣньте абажуръ, Кэввичъ! врывнуль нетерпѣливо Трефольденъ, когда свѣтъ отъ лампы прямо ударилъ ему въ глаза:—вѣдь такъ можно ослѣпнуть!

Старшій писецъ молча повиновался, поглядывая изподлюбы на своего начальниа.

— Вы меня спрашивали, сэръ? сказалъ онъ глухимъ голосомъ.

Мистеръ Кэввичъ былъ маленькій, толстенькій человѣчекъ съ короткой шеей, миниатюрными глазами и ушами, вынесенными на себѣ столько перьевъ, что они торчали отъ головы, какъ ручки въ древнихъ классическихкихъ вазахъ.

— Да, не знаете ли вы, гдѣ хранится старинная копія съ завѣщанія моего прадѣдушки?

— Джэкоба Трефольдена изъ Базингольской улицы, 1760 года? Трефольденъ утвердительно махнулъ головой.

Кэвничъ серьезно задумался, постукивая по жилету своими толстыми пальцами.

— Ну, сэръ, сказалъ онъ, наконецъ:—я не отчаиваюсь найти этотъ документъ.

— Сдѣлайте одолженіе, найдите. Кто теперь въ конторѣ?

— Одинъ мистеръ Горвинъ.

— Попросите Горкина, чтобъ онъ сбѣгалъ и купилъ мнѣ «Путеводитель по Европѣ Брадшо».

Кэвничъ вышелъ изъ комнаты, послалъ рыжаго писца за книжкой, и снявъ съ полки запыленный ящикъ съ документами, вынулъ изъ него старинный пожелтѣвшій пергаментъ, котораго требовалъ Трефольденъ. Но онъ не снесъ его сразу, а положилъ въ ящикъ своей конторки; потомъ онъ взялъ съ другой полки дѣлую охапку старинныхъ документовъ и разложилъ ихъ на своей конторкѣ и на полу. Не успѣлъ онъ еще покончить съ этимъ дѣломъ, какъ Горвинъ воротился съ «Путеводителемъ». Кэвничъ тотчасъ снесъ его Трефольдену.

— А копія? спросилъ тотъ, не подымая глазъ со стариннаго атласа, на которомъ повидимому онъ сосредоточилъ все свое вниманіе.

— Я ищу, сэръ, отвѣчалъ помощникъ.

— Хорошо.

— Я полагаю, сэръ, что можно отпустить Горвина? скоро пять часовъ.

— Конечно. И вы также можете идти, когда найдете завѣщаніе.

Кэвничъ отпустилъ Горкина, и помѣстившись у своей конторки, началъ читать завѣщаніе.

— Тутъ что-то есть! промолвилъ онъ, прочитавъ первую строчку:—я въ этомъ увѣренъ; но что? я слышалъ въ его голосѣ, я видѣлъ въ его лицѣ, что дѣло неладно. Онъ самъ замѣтилъ это и велѣлъ мнѣ надѣть абажуръ на лампу, чтобъ я не могъ разглядѣть перемѣны въ его лицѣ. Но въ чемъ дѣло? Зачѣмъ онъ возится теперь съ старыми картами? Зачѣмъ ему понадобилось завѣщаніе? Онъ никогда прежде его не спрашивалъ. Вѣдь ему не придется ни гроша. Я это очень хорошо помню. Хотя я и читалъ завѣщаніе, но прочту я еще разъ. Человѣкъ никогда не можетъ довольно подробно знать дѣла того,

кому онъ служить.. Увы! объ нашемъ-то и подавно вѣснаго узнаешь! Чертовски скрытный человекъ.

Онъ принялся снова за чтеніе, но вскорѣ опять остановился.

— Зачѣмъ онъ послалъ за «Путеводителемъ»? спросилъ онъ себя: — отчего онъ мнѣ позволилъ уйти, когда здѣсь столько работы? Значить, онъ хочетъ остаться одинъ. Для чего? Куда онъ собирается ѣхать? Чтò онъ затѣваетъ. О! Абель Кэвичъ! Абель Кэвичъ! будь на сторожѣ, смотри въ оба!

Истоцивъ, казалось, запасъ вопросовъ, онъ серьезно принялся за изученіе документа.

— Чтò жь, Кэвичъ, вы нашли завѣщаніе? крикнулъ черезъ нѣсколько времени Трефольденъ, изъ своей комнаты.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ его довѣрѣнный помощникъ, несмотря на то, что уже прочелъ болѣе половины документа: — но я досталъ цѣлый ящикъ старыхъ бумагъ и надѣюсь скоро...

— Хорошо; продолжайте искать, и какъ только оно попадется вамъ подъ руку, такъ несите ко мнѣ.

«Оно подвернется, когда я прочту его», подумалъ Кэвичъ, и дѣйствительно, черезъ пять минутъ появился въ кабинетѣ своего патрона.

— Нашли? хорошо! воскликнулъ стряпчій, поспѣшно протягивая руку.

— Я не знаю, сэръ, то ли это, чтò вамъ нужно, посмотрите сами, отвѣчалъ его помощникъ, принявъ на себя скромно-почтительный видъ.

Трефольденъ, взявъ бумагу изъ рукъ Кэвича, и не посмотрѣлъ даже на нее, а вмѣсто того устремилъ пытливый взоръ на своего помощника.

— Гм, сказалъ онъ, съ едва замѣтной переибыной въ голосѣ: — да, да, это оно и есть. Прощайте.

— Доброй ночи, сэръ.

Трефольденъ очень подозрительно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и промолвилъ про себя: «Фальшивый человекъ! Только шпионы называютъ такъ мало любопытства. Я, право, не удивлюсь, если онъ прочелъ завѣщаніе, прежде нежели мнѣ его подастъ.»

Съ этими мыслями Трефольденъ всталъ со стула, заперъ дверь, и поправивъ лампу принялся за чтеніе документа. Чѣмъ болѣе онъ читалъ, тѣмъ мрачнѣе становилось его лицо; наконецъ, онъ оттолкнулъ отъ себя бумагу, и записалъ какія-то цифры на лоскутѣ бумаги. Потомъ онъ снова обратился къ завѣщанію и снова оставилъ его, перейдя къ цифрамъ. Тысячи различныхъ мыслей, надеждъ, сомнѣній и расчетовъ боролись въ его головѣ. То онъ думалъ молча, то бормоталъ что-то сквозь зубы,

но такъ невнятно, что еслибъ кто нибудь подслушивалъ за дверьми, что было очень вѣроятно, то, конечно, не разслышалъ бы ни одного слова.

Взявъ со стола календарь, онъ посмотрѣлъ, сколько дней оставалось до 22 марта. Теперь было четвертое, значить—оставалось ровно восемнадцать дней. Черезъ восемнадцать дней окончится длинное, безконечное столѣтіе, во время котораго полмилльона Джэкоба Трефольдена росли и увеличивались, процентъ на процентъ—столѣтіе, во время котораго цѣлыя поколѣнія родились, жили и умерли. И до какой страшной цифры возрасло знаменитое наслѣдство! Оно равнялось теперь девяти милльонамъ пятистамъ пятидесяти-двумъ тысячамъ, четырестамъ и нѣсколькимъ фунтамъ! Трефольдену казалось, что это были слова, одни слова, которыхъ никакой умъ человѣческій не могъ ясно представить. Ему казалось, что это все равно какъ измѣрить дѣйствительное состояніе между землей и солнцемъ. Это гигантское наслѣдство должно было раздѣлиться на двѣ половины: одна половина прямому наслѣднику, другая—на богоугодное дѣло. Половина! и та даже поражала его своей громадностью! Даже половина равнялась четыремъ милльонамъ семистамъ и нѣсколькимъ фунтамъ! Обѣ суммы были такъ велики, что онѣ одинаково его поражали.

Онъ взялъ перо и сдѣлалъ поспѣшно маленькій расчетъ. Полагая по пяти процентовъ—а это было во всякомъ случаѣ возможно—половина наслѣдства принесла бы въ годъ доходу двѣсти-тридцать тысячъ въ годъ! Прекрасное состояніе, безспорно, но многіе англійскіе лорды получаютъ гораздо болѣе, и даже онъ, бѣдный страпчій, не затруднился бы, какъ израсходовать это состояніе.

И это великолѣпное наслѣдство могло, должно было достаться ему, еслибъ не проклятая судьба! Оно могло быть его, а теперь кому оно пойдетъ? Къ чужому, иноплеменнику, грубому, необразованному дикарю, который, вѣроятно, не знаетъ самого языка его праотцевъ! О, горькая несправедливость! Не имѣлъ ли онъ полнаго права на это состояніе? Не находился ли онъ въ точно такомъ же родствѣ къ завѣщателю? Развѣ справедливо было, чтобъ потомокъ старшаго сына утопалъ въ роскоши, а потомокъ младшаго стоялъ бы на краю погибели и разоренія? Еслибы хоть постановлено было раздѣлить состояніе между живущими потомками, то они бы оба были богаты, но теперь...

Онъ вскочилъ блѣдный, разстроенный, и въ неописанномъ волненіи началъ ходить по комнатѣ.

Но теперь, очевидно, этотъ мальчишка былъ злѣйшій врагъ Трефольдена, и онъ имѣлъ полное право его ненавидѣть. Вильямъ

Трефольденъ былъ отчаянный человѣкъ. Не присвоилъ ли онъ себѣ двадцать-пять тысячъ фунтовъ, которые лордъ Кастльтауерсъ доставилъ ему два года тому назадъ, для уплаты закладной, и не грозили ли ему теперь разореніе и позоръ? Поставивъ все, и свое честное имя и свою безопасность на одну карту, могъ ли онъ теперь колебаться и не вступить въ жестокую, роковую борьбу съ его злѣйшимъ врагомъ, обладателемъ миліоновъ?

На лицѣ его показалась вызывающая улыбка торжества и его уважительный палецъ быстро забѣгалъ по картѣ, лежавшей передъ нимъ. Изъ Дувра въ Кале, изъ Кале въ Базель, изъ Базеля въ Цюрихъ, изъ Цюриха въ Куръ. Въ Курѣ желѣзныя дороги прекращаются, но эмигрантъ Трефольденъ не могли жить далеко отъ Кура. Путешествіе туда возьметъ не болѣе трехъ-четырехъ дней. Онъ отправится въ путь завтра же.

Рѣшившись что дѣлать, Вильямъ Трефольденъ сталъ снова прежнимъ, хладнокровнымъ, методическимъ человѣкомъ, и всякая тѣнь смущенія или безпокойства исчезла съ его лица. Положивъ путеводитель въ карманъ, онъ написалъ поспѣшно нѣсколько строкъ своему помощнику, жжегъ листъ бумаги, на которомъ дѣлалъ расчетъ, и заперевъ свою конторку, вышелъ изъ комнаты.

— Безъ четверти семь, воскликнулъ онъ, взглянувъ на часы: — экъ я нынче опоздалъ!

Онъ сказалъ это громко, полагая, что былъ одинъ, но въ величайшему своему удивленію, онъ увидѣлъ за конторкой Кэвича, прилежно писавшаго какую-то бумагу.

— Вы здѣсь, Кэвичъ! съ неудовольствіемъ произнесъ Трефольденъ: — вѣдь я сказалъ, что вы можете идти.

— Да, сэръ, отвѣчалъ Кэвичъ очень спокойно:—но надо было написать одну весьма важную бумагу, и потому я не воспользовался вашимъ позволеніемъ.

Трефольденъ закусилъ губу.

— Я только что написалъ вамъ, что уѣзжаю изъ городу на двѣ недѣли. Пересылайте мнѣ всѣ письма съ надписью: въ собственныхъ руки.

— Куда прикажете, сэръ?

— Вы найдете здѣсь адресъ, отвѣчалъ Трефольденъ, бросая на конторку свою записку.

— Я очень радъ, что вы наконецъ позволяете себѣ хоть небольшое развлеченіе, замѣтилъ Кэвичъ, и ни малѣйшая тѣнь удивленія или любопытства не показала на его безчувственномъ, холодномъ лицѣ:—извините за смѣлость.

— Благодарствуйте, сказалъ Трефольденъ послѣ минутнаго колебанія: — но я ѣду не для забавы, а мнѣ нужно навѣстить

одного родственника, котораго я непростительно забылъ. Пройдите.

Съ этими словами, онъ вышелъ изъ комнаты и медленно спустился съ лѣстницы. Внизу, въ сѣняхъ, онъ остановился и нѣсколько минутъ прислушивался; выйдя же на улицу, сталъ подозрительно поглядывать на окошки.

— Странно, промолвилъ онъ: — я никогда не подозрѣвалъ такъ этого человѣка, какъ сегодня!

Потомъ онъ окинулъ взоромъ всю улицу, застегнулъ доверху пальто и быстрыми шагами пошелъ по направленію въ Гольборну. Дойдя до угла этой улицы, онъ вдругъ остановился, пораженный какой-то неожиданной мыслью, и поспѣшно свернулъ подъ ближайшія ворота. На нѣсколько сажень не было фонарей, и потому подъ воротами царствовала совершенная темнота. Тутъ-то, наостривъ уши и притавивъ дыханіе, онъ сталъ кого-то поджидать.

Вскорѣ, несмотря на окружающій его шумъ, онъ ясно услышалъ приближающіеся шаги, но столь легкіе и быстрые, что Трефольденъ подумалъ: не ошибся ли онъ? Но почти тотчасъ же его привычное ухо отгадало по какому-то странному звуку въ воздухѣ, что человѣкъ, котораго онъ ждалъ, бѣжалъ со всѣхъ ногъ.

— Мерзавецъ! воскликнулъ Трефольденъ, сжимая кулаки и стиснувъ зубы.

Шаги слышались все ближе и ближе, и наконецъ, противъ самыхъ воротъ, появился мистеръ Абель Кэввичъ, едва переводя духъ отъ изнеможенія и видимо смущенный тѣмъ, что тотъ, кого онъ преслѣдовалъ, вдругъ пропалъ изъ виду.

Онъ недолго недоумѣвалъ, куда исчезъ его патронъ, ибо Вильямъ Трефольденъ съ быстротою пантеры бросился на него и нанесъ ему такой страшный ударъ, что несчастный отлетѣлъ на нѣсколько шаговъ и ударился со всего размаху о стѣну сосѣдняго дома.

— Собака! воскликнулъ Трефольденъ внѣ себя отъ гнѣва: — какъ ты смѣешь шпионить за мною? Я ужъ давно тебя подозрѣвалъ, но совѣтую тебѣ не давать мнѣ болѣе случая убѣдиться на дѣлѣ въ справедливости моихъ подозрѣній. Если я еще разъ тебя пойму въ этой опасной игрѣ, то клянусь Богомъ, ты будешь раскayваться въ этомъ до гробовой доски. Ну, теперь ступай и будь благодаренъ, что такъ дешево отдѣлался.

Съ этими словами Вильямъ Трефольденъ пошелъ дагѣ своей дорогой, не удостоивъ даже взглянуть на группу мальчишекъ, которые съ громкимъ смѣхомъ любовались пріятнымъ ихъ сердцу зрѣлищемъ.

Что же касается до Абея Кэввича, то онъ съ трудомъ поднялся, и присѣвъ на сосѣдній подъѣздъ, долго не могъ придти въ себя. Наконецъ, когда онъ почувствовалъ въ себѣ довольно силы, чтобъ воротиться домой, онъ всталъ и медленно пошелъ по улицѣ.

— Я вамъ отомщу, мистеръ Трефольденъ, бормоталъ онъ въ порывѣ безсильной злобы: — я вамъ отомщу, хотя бы мнѣ это стоило жизни. Вы что-то скрываете ото всѣхъ, но вамъ не удастся скрыть это отъ меня. Я узнаю, гдѣ вы живете и что вы дѣлаете съ своими деньгами! Я открою тайну вашей жизни, и тогда посмотримъ, кто изъ насъ будетъ баринъ, и кто слуга!

IV.

Замокъ Родбергъ.

На всемъ своемъ протяженіи отъ швейцарскихъ ледниковъ до песчаныхъ береговъ Зюдерзе, великій Рейнъ не протекаетъ нигдѣ мимо такой живописной, дивной, и высоко-любезной мѣстности, какъ въ маленькой уединенной долинѣ, лежащей между Куромъ и Тузисомъ въ Граубюнденскомъ кантонѣ. Провѣзкій путешественникъ, торопашійся на Шпюгенъ, и странствующій художникъ, стремящійся въ Италію, одинаково спѣшатъ мимо, не обращая даже взгляда на сѣроватые верхи горъ, возвышающіеся надъ дорогой, или на каменное русло рѣки, протекающей подъ ихъ ногами. Они не подозреваютъ, какія прелестныя, зеленныя долины, тѣнистыя, извинаящіяся ущелья, историческія развалины и лощины, усѣянныя тысячами благоухающихъ цвѣтовъ, скрываются за уступами сосѣднихъ горъ. Они не вѣдаютъ, что въ иныхъ древнихъ развалинахъ, на которыхъ даже и плющъ давно заглохъ, живутъ воспоминанія о временахъ, предшествовавшихъ Христу на нѣсколько столѣтій, или что въ маленькихъ хижинахъ, которыя лѣпятся по уступамъ почти отвѣсныхъ скалъ какъ ласточкины гнѣзды, еще говорятъ языкомъ, невѣдомымъ остальной Европѣ. Только историкъ и археологъ съ любопытствомъ иногда вспоминаютъ, что въ этомъ языкѣ сохранились послѣдніе остатки забытаго, исчезнувшаго нарѣчія, что въ днѣхъ, горныхъ жителяхъ, говорящихъ этимъ языкомъ, течетъ еще кровь исчезнувшаго великаго, таинственнаго народа.

Такимъ образомъ и Вильямъ Трефольденъ, который не былъ ни археологомъ, ни историкомъ, а только блестящимъ, свѣтскимъ человѣкомъ, занятый въ настоящую минуту тысячью различными планами, толпившимися въ его головѣ, не зналъ, да и не хотѣлъ

ничего знать объ этихъ рѣдкостяхъ; онъ шелъ по долину Домленга, не обращая никакого вниманія ни на народъ, обитавшій тамъ, ни на старинныя преданія.

Было три часа пополудни, на четвертый день по его отъѣздѣ изъ Лондона. Изъ трехъ ночей онъ былъ двѣ въ дорогѣ, но несмотря на это, глаза его нисколько не потеряли своего блеска, и щоки не стали блѣднѣе. Идя по тѣнистой дорогѣ и посматривая повременамъ на залитые солнечнымъ свѣтомъ верхи горъ, онъ, казалось, выступалъ свободнѣе, увѣреннѣе и вообще держалъ себя съ гораздо болѣе большимъ достоинствомъ. Въ одеждѣ его не видно было ни малѣйшихъ слѣдовъ путешествія или усталости. Старый, полинявшій сюртукъ, который онъ всегда носилъ въ своей конторѣ, замѣнился теперь новомоднымъ, неопредѣленного цвѣта сукномъ. Его бѣлье и перчатки были безукоризненной свѣжести. Даже на сапогахъ почти не было ни пылинки, хотя онъ и шелъ пѣшкомъ. Словомъ, онъ былъ такъ хорошо одѣтъ и такъ мало походилъ на себя, что наврядъ ли бы самъ зоркій Абель Кэввичъ узналъ своего патрона, еслибъ по какой-нибудь случайности встрѣтилъ его теперь на уединенной швейцарской дорогѣ.

Какъ онъ ни былъ погруженъ въ мысли, однако время отъ времени Трефольденъ внимательно осматривался, чтобъ быть вполне увѣреннымъ, что онъ не сбился съ дороги. Деревня, изъ которой онъ вышелъ, осталась уже въ двухъ миляхъ позади, и кромѣ полуразвалившейся башни на высокой скалѣ, футовъ восемьдесятъ надъ его головой—ни впереди, ни по сторонамъ не видно было ни одного строенія. Рейвъ катилъ мимо свои сѣрыя волны, все еще мутныя отъ близости ледниковъ. По откосамъ горъ возвышались сосновыя рощи, а внизу, въ долинахъ, паслись стада темношерстныхъ козъ, оглашавшихъ воздухъ звукомъ своихъ колокольчиковъ. Далеко надъ головами простирался цѣлый мѣръ луговъ, полей, огородовъ, скромныхъ хижинъ, казавшихся какими-то игрушечными домиками—и все это возвышалось, терраса надъ террасой, между гигантскими гранитными ущельями и пропастями. А еще выше бѣлѣли обнаженные скалы и уединенныя ели, покрытыя снѣгомъ, направо же далеко-далеко поднималась къ небу гора, выше всѣхъ сосѣднихъ горъ и съ вершины ея висѣлъ въ воздухѣ громадный ледникъ, блестящій и искрившійся на солнцѣ.

Но Вильямъ Трефольденъ не смотрѣлъ на это великолѣпное зрѣлище. Для него въ эту минуту горы были только указательными столбами, а солнце—лампой, освѣщавшей ему путь. Онъ ждалъ теперь крутого поворота дороги, чтобъ свернуть на ма-

ленькую тропинку, которая, какъ ему сказали, должна была привести его въ замку Родбергъ. Онъ зналъ, что онъ еще не прошелъ мимо этого поворота, а долженъ съ нимъ скоро поравняться. Вдругъ, вдали, въ высотѣ, явственно раздался звонъ церковнаго колокола. Трефольденъ остановился, посмотрѣлъ на часы, и еще прибавилъ шагу. Было уже безъ четверти три, а ему необходимо было достичь своего назначенія какъ можно ранѣе, чтобъ успѣть воротиться до ночи въ Рейхенау. Наконецъ, дорога круто повернула въ сторону, и онъ, увидѣвъ давно ожидаемую тропинку, пошелъ по ней такими твердыми, увѣренными шагами, словно онъ тутъ ходилъ каждый день.

Мало-по-малу шумъ рѣки замеръ, и уединенно-раскинутыя сосны превратились въ густую тѣнистую рощу. Тропинка пошла въ гору, и выйдя на открытую поляну, снова черезъ нѣсколько времени привела ко второй сосновой рощи, возвышавшейся на такомъ крутомъ откосѣ, что тропинка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимала видъ дикой, первобытной лѣстницы изъ большихъ камней и пней. Подыматься было очень трудно, но это продолжалось недолго, и черезъ нѣсколько минутъ Трефольденъ увидѣлъ свѣтъ солнечныхъ лучей, пробивавшихся сквозь деревья. Потомъ, неожиданно, мохъ подъ его ногами принялъ золотистый оттѣнокъ, и онъ очутился на краю открытой плоскости, возвышавшейся футовъ на четыреста надъ большой дорогой, по которой онъ пришелъ. Передъ нимъ протекалъ Рейнъ, гораздо тише и уже темно-стального цвѣта; долина же простиралась на многія мили—широкая рейнская долина, окаймленная на горизонтѣ бѣлѣвшими Альпами. Вблизи же, въ нѣсколькихъ саженахъ отъ того мѣста, на которомъ стоялъ Трефольденъ, возвышались старинныя, обросшія плющемъ стѣны Ропберга.

Такъ вотъ тотъ домъ, гдѣ поселился старшій сынъ его пра-дѣда, ровно сто лѣтъ тому назадъ — гдѣ родился законный наследникъ громаднаго состоянія! Вильямъ Трефольденъ горько, презрительно улыбнулся, взглянувъ на этотъ замокъ — цѣль своего странствованія.

Это было чисто-швейцарское, средневѣковое зданіе, совершенно неправильное и состоявшее изъ соединенія четырехъ или пяти башенъ, различной величины и высоты. Крыши были на всѣхъ одинаковы, высочія, аспидныя съ флюгеромъ на остріѣ; самая бѣдшая изъ башенъ была вся въ развалинахъ, и покрыта сверху донизу зеленымъ плющемъ. Остальная часть замка также не вся была обитаема; множество оконъ было закрыто ставнями, и только на нѣкоторыхъ виднѣлись лохмотья кисей вѣсто занавѣсокъ, и два-три горшка съ цвѣтами. Къ югу отъ дома, простиралась

невысокая каменная стѣна, окружавшая небольшой дворъ, в посреди которой возвышались старинныя ворота съ большимъ гербомъ наверху, на которомъ птицы вили гнѣзда.

Ни одна изъ этихъ подробностей не ускользнула отъ зорваго взгляда Вильяма Трефольдена. Онъ въ одну минуту увидѣлъ и созналъ все — бѣдность, живописность и запущенность этого мѣста. Перейдя черезъ поляну передъ замкомъ, онъ увидѣлъ крутую дорогу, спускавшуюся внизъ въ долину, и тотчасъ замѣтилъ, что на ней не было видно слѣдовъ экипажей. Въ воротахъ онъ обратилъ вниманіе на гербъ, въ которомъ всѣ геральдическіе знаки были уничтожены, очевидно человѣческой рукой. Точно такъ же, онъ ничего не пропустилъ и на дворѣ: примѣтилъ и траву, выросшую между камнями мостовой, и пустую собачью конуру въ углѣ, и старинный, заросшій мхомъ колодезь.

Дверь замка, массивная, дубовая, съ желѣзными скобками и тяжелымъ засовомъ, была полуоткрыта. Вильямъ Трефольденъ посмотрѣлъ во всѣ стороны, ища колокольчика, но его не было. Онъ постучалъ кулакомъ, но никто не явился. Онъ громко крикнулъ — но никто не отвѣчалъ. Наконецъ, потерявъ терпѣніе, онъ просто вошелъ.

Онъ очутился въ каменныхъ сѣняхъ, неправильной формы, съ стариннымъ каминомъ съ одной стороны и съ большимъ новѣйшаго рисунка окошкомъ съ другой. Потолокъ былъ низкій и балки, поддерживавшія его, совершенно почернѣли отъ времени и дыму. Нѣсколько стульевъ и скамеекъ старинной формы, экранъ, большой дубовый столъ, на которомъ лежала какая-то газета и грубой работы серебряныя очки, любопытныя швейцарскіе часы съ маленькой фигурой, стоявшей на часахъ надъ циферблатомъ, прялка и пресъ для бѣлья — вотъ вся мѣбель, находившаяся въ этой комнатѣ. Нѣсколько тяжелыхъ нѣмецкихъ ружей стояло за дверью, а старинная сабля и пожелтѣвшій пергаментъ въ черной рамкѣ висѣли на каминѣ. Прямо противъ двери находилась другая дверь, также полуоткрытая, и за нею видѣлся садъ.

Оглянувъ съ порога эту скромную комнату и убѣдившись, что онъ одинъ. Вильямъ Трефольденъ подошелъ къ камину и сталъ на свободѣ разсматривать пергаментъ. Это былъ указъ объ отставкѣ капитана Джексона, подписанный его величествомъ королемъ Георгомъ II въ 1748 году. Обратившись къ газетѣ, лежавшей на столѣ, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что она была напечатана на неизвѣстномъ ему языкѣ — языкѣ, который не былъ ни французскимъ, ни итальянскимъ, ни испанскимъ, но въ то же время походилъ на всѣ три. Газета называлась: «Amity del Pievel».

Посмотрѣвъ съ любопытствомъ въ продолженіе нѣсколькихъ ми-

нуть на эту диковину, онъ положилъ газету на столъ и прошелъ черезъ вторую дверь въ садъ.

Тутъ, по крайней-мѣрѣ, онъ надѣялся найти хоть кого-нибудь изъ обитателей замка, но и тамъ никого не было; самый же садъ оказался простымъ огородомъ, въ которомъ не было никакихъ произрастеній выше капусты, картофеля, салата и крыжовника. Трефольденъ началъ уже сомнѣваться, не покинули ли его швейцарскіе родственники свой замокъ.

Но идя медленно вдоль боковой дорожки, окаймленной высокой изгородью, онъ неожиданно услышалъ голоса, повидимому, не очень вдалькѣ. Онъ остановился, прислушался, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, и пришелъ къ тому заключенію, что голоса доходили до него откуда-то снизу. Онъ продолжалъ идти, и вскорѣ нашелъ отверстіе въ изгороди: откуда маленькая, вырубленная въ скалѣ лѣстница вела внизъ футовъ на двадцать къ небольшой плантаціи фруктовыхъ деревъ, лѣпившихся на самомъ краю пропасти, отъ которой ихъ отдѣлялъ только легкій заборъ. Съ этой площадки, обращенной къ западу, отрывался великолѣпный видъ на всю долину, и въ одномъ углу ея стояла сельская бесѣдка, покрытая индійскою соломой. Къ этой-то бесѣдкѣ направилъ свои шаги Вильямъ Трефольденъ, черезъ высокую, густую траву.

Когда онъ приблизился къ ней, то снова услышалъ тѣ же звуки, которые до него долетали внизу. Но теперь слышался только одинъ голосъ мужской—и ясно было, что онъ читалъ, но на какомъ языкѣ онъ читалъ? Не повѣмецки, не на томъ странномъ языкѣ, на которомъ напечатана «Amity del Pievel», конечно, не латыни. Неужели возможно, чтобъ это было гречески?

Вильямъ Трефольденъ почти позабылъ греческій языкъ въ тѣ восемнадцать лѣтъ, которыя протекли съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ итонской коллегіи, но онъ не могъ сомнѣваться, что звучные періоды, лившіеся изъ устъ чтеца, были дѣйствительно греческіе. Онъ даже узналъ самыя слова. Это было знаменитое описаніе садовъ Тразидама, Теокрита сицилійскаго. Трефольденъ едва върилъ своимъ ушамъ. Теокритъ! въ долинѣ Домлешга! Теокритъ въ устахъ такихъ дикахъ варваровъ, какъ обитатели Родбергскаго замка!

Наконецъ, читавшій умолкъ и Вильямъ Трефольденъ поспѣшно подошелъ къ двери бесѣдки. Въ ней сидѣли только двое: старикъ, бурившій нѣмецкую трубку, и молодой человекъ, наклонившійся надъ книжкой. Оба взглянули на него съ удивленіемъ и тотчасъ привстали съ инстинктивною учтивостью.

— Извините, сказалъ Трефольденъ, снимая шляпу:— я боюсь, что слишкомъ безцеремонно ворвался къ вамъ и...

Онъ вдругъ остановился, замѣтивъ, что по привычкѣ началъ говорить поанглійски, тогда какъ, въ граубинденскомъ кантонѣ онъ обыкновенно объяснялся пофранцузски, какъ на языкѣ самомъ понятномъ для туземцевъ.

Но старикъ учтиво поклонился, положилъ трубку на столъ и отвѣчалъ самымъ правильнымъ, чистымъ англійскимъ языкомъ:

— Добро пожаловать, сэръ, кто бы вы ни были.

— Я, вѣжета, имѣю удовольствіе говорить съ родственникомъ, замѣтилъ страпцій: — я Вильямъ Трефольденъ.

Старикъ сдѣлалъ два шага впередъ, взялъ его за обѣ руки и къ величайшему удивленію поцаловалъ его въ обѣ щеки.

— Родственникъ! сказалъ онъ: — тѣмъ болѣе добро пожаловать. Саксенъ, мой сынъ, подалуй твоего родственника..

V.

Вильямъ Трефольденъ влѣже знакомится съ своими родственниками.

Трефольденъ взялъ соломенный стулъ, поданный ему молодымъ челоуѣкомъ, и поставилъ его прямо противъ двери, говоря, что ему трудно смотрѣть на свѣтъ. Старикъ занялъ свое прежнее мѣсто, а молодой челоуѣкъ остался на ногахъ. Они оба смотрѣли на пришедшаго очень радушно, но съ большимъ любовитствомъ; впродолженіе нѣсколькихъ минутъ никто не говорилъ ни слова.

Старшій родственникъ мштера Трефольдена былъ слабый, блѣдный, сѣдой старикъ съ блестящими, черными глазами, съ тонкими губами, дрожащими, когда онъ говорилъ что-нибудь съ живостью. Младшій же былъ высокій, широкоплечій, здоровенный юноша съ дѣтской улыбкой на устахъ и цѣлымъ лѣсомъ густыхъ, золотистыхъ русыхъ волосъ, низпадавшихъ волнистыми кудрями по его плечамъ. Его брови и рѣсницы были немного темнѣе волосъ; а глаза глядѣли изъ-подъ нихъ съ тѣмъ выраженіемъ, которое мы часто встрѣчаемъ у дѣтей. Однимъ словомъ, это былъ отличный образчикъ челоуѣческой породы, какой только можно было найти между Лондономъ и долиной Домлешга и даже, можетъ быть, на гораздо большемъ разстояніи. Трефольденъ не могъ этого не признать съ перваго взгляда.

Старикъ первый прервалъ молчаніе.

— Вы, конечно, не могли найти сюда дорогу безъ проводника? сказалъ онъ.

— Нѣтъ, я пришелъ одинъ, отвѣчалъ страпцій: — прогулка была отличная и я не нашелъ большихъ трудностей.

— Вы изъ Кура?

— Нѣтъ, изъ Рейхенау. Я остановился въ гостиницѣ *Орелъ*. Мой хозяинъ растолковалъ мнѣ дорогу и мнѣ было гораздо легче найти ее, чѣмъ идти по ней.

— А! вы пришли по тропинкѣ. Она въ ужасномъ запустѣннн, и чужестранцу, конечно, должна была показаться очень крутой. Саксенъ, поди и попроси Кетли, чтобъ она приготовила ужинъ и откупорила бутылку вина. Нашъ родственникъ вѣрно утомился отъ прогулки.

Трефольденъ поспѣшилъ отказаться, но старикъ и слышать не хотѣлъ, говоря, что онъ долженъ, по крайней-мѣрѣ, предомыть хлѣбъ и выпить вина съ ними. Трефольденъ, вида, что старикъ считалъ это какииъ-то важнымъ патриархальнымъ обрядомъ, принужденъ былъ, наконецъ, согласиться.

— Вы можете по справедливости гордиться своимъ сыномъ, сэръ, сказалъ онъ, смотря вслѣдъ удаляющемуся юношѣ.

Старикъ улыбнулся и лицо его приняло очень нѣжное, добродушное выраженіе.

— Онъ моя единственная радость и надежда! отвѣчалъ старикъ: — но онъ не мой сынъ. Онъ сынъ моего дорогого брата, который умеръ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.

Трефольденъ слышалъ уже объ этомъ въ Рейхенау, но, несмотря на это, онъ произнесъ: Неужели! и принялъ на себя видъ, что его очень интересуеъ разговоръ.

— Братъ мой былъ фермеръ, а я лютеранскій пасторъ. Онъ женился очень поздно, я же всю свою жизнь провелъ холостикомъ.

— А жена вашего брата еще жива? спросилъ Трефольденъ.

— Нѣтъ, она умерла черезъ два года, послѣ рожденія сына. Когда умеръ потомъ и мой братъ, то я заступилъ Саксену мѣсто отца и матери. Онъ называетъ меня отцомъ, а я его—сыномъ. И я, право, не думаю, чтобъ я могъ его любить болѣе, еслибъ онъ былъ подлинно моей плотью и кровью. Я былъ его единственнымъ наставникомъ и выучилъ всему, что самъ знаю. Мнѣ открыты всѣ помыслы его сердца. Онъ то, чѣмъ сдѣлалъ его Богъ и мое ученье.

— Онъ во всякомъ случаѣ молодецъ! сказалъ сухо Трефольденъ.

— Мой братъ былъ почти такъ же высокъ и красивъ, произнесъ пасторъ со вздохомъ.

— А сколько ему лѣтъ? спросилъ страпцій.

— Ему минуло двадцать-два, 30-го декабря прошлаго года.

— Я бы не далъ ему болѣе двадцати лѣтъ.

— Ему теперь двадцать-два года и четыре мѣсяца. Онъ полный человѣкъ по годамъ, росту, силѣ и знаніямъ, но ребенокъ сердцемъ, замѣтите—ребенокъ сердцемъ.

— Тѣмъ лучше для него, сказалъ Трефольденъ очень спокойно и съ пріятной улыбкой:—многіе изъ величайшихъ людей на свѣтѣ были дѣти сердцемъ до конца жизни.

— Я не желаю, чтобъ мой Саксенъ сдѣлался великимъ человекомъ, поспѣшно возразилъ пасторъ:—Боже избави! я старался сдѣлать его хорошимъ, добрымъ человекомъ. И этого довольно!

— Я не сомнѣваюсь, что вы вполне успѣли въ своихъ стараніяхъ.

Старикъ посмотрѣлъ на него съ безпокойствомъ.

— Я старался, произнесъ онъ:—но не знаю, шелъ ли я настоящимъ, истиннымъ путемъ. Я воспитывалъ его согласно своимъ понятіямъ, но я могъ ошибаться. Я, можетъ быть, не исполнилъ своего долга, но я стремился его исполнить. Я усердно молилъ Бога, чтобъ онъ просвѣтилъ меня и благословилъ мои труды. Я долго вѣрилъ, что молитвы мои услышаны, но въ послѣднее время въ головѣ моей зародились сомнѣнія, тяжелыя и горькія сомнѣнія.

— Я убѣжденъ, что они неосновательны, замѣтилъ мистеръ Трефольденъ.

Пасторъ покачалъ головой; онъ видимо былъ очень взволнованъ.

— Вы такъ говорите потому, что не знаете всего, отвѣчалъ онъ:—я не могу теперь съ вами говорить откровенно... отложимъ лучше до другого раза, когда намъ можно будетъ остаться долѣе наединѣ. Теперь же я благодарю небо, что оно васъ привело сюда. Вы—единственный нашъ родственникъ, оставшійся въ живыхъ, вы знаете свѣтъ и посоветуете мнѣ, что дѣлать. Вы будете добры къ нему. Я въ этомъ увѣренъ, я это вижу по вашему лицу.

— Я буду очень радъ откровенно поговорить съ вами о молодомъ человѣкѣ и помочь вамъ своими совѣтами, на сколько могу.

— Да благословить васъ Богъ! сказалъ пасторъ и пожалъ ему руку черезъ столъ.

Въ ту же самую минуту послышались голоса съ противоположнаго конца террасы.

— Еще одно слово! воскликнулъ съ необыкновенною живостью Мартинъ:—вы знаете исторію нашего семейства и какой срокъ приближается?

— Да.

— Ни слова объ этомъ при *намъ*, прежде чѣмъ мы съ вами основательно переговоримъ. Тише, онъ идетъ.

Въ ту же минуту въ дверяхъ показалась длинная фигура Саксена, почти совсѣмъ заслонившая свѣтъ. Онъ держалъ въ рукахъ блюдо и бутылку, за нимъ же слѣдовала здоровая деревенская баба съ тарелками и стаканами.

— Вечеръ такой теплый, что я думалъ, что нашему родственнику будетъ, вѣрно, пріятнѣе ужинать на чистомъ воздухѣ; потому мы съ Кетли и принесли все сюда.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ Трефольденъ:— вы какъ нельзя лучше отгадали мое желаніе. Къ слову, Саксенъ, я долженъ сказать вамъ много лестнаго о вашемъ чтеніи погречески. Теовритъ — мой старый пріятель, и вы его читаете замѣчательно хорошо.

Молодой человѣкъ, который только-что взялъ книгу со стола и помогаль разостлать скатерть, покраснѣлъ, какъ молодая дѣвушка.

— Онъ и Анакреонъ были моими любимыми поэтами, прибавилъ стряпчій:— но это было уже такъ давно, что я, кажется, ничего не помню ни изъ того, ни изъ другого.

— Я не читалъ Анакреона, сказалъ Саксенъ:— но изъ поэтовъ, которыхъ я знаю, я люблю всѣхъ болѣе Гомера.

— И то, конечно, за описанія сраженій, замѣтилъ его дядя съ улыбкой.

— Такъ что жь, если сраженія у него такія великолѣпныя!

— Такъ вы предпочитаете Илиаду Одиссеи? сказалъ Трефольденъ:— меня же всегда болѣе занимали приключенія Улисса. Театръ дѣйствія такъ живописенъ и разнообразенъ, и самая сказка такъ завлекательна и романтична.

— Я не люблю Улисса: онъ такой хитрый.

— Тѣмъ онъ естественнѣе, отвѣчалъ Трефольденъ:— всѣ греки были хитры, и Улиссъ—настоящій представитель своихъ соотечественниковъ.

— Я не могу простить ему его хитрость, на этомъ основаніи. Герой долженъ быть лучше окружающихъ его, иначе онъ не герой.

— Это правда, сынъ мой, замѣтилъ пасторъ.

— Я согласенъ, что герои Гомера не Баярды, но все же великіе люди, возразилъ Трефольденъ, отстаивая свое мнѣніе, не столько по убѣжденію, сколько изъ желанія вывѣдать, какъ думаютъ и понимаютъ вещи его швейцарскіе родственники.

— Улиссъ не былъ великій человѣкъ, отвѣчалъ Саксенъ съ жаромъ:— тѣмъ менѣе герой.

— Весь свѣтъ держится противнаго мнѣнія, сказалъ Трефольденъ съ улыбкой.

— Свѣтъ ослѣпленъ преданіями, отвѣчалъ Саксенъ:— можетъ ли быть человѣкъ героемъ и воровать? Быть героемъ и лгать? Быть героемъ и бояться себя назвать по имени? Тель изъ Альторфа не былъ такимъ человѣкомъ. Когда Геслеръ спросилъ его о второй стрѣлѣ, онъ сказалъ правду и готовъ былъ за нее умереть.

— Вы энтузіастъ и поклонникъ героевъ, замѣтилъ шутя Трефольденъ.

Молодой человѣкъ покраснѣлъ еще сильнѣе прежняго.

— Я ненавижу Улисса, прибавилъ Саксенъ:— онъ презрѣнный человѣкъ! и я не вѣрю даже, что Гомеръ написалъ Одиссею.

Послѣ этого онъ сказалъ нѣсколько словъ Кетли, на какомъ-то неизвѣстномъ языкѣ, и та, отвѣтивъ ему поспѣшно, удалилась.

— Какое странное нарѣчіе! сказалъ Трефольденъ:— я, кажется, видѣлъ, проходя по дому, газету, напечатанную на немъ.

— Да, но это не нарѣчіе, отвѣчалъ пасторъ, усаживаясь за столъ:— это языкъ самобытный, богатый, сильный, благозвучный и который гораздо древнѣе латинскаго.

— Ваши слова удивляютъ меня!

— Современное названіе этого языка — рето-романскій, продолжалъ старикъ:— если жъ вы желаете знать его древнее названіе, то я долженъ обратитъ ваше вниманіе на эпоху, предшествовавшую многими столѣтіями основанію Рима, а можетъ быть и Альбы-Донги. Но отчего вы ничего не ѣдите, любезный родственникъ?

— Мнѣ, право не хочется, отвѣчалъ Трефольденъ, которому, по совѣсти сказать, не очень понравились сыръ изъ козьяго молока и салатъ:— къ тому же меня очень интересуеетъ этотъ разговоръ.

Лицо пастора просіяло.

— Я очень радъ, произнесъ онъ съ живостью:— я очень радъ. Этому предмету я посвятилъ все свободное время своей долгой жизни.

— Но вы мнѣ еще не сказали древняго названія этого романскаго языка.

Тутъ Саксенъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на старика, но тотъ перебилъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, снѣ мой, произнесъ онъ:— я лучше тебя знаю все, что касается до этого предмета; дай мнѣ объяснить нашему гостю мою теорію.

Молодой человекъ перегнулся черезъ столъ и шепнулъ старику на ухо:

— Такъ будьте какъ можно вратче, милый батюшка.

Эти слова долетѣли до чуткаго уха Трефольдена, несмотря на то, что были произнесены очень тихо. Судьба, казалось, покровительствовала ему въ этотъ вечеръ и давала случай узнать характеры его родственниковъ съ различныхъ сторонъ.

Пасторъ нетерпѣливо кивнулъ головой и торжественно началъ длинную рѣчь; очевидно было, что этотъ предметъ былъ его любимымъ конькомъ.

— Посмотрите на окружающія насъ горы. Онѣ носятъ мѣстныя прозвища: Голанда, Ронгель, Албула и т. д., но онѣ имѣютъ и одно общее названіе: Ретійскихъ Альпъ. Между этими горами лежитъ множество долинъ, изъ которыхъ главная наша Задне-Рейнская. Вонъ тамъ находятся горныя проходы Шплугенскій и Стельвійскій, а за ними простирается Ломбардская низменность. Вы, конечно, все это знаете и безъ меня, но для моего объясненія необходимо, чтобъ вы имѣли вѣрное понятіе о географическомъ положеніи Граубиндена.

Трефольденъ поклонился и просилъ его продолжать; Саксенъ же молча принялся за ѣду.

— Ну, произнесъ старикъ: — около двухъ тысячъ восьмисотъ лѣтъ тому назадъ, эти Альпы были населены грубой туземной расой, говорившей тѣмъ же языкомъ, которымъ говорятъ и нынѣ ихъ потомки. Эти туземцы, слѣдуя инстинктамъ, вложеннымъ Богомъ въ сердца всѣхъ горныхъ жителей, нашли наконецъ свою жизнь въ уединенныхъ горахъ слишкомъ скучной и наводнили своими толпами южныя, низменныя страны. Они изгнали туземныхъ умбрийцевъ и поселились какъ побѣдители въ той части Италіи, которая лежитъ къ сѣверу отъ Анконы и Тибра. Они тутъ выстроили города, стали заниматься литературой и искусствами и достигли высокой степени образованія. Все это происходило задолго до Ромула, и они научили Римъ религіи, языку и искусству; потомъ, согласно судьбѣ всѣхъ земныхъ народовъ, они пришли въ упадокъ отъ роскоши и разврата и въ свою очередь были покорены новыми народамъ. Наконецъ преслѣдуемые галлами или кельтами, они бѣжали назадъ въ свои родныя горы, откуда эмигрировали за много столѣтій назадъ, и здѣсь основали тѣ могучія твердыни, которыхъ развалины еще стоятъ до сихъ поръ. Если я ко всему этому прибавлю, что въ рето-романскомъ языкѣ нашего Граубинденскаго кантона живутъ послѣдніе остатки литературы этого исчезнушаго народа, то конечно вы догадаетесь, какъ звали его въ древности?

Къ несчастью, Вильямъ Трефольденъ еще очень недавно прочелъ въ какомъ-то журналѣ статью объ этомъ предметѣ, и потому, когда старикъ, утомленный своимъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, остановился на минуту, чтобъ перевести духъ, то онъ имѣлъ уже готовый отвѣтъ на его длинную тираду.

— Еслибъ я не раздѣлялъ того мнѣнія, что этруски происходили отъ лидійскаго племени, началъ-было онъ, но пасторъ поспѣшно перебилъ его, воскликнувъ:

— Вы почерпнули свое мнѣніе изъ Геродота!

— Нѣтъ, по очень простой причинѣ, что я никогда не зналъ довольно хорошо греческій языкъ, чтобъ справиться съ Геродотомъ.

— Ну, такъ изъ Тацита.

— Это можетъ быть.

— Да, Тацитъ поддерживаетъ эту теорію, но онъ ошибается; то же дѣлаютъ Геродотъ, Страбонъ, Сенека, Цицеронъ, Плиній, Плутархъ, Сервій и множество другихъ — но всѣ они ошибаются, ошибаются самымъ жалкимъ образомъ.

— Но...

— Ливій предполагаетъ, что эмиграція шла изъ низменныхъ мѣстъ въ горы — но это просто безумно! Развѣ исторія всѣхъ народовъ и всѣхъ странъ намъ не доказываетъ противоположнаго? Обитатели низменныхъ странъ бѣгутъ въ горы для спасенія себя отъ завоевателей, но эмиграція такъ же естественно распространяется съ горъ въ равнины, какъ рѣки текутъ изъ ледниковъ въ моря. Эллиникъ Лезбоскій хочетъ насъ увѣрить, что они были пелазги; Діонисій Галикарнаскій утверждаетъ, что это туземцы Этрурии; Горій дѣлаетъ ихъ финикийцами, Бонарота—египтянами; Маффей—хананейцами; Гварначи...

— Иввините, прервалъ его Трефольденъ: — когда я сказалъ, что раздѣляю мнѣніе о происхожденіи этрусковъ отъ лиданъ...

— Они никогда отъ нихъ не происходили, воскликнулъ пасторъ, дрожа отъ волненія: — еслибъ они были лидане, то развѣ Ксантъ Лидійскій не описалъ бы этого событія? А онъ нигдѣ даже не упоминаетъ о немъ. Можно ли себѣ представить, чтобъ, напримѣръ, англійскій историкъ пропустилъ колонизацію Америки, или испанскій—покореніе Мексики? Нѣтъ, вы мнѣ позволите вамъ сказать, мой дорогой гость, что тотъ, кто раздѣляетъ пустыя теоріи Геродота и Тацита, тотъ страшно заблуждается. Я могу вамъ представить такія археологическія доказательства...

— Увѣрю васъ, замѣтилъ Трефольденъ со смѣхомъ: — что я нисколько не упорствую въ своемъ мнѣніи, ибо я рѣшительно ничего не смыслю въ этомъ предметѣ.

— Я думаю, вы забыли, батюшка... началъ-было Савсень, нѣжно прикоснувшись къ плечу старика, но тотъ слишкомъ былъ занятъ своимъ любимымъ предметомъ, чтобъ обратить вниманіе на кого бы то ни было.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не забылъ, продолжалъ онъ съ прежней энергіей: — я не забылъ, что Гиббонъ призналъ индійскую теорію годной только для поэтовъ и романистовъ. Я не забылъ, что Штейбъ, каковы бы ни были его остальные мнѣнія, соглашался, по крайней мѣрѣ, что существуетъ единство между языками этрусскимъ и ретійскимъ. Потомъ Нибуръ, несмотря на то, что онъ ошибочно предполагалъ этрусковъ смѣшанной расой, вѣрилъ, что кореннымъ ядромъ этой расы были альпійскіе ретійцы, и поддерживалъ мою теорію, что они покорили пелазговъ. Нибуръ былъ великій человекъ, великолѣпный историкъ и основательный ученый. Я переписывался съ нимъ впродолженіе многихъ лѣтъ на счетъ этого вопроса, но никакъ не могъ убѣдить его, что этруски были исключительно одного ретійскаго происхожденія. Онъ непремѣнно настаивалъ на смѣшеніи ретійцевъ съ пелазгами. Жаль, очень жаль, что я не успѣлъ наставить его на путь истинный прежде, чѣмъ онъ умеръ.

— Очень жаль, замѣтилъ Трефольденъ: — но уже становится поздно, прибавилъ онъ, посмотрѣвъ на часы: — и я не успѣю выбраться отсюда засвѣтло, если не прощусь съ вами тотчасъ же.

Пасторъ провелъ рукой по лбу и произнесъ какимъ-то смущеннымъ тономъ:

— Я боюсь, что наговорилъ слишкомъ много и утомилъ васъ. Пожалуйста, простите меня, но когда я начинаю говорить объ этомъ предметѣ, то никогда не знаю, гдѣ остановиться.

— Это потому, что вы отлично знаете предметъ, отвѣчалъ страпцій: — но увѣряю, я слушалъ васъ съ большимъ удовольствіемъ.

— Неужели?

— Я научился многому, чего не зналъ прежде.

— Я покажу вамъ въ другой разъ всѣ письма Нибура и копію моихъ отвѣтовъ, если это можетъ васъ интересовать.

Старикъ снова просіялъ и ждалъ только одного слова поощренія, чтобъ опять возобновить прежній разговоръ; но Трефольдену этруски уже достаточно надоели и онъ поспѣшилъ сказать:

— Благодарствуйте, въ другой разъ, а теперь прощайте.

— Нѣтъ, нѣтъ, погодите хоть минутку; я имѣю столько вамъ сказать, о столкомъ васъ разспросить. Какъ долго вы намѣрены остаться въ Рейхенау?

— Нѣсколько дней; можетъ быть, съ недѣлю.

— Вы здѣсь по дорогѣ въ Италію?

— Нимало. Я хотѣлъ немного поразвлечься, подышать чистымъ воздухомъ, потому далъ себѣ двѣ недѣли праздника. Я выбралъ Рейхенау своей главной квартирой только для того, чтобъ быть по близости отъ васъ.

— Какъ вы добры, сказалъ простодушный старикъ со слезами на глазахъ: — я бы никогда не увидалъ васъ, еслибъ вы не пріѣхали сюда, а вѣдь мы трое — послѣдніе представители нашего семейства. Во имя нашего родства, не котите ли быть нашимъ гостемъ?

Трефольденъ съ минуту колебался, но потомъ спокойно отвѣчалъ:

— Я васъ не понимаю; я, конечно, завтра опять приду къ вамъ.

— Нѣтъ, я подразумѣвалъ, не хотите ли вы поселиться у насъ на все время вашего здѣсь пребыванія? Я не смѣю на этомъ настаивать, ибо знаю, что гостиница *Орелъ* представляетъ гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ наше воздушное обиталище. Но все же если вы можете привыкнуть къ нашей простой пицци и грубымъ обычаямъ, то отъ души милости просимъ.

Трефольденъ улыбнулся и покачалъ головой.

— Благодарствуйте, сказалъ онъ: — и вѣрите, что я очень цѣню ваше гостепримство, но, право, мнѣ невозможно принять ваше любезное приглашеніе. Мы, лондонцы, ведемъ самую лихорадочную, безпокойную жизнь и дѣлаемся рабами разныхъ глупыхъ и нездоровыхъ привычекъ. Въ отношеніи этихъ привычекъ я такъ же далекъ отъ васъ, какъ эскимось отъ жителей тропическихъ странъ. Дѣлать нечего, надо признаться: вотъ вы только что ужинали, а я иду въ Рейхенау обѣдать.

— Какъ обѣдать?

— Да, я всегда обѣдаю въ семь часовъ и никакъ не могу переимѣнить этого часа даже и во время путешествія. Поэтому вы видите, что я не могу быть вашимъ гостемъ. Но, несмотря на это, мы будемъ видѣться каждый день и мой юный родственникъ, я надѣюсь, покажетъ мнѣ всѣ ваши окрестности.

— Еще бы, съ большимъ удовольствіемъ! воскликнулъ радужно Саксенъ.

Трефольденъ пожалъ руку пастору и отправился въ путь вмѣстѣ съ Саксеномъ, который предложилъ проводить его.

VI.

Цѣна на полвондора.

Проходя черезъ заросшія травой дворъ и подъ старинныя ворота, Трефольденъ указалъ своему спутнику на изломанный гербъ.

— Это слѣды средневѣковыхъ осадъ? спросилъ онъ.

— О, нѣтъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ со смѣхомъ:— мой прадѣдъ сломалъ его, когда купилъ замокъ.

— Такъ онъ былъ пламенный республиканецъ?

— Нѣтъ, скорѣй совершенно противоположное. Онъ просто уничтожилъ гербъ, потому что замокъ былъ его, а гербъ нѣтъ.

— Понимаю, онъ не хотѣлъ жить въ домѣ, на которомъ бы было написано имя другого владѣльца. Это очень разумно, но отчего же онъ не поставилъ своего собственнаго герба?

— Какое намъ дѣло до гербовъ, замѣтилъ Саксенъ съ неудовольствіемъ:— мы только фермеры и не имѣемъ никакого права на гербъ.

— Я полагаю, что никто не имѣетъ этого права въ такой республикѣ, какъ ваша?

— Нѣтъ, у насъ есть нѣсколько аристократовъ: Родберги, которые жили прежде въ нашемъ замкѣ, Ортенштейны и Плайты. Они были графами и рыцарями сотни лѣтъ назадъ, еще во время феодальной системы.

— Аристократы, которые подчиняютъ себя демократическимъ учрежденіямъ, тѣмъ самымъ перестаютъ быть аристократами, сказалъ Трефольденъ.

— Я это не разъ слышалъ, отвѣчалъ Саксенъ:—но я съ этимъ несогласенъ.

Рѣзкій, прямой образъ выраженія молодого человѣка удивлялъ и вмѣстѣ забавлялъ Трефольдена, который, однако, едва могъ поспѣвать за нимъ—такъ быстро тотъ шагалъ по крутой извилистой тропинкѣ, не обращая никакого вниманія на встрѣчавшіяся опасности.

— Любезный родственникъ, воскликнулъ наконецъ страпчій, неожиданно останавливаясь:—вы хотите, чтобы я сломалъ себѣ шею, я вѣдь не серна!

Саксенъ, который съ проворствомъ и ловкостью горнаго жителя перепрыгивалъ съ камня на камень скользяго крутого обрыва, въ ту же минуту обернулся и протянулъ руку, чтобы поддержать своего спутника.

— Извините, сказалъ онъ:—я совсѣмъ и забылъ, что вы вѣроятно никогда не бывали въ горахъ.

— Нѣтъ, я бывалъ и могу хорошо держаться на ногахъ, не смотря ни на какую крутизну, только не заставляйте меня бѣгать. Я бывалъ на Снодонѣ, Кадр-Нурисѣ и на другихъ меньшей высоты, не говоря уже о Гольборнѣ.

Саксенъ весело разсмѣялся.

— Чему вы смѣетесь, что можете вы знать о Гольборнѣ? ска-

залъ Трефольденъ, удивленный, что дикій швейцарець поналъ его шутку.

— Это гора, на правомъ берегу рѣчки Флять въ Лондонѣ.

— Но вѣдь вы никогда не бывали въ Англіи?

— Я нигдѣ не бывалъ далѣе Цюриха; но я внимательно читаю Стоу и изучалъ его карту.

— Вы не должны себѣ воображать, чтобъ вы поэтому знали современный Лондонъ, съ улыбкою замѣтилъ Трефольденъ: — Стоу самъ не узналъ бы мѣстъ, которыя онъ описывалъ. Съ его времени, весь міръ раза два перевернулся.

— Я полагаю.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось, Саксенъ, взять васъ съ собою въ Лондонъ. Я былъ бы лучшимъ для васъ путеводителемъ, чѣмъ этотъ средневѣковой географъ.

— Въ Лондонъ?

— Да, въ Лондонъ.

Саксенъ покачалъ головой.

— Вы не хотите, конечно, этимъ сказать, чтобъ вы не желали увидѣть самый удивительный городъ въ свѣтѣ?

— Ни мало. Но есть другіе города, которые мнѣ бы хотѣлось видѣть прежде.

— Именно, какіе же?

— Римъ, Аѳины и Іерусалимъ.

— Такъ позвольте мнѣ предсказать, что вы бы очень разочаровались, еслибы увидѣли эти города. Это общее правило, что люди разочаровываются на счетъ тѣхъ мѣстъ, которыя славны только своими воспоминаніями, и ничѣмъ болѣе.

Саксенъ ничего не отвѣчалъ и впродолженіе нѣсколькихъ минутъ они молчали. Вскорѣ они вышли на гладкую, ровную дорогу, и Трефольденъ, остановившись, сказалъ:

— Я не долженъ вамъ позволить провожать меня далѣе. Теперь дорога идетъ прямая и я не могу съ нею сбиться.

— Я доведу васъ до моста.

— Но вѣдь темнѣетъ, вамъ предстоитъ опять карабкаться по горамъ.

— Я могу бѣгать по нимъ и съ закрытыми глазами. Къ тому же, намъ еще надо съ вами поговорить о томъ, что мы будемъ дѣлать завтра. Хотите совершить путешествіе черезъ Голонду въ Пфеферъ?

— А какъ это далеко? спросилъ Трефольденъ, бросая подозрительный взглядъ на названную гору, величественно возвышавшуюся вдаль.

— Двадцать-три, или двадцать-четыре мили.

— Только туда?

— Конечно.

— Очень вамъ обязанъ, сказалъ стряпчій: — но я уже вамъ объявляю, что я не серна. Нѣтъ, Саксенъ, вы лучше приходите завтра утромъ ко мнѣ въ Орель, и мы послѣ завтрака отправимся въ Куръ. Говорятъ, что это любопытный и старинный городъ, и мнѣ хотѣлось бы его повидать.

— Какъ вы хотите, мнѣ рѣшительно все равно. Въ которомъ часу приходите?

— Я бы сказалъ въ половинѣ девятого, но я боюсь, что это вамъ покажется слишкомъ поздно.

— Нимало, если взять въ соображеніе, что вы обѣдаете въ восемь часовъ ночи.

— Такъ я васъ буду ждать.

— Я буду непремѣнно въ назначенный часъ.

Между тѣмъ они подошли къ крытому мосту, по ту сторону котораго видѣлись огоньки деревенскихъ домиковъ. Трефольденъ снова остановился и произнесъ:

— Теперь мы должны проститься; я не позволю болѣе вамъ сдѣлать ни шагу. Но прежде, чѣмъ намъ разстаться, сдѣлайте одолженіе, научите меня, въ какой цѣнѣ ходятъ ваши деньги?

Съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана горсть мелкихъ монетъ и подаль Саксену, который сталъ ихъ внимательно разсматривать.

— Мой возница не хотѣлъ брать французскихъ франковъ, а спрашивалъ какихъ-то мюнцскихъ денегъ. Когда же я далъ ему этихъ швейцарскихъ франковъ, то онъ удовольствовался ими. Скажите, пожалуйста, какая разница между французскимъ и швейцарскимъ франкомъ, что такое мюнцскія деньги, и сколько такихъ монетъ я получу за одинъ наполеондоръ или англійскій соверенъ?

— Я не знаю, отвѣчалъ Саксенъ, качая головой:—я не имѣю ни малѣйшаго объ этомъ понятія.

— Извините, возразилъ Трефольденъ, полагая, что Саксенъ его не понималъ:—я, можетъ быть, не такъ выразился, но я хотѣлъ спросить, мюнцскія деньги...

— Мюнцскія деньги, это—швейцарскія деньги, прервалъ его Саксенъ:—то-есть новая единичная система монеты, введенная сеймомъ въ 1850 году.

— Хорошо; чему же равняется швейцарскій франкъ?

— Ста рапенамъ.

— Такъ рапенъ все равно, что французскій сантимъ?

Саксенъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и послѣдно отвѣчалъ:

— Рапены выпущены вмѣсто старинныхъ батценовъ.

— Мы рѣшительно не понимаемъ другъ друга, воскликнулъ Трефольденъ съ улыбкой: — я только желаю знать, сколько мнѣ надо получить швейцарскихъ франковъ за эту монету? и онъ указалъ пальцемъ на наполеондоръ.

Саксенъ взялъ въ руки наполеондоръ и началъ съ любопытствомъ разсматривать его.

— Я не думаю, чтобъ это стоило здѣсь что-нибудь, сказалъ онъ, отдавая монету назадъ: — что это такое?

— Что это такое, да наполеондоръ! Неужели вы станете утверждать, что никогда не видывали подобной монеты?

— Нѣтъ, увѣряю васъ, никогда не видалъ.

— Но я увѣренъ, что онъ ходятъ здѣсь, я одинъ развѣнялъ въ Курѣ.

Саксенъ посмотрѣлъ на него недоумѣвая, чему тотъ удивляется.

— Вы, можетъ быть, и правы, сказалъ онъ: — но я рѣшительно объ этомъ ничего не знаю, и воротившись домой я спрошу отца; онъ, конечно, будетъ въ состояннн вамъ все растолковать.

Удивленнн Трефольдена было такъ велико, что онъ и скрывать его не старался.

— Но, любезнѣйшн мой! воскликнулъ онъ: — вы не можете же не знать цѣну денегъ, сравнительную стоимость золота и серебра?

— Увѣряю васъ, что я во всемъ этомъ ничего не смыслю.

— Но вѣдь это непостижимо!

— Отчего же? мнѣ никогда не случалось заниматься этимъ предметомъ, и я вовсе имъ не интересуюсь.

— Но въ обыденной жизни, въ вашихъ фермерскихъ дѣлахъ, вы ежедневно покупая и продавая...

— Мнѣ до всего этого нѣтъ никакого дѣла, отецъ занимается всѣмъ хозяйствомъ.

— Ну, такъ подобныя свѣдѣнн необходимы для руководства, при расходѣ вашихъ собственныхъ денегъ.

— У меня нѣтъ денегъ, отвѣчалъ Саксенъ съ простотой дикаря.

— Нѣтъ денегъ? Никакихъ?

— Никакихъ.

— И никогда не бываетъ?

— Никогда.

— И вы никогда ихъ не имѣли?

— Никогда, во всю мою жизнь.

Трефольденъ ничего не отвѣчалъ, только какъ-то странно улыбнулся.

— Это, кажется, васъ очень удивляетъ? произнесъ со смѣхомъ Саксенъ.

— Еще бы.

— Но я не понимаю, почему. Зачѣмъ мнѣ деньги? что мнѣ съ ними дѣлать? что такое деньги? ничто. Только знатъ, выражающій пищу, одежду, отопленіе и другія потребности и удобства жизни. Я имѣю все, что мнѣ нужно, поэтому и деньги мнѣ ни къ чему. Кажется, ясно.

— Да, ясно, совершенно ясно, отвѣчалъ задумчиво стряпчій: — я теперь понимаю и исполнѣ съ вами согласенъ, Саксенъ. Вы бы не знали, что дѣлать съ деньгами, еслибъ ихъ имѣли. А теперь, прощайте.

— Доброй ночи.

— Не забудьте, завтра въ половинѣ девятого.

— Нѣтъ, не забуду. Прощайте.

Они пожали другъ другу руки, и разстались.

Вильямъ Трефольденъ обѣдалъ въ этотъ день немного поздно, но поваръ *Орла* былъ настоящій артистъ, и ни мало не смутившись подобнымъ, очень обыкновеннымъ обстоятельствомъ, подалъ роскошный деликатный обѣдъ. Трефольденъ былъ какъ нельзѣ болѣе въ духѣ, и нашелъ все прекраснымъ: и рыбу, и майонезъ, и лафитъ. Послѣ обѣда, онъ поблагодарилъ повара съ любовью гастронома и долго сидѣлъ за своей сигарой, понюхавъ кирасо, и съ удовольствіемъ размышляя о всемъ видѣнномъ имъ въ этотъ день.

«Простодушный старый пасторъ, полурехнувшійся на археологін», думалъ онъ: «и юный дикарь, читающій Теокрита и никогда не видавшій наполеондора! Какое великолѣпное стеченіе обстоятельствъ! Какая славная почва для дѣйствій! Это чистое Эльдорадо! И по истинѣ наступилъ золотой вѣкъ.»

VII.

ТЕОРІЯ ПАСТОРА МАРТИНА.

Пасторъ говорилъ правду, рассказывая Трефольдену, съ какою заботливостью онъ воспиталъ своего сироту-племянника, но онъ не объяснилъ и въ половину, съ какимъ смиреніемъ, преданностію и пламенной энергіей онъ исполнилъ свою трудную обязанность. Зная исполнѣ всю тяжесть своей отвѣтственности, онъ принималъ ее на себя почти съ первой минуты рожденія Саксена. Пока ребѣнокъ еще былъ въ колибели, Мартинъ проводилъ цѣлыя ночи въ размышленіяхъ, какъ лучше укрѣпить душу своего

воспитанника противъ соблазна міра сего, и неустанно молилъ Бога просвѣтити и наставить его собственный умъ для того, чтобы сдѣлаться достойнымъ наставникомъ. Онъ написалъ двѣнадцать громадныхъ трактатовъ о различныхъ системахъ воспитанія, прежде, чѣмъ ребѣнокъ началъ говорить. Онъ проводилъ все свое свободное время въ изученіи біографій великихъ и добродѣтельныхъ людей, стараясь по возможности вывести, какой системы придерживались ихъ воспитатели. Съ этой цѣлью онъ прочелъ всего Плутарха и Фуллера. Кромѣ того, онъ дѣлалъ выписки изъ греческихъ и латинскихъ поэтовъ, составлялъ краткія, доступныя извлеченія изъ Эвклида и Аристотеля, записывалъ въ особую тетрадку всѣ полезныя книги, которыя могъ бы читать современемъ его воспитанникъ—однимъ словомъ, онъ посвящалъ каждую минуту, незанятую его обязанностями, какъ пастора, этому ребѣнку, ради котораго онъ даже забывалъ этрусковъ и ихъ происхождение.

Воспитаніе ребѣнка, можно смѣло сказать, началось съ того самого дня, когда онъ впервые засмѣлся и простеръ свои маленькія ручонки при видѣ знакомыхъ лицъ. Дядя Мартинъ, тотчасъ же, несмотря на нѣкоторыя сопротивленія матери, принялъ ребѣнка въ свое вѣдѣніе и съ удивительною твердостью не позволялъ никому вмѣшиваться въ то, что онъ считалъ исключительно своимъ дѣломъ. Онъ выучилъ ребѣнка лепетать первыя слова: онъ направилъ его первые шаги; онъ объяснилъ ему, что Богъ создалъ солнце, міръ и все въ немъ живущее. Онъ научилъ его молиться; внушилъ ему, что все созданное Богомъ хорошо и прекрасно; онъ вразумилъ его, что нечего бояться темноты, болѣе чѣмъ свѣта. Онъ вселилъ въ него любовь ко всему прекрасному и благородному, ко всему, что жило и дышало, какъ бы оно ни казалось уродливо. Развивая его вкусъ къ изящному и полезному, онъ строго удалялъ отъ него даже игрушки, которыя не согласовались съ этими понятіями.

Саксену не было болѣе двухъ лѣтъ, когда померла его мать; съ тѣхъ поръ его дядя сталъ дѣйствовать совершенно свободно, безъ малѣйшаго сопротивленія, съ чьей бы то ни было стороны. Саксенъ-старшій попрежнему вѣрилъ во всемъ своему брату и никогда ему не перечилъ; быть можетъ, самъ Мартинъ и не питалъ къ себѣ такой слѣпой вѣри, но онъ, какъ самъ впоследствии говорилъ Вильяму Трефольдену, молилъ Бога просвѣтити его, и стремился всѣми силами исполнить свою обязанность.

Обязанность эта съ каждымъ годомъ становилась обширнѣе и обширнѣе, ребѣнокъ росъ съ удивительною быстротой, какъ физически, такъ и морально. У него одинаково развивался аппетитъ,

какъ къ хлѣбу съ масломъ, такъ и къ книгамъ. Его любознательность становилась ненасытима и часто ставила въ тупикъ его наставника, который, къ великому своему смущенію, долженъ былъ сознаться, что онъ многого не предугадалъ и не сообразилъ въ своихъ теоріяхъ.

Теоріи добраго Мартина были престранныя, эксцентричныя; онѣ казались прекрасными на бумагѣ, превосходство ихъ Мартинъ доказывалъ мильонны разъ своему брату, но, увы! примѣненные къ дѣлу, онѣ оказывались далеко несовершенными и часто совершенно непрактичными, невозможными.

Первая и главнѣйшая изъ всѣхъ его теорій, была великая теорія о трефольденскомъ наслѣдствѣ.

Убѣдивъ брата жениться, и какъ-бы заставивъ таимъ образомъ юнаго Саксена явиться на свѣтъ, онъ естественно былъ болѣе всего обязанъ позаботиться о томъ, чтобъ Саксенъ былъ въ состояніи противостоять всѣмъ соблазнамъ и опасностямъ, которыми должна была подвергнута его странная его участь. Отличительными чертами его должны были непремѣнно быть: невинность, челоуѣколюбіе, милосердіе и готовность жертвовать собою для пользы ближняго. Его надо было научить, что только самыя простыя удовольствія приносятъ истинное наслажденіе челоуѣку. Его надо было закалить противъ гордости, скупости, расточительности, сластолюбія и тому подобныхъ горькихъ плодовъ богатства. Главное же, разсуждалъ пасторъ, онъ не долженъ любить денегъ, онъ долженъ быть къ нимъ совершенно равнодушенъ. Онъ долженъ смотрѣть на нихъ, какъ на знакъ, какъ на средство мѣны— вещь самоё по себѣ немѣющую никакой цѣны и необходимую только потому, что она удобна въ обращеніи. Его дѣтская рука не должна никогда быть осквернена прикосновеніемъ денегъ. Его невинныя мысли никогда не должны останавливаться на деньгахъ. Однимъ словомъ, онъ долженъ быть такъ же чистъ и невиненъ, какъ первые обитатели Эдема.

— Но когда онъ выростетъ, братъ Мартинъ, говорилъ однажды отецъ Саксена:—когда онъ выростетъ и получитъ громадное состояніе, тогда что?

— Я не понимаю тебя, братъ.

— Онъ не будетъ знать, что дѣлать съ деньгами.

— Но ты будешь знать, отвѣчалъ рѣзко пасторъ:— вѣдь въ сущности ты наслѣдникъ, а не онъ. Ты это всегда забываешь.

Отецъ Саксена ничего не отвѣчалъ.

— И потомъ къ тому времени, продолжалъ Мартинъ:—мальчикъ довольно выростетъ, чтобъ понять настоящую цѣну богатства.

— Ты научишь его этому, братъ Мартинъ?

— Да, вмѣстѣ съ тобой.

Отецъ Саксена помолчалъ въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, потомъ, взявъ брата за руку, торжественно произнесъ:

— Братъ Мартинъ, я старше тебя и увѣренъ, что долго не проживу; я чувствую, что никогда не получу этого состоянія и не увижу моего мальчика съ бородой.

Онъ былъ правъ: онъ умеръ, какъ мы знаемъ, за двѣнадцать лѣтъ до окончанія столѣтняго срока, и Мартинъ Трефольденъ продолжалъ воспитывать племянника, по своей любимой теоріи. Онъ теперь дѣлалъ, что хотѣлъ, его даже не останавливали, какъ бывало, скромные вопросы брата, и потому онъ шелъ по предначертанному себѣ пути, закрывъ глаза и отказываясь признавать простой фактъ, что Саксенъ уже болѣе не ребѣнокъ. Онъ нарочно прикидывался слѣпымъ и, казалось, не видѣлъ ни усомъ Саксена, ни ежедневно прибавлявшагося его роста. Онъ не хотѣлъ вѣрить, что пришло уже время сказать юному спартанцу, что онъ вскорѣ будетъ богатъ; ему была нестерпима мысль поднять руку на свою собственную работу и разрушить то, что стоило ему столько трудовъ и усилій.

Однако въ послѣднее время его начало терзать сомнѣніе, дѣйствительно ли полное незнаніе жизни было лучшей подготовкой человѣку для полезной широкой дѣятельности? Онъ часто теперь спрашивалъ себя, не лучшей ли школой для его племянника была бы коллегія въ Женевѣ, чѣмъ уединенная долина Домлешга?

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Вильямъ Трефольденъ неожиданно прибылъ въ Родбергскій замокъ, и вотъ почему его двоюродный братъ Саксенъ, наслѣдникъ четырехъ съ половиной милліоновъ, не имѣлъ никакого понятія о цѣнѣ наполеондора.

ІЕЗУИТЬ И МОНАХЪ.

Статья вторая.

Мой курсъ литературно-философскихъ занятій оканчивался; я жалѣлъ, что послѣдній годъ придется быть уже не подъ руководствомъ отца Монгазена, умѣвшаго возвысить душу, расширить кругозоръ идей своихъ учениковъ, напомнить имъ, что они—люди. Еще болѣе я жалѣлъ о томъ, что, кромѣ профессора, теряю въ немъ друга. Въ иезуитскихъ домахъ довѣряться некому: старшіе страшны, товарищи или полны преданности и энтузіазма къ ордену, или—съ рѣдкими исключеніями—доносчики. Заключаться въ самомъ себѣ—тяжело...

Уже три года я не видался съ матерью. Мои письма къ ней, по уставу ордена, были холодны, натянуты; ея письма—часто печальны до отчаянія. Отдавая ихъ мнѣ прочитанныя, начальникъ укорялъ меня, что я не умѣю внушить моей матери истиннаго христіанскаго убѣжденія, что сынъ ея тамъ, куда призвалъ его Господь. Прочитавъ мое письмо къ ней, предъ отправленіемъ, мнѣ всякій разъ дѣлали выговоръ за всякое нѣжное слово: «земная любовь неприлична монаху; кто любитъ отца или мать болѣе нежели Христа—тотъ его недостойнъ». Эти письма мучили и меня и мать.

Легкое нездоровье, обнаружившееся со мною въ тотъ день, какъ я узналъ тайну отца Монгазена, усилилось послѣ его отъѣзда до такой степени, что мнѣ совѣтовали оставить на время и учебныя и духовныя занятія и отдохнуть. Мать моя приѣхала въ Ф., и запугавъ нашихъ отцовъ, что въ случаѣ ихъ отказа, можетъ лишитъ орденъ большей части моего имѣнія, получила ихъ позволеніе увезти меня съ собою въ Италію. Я былъ радъ какъ ребѣнокъ; черезъ двѣ недѣли былъ назначенъ нашъ отъѣздъ, мы должны были съѣхаться въ Ліонѣ и оттуда отправиться далѣе. Мать запоздала цѣлой недѣлей, и я провелъ эти дни въ Ліонѣ у отца Мон-

газена. Онъ былъ спокоенъ, но печаленъ попрежнему; мы не произнесли имени г-жи де-Флавіакъ. Наконецъ, пріѣхала моя мать; я отправился въ отель, гдѣ она остановилась; отецъ Монгазенъ пошелъ со мною. Намъ свазали, что варета уже готова, чтобъ продолжать путешествіе, и что г-жа Сент-Моръ завтракаетъ въ залѣ. Мы вошли оба... Съ моею матерью была г-жа де-Флавіакъ. Я тотчасъ узналъ ее по блѣдно-смуглому цвѣту лица, по огненнымъ глазамъ, еще болѣе, по блѣдности моего друга. Мать сказала, знакомя насъ, что графиня ѣдетъ съ нами въ Италію. Отецъ Монгазенъ скоро простился и ушелъ, мы поѣхали. Я узналъ дорогою, что графиня только что оставила своего мужа въ Брюссель, что онъ назначенъ съ порученіемъ въ С.-Петербургъ, что это важное порученіе, безъ сомнѣнія, откроетъ ему дорогу къ давно желаемой цѣли, къ посольству. Графиня хотѣла ѣхать съ нимъ, но доктора сказали, что ея грудь не вынесетъ русскаго холода, а потому, вмѣсто поѣздки съ мужемъ въ Петербургъ, она отправилась съ моею матерью въ Неаполь. Мнѣ было неприятно ея общество; я получилъ письмо отца Монгазена, который предупреждалъ меня не дать ей какъ-нибудь заподозрѣть, что я все знаю, и просилъ никогда не говорить о ней.

Мы остановились въ Римѣ только на недѣлю; я провелъ ее въ Gesù и узналъ тамъ, что г-жа де-Флавіакъ видѣлась съ нашимъ генераломъ. Она скрыла это отъ матери, я тоже молчалъ; мнѣ не хотѣлось вносить въ свѣтъ іезуитскія привычки доноса. Отецъ Розавенъ, французскій ассистентъ, спрашивалъ меня о графинѣ, хвалилъ ея благочестіе и сожалѣлъ, что у нея нѣтъ дѣтей: богатство Флавіаковъ перейдетъ девятилѣтнему мальчику, сыну вольтеріанца, барона Флавіакъ; этого мальчика, конечно, воспитаюгъ въ университетскомъ коллегіумѣ и онъ выростетъ нечестивцемъ, врагомъ іезуитовъ.

Мнѣ хотѣлось узнать дальнѣйшее мнѣніе отца Розавена о семьѣ Флавіаковъ, и я замѣтилъ ему, что, кажется, мужъ графини не довольно сильно постоялъ за фамиліюна убѣжденія и преданія, принявъ службу орлеанскаго дома.

«— Есть случаи, отвѣчалъ онъ: — когда должно бросить что нибудь увлекательное насъ волнѣ, чтобы спасти болѣе драгоцѣнное. Нашему ордену было необходимо имѣть вѣрнаго человѣка между французскими дипломатами, графъ де-Флавіакъ нашъ «посвященный». Есть нѣчто святѣ служенія династіи — это служеніе религіи и обществу, къ которому мы имѣемъ счастье принадлежать. Наши личныя мнѣнія не должны создавать намъ обязанностей, потому что эти мнѣнія могутъ повести насъ не по той дорогѣ, которой желаетъ орденъ. Помните, что всякій переступающій по-

рогъ Gesù—уже не итальянецъ, не французъ, не нѣмецъ, не рускій—онъ іезуитъ и только іезуитъ. И «посвященные» подлежатъ этому же закону.

Эти слова показались мнѣ превосходными. Позднѣе, я понялъ, что не напрасно упрекаютъ іезуитовъ, будто у нихъ нѣтъ патриотизма, будто они чужіе въ собственномъ отечествѣ, друзья или враги правительства, смотря по тому, слѣдуетъ ли оно или нѣтъ ихъ внушеніямъ въ политикѣ и дѣлѣ религіи. Слово «отечество» не имѣетъ для нихъ значенія; какъ же могутъ они внушить юношамъ, которыхъ воспитываютъ—любовь къ отечеству? Ихъ идеаль—всемірная монархія Григорія VII, его аеоократіи надъ всѣми національностями, красное знамя св. Игнатія надъ всѣми знаменами.

Пріѣхавъ въ Неаполь, мы поселились на виллѣ, въ Пуццоло. Утромъ, когда мать была одна, я проводилъ съ ней нѣсколько часовъ, остатокъ дня работалъ у себя въ комнатѣ. Когда къ обѣду не было гостей, я обѣдалъ съ матерью и г-жей Флавіакъ, но гостей собиралось много, путешественниковъ, неаполитанскихъ аристократовъ, священниковъ, епископовъ, монаховъ, чтѣ придавало этимъ собраніямъ любопытный подусвѣтскій, полудуховный характеръ. Мнѣ хотѣлось бы предаться наблюденіямъ, но мои начальники запретили мнѣ быть въ обществѣ, и потому я выходилъ изъ своей комнаты только разъ пять, и то по приказанію отца неаполитанскаго провинціала, бывшаго въ числѣ гостей. Это былъ мой духовный руководитель, строгій мистикъ; онъ принялся со мною снова за упражненія св. Игнатія; всѣ сомнѣнія, поднятыя во мнѣ признаніями отца Монгазена, разлетѣлись, и я сталъ попрежнему ревностенъ и болѣе нежели когда нибудь преданъ ордену іезуитовъ.

Мѣсяца чрезъ два послѣ нашего пріѣзда, г-жа Флавіакъ объявила моей матери, что беременна и приписывала эту радость чуду. Вообще она была или казалась очень суевѣрна, выражалась парадоксами, поддерживала самыя странныя мнѣнія, такъ что нельзя бывало понять, шутитъ она или вѣрить. Кстати объ отцѣ Монгазенѣ—она говорила о немъ тоже шутя и совершенно свободно, будто не она смутила его жизнь. Она была только до жестокости неумолнна къ виноватымъ женщинамъ. Въ четыре мѣсяца жизни вмѣстѣ, эта женщина не стала мнѣ симпатичнѣе; я замѣчалъ, что и она нерасположена ко мнѣ. Мать этого не замѣчала, приписывая все моей молодой и неловкой робости, но я предчувствовалъ, что графиня и въ моей судьбѣ будетъ играть тяжелую роль.

Старый маркизъ, отецъ ея мужа, просилъ ее воротиться къ не-

му въ Марсаль; былъ почти конецъ ея беременности. Мы рѣшили, что выѣдемъ всѣ вмѣстѣ, въ началѣ апрѣля. Я съ грустью разставался съ этой прелестной виллой, гдѣ былъ счастливъ нѣсколько мѣсяцевъ и умѣлъ тѣснѣе привязаться къ моей матери. Она утѣшилась и примирилась съ моей судьбой, и зная, что орденъ не отошлетъ меня въ миссіи Америки или Азіи, твердила:

«— Ты не можешь жить со мною, но я буду жить тамъ, гдѣ ты.

Особенно долго и задумчиво говорили мы съ ней въ нашу послѣднюю прогулку наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда. Мы зашли отдохнуть въ рыбацкій домикъ на берегу; тамъ были двѣ женщины: одна старуха, другая, дочь ея, красавица, кормившая грудью ребенка. Старуха жаловалась на бѣдность, на то, что зять Джузеппе, котораго не было дома, мало зарабатываетъ. Домикъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, бѣденъ, но опрятенъ, что болшая рѣдкость въ Италіи. Мать моя помогла этимъ бѣднякамъ, и мы возвратились домой. Наши люди были уже всѣ отпущены, оставался одинъ поваръ итальянецъ; кучеръ, французъ, отпросился съ женою на какой-то праздникъ до утра. Мы оставались одни въ домѣ. За обѣдомъ г-жа Флавіакъ была необыкновенно блѣдна и, жалуясь на болѣзнь, ушла въ свою комнату. Мать моя поспѣшила къ ней, я ушелъ къ себѣ. Часовъ въ десять вечера, мать позвала меня въ свою спальню, рядомъ съ спальней г-жи Флавіакъ; я испугался ея разстроеннаго вида и торопливости; я слышалъ, какъ она уговаривала г-жу Флавіакъ послать за докторомъ, какъ та отказывалась и согласилась, наконецъ, пригласить доктора отца-провинціала. Потомъ, мать вышла ко мнѣ.

«— Альфонсина погибла, если намъ не удастся этого скрыть, начала она, задываясь слезами, и забывая, что я ея не понимаю.

Но мнѣ все объяснилъ крикъ ребенка въ сосѣдней комнатѣ.

«— Возможно ли, вскричалъ я: — но вѣдь она беременна только шесть мѣсяцевъ!

«— Не осуждай ее; клянусь, она невиновата, эти роды преждевременные... Правда, дѣвочка слаба, но проживетъ... Альфонсинѣ такъ хотѣлось сына!... Но графъ де-Флавіакъ, но свѣтъ... еслибъ еще нѣсколько недѣль, она не была бы скомпрометирована! А теперь, что скажутъ?

Едва понимая, въ чемъ дѣло, я догадывался, однако, что положеніе затруднительно. Г-жа Флавіакъ сочинила цѣлый романъ, которымъ обманула мою довѣрчивую, добрѣйшую мать; она не ошиблась, рассчитывая на нее. Но я сообразилъ другое и, конечно, не подумалъ открывать тайну, въ которой была замѣшана честь моего лучшаго друга.

«— Завтра намъ ѣхать нельзя, продолжала моя мать:—но и

этой бѣдной дѣвочкѣ тоже оставаться здѣсь нельзя. Къ счастью, слугъ нѣтъ никого дома. Возьми ребѣнка и отнеси его къ бѣднымъ женщинамъ, у которыхъ мы были поутру; ребѣнокъ останется у нихъ ненадолго. Ты дашь имъ денегъ и общаешь вдвое, если онѣ будутъ молчать.

Я замѣтилъ матери, что у меня нѣтъ другаго платья, кромѣ монашескаго, и что все это можетъ повести къ заключеніямъ, невыгоднымъ не столько для меня—я объ этомъ не заботился—но для моего ордена. Мать возразила, улыбаясь, что въ Италіи не показалось бы предосудительнымъ, еслибъ я и въ самомъ дѣлѣ былъ героемъ скандальной исторіи; во Франціи въ священникѣ ищутъ добродѣтели (?), но итальянцы—уважають санъ, а такъ-какъ безбрачіе не можетъ быть призваніемъ всѣхъ, кто посвящаетъ себя духовному званію, то на нихъ смотрять весьма снисходительно. Мать вынесла мнѣ новорожденную дѣвочку; я подумалъ, что было бы благоразумнѣе окрестить ее, и исполнилъ надъ нею, въ первый разъ въ моей жизни, этотъ священный обрядъ. Мать дала ей свое имя: Маргарита. Я взялъ дитя на руки, и догадываясь о томъ, чье оно было, чувствовалъ, какъ выступали у меня слезы; наклоняясь къ дѣвочкѣ, я повѣдалъ въ душѣ, что буду любить и беречь ее, если только Богъ сохранить ей жизнь—жизнь до того слабую, что, казалось, она отлетитъ каждую минуту. Я завернулъ потеплѣе мою ношу, и пошелъ; до берега было довольно далеко, но дорога была безопасна, какъ отъ воровъ, такъ и отъ праздныхъ путешественниковъ. Я имѣлъ время раздуматься и о странности моего положенія, и о судьбѣ этой дѣвочки—безъ сомнѣнія, дочери отца Монгазена, и о немъ, которому никогда не достанется счастье обнять ее, который, можетъ быть, никогда не узнаетъ о ея существованіи, потому что я и самъ не знаю, какъ рѣшатъ о ней. Я общалъ себѣ не оставаться для нея чужимъ. Мнѣ хотѣлось быть единственнымъ покровителемъ этого маленькаго, милаго созданія, котораго жизнь связывалась мнѣ однимъ легкимъ дыханіемъ. Луна свѣтила ярко; повременамъ я отрывалъ плащъ, которымъ былъ закутанъ, и взглядывалъ на спящаго ангела, цаловалъ ея сжатія ручки, называлъ ее своей дочерью и, одумавшись, говорилъ себѣ, что не хочу отнимать у ея отца этого дорогаго имени. «Онъ отецъ и мнѣ», думалъ я: «онъ развилъ мои понятія. Ты сестра мнѣ, Маргарита, и ничто насъ не разлучитъ; я буду беречь тебя, а нужно будетъ—для тебя пожертвую собою...»

Я донесъ ее до хижины; тамъ ужъ спали, но отворили мнѣ. Я положилъ Маргариту на постель молодой женщины, съ смущеніемъ выговоривъ, что прошу принять ее. Прекрасная Фран-

ческа сейчасъ дала ей грудь; старуха-мать, смѣясь, говорила, что повѣнчаетъ ее съ своимъ внукомъ; Джузеппе обѣщаль хранить тайну и выкормить дѣвочку, если она останется у нихъ. Я разстался съ нею горестный, но спокойный.

Мать ужъ беспокоилась за мое долгое отсутствіе; г-жа Флавіагъ, напротивъ, спала безмятежно. На завтра пріѣхаль неаполитанскій отецъ-провинціалъ, привезъ своего доктора и, послѣ совѣщаній, сочинили сказку, будто г-жа Флавіагъ больна отъ нечаяннаго паденія у себя въ комнатѣ, что грозитъ преждевременными родами, и потому докторъ не оставитъ ее ни на минуту. Для того же самаго, чтобъ не оставлять ее ни на минуту, отецъ-провинціалъ прислалъ изъ Неаполя надежную женщину. Ее звали Фелиція Морбини, она была француженка, замужемъ за итальянцемъ. Ей было за тридцать лѣтъ и, казалось, она вся была погружена въ благочестіе; но это не мѣшало ей кокетничать, поглядываться украдкой въ зеркала, поглаживать свои волосы и улыбаться себѣ самой, покуда ее не заставляли за этимъ занятіемъ; тогда она тотчасъ принимала смиренно-мистическій видъ и начинала перебирать четки. Она никогда не смотрѣла прямо, и старалась говорить съ особенною мягкостію въ голосѣ. Я сказалъ матери, что это лицемерка. Мать была согласна со мной, но Фелицію прислалъ отецъ-провинціалъ, а ему слѣдовало вѣрить. Я былъ слишкомъ молодъ и не понималъ, что бываютъ духовныя лица и умныя, но до того пропитанныя мистицизмомъ, что позволяютъ себя ослѣпить ловкими плутамъ, которые изъ святости дѣлаютъ ремесло, а изъ своей склонности къ истерикѣ—прибыльную спекуляцію. Въ Италіи нѣтъ города, нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы не было своего блаженнаго, своей пророчицы. Во Франціи это ремесло не такъ выгодно. Свѣтское духовенство и не вѣритъ чудесникамъ и ясновидящимъ; если же и тамъ такіе появляются, то благодаря монахамъ. Это—продуктъ исключительно одного монашества. Но во Франціи подобныя явленія выставляютъ на удивленіе благочестивой публики съ большими предосторожностями. Кликуши должны быть осторожны, чтобъ не компрометироваться, такъ же какъ и ихъ преподобные руководители. У французской полиціи—странныя предубѣжденія: она не вѣритъ сверхъестественному, а если чудеса становятся прибыльны—она стѣсняетъ свободу чудесъ. Это запрещенная спекуляція, какъ азартныя игры... Фелиція Морбини была изъ такихъ особъ; оставшись въ нищетѣ по смерти мужа, она усовершенствовала свои истерическія припадки; имъ повѣрилъ одинъ отецъ-иезуитъ и отрекомендовалъ ее отцу-провинціалу. Тотъ не повѣрилъ, но все-таки взялъ ее подъ свое покровительство: она могла пригодиться.

Мать рѣшилась остаться въ Пуццоло, покуда оправится г-жа Флавіакъ. Было рѣшено, что о рожденіи Маргариты объявятъ чрезъ шесть недѣль, для избѣжанія пересудовъ свѣта, но во всякомъ случаѣ, говорилъ отецъ провинціалъ: это рожденіе—законно, хотя и преждевременно. Я долженъ былъ одинъ уѣхать въ Ф. для продолженія моего прерваннаго курса. Отецъ-провинціалъ приказалъ мнѣ, во имя святаго повиновенія, молчать о происшествіяхъ, которыхъ, по несчастію, я былъ свидѣтелемъ. Я общалъ. Я могъ бы пожелать говорить о Маргаритѣ съ однимъ отцомъ Монгазеномъ, но онъ самъ запретилъ мнѣ чѣмъ бы ни было напоминать ему о г-жѣ Флавіакъ. Однако, отецъ-провинціалъ не позволилъ мнѣ ѣхать чрезъ Ліонъ. Думалъ ли онъ, что, давая общаніе молчать, я сдѣлалъ *мысленное исключеніе*? Но хотя я и изучалъ богословскія правила нашего отца Эскобара, однако не чувствовалъ къ нимъ большаго благоговѣнія. Я зашелъ два раза посмотрѣть на Маргариту; она была слаба и болѣзненна. Вѣроятно, мое безпокойство о ней убѣждало добрую бѣдную семью, что эта дѣвочка мнѣ близка.

«— Не плачьте, frate, сказала мнѣ Франческа:—я сберегу вашу дочку.

Я не сталъ выводить ее изъ заблужденія.

Со мной отправили къ старому маркизу де-Флавіакъ письмо о болѣзни его невѣстки, писанное докторомъ-іезуитомъ, а чрезъ шесть недѣль, мать моя *официально* увѣдомила меня, что у графини де-Флавіакъ родилась дочь, наречена Маргаритой и отдана на годъ кормилицѣ, женѣ рыбака Джузеппе. Сама графиня и мать моя хотѣли возвратиться во Францію осенью.

Я возвратился къ своему прерванному курсу ученія; мои товарищи проходили философію. Меня проэкзаменовали въ томъ, чѣмъ я занимался одинъ, и сравняли со сверстниками.

Философія ордена—это все та же бѣдная схоластика. Я знаю, сколько ловкости придаетъ рѣчи привычка къ построенію силлогизмовъ; но проведя довольно времени въ логическихъ упражненіяхъ, усвоивъ себѣ маленькую способность аргументаціи, позабавившись этой игрой, умъ ничего не приобретаетъ болѣе и остается въ страшной пустотѣ. Если орденъ боится воспитать мыслителей, то хорошо дѣлаетъ, что держится этой старой методы: это смерть мысли. Полагаю, что орденъ на то и рассчитываетъ: мысль заводитъ такъ далеко! Она ставитъ разумъ на край пропасти; изъ предосторожности, наше знаменитое общество придумало философское самоубійство. Нѣкоторые писатели-философы изъ іезуитовъ, какъ отецъ Шатель, отецъ Рамьеръ воспитывались не въ орденѣ, но и они также не поднимали ни одного су-

существеннаго философскаго вопроса. То же можно сказать о нашихъ физикахъ и математикахъ; они бывали въ орденѣ въ XVIII столѣтїи, но теперь объ изученїи точныхъ наукъ у иезуитовъ осталось одно воспоминанїе, а бывшіе ученые вступали въ орденъ уже готовыми. Къ тому же, едва иезуитъ задумалъ заняться какой нибудь отраслюю человѣческихъ наукъ, собратїя тотчасъ уже прославляютъ его: кто заглянулъ однажды въ телескопъ, тотъ астрономъ, кто отличилъ готическій сводъ отъ романскаго — археологъ. Послушать иезуитовъ — у нихъ нѣтъ числа ученыхъ.

Иезуиты увѣряютъ себя и желаютъ увѣрить весь свѣтъ, что они столпы общества, что безъ нихъ не устоитъ его порядокъ, что самъ Богъ мститъ за нихъ, и доказываютъ это, по исторїи, паденїемъ государей, изгонявшихъ иезуитовъ. Въ наказанїе этимъ государямъ, говорятъ они, дьяволъ воздвигаетъ смуты и дѣлаетъ революціи. Выходить, что иезуитамъ нечего жаловаться и на дьявола и напрасно клануть они и его и духъ вѣва: революціи 1830 и 1848 годовъ возвратили ихъ во Францію, а Бельгія, едва освободилась, какъ они ее наводнили. Въ Брюжлетѣ, близъ Аспъ, устроился коллегіумъ; меня послали туда преподавателемъ. Мать моя, рѣшившись неразставаться со мною, нанала дачу въ окрестностяхъ коллегіума.

По уставу, мнѣ дали классъ грамматики и я долженъ былъ вести своихъ учениковъ до конца гуманитарнаго курса. Такъ нигдѣ не бываетъ, кромѣ иезуитскихъ школъ. Обыкновенно рассчитываютъ, что хорошій учитель грамматики негодится въ профессора литературы, а профессоръ классическихъ языковъ неохотно, небрежно и почти всегда безуспѣшно будетъ заниматься съ дѣтьми грамматикой. Но у иезуитовъ другая идея: заставить молодого монаха еще разъ пройти самому весь свой гуманитарный курсъ, прежде нежели онъ начнетъ курсъ богословія и вступить въ священство. Идея, для учителя, счастливая: преподаванїе, въ теченїе шести-семи лѣтъ однимъ и тѣмъ же ученикамъ — это не повторенїе каждый годъ одного и того же; учитель не развлекается наблюденїями надъ способностями и характерами вновь поступающихъ учениковъ; онъ ихъ всѣхъ уже успѣлъ узнать, его задача облегчена. Нельзя отрицать, что это великая выгода, но только для учителя; ученики принесены ему въ жертву. Во весь курсъ они осуждены выносить одного человѣка. Если онъ плохой знатокъ литературы, онъ выучитъ только грамматику; если онъ плохой грамматикъ, онъ создастъ людей поверхностныхъ, которымъ будетъ недоставать самаго существеннаго основанїя — серьезнаго знанїя языковъ. Предполагается, что учитель — человѣкъ универ-

сальный, способный ко всему; такими орденъ считаетъ всѣхъ своихъ членовъ.

Странное дѣло: я не понималъ дѣтской жизни въ нашихъ коллегіумахъ, ни въ то время, какъ самъ былъ ребѣнкомъ, ни въ мое учительство... Мнѣ остались отъ прошедшаго только ученическіе страхи, робость, и удивленіе предъ всѣмъ, что окружало юнаго іезуита.

Чаще всего, изъ наказаній, у насъ употреблялся *signum*; въ немъ выражается весь орденъ, награждающій шпионство и доносъ. Я испыталъ его въ Сент-Ашѣлѣ. Разъ, въ классѣ, я чертилъ разныя фигурки; товарищъ, рядомъ со мной, смѣялся, находя ихъ похожими на нашихъ учителей. Братъ-надзиратель замѣтилъ это и далъ намъ по серебряной монетѣ, это—*signum*. Мы должны были, придя въ столовую, показать монеты и остаться безъ обѣда. Я горько заплакалъ, товарищъ смѣялся. Придя въ столовую, я добросовѣстно подвергся наказанію, но очень удивился, увидя, что наказанъ другой ученикъ, а не тотъ, который провинился вмѣстѣ со мною. Въ рекреацію, я спросилъ его, какъ это случилось.—«Я его сдалъ, отвѣчалъ онъ преспокойно:—я подмѣтилъ, что какой-то дѣлаетъ гримасы учителю, привелъ двухъ товарищей свидѣтелями и заставилъ его взять *signum*. Тотъ точно такъ же отдалъ его другому, тотъ третьему, и т. д. Попался тотъ, кто не успѣлъ сдать до обѣда. *Signum* на то и существуетъ, чтобъ переходить отъ одного къ другому, только подсматривай, да приведи двухъ свидѣтелей».

Нравственное и религиозное направленіе наше тоже оставляло многого желать. Іезуиты, прежде всего, желали образовать христіанъ, потому обременяли дѣтей обрадами. Въ праздники, воспитанники проводили не менѣе восьми и девяти часовъ въ церкви; церемоніи, правда, были великолѣпны, но онѣ утомляли и прислушали. Іезуиты старались раздражать молодые умы надъ свободными вопросами церкви. Мы признавали какъ догматъ непогрѣшимость папы и повторяли и въ классахъ, и въ рекреаціяхъ и съ каеэдръ, что галликанство и предписанія 1828 года противъ іезуитовъ были причиной паденія бурбонской линіи. Есть догматъ, котораго не рѣшила церковь, это—безсѣмное зачатіе Дѣвы Маріи. Онъ спорный съ XII вѣка и остался бы давно забытымъ, еслибъ его не подняли іезуиты противъ доминиканцевъ, которые его отвергали. Тридентскій соборъ не рѣшилъ его и оставилъ свободнымъ. Пусть бы о немъ писали, что хотѣли, но іезуиты этимъ не довольствовались. Всякій годъ, 8 декабря, проповѣдивъ объяснялъ намъ его на вечернѣ и объявлялъ непреложнымъ; къ подножію статуи Богородицы клали книгу и всякій, на кого по-

дѣйствовало слово проповѣди, долженъ былъ росписаться, что признаетъ безсѣмное зачатіе. Естественно, всѣ воспитанники, дѣти подписывались.

Въ день Успенія, на алтарь Богородицы ставили золотой ящикъ, въ видѣ сердца. Воспитанниковъ вызывали по класамъ. Всякій гласъ въ этотъ ящикъ запису, въ которой выражалъ свою задушевную просьбу святой Дѣвѣ. Подождавъ немного, записки вынимали и вызывали слѣдующій класъ. Это поражаело воображеніе дѣтей, а отцамъ-іезуитамъ давало возможность узнать дѣтскія мысли.

Вездѣ, гдѣ есть іезуиты, есть и конгрегаціи; орденъ устроилъ ихъ множество. Доминиканцы и кармелиты соперничаютъ въ этомъ съ іезуитами, но не умѣютъ составлять эти маленькія тайныя общества. У насъ бывали конгрегаціи даже въ коллегіумахъ. Главныя были двѣ: *святыхъ ангеловъ* и *пресвятой Богородицы*. Сначала принимали въ первую, а изъ нея переводили во вторую. Тамъ, по примѣру великаго святого Игнатія, можно посвятиться *рыцаремъ Маріи*. Все это совершается со множествомъ долгихъ религиозныхъ обрядовъ и упражненій, отнимающихъ время. Іезуиты перемѣшиваютъ понятія о жизни богомольной и жизни христіанской. Оттого у іезуитскихъ воспитанниковъ, по возвращеніи въ свѣтъ, скоро проходитъ богомолье, не замѣняясь христіанствомъ. За то нельзя вообразить, сколько рассказывалось въ Сент-Ашѣлѣ и Брюлетѣ благочестивыхъ и невѣроятныхъ легендъ, плохо подтвержденныхъ чудесъ, разныхъ вздоровъ, и рассказывалось людямъ, считавшими себя серьезными, молодымъ людямъ, готовымъ вступить въ свѣтъ, гдѣ, конечно, имъ было необходимо что нибудь другое, а не бредъ Маріи Алакокъ или свѣдѣнія о распространеніи поклоненія Сердцу Іисуса...

Прошло три года. Мать моя жила близу меня въ Брюлетѣ, оставивъ Парижъ безъ сожалѣнія, потому что ея милая г-жа Флавіакъ жила въ Германіи съ своимъ мужемъ, посланникомъ при одномъ важномъ дворѣ. Маргаритѣ было уже три года; подъ разными предлогами, госпожа Флавіакъ не брала ее отъ кормилицы. Мать моя этому удивлялась, но еще больше удивилась письму, которое мнѣ показала. Госпожа Флавіакъ занялась въ Германіи устройствомъ разныхъ богоугодныхъ дѣлъ и духовныхъ обществъ и желала, чтобъ Фелиція Морбини привезла Маргариту не къ ней, но въ Парижъ, къ монахинямъ *Сердца Іисуса*. Она говорила, что такъ обѣщалась, что бывали примѣры такого ранняго посвященія Богу, что она совѣтовалась объ этомъ съ опытными богословами. «Какъ вы думаете? спрашивала госпожа Флавіакъ: — мой мужъ сначала былъ несогла-

сень, но я его уговорила». — Моя мать была очень недовольна; она даже выразилась, что госпожа Флавіакъ безумная. Я спросилъ, за что же она хочетъ, чтобъ Маргарита была монахиней? Мать призналась, съ оговорками, что это дѣлается изъ деликатности, что Маргарита не имѣетъ права, по рожденію, на имѣніе Флавіаковъ, хотя, конечно, это можно бы уладить и по закону, что тутъ былъ романъ... Мнѣ было бы любопытно знать, какой романъ рассказала матери эта женщина, но я не сталъ спрашивать. Мать меня обрадовала, сказавъ, что выпросить, чтобъ ей поручили Маргариту. Госпожа Флавіакъ согласилась на это предложеніе, и въ маѣ 1836 Фелиція Морбини привезла намъ Маргариту въ Брюжлетъ, а сама отправилась въ Парижъ. Дѣвочка была прелестна, но дика, и только одного меня не боялась. Она ласкалась ко мнѣ съ первой встрѣчи. Я, съ первой встрѣчи, искалъ въ ея чертахъ сходства, но не съ ея матерью — оно привело бы меня въ отчаяніе — сходства съ человѣкомъ, котораго я любилъ болѣе всѣхъ послѣ моей матери: я нашелъ его, это сходство было поразительное.

Отецъ-ректоръ брюжлетскаго коллегіума былъ человѣкъ добрый, къ тому же, мать моя дѣлала щедрія приношенія, и потому мнѣ было позволено приходить къ матери всякій день. Я занимался съ Маргаритой. Это было необыкновенное дѣтя, серьезное умомъ, чувствительное сердцемъ. Я любилъ ее безумно, и проводилъ между матерью и ею счастливѣйшіе три года. За то госпожа Флавіакъ очень холодно, почти недовольно отвѣчала на всѣ похвалы, которыя мы писали ей о ея дочери.

III.

Игнатій Лойола не ошибся, назначая молодыхъ іезуитовъ на пять-шесть лѣтъ профессорства, въ которомъ профессоръ самъ проходитъ вновь свой прошедшій курсъ. Жизнь дѣлается болѣе свободною; меньше духовныхъ упражненій, меньше мистицизма, собственныя занятія и обязанности предъ учениками — все дѣлаетъ эти годы пріятнымъ отдыхомъ, въ который взрослый человѣкъ доходитъ до полноты своихъ силъ. Профессорство развиваетъ, учитъ начальству; маленький мірокъ дѣтей — тотъ же міръ, въ которомъ позднѣе придется быть дѣятелемъ, поле для наблюденій надъ умами, вкусами, характерами.

Брюжлетъ на французской границѣ; я съ тревожнымъ любопытствомъ слѣдилъ за политическимъ и социальнымъ движеніемъ, которое увлекало общество, и готовило новый переворотъ во

Франціи. Между тѣмъ я занимался въ особенности алгеброй; ея точность подходила къ моей любви къ истинѣ. Но я приобрѣлъ этимъ занятіемъ способность, опасную въ обществѣ, гдѣ вся жизнь идетъ по предписанію, и ничто не оставляется на волю личности — способность подвергать все строгому анализу... Зачѣмъ я приобрѣлъ ее! сколькихъ горестей избавился бы я, живя въ убѣжденіи, что нашъ орденъ—единственная лѣствица, ведущая къ небу! И былъ бы я теперь членомъ того мирнаго севата, который окружаетъ нашего генерала-префекта въ Gesù, и меня почитали-бъ какъ одно изъ свѣтилъ ордена!... И все это не состоялось за немногимъ.

Признанія отца Монгазена вызвали мои первыя разочарованія; потомъ привычка доискиваться, разсматривать открыла мнѣ недостатки нашего учрежденія. Я сохранилъ къ нему любовь, но потерялъ уваженіе.

Къ намъ не доходили ни книги, ни журналы, достигали только слухи о нападеніяхъ на насъ, о ненависти къ намъ — отчего мы считали себя оклеветанными, мучениками и только сильнѣе привязывались къ ордену. На послѣднемъ году моего регентства случилось, что я примѣтилъ у одного изъ меньшихъ учениковъ книжку; видя, что она не келейная, я бросился и отнял ее; мальчикъ плакалъ, просилъ прощенія, увѣралъ, что увидя на заглавіи «Иезуиты», считалъ ее дозволенною, умолялъ меня сжалиться и не выдавать его. Былъ ли я тронутъ, или изъ любопытства, но я обѣщала молчать и унесъ роковую книжку. Это были, переплетенныя вмѣстѣ, сочиненія Мишлэ и Кинэ, противъ нашего ордена.

Они принесли мнѣ страшное открытіе: уже не отдѣльные люди, не одни талантливые писатели, но цѣлое ученіе поднималось на кафедре высшихъ школъ, и оттуда кричало молодому поколѣнію: «между духомъ ордена Іисуса и духомъ новаго міра— война на смерть! увидимъ, кто побѣдитъ!»

Въ книгѣ были неточности, темноты, излишняя декламация. Но это только погрѣшности вѣщія. Я могъ судить книгу по всему, что зналъ, и не могъ оправдать тѣхъ, кого она судила— мой святой, обожаемый орденъ. Одинъ Богъ знаетъ, какъ я страдалъ, читая. Въ настоящее время, имѣя противъ ордена болѣе обвиненій нежели господа профессора французской коллегіи, я все еще не могу вспомнить безъ ужаса этого переворота моей монашеской жизни. Я бѣгалъ по кельѣ, требуя, чтобы книги моей бібліотеки возразили на эти убивающіе доводы. Я увѣралъ себя, ваввно, что, вѣроятно, наши отцы отвѣтили на нихъ и опровергли ихъ; мнѣ казалось, что я самъ въ одной любви и при-

верженности къ ордену найду слова, способныя подвигнуть за насъ цѣлый міръ и отклонить наносимыя намъ удары... Мое собственное положеніе было ужасно: я съ дѣтства былъ запертъ въ школъ іезуитовъ, обожалъ ихъ, въ невѣдѣніи о всемъ мірскомъ, прошелъ свой новиціатъ, учился — и книги оставляли меня въ томъ же заблужденіи; а тѣ, которыя могли меня наставить, объяснить мнѣ, что такое нашъ орденъ, были у меня отняты, — и это невѣдѣніе о значеніи, дѣятельности и вліяніи ордена въ новомъ обществѣ разсѣются для меня только тогда, когда я свяжу себя съ орденомъ торжественной клятвой!... Все это было возможно. Тогда внутренній, голосъ твердилъ мнѣ: разсматривай, узнавай! и я въ десятый разъ перечитывалъ книги.

Мое регентство кончилось, мнѣ исполнилось тридцать лѣтъ. Меня послали слушать богословскій курсъ въ Парижъ. Туда же вслѣдъ за мной переѣхала и мать моя съ Маргаритой. Въ Парижѣ я не могъ заниматься ею, и мать взяла ей наставницу, по своему выбору, хотя госпожа де-Флавіакъ списывалась съ однимъ изъ парижескихъ іезуитовъ и назначала другую особу, «могущую, какъ выражался этотъ іезуитъ, образовать изъ Маргариты истинную католичку и вѣрную дочь Пресвятой Дѣвы». Но мать моя устояла, и приходя къ ней разъ въ недѣлю, я замѣчалъ, что Маргарита дѣлала при своей наставницѣ быстрые успѣхи.

Парижскій отецъ-провинціалъ увѣрялъ мать мою, что по окончаніи курса, меня посвятятъ въ священство и оставятъ въ Парижѣ. Такъ прошелъ годъ, когда, къ величайшему моему неудовольствію, въ Парижъ пріѣхалъ отецъ Руфинъ. Онъ былъ уже важнымъ лицомъ въ орденѣ, «професоромъ четырехъ-обѣтовъ». Его послали шпионить, что дѣлалось въ іезуитскихъ заведеніяхъ, и между прочимъ удостовѣриться, довольно ли горячо наши отцы вступаютъ въ борьбу, начавшуюся тогда за свободу преподаванія. Онъ устраивалъ маленькую манифестацію изъ молодыхъ католиковъ, только-что выпущенныхъ изъ іезуитскихъ училищъ, противъ гг. Мишле и Кине. Этой манифестаціи помѣшалъ отецъ Равиньянъ; онъ же строго осудилъ пасквиль, написанный однимъ изъ нашихъ отцовъ, но за это самъ получилъ строгій выговоръ отъ отца-генерала изъ Рима.

Вскорѣ графъ и графиня Флавіакъ пріѣхали въ Парижъ на два мѣсяца, и остановились въ домѣ моей матери. Маргарита заранѣе восхищалась, что увидитъ свою мать, и обожала ее заранѣе. Г-жа де-Флавіакъ, вмѣсто объятій, встрѣтила ее блѣдымъ, пронизательнымъ взглядомъ. Маргарита была нарядна; она была похожа на отца Монгазена; я одинъ замѣтилъ, какъ смутилась г-жа де-Флавіакъ; оправясь, она поцаловала дочь, казалось, съ нѣж-

ностью. За то графъ былъ въ восторгѣ, обнималъ жену, обнималъ дѣвочку, благодарилъ мою мать, находилъ сходство между собой и Маргаритой. Г-жа де-Флавиакъ улыбалась; странная женщина, казалась, презирала этого человѣка за то, что борьба съ нимъ была легка. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ графъ все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ Маргаритѣ, но она, видимо, больше любила свою мать, которая не любила ее нисколько. Напротивъ, жестоко и несправедливо, г-жа де-Флавиакъ преувеличивала всѣ ея дѣтскія вины, и истолковывала какъ пороки всѣ ея прелестныя качества, и все во имя религій и благочестія: «она слишкомъ умна—это источникъ гордости; слишкомъ чувствительна, привязчива—любить можно единого Бога»... Г-жа де-Флавиакъ заставляла ее молиться дома и въ церквяхъ по нѣскольکو часовъ, и если семилѣтнее дитя дремало за чотками, налагалась новая молитва, какъ наказаніе. Это выводило меня изъ терпѣнія; я почти ревновалъ, что дѣвочка продолжала любить мать свою.

Съ прїѣзда г-жи Флавиакъ, въ домъ къ моей матери вошелъ и отецъ Руфинъ, пришла и Фелпція Морбини; они, показалось мнѣ, часто любезничали между собою. Отецъ Руфинъ и послѣ отъѣзда грифини, продолжалъ свои посвѣщенія: онъ ловко льстилъ моей матери и она имъ не скучала.

Слушая богословскій курсъ, я составлялъ нѣкоторыя руководства для Маргариты, и сообщалъ ихъ ея наставницѣ, отчего ея воспитаніе шло успѣшно. Но разъ, въ мое отсутствіе, мою келью обыскали, нашли то, что я писалъ для дѣвочки, и подъ предлогомъ, что я трачу время на бесполезное и недолжное, запретили мнѣ цѣлый мѣсяцъ ходить къ матери. Этотъ срокъ еще не вышелъ, какъ мнѣ приказали ѣхать кончать курсъ въ Римъ. Мать была въ отчаяніи: слабая и больная опасно, она не могла слѣдовать за мною. Ее обманули, увѣрили, что я возвращусь...

Наканунѣ моего отъѣзда, я былъ одинъ съ Маргаритой въ гостиной у матери. Дверь открылась, вошелъ отецъ Монгазенъ. Онъ былъ пораженъ, увидя дѣвочку, и узналъ, что она дочь де-Флавиакъ. Маргарита смотрѣла на него пристально, онъ притянулъ ее къ себѣ, обнималъ, ласкалъ, удерживая слезы...

«— Вы хорошо сдѣлали, что не писали мнѣ объ этой женщинѣ, сказалъ онъ: — но пишете мнѣ, говорите мнѣ объ этомъ ангелѣ. Васъ укоряютъ, что вы слишкомъ заботитесь о ней, о ея воспитаніи... Вы уѣзжаете, а я присланъ сюда на два года.

Я съ большимъ горемъ оставилъ Парижъ; разлука съ больной матерью, съ Маргаритой, разрывала мнѣ сердце. Отецъ-провинціальъ и отецъ-ректоръ рекомендовали меня въ Римъ, почему

меня приняли тамъ особенно благосклонно. Это было въ послѣдніе годы папства Григорія XVI; онъ ужь очень слабѣлъ и все правленіе было въ рукахъ Гаэтанино, его брадобрѣя и фаворита. Отцы наши, какъ я нашелъ ихъ въ Римѣ, очень тревожились близкимъ концомъ царствованія; говорили, что не найти другого подобнаго папы. Это первое, что я услышалъ, прибывъ въ Gesù.

Gesù—дворецъ нашего ордена въ Римѣ, построенный насчетъ папы Григорія XIII, нашего покровителя. Постройка великолѣпная и неудобная; архитекторъ побѣдилъ трудности, воздвигнувъ правильное зданіе на неправильномъ пространствѣ. Двѣ-третьи двorca заняты церковью и монастыремъ; роскошь частныхъ бросается въ глаза, вмѣстѣ съ недостатками цѣлаго. Но я люблю свою келью, обращенную на востокъ; правда, окно было загорожено снизу внутренними постройками, но вдали видѣлись сабинскія горы, то туманныя, то пурпурныя, то голубыя.

Какъ я былъ гордъ, что я въ Римѣ, что чрезъ четыре года буду профессоромъ, отцомъ великаго общества Исуса! Я буду выше епископовъ, у которыхъ однѣ ихъ епархіи — моя епархіа будетъ весь міръ, внимающій моей проповѣди!

Но анализъ увлекать меня попрежнему. Въ теченіе четырехъ лѣтъ богословскаго курса, я каждый день разочаровывался. Царница науки—богословіе заключалось въ бѣдныхъ *предложеніяхъ*, подрѣпляемыхъ *ргішо*—св. писаніемъ, *secundo*—отцами церкви, *tertio*—богословами и изрѣдка *quarto*—разумомъ, который признавали изъ милости, если онъ служилъ доказательствомъ. Въ самомъ Gesù, въ Римѣ, въ центрѣ католичества, у людей, желающихъ слыть учеными, ораторами, писателями — преподаваніе богословія не шло дальше того, какъ оно идетъ въ самыхъ бѣдныхъ семинаріяхъ. Профессоръ писалъ пошлости въ своихъ тетрадкахъ, а мы ихъ повторяли въ своихъ. И во все XIX столѣтіе, съ самаго возрожденія ордена, въ немъ не нашлось человѣка, настолько знающаго первыя основанія науки, чтобы сказать собратамъ: «Ваше богословіе — жалкій остатокъ средневѣковаго варварства, оно не наука... Стоитъ открыть ихъ хваленныя богословскія сочиненія, чтобъ убѣдиться, какъ они мелки, слабы, сбивчивы, пошлы, постыдны, потому что ихъ авторамъ случается, толкуя своихъ же авторитетовъ, принимать отрицанія за подтвержденія, и наоборотъ, смотря по тому, какъ выгодноѣ. Наконецъ, вопросы, которые они поднимаютъ, часто неприличны до цинизма... Орденъ насчитываетъ у себя двѣнадцать тысячъ писателей по разнымъ отраслямъ наукъ. Довольно, если назвать восемь или десять человѣкъ; остальные, повторяю, прославлены своими

собратами. А такихъ людей, которые оставили бы свое имя въ-камъ — въ орденѣ нѣтъ ни одного.

Вскорѣ въ Римъ пріѣхали графъ и графиня де-Флавіакъ съ Маргаритой, которую они взяли у моей матери. Это было въ февралѣ 1843. Маргарита выросла, похорошѣла и была попрежнему мила и добра. Мать попрежнему была съ ней строга и несправедлива, притворяясь нѣжною при людяхъ. Съ ними вмѣстѣ пріѣхалъ и отецъ графа, старшій маркизъ де-Флавіакъ, и привезъ своего внука, семнадцатилѣтняго мальчика, благороднаго, добраго, но съ образованіемъ весьма неполнымъ. Помѣщать его въ школу было ужъ поздно; рѣшили, что Густаву дадутъ наставника изъ нашихъ отцовъ, чтобы научить его всему, что необходимо для свѣтскаго человѣка, и въ особенности заняться его религіознымъ воспитаніемъ, о чемъ нисколько не позаботился его покойный отецъ, вольтеріанецъ, ненавидѣвшій иезуитовъ. Этотъ покойный баронъ де-Флавіакъ говаривалъ, что деньгами, которыя иезуиты перебрали и выманили у его семейства, можно было бы покрыть дефицитъ самаго разореннаго государства въ Европѣ. Вѣроятно, чтобы нечего было выманивать у него самаго, покойный баронъ промоталъ все свое состояніе и оставилъ Густаву только знатное имя и долги.

Густаву выбрали въ наставникъ — отца Руфина. Несмотря на предубѣжденія воспитанника противъ иезуитовъ, отецъ Руфинъ скоро вкрался въ его довѣренность. Густавъ былъ славный мальчикъ, беззаботный, вспыльчивый, но рѣшительный и честный. Дѣдъ любилъ его и рѣшилъ, что женить его на Маргаритѣ. Графу де-Флавіакъ этотъ планъ очень нравился, но графиня, не спора съ старикомъ, во всемъ и всегда была противъ молодого человѣка.

Я кончилъ богословскій курсъ и сдалъ экзамены. Я уже объяснилъ, какъ бѣдна была наша наука, а потому мнѣ нетрудно было приобрести маленькій запасъ схоластики и блеснуть имъ. Я занимался восточными языками, каноническимъ правомъ и церковной исторіей. Хотя книги, служившія для курса, были написаны съ исключительно-ультрамонтанской точки зрѣнія, онѣ все-таки просвѣтили мой умъ. Когда мнѣ стало возможно черпать свѣдѣнія изъ другихъ историческихъ источниковъ, я радовался, часто находя, что мои догадки и предвѣденія были справедливы. Но моимъ любимымъ занятіемъ было изученіе св. писанія. Я готовился въ посвященію въ священство и начиналъ третій курсъ, вступая снова на годъ въ новиціатъ, гдѣ бы въ совершенномъ отсутствіи занятій, могъ обновить душу върой и

любовью. Такова была мысль учредителя ордена, и я находилъ ее премудрою.

Но мнѣ хотѣлось дать себѣ строгій отчетъ въ моихъ сомнѣніяхъ; я посвятилъ мѣсяцъ на рѣшеніе главнаго вопроса: чтѣ долженъ я думать о нашемъ орденѣ? Я перечиталъ уставъ, *Regulae communes*, и другіе, взялъ «Похвалу іезуитамъ» Черутти, книгу отца Равиньяна, досталъ далеко спрятанную книгу Мишле и Кине; Густавъ далъ мнѣ «Іезуита» Джоберти, сказавъ, что мнѣ будетъ нелегко на него отвѣчать. Я принялся жарко и слышалъ все. Я перецѣнилъ обвиненія прежнихъ парламентовъ, которые брасали на насъ однихъ отвѣтственность за всѣ изворотливыя и безнравственныя ученія. Не одни наши отцы въ XVI вѣкѣ поддерживали теорію царевубійства: они говорили вслѣдъ за Томою Авинскимъ, который разрѣшалъ убить тирана; то же говорили доминиканцы, францисканцы; Сорбонна, парижскіе священники не стѣснялись точно такъ же какъ и нынѣ, въ XIX вѣкѣ, епископъ монскій, Бувье, умершій нѣсколько лѣтъ назадъ, училъ тому же въ руководствѣ богословія, принятомъ во многихъ семинаріяхъ. Къ намъ, стало быть, несправедливы, когда въ этомъ ученіи исключительно обвиняютъ насъ. Мы только сдѣлали ошибку, подняли его вновь и допускаемъ нашихъ писателей распространять его.

Отецъ Равиньянъ говоритъ, что генераль нашъ, Аббавива, запретилъ разборъ тезиса о царевубійствѣ; онъ могъ бы и совершенно его опровергнуть, но всѣ духовные ордена, а нашъ въ особенности, считаютъ себя непогрѣшимымъ, и сознаться, что были неправы—дѣло честное, но слишкомъ трудное для монашеской гордости. Какъ бы то ни было, были ли іезуиты сообщниками Шателя и Равальяка, сражались ли они противъ Генриха IV въ 1590 г. — это дѣло времени и страстной политики XVI вѣка. Орденъ не отвѣчаетъ за то, въ чемъ двѣсти лѣтъ назадъ провинился его членъ. Отдѣльныя личности могутъ заблуждаться, но — говоритъ Вольтеръ: «нѣтъ и не можетъ быть общества, преднамѣренно развращающаго нравы людей». Обвиненіе падаетъ, потому что преувеличено.

Я не нашелъ ни оправданія, ни объясненія на обвиненія въ томъ, что іезуиты, съ начала своего учрежденія, льстили папамъ, добились отъ нихъ своего освобожденія въ-подъ власти епископовъ и приняли теорію духовнаго самодержавія, признавая въ человѣческомъ обществѣ одну только власть — власть папы. Я рѣшилъ, что поздиѣ разъясню себѣ это.

Далѣе, я находилъ у Мишле: «Искусственныя семейства, монашескіе ордена только тогда были полезны, когда оставали

вступавшему хотя какую-нибудь свободу развитія. Иезуиты же скватываютъ всего человѣка, образуютъ его *воспитаніемъ*, властвуютъ надъ нимъ *проповѣдью*, управляютъ имъ въ его малѣйшихъ дѣйствіяхъ *руководствомъ*... Черутти разсуждаетъ въ своей «Похвалѣ иезуитамъ»: «Какъ младенца пеленаютъ въ колнубели, дабы придать его тѣлу вѣрные размѣры, такъ отъ ранней юности слѣдуетъ пеленать волю, дабы она сохранила на всю жизнь счастливую и значительную гибкость». Этимъ правиломъ совершенно уничтожается человѣческая личность, думалъ я: не слишкомъ ли далеко заходить иезуитская теорія? Это стѣсненіе воли, не есть-ли оно добровольное самоубійство, предлагаемое вступающимъ? И для цѣлаго гражданскаго общества, не будетъ ли самоубійствомъ покорность единому духовному отцу, властелину помысловъ, дѣйствій, всей жизни? И если удастся эта система, возможно ли человѣческое общество? И-тогда, властелиномъ будетъ ужъ не папа, но ловкая, умная корпорація, управляющая народами, государями, самимъ папой... Такой замыселъ неизмѣримо смѣлъ, его исполненіе громадно до ужаса. Но его результатъ—смерть свободы, лицъ, націй, человѣчества... вѣчныя пеленки!...

Къ волненіямъ разума, у меня прибавилась сердечная горестъ. Мнѣ писали изъ Парижа, что матери все хуже. Послѣ посвященія въ священство, начинался годовыи новиціатъ, и мнѣ подавали надежду, что по окончаніи его меня отпустятъ къ матери. Новиціату была недѣля, когда меня повалили къ отцу Розавену, ассистенту отца-генерала. Онъ объявилъ мнѣ, что мать моя умерла. Посвятивъ на мое утѣшеніе нѣсколько пошлыхъ фразъ, онъ коснулся вопроса, важнаго въ глазахъ истиннаго иезуита: отдамъ ли я ордену мое имѣніе, такъ-какъ я еще не постриженъ и мои обѣты могутъ быть разрѣшены? На всякій случай, отецъ парижскій провинціалъ заготовилъ и прислалъ для подписанія мое полное отреченіе въ пользу ордена.

— Обдумайте предъ Богомъ, сказалъ отецъ Розавень, подглядывая мнѣ эту бумагу.

Его спокойствіе и жадность во имя ордена меня возмутили.

«— Нечего думать, сказалъ я ему:—я рѣшился.

И подписавъ, я ушелъ скорѣе къ себѣ, оплакать мою мать. Мое состояніе, въ домахъ и земляхъ, простиралось на полтора миліона франковъ. Иезуиты продали дома и земли и не исполнили даже завѣщанія матери похоронить ее подлѣ отца; правда, что они купили ей на *вѣчно* уголокъ на монпарнаскомъ кладбищѣ...

Отецъ Руфинъ посѣтилъ меня и объявилъ, что Маргарита

серьёзно больна, съ горя по смерти моей матери. Ей сказали объ этомъ внезапно, не поберегли; потому мать мучила ее упрёками, что если она въ такомъ отчаяніи по чужой, то стало-быть въ ея сердцѣ нѣтъ ничего для родной матери; ей толковали, что христіанка не должна забывать покорности Богу... Отецъ Руфинъ, какъ видно, помогаль графинѣ мучить дѣвочку. Онъ не любилъ ее и завидоваль ея привязанности ко мнѣ, тѣмъ болѣе, что по назначенію графини, онъ былъ ея духовнымъ руководителемъ. Я умоляль отца Руфина выпросить мнѣ позволеніе видѣть Маргариту.

«— Невозможно, возразилъ онъ: — и тѣмъ болѣе жаль, что Маргарита зоветъ васъ безпрестанно, а докторъ увѣряеть, что противорѣчія и отказы въ настоящую пору могутъ ей быть смертельны. Но, прибавилъ онъ лицемѣрно: — монахъ предаеть земныя попеченія въ руки божіи и не уклоняется отъ своей стези. Въ этотъ послѣдній годъ искуса, вы отрѣшены отъ міра и даже не должны знать, чтò происходитъ въ немъ. Я не приду къ вамъ больше. Захочеть Господь — и безъ васъ спасеть отроковицу, а воззоветъ къ себѣ — возрадуемся, что она въ сомнѣ ангеловъ. Мать ея такъ возвысилась въ духовномъ совершенствѣ, что сегодня говорила мнѣ: «Если Господь возьметъ мою дочь, я буду счастлива, что она оставила міръ, гдѣ могла бы погубить свою душу».

Онъ въ самомъ дѣлѣ ушелъ и не возвращался. Случайно, чрезъ двѣ недѣли, я узналъ, что Маргарита внѣ опасности.

Въ теченіе шестнадцати лѣтъ, не теряя меня изъ вида ни минутой, прилагая свою методу къ одному изъ самыхъ покорныхъ характеровъ, іезуиты осуществили во мнѣ свой идеаль. Они довели меня до священства, научили всему, чему могли, и по моимъ блестящимъ экзаменамъ убѣдились, что могутъ допустить меня до обѣтовъ постриженія, и до дѣятельности въ орденѣ.

До этого оставался еще годъ. Семнадцать лучшихъ лѣтъ жизни — были посвящены приготовленію къ жизни отшельнической. Высшею цѣлью, высшимъ усиліемъ было, какъ говорили отцы, имѣть въ ново-постриженномъ человѣка, «неподвижнаго — какъ палка, безчувственнаго — какъ трущъ, безучастнаго ко всякому мѣсту, всякому занятію, всякому положенію.» Семнадцать лѣтъ стѣснили всякую энергію, уничтожали всякую жизненную силу, дошли до границъ между жизненнымъ движеніемъ и смертью для того, чтобы человѣкъ превратился въ іезуита.

Этотъ идеаль осуществился во мнѣ. Мои слова могутъ показаться странными послѣ того, чтò я рассказываль о своихъ колебаніяхъ и сомнѣніяхъ, но въ жаркой головѣ много противо-

рѣчій, въ душѣ сила лежитъ рядомъ съ слабостью, а неуспѣнное руководство имѣетъ свое вліяніе. Наши отцы не ошибаются — и такимъ способомъ они сформировали многихъ.

Мнѣ оставался одинъ только годъ, бѣдный годъ изъ семнадцати, которымъ долженъ былъ заключиться кругъ иезуитскаго посвященія. Какъ въ первый новиціатъ, въ теченіе этого года, я былъ отрѣшонъ отъ всякаго сообщенія съ людьми, отъ всякаго занятія, отъ книгъ; я вступилъ въ «мастерскую молчанія» для послѣдней переработки, послѣднаго приготовленія, послѣднаго испытанія. Это былъ высшій классъ школы, «Schola affectus», полного отреченія, полного равнодушія.

Но что не сдѣлалось въ шестнадцать лѣтъ, могло ли сдѣлаться въ нѣсколько мѣсяцевъ? Я не думаю этого. Я былъ лучше, восторженнѣе въ мой первый новиціатъ; въ моей душѣ уже не чувствовалось энергіи. Вѣчно повиноваться! Повиноваться, не размышляя надъ приказаніемъ! Я размышлялъ надъ собою. Кто виноватъ въ неуспѣхѣ этого искусственнаго воспитанія—я-ли самъ, или метода воспитанія? Моя жизнь была чиста; отреченіе отъ міра казалось мнѣ согласнымъ съ словомъ божіимъ; но мнѣ не представлялось случая дѣлать зло, моя добродѣтель была — добродѣтель отрицательная, хотя желаніе добродѣтели было искренно.

Такъ виноватъ не я, а метода... Смерть матери сдѣлала во мнѣ тяжкій переломъ. Прежде я твердо боролся бы съ сомнѣніями, теперь я приходилъ въ отчаяніе, я терпѣлъ адскія муки, сходилъ съ ума, воображалъ, что Богъ наказываетъ меня за гордость, осудилъ меня, отнимаетъ у меня благодать свою... И какъ случается, что въ отчаянныя минуты является страшное сознаніе, я сталъ искать причины своего рокового разстройства.

Я нашелъ ее: то была книжка Мишле. Нѣтъ сомнѣнія! При чтеніи ея, въ меня вошелъ духъ зла! Я, преступникъ, судилъ и осудилъ мой орденъ, уважаемый святѣйшимъ отцомъ! я осудилъ святыхъ, папу, церковь, Бога, глаголящаго чрезъ святыхъ своихъ!... Нравственное страданіе дошло во мнѣ до крайнихъ предѣловъ. Я пошелъ къ духовнику. Это былъ святой человекъ, но съ довольно ограниченными идеями; онъ, наивно не понимая меня съ первыхъ словъ, воображалъ, что вины, въ которыхъ я упрекалъ себя, были какое-нибудь любовное похищеніе, побѣгъ изъ Gesù, и принялся утѣшать меня, въ особенности толкуя о блудномъ сынѣ. Узнавъ изъ исповѣди, что я обвиняю себя въ чтеніи Мишле, Кине, Джоберти, онъ успокоился совершенно, и много успокоилъ и меня, сказавъ, что я только эзальтировался. Вскорѣ моей совѣсти далось еще успокоеніе.

Недалеко отъ моей кельи была келья отца Мадзонелли, семи-

десятилѣтняго старика, прошедшаго всѣ степени ордена, до должности асистента достопочтеннаго отца-генерала. Въ Gesù его уважали какъ святого. Я иногда сводилъ его съ лѣстницы въ столовую; онъ полюбилъ меня, и часто со мной разговаривалъ. Разъ, замѣтя, что я разгроенъ, онъ повлекъ меня въ разговоръ объ орденѣ, объ испытаніяхъ, искушеніяхъ слишкомъ долгаго затворничества, и довелъ до признанія, что я много страдаю въ послѣднее время.

«— О, я знаю это! возразилъ онъ: — я чрезъ это прошелъ. Видите ли, когда триста лѣтъ назадъ сочинились наши правила и учрежденія, люди не были такъ чувствительны; ихъ надо было смирать, какъ звѣрей — вѣнцомъ и голодомъ. Мы ужъ смирены, или не такъ энергичны, намъ такой уставъ невыносимъ. Слѣдовало бы дѣйствовать навыворотъ, и вмѣсто того, чтобъ стѣснять излишекъ силъ, которыхъ нѣтъ у насъ — дать намъ воздуху, свободы, нравственной пищи, укрѣплять насъ.

«— Стало быть, не грѣшно іезуиту находить, что его искусственное воспитаніе привело къ жалкимъ результатамъ?

«— По моему, нѣтъ. Я это говорю и отцу-генералу. Онъ смѣется, называетъ меня нововводителемъ. «Мадзонели — говорить — я доведу на васъ святой иневизидіи». Это значить, что возразить онъ не можетъ, но старъ, и потому не берется разумнѣе передѣлать вещи. Васъ я понимаю; васъ такъ долго тѣснили, что вы не знаете, какъ будете ходить, сдѣлавшись постриженнымъ. Я много видѣлъ; что-бъ ни говорили, а вокругъ насъ все перемѣнилось. Новымъ людямъ нужна новая метода. И дойдетъ до этого; надо будетъ многое измѣнить. Наше слово «sunt sicut sunt, aut non sint» — упрямство, а не мудрость. А вы не печальтесь. Вотъ, чрезъ два-три мѣсяца пошлутъ васъ на проповѣдь во Францію; встряхните классный прахъ, сбросьте пеленки Gesù, будьте не сухой *палкой*, а свѣжимъ, плодовитымъ деревомъ, не *трусомъ*, а живой душою. Идите къ Господу въ простотѣ души. Со мной было то же. Меня, послѣ постриженія, послали въ одинъ изъ нашихъ домовъ; дѣло было каждый день; я принялся, какъ простой священникъ, забылъ всѣ наши мистическія толкованія, и обрѣлъ миръ. Сдѣлайте то же...

Я успокоился, но мое нравственное выздоравливаніе тянулось долго; я нашелъ исцѣленіе въ тѣхъ же мысляхъ, которыя, бывъ преувеличены, доводили меня до мученій. Буря прошла, настали другія ошущенія. Я произнесъ великіе обѣты и былъ признанъ братомъ ордена. Меня звали уже отцомъ съ посвященія въ священство, но тутъ только я сталъ настоящимъ отцомъ-іезуитомъ.

Прежде всего, едва очутившись на свободѣ, я пошелъ повидаться съ Маргаритой. Ей было двѣнадцать лѣтъ; она была хороша, высока какъ взрослая и худа. Она не была счастлива, и это сейчасъ замѣтилъ. Она скрыла даже радость при нашемъ свиданіи; строгій взглядъ матери удержалъ ее броситься мнѣ на шею, и я понялъ, какъ далеко разлучилъ насъ этотъ годъ. Я вспомнилъ, какъ я цаловалъ ее, ребенкомъ, какъ игралъ ея золотыми кудрями... Для нея прошло дѣтство, для меня—молодость...

Старый маркизь де-Флавіакъ очень ослабѣлъ. Онъ попрежнему обожалъ Маргариту и жаловался, что внукъ его, Густавъ, недоволенъ набоженъ и скромнень, впрочемъ, хорошо, занимается науками. Онъ долженъ жениться на Маргаритѣ, это его исправить, но г-жа де-Флавіакъ домогается, чтобъ Маргарита шла въ монастырь, какъ она и сама этого желаетъ.

«— Меня, въ счастью, предупредилъ объ этомъ отецъ Руфинъ, прибавилъ маркизь.

Я чрезвычайно удивился.

«— Отецъ Руфинъ? Стало-быть, онъ не вѣритъ желанію Маргариты?

«— Нисколько; онъ согласенъ со мной и понимаетъ необходимость этого брака. По его совѣту, я обратилъ въ деньги все мое состояніе. Мнѣ хорошо въ Римѣ, я тутъ и умру. Я объявилъ невѣсткѣ, что если Маргарита пойдетъ въ монастырь, я все отдамъ Густаву: онъ, вѣдь, де-Флавіакъ и продлитъ родъ нашъ. Но я объявилъ также Густаву, что лишу его всего, если онъ еще напраказитъ. И такимъ образомъ, всѣ въ моихъ рукахъ. Сынъ мой, графъ де-Флавіакъ, мнѣ не поддерживаетъ: онъ въ рукахъ у жены, и хоть и любитъ дочь, а допустить принести ее въ жертву. Нѣтъ, моя подпора — отецъ Руфинъ!

Я недоумѣвалъ отцу Руфину. Онъ былъ въ полной довѣренности у графини, между тѣмъ какъ старый маркизь считалъ его на своей сторонѣ; это казалось мнѣ странно. Что касается до Густава, отецъ Руфинъ, дѣйствительно, умѣлъ внушить ему серьезно любовь къ занятію, но онъ былъ попрежнему легкомысленъ и охотникъ до удовольствій. Онъ скучалъ въ Римѣ.

«— Что дѣлать въ городѣ, гдѣ всѣ постыся и театры вѣчно закрыты? говорилъ онъ мнѣ. — Конечно, надо посвящать хоть ночи на игру или на что другое; какъ же мнѣ было въ этотъ годъ не дѣлать долговъ. Не знаю, почему дѣдъ узнаетъ все, что я дѣлаю; должно быть, за мной шпионитъ кузина, графиня; она ненавидитъ меня, какъ умѣютъ ненавидѣть только богомолки. Отецъ Руфинъ одна моя защита; я никогда не думалъ, что найду такого человѣка въ иезуитѣ, и приважусь къ нему. Онъ всегда за

меня и умѣеть уговорить дѣда; безъ него, дѣдъ давно бы прогналъ меня и сказалъ, чтобъ я и не думалъ о Маргаритѣ. А это было-бы для меня горе; я не влюбленъ въ дѣвчонку, но чрезъ три-четыре года сойду отъ нея съ ума. Я вижу, эта будущность и меня отъ многого удерживаетъ и спасаетъ это прелестное существо. А мать хочетъ спрятать ее въ монастырь! Просто, она ей завидуетъ, она предвидитъ, каково ей будетъ отъ сравненія, когда придется представить въ свѣтъ эту свѣжесть и красоту... Хорошо, что есть отецъ Руфинъ, онъ ее образумитъ во время.

Выходило, что отецъ Руфинъ былъ въ довѣренности у всѣхъ, кромѣ Маргариты, которая чувствовала къ нему непреодолимое отвращеніе. Я вѣрилъ въ предчувствіе ребенка, но что мнѣ было дѣлать? Переубѣдить другихъ было не въ моихъ средствахъ.

— Спусти мѣсяць послѣ моего посвященія, я получилъ приказаніе ѣхать въ Парижъ.

Предписывая своимъ членамъ равнодушіе ко всему, орденъ всетаки заботится о томъ, чтобы на видныя мѣста посылать людей болѣе способныхъ; я понялъ изъ своего назначенія въ Парижъ, что меня цѣнили высоко; карьера проповѣдника меня заманивала. Пока я еще оставался въ Римѣ, отецъ-генераль, его ассистенты и всѣ въ Gesù оказывали мнѣ большое вниманіе и обращались со мною какъ уже съ зрѣлымъ человѣкомъ. Но это не придавало мнѣ внутренней бодрости. Я не заботился о повиновеніи—орденъ могъ послать меня куда угодно. Я не жалѣлъ о своей волѣ, я чувствовалъ себя попрежнему робкимъ послушникомъ, человѣкомъ, въ которомъ придавлена энергія. Чтобъ испытать свои силы, мнѣ было нужно время. Новая жизнь, свобода, сношенія съ людьми, важность должностей, привычка дѣржать рѣчь, наконецъ вылечили мою душу отъ семнадцатилѣтняго рабства...

Я пріѣхалъ въ Парижъ; наши тамошніе отцы приняли меня превосходно; я замѣтилъ, что мнѣ, какъ проповѣднику, ужъ ранѣе подготовили успѣхи. Чрезъ нѣсколько дней я получилъ извѣстіе, что умеръ мужъ графини де-Флавіакъ; она сама вскорѣ пріѣхала въ Парижъ; но когда я пришелъ къ ней, то уже не нашелъ Маргариты: мать помѣстила ее въ Sacré-Coeur. «Можетъ быть, это въ лучшему, думаю я: ей лучше жить въ монастырѣ, нежели съ нелюбящей матерью. Къ тому же, мнѣ, какъ іезуиту, былъ всегда доступъ въ Sacré-Coeur и я могъ видѣть Маргариту на свободѣ.»

Годъ пробылъ я въ Парижѣ, когда меня снова вызвали въ Римъ. Отецъ-генераль сказалъ мнѣ, что по особой милости, меня допускаютъ до произнесенія четвертаго обѣта—обѣта повиновенія святѣйшему отцу. Послѣ десятидневнаго затворничества, я произнесъ его.

СЪ БЕРЕГОВЪ АТЛАНТИЧЕСКАГО ОКЕАНА.

ИЗЪ ЗООЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАМѢТОКЪ.

Статья первая.

— — —

Гавръ.—Приливъ.—Медузы.—Бретань.—Конкарно.—Ловля сардинокъ.—Вивариумъ Коста.—Описаніе ихъ.—Раки.—Плоскуши.—Скаты.—Открытие Робена.

Въ Гаврѣ познакомился я впервые съ приливомъ. Я пріѣхалъ туда какъ разъ къ его началу. Мало что производитъ такое чарующее впечатлѣніе на человѣка, какъ это удивительное явленіе. Чуть слышный бризъ танулъ отъ англійскихъ береговъ. Море, лишь кое-гдѣ покрытое рябью, было почти гладко и далеко отступило отъ береговъ. Послѣдніе, какъ каймою, были обложены воротами морскихъ водорослей, въ которыхъ барахтались краббы, креветки и мелкая рыбешка. Утесы и песчаные откосы языками вдавались въ море. Прибрежныя деревья чуть колыхались. На горизонтѣ видѣлись десятки парусовъ. Какъ измѣнилась эта картина покоя черезъ какой-нибудь часъ! Невѣдомая, таинственная сила вдругъ оживила мертвыя воды. Море стало пухнуть, воздыматься. Въмѣсто прежнихъ ласковыхъ плесковъ, начало какъ-то злобно кидать въ берега волну за волною. Очертаніе береговъ совершенно измѣнилось: выдававшіеся прежде въ море утесы исчезли, на ихъ мѣстѣ крутились и пласали сердитыя волны. Въмѣстѣ съ этимъ повсюду засновали лодки, шлюпки; словно изъ земли выросли десятки кораблей и пароходовъ; все спѣшило воспользоваться приливомъ.

Я ежедневно ходилъ смотрѣть на приливъ. На меня онъ дѣйствовалъ какимъ-то бодрящимъ образомъ. Особенно нравился онъ мнѣ вечеромъ, когда на сосѣднихъ берегахъ и островахъ заблещутъ маяки, когда замскрятся огоньки какого-нибудь Trouville sur mer, по ту сторону сенскаго устья, кажушіеся расположенными на самой морской поверхности. Особенно поражало оживленіе прилива по сравненію чуть не съ полнымъ спокойствіемъ на сушѣ и

въ атмосферѣ. Удивительное чувство овладѣваетъ человѣкомъ, когда подумаешь, что явленія эти повторяются отъ вѣка и будутъ повторяться до скончанія вѣковъ съ тою же неизмѣнною правильностію, какъ и во времена исключительнаго господства хаотическихъ силъ, въ какуюнибудь геологическую эпоху!

Въ Гаврѣ же познакомился я съ медузами. Разъ утромъ отправился я знакомиться съ здѣшними базарами. Проходя мимо порта, около одного изъ чинившихся кораблей, я замѣтилъ довольно быстро двигавшуюся медузу, *первую*, увидѣнную собственными глазами. Съ напряженнымъ вниманіемъ разсматривалъ я эту красоту, и какъ хотѣлось мнѣ завладѣть ею. Къ несчастію, ни одинъ изъ взятыхъ мною сачковъ не хваталъ и на четверть ея разстояніи отъ меня. Къ довершенію всего, моя красавица оказалась чрезвычайной скромницей, или, если хотите, кокеткой. Какъ-бы замѣтивъ, что я внимательно слѣжу за нею, она внезапно опустилась ко дну и не показывалась болѣе на этомъ мѣстѣ. За то я былъ вполне вознагражденъ судьбой, добравшись до настоящихъ береговъ, до такъ-называемыхъ *bains de Frascatti*. Къ самымъ купальнямъ, утренній приливъ пригналъ несметное множество медузъ того же сорта, какъ я видѣлъ въ портѣ. Ихъ было такъ много, что онѣ затрудняли купающихся. Большая часть ихъ была жертва, но я видѣлъ нѣсколько десятковъ и живыхъ, двигавшихся совершенно произвольно по вѣтру, противъ вѣтра, вверхъ, книзу... Странно, что такимъ прелестнымъ, нѣжнымъ тварямъ дано страшное названіе *медузъ*. Мнѣ гораздо понятнѣе ихъ видовыя прозвища: *вереники, авреми, діонеи, еводори, пелании*.

Устройство медузы очень просто. Онѣ имѣютъ полубруглую форму, величиною отъ половины грецкаго орѣха до большого ржаного хлѣба. Здѣшнія были въ половину крупнаго яблока (изъ породы *Ryzosthoma*). Съ нижней, плоской стороны диска виситъ нѣсколько крупныхъ отростковъ и множество тонкихъ нитей, иногда только первые. Это такъ-называемая *борода* медузъ. Въ этихъ отросткахъ находятся ротовыя отверстія, ведущія пищу внутрь, въ желудокъ, представляющійся безстѣнною полостью. Рѣже помѣщается ротовое отверстіе прямо снизу диска. Черезъ тѣ же отверстія выбрасываются негодные остатки. Тѣль самого тѣла медузъ подъ микроскопомъ оазывается состоящею изъ безформенной жидкости, въ которой разсѣяны три сорта клѣточекъ: 1) круглыя—мелькія; 2) такія же, но крупныя, и 3) веретенообразныя. Пслѣднихъ всего болѣе въ щупальцахъ медузы и въ яркихъ бородавкахъ ея тѣла (когда такія есть). Онѣ-то и суть источники глущести медузъ. При большемъ увеличеніи (напримѣръ, 900 съ *immersion*), я могъ отлично разглядѣть ихъ: они представлялись

грушевидными мѣшками, переходящими въ трубочки съ открытыми концами. Внутри мѣшка лежала спирально-завитая нить, конецъ которой легко могъ выбрасываться изъ трубки. Съ цѣлью испытать самому эту жгучесть, я загѣзалъ въ самую средину прибитыхъ медузъ. Мнѣ она казалась чрезвычайно слабой, я безъ труда терпѣлъ ее отъ многихъ разомъ, ощущение это можно сравнить съ дѣйствиємъ самого слабого электрофора. Притомъ жгли онѣ не всѣ, или, лучше сказать, *never*: однѣ и тѣ же иногда жгли, иногда нѣтъ. Цвѣтъ здѣшнихъ медузъ опаловый съ красивымъ отблескомъ; нижняя сторона оторочена ярко-лиловыми фестонами; сверху врестъ такого же цвѣта. Мнѣ кажется, что изъ низшихъ животныхъ нельзя найти болѣе красивыхъ и изящныхъ! Медузы обладаютъ болѣе разнообразными движеніями, чѣмъ это вообще предполагаютъ. Онѣ, напримѣръ, положительно могутъ двигаться и на сушѣ, весьма замѣтнымъ образомъ. Я набралъ ихъ съ десятокъ въ свою кабину (чуланчикъ, гдѣ одѣваются купающіеся), и разложилъ на лавкѣ. Когда ихъ колокольчики нѣсколько расширились и выпустили изъ себя морскую воду, то я самымъ яснымъ образомъ замѣчалъ сокращенія крайнихъ лопастей* и поступательное движеніе вслѣдствіе этого; выпущенная вода и слизь, вѣроятно, облегчали движеніе; три-четыре медузы упали даже на полъ, гдѣ опять продолжали свое движеніе, несмотря на отбитые куски. Надо прибавить, что и лавка и полъ казались мнѣ совершенно горизонтальными.

Обычный же ихъ способъ перемѣщенія — плаваніе. Когда онѣ хотятъ плыть быстро, то ложатся бокомъ и двигаются сокращеніями своихъ прибавковъ и отчасти самого диска. Я видѣлъ многихъ въ такомъ положеніи. Большею же частью медузы плаваютъ плашмя, чему, мнѣ кажется, благоприятствуетъ всего болѣе ихъ строеніе. Въ самомъ верху колокольчика, въ желудочной полости, какъ я сказалъ выше, находится много воздуха; понятно, что это сообщаетъ большую легкость верхней части, а вслѣдствіе этого и большую устойчивость всему тѣлу. Воздухъ этотъ такимъ образомъ, какъ-бы въ зачаткѣ, представляетъ плавательный пузырь рыбъ, воздушныя полости птицъ.

Прибавимъ въ заключеніе, что приводимая почти всѣми книгами пресловутая нѣжность тканей медузъ, мнѣ кажется крайнею ошибкою. Часами разсматривалъ я вынутыхъ изъ воды медузъ, держалъ 6, 7 часовъ въ своей квартирѣ, и онѣ достаточно сохраняли свой видъ. Впослѣдствіи, у Атлантическаго океана я еще болѣе убѣдился въ справедливости этого.

* Окружность диска не гладкая, а какъ-бы съ насѣтками, въ видѣ лопастей.

Тамъ, около St-Nazaire мнѣ случалось иногда находить огромныя, выкинутыя бурей, медузы (*Ryzosthoma Cuvieri*); онѣ лежали на пескѣ два-три дня и все-таки ткань ихъ довольно хорошо сохранилась, хотя, правда, потеряла уже характерную форму.

Неснабженныя никакимъ оружіемъ, бѣдныя медузы погибають ежедневно тысячами: ихъ пожирають рыбы, преслѣдуютъ птицы, и особенно много гибнетъ ихъ при сильныхъ вѣтрахъ, разбивающихъ этихъ тварей въ куски о береговныя скалы.

Всего два дня пробылъ я въ Гаврѣ, и затѣмъ переселился въ маленькое прибрежное мѣстечко—Ипортъ (Yport), въ 4—5 часахъ отъ Гавра по направленію къ Діэппу. Мѣсто это, по положенію своему, уединенности и даже по относительному богатству фауны, чрезвычайно удобно для зоологическихъ занятій. Впослѣдствіи я провелъ здѣсь около мѣсяца, въ этотъ же разъ мнѣ пришлось пробыть здѣсь всего нѣсколько дней. Въ Ипортѣ я узналъ, что въ Бретани, немного ниже Бреста, уже давно устроены обширныя виваріумы въ Конкарно (Concarneau), по мысли и плану извѣстнаго парижскаго професора Коста. Я, не колеблясь, оставилъ свой Ипортъ и черезъ двое сутокъ былъ уже тамъ. Изъ Парижа я ѣхалъ на Нантъ, St-Nazaire, Lorient и Кимперлэ (Quimperlé). Черезъ двѣ станціи отъ послѣдняго, въ Роспорденѣ, приходится взять дилижансъ и черезъ два часа вы въ Конкарно. Всякому интересующемуся фауною Атлантическаго океана я совѣтую ѣхать именно этою дорогою. Она хотя и нѣсколько длиннѣе и дороже другихъ, но за то Lorient и особенно недалеко отъ него лежащее мѣстечко—Крузикъ (Croisic) вознаграждать вполне эти неудобства: первое мѣсто справедливо почитается классическимъ относительно различныхъ породъ рыбъ, а второе — раковъ; это одинъ изъ самыхъ важныхъ рыбныхъ центровъ океана.

Часть Бретани, которую путешественникъ проѣзжаетъ отъ Роспордена до Конкарно, мало ласкаетъ его взоры. Кругомъ безконечныя пески, скудныя, однообразныя степи. Изрѣдка встрѣчаются небольшія рощи настоящихъ деревьевъ, большею же частью растительность ограничивается кривлявыми кустами терновника и особой породы ивняка. Деревни, фермы, начинаютъ попадаться лишь недалеко отъ Конкарно. Да и тѣ глядятъ какъ-то печально; мизерныя дома тѣсно сдвинуты другъ къ другу, закрывшись отъ дороги высокою, безконечно-длинною стѣною. Стѣны эти иногда тянутся на цѣлую сотню саженъ, выказывая только черепитчатые и тростниковые чубы спрятавшихся за ними хижинъ. Какое сравненіе этихъ бѣдныхъ пейзажей съ роскошными пейзажами Нормандіи, около какого-нибудь Руана или Etretat...

Тамъ, нѣмецки-опрятныя мызы, деревни, то и дѣло выгладн-

вають изъ богатой зелени; глазъ не увидить ничего кромѣ отлично воздѣланныхъ полей, безконечныхъ садовъ, безчисленныхъ фабричныхъ трубъ!

Та же разница между моремъ. Меня, признаюсь, немало удивила совершенно внезапно развернувшаяся передъ нами конкарновская бухта. Никакихъ, рѣшительно никакихъ предзнаменованій близости страшнаго старца—океана! То ли дѣло ламаншскія волны около Ипорта. Тамъ задолго еще слышался неясный, глухой гулъ, перешедшій скоро въ густую, низкую, однообразно-повторяющуюся ноту. А какіе звуки слышались потомъ изъ окна гостиницы, когда началось маленькое волненіе! Тутъ были стоны, глубокіе вздохи, вопли взывающіе къ помощи, слышалось какъ-бы разматываніе цѣпей!

Ни одного дня, изъ проведенныхъ мною въ Ипортѣ, море не было совершенно спокойно, а дня черезъ 2—3, круглымъ числомъ, всегда случались препорядочныя волненія. Тамошнее море было въ полномъ смыслѣ то, что французы называютъ *mer sauvage*. Близость этого страшнаго старца возвѣщалась загода многими примѣтами: кривлявыя деревца, повернувшись какъ-бы спиною къ морю, стояли словно встрепанныя; «въ беспорядочности ихъ развѣтвленія виднѣлся страхъ, ужасъ ихъ, желаніе бѣгства»...

Конкарновская же бухта разстилалась какъ зеркало. Такою осталась она и во всѣ 8 дней, мною прожитыхъ.

Этимъ различіемъ моря я объясняю себѣ и громадное различіе въ характерахъ нормандцевъ и бретонцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, ламаншскія воды не балуютъ людей, подобно здѣшнимъ. Тамъ каждая поѣздка за рыбою не обходится безъ самыхъ серьезныхъ опасностей. Вѣяніе смерти на каждомъ шагу. Притомъ нормандскіе рыбаки должны пускаться за рыбою очень далеко отъ береговъ; многіе ѣздятъ чуть не къ самой Англій; другіе на цѣлые мѣсяцы уѣзжаютъ къ негостепримнымъ берегамъ Исландіи. Много разсказовъ глубоко-трагическаго содержанія слышалъ я по этому поводу въ Ипортѣ, отъ тамошняго беньѣра—старога зуава крымской и итальянской кампаній. Благополучно (если считать благополучіемъ обѣ прострѣленные ноги) свершивъ названные походы, побывавъ затѣмъ въ Мексикѣ, съѣздивъ раза 3, 4 за трескою чуть не къ самой Гренландіи, наконецъ потерпѣвъ тамъ совершенное крушеніе, этотъ ветеранъ долженъ былъ теперь снискивать свое пропитаніе купаніемъ вертлявыхъ парижанокъ и золотушныхъ миссъ въ ипортскомъ *établissement des bains*... Совсѣмъ не то въ Конкарновской бухтѣ. Она защищена отъ океана цѣлымъ рядомъ Глеганскихъ острововъ (*de Glechan*). Глубокія ея нѣдра, переполненные лѣсами фукусовъ, обилуютъ безчисленными сортами рыбъ.

Песчаное дно бухты придаетъ имъ особенный вкусъ: здѣшняя рыба гремитъ по всей Франціи. Поэтому жители довольствуются своею бухтою и не ѣздятъ далѣе названныхъ острововъ, развѣ что либо особенное заставитъ ихъ пробраться до *Quimper* или *Lorient*. Съ іюля жители занимаются ловлею сардинки, и только немногіе ловятъ въ то же время удочками и другіе сорта, маврель, конгровъ и т. д. Съ весны же до іюня въ бухту приходитъ семга. Зимомъ добываютъ всякую рыбу огромными, такъ-называемыми, *глубокими* сѣтями, въ особенности же дорого цѣнимыхъ плоскушъ. Обиліе рыбы совершенно разбаловало здѣшнихъ жителей. Они съ неохотой подбираютъ десятки, попавшихся съ цѣнною рыбою, большеглазовъ (*gros yeux*), мулловъ (*mulet-mugil*), баровъ (*des bars*) — тогда какъ ипортцы не отказываются и отъ морской собачи (такъ-называемой *goussette* изъ породы акулъ).

Оттого такая разница и въ характерахъ. Прибрежный бретонецъ болтливъ, охотникъ пошумѣть, покутить, нисколько не цѣнитъ денегъ. Нормандецъ, наоборотъ, молчаливъ, трезвъ, пьетъ болѣе свой сидръ, бережливъ до скупости; во всѣхъ его поступкахъ, движеніяхъ видна какая-то суровость, строгость. Оттого и большая религіозность нормандцевъ. Даже костюмъ ихъ носить этотъ отпечатокъ. Платье ихъ бываетъ только темныхъ цвѣтовъ: чернаго, синяго и коричневаго (*sapnelé*); даже чулки и сабъ (деревянные башмаки) тѣхъ же темныхъ цвѣтовъ, отчего работающіе на поляхъ получаютъ какой-то монашескій, печальный колоритъ. Недружелюбныя волны Сѣвернаго моря также причиною, что раса нормандцевъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе теряетъ свою фizioномію, свой характеръ: число моряковъ въ краѣ постоянно уменьшается, большинство жителей, потомки безстрашныхъ берзеркеровъ, доходившихъ на своихъ ладьяхъ чуть не до самой Америки, теперь мало-по-малу оставляютъ свои вкусы, дѣлаются гарсонами въ городскихъ кафе*, занимаются женскими ремеслами — разматываютъ пряжу на бумажныхъ фабрикахъ!...

Я попалъ въ Конгарно какъ разъ въ сезонъ сардинокъ. Далеко до солнечнаго восхода по городу слышатся монотонные звуки деревянныхъ сабъ, направляющіеся къ порту. Первые солнечные лучи не застаютъ тамъ ни одного судна: все ушло за драгоценной сардинкой; на горизонтѣ частымъ лѣсомъ виднѣются мачты. Оба здѣшнія сардинокныя заведенія работаютъ и день и ночь, утроили число рабочихъ, и все-таки не успѣваютъ справляться съ дѣломъ.

---

* Ихъ предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ, вслѣдствіе ихъ proverbialной честности.

По всему мѣстечку разносится характерный запахъ сардинки, вездѣ кучами и въ разбросъ валяются хвосты, головы рыбы...

Мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ ловлею этой рыбы. Добродушные здѣшніе рыбаки съ большою готовностью предложили свои услуги.

На другой же день по прїѣздѣ, часа въ 3 утра, я сидѣлъ уже въ одной изъ лодокъ. Свѣтъ чуть брезжилъ, пока мы шли мелководною частью бухты. Черные языки отмелей, неясныя контуры торчащихъ изъ воды гранитныхъ скалъ, съ задумчивыми фигурами баклановъ на ихъ вершинахъ—все чрезвычайно гармонировало съ полусумракомъ утра.

Первые солнечныя лучи застали насъ на самой срединѣ бухты.

Портъ и городъ потонули въ туманѣ, виднѣлись только десятки убѣгавшихъ отъ берега шлюпокъ. Съ боку насъ, впереди, сотни ихъ рѣзали по всѣмъ направленіямъ темно-синюю воду бухты. Нѣсколько влѣво неясно вырисовывались слабыя контуры Глеганскихъ острововъ съ ихъ маяками...

Я началъ разсматривать вооруженіе нашей шлюбки: ничего, кромѣ весьма небольшихъ, *нелубокитъ* сѣтей (на подобіе нашихъ бредней), ядра на длиннѣйшей бичевѣ, десятокъ полутора корзинокъ и кучка простыхъ булжниковъ. Около рулевого, бывшаго въ то же время и арматоромъ, *мазнимъ* на лодкѣ, стояло огромное ведро съ какимъ-то толченымъ мясомъ, вонявшимъ соленою рыбою. Это—такъ-называемый *рокъ* рыбаковъ. Онъ готовится изъ головъ и всякихъ остатковъ трески; привозится сюда норвежскими бригами; обычная его цѣна 70 фр. за боченокъ. Рыбаки бросаютъ этотъ рокъ горстями въ воду, приманивая къ сѣтямъ сардинокъ. Это, кажется, не только главная, но чуть-ли не единственная трата на уловахъ сардинки. Что касается до запаса провизіи, то онъ оказался крайне скуднымъ. Съ нами была половина большого хлѣба, десятка три жареныхъ сардинокъ, кувшинъ воды, да маленькая корзинка незрѣлаго торну. Я присоединилъ къ этому двѣ бутылки краснаго вина, въ видѣ платы за одолженіе. Это было принято радушно; взять же съ меня денегъ рыбаки ни за что не соглашались. «*Mais qu'est ce qu'il y a donc — de prendre un homme à la pêche, dâme, ça ne fait pas grande chose*», отвѣчали мнѣ на всѣ мои предложенія двухъ и пяти франковиковъ. Мнѣ очень понравилась эта гордость, нежелающая унизиться до вознагражденія за всякую малѣйшую услугу. Признаюсь, съ тѣхъ поръ я почувствовалъ истинное уваженіе къ этимъ оборвышамъ, закутаннымъ въ какія-то тряпицы. Правилось мнѣ также, что, несмотря на изысканнѣйшую внимательность ко мнѣ, они держались на *своей* лодкѣ полными хозяевами и вслѣдствіи старались показать, что дѣлаютъ все не въ

ожиданіи чего либо, а только изъ участія къ иностранцу. Особенно нравился мнѣ одинъ изъ нихъ, шестидесятилѣтній старикъ, висушенный какъ лучина съ желтыми волосами и свѣжимъ, красненькимъ лицомъ. Несмотря на его, потерявшій всякій цвѣтъ, беретъ и на обмотанную кругомъ шеи дерюгу, это былъ чистый джентльменъ, начиная съ умнаго, добраго лица, изящнѣйшихъ манеръ и до безукоризненнаго парижскаго выговора. Старикъ этотъ бывалъ не разъ въ Шанхаѣ, бралъ нашъ Бомарзундъ, ѣзжалъ на Маркизовы острова. Онъ зналъ всякую рыбку въ бухтѣ какъ собственные пальцы. Меня онъ не называлъ иначе, какъ «mon fils»...

Такъ-ли бы поступило въ подобныхъ случаяхъ большинство нашихъ русскихъ горожанъ, за всякій свой шагъ, слово, спрашивающее на чаекъ, водочку, булку... Невольно припомнилась мнѣ при этомъ старая, но очень меткая, только недавно услышанная мною легенда о русскомъ человѣкѣ.

«Господь создавалъ всѣ націи», говоритъ повѣсть. «Создалъ ихъ всѣхъ и роздаетъ каждому землю, назначаетъ мѣста жительства. Козлиногородому французу отводится нынѣшняя Франція. «Merçi bien, m-g», быстро кричитъ французъ. Толстопузому нѣмцу угазывается его Германія, гдѣ мощнымъ рукавъ его придется неустанно рыть скудную почву для своего картофеля. «Danke recht schön», благодаритъ нѣмецъ. Доходитъ чередъ до русскаго — любимчика, какъ говоритъ сказка. Ему назначается чуть не полсвѣта, и въ Азіи, и въ Европѣ; тутъ есть и вѣчные льды, и постоянная весна, лѣса, горы, степи.... русскій уходитъ молча, почесываясь по національной привычкѣ...

Кончилась раздача, Господь собирается къ себѣ домой — на небо. Вдругъ докладываютъ, что кто-то, молъ, дожидается, дѣло есть. Глядятъ — стоитъ русскій.

— Ты — вѣдь русскій, да? — Русскій, батюшка, русскій. — Вѣдь тебѣ достались такія-то и такія земли? — Такъ, батюшка, такъ. — Такъ чего же ты? — *Да на чаекъ бы...* кланяясь и ухмыляясь пронести землякъ...

— «A la gâme!» закричалъ принципалъ, когда добрый десятокъ верстъ отдѣлялъ насъ отъ берега. Въ минуту паруса сложены, сѣти выброшены за бортъ, мы начали ловлю...

«Pas de poisson dans la baie», говоритъ старичокъ, приложивъ руку ко лбу зонтикомъ.

«Dame, je le vois bien», отвѣтилъ рулевой, набравъ полныя пригоршни року и устанавливаясь на скамейкѣ, около своего руля. Сѣти тащатся (какъ бредень) полукругомъ за лодкой, не далѣе двухъ-трехъ сажень. Съ лодки видна всякая щепочка, малѣйшая рыбка, забредшая въ крылья сѣти. Внимательно слѣди за всѣмъ,

что происходило въ сѣтяхъ, я въ то же время сталъ соображать все, что дѣлали мои спутники. Прежде всего меня поразилъ вопросъ, какое основаніе имѣлъ старикъ, сказавъ, что въ бухтѣ нѣтъ рыбы и почему смотрѣлъ онъ тогда не на воду, а въ стороны, на суда?... Разгадка скоро отыскалась: опытный глазъ его замѣтилъ, что всѣ почти шлюбки, едва замѣтныя на горизонтѣ, были подъ парусами—ясный признакъ безрыбья въ данную минуту...

Впродолженіе добраго часа, разбрасывая нашъ бѣдный принципалъ свой драгоценный рокъ по океанскимъ волнамъ, а сѣти все были пусты; только въ корнѣ прыгало съ десятокъ вакаюто мелюзги. — Но вотъ пространство межъ крыльевъ что-то засѣрѣло—въ сѣти ворвался огромный табунъ. Я былъ въ восторгѣ, полагая, что это сардинка.

Но арматоръ такъ же спокойно оставался на своемъ мѣстѣ, лицо его приняло какъ будто еще болѣе недовольное выраженіе. И въ самоѣ дѣлѣ, нечѣмъ было быть довольну: его рокъ пожирался вовсе не сардинкою, а такъ-называемою St-char — мелкая, колючая порода, здѣсь обыкновенно презираемая, идущая только на кормъ животныхъ въ вивье и на наживу удочекъ.

Прошло не менѣе двухъ-трехъ часовъ, одинъ табунъ смѣнялся другимъ, року въ ведрѣ оставалось менѣе половины; мнѣ уже надоѣло смотрѣть въ сѣти. Вдругъ, впереди насъ раздается тяжелый всплескъ, за нимъ другой, третій...

Всѣ оглянулись.

Трудно передать наслажденіе, чувствуемое охотниками, или зоологами при видѣ всякаго, сколько-нибудь оригинальнаго животнаго, живымъ, неиспорченнымъ, въ его родной обстановкѣ, въ томъ видѣ, какимъ выходитъ оно, и живетъ въ лонѣ своей матеріи-природы. Помню, подобное чувство испыталъ я, въ первый разъ въ жизни, увидѣвъ на одной изъ швейцарскихъ горъ 9 живыхъ сернь. Теперь передо мною и подо мною былъ цѣлый десятокъ дельфиновъ... У меня просто захватило дыханіе...

Дельфины играли и кружились вокругъ лодки, какъ ласточки: то выскакивали до половины, выставляя напоказъ свои бѣлые зубки, и пуская сверху высокіе фонтаны, то показывали только кончики хвостика, какъ стрѣла, уносясь и гоняясь другъ за другомъ. Особенно хорошо можно было разсмотрѣть ихъ, когда они проносились подъ нашею лодкою въ какомъ-нибудь аршинѣ отъ ея дна; я даже различалъ ихъ умные, темные глаза...

«Nous aurons la sardine, si pougions se débarasser de ces coquins», заговорилъ старичокъ, ибо дельфины считаются всегда предвозвѣстниками сардинокъ; они постоянно гоняются и преслѣдуютъ ихъ стаи. Въ то же время онъ бросился въ кучкѣ булыжни-

ковъ, и одинъ за другимъ началъ швырять ихъ въ стройныя чудища. Старикъ былъ чрезвычайно ловокъ, и жирнымъ бокамъ нѣкоторыхъ досталось—таки порядкомъ. Я увлекся его примѣромъ, и съ меньшимъ рвеніемъ, хотя и не съ такимъ успѣхомъ занялся этою оригинальною охотою. Въ самомъ разгарѣ ея, вдругъ слышится призывный крикъ принципала. Смотрю—съ быстротою молніи бросаетъ онъ въ сѣти свое ядро, тащитъ сѣти въ лодку...

«Allons, allons!» кричалъ онъ восторженно. Мы всѣ бросаемся къ нему на помощь. Въ сѣтяхъ трясутся и танцуютъ тысячи рыбокъ бѣло-голубого цвѣта... Дождемъ падаютъ онѣ въ лодку. Старикъ въ азартѣ, раскраснѣвшись, съ изумительнымъ проворствомъ подхватываетъ сачкомъ падающихъ въ воду. Мы вытащили болѣе четырехъ тысячъ сардинокъ!...

Долго еще ѣздили мы по обширной бухтѣ, то приближаясь чуть не къ самымъ Глеганскимъ островамъ, то подходя ближе къ оставленному берегу. Много разъ закидывались сѣти: успѣха не было, и только разъ прибавили мы девятьсотъ штукъ къ пойманному. За то все это время я съ старикомъ занимался ловлей на удочку. Полная корзина разнообразныхъ рыбъ была трофеемъ. На свою долю я вытащилъ трехъ макрелей (*macquegeau*), ворчуна (*grondin*), двухъ здоровыхъ скатовъ (*Raie*), и наконецъ, смѣшную рыбу въ видѣ игл...

Наступалъ приливъ. Мы были въ морѣ болѣе десяти часовъ. Хотѣлось очень домой. Шлюбки отовсюду направлялись къ берегу. Мы также подняли паруса.

Въ Конкарно вернулись мы около пяти часовъ, въ самый разгаръ тамошней дѣятельности. Это часъ обѣда обѣихъ гостиницъ, равно какъ и сардинокныхъ заведеній. Въ этомъ часу, обыкновенно подѣзжаютъ въ Конкарно иностранцы изъ Роспордена. Наконецъ, въ это время большею частію ворочаются въ портъ всѣ отъ 800 до 900 здѣшнихъ судовъ. Шумъ и крикъ на пристаняхъ. Всѣ тащитъ свою добычу: кто съ нескрываемымъ удовольствіемъ тащитъ съ десятокъ корзины, переполненныхъ сардинкою (въ каждой около 200 штукъ), кто еле двигается подъ тяжелыми связками плоскушъ, конгровъ и т. т., кто, наконецъ, съ досадою полощетъ сѣти и выбрасываетъ изъ лодки нѣсколько пригоршней мелкой рыбешки. Къ пяти часамъ, въ Конкарно открывается обыкновенно базаръ. Здѣсь продается изловленная рыба, и часто, тотчасъ же отправляется на желѣзную дорогу. Впрочемъ, на базарахъ этихъ вы рѣдко встрѣтите сардинку: она вся, сколько бы ея ни было, продается на мѣстныхъ заведенія какого-то антрепренѣра. Цѣна на сардинку мѣняется, смотря по улову. При мнѣ, за тысячу штукъ, платилось 20 франковъ, что считалось рыбаками за очень хо-

рошую цѣну. Фабриканту коробка сардинъ въ десять-двѣнадцать рыбъ обходится не болѣе, какъ полфранка, продается же не менѣе франка, полутора; во всякомъ случаѣ, барышъ чуть не 100 на 100.

Здѣшній базаръ имѣетъ видъ обширнаго четырехугольника, обсаженнаго деревьями, съ фонтаномъ посрединѣ; онъ лежитъ посреди города, у порта. Самъ Конкарно расположенъ у вершини бухты: длиннымъ своимъ портомъ онъ раздѣляется на двѣ части. Посреди порта, на островѣ, маленькая крѣпость, на стѣны которой предусмотрительные французы, разумѣется, втащили около десятка орудій, около которыхъ рассказываютъ классическіе красивые штаны.

Главная, бѣльшая часть города лежитъ направо. Здѣсь и мерія, и лучшія лавки, кафѣ, обѣ гостиницы города, оба сардиночныя заведенія, *viviers Gouilloux* и, наконецъ, жандармерія съ таможеней, которая хотя помѣщается въ самомъ обыкновенномъ рыбацкомъ домѣ, но имѣетъ громкую надпись на деревянной доскѣ: *douanes imperiales*. Конкарно—небольшой кантональный городъ финистерскаго департамента; онъ имѣетъ огромное значеніе по торговлѣ рыбою, и какъ хорошій портъ. Жизнь въ немъ зимою должна быть весьма скучною и однообразною; вообще своею физиогноміею и многими обычаями онъ напоминаетъ наши уѣздные города; и здѣсь, какъ у насъ, нерѣдко увидишь красную, потную фигуру какого-нибудь ерісіегъ въ ваточномъ халатѣ, проскользающаго въ отворенныя ворота; самъ дуаньѣ прохаживается часто въ колпакѣ по набережной. Однимъ только несходенъ Конкарно съ нашими не только уѣздными, но и губерскими городами; это — гостиницами. Не остается желать ничего лучшаго въ этомъ отношеніи. Правда, здѣсь нѣтъ вызолоченныхъ рамъ на разбитыхъ, впрочемъ, зеркалахъ; нѣтъ, хотя и трехногихъ, но краснаго дерева кресель и столовъ, какъ въ нашихъ отечественныхъ отеляхъ; все здѣсь просто, сообразно съ остальною обстановкою, удивительно какъ приспособлено ко всѣмъ потребностямъ проѣзжающихъ. Отличныя гардины, широкія кровати съ безукоризненнымъ бѣльемъ, внимательная женская прислуга, наконецъ, завтракъ и обѣдъ, обиліемъ превосходящіе всякій баснословный аппетитъ. Мы на Руси привыкли думать, что нигдѣ не ѣдятъ такъ много, какъ у насъ, что у насъ только кормятъ людей дѣсьта, тогда какъ вездѣ у другихъ чуть не морятъ голодомъ. Особенно достается при этомъ французамъ, представляющимъ намъ бакни-то поджарыми челоуѣчками, питающимися салатами и лягушками. Представьте же мое удивленіе, когда въ каждомъ завтракѣ и обѣдѣ простой здѣшной гостиницы, я встрѣчалъ нигдѣ невиданное

мною обиліе. За обѣдомъ, напримѣръ, было подано 8 однихъ только мясныхъ и рыбныхъ блюдъ: бифштексъ, цыплята, телатина, gigot (баранина), магрель и т. д. И все это подавалось чуть не горами — ѣшь не хочу. Такихъ же размѣровъ десертъ, занявшій цѣлый большой столъ. Вдобавокъ, каждому ставилась бутылка бордо и сколько хочешь сидру. И за все это, то-есть обѣдъ, почти подобный же завтракъ (также съ виномъ), комнату, услугу, платится только 6 франковъ въ сутки!

Но самое замѣчательное въ Конкарно, далеко разносящее его имя, это—такъ-называемые виваріумы г. *Gouilloux*, устроенные по мысли Коста. Лѣтъ десять назадъ этотъ ученый былъ командированъ правительствомъ къ сѣвернымъ и сѣверо-западнымъ берегамъ Франціи, осмотрѣть тамошнія рыбо и устрично-водныя заведенія, научить владѣльцевъ болѣе рациональнымъ приемамъ, расширить и поощрить всячески эту необходимую для страны промышленность. Тогда только что были построены знаменитые булонскіе акваріумы, устроенные Альфордомъ Ллойдомъ. Снабженіе и ремонтное послѣднихъ соединено было съ страшными затрудненіями. Иногда нарочно приходилось отпрапляться къ морю за немногими животными; притомъ послѣднія не всегда находились въ нужную минуту. Косту пришла счастливая мысль сдѣлать одно изъ прибрежныхъ piscicultурныхъ заведеній запаснымъ складомъ, депо нужныхъ для булонскихъ акваріевъ рыбъ и прочихъ животныхъ. Ему указали на г. *Gouilloux*, въ Конкарно, какъ на человѣка незамѣнимаго въ этомъ случаѣ. Это былъ старый морякъ, отлично знакомый практически съ мѣстною фауною. Онъ давно и успѣшно занимался разведеніемъ нѣкоторыхъ рыбъ и особенно устриць. Въ добавокъ это былъ страстный любитель животныхъ. Костъ, отъ имени правительства, предложилъ ему выгодныя условія. Ему дана была одновременно значительная сумма на постройку зданія для акваріевъ, и сверхъ того *Gouilloux* выдается ежегодная, также значительная, субсидія на ремонтъ этихъ построекъ и самое веденіе дѣла. За все это онъ обязанъ снабжать булонскіе акваріи всѣмъ имѣющимся у него матеріаломъ, нарочно для этой цѣли содержать многихъ животныхъ Атлантическаго Океана.

Въ настоящее время заведеніе это состоитъ изъ большого двухэтажнаго, въ девять оконъ, зданія, гдѣ помѣщаются акваріи и лабораторіи, вообще научная сторона учрежденія. Впереди этихъ акваріевъ обширныя отдѣленія преимущественно для рыбоводства, такъ-называемые *садки*. Вивье построены у самой бухты на прибрежныхъ скалахъ; всѣми своими садками они глубоко вдаются въ море... Садки занимаютъ около 15, 12 квадратныхъ сажень, пере-

дѣлены широкими каменными перегородками и защищены отъ волнъ океана прочными зубчатыми стѣнами. Отдѣленія садковъ сообщаются какъ между собою, такъ и съ бухтой—плизами. Всѣхъ отдѣленій въ садкѣ девять. Два самыхъ большихъ отведены ракамъ. Такъ-какъ они содержатся здѣсь только для комерческихъ цѣлей, то сюда допущены лишь крупнѣйшія породы ихъ: *омарь* (*humbugus*) и *длинноусъ* (*langusta*). Немногіе изъ нихъ ловятся съ-тими заведенія; бѣльшая часть скупається у рыбаковъ маленькими партіями, сотнями и даже десятками. Всего болѣе ловить ихъ здѣсь въ августѣ и сентябрѣ, не трогая отъ ноября до апрѣля, когда они мечутъ икру и бываютъ потому невкусными. Пойманныхъ здѣсь раковъ не отсылаютъ тотчасъ на продажу, а обыкновенно ждутъ самаго благоприятнаго состоянія парижскаго рынка. Они бываютъ особенно въ цѣнѣ въ началѣ осени, когда, вслѣдствіе бурь и невзгодъ на морѣ, оказывается недостатокъ омаровъ въ Парижѣ. Парижскіе *goumets* поднимаютъ тамъ чуть не революцію изъ-за этихъ омаровъ. Телеграфная проволока въ минуту извѣщаетъ здѣшніе *viviers*, и въ тотъ же день изъ *Compagneau* съ первымъ поѣздомъ отправляются цѣлыя тысячи живыхъ раковъ, часто за ними нарочно приходятъ суда изъ Лондона. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ изъ здѣшнихъ *viviers* двумъ покупателямъ продали въ одинъ день до 5,000 ихъ. Притомъ въ садкахъ оставалось еще до 9,000, но словамъ содержателя. Признаюсь, при первомъ взглядѣ на необширное помѣщеніе раковъ (не болѣе 4-хъ квадратныхъ саж.) и на изрѣдка мелькавшіе тамъ передъ глазами экземпляры ихъ, я не подозрѣвалъ такого обилія. При болѣе внимательномъ осмотрѣ дѣло разъяснилось очень просто. Раки вообще не охотники до свѣта, оттого ихъ и не было видно на ярко-освѣщенной среднѣ; за то по сторонамъ, въ углахъ и всѣхъ сколько нибудь тѣнистыхъ мѣстахъ, имъ не было числа смети...

Густыя стаи ихъ здѣсь можно только уподобить роюмъ пчелъ передъ постройкой сотовъ. Плотно сомкнувшись, неподвижно сидѣли серьезныя эти твари, изрѣдка, лѣниво поводя стебельчатыми глазами и безконечно-длинными усами. Эти, щетинною торчавшіе усы, вмѣстѣ съ закинутыми вверху клешнями невольно натакивали на сравненіе ихъ съ грозною арміей какихъ-нибудь средневѣковыхъ рыцарей. Мнѣ кажется, сравненіе это приходитъ въ голову всякому, даже при самомъ бѣзглѣомъ обзорѣ панциря и вооруженія омаровъ. Тѣ же сплошныя латы на груди, та же колючатость ихъ на ногахъ, такіе же шипы, острія на сочлененіяхъ; сходство доходитъ просто до мелочей: наличникъ рыцарскихъ шлемовъ повторяется въ характерномъ для омаровъ и необходимомъ для защиты глазъ выступѣ; громадные клешни омаровъ можно упо-

добить щитами и събираю, а длинные и торчащие вверх усы длинноусого, никто не усумнится сравнить съ дровицами, кольями... Клепни эти неодинаковы: правая, бѣлая назначена собственно для удержанія рака въ извѣстномъ положеніи, для чего и снабжена толстыми зубцами; лѣвая же составляетъ ихъ орудіе нападенія; она меньше и покрыта цѣлою шилою мелкихъ зубчиковъ. Прибавьте къ этому чрезвычайную силу скатія клепни и свойство раковъ—не выпускать изъ нихъ разъ туда захваченное—и вы поймете, какими страшнымъ, неотразимымъ для морскихъ обитателей оружіемъ одарены раки. Послѣднимъ свойствомъ они страшны даже человѣку; здѣшніе рыбаки хорошо знаютъ, что коли омару удалось захватить человѣческую руку въ свою могучую клепню, то, только сломавъ ее (клепню, а не руку), можно избавиться отъ этого непрошеннаго пожатія. Въ этомъ случаѣ рыбаки рекомендуютъ и другое средство — жать ракамъ глаза. На рынкахъ приморскихъ городовъ это же средство употребляется тамошними торговцами: чтобы доказать покупателю, что ихъ почти мертвые раки свѣжи и только недавно вынуты изъ воды, онѣ подымаютъ ихъ за стельки глазъ; раки выдѣлываютъ при этомъ такіе отчаянные антраша, что убѣждаютъ въ своей жизни любого скептика. Клепни раковъ притомъ не составляютъ всѣхъ ихъ средствъ обороны; около рта лежатъ еще двѣ известковыхъ щели, въ желудкѣ цѣлая ряды роговыхъ зубовъ. Словомъ, они вооружены цѣлымъ арсеналомъ холоднаго оружія. Если и у разумныхъ существъ — людей — обладаніе подобными вещами бываетъ источникомъ всякаго рода неправды и злоупотребленій; если французское общество въ своихъ настоящихъ журналахъ серьезно обсуждаетъ вопросъ о недозволеніи солдатамъ носить оружіе въ мирное время—то понятно, какъ долженъ пользоваться подобными вещами какой-нибудь вовсе нецивилизованный омаръ. Нравственность раковъ еще болѣе наружности ихъ напоминаетъ средневѣковыхъ хищниковъ—рыцарей. Они до сихъ поръ держатся правила кулачнаго права и первое свое наслажденіе находятъ въ безпривычныхъ битвахъ и дракахъ. Оттого трудно найти вполнѣ сохранившагося омара: то нѣтъ уса, то клепня оторвана. Нетолько большія породы, но и малкіе крабчики—и тѣ подобныхъ же вѣкусовъ. Я часто забавлялся этими храбрецами—лиллипутами, отважно замахивавшимися на меня своими клепнями, всякій разъ, какъ я изъяснилъ желаніе завладѣть ими, вытаскивъ ихъ изъ родной луки. Необычайная дерзость раковъ, неотступная напередъ всякимъ преступленіямъ, заставляетъ вѣрять разсказамъ Драме о раненыхъ матросахъ, съѣденныхъ раками на одномъ островѣ.

Кромѣ садковъ, ракамъ отведено цѣлыхъ 5 отдѣленій въ акви-

рихъ. Первое занято 2-мя парами омаровъ и лангустъ, назначенныхъ для научнаго изслѣдованія ихъ образа жизни. Во 2-мъ лежать мелкіе рачки, такъ-называемыя креветки съ тонкими панцирями и до того прозрачныя, что контуры ихъ сливаются съ самою водою. Интересно наблюдать ихъ движенія: они, то совершенно неподвижно держатся на самой срединѣ, то энергическими сокращеніями мощнаго хвоста, съ быстротою пули скрываются съ глазъ, то, наконецъ, плавными, изящными кругами гоняются за какими нибудь жучками... Третій ящикъ съ краббами представляетъ мало интереснаго. Здѣсь была пара, такъ-называемыхъ *турту* или *турмазу* (*decarcinus*), самый крупный изъ короткохвостыхъ здѣшнихъ раковъ, справедливо считающійся и вкуснѣйшимъ. Были тутъ и такъ-называемыя *шерстистыя краббы* (*portunus ribes*), съ обращенными въ плавниги задними ногами; послѣдніе позволяютъ ему гоняться за рыбою, особенно сардинкою, оттуда другое его названіе *crabe de la sardine*. Въ этомъ же ящикѣ находилось съ десятокъ всѣмъ извѣстныхъ раковъ — отшельниковъ крупной (*Pagurus diogenes*) и мелкой породы (*Cenobius Diogenes*). Послѣднихъ чрезвычайно много на берегахъ Конварно, гдѣ мягкое, песчаное дно благоприятствуетъ имъ. Четвертый ящикъ составлялъ какъ-бы больницу раковъ. Здѣсь лежало нѣсколько крупныхъ омаровъ, только-что перенесшихъ муки линянія. Одинъ изъ нихъ только 3 дня какъ сбросилъ свою скорлупу. Его новая, мягкая и болѣе просторная одежда досталась ему нелегко: онъ лежалъ, не поводя даже усомъ, словно подкошенный; мы брали его за усы, безнаказанно вклинивая свои пальцы между клешней. На ящикѣ лежали сброшенные доспѣхи, совершенно цѣльныя, словно искусно отпрепарированныя для монтировки; не только ноги, клешни, на нихъ были ясно видны даже роговыя оболочки глазъ; оторванъ былъ только хвостъ, и то въ верхней половинѣ; черезъ это-то отверстие совершилъ ракъ свой выходъ. Хотя факты были на лицо, но я рѣшительно отказываюсь понять, какимъ образомъ вытянулъ ракъ свои клешни, особенную дѣвную, черезъ небольшое отверстие ея сочлененія съ ногою. Это было уже 14-е его линяніе въ здѣшнихъ вѣдѣхъ; всѣ 14 шкурки тщательно сохранены и украсятъ собою на дняхъ парижскій музей; это будетъ первая коллекція подобнаго рода. Изъ этихъ шкурки замѣчательнѣе всѣхъ первое платье; ракъ имѣлъ тогда величину не болѣе самаго маленькаго изъ такъ-называемыхъ омаровъ-кузнечиковъ, по вѣдѣности его легко можно было принять за креветку.

* Этого рака легко узнать: а) по продольнымъ темнымъ полосамъ на ногахъ; б) по 2 зубцамъ на лбу, около коего находятся еще по 3 зубчика, и с) по 5 зубцамъ съ обѣихъ боковъ панциря.

Остальные 7 отдѣленій виваріумовъ заняты исключительно рыбою. Два, самыхъ большихъ, служатъ садками болѣецѣвными породамъ, скупаемымъ, подобно ракамъ, у здѣшнихъ рыбаковъ для болѣе выгодной ихъ перепродажи, а отчасти и для искусственнаго размноженія. Въ одномъ изъ такихъ отдѣловъ содержатся только такъ-называемыя *плоскуши*, или *кособокія* рыбы, именно 3 ихъ породы: *plisse* (*Platessa*), *sole* (*Solea*), *turbot* (*Rhombus*), въ сообществѣ одной породы скатовъ (*Raia clavata*). По формѣ и величинѣ очень трудно различать этихъ рыбъ; за то очень легко по зубамъ и положенію глазъ: такъ первая рыба имѣетъ глаза направо, а обѣ вторыя—налѣво; зубы различаютъ послѣднихъ между собою: у второй они въ видѣ ворсы на бархатѣ, у третьей же крупнѣе и только на одной сторонѣ.

Въ другомъ отдѣленіи самый пестрый сбродъ съѣдобныхъ рыбъ Атлантическаго океана (*st.-char*, *mulets*, *bar*, *ange*, *rouget*, *marouans*, *grondins*).

Первое отдѣленіе пользуется особенною внимательностью содержателя. Оно и понятно: здѣсь собраны самыя большія, самыя вкусныя (исключая сѣмги и макрели), самыя цѣвныя рыбы. Еще рѣдкѣе цѣвили ихъ высоко; недаромъ одна изъ нихъ (*Sole*) называлась ими *морскою куропаткою*, а другая (*Turbot*)—*морскимъ фазаномъ*. Въ самомъ Конкарно нельзя купить послѣднюю менѣе 2, 3-хъ франковъ за штуку; иногда же большіе экземпляры ихъ продаются по 20, 25 фр. Цѣна эта не покажется высокою тому, кто отвѣдивалъ нѣжно-бѣлое мясо этой рыбы, кто видѣлъ, какихъ размѣровъ достигаетъ она даже въ виваріяхъ (болѣе аршина длины). Притомъ надобно замѣтить, что ловить всѣхъ плоскушъ вообще чрезвычайно трудно, вслѣдствіе ихъ привычки держаться почти всегда на днѣ. Для этой ловли необходимо употребить особаго рода сѣти, тащащіяся по дну, *des filets profonds*, какъ говорятъ здѣсь. Ловъ этихъ рыбъ производится обыкновенно зимою; лѣтомъ же и весною, когда рыбаки заняты болѣе прибыльною охотою за сардинкой и семгою, ихъ оставляютъ въ покоѣ; только немногіе ловятъ ихъ въ то время на длинныя удочки (иногда до 1,000 ф. длин.). Здѣшніе рыбаки увѣряютъ, что рыба эта рѣдко держится береговъ лѣтомъ, а передъ наступленіемъ вѣтровъ, бурь, непременно уходитъ въ открытое море. Наконецъ, плоскушамъ отдается преимущество и потому, что онѣ долгожвчны и вовсе неприхотливы по уходу. Онѣ умираютъ въ садкахъ чрезвычайно рѣдко; притомъ множатся здѣсь; при мнѣ въ акваріяхъ было съ десятковъ молодыхъ. Образъ жизни этихъ рыбъ замѣчательнъ не менѣе странной, всѣмъ извѣстной, наружности ихъ. Рыбы эти весьма плохіе плавунки. У нихъ нѣтъ одно-

го изъ главнѣйшихъ для плаванія органа — плавательнаго пузыря. Не будь у нихъ такого расплющенного, плоскаго тѣла, отороченнаго сплошными грудными плавниками, онѣ, вѣроятно, и вовсе бы не плавали. А между тѣмъ рыбы эти кормятся исключительно мясною пищею. Понятно, что онѣ не могутъ гоняться, охотиться за добычей, а должны подкарауливать ее, изобрѣтать разные хитрые приемы. Я неразъ любовался на искусство ихъ въ этомъ дѣлѣ: опустившись на дно, плоскуши начинали медленно кружиться на одномъ мѣстѣ; въ 2, 3 минуты такимъ способомъ въ песокъ образовывалась порядочная яма, куда ложилась рыба; сѣрый цвѣтъ ея съ темными пятнышками какъ нельзя болѣе подходилъ къ крупно-песчаному дну; самый опытный глазъ не можетъ часто различить рыбу въ этомъ положеніи; я, по крайней-мѣрѣ, обладая отличнымъ зрѣніемъ, цѣлыхъ 10 минутъ не могъ замѣтить одну Turbot на песчаномъ днѣ ея ящика, несмотря ни на указанія г. Gouilloux, ни на то, что я находился всего въ $\frac{1}{2}$ аршина отъ рыбы. Эти обстоятельства дѣлаютъ плоскушу совершенно незамѣтною для всѣхъ водяныхъ обитателей. Между тѣмъ ея два (сверху), на одной сторонѣ помѣщенные, глаза могутъ зорко слѣдить за всѣмъ происходящимъ... Плоскуши легко ручнѣютъ. Здѣсь ихъ кормятъ часто изъ рукъ, даютъ имъ обыкновенно рубленое мясо такъ-называемой рыбы St.-Chag. Я нѣсколько разъ опускалъ въ воду свои пальцы, и тотчасъ же всѣ эти чудихи стремглавъ бросались къ нимъ; онѣ оставались очень недовольны, когда я, не желая испытывать ихъ довольно сильныхъ щипковъ, вынималъ руку вонъ; энергичскіе плевки посылались мнѣ ими изъ воды.

Плоскуши обладаютъ удивительнымъ свойствомъ—лазить по шероховатымъ предметамъ: я самъ нѣсколько разъ видѣлъ *многихъ* изъ нихъ, взлѣзавшихъ и влѣзшихъ до самой середины стѣнокъ ихъ ящика; стѣнки эти хотя дѣйствительно были значительно шероховаты, но за то и почти отвѣсны.

Мы уже упомянули, что вмѣстѣ съ плоскушами помѣщено съ десятокъ, отчасти сходныхъ съ ними скатовъ (*Raja clavata*). Здѣшнія были не болѣе аршина въ длину и почти такой же ширины; около Исландіи же, какъ увѣряли меня ходившіе туда за треской рыбаки, рыбы эти достигаютъ двухаршиннаго роста и 6, 7 пудъ вѣса. Рыбы эти составляютъ переходную форму отъ кособокихъ къ акуламъ. Плоское тѣло ихъ, сплошные грудные плавники, на одной сторонѣ поставленные глаза—все это приближаетъ ихъ къ первымъ, тогда какъ длинный, тонкій хвостъ, съ неравностороннимъ плавникомъ, помѣщеніе носовыхъ и жаберныхъ щелей снизу морды, равно какъ устройство пищевыхъ путей и вообще внутренностей,

сближаетъ съ акулами. Рыба эта заслуживаетъ вниманія натуралистовъ своимъ въ высшей степени оригинальнымъ скелетомъ, и своими, еще болѣе удивительными яйцами. Трудно представить себѣ, какъ отступаютъ они отъ всего того, что мы привыкли называть обыкновенно рыбьею икрой; представьте себѣ, что рыба аршинной длины начинаетъ вдругъ выбрасывать изъ себя одинъ за другимъ до 50 какихъ-то четверугольниковъ; это какіе-то ящички, или, лучше, подушечки въ 2, 2½ вершка длиною, почти такой же ширины, вытянутые на двухъ верхнихъ концахъ въ 2 длинныхъ, роговыя нити; нитями этими яйца прикрѣпляются къ подводнымъ предметамъ; стѣнки этихъ подушечекъ состоятъ изъ роговыхъ волоконецъ темно-коричневаго цвѣта. Въ Конкарно ихъ называютъ *морскими жемчужинами* (souffis de mer, les coussinets). Съ нынѣшняго года скаты сдѣлались еще болѣе извѣстными всѣмъ интересующимся зоологіею. Талантливый профессоръ Ecole de Médecine, Шарль Робенъ* открылъ въ нихъ настоящіе электрическіе органы (до сихъ поръ такихъ рыбъ считалось только 5 породъ). Исторія его открытія довольно замѣчательна. Еще лѣтъ 20 тому назадъ, ученый этотъ, занимаясь анатоміей обмененныхъ скатовъ, попалъ при этомъ на какой-то парный органъ, съ мизинецъ величиною, около хвоста, значеніе котораго онъ никакъ не могъ себѣ объяснить. Руководствуясь только однѣми гистологическими примѣтами, Робенъ принялъ его за электрическій. Мюллеръ и Руд. Вагнеръ тогда же повторили его изслѣдованія, но пришли къ совершенно противоположному выводу: они положительно отвергли существованіе подобнаго органа.

Ихъ ошибка заключалась въ томъ, что они искали этого органа около головы рыбы—мѣстѣ, гдѣ находятъ таковыя у электрическихъ скатовъ. Хотя Робенъ тогда же протестовалъ противъ такого рѣшенія, но все-таки не могъ подтвердить своего открытія, не имѣя фактовъ относительно фізіологическаго отправленія названнаго органа. Причина тому была весьма простая: скаты ловятся только въ открытомъ морѣ, не ближе часоваго разстоянія отъ берега; съ другой стороны, вытасенные изъ воды, они живутъ очень недолго, не болѣе 20, 30 минутъ; понятно послѣ этого, что Робенъ получалъ ихъ съ рынка уже мертвыми. Въ нынѣшнемъ году въ конкарновскихъ виврѣ удалось разъ посадить въ садокъ не-

---

* Ученый, извѣстный многими зоологическими и ботаническими сочиненіями, изъ коихъ замѣчательнѣе другихъ: *Монографія головоногихъ слизней*, *Растительные паразиты на членикахъ и животныхъ*. Онъ же участвовалъ въ комисіи по поводу спора Пуше съ Пастѣромъ. Его готовить въ Institut de France на мѣсто умершаго Valenciennes.

большой табунъ этихъ рыбъ; узнавъ объ этомъ, Робень немедленно отправился туда. Здѣсь, при помощи очень деликатныхъ приборовъ, ему удалось получить порядочныя электрическія сотрясенія. Прежнее его мнѣніе подтвердилось самымъ блистательнымъ образомъ. Робену желалось разложить воду этимъ электричествомъ, чтобы привезти въ Парижъ вещественныя доказательства, но, къ сожалѣнію, разныя практическія неудобства, какъ-то недостатокъ нужныхъ приборовъ и т. п., не позволили ему этого. Притомъ разложеніе воды этимъ средствомъ, быть можетъ, и никогда не удастся, такъ-какъ электрическій органъ этихъ рыбъ очень малъ, во много разъ менѣе подобнаго же органа ската электрическаго.

Л. Л. МАРКОВЪ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ТРУЩОБЫ.

РОМАНЪ ВЪ ШЕСТИ ЧАСТЯХЪ.

Часть пятая.

ГОЛОДНЫЕ И ЖОЛОДНЫЕ.

I.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ НѢМЕЦКАЯ ЧИНОВНИЧЬЯ СЕМЬЯ.

— Благослови Господи на новую жизнь да на добрую дорогу! перекрестилась Маша Повѣтина, выходя подъ вечеръ, съ узелкомъ въ рукахъ, за ворота богатаго дома, гдѣ оставила столько любви, воспоминаній и столько тяжелаго разочарованія—послѣ того, какъ была брошена молодымъ Шадурскимъ (читатель знаетъ уже, что это совпадало со временемъ маскарднаго приключенія его съ Беревой), и послѣ продажи съ молотка ея мѣбели и всего имущества.

Ванька-извозчикъ шагкомъ довезъ скудныя Машины вещи до Сухарнаго моста, гдѣ ея бывшая горничная Дуня поутру сговорила ей мѣсто, за четыре рубля въ мѣсяцъ «съ горячимъ отъ хозяевъ», и теперь провожала Машу на это мѣсто, чтобъ окончательно тамъ строить ее.

Новая жизнь открылась передъ Машей, и эту новую жизнь предстояло ей начать въ семьѣ особаго свойства, цвѣта и запаха.

Эта петербургско-нѣмецкая семья составляетъ совершенно особый, замкнутый въ самомъ себѣ и на столько своеобразный элементъ, что о немъ стоитъ немножко побесѣдовать.

Карлъ Ивановичъ Шиммельфенигъ былъ санктпетербургскій нѣмецъ. Его достопочтенный покойный паленька, Иванъ Карловичъ Шиммельфенигъ, былъ нѣмецъ ли фляндскимъ изъ города Риги,

и добродѣтельно содержалъ аптеку. Когда возлюбленный сынъ его Карлъ получилъ дипломъ, удостовѣрившій всѣхъ и каждаго, что онъ добропорядочно окончилъ курсъ ученія, при поведеніи отлично-благонравномъ—папенька его, Иванъ Карловичъ Шиммельпфенигъ, написалъ въ Петербургъ умиленное письмо къ старому своему товарищу, дѣйствительному статскому совѣтнику Адаму Адамовичу Хундскейзеру, прося пристроить къ мѣстечку своего сына, который и былъ отправленъ въ Петербургъ при этомъ самомъ письмѣ. Адамъ Адамовичъ Хундскейзеръ, съ радостью опредѣлялъ подъ свое вѣдомство юнаго Карла—и юный Карлъ сразу же понялъ, что онъ крѣпокъ и силенъ высокимъ покровительствомъ Адама Адамовича, и немедленно поснѣшилъ составить себѣ кодексъ необходимыхъ житейскихъ правилъ, чтобы слѣдовать имъ неизмѣнно до конца своей жизни. Юный Карлъ сказалъ себѣ: «умѣренность и аккуратность суть первыя добродѣтели, и если къ нимъ присоединить еще строгую исполнительность, то это будутъ три граціи древнихъ». Сказавъ себѣ такой максимъ, онъ сдѣлался умѣренъ, аккуратенъ и пунктуально-исполнителенъ до тошноты, до омерзительности—и тѣмъ самымъ обрѣлъ фортуна своей жизни, ибо неизмѣнно пользовался покровительствомъ и высокимъ мнѣніемъ о себѣ своихъ нѣмцевъ-начальниковъ.

Впрочемъ, покровительствомъ Адама Адамовича Хундскейзера онъ пользовался отчасти и по иной, посторонней причинѣ. Хотя Негг Хундскейзеръ былъ женатъ и имѣлъ семейство—какъ подobaетъ всякому чиновнику-нѣмцу, въ качествѣ насадителя нѣмецкаго элемента на русской землѣ, однако это не мѣшало ему имѣть на сторонѣ нѣкоторую слабость. Адамъ Адамовичъ былъ немножко эпикуреецъ. Эта слабость достаточно уже устарѣла для Адама Адамовича, ибо извѣстно, что чѣмъ старѣе становится эпикуреецъ-смертный, тѣмъ болѣе начинаетъ онъ питать алчность къ юности, къ молодой свѣжанинѣ. Но Адамъ Адамовичъ былъ нѣмецъ, и потому содержать одновременно двѣ слабости—казалось ему превышающимъ его экономію. Поэтому надлежало, какъ ни на есть, раздѣлаться со старой слабостью. Думалъ, думалъ Адамъ Адамовичъ, какъ бы все это устроить ему—и ничего лучше не придумалъ, какъ выдать эту слабость замужъ. За кого ее выдать? Естественно, за человѣка, который, происходя изъ нѣмецкой же расы, былъ по службѣ благоугоденъ ему, какъ нѣмецъ и какъ отлично-исполнительный чиновникъ. Женитьбу на своей слабости Адамъ Адамовичъ Хундскейзеръ считалъ для подобнаго нѣмецкаго смертнаго,

въ нѣкоторомъ родѣ, наградою, наградою не въ счетъ крестовъ, чиновъ, денегъ и вслѣдственныхъ отличій, ибо этою наградою тѣмъ паче приобрѣталось его высокое покровительство. Для этой цѣли онъ избралъ сына своего стараго товарища — и такимъ образомъ, въ одинъ прекрасный вечеръ имѣлъ случай отъ души поздравить юнаго Карла Шиммельфенига со вступленіемъ въ законный бракъ со своей слабостью, на которую, между прочимъ, въ глубинѣ своего сердца питалъ надежды такого рода, что она, при случаѣ, не откажется продолжать съ нимъ прежнія отношенія и по выходѣ замужъ, ради большихъ удобствъ своего супруга и своихъ собственныхъ, при дальнѣйшей супружеской жизни. Такимъ образомъ слабость переимѣнила свое прежнее званіе на имя титулярной совѣтницы Луизы Андреевны Шиммельфенигъ и, повидимому, была совершенно довольна и счастлива, равно какъ и юный Карлъ тоже былъ доволенъ и счастливъ, ибо понималъ, что вступленіе въ супружество со слабостью его превосходительства, патрона и благодѣтеля доставляетъ ему новую силу и крѣпость.

Нужды нѣтъ, что Луиза была старѣе его тринадцатью годами — онъ все-таки былъ доволенъ и счастливъ, и съ первыхъ шаговъ своихъ на супружескомъ поприщѣ попалъ подъ бапмакъ этой нѣмецки-прекрасной особы.

Пока нѣмецки-прекрасная особа была еще «въпорѣ» — превосходительный ловилъ и покровитель оказывалъ ей время отъ времени знаки своего сердечнаго благоволенія — въ силу старой привычки. Для его экономіи это не составляло теперь разчета, ибо за благосклонность госпожи Шиммельфенигъ, онъ платилъ благосклонностью же господину Шиммельфенигу, и супруги не оставались въ накладѣ, такъ-какъ благосклонность Адама Адамовича Хундскейзера выражалась въ прибавкахъ жалованья, въ экстренныхъ выдачахъ, въ наградахъ, въ повышеніи чинами, въ орденѣ и, наконецъ, въ личномъ, дружескомъ расположеніи самого патрона и покровителя.

Карлъ Ивановичъ Шиммельфенигъ шелъ въ гору, ибо его, что называется, тянулъ за волосы, всѣми легкими и нелегкими, все тотъ же неизмѣнный патронъ и покровитель. Но нельзя сказать, чтобы Адамъ Адамовичъ Хундскейзеръ поступалъ такимъ образомъ исключительно ради отношеній своихъ къ супругѣ своего подчиненнаго — нѣтъ, Адамъ Адамовичъ, кромѣ этого, былъ добрый нѣмецкій патриотъ, и потому тянулъ въ гору Карла Ивановича по

высшему принципу, какъ нѣмецъ нѣмца — изъ чувства нравственнаго родства и національности.

И Карлъ Ивановичъ отмѣнно-хорошо умѣлъ чувствовать это: онъ зналъ, куда идти; онъ вѣдалъ, что дойти до цѣли можно ему только этимъ путемъ; онъ понималъ, что въ путешествіи по русской іерархической лѣстницѣ младшій нѣмецкій человѣкъ долженъ вѣрнѣе, и всѣми зависящими средствами, держаться за виц-мундирныя фалды старшаго нѣмецкаго человѣка, дабы и за его собственные фалды могли потомъ держаться другіе младшіе нѣмецкіе люди, когда онъ, Карлъ Ивановичъ, въ свою очередь, самъ содѣлается большимъ нѣмецкимъ человѣкомъ. Карлъ Ивановичъ, какъ доброточивый подчиненный, радушно и разумно свисходилъ къ отношеніямъ патрона и своей Луизы Андреевны, ибо зналъ, что все это онъ самъ наверстаеъ, что впоследствии онъ самъ будетъ находиться въ точно такихъ же отношеніяхъ къ какой нибудь Мишѣ Федоровнѣ или Маргаритѣ Францовнѣ, и тянуть за волосы въ гору ея супруга. Такова сила вещей и, стало-быть, уразумѣвъ ее однажды, ему не о чемъ уже было печалиться. Карлъ Ивановичъ, вообще, тѣмъ и счастливъ въ жизни, что у нихъ вѣрнѣе, выносливыя лбы и затылки, хотя эта вѣрность отнюдь не препятствуетъ развитію задорно-щепетильнаго, самообожательнаго нѣмецкаго гонора и кичливости въ отношеніи русскаго человѣка.

Карлъ Ивановичъ Шиммельфеннгъ — санкт-петербургско-русскій чиновникъ и нѣмецкій патріотъ, въ самомъ вѣстальномъ значеніи этого слова. Онъ, такъ-сказать, одинъ изъ пионеровъ германской народности въ Россіи. Посмотрите вы на него въ разныхъ фазахъ общественной дѣятельности: на службѣ, въ клубѣ, въ семействѣ, въ домашнемъ обиходѣ — вездѣ и во всемъ онъ прежде всего вспанный нѣмецъ.— и въ большихъ вещахъ и въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, онъ все тотъ же, неизмѣнно вѣрный самому себѣ Карлъ Ивановичъ.

Не будемъ говорить о великомъ; возьмемъ однѣ мелочи, ибо изъ мелочей слагается обыденная жизнь человѣческая и попреимуществу жизнь Карловъ Ивановичей.

Карлъ Ивановичъ.— непремѣнно членъ клуба; но какого клуба?— санкт-петербургскаго танцевальнаго собранія, именуемаго порусски шустер-клубомъ. И ни въ какомъ иномъ клубѣ онъ не захотѣлъ бы быть членомъ. Тутъ у него издавна уже существуютъ свои интимныя нравственныя связи и симпатіи. Карлъ Ивановичъ, несмотря на всѣ блага земныя, извлекаемыя на него щедрою рукою

фортуны, очень аккуратенъ и расчетливъ. Это качество не покидаетъ его нигдѣ, ибо оно присуще ему по натурѣ. Карлъ Ивановичъ соображаетъ, что ему нужно, напримѣръ, бѣлье, сапоги, платье и тому подобное. Какъ поступаетъ въ этомъ случаѣ Карлъ Ивановичъ?—Онъ знаетъ, что въ числѣ его клубныхъ сочленовъ, съ коими онъ садится по вечерамъ за преферансъ, находятся: нѣмецкій сапожный мастеръ Негг Мюллеръ, нѣмецкій портной Негг Югансонъ, нѣмецкій магазинщикъ бѣлья Гросманъ—и Карлъ Ивановичъ, въ отношеніи этихъ господъ, пользуется своими интимными связями и симпатіями, зная, что тутъ онъ приобрѣтетъ все необходимое, что-называется, и дешево и сердито, а въ то же время черезъ то и поддержка своей національности является. Поэтому, платье онъ заказываетъ не иначе, какъ нѣмцу-портному, сапоги—нѣмцу-сапожнику, бѣлье—нѣмецкому магазину, въ полномъ убѣжденіи, что способствуетъ развитію національной нѣмецкой промышленности. Онъ даже—мелочь изъ мелочей—стричься и бриться ходитъ не иначе, какъ къ «нѣмецкому-парикмахеру» на Большой Мѣщанской.

Нельзя сказать, чтобы Карлъ Ивановичъ былъ чуждъ эстетическихъ наслажденій: изрѣдка онъ посѣщаетъ нѣмецкій театръ (но только нѣмецкій) и объясняетъ супругѣ своей достоинства нѣкоторыхъ актеровъ и пьесъ, изъ которыхъ особенно нравятся ему тѣ, которыя хоть немножко, хоть самую чуточку проявляютъ въ себѣ нѣмецки-патріотическую закваску. Но если что сдѣлалось, въ послѣднее время, предметомъ живѣйшей ненависти Карла Ивановича, то это русская журналистика, съ тѣхъ поръ, какъ она стала заниматься остзейскимъ «вопросомъ». Имени Каткова онъ равнодушно слышать не можетъ, за то боготворитъ императорско-россійскаго надворнаго совѣтника и германскаго пионера г-на фон-Мейера, будучи всегда самымъ усерднымъ читателемъ его академически-россійскихъ нѣмецкихъ Санкт-петербургскихъ вѣдомостей.

— Чтó они пишутъ! Боже-мой, чтó пишутъ эти вандалы! восклицаетъ онъ, диспутируя по поводу нападокъ русской журналистики: — нѣмцы!... А чтó они будутъ дѣлать безъ нѣмцевъ? Кто далъ Россіи просвѣщеніе, администрацію и цивилизацію? Кто взялъ преимущество интеллигенціи въ высшемъ ученomъ собраніи русскомъ? — Нѣмецкіе ученые мужи! Кто въ Россіи лучшій чиновникъ?—нѣмецъ! Кто лучшій командиръ?—тотъ же нѣмецъ! Кто педагогъ? — опять таки нѣмецъ! Кто капиталистъ, банкиръ, него-

ціантъ, агрономъ, и врачъ, и механикъ?—нѣмецъ! Кто, наконецъ, лучший, честный ремесленникъ, сапожникъ, булочникъ?—нѣмецъ! Все нѣмецъ, нѣмецъ и нѣмецъ! Все—мы! заключаетъ онъ съ гордымъ достоинствомъ, и вслѣдъ затѣмъ, не безъ горечи присовокупляетъ: — а они кричатъ! они, они-то кричатъ еще! Какая неблагодарная нація!

Въ маленькихъ чинахъ Карлъ Ивановичъ былъ довольно скромнень относительно своихъ русскихъ антипатій; но съ постепеннымъ повышеніемъ въ оныхъ, онъ постепенно высказывался, такъ что достигнувъ до статскаго совѣтника, почти уже не скрываетъ своего презрѣнія, а когда достигнетъ до дѣйствительнаго статскаго, то тогда, можно надѣяться, совсѣмъ уже проявитъ всю глубину его.

Кто-то замѣтилъ ему однажды, что какъ же, молъ, это и презираете, и служите въ одно и то же время? Это, молъ, маленькая несообразность выходить. Карлъ Ивановичъ смѣялся дерзновеннаго своимъ пятикласснымъ, статско-совѣтничьимъ взглядомъ, и вѣроятно чувствуя, что чинъ «дѣйствительнаго» весьма уже недалекъ отъ него, съ великимъ достоинствомъ, отчетливо возразилъ:

— Я служу не отечеству, но моему императору! Я люблю русское правительство; но я презираю русскую свинью.

Вообще названія варваровъ, вандаловъ и скивовъ суть обыкновенныя клички, которыми удостоиваетъ насъ, грѣшныхъ, Карлъ Ивановичъ въ своемъ интимномъ нѣмецкомъ обществѣ; но какъ высшая степень въ порядкѣ этихъ кличекъ, у него является энергическое выраженіе «русская свинья», коимъ онъ остается безпримѣрно доволенъ.

— Наша служба—это есть наша высшая миссія, замѣтилъ онъ тому же дерзновенному, который осмѣлился выразить мысль о несообразности презрѣнія и службы:—мы, нѣмцы, мы желаемъ приобщить вашу Россію къ циклу цивилизованныхъ государствъ Европы. Это—наша миссія!

Такъ понимаетъ Карлъ Ивановичъ задачу своего служебнаго поприща.

Но не одною только службою ограничивается цѣль цивилизаторской миссіи Карла Ивановича—нѣтъ! онъ во всѣ отрасли жизни своей бросаетъ сѣмена этой миссіи. Извѣстно, что гдѣ соберутся два или три нѣмца, тамъ тотчасъ же создается у нихъ Bund и Verein—непремѣнно Verein, безъ Verein'a тутъ никакъ не обойдется; только этотъ Verein, при всей своей торжественности, бы-

ваеть у нихъ всегда безобиднѣйшаго буколическаго свойства, и чѣмъ невиннѣе, тѣмъ торжественнѣе. По свойству и качеству этихъ ферейновъ, всѣ нѣмцы подраздѣляются на нѣмцевъ поющихъ, нѣмцевъ танцующихъ, нѣмцевъ гимнастирующихъ и нѣмцевъ стрѣляющихъ, или, лучше сказать, воинствующихъ. Поэтому уже само собою разумѣется, что и петербургскій нѣмецъ никакъ не могъ обойтись безъ ферейна: нѣмецъ бо есть и ничто же нѣмецкое не чуждо ему. Въ Петербургѣ прежде всего образовался ферейнъ изъ нѣмцевъ танцующихъ, затѣмъ уже пошли нѣмцы поющіе, которые образовали новый ферейнъ, извѣстный подъ именемъ парголовскаго Liedertafel. Впрочемъ, между этими двумя категоріями нѣтъ ни малѣйшаго антагонизма: тѣ же самые нѣмцы, которые поютъ, тѣ же и танцуютъ, и наоборотъ. Воинствующій нѣмецъ въ Петербургѣ недавно еще началъ выработываться; но по тѣмъ задаткамъ, которые онъ предъявляетъ въ послѣднемъ отношеніи, можно предсказать, что это будетъ наипилѣйшій нѣмецъ. Дабы изобразить сии задатки, необходимо напередъ изобразить, какъ онъ селится на лѣто по невскимъ болотамъ, что называется «на дачѣ». Хотя у него и не сформулированъ собственно дачный ферейнъ, тѣмъ не менѣе онъ чувствуетъ, онъ самъ собою рождается, будучи присущъ петербургско-нѣмецкой натурѣ; однимъ словомъ, не существуя *de jure*, онъ существуетъ *de facto*. Нѣмецъ занятой, нѣмецъ дѣловой выѣзжаетъ на дачу по преимуществу въ Новую и Старую деревни, кои давно уже приняли характеръ чисто-нѣмецкой колоніи; нѣмецъ же сибаритствующій, почіющій на буколическихъ лаврахъ своего благосостоянія, перебирается не иначе, какъ въ Парголово. Первое Парголово — это, въ нѣкоторомъ родѣ, нѣмецкое эльдорадо, земля обѣтованная, и тутъ-то — Боже мой, что за раздолье для буколическихъ наклонностей, что за благодатная почва для поющихъ и пляшущихъ ферейновъ! Тутъ-то вотъ и проявляется въ великолѣпномъ зародышѣ будущій фруктъ воинствующаго ферейна. Представьте себѣ нѣмецкихъ людей, свѣтлоокихъ юношей, солидныхъ мужей и даже сѣдовласыхъ старцевъ, которые подъ вечеръ, часовъ около шести, сбпраются всѣ вкупи на какойнибудь близлежащій лугъ, строятся во фронтъ по ранжиру и справа по отдѣленіямъ начинаютъ маршировать самымъ усерднымъ, добросовѣстнымъ и серьезнѣйшимъ образомъ, до того серьезнымъ, какъ можетъ быть серьезень только нѣмецъ. И сколько тутъ почтенныхъ отцовъ семейства, сколько солиднѣйшихъ павворныхъ и коллежскихъ совѣтниковъ!

Одинъ отецъ семейства прицѣпляеть на палку фуляровый носовой платокъ и гордо маршируетъ впередъ—это знаменосецъ. Два титулярныхъ совѣтника, одинъ коллежскій ассесоръ, три булочника и два провизора идутъ впереди знаменщика, и приставивъ кулаки къ губамъ, стараются подражать звукамъ валторны и тромбона, а съ ними человекъ восемь дѣлають преуморительныя эволюціи руками передъ своимъ животомъ и трещать языкомъ своимъ: «бромъ! бромъ! тррр-бромъ!» эти играютъ родъ барабанщиковъ. И вотъ, такимъ образомъ происходитъ нѣмецкій парадъ, послѣ котораго парголовскіе воины церемоніальнымъ маршемъ расходятся въ нѣдра семействъ своихъ, и всѣ при этомъ необыкновенно серьезны, довольны и счастливы.

Обращаюсь преимущественно къ тебѣ, мой иногородный читатель; мнѣ такъ и кажется, что прочтя это мѣсто, ты недовѣрчиво улыбаешься и произносишь: «эка сочиняеть!» Ей-богу, нѣтъ! клянусь тебѣ, не сочиняю, клянусь тебѣ — правда, во очію видѣнная мною при постороннихъ свидѣтеляхъ!

Карлъ Ивановичъ Шimmelъфенигъ — какъ вообще всякій петербургскій нѣмецъ его категоріи — когда находился въ меньшихъ чинахъ и принужденъ былъ ежедневно пребывать въ мѣстѣ служенія своего, то жилъ гдѣто въ Новой деревнѣ; когда же ранги его возвысились, а служебный постъ дозволилъ сибаритствовать, онъ сталъ нанимать дачу въ Парголовѣ. Карлъ Ивановичъ—необходимый членъ парголовскаго лидертафеля, хотя голосъ его, въ сущности, напоминаетъ только овечье блеянье; Карлъ Ивановичъ точно также, не взирая на свой рангъ, постоянно принимаетъ участіе и въ буколическо-спартанскомъ нгрицѣ, гдѣ обыкновенно маршируетъ — палка на плечо — въ качествѣ офицера. Вы думаете, Карлъ Ивановичъ играетъ въ солдаты просто потому, что поиграть ему хочется? Нѣтъ, ошибаетесь! Карлъ Ивановичъ слишкомъ торжественно и серьезно относится къ дѣлу вечернихъ парголовскихъ парадовъ: онъ прозираеть въ нихъ высшій принципъ; сколь ни кажется это наивно и даже невѣроятно для такого серьезнаго практическаго по службѣ человека, онъ способствуетъ въ этихъ парадахъ великой идеѣ нѣмецко-національнаго единства. Карлы Ивановичи с проста не поступаютъ. Онъ во имя этой идеи и поетъ, и пляшетъ, и маршируетъ, и кушно съ нѣмецкими собратами въ Парголовѣ гдѣто обитаетъ. Такимъ образомъ, относительно буколички и всяческихъ ферейновъ, петербургскаго нѣмца вообще можно опредѣлить такъ: петербургскій нѣмецъ есть нѣмецъ чачно-пою-

ще-вопиюще-танцующе-воинствующій. И это опредѣленіе будетъ исполнѣнъ вѣрное, съ конимъ согласится всякій, хоть немного знающій петербургскаго нѣмца.

Карлъ Ивановичъ необыкновенно любитъ буколику и торжественную представительность; въ весьма недавнее время, ради этой торжественной представительности, онъ даже нарочно бралъ отпускъ и ѣздилъ въ Германію, дабы принять личное участіе въ какомъ-то празднествѣ гимнастовъ или пѣвцовъ, причемъ своею особой изображалъ представителя нашей deutsches Russland, и даже въ торжественной процесіи этого праздника передъ нимъ, въ числѣ представителей прочихъ національностей, несли знамя, на коемъ большими буквами была изображена та же самая Russland. Карлъ Ивановичъ, при этомъ случаѣ, съ огромнымъ патриотическимъ пафосомъ краснорѣчиво ораторствовалъ высокопочтенному собранію о великомъ значеніи російско-піонерской миссіи русскихъ нѣмцевъ относительно великой идеи общегерманскаго единства, чѣмъ и возбудилъ величайшій восторгъ высокопочтеннаго собранія: въ честь его было выпито 1,874 кружки баварскаго пива, двадцать-восемь разъ кричали ему «вивать» и даже торжественно пропечатали въ газетахъ.

Съ этого благодатнаго и великаго дня Карлъ Ивановичъ исполнѣнъ уже чувствуетъ себя героемъ.

Но это только одна сторона его характера, которая, касаясь сферъ общественныхъ или умозрительныхъ, рисуется въ Карлѣ Ивановичѣ, такъ-сказать, челоуѣка публичнаго. Есть у Карла Ивановича и другая сторона, которая прячется отъ постороннихъ взоровъ, которая доступна только самому Карлу Ивановичу, его супругѣ и его кухаркѣ—это сторона халатная, домашняя, семейная, и съ этой-то послѣдней стороны характеръ Карла Ивановича проявляетъ весьма сваредныя свойства, такъ что опредѣлить его, въ домашнемъ отношеніи, можно такъ: Карлъ Ивановичъ есть нѣмецъ халатно-сантиментально-пиволюбяще-сваредный.

Непрестанно памятуя, что умѣренность и аккуратность суть двѣ первыя добродѣтели нѣмца-бюрократа (онъ не любилъ называть себя «чиновникомъ», а всегда говорилъ: «мы, бюрократія»), Карлъ Ивановичъ и въ домашній свой обиходъ вноситъ тѣ же самыя двѣ добродѣтели. Каждая домашняя надобность, каждая физическая потребность была у него строго расчислена и строго разграничена, для каждой опредѣлялся особый бюджетъ, свыше котораго немогла быть передержана ни единая копейка. Все было подѣ счетомъ,

всему велся особенный реэстръ, ежемѣсячно повѣряемый, и въ этомъ отношеніи, Карлъ Ивановичъ Шиммельфенигъ нашель себѣ ревностно-усердную и вѣрную помощницу въ супругѣ своей Луизѣ Андреевнѣ, которая аккуратною скаредностью далеко превосходила Карла Ивановича. Въ этомъ отношеніи Луиза Андреевна была истая нѣмка. Будь на ея мѣстѣ француженка, въ то время когда Луиза Андреевна была еще молода и состояла подъ непосредственнымъ покровительствомъ «штатскаго генерала» Хундскейзера — француженка съ прозорливою жадностью глотала бы деньги, триппи, яства и питія, обирала бы трехъ-четырехъ Хундскейзеровъ разомъ и, не задумываясь надъ будущимъ, сорнила бы своимъ легко-пріобрѣтаемымъ благосостояніемъ на всѣ четыре стороны, пока суровая старость вмѣстѣ съ суровой бѣдностью не подстерегли бы ее изъ-за угла. Луиза же Андреевна, какъ истая нѣмка, была во время оно воздушно-задумчиво-сентиментальна и обирала одного только Хундскейзера — на столько, на сколько вообще возможно обирать расчетливаго нѣмца; но и то обирала она его съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой — понемножку да исподволь, откладывая и прикапливая для будущаго, что-называется, на черный денѣкъ. И драгоцѣнныя качества ея молодости не покидаютъ Луизу Андреевну и ва склонѣ дней ея: какъ тогда, такъ и теперь — Луиза Андреевна очень сентиментальна и очень скаредна.

Нельзя сказать, чтобы въ обоихъ супругахъ не было наклонности къ житейскому комфорту; но эти наклонности они болѣе чѣмъ строго соразмѣряютъ со служебнымъ положеніемъ Карла Ивановича. Когда Карлъ Ивановичъ былъ еще въ небольшихъ чинахъ — супруги довольствовались тремя комнатами, двумя нѣмецки-вкусными блюдами за обѣдомъ и одною нѣмецкою прислугой, въ образѣ кухарки; они довольствовались этимъ, умѣряя свои желанія; за то, пользуясь покровительствомъ Негг Хундскейзера, непрестанно откладывали излишекъ достатковъ своихъ на будущее время. Когда Карлъ Ивановичъ получилъ болѣе самостоятельное и выгодное мѣсто да чинъ статскаго совѣтника — онъ переселился въ Сухарному мосту (гдѣ квартиры дешевле), нанялъ пять комнатъ, за столомъ ѣсть уже четыре блюда и восчувствовалъ надобность въ двухъ служанкахъ: въ кухаркѣ и горничной. Когда же Карлъ Ивановичъ получилъ еще болѣе выгодное мѣсто, купно съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго (а онъ его получить неизбѣжно!), то будетъ жить въ семи комнатахъ, ѣсть пять блюдъ, и кромя двухъ служанокъ, держать еще нѣмца-лакея. Такимъ обра-

зомъ, можно сказать, что съ возвышеніемъ на бюрократическомъ поприщѣ служебной карьеры—возвышается и жизненный комфортъ Карла Ивановича.

Но для чего же копить Карлъ Ивановичъ и его супруга? — Дѣтей имъ Богъ не удѣлялъ; значить, некому оставить по непосредственно-преемственному наслѣдству. Родственниковъ близкихъ, которыхъ бы они сердечно любили, у нихъ тоже нѣтъ; стало быть, для кого и для чего же они откладываютъ? — Для того, что ужъ у нихъ натура такая, для того, что это сидитъ во плоти, въ крови и въ костяхъ обонхъ супруговъ. Иного отвѣта нѣтъ, да очевидно, и быть не можетъ.

Хотя Карлу Ивановичу и его супругѣ предназначено сыграть слишкомъ кратковременную и ничтожную роль въ настоящемъ повѣствованіи, тѣмъ не менѣе, авторъ никакъ не могъ удержаться, чтобы не побесѣдовать съ читателемъ о Карлѣ Ивановичѣ, въ этомъ краткомъ и бѣгломъ очеркѣ. Ибо говоря о Петербургѣ, нельзя не сказать и о Карлѣ Ивановичѣ; онъ не такого рода мелкое явленіе, которое можно бы было пройти безъ вниманія.

Этими-то причинами авторъ и намѣренъ извинить передъ читателемъ отступление отъ прямого разсказа.

II.

Въ чужихъ людяхъ.

Маша виѣстъ съ Дуней явилась къ Карлу Ивановичу Шиммельфенигу. Прежде чѣмъ соблаговолить лично объясниться съ наняемой дѣвушкой, почтенные господа Шиммельфениги заставили ждать ее на кухнѣ съ добрыхъ полчаса: Карлъ Ивановичъ вообще необыкновенно любитъ заставлять кого бы то ни было (исключая друзей и начальниковъ) дожидать себя, ибо Карлъ Ивановичъ, по примѣру своихъ же начальниковъ, былъ убѣжденъ, что подобное ожиданіе придаетъ ему въ постороннихъ глазахъ много вѣсу и значенія. Когда ему докладывали, что такой-то, или такая-то явилась съ просьбой по дѣлу — онъ даже съ большимъ самодовольствіемъ, отчетливо и громко произносилъ: «пусть обождетъ», хотя бы самъ, въ это самое время, просто-на-просто, считалъ воробья въ сосѣдней крышѣ. И какъ педантически-строгий формалистъ, Карлъ Ивановичъ, соображаясь съ рангомъ и положеніемъ просителя, градуировалъ свои фразы на счетъ ожиданья, въ слѣ-

дующемъ порядкѣ: а) проси обождать; б) можеть обождать; с) пусть обождеть, и наконецъ д) — просто нанросто употреблягь, въ неопредѣленномъ видѣ, повелительное «ждать!» Съ этимъ послѣднимъ отнесся овъ и къ своей нѣмгѣ-бухаргѣ, когда та заявила ему о прибытіи Маши Повѣтной.

— Ждать! воскликнулъ Карлъ Ивановичъ изъ-за широкаго листа Санкт-петербургскихъ академическихъ нѣмецкихъ вѣдомостей — и только черезъ полчаса соблаговолимъ призвать къ себѣ Машу.

— Ты русская? былъ первый вопросъ, обращенный обоими супругами къ нанимаемой дѣвушкѣ.

— Русская.

— А ты не лѣнтяйка?

— Кажется, нѣтъ.

— То-то, «кажется»!... Надо тебѣ знать, что мы лѣности вашей не терпимъ, и за каждый часъ, употребленный на лѣность, я строго буду выскивать: вычитатъ изъ жалованья.

— То-есть, какъ это на лѣность? застѣчиво спросила Маша, не понявъ, что именно слѣдуетъ разумѣть подъ часами, употребленными на лѣность.

— Это значить, пояснилъ господинъ Шиммельпфенигъ: — что если тебѣ дадутъ какую-нибудь работу, или пошлютъ куда-нибудь, и при этомъ скажутъ, что ты обязана исполнить къ такому-то сроку, а ты не исполнишь, проспичь, забудешь — за все это вычетъ.

— Но, позвольте... попыталась Маша перебить его.

— Вычетъ!... за все вычетъ, не слушая возраженія, продолжалъ Карлъ Ивановичъ: — потому что я тебя нанимаю служить мнѣ, и притомъ требую, чтобы мнѣ аккуратно служили — потому, за все то время, которое противъ нашего желанія или позволенія ты самовольно употребишь на праздность — я буду вычитатъ.

— Но вѣдь мнѣ надобно же и отдохнуть когда-нибудь, возразила дѣвушка.

— Для отдыха мы тебѣ дадимъ весьма достаточно времени; но вычитатъ я буду за нерадивость и за неаккуратность. Напримѣръ: тебя отпустить со двора на два часа; ты пробудешь три — за часъ я сдѣлаю вычетъ. Не вычистишь ты мнѣ къ утру платье и сапоги, не подметешь и не уберешь аккуратно всѣ комнаты — опять-таки сдѣлаю вычетъ. Понимаешь?

— Понимаю, вполне.

— Ну, теперь насчетъ обязанностей, продолжалъ пунктуальный Карлъ Ивановичъ: — штопать, чинить, иногда спать что-нибудь для барини, иногда выстирать, выгладить ей воротнички, или мѣ манишки, или что-нибудь такое; платье чистить, бариню одѣвать, голову чесать ей; ну, затѣмъ полы подметать — а иногда, по очереди съ кухаркой, и вымыть ихъ, ну... и прочее. Однимъ словомъ — понимаешь ты — вся домашняя работа. Кромѣ того — у насъ бывають порядочные люди, поэтому я требую, чтобы ты была всегда опрятно и прилично одѣта. Вотъ мои условія. Согласна ты? спросилъ наконецъ господинъ Шиммельфенигъ.

Машѣ, конечно, больше ничего и не оставалось, какъ только соглашаться на всѣ условія господъ Шиммельфениговъ.

— Лизкенъ! обратился Карлъ Ивановичъ къ своей супругѣ: — сдай ей счетомъ, по запискѣ, всѣ вещи, которыя должны находиться у нея на рукахъ, да прибавь, что за каждую утраченную, разбитую или испорченную вещь — мы вычитать будемъ изъ ея жалованья.

Но Лизкенъ прибавила бы это сама по себѣ, безъ напоминаній своего супруга. Она сдала своей вновь опредѣлившейся горничной ваку, сапожныя щетки и метелку — для «барина»; сдала блюдечки, чашки, стаканы и чайныя полотенца, сдала свои юбки, манишки и платья, указала ключи отъ шкафовъ, гдѣ вся эта рухлядь хранилась — и Маша собственноручно должна была отмѣчать въ реестрѣ — въ какомъ количествѣ и какія именно вещи приняты ею.

— Ну, ужъ скареды вродскіе, прости Господи! говорила Машѣ ея бывшая горничная Дуня, когда та вышла проводить ее въ сѣни: — знала бы — ни за что не посоветовала бы вамъ идти къ нимъ.

— Да что жь, они по свѣдому правы: каждому свое добро дорого, возразила Маша.

— Эхъ, да ужъ больно поживовски какъ-то выходитъ у нихъ все это! презрительно скривила Дуня свои губы, и прибавила въ видѣ утѣшенія: — ужъ вы, Марья Петровна, поживите у нихъ, голубушка, такъ только, самую малость, пока что... А я вамъ, авось, другое мѣсто добуду!... Постараюсь!

— Нѣтъ, Дуня, спасибо. Къ чему другое? отклонилась Маша отъ ея предложенія: — все равно, гдѣ ни служить; я вѣдь не боюсь работы — сама же захотѣла ея; ну, и буду работать. Честно буду работать, такъ и здѣсь будетъ сносно... Проживу какънибудь — Богъ не оставитъ! Прощай, Дуня!

И двѣ дѣвушки тепло простились между собою братскимъ подалуемъ и горячею слезкой, въ которой у каждой изъ нихъ, быть можетъ, скрывалась своя доля подавляемой горечи и боли душевной. — Что-то это за новая жизнь? Какъ-то все это будетъ, да чѣмъ-то все это кончится?...

Маша хотѣла работы — она ретиво принялась за нее, не смущалась многими трудностями непривычнаго для нея дѣла; и однако все-таки дико и странно какъ-то показалось ей это новое положеніе, въ чужомъ домѣ, съ чужими людьми, гдѣ все, положительно все было ей чужое — и это чужое съ полнымъ правомъ распоряжалось, по своему произволу, ея временемъ, ея волей, ея работой. Она должна была безпрекословно подчиняться любой прихоти и каждому капризу этихъ чужихъ, совсѣмъ постороннихъ ей людей, которые такъ или иначе, но часто на ней самой изливали свое неудовольствіе — и эти изъявленія надо было принимать молча, сносить терпѣливо, потому что отъ каприза этихъ людей, болѣе или менѣе, зависѣло самое существованіе молодой дѣвушки: откажи они ей сегодня отъ мѣста — она сегодня же не будетъ знать, куда ей дѣться, какъ быть, гдѣ пріютиться, что начать дѣлать? Потому что она не знала той жизни, и не приобрѣла еще того опыта, которымъ научаетъ долгая нужда да горе съ голодомъ и холодомъ. То-есть, пожалуй, она и знала, что есть на свѣтѣ жизнь въ родѣ той, которую она, не вѣдая еще, что творить, вела одно время съ молодымъ Шадурскимъ, но... тамъ у нея была любовь, для которой она все забывала, все прощала и все переносила безропотно; а для новой, подобной жизни, у нея нѣтъ, да и не могло уже быть любви — натура Маши была слишкомъ чиста и непорочна еще, и потому эта жизнь, полная горькаго разгула, и въ то же время горькой безпомощности, также пугала ее своимъ ужасомъ и развратомъ: пока еще она чувствовала къ ней только одно отвращеніе и презрѣніе.

«Нѣтъ!... лучше я не знаю что, лучше камни ворочать, лучше въ каторгу идти, только не это!... Только не это!» съ ужасомъ повторяла она самой себѣ, закрывъ глаза рукою — словно бы защищалась отъ тѣхъ ужасовъ, какіе рисовали въ ея воображеніи смутные прывражи этой безнадежной жизни.

Прежня любовь — прежнее чувство было еще не изжито: оно, непрошенное и незванное — то и дѣло — вривалось порою въ душу дѣвушки, отравляя все существо ея горечью самых свѣтлыхъ воспоминаній и тяжестью темнаго разочарованья. Маша не могла еще совладать сама съ собою, она еще не въ состояніи была преодолѣть въ себѣ остатки своего чувства къ молодому князю, хотя и старалась всѣми силами достичь этого: она думала передѣлать себя, хотѣла заставить себя разлюбить и позабыть его — и не могла заставить.

— Пустое! все это дурь во мнѣ бродить, все это блажь одна, блажь и только! твердила она себѣ порою: — я должна бросить все это; буду работать — какъ можно больше и усерднѣе работать, чтобы нѣкогда было даже думать о прошломъ; работать цѣлые дни такъ, чтобы къ ночи до того устать, измориться, чтобы только спать, спать и спать; а тамъ — опять за работу, и опять измориться: усталость отобьетъ охоту думать, работа, какъ ни хитри, а возьметъ свое!

И Маша работала — работала такъ, что даже господа Шиммельфениги не могли сказать дурного слова.

Чѣмъ больше, порою, подступала ей къ сердцу горечь неутомныхъ воспоминаній и оскорбленной любви, тѣмъ пуще принималась она за работу. Она работала упорно, сосредоточенно, даже съ какимъ-то тайнымъ суровымъ озлобленіемъ, и въ эти минуты нарочно сама выбирала какое-нибудь дѣло потяжелѣе. Не въ очередь мыла полы, чему нѣмка-кухарка была необыкновенно рада, штопала чулки господина Шиммельфенига, чинила юбки и воротнички госпожи Шиммельфенигъ, до того, что на всѣхъ пальцахъ заусѣнницы показывала себѣ иголкой, печи топила, бѣгала по двадцати разъ въ день въ мелочную лавку, въ булочную, въ колбасную, въ пивную, и когда, несмотря на все это, у нея, въ теченіе дня, оставалось еще довольно свободнаго времени — Маша выискивала себѣ новую работу.

— Сударыня, у васъ нынче три сорочки и пять юбокъ грязныхъ лежать — позвольте я ихъ выстираю, говорила она иногда, въ этихъ случаяхъ, госпожѣ Шиммельфенигъ — и Луиза Андреевна немедленно соглашалась, даже была рада этому изъ экономическихъ видовъ: по крайней-мѣрѣ, домашними средствами обойдется дѣло — прачкѣ платить не надо — Маша даромъ выстираетъ, накрахмалитъ и выгладитъ. И вскорѣ таковой образъ дѣйствій со стороны Маши дошелъ до того, что госпожа Шиммельфенигъ

совсѣмъ почти перестала пользоваться вольнонаемной прачкой, и какъ-бы чувствуя за собою полное и законное право, свалила почти всю стирку на одиѣ машины руки.

И молодая дѣвушка исполняла все это безпрекословно, какъ будто оно и въ самомъ дѣлѣ должно быть такъ, а не иначе. Она спускалась въ подвалъ, въ темную, холодную прачешную, разводила, съ помощью дворниковъ, большой огонь, кипятила воду въ чугунокѣ, и въ быстро нагрѣтой, сырой, прѣлой атмосферѣ, въ которой густой паръ ходилъ клубами и туманомъ, прижималась надъ большимъ деревяннымъ чаномъ за тяжелую стирку хозяйскаго бѣлья. Въ оконныя щели холодъ идетъ, дверь кто-нибудь входя или уходя растворитъ — и въ изкосводный, законченный подвалъ такъ и пахнетъ со двора проникающимъ вѣтромъ, такъ и обдастъ имъ все тѣло — что за нужда! приналяжетъ Маша на свою работу, и опять станетъ жарко. Двѣ-три прачки стираютъ тутъ же. Обычно-желтыя, заморѣнныя лица ихъ раскраснѣлись отъ упорной работы, растрепанныя волосы выбиваются изъ-подъ головного платка и космами липнутъ къ мокрому лбу, на которомъ крупными каплями уже четвертый потъ проступаетъ. У одной изъ нихъ тутъ же грудной ребѣнокъ, въ платяной корзинкѣ, пищитъ: мать поставила его неподалеку отъ печи, чтобы потеплѣе было, потому дома у нея въ квартирѣ холодъ: сама на работѣ, стало быть и печка пона-врасну нетоплена. Слышитъ мать жалобный, голодный пискъ своего ребѣнка и, вся мокрая, усталая, разбитая, бѣжитъ отъ дымящагося чана къ платяной корзинкѣ и, склонившись надъ нею на колѣни, вѣскоро кормитъ грудью младенца. Другая—молоденькая, быстроглазая, въ это же самое время, визгливымъ тоненькимъ голосомъ пѣсню поетъ—поетъ и стираетъ, а досужій дворникъ, который только-что притащилъ сюда и съ громомъ свалилъ у печи новую вязанку обледѣлыхъ полѣньевъ — облапливаетъ ее сзади всей пятернею и балагурливо заигрываетъ. Быстроглазая прачка лукаво ухмыляется — и вдругъ ему прямо въ рѣжу летитъ цѣлая пригорсть мыльной воды и обдастъ всего бризгамп. Дворникъ ругательски ругается, быстроглазая звонко хохочетъ, ребѣнокъ пищитъ и плачетъ; а Маша все стираетъ да моетъ — словно бы не видитъ и не слышитъ ничего—упорно, сосредоточенно склонилась въ три погибели надъ своимъ чаномъ, мускулы рукъ ея то и дѣло напрягаются. И движутся эти руки непрерывно, словно два поршня или рычага въ паровой машинѣ; всю спину и поясницу ей ужъ давнымъ-давно раможило; ладони и пальцы разбухли до ону-

хоти отъ движенія въ горячей водѣ — къ завтрашнему утру они потрескаются на морозѣ, какъ пойдетъ она полоскать бѣлье на рѣку, къ завтрашнему утру на нихъ волдыри нахвываютъ и мозоли позаскорузнутъ — нужды нѣтъ! Маша стираетъ-себѣ, не обращая ни на что вниманія, потому вѣдь по своей по вольной охотѣ взялась она за эту работу — никто ее, кромѣ собственнаго сердца, не нудилъ на эту каторгу. Пойдетъ она завтра на плоть полоскать въ холодной водѣ свою стирку, простоятъ на рѣзкомъ вѣтру часа два, простоятъ подѣ дождемъ или снѣгомъ; потомъ возьметъ всѣ эти обледѣлыя рубахи, юбки да кофты и на чердагѣ развѣситъ ихъ сушиться на протанутыхъ веревкахъ. Къ этой всей работѣ Маша еще съ дѣтства приглядѣлась, какъ жила въ Колтовской, у своихъ стариковъ: у нихъ тогда во дворѣ въ маленькомъ флигелечкѣ тоже прачка одна квартиришку снимала и все этакъ-то стирала да мыла; въ тѣ поры Маша, иногда, отъ нечего дѣлать, приглядывалась къ ея работѣ, а теперь неожиданно-негаданно пришлось ей и къ дѣлу примѣнить свою приглядку. Споровки только большой у нея не было — занятіе не совсѣмъ-то привычное — за то ретивости много.

Работаетъ такъ-то Маша, и думаетъ въ этомъ суровомъ трудѣ утолить свое неугомонное сердце, позабыть свою кручину. А сердце межъ тѣмъ неустанно работаетъ надъ этою самой кручиной, и тихо щемить, занываетъ оно, и въ угрюмо сдвинутыхъ бровяхъ молодой дѣвушки сказывается печать далеко невеселой мысли.

Въ чужихъ людяхъ, на мѣстѣ, гдѣ она теперь жила, ей все казалось противнымъ, сухимъ, на всемъ у этихъ людей лежалъ отъѣнокъ какого-то черстваго безсердечія. Маша, болѣе чѣмъ когда либо, чувствовала себя одинокою — совсѣмъ, безконечно, безгранично одинокою: ни вблизи, ни вдали не было у нея человѣка, которому бы можно было раскрыть свою душу, слово перемолвить, ласковымъ взглядомъ перекинуться — и она какъ-то вся ушла въ себя какъ улитка въ свою раковину, герметически закупорилась и преобразилась въ какую-то рабочую машину, тѣмъ упорнѣе принимаясь за свой трудъ, чѣмъ больнѣе начинало подступать къ ея сердцу ея молодое горе.

Это была непосредственная, совсѣмъ простая, неизломанная натура. Полюбила она Шадурскаго безотчетно: сама не зная и не понимая какъ и за что, а просто, потому что полюбилось. Поэтому-то ея чувство было въ высшей степени искренно и глубоко. Она сама даже не подозрѣвала всей глубины его. Это было свѣт-

лое, беззаботное, безавѣтное и свѣжее чувство дѣвочки. Последній ударъ самаго тяжкаго разочарованія сдѣлалъ изъ дѣвочки женщину. И это была женщина любящая и оскорбленная. Тотъ же самый ударъ, который произвелъ въ ней этотъ переворотъ—осмыслилъ и ея характеръ: онъ придалъ ему именно ту замнутую внутри себя сосредоточенность, которая отличала Машу среди ея новой жизни у господъ Шиммельфениговъ.

Эта чета и жизнь въ ихъ домѣ были ей положительно противны. Луиза Андреевна уже нѣсколько лѣтъ назадъ утратила послѣдніе проблески цвѣты своей третьей молодости и привлекательности. Для супруга, который былъ на тринадцать лѣтъ юнѣе своей драгоценной половины, тоже ужъ наступилъ періодъ почтенной зрѣлости, о чемъ свидѣтельствовали и самый чинъ его, и извѣстная крупность занимаемаго имъ мѣста. Карлъ Ивановичъ начиналъ уже дѣлаться большимъ нѣмецкимъ человѣкомъ. Въ лицѣ и во всей фигурѣ его, по этому случаю, необходимо появилась пріятная округлость, и экспресія этого лица постоянно носила характеръ гордаго и блаженнаго самодовольства. Карлъ Ивановичъ вступалъ въ тотъ возрастъ, когда, по неизбѣжному почти закону, онъ долженъ былъ, въ ущербъ законной супругѣ, восчувствовать беззаконную слабость къ какой-нибудь Минѣ Францовнѣ и, по призыву своего патрона Хундскейзера, тянуть въ гору ея нѣмецкаго супруга. Луиза Андреевна очень хорошо понимала и чувствовала неизбѣжность такого пасажа со стороны своего благовѣрнаго. Но, увы! — въ настоящей Луизѣ Андреевнѣ не осталось и тѣни отъ прежней, которая была когда-то сладостью штатскаго генерала Хундскейзера. На сколько округлялся супругъ ея, на столько же сама она худѣла и дурнѣла. Луиза Андреевна чувствовала, что фонды ея давнымъ-давно уже упали, а между тѣмъ, желаніе быть молодою осталось и—странное дѣло!—на склонѣ дней своихъ она страстно, ревниво, ожесточенно привязалась къ своему супругу—грѣхъ, въ дѣны годы съ ней неслучавшійся. И эта страстная привязанность служила источникомъ множества непріятностей, отравлявшихъ мирный покой ихъ супружеской жизни.

Зачастую, когда супругъ находился на службѣ, или вообще внѣ дома, Луизу Андреевну начинали мучить разныя подозрѣнія; она была внѣ себя: то принималась сантиментально вздыхать и плакать, воображая въ себѣ повинную жертву и мученицу, то вдругъ ни съ того ни съ сего придерется къ прислугѣ и давай на ней всю свою желчь вымещать. Пицить-пицить, бывало, по цѣлымъ ча-

самъ изъ-за какихъ-нибудь грошовыхъ расчетовъ, хотя бы изъ-за того, что говядина на четверть копейки вздорожала, или, что воротничокъ ея шемизетки дурно выглаженъ, или пыль въ одномъ уголкѣ залы нехорошо подметена, или просто наконецъ такъ-себѣ, безо всякой достаточной причины и очевиднаго повода. Но чѣмъ болѣе подходило время къ обѣденному часу, тѣмъ сильнѣй становилась агитация отставной Лурлен. Съ нервическимъ подергиваніемъ губъ, безирестанно взглядывала она на стѣнные часы, тревожно шмыгала по всѣмъ комнатамъ, подметала ко всѣмъ окнамъ—не видать ли возвращающагося Карла Ивановича?—и если свыше обычно-обыденнаго срока проходило какъ-нибудь десять-пятнадцать минутъ, а въ прихожей не раздавался мужиниъ звонокъ — Луиза Андреевна начинала неистовствовать, потрошить свои тощія косицы, порывавшія и выльзшія отъ времени, и вскорѣ дѣло доходило до полного истерическаго припадка. Лурлен желала быть молодою и экономною: она ревниво мучилась отъ воображаемыхъ измѣнъ Карла Ивановича и мучительно злилась при мысли, что эти измѣны, быть можетъ, сопряжены даже съ тратою денегъ—потому что вѣдь тратился же и на нее самое когда-то штатскій генералъ Хундскейзеръ. Но какъ ослѣпляла ее ревность! Какъ ошибалась на этотъ послѣдній счетъ она въ своемъ расчетливомъ и экономномъ супругѣ! Карлъ Ивановичъ дѣйствительно начиналъ подумывать о заведеніи слабости; но рассчитывалъ, какъ бы лучше основать эту слабость на строго-экономическомъ принципѣ. И вотъ, среди подобныхъ-то бѣснованій, появлялся супругъ, а съ его появленіемъ возраждалась буря. Луиза Андреевна укоряла его въ невѣрности, въ черной неблагодарности къ ней — къ ней, которая составила все счастье и значеніе его жизни, которая отдаетъ ему все свое сердце, которая наконецъ такъ экономна, что до послѣдней тряпки заботится о его благосостояніи, а онъ, какъ какой-нибудь шпиддубе, безчестно тратитъ трудовыя деньги на какую-нибудь подлую тварь. Супругъ хмурился и молчалъ, молчалъ и слушалъ: его отчасти лимфатическая, благоразумная Kaltblütigkeit не измѣняла ему ни въ какихъ пасажахъ его жизни, исключая случаевъ національно-нѣмецкаго негодованія по поводу *Katloff und alle diese Russische Schweine*. Вслѣдъ за этою бурей, слѣдовала перемѣна декораціи: супруга сантиментально бросалась къ нему съ объятіями, просила прощенія у своего *publiche Papschen*, объявляла, что она сама все прощаетъ ему и забываетъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ забылъ свою незаконную слабость, не тра-

тилъ на нее денегъ и аккуратно явился бы къ обѣду; заставляла его клясться въ вѣчной любви и вѣрности, сантиментально и со слезами рисовала возможную картину того буколическаго счастья, еслибы онъ вѣчно оставался въ ея хозяйственныхъ объятіяхъ, въ конѣ своего дома, и въ заключеніе принималась лобзать его отвратительно-страстными поцалуями, сама повторяла клятвы вѣчной Himmels Liebe, и наконецъ увлекала за столъ, на которомъ давнымъ давно уже стылъ поданный кухаркою Milchsuppe или габерсупъ mit рѣпа. Старая красавица сумасшествовала: она страстно любила и страстно скаредничала. Но за то сколь вусень казался ей послѣ таковой бури этотъ нѣмецкій габерсупъ съ рѣпой! Бури отнюдь не препятствовали ея доброму аппетиту, если даже не поощряли его еще болѣе.

Однако съ нѣкотораго времени стала замѣчать Луиза Андреевна, что ея благовѣрный какъ будто поглядываетъ на Машу масляно-сладкими взорами. Карлъ Ивановичъ дѣйствительно началъ поглядывать на нее этимъ самымъ образомъ—и таковое обстоятельство немедленно же послужило обильнымъ источникомъ новыхъ бурь и огорченій. Чуть, бывало, выйдетъ тотъ за чѣмъ нибудь въ кухню—глядь, супруга ужь тутъ какъ тутъ, и стоитъ въ дверяхъ и сверкаетъ на обоихъ своимъ кошачьимъ взглядомъ.

— Was wollen sie hier, Karl Iwanitz? раздраженно-рѣзкой и подозрительной нотой раздается ея ревнивый голосъ.

Карлъ Ивановичъ конфузится и не знаетъ, что ему отвѣтить на столь неожиданный вопросъ, при столь неожиданномъ появленіи.

Супруга повелительно увлекаетъ его въ комнаты, и начинается трагедія.

Почти съ перваго же появленія Маши въ этомъ миломъ семействѣ, Луиза Андреевна стала уже косо и подозрительно поглядывать на нее: она предчувствовала масляно-сладкіе взоры своего супруга, и когда ея предчувствія стали оправдываться, то вся эта старческая злость и ревность окапѣшила на голову Маши вмѣстѣ съ Карломъ Ивановичемъ. Старая нѣмка выскивала всевозможные предлоги, чтобы только придраться къ Машѣ и излить свое негодованіе. Ревность нашептывала ей, что надо бы вынести вонъ изъ дому этотъ опасный соблазнъ, надо бы поскорѣй отказать Машѣ отъ мѣста, прогнать ее со скандаломъ; а экономическая старедность, въ то же самое время, громко предъявляла свои вообще расчеты и резоны: Маша такая хорошая горничная, такая

усердная работница, Маша наконецъ добровольно и безвозмездно взяла на себя почти всю домашнюю стирку, потому прачкѣ платить не надо — одна статья необходимаго расхода уничтожается, пять-шесть лишнихъ рублей ежемѣсячно въ карманѣ остаются. Какъ тутъ прогнать такую благодать? И Луиза Андреевна мучилась, терзаемая ревностью и скарденостью, изъ которыхъ одна не могла переселить другую.

Маша очень хорошо все это видѣла и понимала, такъ что всмотрѣвшись да вдумавшись во все это, жить у господъ Шиммельпфениговъ стало ужъ въ конецъ ей отвратительно; но... она никого и ничего почти не знала въ этомъ городѣ, не знала почти той мутной жизни, которая кипитъ въ этомъ лабиринтѣ, но и не знала, межъ тѣмъ пугалась ея призрака: она боялась темнаго, неопредѣленнаго существованія. Отойти, оставить это мѣсто—хорошо. Но потомъ—то что же станешь дѣлать? Куда пойдешь, къ кому обратишься? чѣмъ существовать—то будешь? Тутъ, у этихъ Шиммельпфениговъ, какъ ни гнусно, какъ ни противно, да все же есть хоть какое-нибудь опредѣленное положеніе, есть обезпеченный уголь и кусокъ хлѣба, заработанный хоть тяжелымъ да честнымъ трудомъ; а тамъ—то что ждетъ тебя? — «Нѣтъ, ужъ лучше терпѣть да жить какъ ни на есть, пока терпится да пока счастливый случай не пошлетъ какого-нибудь исхода!» рѣшила съ собою молодая дѣвушка—и безропотно покорилась своей завидной долѣ.

III.

Маленькое обстоятельство, имѣвшее большія послѣдствія.

Прошло около мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Маша опредѣлилась на мѣсто, и въ это время случилось одно вовсе ничтожное само по себѣ обстоятельство, которое, однакожъ, подобно многимъ ничтожнымъ обстоятельствамъ, имѣло свои большія послѣдствія.

Госпожѣ Шиммельпфенигъ вздумалось однажды отправить Машу къ своей портнихѣ, съ какимъ-то шелковымъ платьемъ, подлежащимъ различнымъ передѣлкамъ.

Отправилась Маша. А наканунѣ передъ этимъ она долго поло-скала бѣлье на плоту, и продуло ее порядкомъ, такъ что съ вечера еще она почувствовадала легкій ознобъ и было ей все время не по себѣ какъ-то. Путь предстоялъ немалый—къ Семіоновскому мосту.

Надо было, между прочимъ, идти нѣсколько времени и по Невскому, и по Караванной, гдѣ жила Маша въ счастливые дни своей любви къ Шадурскому. Ей въ первый разъ еще послѣ житія на мѣстѣ приходилось теперь побывать на Невскомъ. Людная улица навела ее на многія воспоминанія, которыя усилились еще тѣмъ, что на самомъ почти поворотѣ въ Караванную, она столкнудась съ бѣлогубымъ юношей офицерикомъ, который въ качествѣ пріятеля Шадурскаго часто бывалъ у нея во время оно и даже сильно ухаживалъ за нею. Бѣлогубый офицерикъ изумленно приостановился на минутку и тотчасъ же прошелъ мимо. Очевидно, онъ узналъ Машу, но какъ же ему признаться въ этомъ теперь, когда онъ встрѣчаетъ ее въ убогомъ бурнусишгѣ съ бѣлымъ узломъ въ голыхъ рукахъ? Маша сильно смѣшалась при этой встрѣчѣ и быстро пошла дальше; однако была рада, что все это прошло таиннымъ образомъ. Но встрѣча съ бѣлогубымъ и потомъ путешествіе мимо подъѣзда и воротъ того самаго дома, гдѣ она жила, вдругъ навѣяли на нее столько щемящихъ воспоминаній, пахнули на сердце такимъ горькимъ чувствомъ и затѣмъ мгновенное воспоминаніе о Колтовской да о своихъ старикахъ опять встало передъ ней такимъ колючимъ и тяжелымъ упрекомъ, что на глаза бѣдняги проступили на морозѣ самыя жгучія слезы. Она шла и плакала, а самой нервная лихорадка трясла. И встрѣчные люди съ удивленіемъ оглядывались, что вотъ-де, идетъ хорошенькая дѣвушка въ какомъ-то жалкомъ костюмишгѣ, а слезы по щекамъ такъ и катятся, а она, межъ тѣмъ, идетъ-себѣ и не думаетъ вытирать свои глаза, и словно бы этихъ слезъ своихъ совсѣмъ даже не чувствуетъ.

Пришла Маша къ портнихѣ съ заплаканными, но впрочемъ уже сухими глазами. На дѣстниці оправилась и вытерла свои слезы. Толкуеть она портнихѣ, что госпожа Шиммельфеннгъ прислала ее съ работой, рассказываетъ какъ и что нужно передѣлать въ принесенномъ платьѣ, а въ это самое время выходитъ изъ-за драпри госья, которая сидѣла у портнихи въ смежной комнатѣ и съ изумленнымъ недоумѣніемъ уставилась глазами на Машу.

Эта послѣдняя мелькомъ взглянула на вошедшую и прямо, глазъ въ глазъ, поймала ее удивленный взглядъ. Она сразу узнала въ ней одну изъ мастерицъ того магазина, гдѣ во время оно шла себѣ наряды, и вспоминала, что эта самая мастерица даже къ ней на квартиру неоднажды приходила примѣрять ей платья. Узнавши ее, Маша на минуту снова смутилась и вспыхнула.

«Экая я глупая! внутренно упрекнула она себя въ тотъ же са-

мый мигъ:—чего же это я краснѣю? Или мнѣ стыдно своего положенія? Какой вздоръ!»—И она смѣло взглянула опять въ глаза вошедшей женщицѣ.

Та нервѣшительно улыбнулась и еще нервѣшительнѣе поклонилась ей. Маша отвѣтила открытою, привѣтливой улыбкой и отдала поклонъ уже безъ малѣйшей застѣнчивости.

— А вы узнали меня? совершенно просто и прямо спросила она.

— Д... да... узнала... немножко смущенно занкинулась мастерица:—только... вы... такая переменѣна...

— Чтѣ дѣлать! въ жизни всякое бываетъ, усмѣхнулась Маша.

— Н-да... продолжала въ томъ же родѣ старая знакомца:— я вотъ съ мѣсяцъ назадъ была какъ-то у мадамъ Арманъ—помните, она тоже одно время шла на васъ?...

— Какъ же, помню. И вотъ именно съ мѣсяцъ назадъ я даже работы у нея просила.

— Да, она мнѣ передавала это.

— А передавала, какимъ наглымъ образомъ она отказала мнѣ въ этой работѣ, и какъ издѣвалась въ глаза надъ переменѣной моего положенія? съ горечью возразила Маша.

— Богъ съ ней! вздохнула модистка:— мадамъ Арманъ не совсѣмъ-то хорошая женщина.

— Впрочемъ, я и безъ ея помощи нашла себѣ работу: я нынче въ горничныхъ живу, сообщила Маша, со свойственною ей простотою.

Модистка опять вскинула на нея изумленные взоры.

— Васъ это удивляетъ? снисходительно улыбнулась молодая дѣвушка.

— Очень... тѣмъ болѣе, что князь Шадурскій... какъ же это онъ такъ допустилъ!... Это вѣдь ужъ безсовѣстно!

Во время ихъ разговора, хозяйку вызвали зачѣмъ-то въ мастерскую; Маша осталась съ глазу на глазъ съ мастерицей.

— Богъ съ нимъ, онъ нехорошо поступилъ со мною, махнула она рукою.

— А я слышала, что его пріятели васъ обвиняютъ.

— Меня?! изумилась Маша:— меня?!... Да за что же?

— Конечно, не всякому слуху вѣрь, говорить пословица, и мало ли чтѣ люди болтаютъ, продолжала мастерица, которую такъ и тянуло за язычокъ сообщить, при семъ удобномъ случаѣ, чтѣ именно болтаютъ, а въ то же время, по добротѣ сердечной, хотѣлось и нѣсколько полегче отнестись къ своему сообщенію:— говорить,

будто тутъ причиною одинъ молодой человекъ, чиновникъ какой-то.

— Какой чиновникъ?!

— Не знаю... болтають вѣдь они только, и больше ничего!... будто, князь узналъ, что вы обманывали его...

Маша въ негодованіи только плечами передернула.

— Какая низость!... какіе мерзавцы! съ презрѣніемъ прошептала она черезъ минуту.

— Но все же князь, хоть бы изъ самолюбія, не долженъ былъ поступить съ вами такимъ образомъ, замѣтила мастерица: — что бы ему стоило хоть какъ нибудь обезпечить васъ!

— Обезпечить!? Да развѣ я-то взяла бы отъ него какое нибудь обезпеченіе, послѣ того, какъ онъ меня бросилъ?

— А вы слышали, какая съ нимъ исторія случилась?

— Когда?

— Да тоже вотъ, съ мѣсяць тому назадъ.

— Ничего не слышала.

— Какъ же!... Помилуйте, многіе говорятъ про это... Я тоже слышала — у мадамъ Арманъ, баронесса Дункельтъ рассказывала. Ужась, какая исторія!

Машѣ больно было слышать дурное слово про того, кого она такъ много любила; ей бы не хотѣлось равно ничего слышать про него — ни дурнаго, ни хорошаго; она старалась увѣрять себя, что онъ не существуетъ для нея, что онъ навсегда выброшенъ изъ ея сердца, а между тѣмъ это самое сердце дрожало теперь при одномъ звукѣ завѣтнаго имени, и несмотря на кажущееся нехотѣнье слушать про него что либо, она не могла преодолѣть въ себѣ другого тайнаго и болѣе искренняго желанія: ее невольно такъ и подмигивало узнать еще одну новую вѣсть, услышать хоть что нибудь про любимаго человека — только пусть бы это «что нибудь» было хорошее и благородное!

Маша молчала и выжидательно смотрѣла на собесѣдницу: она не рѣшалась спросить ее, въ чемъ заключается эта исторія, потому что старалась обмануть даже самой себя, боясь себѣ же признаться въ затаенномъ и настоящемъ своемъ желаніи.

— Какъ же, какъ же! Ужась, какая страшная исторія! продолжала словоохотливая мастерица: — представьте себѣ, вѣдь его, говорятъ, чуть-было не зарѣзали!

— Какъ!!... съ испуганнымъ стономъ, невольно вырвалось изъ груди Маши.

— Да, говорятъ. — Вотъ, баронесса Дункельтъ говорила, а мнѣ сама мадамъ Арманъ разсказывала. Говорятъ такимъ образомъ, будто у него были длинны амурны съ одной барыней... замужня дама, сказываютъ. Это-то онъ, мой голубчикъ, значить, въ то самое время, какъ съ вами жилъ, и съ этою, съ замужнею, тоже интригу велъ; связь у нихъ, говорятъ, была. Обманываль, стало быть, двухъ разомъ: и васъ, и ее. Ну, да впрочемъ, они вѣдь и всѣ такіе, эти господа мужинки!

При этихъ словахъ, Маша бѣлѣе полотна поблѣднѣла: обманываль... онъ все время обманываль... онъ не любилъ ее. — Вся кровь какъ будто застыла въ ней. Она до сихъ поръ думала, что онъ только *разлюбилъ* ее, но *обманывать*... обманывать съ самаго начала, имѣя другую любовницу... Стало быть, онъ только такъ пошутить-себѣ съ нею, стало быть, онъ никогда и не любилъ ее— онъ только бездушно шутилъ и бездушно обманываль—притворяся, что любить... Это было сверхъ ожиданій Маши, этого она не могла ни допустить въ немъ, ни даже представить себѣ. Разлюбить онъ могъ—чтѣ жъ дѣлать: любви насильно не удержишь, коли она прошла; но съ самаго начала притворяться и вести обманъ—это уже было подло. Послѣдніе остатки прежняго кумира въ сердцѣ Маши съ этой минуты были уже въ прахъ разбиты. И эта неожиданная мысль такъ ее поразила, что она, не давая себѣ отчета, не взвѣсившая разсудкомъ сообщенія своей собесѣдницы, чуткимъ сердцемъ почувствовала только весь страшный смыслъ и уничтожающій холодъ словъ ея.

— Представьте себѣ, продолжала межъ тѣмъ модистка:— встрѣтился онъ съ нею въ маскарадѣ и поѣхали вмѣстѣ ужинать въ ресторанъ, въ отдѣльную комнату, и тамъ она его очень опасно ранила. Говорятъ, будто изъ ревности—почемъ знать, можетъ быть, даже къ вамъ приревновала.

Мастерица передавала Машѣ одинъ изъ многочисленныхъ вариантовъ происшествія съ Бероевой, которые въ разнорѣчивыхъ слухахъ ходили тогда по городу.

— Но онъ-то, онъ-то хорошъ гусь, нечего сказать! понтылась-было она прогуляться на счетъ Шадурскаго, какъ вдругъ Маша остановила ее рѣшительнымъ движеніемъ руки.

— Довольно... не говорите мнѣ больше о немъ... черезъ силу промолвила она надрывающимся голосомъ: видно было, что рыданія начинаютъ душить ее — и быстрыми шагами она тотчасъ же удалась изъ магазина.

«Обманываль... онъ только обманываль меня», смутно мелькало облачко какаго-то сознанія въ головѣ Маши—а межъ тѣмъ, сама она шла, почти безотчетно, по направленію къ набережной Невы, туда, гдѣ красовался аристократическій домъ князей Шадурскихъ.

И вотъ, она уже у самаго дома, она заноситъ ногу на гранитную ступеньку бокового подъѣзда, который велъ въ отдѣльную квартиру молодого князя; она съ нерѣшительнымъ трепетомъ, съ боязнью ожиданія беретса за ручку звонка. — «Онъ ранень», проходитъ въ головѣ Маши другое смутное облачко, навѣянное голосомъ все еще неостывшей живучей любви къ разбитому кумиру: «опасно ранень... быть можетъ, умереть, и не увидишь его больше. Я пойду къ нему... я увижу его... въ послѣдній разъ хоть взгляну на него!»

Но рука бѣдняги безсильно и тихо опускается отъ ручки двернаго звонка:

— Нѣтъ, зачѣмъ же!... Не надо... не надо... вѣдь онъ не любилъ, *никогда* не любилъ меня—вѣдь онъ только *обманываль*...

И Маша идетъ далѣе.

Идетъ она далѣе, вдоль гранитной набережной бѣлой, застывшей Невы, идетъ безъ цѣли, безъ мысли, сама не вѣдая куда, не вѣдая зачѣмъ и почему, идетъ, потому что нельзя не идти, потому что ноги несутъ ее, все дальше и дальше. Лицо ея пылаетъ—ей жарко, ей душно; у нея горло судорожно сжимается внутри отъ рыданій, которыя не могутъ вырваться наружу и разрѣшиться спасительными слезами. Вѣтеръ со всѣхъ сторонъ поддуваетъ ея плохой бурнусишко — пусть его дуетъ! пусть охлаждаетъ это пылающее лицо, эту горячую голову; вѣдь ей, бѣднягѣ, такъ жарко, такъ душно, такъ тѣсно среди этого простора широкой ледяной равнины, которая отиравается справа, среди этого морознаго дня и холоднаго сѣвернаго вѣтра... А что-то теперь госпожа Шиммельфенигъ подѣлываетъ?

IV.

ПЕРВОЕ НАЧАЛО БОЛЬШИХЪ ПОСЛѢДСТВІЙ.

Госпожа Шиммельфенигъ негодовала. Она отправила въ должность своего Карла Ивановича въ двѣнадцатомъ часу; она отправила Машу къ модисткѣ въ первомъ; теперь уже половина пятаго—ровно полчаса прошло сверхъ обычно-обѣденнаго срока — и нѣтъ

ни того, ни другой. Что это значить? Почему их нѣтъ? Уж не встрѣтились ли они вмѣстѣ гдѣ нибудь? Уж не заранѣ ли это условлено между ними? Тѣмъ болѣе, что нынче Карлъ Ивановичъ долженъ получить мѣсячное жалованье.

Госпожа Шиммельпфенигъ бѣгала по комнатамъ, вздыхала и плакала, плакала и грызла носовой платокъ; но вдругъ опомнившись, что послѣднее вовсе не экономно, принялась потрошить свои косяцы. Время уходитъ. Кухарка ропщетъ и жалуется, что картофельный супъ совсѣмъ уже перекипѣлъ и переварился; Луиза Андреевна негодуетъ, что приходится, въ ожиданіи мужа, лишніи дрова палить, и уже разсчитываетъ, сколько нужно будетъ вычестъ изъ жалованья Маши за просроченное время, и по этому случаю злобственно радуется, что хоть чѣмъ нибудь отомстить ей за свои подозрѣнія, какъ вдругъ раздается звонокъ и появляется Карлъ Ивановичъ, и отъ Карла Ивановича — о, ужась! отдаетъ виновнымъ буетомъ шампанскаго. Луиза Андреевна съ визгомъ падаетъ въ обморокъ; Карлъ Ивановичъ бросается помогать ей, онъ въ отчаяніи, но сантиментальный обморокъ проходитъ очень скоро и начинается трагедія. Карлъ Ивановичъ не смущается ею: онъ выдержалъ первый шквалъ съ обычнымъ равнодушіемъ, вынулъ изъ кармана полновѣсную пачку ассигнацій — жалованье было въ наличности сполна, и это обстоятельство нѣсколько утишило сердечную бурю Луизы Андреевны. Но буетъ? отчего отъ Карла Ивановича такъ неопозволительно отдаетъ буетомъ шампанскаго? отчего онъ самъ въ нѣсколько ненормальномъ состояніи? Положимъ, хотя это и прилично-ненормальное состояніе, какъ подобаетъ его солиднымъ лѣтамъ и солидному рангу; но все же оно ненормальное! Карлъ Ивановичъ трогательно объясняетъ, что сегодня онъ былъ неожиданно приглашенъ на завтракъ къ одному своему старому сотоварищу, человѣку равнаго съ нимъ чина и положенія въ обществѣ, и влюбленная Луиза Андреевна усновоювается, кидаясь къ нему съ объятіями, съ мольбами о прощеніи, съ заботами о томъ, не нужно ли ему гофманскихъ или матныхъ капель; но Карлъ Ивановичъ на сей разъ солгалъ передъ своей супругой. Онъ дѣйствительно былъ на завтракъ, только не у товарища равнаго съ нимъ ранга и положенія, а у одного изъ своихъ подчиненныхъ, у Негг фон - Виттервассера, обладателя очень королевской и очень кулевской Мини Фридриховни, который, прозрѣвъ тайныя чувства начальника къ своей законной любовницѣ, самъ позаботился, въ виду будущихъ благополучій, о сча-

сливомъ ихъ соединеніи, и поэтому пригласилъ патрона на завтракъ. Счастливое соединеніе сердець Карла Ивановича съ Миной Францовной покажется предстояло еще въ будущемъ, и увѣ! влюбленная Луиза Андреевна на сей разъ была жестоко обманута, повѣривъ словамъ вѣроломнаго супруга! Тѣмъ не менѣе, она повѣрила, она съ большимъ апетитомъ кушала *Kartoffelsuppe* и *Rippenstecker mit Rosinen und Mandel*, и сладостныя *Pfannkuchen* — а часовая стрѣлка показывала уже половину седьмого.

Мама до сихъ поръ не являлась.

Госпожа Шиммельпфенигъ рѣшительно терялась и негодовала отъ столь дерзко-продолжительнаго отсутствія своей прислуги; господинъ же Шиммельпфенигъ, сообразивъ, что для исполненія возложеннаго на нее порученія, было болѣе чѣмъ достаточно двухъ съ половиною часовъ, очень хладнокровно сказалъ, что надо будетъ сдѣлать ей вычетъ изъ жалованья, и принялся рассчитывать, сколько именно грошей, со всею строгою справедливостію, необходимо будетъ ему вычесть, какъ вдругъ нѣмца кухарка объявила, что Мама возвратилась, только какая-то странная — на себя непохожа.

Господа Шиммельпфениги приказали позвать ее.

Черезъ силу двигая ноги, вошла къ нимъ молодая дѣвушка — блѣдная, истомленная, съ яркимъ, лихорадочнымъ взоромъ, и остановилась въ дверяхъ, придерживаясь слабою рукою за притолоку.

— Это что значитъ?... Гдѣ это изволила быть? сдержанно-строго спросилъ Карлъ Ивановичъ, мѣряя ее тѣмъ взоромъ, которымъ иногда, въ нужныхъ случаяхъ, имѣлъ обыкновеніе мѣрять своихъ маленькыхъ подчиненныхъ. Карлъ Ивановичъ въ высшей степени обладалъ умѣньемъ напускать на себя эту нѣмецки-начальственную ледяную строгость, и нивагъ не могъ удержаться, чтобы внутренно не любоваться на самого себя въ эти минуты, особливо же, когда замѣчалъ, что этотъ взглядъ и манера производить свое достождно-внушительное впечатлѣніе.

Но Мама, казалось, будто и не замѣтила того холода, которымъ предполагалъ обдать ее Карлъ Ивановичъ; по крайней-мѣрѣ, ни его тонъ, ни его взоръ не произвели на нея никакого видимаго эффекта.

— Гдѣ ты была? возвысивъ голосъ на нѣсколько строгихъ нотъ, воскликнулъ разомъ обое господъ Шиммельпфениговъ.

— Я... я больна совсѣмъ... извините меня... съ усиліемъ проговорила дѣвушка.

— Снесла ты платье?

— Снесла...

— Такъ гдѣ же ты шаталась столько времени?

Маша ничего не отвѣтила на это. Она и сама хорошенько не знала, что съ нею дѣлалось и гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, прошаталась столько часовъ. Нѣмая кручина, обуявшая ея душу, безсознательно вела ее куда-то — безъ цѣли, безъ мысли; организмъ ея просто требовалъ движенія: ему нужно было уходить, умяться, чтобы сбросить съ себя то возбужденное состояніе, въ какомъ-то находилась она съ той самой минуты, какъ подавляемая тяжестью глухихъ рыданій, выбѣжала Маша изъ магазина. Угомонялась и опомнилась она на одной изъ тѣхъ гранитныхъ, полукруглыхъ скамеечекъ, которыя помѣщаются позади высокихъ фонарей на Николаевскомъ мосту.

Смутнымъ, тяжелымъ взоромъ оглядѣлась она вокругъ. Мимо спуютъ пѣшеходы, ваньки, экипажи, omnibusы; въ концѣ моста красновато-яркій свѣтъ заливаетъ сверху, изъ купола, мозаическій огромный образъ въ черной, мраморной часовнѣ, а прямо — и передъ нею, и позади ея — темно-сѣрая равнина застывшей Невы представляется какимъ-то непроницаемо-мутнымъ, безразличнымъ пространствомъ, которое далеко по краямъ замыкается безконечными рядами зажженного газа, и эти ряды свѣтлыхъ, мигающихъ точекъ, цѣпью охватившихъ темную равнину, только увеличивали собою контрастъ мрака и свѣта, и казались какими-то фантастическими, одушевленными существами.

Маша съ трудомъ поднялась съ гранитной скамейки; слабыя и усталыя ноги ея тряслись, поясницу ломило, во всѣхъ мускулахъ ощущалась глухая боль, словно бы они пальцами были избиты, голову разломил и была вся она въ огнѣ, тогда какъ тѣло внутренней ознобъ пронималъ. Совершенно больная, съ усиленіемъ доплелась она кое-какъ до дому, гдѣ встрѣтило ее справедливое негодованіе господъ Шimmelъфениговъ.

— Такъ гдѣ же ты шаталась, спрашиваю тебя? настойчиво повторилъ Карлъ Ивановичъ, озадаченный тѣмъ, что ни тонъ его голоса, ни взглядъ его глазъ не производятъ своего впечатлѣнія.

— Я больна... позвольте мнѣ лечь... я едва на ногахъ стою, тихо проговорила Маша.

Супруги переглянулись, какъ-бы вопрошая другъ друга, что имъ предпринять въ настоящемъ случаѣ.

— Она пьяна! domeкнулась госпожа Шimmelъфенигъ.

Господинъ Шиммельпфенигъ потянулъ вверхъ носомъ и издалъ такое мычаніе, которое обозначало, что онъ только теперь догадался, въ чемъ настоящее дѣло.

— Хорошо, голубушка!... Теперь ступай, а завтра мы поговоримъ съ тобою, сказалъ онъ угрозымымъ тономъ: — за все отвѣтитъ твое жалованье. Ступай!

Маша удалилась, шатаясь отъ слабости; но вдругъ Карлъ Ивановичъ съ ужасомъ увидѣлъ, что фізіономія Луизы Андреевны снова вытянулась и изображаетъ крайнюю степень душевнаго потрясенія.

— А!... теперь я понимаю!... задыхалась она шипящимъ голосомъ: — эта тварь пьяна, вы пьяны — теперь я все понимаю!... Да, это былъ завтракъ у товарища!... Да, это былъ завтракъ, презрѣнный человѣкъ!...

И Карлъ Ивановичъ снова долженъ былъ выдержать самый величественный штормъ.

Луиза Андреевна требовала немедленнаго удаленія развратной твари, оскорблявшей однимъ своимъ присутствіемъ ея честный и высоконравственный домъ.

— Пусть идетъ, куда хочетъ! пусть ночуетъ хоть на улицѣ, только не здѣсь! неистовствовала она, хлопая дверьми и бѣгая по всѣмъ комнатамъ: — вонъ! вонъ сію же минуту! Я въ моемъ домѣ разврата не потерплю! Дворника сюда! дворника! Пусть вышвырнуть эту мерзкую тварь!

Кухарка позвала дворника.

Не обращая вниманія на неистовства госпожи Шиммельпфенигъ, Маша попросила его нанять ей извозчика и свести въ больницу.

Карлъ Ивановичъ, по давней привычкѣ своей къ подобнымъ демонстраціямъ любящей супруги, сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и съ примѣрнымъ хладнокровіемъ, для виду, держалъ передъ собою листъ санктпетербургской нѣмецкой газеты доктора Мейера, тогда какъ фантазія его обрѣталась далече отъ этихъ печатныхъ строчекъ и соблазнительно рисовала пухленькія привлекательности Минны Францовны Биттервассеръ.

Дворникъ нанялъ извозчика и привелъ сосѣдняго свободнаго подчаска, который долженъ былъ отвезти и сдать больную по назначенію.

Маша нѣско́ро собралась, крѣпко закуталась въ платокъ, накинула бурнусишко и захватила съ собою свой видъ, да три рубля — единственныя деньги, оставшіяся у нея, за кой-какими расходами,

еще отъ прежней жизни, послѣ распродажи съ аукціона всего ея имущества. Полицейскій подѣ руку свелъ ее съ лѣстницы и ушелъ рядомъ въ извозничьи сани; а госпожа Шиммельфенигъ въ это самое время уже металась на своей постели въ раздрательномъ припадкѣ истерики.

V.

Въ вольницѣ.

Извозникъ дотащился до подъѣзда одной изъ ближайшихъ больницъ. Подчасокъ пошелъ извѣстить о привезенной больной; но въ ту жь минуту вернулся вмѣстѣ со швейцаромъ, который рѣшительно объявилъ, что мѣстъ у нихъ въ больницѣ нѣту.

— Да какъ же это, почтенный, возразилъ ему солдатъ: — такъ-таки ни одной кровати?

— Такъ-таки и ни одной.

— Да вѣдь запасныя, чай, должны же быть?

— Мало-ли чего должны! Сказано: нѣту, ну, и нѣту!

— Эко дьявольное дѣло! Это, стало быть, мнѣ теперь снова придется тащить ее въ другую больницу!...

— Ну, и тащи!

— Да, тащи! Чорта ли мнѣ возиться съ нею... Я брошу, дѣлайте, какъ знаете! Мнѣ чтѣ!

— Да вѣдь ужъ не примемъ; тоись ни-ни, Боже избави!

— Слышь ты, везти тебя, что-ли, въ другую куда, али тутоты бросить? а? отнесся подчасокъ къ Машѣ.

— Въ другую, простонала та.

— Въ другую... Да мнѣ чтѣ же, говорю, валандаться-то съ тобою! Время только терять, право такъ! ужъ ты лучше сама, какъ знаешь... Чай, я не родня тебѣ, чтобы дарма хлопоты пріймать.

— Я заплачу, слабо отвѣтила Маша.

— Ну, инъ развѣ такъ! Эй, почтенный! Вы ужъ коли не хотите взять ее, такъ выдайте намъ, покрайности, отказной листъ.

— Какіе тамъ тебѣ еще листы! Писать листъ, такъ надо и освѣдѣтельствовать, а у насъ дежурный только что започивалъ да не приказывалъ будить. Ладно, и безъ отказного уѣдете!

И швейцаръ, ежась отъ холоду, скрылся за стеклянною дверью.

— Ы! штобъ васъ!... проворчалъ подчасокъ и приказалъ ѣхать въ другую больницу.

Въ другой та же самая исторія.

— Кроватей не имѣется; поѣзжайте въ N-скую.

— Да мы сейчасъ только оттуда.

— Покази отказной!

— Да не дали тамъ отказного. Дайте хоть вы-то!

— А намъ что! Вези ее хоть въ полицію.

— Ну, что ты, и въ самомъ-дѣлѣ! Не пьяная вѣдь, а какъ есть хворый человекъ. Да дайте же, что ли, прости вы экіе, отказной-то, а нѣтъ, я точно, въ полицію отвезу, да тамъ всю штуку и бряну. Вѣдайтесь тогда!...

— Нашель, дурень, страхъ какой! За это бы тебя въ зашеи отседова! Ну, да нинь ладно ужъ: тащи въ пріемный — тамъ освидѣтельствуютъ и пропишутъ. Маша должна была сойдти съ извозчика. Дежурный докторъ осмотрѣлъ ее въ пріемномъ покоѣ и подписалъ отказной листъ, съ которымъ надо было ѣхать въ третью больницу.

Въ третьей оказались свободныя кровати, но... надо было ждать на улицѣ: швейцаръ не пускалъ въ пріемную.

— Пошто не впустить! Не на морозѣ же намъ тутъ забнуты! протествовалъ подчасокъ.

— Нельзя, потому — не порядокъ! величественно возразилъ ливрейный швейцаръ.

— Да покѣлева же дожидаться?

— Дежурнаго нѣту: безъ дежурнаго нельзя.

— Такъ хоть фершела влиени, пушай хоть онъ ее приметь.

— Обожди маленько — сейчасъ придетъ: на фатеру побѣжалъ къ себѣ чуточку; сейчасъ вернется.

Швейцаръ ушелъ, словно бы его долгъ былъ уже исполненъ. Маша забилась съ головой подъ дыравую полость, чтобы вѣтеръ не такъ поддувалъ, и сидѣла, скорчившись да съежась, на днѣ санокъ, и слышала оттуда, какъ энергически чертыхался полицейскій подчасокъ, топчась на одномъ мѣстѣ, да какъ нилъ недовольный извозчикъ, что лошадева у него, почитай, совсѣмъ заморилась, а ты еще стой тутъ занапрасну — сколькоихъ сѣдоковъ упустилъ-то. И каждый изъ нихъ былъ правъ по своему.

Прошло около получасу, пока, наконецъ, явился фельдшеръ и милостиво соизволилъ допустить больную до пріемнаго покоя.

— Жди, пока докторъ придетъ, отнесся къ ней фельдшеръ и указалъ на деревянную скамью, на которой уже находились въ полужахачель положеніи двѣ больныя: старуха, вся обмотанная какиемъ-то грязнымъ и ветхимъ тряпьемъ и сидѣвшая безъ движенія, при-

никнувъ къ стѣнѣ головою, да лѣтъ пятнадцать дѣвочка, которая стонала и металась въ горячешной тоскѣ. Обѣ были чрезвычайно трудны, обѣимъ требовалась настоятельная и скорая помощь — и обѣ межъ-тѣмъ уже около часу дожидались на жесткой скамьѣ приемнаго покоя.

Маша въ изнеможеніи опустилась между ними.

— Дай же, что-ль, извозчику заплатить—не даромъ же катаю тебя, обратился къ ней вошедшій подчасокъ.

Та порылась у себя въ карманѣ и подала ему единственную свою трехрублевку.

— Э, надо будетъ пойдти размѣнять, сообщилъ солдатъ, раздумчиво глядя на ассигнацію: — сдачу получишь; я отдамъ тамъ, кому слѣдуетъ.

Но отдалъ ли онъ кому, получилъ ли кто отъ него—неизвѣстно, потому что Маша не добилась потомъ на этотъ счетъ никакого толку—такъ и ванули куда-то ея послѣднія деньги.

Приемный покой глядѣлъ какъ-то мрачно и непривѣтливо. Мятникъ на стѣнѣ монотонно тукалъ, да скрипѣло гусиное перо подъ рукою фельдшера, строчившаго что-то въ углу за чернымъ столомъ. Одиновая свѣча, горѣвшая передъ нимъ, весьма тускло освѣщала эту комнату, а хриплое дыханіе старухи да надрывающіе душу стоны горячешной дѣвочки сообщали этой комнатѣ уныніе невыносимое. Но фельдшеръ, давнымъ-давно уже закаленный и окаменѣлый среди явленій подобнаго рода, казалось, будто и не слыхалъ ни этихъ стоновъ, ни хрипоты. Онъ продолжалъ-себѣ строчить самымъ равнодушнымъ и спокойнымъ образомъ, словно бы здѣсь не было ни одного живаго существа. Пописалъ-пописалъ малую толику, и вышелъ изъ комнаты. Трое больныхъ остались однѣ, предоставленныя самимъ себѣ и всеблагому Провидѣнію. Прошло болѣе получаса, пока возвратился фельдшеръ, къ которому черезъ слухъ обратилась Маша, прося позвать доктора.

— Ну, подождешь, невелика бѣда! какое важное кушанье! И почище тебя да ждуть, случается! возразилъ на это фельдшеръ и безцеремонно, громкимъ голосомъ крикнувъ въ открытую дверь:— Севрюгинъ! ходилъ ты, чортъ, за дежурнымъ?

— Ходилъ! лѣниво махнувъ рукою, отвѣтилъ слугитель.

— Что же онъ?

— Да все тамъ, у *лазнаго* въ карты дуется. Сказалъ: пуцай ожидаютъ.

— Сходи, что-ль, еще разъ.

— Чего тамъ «сходи!» — Ругаться вѣдь будетъ... Бѣгать-то только попусту двадцать разъ — чего имъ и въ самъ-дѣлѣ! И обождутъ, невелика бѣда!

Дѣвочка пуще принялась стонать и метаться.

Фельдшеръ, заложивъ руки въ карманы и посвистывая что-то себѣ подъ носъ, подошелъ къ ней фланерскою походкой, постоялъ, поглядѣлъ и не безъ писарской граціи, круто повернувшись на каблукѣхъ, пошелъ-себѣ похаживать изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

— Ишь, тоже, дьяволы!... христа-ради, какъ нищихъ какихъ, принимаешь ихъ въ больницу, поваривалъ онъ сквозь зубы, на ходу, съ неудовольствіемъ босясь на трехъ женщинъ:—а онѣ еще претензіи свои заявляютъ! Гдѣ бы начальство за милость благодарить, а онѣ еще—на-бо-ся! — претензіи!... И черезъ пять минутъ снова удалился куда-то изъ пріемнаго покоя.

Прошло еще добрыхъ полчаса, въ теченіе которыхъ глухая тишина нарушалась только туканьемъ тяжелого маятника и стономъ дѣвочки; старушечьяго хрипѣнья уже не было слышно. Сперва еще, время отъ времени, старуха эта конвульсивно-слабо подергивалась плечами, а теперь сидѣла уже совсѣмъ безъ малѣйшаго движенія, только голова отъ стѣны отдѣлилась и на грудь повисла.

— Доктора!... бога-ради, доктора! простонала Маша, едва фельдшеръ снова показался въ дверяхъ.

— Эко зелье какое! чего пищишь-то, огрызся онъ на нее, проходя къ своему столу: — будь и за то благодарна, что въ пріемный покой впустилъ, а то бы и до сихъ поръ у подъѣзда на дворѣ дождалась. Молчи, знай! Придетъ тебѣ докторъ, когда время будетъ.

И черезъ нѣсколько времени дежурный докторъ, дѣйствительно появился въ комнатѣ, весьма аппетитно зѣвая, передъ сномъ грядущимъ.

Прежде всего подошелъ онъ къ старухѣ, которая помѣщалась ближе всѣхъ отъ двери.

— Ну, ти что? спросилъ онъ, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

Та не отвѣчала и не двигалась.

— Ну, атфичай, что ти? повторилъ онъ, толкнувъ ее рукою.

Старуха отъ этого движенія покачнулась и тихо навалилась на Машу. Эта быстро отодвинулась въ какомъ-то инстинктивномъ ис-

пугѣ, вслѣдъ зачѣмъ старуха и совсѣмъ уже брякнулась головой объ скамейку.

— Дай свѣча! приказалъ докторъ, и при свѣтѣ, приподнялъ пальцемъ закрытый глазъ ея.

— Зашемъ мертви принималъ? зашемъ? съ неудовольствіемъ накинулся онъ на фельдшера.

— Да она еще живая была, ваше благородіе, оправдывался этотъ: —она, должно полагать, недавно еще. Я и то не хотѣлъ принять ее, потому говорю: все равно помирающій человекъ, а онъ—мужчина какой-то — выбросилъ ее изъ саней, а самъ усекалъ... Я не виноватъ-съ. Докторъ ограничился тѣмъ, что сказалъ ему дурака и распорядился отнести трупъ въ мертвецкую, да на завтра вскрытіе назначить, и подошелъ къ дѣвочкѣ, которая металась въ полнѣйшемъ безпамятствѣ. Заглянувъ ей въ синее лицо и пощупавъ пульсъ, отъ только весьма лаконически проговорилъ: «тифъ» и обратился къ Машѣ. Та кое-какъ передала ему, что чувствовала.

— Туди же! распорядился докторъ и направился въ свою дежурную комнату, гдѣ его ждали сладкія объятія Морфея.

Одна изъ прислужницъ, въ тиковомъ платьѣ, повела наверхъ Машу, поддѣрживая ее подъ руку, а другая, вмѣстѣ съ фельдшеромъ, поволокла туда же тифозную дѣвочку. Они именно волокли ее, немножко въ томъ родѣ, какъ обыкновенно полицейскіе волокутъ пьяныхъ. Дѣвочка металась и стонала, а безсильныя ноги ея колотились о ступени каменной лѣстницы.

Въ палатѣ, гдѣ предназначено было лежать двумъ вновь поступившимъ больнымъ, стояли двѣ свободныя койки. Одна изъ нихъ опросталась потому, что утромъ выписалась изъ больницы выздоровѣвшая пациентка; другая—потому, что часа четыре тому назадъ на ней умерла женщина, страдавшая сильными обжогами по всему тѣлу, полученными ею во время ночного пожара въ своей квартирѣ. Гной и пѣсочка изъ ея ранъ текли на постельное бѣлье и просачивались сквозь него на скудный тюфякъ, несмотря на клеѣнчатые подстилки, которыя до того были ветхи, что почти совсѣмъ пооблупивались и попорывались. Бѣлье послѣ покойницы еще не было снято—и эту самую кровать предстояло теперь занять Машѣ, которая пришла въ немалый ужасъ, когда прислужница отвернула до половины вытершееся отъ времени байковое одѣло.

— Какъ!... на это лечь!? невольно воскликнула Маша.

— А что жь такое? кладнокровно возразила сидѣлка: — почему не лечь!

— Да вѣдь тутъ гной!...

— Ахъ, да! гной-то! — ну, такъ что жь? Бѣлье сейчасъ перемѣнимъ. Это не бѣда!

— Да вы хоть бы тюфякъ перемѣнили, вступилась одна изъ больникъ съ сосѣдкой койки: — какъ же послѣ мертваго человѣка такъ прямо и ложиться на то же мѣсто! Господи помилуй, что это вы дѣлаете!

— Ты чего тамъ?! Лежи, знай, коли Богъ убилъ! огрызнулась на нее служанка.

— Нѣтъ, ужь какъ хочешь, мать моя, а этого нельзя! продолжала больная: — эдакъ-то у васъ и безъ смерти смерть. Запасайте, чай, есть тюфяки-то?

— Да, стану я еще бѣгать по ночамъ къ чорту на куличку! Потомъ перемѣнять.

Нѣкоторые изъ больникъ подняли довольно громкій ропотъ, слышавъ который, прибѣжала надзирательница, поспѣшившая устроить себѣ начальственно грозную физиономію.

— Што за шумъ? Эти што такой? Тише! распорядилась она, притопнувъ ногою. Надзирательница тоже была нѣмка. А нѣмецкій элементъ, сколько извѣстно, есть элементъ преобладающій, какъ въ администраціи петербургскихъ больницъ, такъ и между петербургскими врачами.

Служанка пожаловалась ей на больную, осмѣлившуюся протестовать противъ тюфяка.

— А!... Бунты!... Корошо!... Вотъ я будить завтра главни докторъ жаловаться!... Я вамъ дамъ бунты!... Корошо! корошо же! грозилась нѣмка, мотая головой и расхаживая по комнатѣ.

Пока всѣ были заняты этою сценою, служанка, раздѣвавшая почти безчувственную дѣвочку, обшарила ея карманы и нащупавъ на носовомъ платкѣ маленькій узелокъ, въ которомъ были завязаны двѣ-три серебряныя монеты, поспѣшно сунула его къ себѣ въ карманъ, оправдываясь, чтобы кто либо не подмѣтилъ ея ловкой эволюціи.

Нѣсколько больникъ, между тѣмъ, продолжали свои громкія жалобы, стараясь обратить вниманіе надзирательницы на вараженинъ тюфякъ изъ-подъ полойницы.

— Чтѡ насъ *главнымъ* стращаты! говорили онѣ: — мы сами будемъ жаловаться, какъ попечители прїѣдутъ; сами все имъ расскажемъ.

Нѣмка походила-походила, подумала-полумала и сообразила, что, въ самомъ дѣлѣ, лучше будетъ приказать, чтобы принесли Машѣ свѣжій тюфякъ.

— О, штобъ васъ!... Дьяволы! со злобою ворча про себя, отправилась служанка исполнять ея приказаніе, ибо ей лѣнь было идти въ больничный цейхаузъ и тащить наверхъ свѣжія вещи.

Съ невольнo-непрїятнымъ чувствомъ легла Маша въ постель, зная, что на этомъ самомъ мѣстѣ, на этой самой кровати, за четыре часа до нея, умерла въ страшныхъ мученіяхъ женщина. «А завтра еще кто шбудь умретъ», думалось ей въ лихорадочномъ жару: «а тамъ, можетъ быть, и я... Да, и я?... и я!...» И принимала ее дрожь при этой мрачной мысли, потому что и самая обстановка больничной палаты какъ нельзя болѣе способствовала усиленію подобнаго настроенія.

Теплый и тяжелый воздухъ, насыщенный больными испареніями и запахомъ разныхъ мазей, въ разныхъ углахъ — то удушливый кашель, то глухіе страдальческіе стоны трудно-больныхъ; брежущій слабый свѣтъ отъ единственной сальной свѣчи, вставленной въ воду, которою наполненъ длинный цилиндръ жестяного подсвѣчника, стоящаго на полу у печки и весьма напоминающаго собою тѣ подсвѣчники, что обыкновенно ставятъ надъ покойниками; длинные халаты словно саваны, болтающіеся на тощихъ фигурахъ, тихо бродящихъ по комнатѣ, въ родѣ вакхъ-то тѣней; шопотливый говоръ выздоравливающихъ и громкая перебранка двухъ нянковатыхъ служительницъ, которую изъ сосѣднаго борндора гулкое эхо разноситъ по смежнымъ комнатамъ — вотъ какою съ перваго раза представилась эта больничная палата грустнымъ глазамъ заболѣвшей Маши. Нельзя сказать, чтобы впечатлѣніе, навѣянное такою обстановкой, заключало въ себѣ что либо свѣтлое и успокоительное.

Никто не почелъ пужнымъ освѣдомиться у Маши, ѣла ли она что сегодня, не надобно ли ей чего; никто и перваго медицинскаго пособія не далъ ей въ первые часы поступленія ея подѣ филантропическую кровлю общественной больницы. Да и кому было думать объ этомъ? Дежурный врачъ, запгравшійся въ карты у своего начальника, слишкомъ хотѣлъ спать, для того чтобы ломать голову

надъ изысканіемъ какихъ либо пособій; дежурному фельдшеру съ надзирательницей что за дѣло безъ доктора думать о такихъ вещахъ, тѣмъ болѣе, когда онъ объявилъ, что хочетъ спать и просилъ не беспокоить себя—желаніе, которое необходимо надо исполнить, потому что онъ состоитъ въ слишкомъ пріятельскихъ, дружескихъ отношеніяхъ съ *малымъ* докторомъ. Да зачѣмъ эти первыя пособія, если все равно завтра утромъ вновь прибывшихъ большихъ осмогрить палатный ординаторъ? Кому предназначено умереть, тотъ умретъ и съ медицинскими пособіями точно такъ же, какъ и безъ оныхъ; а кому предназначено выздороувѣть—тому обождать до утра вовсе неважное дѣло. Такъ разсуждаютъ относительно этого дѣла нѣбогорые господа, заинтересованные въ немъ непосредственнымъ образомъ, и нельзя не согласиться, что подобное разсужденіе имѣетъ на своей сторонѣ много фаталистической основательности. Ночь провела Маша неспокойно, и отъ болѣзни, а съ непривычки спать въ людной комнатѣ, подъ аккомпаниментъ кашля, храпѣнья и стонувъ. Подъ утро только-что забылась она нѣсколько болѣе спокойнымъ сномъ, какъ вдругъ въ восьмомъ часу утра была разбужена топаньемъ разныхъ шмыгавшихъ ногъ, стукомъ половыхъ щетокъ, громкимъ говоромъ прислужницъ и нѣкоторыхъ больныхъ, но болѣе всего неприятно подѣйствовать на нее холодъ, рѣзкій, сырой, почти уличный холодъ, который провѣвалъ къ ней подъ плохенькую байку.

Маша раскрыла глаза и оглядѣлась. Двѣ служанки размахисто мели полъ и подняли цѣлый столбъ пыли; мимо дверей два служителя пронесли на носилкахъ длинный тачественно-черный ящикъ по корридору, гдѣ по вчерашнему же была слышна перебранка: вѣрно спорщицы и до сихъ-поръ еще не успѣли покончить свои счеты; а въ раскрытую форточку клубамъ валилъ сырой воздухъ, отчего многія больныя тщетно кутались въ байку, забываясь подъ нее съ головою, и тряслись, щелкая зубами.

Маша чувствовала, что ей сильно ломить голову; съ трудомъ поднялась она, чтобы отъ холоду прикрыть себя поверхъ одѣяла своимъ большичнымъ халатомъ, какъ вдругъ подошла къ ней сидѣлка, и выдернувъ халатъ, положила его на прежнее мѣсто.

— Миѣ холодно, съ недоумѣніемъ отнеслась къ ней Маша.

— Все равно, только этого нельзя, рѣшительно возразила сидѣлка.

— Да миѣ холодно... я покрыться хочу...

— Не велѣно калатами покрываться: доктора запрещаютъ. Это не порядокъ, на это одѣла есть.

— Ахъ, боже мой! Ну, такъ хоть форточку закройте!...

— Какъ можно запереть, когда только что открыли! Пусть хоть съ десять минутъ побудеть. Вы думаете, съ вами легко тутъ дышать-то? Съ насъ тоже начальство требуетъ, чтобы воздухъ свѣжій былъ — очищать да провѣтривать приказано.

И — хочешь не хочешь — а пришлось дрогнуть подъ байкой.

Въ девять часовъ пришелъ ординаторъ, осмотрѣлъ Машу, и нашелъ, что у нея сильная простуда. Осмотрѣлъ онъ и дѣвочку, при чемъ сообщилъ фельдшеру, чтобы на ея доскѣ поимѣстилъ «Turhus».

— Господинъ ординаторъ, вступилась при этихъ словахъ ея сѣдка, старуха-чиновница, которая лежала тутъ по недостатку мѣста на «благородномъ» отдѣленіи: — какъ же это... извините-съ... вѣдь тутъ у насъ не тифозная палата-съ.

Ординаторъ смѣялся ея удивленнымъ взглядомъ:

— Ну, такъ что жъ, что не тифозная?

— А какъ же это тифозную положилъ?

— А зачѣмъ ее, въ самомъ дѣлѣ, положили сюда?

— Мѣсть больше нѣтъ, ваше благородіе; тутъ свободная койка была.

— Могли бы койку въ тифозную перенести, снова вмѣщалась старушка.

— Это не ваше дѣло, холодно и строго замѣтилъ ей ординаторъ.

— Извините-съ, мой батюшка, продолжала чиновница: — только что жъ это будетъ, коли отъ нея да мы заразимся?

— Ну, заразитесь, такъ будутъ лечить, а не въ свое дѣло прошу не мѣшаться, радикально порѣшилъ ординаторъ и пошелъ по порядку осматривать остальныхъ женщинъ своей палаты.

Къ десяти часамъ ждали обычнаго визита со стороны главнаго доктора, который имѣлъ обыкновеніе, въ видѣ служебнаго долга, прогуляться по всѣмъ палатамъ и затѣмъ торопился уѣхать къ своимъ патрублевымъ пациентамъ. По случаю этой предстоящей прогулки, по всему больничному зданію, ради парада и приличія, обильно наладили ароматической смолкой, отъ дыма которой больныя, одержимыя удушливымъ кашлемъ, закашляли еще сильнѣе.

Нѣмка-надзирательница торопилась придать комнатамъ отиѣвно-лоснящійся, парадный видъ. Если случались пустыя кровати, то она самолично взбивала подушки и покрывала ихъ чистыми

тьянѣвыми одѣлами, дабы постели имѣли пышный и мягкій видъ, на случай еслибы вдругъ пожаловалъ кто-нибудь изъ почетныхъ посѣтителей, что однакоже отнюдь не препятствовало важнымъ наволочкамъ и простынямъ оставаться грязными, байкамъ — вытертыми, а тюфикамъ — слежалыми до крайняго отощенія. Такъ точно и посуда оловянная сіяла наружной чистотой, которая не распространялась на ея внутренность, причемъ любопытный могъ бы замѣтить на днѣ этихъ сіяющихъ кружекъ цѣлый слой застарѣлаго и густого бураго осадка отъ различныхъ питій и лекарствъ, употребляемыхъ больными. Кружки только терлись и чистились снаружи, а мыть ихъ внутри — было бы слишкомъ много труда для прислуги и для вниманія надзирательницы, которая смотрѣли на это дѣло съ философской точки зрѣнія: больше, молъ, больше все изъ простого званія, къ чистотѣ не приобыкли — имъ-де, все равно, потому все это въ одну и ту же утробу идетъ. За то относительно наружной стороны больницы и нѣмецкій докторъ, и нѣмецкая надзирательница постоянно удостоивались великихъ похвалъ и благоволеній со стороны важныхъ почетныхъ посѣтителей.

Опасенія старушки-чиновницы сбылись: нѣкоторыя дѣйствительно заразились тифомъ, а нѣкоторыя, заразившись, благополучно успѣли и къ праотцамъ отправиться. Но судьбѣ почему-то угодно было уберечь Машу отъ этой спокойной доли. Простуду ея, соединенную съ легкой горячкой, успѣли все-таки захватить вовремя, не давъ развиться болѣзни до полного совершенства. Молодая и здоровая натура ея взяла-таки свое, такъ что черезъ полторы недѣли Маша стала уже поправляться.

Но тяжки, порою, бывали для нея дни и ночи во время ея болѣзни — тяжки именно тѣмъ, что она поневолѣ должна была быть свидѣтельницею самыхъ безотрадныхъ, самыхъ трагическихъ сценъ въ этой грустной больничной жизни.

Нечего уже говорить о томъ, какъ ниня голодные выздоравливающія женщины жадно, въ перебой другъ-другѣ, навидывались на обѣденныя порціи овсянки и мутной, жидкой, безмаслянной кашицы, какъ плутовали съ этими порціями, утаскивая и пряча подъ кровать лишнюю тарелку бурды, отчего всегда кто-нибудь долженъ былъ оставаться безъ обѣда, или какъ воровались эти порціи

у трудно-больныхъ да у тѣхъ, кто имѣлъ маленькую оплошность соснуть въ обѣденный часъ. Нѣчего долго рассказывать и о томъ, какъ заболтавшаяся или отлучившаяся прислужница, позабывъ и проспоровъ время, когда больной нужно было дать лекарство, преспокійно выливала въ песочницу оставшуюся ложку, чтобы на глазъ — лекарства оставалось въ нужную мѣру, или какъ нная сострадательная сестра-милосердія, изъ молоденькихъ, смотритъ порою гораздо болѣе на красиваго фельшера, чѣмъ на больныхъ, подлежащихъ ея бдительному милосердію. Все это обстоятельства слишкомъ обыденныя и слишкомъ мелочныя въ больничной жизни. Есть въ этой жизни обстоятельства — положимъ, хотя и столь же обыденныя, но за то нѣсколько болѣе крупнаго свойства.

Безъ ужаса и содроганія не могла Маша вспомнить двухъ сценъ, разыгравшихся въ теченіе однихъ сутокъ.

Больничная формалистика разрѣшаетъ роднымъ и знакомымъ свиданія съ больными только въ опредѣленные часы дня: по окончаніи обѣда до пяти часовъ пополудни.

Однажды въ палату вбѣжала блѣдная, очень бѣдно одѣтая женщина, съ крупными слезами на испуганномъ лицѣ и тревожными взорами спѣшно стала искать по койкамъ ту, о которой болѣло ея сердце, и вдругъ съ тихимъ воплемъ стремительно винулась въ тифозной дѣвочки. Это была ея мать. Только сегодня узнала она про болѣзнь своей дочери, которая была отдана ею въ ученіе къ содержательницѣ бѣлошвейнаго магазина, тогда какъ сама она жила на мѣстѣ въ кухаркахъ; только сегодня сказали ей, что дѣвочка отправлена въ больницу, когда она, ничего не зная, случайно зашла въ магазинъ провѣдать ее. Мать тотчасъ же кинулась въ больницу — не впускаютъ, потому опредѣленное время посѣщеній еще не настало. Она плакала, умоляла, совала швейцару въ руку свои послѣдніе гроши — а все-таки должна была болѣе часу ждать у подъѣзда, мучимая тоской сомнѣнія и ожиданія. Съ рыданіемъ приняла она къ головѣ своей дочери и долго-долго не могла отъ нея оторваться, нѣжно нашептывая ей добрыя, ласковыя материнскія слова; но дѣвочка ничего не слышала: она, какъ пласть, лежала въ полномъ безпамятствѣ — и только грудь ея медленно и высоко вздымалась подъ труднымъ дыханіемъ. Въ эти минуты мать истинно почувствовала, что ея дѣтище домучивается свои послѣдніе часы. Она и не замѣтила, какъ пролетѣлъ срокъ, опредѣленный для свиданій, и съ испуганнымъ недоумѣніемъ покосилась на сидѣлку, когда та подошла къ ней съ извѣщеніемъ, что пора кончатъ. Она,

казалось, даже не разобрала, не поняла этихъ словъ и продолжала шептать нѣжныя слова надъ головкой умирающей дѣвочки.

Сидѣла, межъ тѣмъ, видя, что слова ея не имѣли успѣха, повзвала надзирательницу. Эта строго приказала матери удалиться.

— Уйди?... Какъ!... Зачѣмъ?... Отъ Машутки уйди? Да она помираеть... Куда жъ я пойду... бормотала растерявшаяся женщина, не зная на кого ей глядѣть—на нѣмку ли, которая ей приказывала, или на дочь, къ которой рвалось ея сердце, ея мысль, а вслѣдъ за ними и взоры невольно тянулись.

— Эти беспарадокъ! Эти нельзя! Пять часовъ уже были! Наставала нѣмка.

— Милыя мои!... да вѣдь я никому не мѣшаю... я вѣдь тихо... Позвольте остаться: помираеть вѣдь—совсѣмъ помпраеть... Господь вамъ за меня пошлетъ!... Позвольте, милыя! шопотомъ умоляла мать.

Но надзирательница настаивала на томъ, что никакъ не можно допустить такого безпорядка, и что если она не уйдетъ сама, то ее выведутъ. Женщина не слушала этихъ резонновъ и съ тихими слезами, любовно цаловала синеватый лобъ умирающей.

Двѣ сильныя служанки подхватили убитую горемъ мать и оттащили ее отъ постели.

Та было-вырвалась отъ нихъ и съ воплемъ винулась къ дочери, но ее успѣли подхватить [вовремя и повлекли изъ комнаты. Силась обернуться, чтобы впослѣднѣе взглянуть на своего ребѣнка, эта женщина громко рыдала и послала торопливою рукою благословенія умирающей дѣвочкѣ. Ее свели съ лѣстницы, но подъ сводами все еще раздавались рыданья и вопли, а такъ-какъ это вполнѣ уже нарушало всякій порядокъ, то ее, за таковую продерзость, кажетъ-ся, отправили въ полицію.

Больныя возмущались и роптали; но что значить ропоть какой-нибудь горсти больныхъ и нищихъ женщинъ, кому онъ нуженъ и кто его услышитъ! И вправѣ ли, наконецъ, были онѣ, призрѣныя общественнымъ филантропическимъ учрежденіемъ, вправѣ ли были онѣ роптать и возмущаться тамъ, гдѣ въ подобномъ поступкѣ проявилось торжество установленнаго порядка?

Къ ночи страданія тифозной дѣвочки усилились: она пуще стала метаться по постели, потому что уже начиналась послѣдняя борьба жизни со смертью — подступать періодъ агоніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ изъ устъ ея вырывались жалобные хриплые крики:

— Ой, жжетъ!... ой, горитъ!... ой, душно мнѣ!... Ахъ, дайте воды!... воды напиться!... Христа-ради воды—печетъ меня, печетъ! стонала и металась больная; но на ея предсмертныя мольбы ни надзирательница, ни прислужницы не сочли нужнымъ обратить хоть какое-нибудь вниманіе.

Между тѣмъ, эти крики надрывали душу и драли слухъ больныхъ женщинъ, одна изъ которыхъ подыалась съ постели, чтобы напоить умирающую.

— Ты куда! облинула ее служанка, преспокойно сидѣвшая въ углу, сложа руки: — не тронь ея!

— Да вѣдь слушать — смерти! просить-то какъ! Ахъ не слышишь?

— Мало ли чего просить!... Ты думаешь, она и въ самомъ-дѣлѣ хочетъ пить?— Это такъ только бредъ одинъ. Помираетъ, видишь, такъ вотъ и бредитъ отъ этого, пояснила служанка, и, какъ ни въ чемъ ни бывало — стала подстилать себѣ на полу у печки ночное свое ложе, составленное изъ больничныхъ халатовъ.

Давно уже пробило двѣнадцать часовъ, а хриплые стоны дѣвочки все еще продолжались. Въ палатѣ давно уже наступила ночная тишина, но нѣкоторые изъ больныхъ не спали: лежа по своимъ койкамъ, онѣ поневолѣ должны были слышать эти безпомощныя мольбы и тщетныя вопли, которые между прочимъ мѣшали сладко уснуть служанкѣ, лившейся на свой постъ немножко подъ хмѣлькомъ.

— О, штобъ тебѣ, глѣшему, околѣть скорѣй, проворчала она, сердито поднявшись съ полу — и подойдя къ постели умирающей, выдернула у нея изъ-подъ головы подушку, которую преспокойно положила на свое собственное мѣсто.

— Бога въ тебѣ нѣтъ!... Зачѣмъ подушку выдернула?... Отъ умирающаго-то человѣка!... канское вы сѣмь, что вы дѣлаете!? въ ужасѣ возмутилась сосѣдка тифозной дѣвочки.

— А зачѣмъ ей подушка? огрызнулась служанка: — все равно помирать-то, что на одной, что на двухъ! Можетъ, такъ-то еще поскорѣй отойдетъ. Эка пискунья! Покою цѣльнуую ночь нѣбу съ проклятой! Ну, да! Какъ же, какъ же! пищи, нищи! бормотала она про-себя, снова улаживалась на свое ложе: — нищи! Такъ вотъ я и встала сейчасъ для тебя! Дожидайся!

— Ой, жжетъ!... Ой, горитъ!... Мятунка, родная моя, горитъ, горитъ внутри мое... водищи!... раздавались межъ тѣмъ стоны несчастной дѣвочки, и раздавались непрерывно до четвертаго часа

ночи, пока наконецъ не порвался внезапно этотъ голосъ, замѣнясь послѣднимъ гортаннымъ хрипѣньемъ, но и то вскорѣ смолкло — и конвульсивныя движенія прекратились: дѣвочка лежала спокойно, неподвижно; и широко-раскрытые глаза тускло, безжизненно глядѣли теперь на спящую сосѣдку. Подъ утро, съ первымъ брезжущимъ разсвѣтомъ, сосѣдка проснулась, случайно взглянула въ раскрытые глаза покойницы и, повинуясь безотчетному движенію, сперва было-вздрогнула и отшатнулась, но тотчасъ же перекрестилась набожно и покрыла простынею лицо мертвой дѣвочки.

Прислужница, межъ тѣмъ, спала пьяно-безмятежнымъ сномъ.

Въ семь часовъ утра явились двое рабочихъ, изъ солдатъ, и принесли съ собою черный, обитый клеенкою ящикъ, въ родѣ тѣхъ длинныхъ картонокъ, куда кладутъ дамскія платья. Маша видѣла, какъ сняли они побойницу съ кровати, и слышала, какъ брякнулись ея пятки и какъ стукнулся затлокъ объ дно деревяннаго ящика, и какъ захлопнулась на немъ крышка.

Одной свободной койкой стало больше въ больницѣ, и одною страдалицей меньше на землѣ, койка ждала новой кандидатки на тотъ свѣтъ — но зрѣлище смерти, столь обычное въ больницахъ, даже и изъ больныхъ-то мало на кого сдѣлало впечатлѣніе. Одна только Маша долго не могла забыть его, и долго возмущалась душа ея при воспоминаніи о томъ безсердечіи, съ какимъ относятся больничная администрація и больничная филантропія къ этимъ жалкимъ существамъ, которыя имѣли несчастіе попасть подъ ея благое попеченіе.

Да, эта безсердечность обращенія становится по истинѣ изумительною. Всѣ тѣ больничныя сцены, которыя вкратцѣ набросаны нами, вся процедура приема въ больницу и прочія мизныя вещи — все это можно бы было отнести къ области смѣлой фантазіи, мало того: все это можно было бы счесть за дерзкую клевету, если бы не существовало на свѣтѣ слишкомъ много свидѣтелей, которымъ, по собственному опыту, приходилось видѣть вещи еще болѣе горькаго свойства, и которые своимъ голосомъ могутъ подтвердить справедливость рассказаннаго. Этотъ нѣмецки-татарскій педантизмъ и эта отвратительно-грубая прислуга, въ которую нанимаются за ничтожную плату весьма сомнительныя личности — болѣе добросовѣстныя за столь скудную плату не берутъ на себя такую отвѣтственность и весьма тяжелый трудъ больничнаго ухода — все это въ совокупности составляетъ разгадку тѣхъ причинъ, по которымъ народъ нашъ избѣгаетъ леченія въ больницахъ, предпочитая валить

са и умирать въ своихъ гнилыхъ, прѣмзглыхъ отъ сырости, голодныхъ и холодныхъ труппахъ. Это фактъ слишкомъ общезвѣстный и слишкомъ печальный. За то-сколь благоденственно и тепло живетъ на свѣтѣ разнымъ больничнымъ начальствамъ! За то-какая внѣшняя чистота, лоскъ и порядокъ господствуютъ въ нашихъ больницахъ! За то съ какимъ идиллическимъ, бараньимъ самодовольствіемъ бьются сердца почетныхъ филантроповъ-посѣтителей, видащихъ *только* этотъ наружный лоскъ и офиціальныи порядокъ! За то, наконецъ, эти прекрасныя, обширныя зданія, съ громкими надписями на своихъ фронтонахъ — какая великолѣпная для глазъ вывѣска нашей гуманности и общественной филантропін, надъ которою, впрочемъ, обществу не дано ни малѣйшаго контроля, но на которую тѣмъ не менѣе съ бѣднѣйшаго рабочаго населенія нашей столицы взимается особенный налогъ, въ видѣ больничнаго сбора—налогъ, за право издыхать подобно парчизой собакѣ, отъ равнодушія и безсердечія, скрытно гнѣздящихся подъ этими громкими филантропическими вывѣсками.

Всеволодъ Крестовскій.

ТРУЖЕНИКИ МОРЯ.

РОМАНЪ ВИКТОРА ГЮГО.

Посвящаю эту книгу гостеприимной, свободной скаль, вложу старой нормандской земли, гдѣ живетъ горсть благороднаго морского народа, острову Гернсей, суровому и нѣжному, моему теперешнему приюту и вѣроятной гробницѣ.

Викторъ Гюго.

Религія, общество, природа — вотъ три источника борьбы для человѣка. Эги три борьбы въ то же время суть три его потребности: ему необходимо вѣрить, отсюда храмъ; ему необходимо созидать, отсюда городъ; ему необходимо жить, отсюда плугъ и корабль. Но въ этихъ трехъ рѣшеніяхъ три рода войны. Таинственная трудность жизни происходитъ изъ всѣхъ трехъ. Человѣкъ встрѣчаетъ преграду въ формѣ суевѣрія, въ формѣ предразсудка и въ формѣ стихій. Тройственный *anankè* (рокъ) тяготѣетъ надъ нами: *anankè* догматовъ, *anankè* законовъ, *anankè* вещей. Въ *Notre Dame de Paris* авторъ выставилъ первый, въ *Les Misérables* онъ объяснилъ второй, въ этой книгѣ онъ указываетъ на третій.

Къ эгямъ тремъ рокамъ, висящимъ надъ человѣкомъ, примѣшивается еще рокъ внутренній, верховный *anankè* — человѣческое сердце.

Готваль-Гоусъ.

Мартъ 1866 г.

Часть первая.

СЪЁРЪ ЕЛЮВЕНЬ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КАКЪ СОСТАВЛЯЕТСЯ ДУРНАЯ СЛАВА.

I.

Слово, написанное на вѣлой страницѣ.

Рождество 182. было очень замѣчательно на Гернсеѣ. Въ этотъ день шелъ снѣгъ. На островахъ Ламанша зима съ морозами и льдомъ составляетъ рѣдкое явленіе, а снѣгъ — удивительное.

Утромъ въ этотъ день дорога, огибающая море отъ Сен-Пьера, была совершенно бѣлая. Снѣгъ шелъ съ самой полночи и до разсвѣта. Около десяти часовъ, вскорѣ по восходѣ солнца, когда еще рано было идти англичанамъ въ церковь Сен-Самсона, а веслейяцамъ въ часовню Эльдадъ—дорога эта была почти пустыня. На всемъ протяженіи ея отъ перваго поворота до втораго видѣлись только три пѣшехода — ребѣнокъ, мужчина и женщина. Эти три пѣшехода, шедшіе въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, повидимому не имѣли ничего общаго. Ребѣнокъ, лѣтъ осьми, остановился и смотрѣлъ съ любопытствомъ на снѣгъ. Мужчина шелъ позади женщины шагахъ въ ста. Они оба по направленію къ Сен-Самсону. Мужчина, еще молодой съ виду, казался работникомъ или матросомъ. На немъ было будничное платье, буртка изъ грубаго коричневаго сукна и панталоны, запачканные внизу смолой, что очевидно доказывало, что, несмотря на праздникъ, онъ не намѣревался идти ни въ какую церковь. Его толстые башмаки, изъ сыромятной кожи, подбитые большими гвоздями, оставляли на снѣгу слѣды, болѣе походившіи на замки, какіе употребляютъ въ тюрьмахъ, чѣмъ на человѣческую ногу. Женщина же, напротивъ, была въ враздничномъ нарядѣ: на ней былъ широкой черной шелковой салопъ на ватѣ, изъ-подъ котораго кокетливо видѣлось платье изъ ирландскаго поплина съ розовыми и бѣлыми полосами, и еслибъ не ея красные чулки, то ее можно было принять за парижанку. Она шла легко, свободно, живо, и по этой походкѣ, на которую

не положила еще своего слѣда жизни, можно было догадаться, что это молодая дѣвушка. Во всей ея фигурѣ и движеніяхъ была та неуловимая граціозность, которая отличаетъ наиболѣе нѣжный переходъ въ одного возраста въ другой, именно юность, смѣшеніе двухъ сумерекъ: начала женщины и конца ребенка. Мужчина не замѣчалъ молодой дѣвушки.

Вдругъ, подлѣ купы зеленыхъ дубовъ, въ мѣстѣ, прозванномъ «Низкіе дома», она обернулась и, благодаря этому движенію, мужчина взглянулъ на нее. Она остановилась, посмотрѣла на него съ минутой, и потомъ, нагнувшись, написала пальцемъ что-то на снѣгу. Сдѣлавъ это, она выпрямилась и пошла далѣе; ускоривъ шагъ, она еще разъ обернулась, но на этотъ разъ со смѣхомъ, и вскорѣ исчезла влѣво отъ дороги, на тропинкѣ, окруженной изгородью, которая вела въ замокъ Льеръ. Когда она обернулась во второй разъ, то мужчина узналъ въ ней Дерюшетту, прелестную красавицу околѣда.

Онъ не ощутилъ никакого желанія ускорить свой шагъ, и только черезъ нѣсколько минутъ достигъ купы дубовъ. Онъ уже болѣе не думалъ объ исчезнувшей дѣвушкѣ, и по всей вѣроятности, еслибъ въ эту минуту какая-нибудь морская свинка вынырнула въ морѣ или какой-нибудь реполовъ зашевелился въ кустахъ, онъ устремилъ бы свои глаза на эту морскую свинку или реполова и прошелъ бы мимо этого мѣста, ничего не замѣтивъ. Но случайно его вѣки были опущены и взглядъ упалъ машинально на то самое мѣсто, гдѣ остановилась молодая дѣвушка. Тутъ видѣлись слѣды двухъ маленькихъ ножекъ, и онъ прочелъ слово, написанное ею на снѣгу: *Жильятъ*.

Это было его имя.

Его звали Жильятъ.

Онъ долго стоялъ неподвижно и смотрѣлъ на это слово, на эти маленькія ножки, на снѣгъ; потомъ продолжалъ свой путь, очень задумчивый.

II.

Бю-де-ла-Рю.

Жильятъ обиталъ въ приходѣ Сен-Самсона. Его тамъ не любили. На это были причины.

Въпервыхъ, онъ явля въ домѣ, посѣщаемомъ духами. Иногда на Джерсеѣ или Герисеѣ, проходи по деревнямъ и даже городамъ, случается видѣть въ отдаленномъ захолустьѣ или многолюдной улицѣ домъ, входъ въ которые наглухо задѣланъ. Остролицистыя загораживаютъ дверь, окна нижняго этажа залесены уродливыми

пластырями изъ досокъ, обна же верхняго этажа въ то же время и закрыты и открыты, такъ-какъ переплеты сгнили, а стекла перебиты. Если при подобномъ домѣ есть дворъ, то онъ весь заросъ травой, а заборъ повалился на бокъ; если есть садъ, то тамъ растутъ только крапива, терновникъ и болиголовъ, и въ немъ можно дѣлать наблюденія надъ рѣдкими насѣкомыми. Трубы разсыпаются, крыша проваливается комнаты, на сколько видно снаружи, полны заустѣнія; все деревянное сгнило; все каменное покрылось плѣсенью; обои на стѣнахъ отклеиваются и висятъ лохмотьями. По нимъ можно изучать всѣ прежнія моды обоевыхъ рисунковъ: въ одномъ мѣстѣ видѣются грифы времени имперіи, въ другомъ полушестидесяти летъ директоріи или полустолбы безъ капителей времени Людовика XVI. Толщина паутинъ, спешренннхъ длинными рядами мухъ, ясно доказываетъ, какимъ мирнымъ спокойствіемъ пользуются тутъ пауки. Кое-гдѣ на полу видѣется разбитый горшокъ. Подобные дома извѣстны во всемъ околѣдѣ: ихъ посѣщаетъ чортъ по ночамъ.

Домъ, какъ человекъ, можетъ сдѣлаться трупомъ. Для этого довольно, чтобъ его убило какое-нибудь суевѣріе. Онъ тогда принимаетъ страшный видъ. Подобные мертвые дома не составляютъ рѣдкости на островахъ Ламанна.

Сельскіе и приморскіе жители вообще непокойны на счетъ дьявола. Жители же береговъ Ламанна, какъ на англійскомъ архипелагѣ, такъ и на французскомъ материкѣ, имѣютъ о немъ очень опредѣленные понятія. Дьяволъ разсылаетъ своихъ пословъ по всей землѣ и достоверно извѣстно, что Бельфегоръ посоль ада во Франціи, Гутгизъ—въ Италіи, Беліаль—въ Турціи, Тамюць—въ Испаніи, Мартинъ—въ Швейцаріи и Мамонъ—въ Англій; сатана—Кесарь. Его дворъ очень блестящій: Дагонъ у него хлѣбодаръ, Сукоръ Бенотъ—глава евнуховъ, Асмодей—банкиръ въ вгорныхъ домахъ, Кобаль—директоръ театровъ, Верделе—обер-церемоніймейстеръ, Ниббасъ—шутъ. Віерусъ—ученый, хорошій стригологъ и знающій демонографъ называетъ Ниббаса и великимъ пародистомъ.

Магросы нормандцы, выѣзжая въ Ламаншъ, должны были принимать много различныхъ предосторожностей, чтобъ не поддаться обманамъ, которыми прельщаетъ ихъ дьяволъ. Долго всѣ вѣрили, что св. Маклу обиталъ на большой, четырехугольной скалѣ Орташъ, возвышающейся между Оринья и Касве; много старыхъ матросовъ утверждали, что они сами его видѣли, сидящаго на скалѣ и читающаго книгу. Поэтому моряки, проходя мимо этой скалы, усердно преклоняли колѣна до того дня, пока эта басня не разсѣялась, и пока не узнана была истина. Теперь открыто,

что обитаетъ скалу Орташь, дьяволъ. Этотъ дьяволъ, по имени Юкмусъ, забивался тѣмъ, что выдавалъ себя за Маглу столѣтіе за столѣтіемъ. Впрочемъ, самъ папа иногда впадаетъ въ подобныя ошибки. Дьяволы Рагюзэль, Орбелъ и Тобіель считались святыми до 745 г., когда папа Захарій, пронюхавъ ихъ адское происхожденіе, изгналъ ихъ изъ сонма святыхъ. Для того, чтобъ производить подобныя изгнанія, безспорно очень полезныя, надо, однако, быть замѣчательнымъ знаткомъ во всемъ, что касается чертей. Старинки разсказываютъ — но эти факты уже относятся только къ прошедшему — что католическіе жители Архипелага были во время оно, хотя и совершенно не по своей волѣ, въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ чортомъ, чѣмъ гугеноты. По какой причинѣ—мы этого не знаемъ. Но одно достовѣрно, что католическое меньшинство народонаселенія было нѣкогда очень тревожимо чортомъ. Онъ какъ-то полюбилъ католиковъ, и часто ихъ посѣщалъ, изъ чего можно вывести, что чортъ предпочтаетъ католиковъ протестантамъ. Одна изъ самыхъ неприятныхъ вольностей, которая онъ себѣ позволялъ, это была привычка посѣщать супружескія ложа католиковъ въ ту самую минуту, когда мужъ уже уснулъ, а жена еще полудремлетъ. Отъ этого происходили пренебрежительныя ошибки. Патуль полагалъ, что вѣроятно Вольтеръ родился отъ подобной ошибки. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Впрочемъ, подобные случаи были очень хорошо извѣстны и описаны въ формулахъ заклинанія злыхъ духовъ подъ рубрикой: *de erroribus nocturnis et de semine diabolorum*. Въ Севт-Элье эти случаи были особенно часты въ концѣ прошлаго столѣтія, вѣроятно въ наказаніе за злодѣянія революціи. Послѣдствія революціонныхъ излишествъ неисчислимы. Какъ бы то ни было, возможность подобныхъ посѣщеній чорта ночью, когда ничего не видно и полуспявъ, чрезвычайно бесспокоя многихъ набожныхъ женщинъ. Родиль Вольтера, конечно, не очень пріятно. Одна изъ вѣвъ поэтому спросила у своего духовника: «Нѣтъ ли средства въ время разгадать эту тайну?». Духовникъ отвѣчалъ: «Чтобы удостовѣриться, съ кѣмъ вы вѣдете дѣло, съ вашимъ мужемъ или чортомъ, стонть только поцунать лобъ; если вы наддете рога, то можете быть увѣрены»...—«Въ чемъ?» спросила набожная женщина.

Домъ, въ которомъ обиталъ Жплъять, былъ прежде посѣщаемъ духами, но теперь ничего подобнаго не было. Отъ этого онъ, однако, не переставалъ быть подозрительнымъ. Всѣ очень хорошо знаютъ, что когда колдунъ поселяется въ домъ, посѣщаемый духами, чортъ, считая этотъ домъ въ хорошихъ рукахъ,

дѣлаетъ любезность колдуну и не является болѣе туда, развѣ только когда его позовутъ, какъ доктора, на консультацію.

Этотъ домъ назывался *Бю-де-ла-Рю*. Онъ стоялъ на оконечности длинной косы земли или, лучше, на оконечности выдающейся скалы, которая образовала маленькую отдѣльную бухту въ заливѣ Гуме-Парадись. Въ этой бухтѣ вода была очень глубока. Этотъ домъ стоялъ совершеннымъ особнякомъ на этомъ мысу, почти внѣ острова и вокругъ него земли хватало только на маленький садикъ. Приливы часто затопляли этотъ садикъ. Между портомъ Сен-Самсономъ и заливомъ Гуме-Парадись возвышается высокая холмъ, на которомъ врасуется масса башенъ и площа, называемая замкомъ Валь или Архангела, такъ что изъ Сен-Самсона невидать *Бю-де-ла-Рю*.

Знахари и колдуны въ Гернсеѣ вовсе не рѣдкость. Они открыто занимаются своимъ ремесломъ въ нѣкоторыхъ приходахъ и девятнадцатый вѣкъ имъ нимало не мѣшаетъ. Они дѣлаютъ много вполне преступныхъ дѣйствій. Они варятъ золото, сбрасываютъ травы въ полночь. Съ ними совѣтуются, они заставляютъ принести себѣ въ бутылкахъ «воду больного» и потомъ говорятъ шепотомъ: «вода, кажется, очень грустная». Одинъ изъ нихъ, въ мартѣ 1857 года, нашелъ въ «водѣ» какого-то больного семь дьяволовъ. Эти знахари очень опасные люди и ихъ очень боятся. Одинъ изъ нихъ недавно заколдовалъ булонника и «его печь». Другой доводитъ до такой невзости, что запечатываетъ конверты, въ «которыхъ ничего нѣтъ». Третій доходитъ до того, что держитъ въ своемъ домѣ, на большой доскѣ, три бутылки съ ерлыками *B*. Всѣ эти страшные факты не подлежатъ никакому сомнѣнiю, они вполне доказаны. Нѣкоторые знахари до того любезны, что за двѣ или три гинен переводятъ на себя вашу болѣзнь. Для этого они бросаются на свою постель и начинаютъ метаться, оглашая воздухъ дикими криками. Пока они такъ мечутся, вы вослищаете: у меня все прошло. Другіе извлекаютъ всевозможны болѣзни, объявляя животъ платкомъ. Этотъ послѣдній способъ такъ простъ, что, право, удивительно, какъ на немъ до сихъ поръ еще никто не остановился. Въ прошломъ вѣкѣ королевскій судъ въ Гернсеѣ сожигалъ подобныхъ колдуновъ. Теперь же этотъ судъ приговариваетъ ихъ къ осмысленному заключенiю въ тюрьмѣ, четыре недѣли на хлѣбъ и на воду и четыре въ карцеръ. *Amant alterna catenas*.

Послѣднее сожженіе колдуна въ Гернсеѣ было въ 1747 году. Городъ отвѣлъ для этого рода зрѣлищъ одну изъ своихъ площадей, именно Корабельный перекрестокъ. На этой площади всего сожжено одиннадцать колдуновъ, съ 1565 до 1700 года. Почти

всегда несчастные сознавались. Имъ помогали сознаться посредствомъ пытки. Корабельный перекрестокъ оказалъ еще и другія услуги обществу и религіи. Тутъ же сжигали еретиковъ. Во времена Маріи Тюдоръ, на этой площади, между прочими гугенотами, сожгли мать и двухъ дочерей. Мать звали Перотина Масси. Одна изъ дочерей была беременна. Она родила на костръ, въ пламени. Въ хроникѣ сказано, что «у ней лопнулъ животъ». Изъ этого живота вышелъ живой ребѣнокъ. Онъ повалился съ костра на землю и его подобралъ нѣкто по имени Гузь. Но судья Гелье Госелень; усердный католикъ, приказалъ бросить ребѣнка обратно въ огонь.

III.

Твоей женѣ, когда ты женишься.

Возвратимся къ Жильяту.

Разсказывали, что къ концу революціи на Герпсей переселилась женщина съ ребѣнкомъ. Она была родомъ англичанка, если только не французка.

Ея первоначальное прозвище въ герпсейскомъ произношеніи и правописаніи превратилось въ Жильятъ. Она жила съ этимъ ребѣнкомъ, который ей приходился, кто говорилъ — ея племянникомъ, кто говорилъ — сыномъ, кто — внукомъ, а кто — и вовсе ничѣмъ. Она имѣла немного денегъ, достаточно, чтобы жить въ бѣдности, и купила клочокъ луга, близъ Сержента. Домъ Бю-де-ла-рю въ это время былъ посѣщаемъ нечистымъ духомъ. Уже болѣе тридцати лѣтъ никто въ немъ не жилъ. Онъ грозилъ развалиться. Въ саду, слишкомъ часто заливаемомъ моремъ, ничего не расло. Кромѣ шума по ночамъ и непонятнаго свѣта, объ немъ разсказывали еще слѣдующую странность: если вечерами оставляли на плитѣ тарелку супу и мотокъ шерсти со спицами, на слѣдующее утро находили пустую тарелку и пару связанныхъ чулокъ. Домикъ этотъ вмѣстѣ съ нечистымъ духомъ продавался за нѣсколько фунтовъ стерлинговъ. Эта женщина купила его, очевидно, прельщенная дьяволомъ, а можетъ быть, и дешевойной.

Она даже не только купила его, но и поселилась въ немъ, сама и съ своимъ ребѣнкомъ; и съ той поры домъ присмирѣлъ. *Онъ добился, чего хотѣлъ*, говорили сосѣди. Видѣнія прекратились. Не слышать болѣе криковъ. Не видать другого свѣта, кромѣ свѣта отъ сальной свѣчи. И то правда, свѣча колдуньи стоитъ дьявольскаго факела. Это объясненіе всѣхъ вполне удовлетворило.

Эта женщина извлекала пользу изъ своего клочка земли. У

ней была корова, дававшая славное желтое масло. Она сакала бобы и картофель — Golden Drops, продавала, какъ другіе, пастернакъ бочонками, лукъ сотнями. Она не ходила сама на рынокъ, но посылала свои произведенія съ Гильберомъ-Фальо въ Сен-Самсонъ. Въ счетахъ Фальо значилось, что онъ продалъ однажды до двѣнадцати плетеноекъ картофелю скороспѣлого.

Домикъ кое-какъ поправили, на столько, чтобы можно было въ немъ жить. Въ комнатахъ протекало только въ сильные дожди... Онъ весь состоялъ изъ нижняго этажа и чердака. Въ нижнемъ этажѣ было три комнаты: двѣ, въ которыхъ спали, одна — въ которой ѣли. На чердакъ попадали по приставной лѣстницѣ. Женщина готовила кушанье и учила ребѣнка читать. Она не ходила ни въ какую церковь, что, при всемъ остальномъ, утвердило сосѣдей въ убѣжденіи, что она француженка.

Весьма возможно, что она была француженка. Вулканы выбрасываютъ камни, а революціи людей. Такимъ образомъ, дѣля семейства иногда разсѣваются на большія разстоянія, люди падаютъ съ облаковъ: кто въ Германіи, кто въ Англіи, кто въ Америкѣ. Они приводятъ въ изумленіе туземцевъ. Откуда взялись эти пришельцы? Эго Везувій, что вошь тамъ дымится, извергъ ихъ изъ своихъ пѣдръ. Этими аэролитами, этими отвергнутыми, потерянными, исключенными самою судьбою личностямъ даютъ особия прозвища: ихъ зовутъ эмигрантами-бѣглецами, псалтеми привлеченій. Если они остаются, ихъ терпятъ, если они удаляются — всѣ очень довольны. Иногда это люди вполне безвинные, непричастные, въ osobности женщины, тѣмъ обстоятельствамъ, которыя принудили ихъ къ бѣгству, чуждые ненависти и злобы, выброшенные помимо своей воли и дивяніеся своей судьбѣ. Они пускаютъ корни, какъ удастся. Они никому не сдѣлали вреда и не могутъ взять въ толкъ, что съ ними случилось. Мнѣ довелось видѣть однажды кусокъ дерну, отброшенный далеко взрывомъ мины. Французская революція представляла много подобныхъ случаевъ.

Женщина, которую на Гернсеѣ звали Жильять, была вѣроятно подобнымъ кускомъ дерну.

Женщина старѣлась, ребѣнокъ росъ. Они жили въ одиночествѣ, всѣми избѣгаемые. Они довольствовались своимъ собственнымъ обществомъ. Волчица и волчонокъ лизутся между собою. Это была еще одна изъ формулъ, въ которыхъ выражалось мѣстное доброжелательство. Ребѣнокъ превратился въ юношу, юноша въ человѣка, и тогда, по общему закону, по которому старая бора должна засыхать и стлываться, мать умерла. Она оставила ему лукъ, домикъ и, какъ гласялъ офціальный инвентарь, «сто ги-

ней золотомъ въ чулкѣ». Въ дому была мѣбель — два дубовыхъ сундука, двѣ кровати, шесть стульевъ со столомъ и необходимая посуда; на полкѣ нѣсколько книгъ, и въ углу чемоданъ, который открыли для составленія инвентаря. Чемоданъ былъ изъ тисненой кожи съ мѣдными гвоздями и жестяными звѣздами, а въ немъ было женское приданое, полное и совершенно новое: рубашки изъ тонкаго дюнвирхенскаго полотна, юбка, шелковыя платья и при этомъ бумага, на которой было написано рукою покойной: «Твоей жень, когда ты женишься».

Эта смерть была тяжелымъ ударомъ для оставшагося въ живыхъ. Онъ былъ дикъ, онъ сталъ озлобленъ. Онъ очутился въ пустынѣ. Прежде было уединеніе, теперь была пуста. Вдвоемъ жизнь еще возможна. Въ одиночествѣ она кажется почти невыносимой. Отказываешься тянуть нестерпимый грузъ. Это первое проявленіе отчаянія. Постѣ поймешь, что долгъ не что иное, какъ дѣлйй рядъ вынужденныхъ соглашеній. Посмотришь на смерть, посмотришь на жизнь — и уступишь. Но эта уступка стоитъ крови.

Жильята былъ еще молодъ, его рана зажила. Въ эти годы сердце живуче, оторванный кусокъ снова вырастаетъ. Его грусть, исчезающая мало по малу, переходила на окружающую его природу; она получила какую-то особую прелесть, она влекла его къ вещамъ и отклоняла отъ людей, и наконецъ, его душа тѣсно слѣлась съ этимъ одиночествомъ.

IV.

Дурная слава.

Жильята, какъ мы сказали, не любилъ въ приходѣ. Ничто не можетъ быть естественнѣе этой неприязни. Поводовъ къ тому было вдоволь. Впервыхъ, домъ, въ которомъ онъ жилъ; во вторыхъ, его происхожденіе. Откуда была эта женщина, и что это за ребѣнокъ? Мѣстные жители не любятъ, когда пришлецы обружены тайной. Затѣмъ, его одежда — одежда простаго рабочаго, между тѣмъ, какъ онъ могъ жить, хотя и небогато, не нуждаясь въ трудѣ. Затѣмъ, этотъ садъ, который онъ успѣшно воздѣлывалъ, и изъ котораго онъ получалъ картофель, несмотря на весеннія и осеннія буря. Затѣмъ, наконецъ, эти толстыя книги, которыя стоятъ у него на полкѣ, и которыя онъ читаетъ.

Были еще и другія причины.

Зачѣмъ живетъ онъ въ такомъ уединеніи? Бю-де-ла-рю походилъ на лазаретъ; Жильята держали въ немъ, какъ въ баракѣ; такимъ образомъ, на него же сваливали отвѣтственность за то уединеніе, которымъ его обружали.

Онъ никогда не ходилъ въ церковь. Онъ часто выходилъ по ночамъ. Онъ говорилъ съ колдунами. Однажды его видѣли сидящимъ въ травѣ съ удивленнымъ выраженіемъ. Онъ часто посѣщалъ ангресскій утесъ и заколдованные камни, разбросанные тамъ и сямъ. Чуть ли не видали, какъ онъ снималъ шляпу передъ Пѣвучимъ камнемъ. Онъ покупалъ птицъ, и пускалъ ихъ на волю. Правда, онъ честно обходился съ жителями Сен-Самсона, но когда могъ, охотно избѣгалъ это мѣстечко. Онъ часто отправлялся на рыбную ловлю, и всегда возвращался съ рыбой. Онъ работалъ въ своемъ саду по воскресеньямъ. У него была волянка, купленная у проходившихъ шотландскихъ солдатъ, на которой онъ игралъ на прибрежныхъ скалахъ послѣ заката солнца. Онъ дѣлалъ движенія руками, словно бы что-то сѣялъ. Ну, какъ тутъ быть съ такимъ человѣкомъ!

Что же касается до книгъ, которыя остались отъ умершей женщины, и которыя онъ читалъ, то онъ былъ очевидно опаснаго свойства. Почтенный Жакменъ Геродъ, пасторъ Сен-Самсона, бывшій въ домѣ по случаю похоронъ женщины, видѣлъ на корешкѣ книгъ нѣсколько заглавій въ родѣ: *Словарь Розы, Кандидъ Вольтера, Советы народу о здравіи, Тиссо*. Одинъ французскій дворянинъ-эмигрантъ, поселившійся въ Сен-Самсонѣ, замѣтилъ: *Это, должно быть, тотъ самый Тиссо, который носилъ по улицамъ голову графини Ламбаль.*

Почтенный пасторъ примѣтилъ на одной книгѣ уже очевидно недобрый заголовокъ: *De Rhubarbaro*.

Замѣтимъ мимоходомъ, книга эта была написана полатыни, какъ видно изъ заглавія, и потому весьма сомнительно, чтобы Жильяръ, незнавшій латыни, могъ читать ее.

Впрочемъ, именно тѣ книги, которыя человѣкъ не читаетъ, наиболѣе осуждаютъ его. Испанская инквизиція обсуждала этотъ вопросъ, и поставила его внѣ всякаго сомнѣнія.

Однако, это было не что иное, какъ разсужденіе доктора Тиллингюса «О ревенѣ» изданное въ Германіи въ 1679 году.

Никто не поручился бы, что Жильяръ не приготовляетъ вредныхъ зелий. У него видали различные пузырки.

Зачѣмъ ходилъ онъ гулять по вечерамъ и даже по ночамъ по прибрежнымъ скаламъ? Очевидно, чтобы бесѣдовать съ дурными людьми, которые являются по ночамъ на берегу моря, окруженные дымомъ.

Однажды онъ помогъ тортевальской знахаркѣ, по имени Мутон-Гаги, вытащить тележку, завязшую въ грязи.

Когда была ревизія, онъ на вопросъ, какимъ занимается ремесломъ, отвѣчалъ: *Рыбакъ — когда есть что ловить. Войдите*

же въ положеніе добрыхъ людей — ну, можно ли терпѣть такія отвѣты?

Бѣдность и богатство — понятія относительныя. Жильяты вмѣлъ домъ и поле, и въ сравненіи съ тѣми, у кого ничего нѣтъ, онъ не былъ бѣденъ. Разъ одна молодая дѣвушка, желая испытать его, а можетъ быть, съ цѣлью сдѣлать первый шагъ — потому что есть женщины, которыя готовы выйти замужъ за самого чорта, если только онъ богатъ — спросила его: когда же вы обзаведетесь женой? Отвѣтъ былъ: *я обзаведусь женой, когда Пѣвучая скала обзаведется мужемъ.*

Эта Пѣвучая скала — огромный камень, весьма подозрительнаго свойства. Никто не знаетъ, на что онъ тутъ лежитъ. Иногда около него кричитъ невидимый пѣтухъ, что весьма непріятно. Къ тому же извѣстно, что его занесли сюда саргузеты — а саргузеты эти все равно, что зины.

Когда ночью, во время грозы, въ пожарѣ облаговъ, летаютъ люди — это и есть саргузеты. Одна женщина, живущая въ Гран-Міель — ихъ знаетъ. Разъ, когда эти саргузеты собрались на перекресткѣ, она крикнула одному человѣку, незнавшему своей дороги: *спроси у нихъ дорогу, они очень добры и учтивы.* Рѣшительно, эта женщина — колдунья.

Мудрый и ученый король Іаковъ I, живьемъ варилъ этого рода женщинъ, и потомъ, отвѣдавъ этого бульону, говорилъ, смотря по вкусу: *это была колдунья, или это не была колдунья.*

Жильяты не безъ основанія слылъ колдуномъ. Однажды, въ грозу, въ полночь, онъ былъ одинъ въ лодкѣ на морѣ, когда услыхали, что онъ крикнулъ:

— А что, можно тутъ пройти?

И какой-то голосъ отвѣчалъ ему со скалъ:

— Валяй, смѣло!

Къ кому же обращался онъ, какъ не къ тому, кто ему отвѣчалъ? Ужь это ли не доказательство.

Въ другой разъ, также въ грозу, въ непроглядную ночь, близъ Катю — двойного ряда скалъ, гдѣ колдуны и козы собираются плясать по пятницамъ, ясно слышался голосъ Жильяты, среди слѣдующаго страшнаго разговора:

— Какъ поживаетъ сосѣдъ Броваръ? (это былъ каменщикъ, упавшій съ крыши).

— Онъ поправляется.

— Да, онъ свалился съ вышины, повыше этого столба. Чудно, право, что онъ не разшибся.

— Кажется, во время прошлой ловли погода стояла отличная.

— Лучше, чѣмъ сегодня.

- Значить, не знатно будетъ рыбы на рынкѣ:
- Да, туго продается.
- Какъ поживаетъ Катерина?
- Отлично.

Эта Катерина, очевидно, была саргузета.

Жильяты, судя по всему, занимался темными дѣлами. По крайней-мѣрѣ, никто въ томъ не сомнѣвался.

Часто видали, что онъ лплъ воду изъ кружки на землю. А известно, что пролитая вода производитъ изображенія дьявола.

По дорогѣ въ Сен-Самсонъ можно видѣть три камня, расположенныхъ лѣстницей. Въ былыя времена на нихъ возвышался крестъ, а пожалуй, что и висѣлица. Объ этихъ камняхъ ходятъ недобрые слухи.

Люди весьма добросовѣстные и заслуживающіе довѣрія утверждаютъ, что сами застали Жильята около этихъ камней въ бесѣдѣ съ жабой. Должно замѣтить, что на Гернсеѣ ибѣтъ вовсе жабъ, Гернсей забралъ себѣ всѣхъ змѣй, а Джерсей всѣхъ жабъ. Эта жаба должна была переплыть изъ Джерсея, чтобы переговорить съ Жильятомъ. Во всякомъ случаѣ, бесѣда была дружественная.

Эти факты не подлежатъ сомнѣнію — и доказательство тому, что камни эти существуютъ и по сей день. Тѣ, которые сомнѣваются, могутъ сами ихъ посѣтить; неподалеку отъ нихъ стоитъ домъ съ вывѣской: *торювецъ скотомъ живымъ и мертвымъ, старые канаты, желѣзо, кости и жевательный табакъ, скорая и добросовѣстная уплата.*

Нужно быть положительно недобросовѣстнымъ, чтобы отрицать существованіе этихъ камней и этого дома. Все это вредило репутациі Жильята.

Только невѣжды не знаютъ, что для моряка въ Ламаншѣ всего опаснѣе царь Окриньеровъ. Это самое грозное лицо на всемъ морѣ. Кто его встрѣтитъ, непременно утонетъ, не доживя до слѣдующаго Михайлова дня. Онъ малъ ростомъ — потому что карликъ и глухъ. Онъ знаетъ по имени всѣхъ утонувшихъ и мѣсто, гдѣ лежатъ ихъ кости. Онъ основательно научилъ это громадное кладбище — океанъ. Голова у него широка внизу и заострена вверху, тѣло приземисто, животъ слизистый и безобразный, черепъ въ шишкахъ, ноги короткія, руки длинныя, на ногахъ плавники, на рукахъ когти, лицо широкое, зеленое — таковъ этотъ царь. Представьте себѣ злого духа въ видѣ рыбы съ человѣческимъ лицомъ. Чтобы покончить съ нимъ, нужно залять его, или поймать въ сѣти. Но до тѣхъ поръ онъ остается грозой моря. Одинъ видъ его вселяетъ ужасъ. Надъ волнами сквозь густой туманъ видѣется его неясный образъ: узкія

лобъ, курносый, съ плоскими ушами, безобразно большимъ беззубымъ ртомъ, зеленой пастью, широкими бровями и большими глазами. Онъ красивъ когда молнія ослѣпительно бѣла, и блѣденъ, когда она вспыхиваетъ пурпуромъ. Жесткая и струющаяся борода его разметалась по какой-то перепонкѣ, облевающей его на подобіе эпанчи. Эта эпанча украшена четырнадцатью раковинами: семью спереди, семью сзади. Эти раковины, по свидѣтельству знатоковъ, совершенно необыкновенны. Царя Окриньеровъ можно видѣть только въ бурю. Онъ тѣшитъ ее своими угрюмыми кривляньями. Его смутныя очертанія выдвигаются изъ-за тумана, изъ-за дождя и шивала. У него безобразный пупъ. Бока его одѣты въ броню изъ чешуи, словно въ жилетъ. Онъ вырастаетъ изъ валовъ, гонимыхъ вѣтромъ, крутящихся и вьющихся какъ стружки изъ подъ наструга столяра. Онъ весь выдвигается изъ пѣнащагося гребня, и только завидитъ погпабающій корабль, лицо его вспыхиваетъ зловѣщей улыбкой, и онъ пускается въ безумную, отвратительную пляску. Въ то время, когда толки о Жильятѣ занимали все населеніе Сен-Самсона, по рассказамъ очевидцевъ, на эпанчѣ царя Окриньеровъ было всего тринадцать раковинъ. Это, впрочемъ, не дѣлало его менѣе опаснымъ. Но что же случилось съ четырнадцатой? Не отдалъ ли онъ ее кому-нибудь? И кому могъ онъ ее отдать? Никто не зналъ навѣрное и приходилось довольствоваться догадками. Одно только было несомнѣнно, что г. Люпен-Мабье, человекъ съ вѣсомъ, не изъ мелкихъ землевладѣльцевъ, готовъ былъ показать подъ клятвой, что самъ видѣлъ въ рукахъ у Жильята необыкновенную раковину.

Зачастую можно было подслушать между поселянами разговоръ въ родѣ слѣдующаго:

— Не правда ли, сосѣдъ, у меня славный быкъ?

— Да, его очень раздуло, сосѣдъ.

— Правда.

— Въ немъ больше сала, чѣмъ мяса.

— Правда.

— А увѣрены вы, что Жильятъ не сглазилъ его?

Жильятъ, проходя по межѣ между полями или вдоль изгороди садовъ, обращался иногда къ пахарю или садовнику съ мудренными рѣчами:

— Когда цвѣтеть чортова узда, жните озимую рожь.

(Въ скобкахъ: чортова узда—это скабіоза).

— Ясень распустилась—не будетъ болѣе морозовъ.

— Лѣтнее солнцестояніе—чортополохъ въ цвѣту.

— Іюнь дождливый—бойтесь головни.

— На черешнѣ завязались плоды—остерегайтесь полнолуній.

— Если въ шестой день новолунья погода стоитъ такая же, какъ въ четвертый или въ пятый, то погода простоятъ такая же во весь мѣсяцъ; въ первомъ случаѣ изъ двадцати разъ девять, во второмъ изъ двѣнадцати разъ одиннадцать.

— Смотрите въ оба за сосѣдомъ, который въ табѣ съ вами. Бойтесь недоброежелательства. Если свинью поить парнымъ молокомъ, она дохнетъ. Если коровѣ натереть зубы поремъ, она перестанетъ ѣсть.

— Корюшка мечетъ икру—бойтесь лихорадокъ.

— Показались лягушки—сѣйте дыни.

— Цвѣтеть липа—восите сѣно.

— Цвѣтеть табакъ—закрываютъ парники.

И, что всего ужаснѣе, совѣты его всегда были удачны.

Въ одну июньскую ночь, онъ игралъ на берегу моря на волнѣхъ — и ловля на магрелей была неудачна.

Однажды вечеромъ, во время отлива, на пескѣ передъ домомъ Бюде-ла-Рю, опрокинулся возъ, нагруженный водорослями. Жильятъ, должно быть, испугался отвѣтственности передъ закономъ, потому что употребилъ всѣ старанія, чтобы поднять телегу и помочь нагрузить ее.

Говорили, что Жильятъ смотрѣлъ въ колодцы, а это очень опасно, если у человѣка дурной глазъ—и что жъ—кончилось тѣмъ, что въ одномъ колодцѣ, близъ Сен-Пьер-Портъ, вода сдѣлалась негодной для питья. Женщина, которой принадлежалъ колодезь, показала воду Жильяту. Онъ согласился съ ней. Правда, вода мутна, сказалъ онъ. Хорошая женщина подозрѣвала, что тутъ неспроста. Поправьте мнѣ ее, говорила она ему. Жильятъ сталъ ее допрашивать, есть-ли у нея стойла—есть-ли изъ этого стойла стокъ. Не протекаетъ ли стекающая жижа близъ колодца. Она отвѣчала, да. Жильятъ пошелъ въ стойла, поворотилъ направленіе стока, и вода поправилась. Всякій въ околдѣхъ принималъ это по своему. Колодезь не можетъ безъ причины испортиться, никто не могъ находить этого естественнымъ, трудно было не вѣрить, что Жильятъ былъ тутъ замѣшанъ.

Въ деревняхъ собираютъ примѣты объ человѣкѣ, затѣмъ эти примѣты сопоставляютъ, въ итогѣ получается репутація человѣка.

Какъ-то разъ у Жильята пошла кровь носомъ. Это ужъ было нешуточное дѣло. Одинъ владѣлецъ судна, много путешествовавшій, совершившій почти кругосвѣтное плаваніе, утверждалъ, что у тунгузовъ у всѣхъ колдуновъ идетъ кровь носомъ. Изъ тамъ узнаютъ по этому признаку. Правда, нашлись разсудительные люди, которые замѣтили, что признакъ, характеристическій для колдуновъ у тунгузовъ, можетъ и не быть таковымъ на Герисѣ.

Разъ, подъ михайловъ день, онъ остановился среди луга, по дорогѣ въ Видеклинъ и свиснулъ; на его свистъ черезъ минуту прилетѣла ворона, а еще черезъ минуту сорока. Фактъ этотъ былъ засвидѣтельствованъ весьма почтенной особой.

Въ Гамелѣ, въ округѣ Эпинь, нѣсколько старухъ убѣдительно завѣряли, что онѣ слышали, какъ ласточки звали Жильята по имени.

Прибавьте ко всему, что онъ не былъ добръ.

Разъ какъ-то одинъ бѣднякъ билъ своего осла. Оселъ не трогался съ мѣста. Бѣднякъ лягнулъ его нѣсколько разъ въ животъ своими деревянными башмаками. Оселъ упалъ. Жильять подбѣжалъ, чтобы поднять осла, но онъ уже былъ мертвъ. Жильять приколотилъ бѣдняка.

Въ другой разъ, видя мальчика, слѣзавшаго съ дерева съ цѣлымъ выводкомъ молодыхъ, еще неоперившихся птенцовъ, Жильять отнял ихъ у него, и даже былъ на столько золъ, что влѣзъ на дерево и положилъ ихъ на то же мѣсто.

Когда прохожіе стали его упрекать, онъ только указалъ имъ на самца и самку, съ крикомъ кружившихся надъ деревомъ и тотчасъ же возвратившихся въ своимъ дѣтенышамъ. Онъ очень любилъ птицъ. Это—признакъ, по которому узнаютъ колдуновъ.

Дѣти очень любятъ отыскивать гнѣзда чаекъ и другихъ птицъ въ прибрежныхъ утесахъ. Они собираютъ во множествѣ ихъ яйца: голубя, желтя, зеленя и составляютъ изъ нихъ чотки, которыми украшаютъ каминны. Такъ-какъ утесы очень остры, то нерѣдко дѣти убиваются до смерти. За то какъ красивы эти ширмочки, украшенныя яйцами. Жильять всегда умѣлъ придумать что нибудь злобное: онъ нерѣдко влѣзалъ съ опасностью своей жизни на самыя высокія скалы и укрѣплялъ тамъ клочки сѣна, старыя шляпы и подобныя пугала, для того только, чтобы отпугивать птицъ на зло дѣтямъ.

Зато же и ненавидѣли его во всемъ околедиѣ. Да и какъ же ненавидѣтъ такого человѣка?

V.

Другія странности Жильята.

На счетъ Жильята ходили различныя слухи.

Вообще считали его за «маріу», инне выдавали его даже за «камбіона». Камбіонъ—это отродье женщины и дьявола.

Если у женщины родится семь мальчиковъ подъ рядъ, то седьмой—маріу. Но ни одна дѣвочка не должна прервать такого ряда мальчиковъ.

У марку непременно отпечатана лилія на какой-нибудь части тѣла, зато онъ вылечиваетъ золотуху не хуже французскихъ королей. Марку водятся повсюду во Франціи, особливо въ Орлеанѣ. Въ Гатинѣ любая деревня можетъ похвастаться своимъ марку. Стоитъ такому марку дунуть на руку, или дать прикоснуться къ своей ляміи—и больной выздоравливаетъ. Лучше всего удается это въ страстную пятницу. Лѣтъ десять тому, бочаръ Фулонъ, изъ Армъ въ Гатинѣ, подъ именемъ марку-красавца, пользовался славою во всей провинціи и выдѣлывалъ такіа чудеса, что задавалъ работы мѣстнымъ жандармамъ. У него лилія была на лѣвой груди, но бываетъ она и на другихъ мѣстахъ.

Есть марку на Джерсеѣ, на Ориньи и на Герисеѣ, вѣроятно вслѣдствіе правъ Франціи на нормандское герцогство. Иначе къ чему бы у нихъ лилія?

Къ тому же, на бретонскихъ островахъ немало золотушныхъ, а для нихъ марку—находка.

Однажды Жильятъ купался въ морѣ и присутствовавшимъ, какъ говорили, удалось подсмотрѣть на его тѣлѣ отпечатокъ лиліи. Но когда стали добиваться отъ него подтвержденія этого факта, Жильятъ только захохоталъ. И ему случалось хохотать, какъ какому смертному. Съ тѣхъ поръ никто не видалъ, чтобы Жильятъ купался: вѣрно, онъ сталъ купаться въ мѣстахъ опасныхъ, уединенныхъ, ночью при лунномъ свѣтѣ—вещь довольно подозрительная, съ этимъ нельзя не согласиться.

Тѣ же, что считали его за камбіона, за дьявольское отродье, очевидно ошибались. Имъ бы слѣдовало знать, что порода эта водится только въ Германіи. Впрочемъ, Валь и Сен-Самсонъ были мѣста очень темныя и невѣжественныя, лѣтъ за пятьдесятъ тому назадъ.

Считать кого-нибудь дьявольскимъ отродіемъ на Герисеѣ было очевиднымъ заблужденіемъ.

Самая неизвѣстность, которою былъ окруженъ Жильятъ, заставляла сосѣдей обращаться къ нему за совѣтами. Съ немалымъ страхомъ приходили къ нему больные: но въ деревнѣ, извѣстно, чѣмъ подозрительнѣе лекаръ, тѣмъ снадобье дѣйствительнѣе. У Жильята были особыя снадобья, которыя достались ему отъ покойной старухи; онъ надѣлялъ ими всякаго, кто къ нему обращался, и, странно, не бралъ за то денегъ. Вередъ онъ вылечивалъ припарками изъ травы; въ одной изъ слянокъ пилѣлъ снадобье, которое какъ рукой снимало лихорадку: химикъ, по нашему аптеварь, въ Сен-Самсонѣ намекалъ, что то была хинная настойка. Всѣ, даже самые неблагоклонные, допускали, что Жильятъ очень добръ и внимателенъ къ своимъ больнымъ, пока

дѣло плетъ объ обычныхъ снадобьяхъ; но какъ марку—онъ нигдѣ негоденъ; попросить его больной дотронуться до его лѣля—онъ ему дверь на носъ захлопнетъ; чудесъ онъ выдѣлывать никакъ не соглашался, что довольно смѣшно со стороны колдуна. Не будь колдуномъ, если не хочешь—кто тебя заставляетъ; а ужъ если колдунъ, не отпирайся.

Всѣ терпѣть не могли Жильята, но были кое какія исключенія изъ общаго правила. Ландуа изъ Кло-Ланде былъ нотариусомъ прихода Сен-Пьер-Поръ, завѣдывалъ метрическими книгами, гдѣ акуратно отмѣчалъ о родившихся, умершихъ и бракомъ сочетавшихся. Нотариусъ этотъ хвалился происхожденіемъ отъ Пьера Ланде, казначея Бретани, повѣшаннаго въ 1485 году. Въ одинъ прекрасный день Ландуа, купаясь въ морѣ, забрался слишкомъ далеко и началъ тонуть. Жильятъ бросился въ воду, тоже чуть не потонулъ, но успѣлъ вытащить Ландуа. Съ того дня Ландуа не говорилъ дурнаго слова о Жильятѣ. Тѣмъ, кто этому удивлялся, онъ отвѣчалъ: «съ чего мнѣ ненавидѣть человѣка, который мнѣ не сдѣлалъ зла, а напротивъ оказалъ услугу?» Нотариусъ возымѣлъ къ Жильяту даже нѣчто въ родѣ дружбы. Ландуа не вѣрилъ въ колдуновъ. Что до него касается, то у него была лодка, онъ ловилъ рыбу для потѣхи, отъ печего дѣлать, и ни разу не видалъ чего либо сверхъестественнаго, развѣ только однажды—бѣлую женщину, которая прыгала по водѣ, да и въ томъ не былъ увѣренъ. Мутонъ Гаги, колдунъ изъ Тортевала, далъ ему мѣшочекъ, чтобъ подвизывать подъ галстухомъ въ защиту отъ злыхъ духовъ. Ландуа издѣвался надъ этимъ мѣшечкомъ и не любопытствовалъ даже взглянуть, что въ немъ; впрочемъ, носилъ эту вещичку подъ галстухомъ, чувствуя себя при этомъ какъ-то безопаснѣе.

Иные осмѣливались даже, по примѣру Ландуа, указывать на нѣкоторыя облегчающія вину обстоятельства, находили въ Жильятѣ нѣкоторыя утѣшительныя качества: трезвость, воздержность отъ джина и табаку; доходили до того порою, что открыто его выхваляли. «Онъ вина не пьетъ, табаку не куритъ, не жуесть и не нюхаетъ», говорили они.

Но трезвость составляетъ въ человѣкѣ, какъ извѣстно, лишь отрицательное достоинство—достоинство, которое имѣетъ цѣну, когда есть притомъ и другія.

Вообще же говоря, Жильятъ былъ предметомъ всеобщаго нерасположенія и отвращенія.

Во всякомъ случаѣ, Жильятъ могъ бы быть полезенъ и извѣстенъ, какъ марку. Разъ какъ-то, въ страстную пятницу, въ полночь, часъ и день, завѣдомо для такого дѣла пригодные, по

вдохновенію ли или по уговору, золотушные со всего острова сошлись толпой передъ жилищемъ Жильята, и покрытые гнойными язвами, умоляли испѣлать ихъ. Жильять отказалъ—явное доказательство его злобы.

VI.

Б о т ъ.

Таковъ былъ Жильять. Дѣвушкамъ онъ не нравился.

Между тѣмъ онъ не былъ дурень; быть можетъ, былъ даже красавецъ. Профиль его напоминалъ рѣзкія, выразительныя черты древнихъ варваровъ, какъ онѣ дошли до насъ на барельефахъ Трояновой колонны. Уши у него были маленькія, delicate и отличной формы въ акустическомъ отношеніи. Между обоими его глазами виднѣлась та вертикальная морщина, которая выражаетъ въ человѣкѣ смѣлость и постоянство. Ротъ его опускался на обоихъ оконечностяхъ—признакъ горечи въ характерѣ; его лобъ былъ высокій, благородный; его зрачокъ гладкъ прямо, открыто, хотя онъ часто мигалъ, какъ всѣ моряки отъ отраженія волнъ. Его смѣхъ былъ препріятный, невинный смѣхъ. Не было слоновой кости бѣлѣе его зубовъ. Но онъ такъ загорѣлъ, что казался негромъ. Нельзя безнаказанно бороться съ океаномъ, бурей и ночью. Тридцати лѣтъ отроду онъ казался на видъ сорокапятилѣтнимъ. На его лицѣ была мрачная масса вѣтра и моря.

Его прозвали въ околѣдѣ *чудодѣй Жильять*.

Въ одной индійской баснѣ говорится: однажды Брама спросилъ Силу: кто могущественнѣе тебя? Она отвѣчала: «ловкость». Китайская пословица гласитъ: что было бы невозможно льву, еслибъ онъ былъ обезьяной? Жильять не былъ ни львомъ, ни обезьяной; но его дѣла вполне подтверждали и китайскую пословицу и индійскую басню. Человѣкъ обыкновеннаго роста и обыкновенной силы, онъ ухитрялся поднимать гигантскія тяжести и совершать чудеса, которыя удивили бы любого атлета—такъ могущественна и изобрѣтательна была его ловкость.

Онъ былъ врожденный гимнастъ, и одинаково ловко дѣйствовалъ какъ правой, такъ и лѣвой рукой.

Онъ не охотился, но ловилъ рыбу. Онъ жалѣлъ птицъ, но не рмбъ. Горе также было отъ него змѣямъ! Наконецъ, онъ плавалъ мастерски.

Одиночество дѣлаетъ людей талантливыми или дураками. Жильять представлялъ собою образецъ и того и другаго вліянія. Повременамъ, на лицѣ его являлось то «удивленное выра-

женіе, о которомъ мы говорили, и вида которое, всякій принялъ бы его за дурака. Въ другія минуты взглядъ его поражалъ своей глубиной. Въ древней Халдеи бывали подобные люди; въ извѣстные часы мракъ, застилавшій чело пастуха, разсвѣдался, и сивозъ него просвѣчивалъ магъ.

Вообще же это былъ только бѣдный человѣкъ, умѣвшій читать и писать. Онъ, по всей вѣроятности, находился на границѣ, отдѣляющей мечтателя отъ мыслителя. Мыслитель хочетъ, мечтатель покоряется. Одиночество, примѣшиваясь къ простому уму, его усложняетъ. Онъ совершенно невольно пропитывается какимъ-то священнымъ ужасомъ. Мракъ, обнимавшій умъ Жильята, состоялъ почти изъ равныхъ частей двухъ элементовъ, одинаково темныхъ, но совершенно различныхъ: внутри его было невѣжество, безсиліе, извнѣ—тайна, безконечность.

Лазяя по скаламъ, карабкаясь по крутизнамъ, развѣзжая по архипелагу во всякую погоду, управляясь одинаково ловко со всякой лодкой, рискуя ходить днемъ и ночью въ самые трудные проходы, онъ, наконецъ, сдѣлался удивительнымъ морякомъ. Онъ изъ этого, однако, не извлекалъ никакой для себя пользы, а дѣлалъ это только ради своего удовольствія.

Онъ родился кормчимъ. Настоящій кормчій—тотъ морякъ, который болѣе плаваетъ по дну, чѣмъ по поверхности. Волна — это наружная проблема, постоянно усложняемая подводными очертаніями тѣхъ мѣстъ, по которымъ проходитъ корабль. Вида, какъ Жильятъ плавалъ въ своей лодкѣ среди всѣхъ мелей и подводныхъ камней нормандскаго архипелага, всякій бы подумалъ, что у него подъ оболочкой черепа начертана карта морскаго дна. Онъ зналъ все, и осмѣливался на все.

Онъ зналъ всё вѣхи лучше баклановъ, которые садятся отдыхать на нихъ. Почти незамѣтное различіе между четырьмя высокими вѣхами Крё, Алиганды, Тремизъ и Сардретъ было для него совершенно ясно, даже во время тумана.

Его удивительное искусство выказалось во всемъ своемъ блескѣ однажды, по случаю гонки судовъ на Гернсеѣ. Задача была слѣдующая: сѣсть одному на четырехпарусную лодку, отправиться на ней изъ Сен-Самсона на островъ Термъ, отстоящій въ одной мили, и возвратиться на ней же обратно въ Сен-Самсонъ. Управиться одному съ четырехпарусной лодкой—дѣло еще нетрудное, и нѣтъ рыбака, который бы не могъ этого сдѣлать; но вотъ что усложняло задачу: вопервыхъ, лодка была одна изъ тѣхъ широкихъ, неуклюжихъ, пузастыхъ катеровъ, на манеръ старинныхъ роттердамскихъ барогъ, которымъ моряки дали названіе *юлландскаго*

брюха. Еще и теперь иногда встрѣчаешь въ морѣ этой постройки голландскія суда, низенькія, распухлыя, съ крыльями по ту и по другую сторону. Вотворыхъ, возвращеніе изъ Герма усложнялось тѣмъ, что необходимо было оттуда взять тяжелый грузъ каменевъ. Туда нужно было идти налегкѣ, оттуда съ грузомъ. Призомъ въ этомъ состязаніи былъ самъ боть, служившій долго лодманскимъ судномъ. Лодманъ, который управлялъ имъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, былъ самый здоровенный, самый сильный изъ ламаншскихъ моряковъ. Послѣ его смерти не нашлось ни одного человѣка, который могъ бы справиться съ тяжелымъ ботомъ, и потому рѣшились назначить его призомъ для состязанія. Вотъ этотъ, хотя и не имѣлъ палубы, но обладалъ многими хорошими качествами и могъ соблазнить моряка. Мачта у него находилась на носу, что увеличивало силу парусовъ и въ то же время не мѣшало грузу. Вообще это было отличное судно, крѣпкое, основательное, объемистое и могло выдержать всякую погоду. Поэтому на состязаніе явилось много охотниковъ; задача была трудная, но великолѣпный призъ прельщалъ всѣхъ. Семь или восемь рыбаковъ, самые сильные на островѣ, попробовали счастье по очереди, но ни одинъ изъ нихъ не достигъ до Герма. Послѣдній изъ борцовъ отличился тѣмъ, что онъ въ бурную погоду переплылъ на веслахъ страшный проливъ между скалами Серкъ и Брек-Гу. Облптый потомъ, онъ возвратился на берегъ и сказалъ, что невозможно. Тогда на судно взошелъ Жильятъ. Онъ схватилъ сначала весло, потомъ большой шкотъ, и отчалывъ. Не закладывая шкота на бѣтеньги, что было бы очень неосторожно, и не выпуская его изъ руки, чтобы не ослабить большого паруса, онъ оставилъ его катиться по стропу, куда дулъ вѣтеръ, ухватившись въ то же время лѣвой рукой за румпель. Въ три-четверти часа онъ достигъ до Герма. Черезъ три часа послѣ этого, несмотря на то, что поднялся сильный боковой вѣтеръ, боть, управляемый Жильятомъ, возвратился въ Сен-Самсонъ съ грузомъ камней. Онъ еще изъ хвастовства прибавилъ къ грузу маленькую бронзовую пушку, изъ которой жители Герма стрѣляютъ каждый годъ 5-го ноября, съ радости, что умеръ Гаф Фоксъ.

Гаф Фоксъ, сважемъ мимоходомъ, умеръ двѣсти-шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и радость о его смерти продолжается немножко долго.

Жильятъ такимъ образомъ съ своимъ чрезмѣрнымъ грузомъ, и несмотря на южный вѣтеръ, благополучно ввелъ боть въ рейдъ Сен-Самеона.

При видѣ этого, месс-Летьерн воскликнулъ:

— Вотъ смѣлый морякъ.

И онъ протанулъ руку Жильяту.

О месѣ Летъери мы вскорѣ поговоримъ подробнѣе.

Ботъ былъ присужденъ Жильяту.

Это обстоятельство еще болѣе утвердило за нимъ прозвище *чудотѣя*.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ объявили, что тутъ не было ничего удивительнаго, ибо Жильятъ спряталъ на днѣ бота вѣтку дикой рябины. Но этого нельзя было доказать.

Съ этого дня, у Жильята не было другой лодки, какъ этотъ ботъ. Въ этомъ тяжеломъ суднѣ, онъ отправлялся на рыбную ловлю. Днемъ она стояла у него въ небольшой заводн, у самой стѣны его дома. Съ наступленіемъ ночи, онъ навдывалъ себѣ на спину сѣти, проходилъ черезъ свой садикъ, перепрыгивалъ съ одного камня на другой, и наконецъ, бросался въ ботъ. Черезъ минуту, онъ былъ уже въ морѣ.

Онъ ловилъ много рыбы; потому увѣряли, что вѣтка дикой рябины всегда имѣлась на его ботѣ. Никто не видалъ этой вѣтки, но всякій вѣрилъ въ нее.

Рыбу, которую онъ не съѣдалъ самъ, онъ раздавалъ, но никогда не продавалъ ее.

Бѣдные брали эту рыбу, но были недовольны Жильятомъ. Зачѣмъ онъ бралъ съ собою вѣтку? Это нехорошо. Море не должно обманывать.

Онъ былъ рыбакомъ, но не исключительно рыбакомъ. Онъ инстинктивно, и ради забавы, занимался тремя или четырьмя ремеслами. Онъ былъ плотникомъ, кузнецомъ, колесникомъ, конопатчикомъ, и даже немного механикомъ. Никто лучше его не могъ починить колеса. Онъ самъ приготовлялъ себѣ всѣ необходимыя орудія для рыбной ловли. У него была своя маленькая кузница и наковальня. На его ботѣ первоначально былъ одинъ только якорь; онъ самъ, одинъ, своими средствами, сдѣлалъ другой. Этотъ якорь былъ отличный; кольцо имѣло необходимую крепость, и Жильятъ, ненаученный никѣмъ, придалъ своему якорю именно ту форму, которая мѣшала ему опрокинуться.

Съ удивительнымъ терпѣніемъ онъ замѣнилъ всѣ гвозди въ обшивной доскѣ нагелями, которые уничтожали возможность течн, образуемой ржавчиной желѣза.

Такимъ образомъ, онъ во многомъ отношеніи улучшилъ свой ботъ для морскихъ плаваній; онъ самъ пользовался этимъ, и по временамъ отправлялся на мѣсяцъ, или на два, на какой-нибудь уединенный, пустынный островъ, какъ Шузи или Каскэ. Сосѣди говорили: знаете, Жильятъ уѣхалъ? И никто не обращалъ на это вниманія.

VII.

Въ заболдованномъ дому — мечтательный живецъ.

Жильятъ былъ мечтателемъ. Отсюда его необыкновенная смѣлость и также его боязливость. Онъ имѣлъ много своеобразныхъ, оригинальныхъ идей.

Быть можетъ, онъ былъ подверженъ галюцинаціямъ, которыя одинаково посѣщаютъ такого поселеннаго, какъ Мартинъ, а такого короля, какъ Генрихъ IV. Незвѣстность, окружающая человека, дѣлаетъ повременамъ сюрпризы. Мракъ неожиданно прорывается иногда, даетъ ему увидѣть невидимое, и потомъ снова закрываетъ его. Эти видѣнія иногда имѣютъ силу преобразовать людей; такъ они дѣлаютъ изъ погонщика верблюдовъ Магомета, а изъ постушки овецъ — Иоанну Д'Аркъ. Одиночество вырабатываетъ извѣстную долю великаго, возвышеннаго безумія. Это дымъ горящей купины. Слѣдствіемъ его бываетъ таинственное колебаніе идей, обращающее доктора въ ясновидящаго, поэта — въ пророка; слѣдствіемъ сего бываетъ опьяненіе, производимое жеваніемъ кастальскаго лавра; отсюда произошли Пелея — въ Додонѣ, Феменоя — въ Дельфахъ, Трофоній — въ Лебадѣ. Чаше всего — эти изступленія подавляютъ человека, и приводятъ его въ оцѣпененіе. Восторгъ можетъ оскотинить человека. Факиръ несетъ на себѣ бремя своихъ видѣній точно такъ же, какъ крестникъ бремя своего зоба. Лютеръ, бесѣдующій съ чертями, на чердакѣ въ Виттембергѣ, Паскаль, заставляясь отъ зрѣлища ада шпрмами своего кабинета, обійскій негръ, вступающій въ разговоръ съ бѣлолицымъ богомъ-Зосумомъ — это все то же явленіе, только видоизмѣненное, смотря по количеству и качеству того мозга, въ которомъ оно происходитъ, Лютеръ и Паскаль были и остаются великими людьми; негръ — идиотъ.

Жильятъ не былъ ни такъ высокъ, ни такъ низокъ; это былъ просто мечтатель, и болѣе ничего.

Онъ смотрѣлъ на природу съ нѣсколько странной точки зрѣнія.

Находя часто въ чистой, прозрачной водѣ моря довольно большихъ животныхъ самыхъ разнообразныхъ видовъ, изъ семейства медузъ, которыя внѣ воды походили на жидкій хрусталь, а въ водѣ почти совсѣмъ пропадали по тождеству своего цвѣта и своей прозрачности съ цвѣтомъ и прозрачнію воды, Жильятъ пришелъ къ тому заключенію, что если живыя прозрачныя тѣла обитали воду, то другія прозрачныя тѣла, точно такъ же живыя, могли наполнять воздухъ. Птицы не жители воздуха; онѣ его амфибии. Жильятъ не вѣрилъ, чтобъ воздухъ былъ пустыня. Онъ говорилъ: море полно обитателей, зачѣмъ же атмосферѣ быть пустою?

Созданія того же цвѣта какъ воздухъ легко могутъ ступевываться отъ блестящаго свѣта и избѣгать такимъ образомъ нашего взгляда. Но кто намъ докажетъ, что ихъ нѣтъ? Аналогія доказываетъ, что воздухъ долженъ имѣть своихъ рыбъ, какъ море имѣетъ своихъ. Эти рыбы воздуха должны быть прозрачными, какъ этого требуетъ милосердая и предусмотрительная, все-созидающая сила. Пропуская чрезъ свое тѣло свѣтъ и не бросая никакой тѣни, онѣ остаются намъ невѣдомыми, и мы никакъ не можемъ до нихъ добраться. Жильять воображалъ себѣ, что еслибъ можно было ловить неводами рыбу въ воздухѣ, какъ ловятъ ее въ моряхъ, то въ немъ нашлось бы множество удивительныхъ созданій. И, прибавляя онѣ въ своихъ мечтахъ, много вещей тогда объяснилось бы.

Мечты, которыя не что иное, какъ мысли еще въ формѣ туманныхъ пятенъ, граничатъ со сномъ и загораживаются имъ, какъ своей границей. Воздухъ, обитаемый прозрачными существами—это было бы начало неизвѣстнаго, но по другую сторону котораго открывается широкое поле возможнаго. Тамъ другія созданія, другіе факты. Ничего сверхъестественнаго, но таинственное продолженіе безконечной природы. Жильять въ своей труженической праздности, составлявшей всю его жизнь, былъ очень страннымъ наблюдателемъ. Онъ наблюдалъ даже сонъ. Сонъ находится въ связи съ возможнымъ, которое мы называемъ также невѣроятнымъ. Міръ ночной—міръ. Ночь, какъ ночь—вселенная. Матеріальный организмъ человѣка, надъ которымъ тяготѣетъ столбъ атмосферы въ пятнадцать миль высоты, къ вечеру изнемогаетъ подъ гнетомъ усталости и предается отдыху. Глаза физическіе закрываются. Тогда въ этой спящей головѣ, не столь безчувственной, какъ полагаютъ, открываются другіе глаза. Невѣдомое дѣлается вѣдомымъ. Все то, что было неизвѣстно, что было такъ далеко, приближается къ человѣку; онъ или входитъ въ прямое сообщеніе съ этими таинственными предметами, или глубины безднъ принимаютъ громадные размѣры, словно подъ увеличительнымъ стекломъ. Намъ кажется, что всѣ незамѣтныя существа, наполняющія пространство, теперь являются посмотриѣть, подивиться на насъ, живыхъ существъ земли. Цѣлый міръ призрачный опускается къ намъ и приходитъ съ нами въ соприкосновеніе во мракѣ, объявшемъ физическій міръ. Передъ нашими ясновидящими глазами является и исчезаетъ новая жизнь, состоящая изъ насъ и изъ чего-то другаго. Спящій, не совершенно ясновидящій и не совершенно безчувственный, видитъ передъ собой странные образы животныхъ, необыкновенныя виды растительности, чудовищныя личинки, страшныя гадры, лунный свѣтъ безъ луны, тысячи мрачныхъ видовзмѣненій чудеснаго, носящіяся во мракѣ, то увели-

чивающіяся, то уменьшающіяся, то показывающіяся, то исчезающія, то грозныя, то улыбающіяся—однимъ словомъ, передъ нимъ открывается тотъ таинственный міръ, который мы называемъ сномъ и который есть не что иное, какъ приближеніе дѣйствительности невидимой. Сонъ — это акваріумъ ночи.

Такъ мечталъ Жильятъ.

VIII.

Кресло Гильд-Гольм-Уръ.

Тщетно стали бы теперь искать въ бухтѣ Гуме домъ Жильята, его садъ и маленькую заводь, гдѣ стояла его лодка. Бю-де-ла-Рю болѣе не существуетъ. Коса, на которой возвышался этотъ домъ, исчезла подъ ломомъ работниковъ и въ вускахъ была перетаскана на корабли торговцевъ гранитомъ. Она превратилась въ набережную, церковь или дворецъ. Весь рядъ этихъ береговыхъ скалъ уже давно переѣхалъ въ Лондонъ.

Эти выдающіяся въ море окаменѣлости скалъ съ ихъ расщелинами и зубчатой поверхностью представляютъ цѣлыя цѣлыя маленькихъ горъ. Смотри на нихъ, вы испытываете то же чувство, которое испыталъ бы великанъ, смотря на Кордильеры. На мѣстномъ нарѣчій ихъ называютъ балками. Эти балки имѣютъ самыя разнородныя формы. Однѣ походятъ на человѣческой хребетъ, другія на кость рыбы, третьи на пьющаго крокодила, но всѣ рѣшительно принадлежатъ къ виду позвоночныхъ.

На краю балки у Бю-де-ла-Рю возвышалась большая скала, которую рыбаки называли Рогъ Звѣря. Эта скала, нѣчто въ родѣ пирамиды, походила, хотя она была гораздо ниже, на Пинакль Джерсея. Во время прилива, море отдѣляло ее отъ балки и Рогъ совершенно изолировался. Во время же отлива туда можно было пробраться по маленькому перешейку, составленному изъ скалъ. Замѣчательностью этой скалы было со стороны моря нѣчто въ родѣ кресла, выточенного волнами и отполированного дождемъ. Это кресло было воплощенная измѣна. Васъ привлекалъ туда прелестный видъ; вы останавливались тамъ отдохнуть «изъ любви къ перспективѣ», какъ говорятъ на Гернсеѣ, и васъ тамъ что-то удерживало. Есть какая-то чарующая прелесть въ необъятномъ горизонтѣ. Это кресло манило васъ къ себѣ; оно составляло нишу въ фасадѣ скалы; вскарабкаться до этой ниши было очень легко; море, выточившее ее въ камень, выбило внизу цѣлый рядъ ступеней, составлявшій очень удобную лѣстницу. Бездна часто дѣлаетъ такія любезности, но берегитесь этихъ любезностей. Кресло прельщало васъ, вы взбирались до него, и усаживались

на немъ очень покойно; вы сидите на гранитѣ, округленномъ морской пѣной, локти опираются на двѣ выбоины, точно нарочно тутъ сдѣланныя, спинкой служитъ высокая перпендикулярная скала, который вы восхищались, не думая о томъ, что на нее невозможно взобраться. Ничего не можетъ быть проще, какъ позабыться въ этомъ креслѣ; передъ вами отрывалась вся морская равнина, вы видѣли вдали, какъ приходили и уходили корабли, вы могли слѣдить за парусомъ какого-нибудь судна до тѣхъ поръ, пока онъ исчезалъ на небосклонѣ далеко за скалами Каскэ. Вы смотрѣли съ удивленіемъ, съ восторгомъ; вы чувствовали, какъ васъ ласкаетъ морской вѣтерокъ и брызги воды. Въ Капенѣ есть летучая мышь всепертилю, которая зная, что она дѣлаетъ, усыпляетъ васъ нѣжнымъ мановеніемъ своихъ крыльевъ. Здѣсь вѣтеръ заминая эту летучую мышь. Когда онъ не дѣйствуетъ разрушительно, то усыпляетъ. Вы смотрите на море, вы прислушиваетесь къ вѣтру и мало по малу погружаетесь въ какое-то восторженное забытье. Когда глаза поражены красотой и свѣтомъ, то закрыть ихъ—высокое наслажденіе. Вдругъ вы просыпаетесь. Уже поздно. Приливъ набѣжалъ. Вода окружаетъ со всѣхъ сторонъ скалу.

Вы погибли.

Страшная блокада—блоада моря.

Приливъ сначала набѣгаетъ очень медленно, но потомъ съ ужасной быстротой. Дойдя до скалъ, онъ приходитъ въ ярость, впитъ, клокочетъ. Броситься впасть опасно: тутъ слишкомъ много подводныхъ камней. Отличные пловцы тонули у Рога Бю-де-ла-Рю.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ нѣкоторыя времена—смотрѣть на море—ядъ. Это точно то же, что иногда смотрѣть на женщину.

Старинные обитатели Гернси называли эту нишу, выбитую моремъ въ скалѣ, Кресломъ Гильд-Гольм-Урь, или *Кидормуръ*. Последнее слово, говорятъ, кельтическое, но его не понимаютъ тѣ, кто знаетъ кельтическій языкъ, а понимаютъ тѣ, которые знаютъ французскій. *Qui—dort—meurt* (кто спитъ—умираетъ)—вотъ какъ переводятъ поселяне.

Можно выбирать любой переводъ—кто спитъ—умираетъ, или переводъ, сдѣланный въ 1819, бажется, въ *Armoricain* г. Атенасомъ. По словамъ этого почтеннаго изслѣдователя кельтическаго нарѣчія, Гильд-Гольм-Урь значитъ *Halte-de-troueres-d'oiseaux* (*роздыхъ стай птицъ*).

На Ориньи есть подобное кресло, называемое Кресломъ Монаха. Оно такъ ловко выточено моремъ, и подъ нимъ такъ удобно выдвигается другая скала, словно море простерло свою лбезность до того, чтобъ поставить вамъ скамейку подъ ноги.

Во время прилива, вовсе невидно кресла Гильд-Гольм-Урь. Вода совершенно покрывает его.

Кресло Гильд-Гольм-Урь было близкимъ сосѣдомъ Бю-де-ла-Рю. Жильяты зналъ это мѣсто и часто саживалъ тамъ. Размышлялъ ли онъ, сидя на этомъ креслѣ? Нѣтъ. Мы уже сказали, онъ мечталъ. Но онъ никогда не давалъ приливу застигнуть его въ распахъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

МЕСЬЯ ЛЕТЬЕРИ.

I.

Безпокойная жизнь и спокойная совесть.

Месья Летьери, важный человекъ въ Сен-Самсонѣ, былъ ярыя матросъ. Онъ совершилъ много морскихъ путешествій. Онъ былъ юнгой, парусникомъ, рулевымъ, боцманомъ, кормчимъ. Теперь онъ былъ судовладелецъ. Не было человека, который бы зналъ такъ хорошо море, какъ онъ. Онъ выказывалъ самую неустрашимую храбрость въ спасеніи утопающихъ. Въ бурное время, онъ отправлялся вдоль песчаного берега, поглядывая на горизонтъ. Чтò тамъ такое виднѣется вдаль? кто-то въ опасности. Былъ ли это люгеръ изъ Вейтута, рѣзакъ изъ Ориньи, или яхта лорда, англичанинъ, или французъ, бѣдный или богатый, или самъ чортъ, все равно—онъ бросался въ лодку и приглашалъ съ собою двухъ или трехъ храбрецовъ, а при нуждѣ обходился и безъ нихъ. Онъ самъ отвязывалъ канаты, брался за весло, выходилъ въ открытое море, нырялъ между волнами, исчезалъ въ вихрѣ, летѣлъ прямо на встрѣчу опасности. Вотъ вдалегъ, онъ виднѣлся въ ужасномъ шквалѣ, стоя въ лодкѣ, орошенный дождемъ, освѣщенный молніей, похожий на льва, у котораго грива была бы изъ морской пѣны. Цѣлый день иногда проводилъ онъ такимъ образомъ въ опасности, въ волнахъ, подъ градомъ и вѣтромъ, подавая помощь погибающимъ кораблямъ, спасая людей, грузъ, вызывая на бой самую бурю. Вечеромъ онъ возвращался домой и вязалъ чулокъ.

Впродолженіе пятидесяти лѣтъ, велъ онъ такую жизнь, съ десяти лѣтъ до шестидесяти, пока былъ молодъ. Въ шестьдесятъ лѣтъ онъ замѣтилъ, что ужъ не можетъ поднять одной рукой наковальню въ кузницѣ Варкина; эта наковальня вѣсила триста фунтовъ. Въ то же время его неожиданно сковали ревматизмы. Приходилось ему отказаться отъ моря. Тогда онъ перешелъ отъ героической эпохи въ патріархальную: онъ сдѣлался добрымъ старикомъ.

Онъ достигъ въ одно время ревматизмовъ и довольства. Эти два

продукта труда часто идутъ рука объ руку. Въ ту минуту, какъ дѣлаешься богатымъ, васъ разбиваетъ параличъ. Это вѣнецъ жизни.

Тутъ говорится: будемъ наслаждаться.

На островахъ, подобныхъ Гернсею, народонаселеніе состоитъ изъ людей, которые всю свою жизнь ходили за плугомъ вокругъ своего поля, или изъ людей, которые всю свою жизнь ходили на корабляхъ вокругъ свѣта. Это два рода пахарей: одни—земли, другіе—моря. Мессъ Летьерн принадлежалъ къ послѣднимъ. Однакожъ и земля ему была извѣстна. Его жизнь прошла въ тяжеломъ трудѣ. Онъ путешествовалъ по континенту. Онъ былъ нѣсколько времени корабельнымъ плотникомъ въ Рошфорѣ, потомъ въ Сэтѣ. Мы сейчасъ упомянули о путешествіи вокругъ свѣта: онъ сдѣлалъ путешествіе вокругъ Франціи, въ качествѣ плотника. Онъ работалъ машины для солочваренъ Франш-Конте. Жизнь этого честнаго человѣка походила, однако, на жизнь искателя приключеній. Во Франціи онъ научился читать, думать, имѣть свою волю. Онъ испробовалъ всего, и изъ всего, чтó пробовалъ, онъ извлекалъ честность. Но по самой природѣ своей онъ былъ морякъ. Вода принадлежала ему. Онъ говаривалъ, отправляясь на рыболовство: пойти *домой*, къ рыбамъ. Словомъ, вся его жизнь, исключая двухъ или трехъ лѣтъ, была посвящена океану: *спущена на воду*, какъ говаривалъ онъ самъ. Онъ плавалъ по большимъ морямъ, по Атлантическому и по Тихому, но предпочиталъ Ламаншъ. Онъ восклицалъ съ любовью: *отъто сердитое море!* Онъ на немъ родился, на немъ хотѣлъ и умереть. Сдѣлавъ одно или два кругосвѣтныхъ путешествія, узнавъ свѣтъ, онъ возвратился въ Гернсей, и оттуда уже болѣе не двигался. Съ тѣхъ поръ его путешествія ограничивались Грэнвилемъ и Сен-Мало.

Мессъ Летьерн былъ уроженцемъ Гернсея, то-есть нормандцемъ, то-есть англичаниномъ, то-есть французомъ. У него были такимъ образомъ четыре родины, погруженные и какъ-бы утонувшія въ его обширной родинѣ, океанѣ. Во всю свою жизнь и вездѣ онъ сохранилъ нравъ и обычаи нормандскаго рыбака.

Это ему не мѣшало при случаѣ открывать книгу, находить въ ней удовольствіе, знать имена философовъ и поэтовъ, болтать кое-какъ на всѣхъ языкахъ.

II.

Одна изъ его слаостей.

Жильять былъ диварь. Мессъ Летьерри былъ также диварь въ своемъ родѣ.

Этотъ диварь имѣлъ свои тонкости.

Онъ былъ разборчивъ на женскія руки.

Въ молодости, почти еще ребёнкомъ, онъ услышалъ восклицаніе судьи Сюффрена: *какая красивая дѣвушка, но что за чертовски большія, красныя руки!* Слова адмирала—всегда приказаніе, къ чему бы они ни относились. Команда выше всякаго оракула. Восклицаніе судьи Сюффрена сдѣлало Летьери разборчивымъ и требовательнымъ въ отношеніи женскихъ рукъ.

У него самого была не рука, а лопата, цвѣта краснаго дерева, дубина для врага, вѣщи для друга, и сжатая въ кулакъ дробная каменную мостовую.

Онъ не былъ женатъ. Онъ не хотѣлъ жениться, или не нашель на комъ. Можетъ быть, это произошло оттого, что ему нужны были ручки какъ у царской дочери. А такихъ не находится у портбальскихъ рыбаковъ.

Однако, говорятъ, что въ Рошфорѣ, или въ Шарантѣ, онъ когда-то нашель гризетку, которая осуществляла его идеаль. Она была красивая дѣвушка, и съ хорошенкими руками. Она злословила и царапалась какъ кошка. Горе было ее задѣть. Ея ногти, необыкновенно опрятные, дѣйствовали при нуждѣ какъ безукоризненные, безстрашные когти. Эти привлекательные ногти очаровали Летьери, потомъ его смutilи; и боясь впоследствии не быть господиномъ своей любезной, онъ не рѣшился повести ее къ вѣнцу.

Другой разъ, въ Орини ему понравилась дѣвушка. Онъ мечталъ уже о свадьбѣ, когда одинъ изъ жителей города сказалъ ему: *поздравляю васъ. Вы приобретете новую навозницу.* Онъ попросилъ, чтобъ ему истолковали эти похвалы. Въ Орини есть обычай. Беруть коровій навозъ и бросаютъ его въ стѣну. На это падо особый навыкъ. Онъ прилипаетъ къ стѣнамъ и сохнетъ, потомъ отпадаетъ и употребляется на топливо. Этотъ высушенный навозъ называется *стружками*. Женятся только на дѣвушкахъ, которыя кусны въ этомъ дѣлѣ. Это искусство испугало Летьери.

Впрочемъ, въ дѣлѣ любви или любовныхъ интрижекъ, онъ держался философіи простолюдина, мудрости матроса, котораго всегда можно поймать, но никогда нельзя сковать; онъ хвасталъ, что въ своей молодости онъ легко былъ побѣждаемъ *юбочками*. Что теперь называютъ кринолиномъ, тогда называли *юбочкой*. Это значитъ и болѣе и менѣе, чѣмъ женщины.

Эти грубые моряки нормандскаго архипелага—народъ умный: почти всѣ умѣютъ читать, и читаютъ. Вы видите по воскресеньямъ маленькихъ восьмилѣтнихъ юнговъ, сидящихъ на связѣ канатовъ съ книгами въ рукахъ. Эти нормандскіе моряки слыли за большихъ остряковъ, и, какъ теперь говорятъ, мастера на красное словцо. Это былъ одинъ изъ нихъ, именно отважный лоцманъ Керпель, который сказалъ Монгомери, бѣжавшему въ Джерсей, послѣ своего неудачнаго пырка пибой въ Генриха II, известную остро-ту: *Глупая голова сломала пустую голову.*

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Дворянскія собранія и значеніе ихъ. — Преобразованія по устройству быта государственныхъ крестьянъ. — Мѣры по части народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ. — Оппозиція законодательнаго корпуса. — Отрица въ Ирландіи закона о личной свободѣ. — Ходъ молдаво-валахскаго вопроса.

Политическій горизонтъ дѣлается какъ-то мрачнѣе и мрачнѣе въ послѣднее время, хотя, конечно, и нельзя указать на какіе-нибудь совершенно ясныя признаки. Дѣло молдаво-валахское можетъ кончиться благополучно и на конференціяхъ не будутъ страдать русскіе интересы; Австрія и Прусія могутъ еще помедлить войною, а потомъ и совсѣмъ ее отложить; Италія перестанетъ пристально смотрѣть на Венецію; графъ Бисмаркъ — на Голштинію; Франція — на Молдавію и Валахію. Австрія уладитъ свои дѣла въ Венгріи—все это можетъ быть, а между тѣмъ, какъ-то всѣмъ тяжело и всѣ чувствуютъ, что дѣйствительно есть духота въ политическомъ воздухѣ.

Можетъ быть, этой политической духотѣ послужитъ противоидіемъ только другою рода духота — финансовая, отъ которой страдаютъ всѣ государства, до невѣроятности натянувшія свои военныя силы, а съ ними бюджеты и дефициты. Дефициты эти поражаютъ даже биржевой ужасъ. Были такіе дни въ прошедшія двѣ недѣли, что на нѣмецкихъ биржахъ покупались только *американскіи бумаги*!! такъ овладѣвала спекулянтами паника отъ предстоящей войны въ Германіи.

У насъ, какъ и слѣдовало ожидать, по объявленіи второго внутренняго займа—всѣ фонды падаютъ каждую биржу, даже такіе, которыми, казалось бы, нужно было подниматься, какъ, напримеръ, выкупныя свидѣтельства и $5\frac{1}{2}\%$ рента, вслѣдствіе разрѣшенія принимать ихъ по нарицательной цѣнѣ при покупкѣ имѣній въ Западномъ Краѣ...

Въ послѣднее время было много писано и говорено о томъ положеніи, какое, послѣ уничтоженія крѣпостнаго права и открытія

земскихъ учреждений, должно занять русское дворянство среди прочихъ государственныхъ сословій. Такъ, между прочимъ, указывали на то, что дворянству, для поддержанія его значенія, должны быть предоставлены особня права, пользуясь которыми, оно и при настоящемъ земскомъ порядкѣ осталось бы привилегированной корпораціей среди земства. Совѣтъ слишкомъ книжный; онъ, такъ сказать, слишкомъ пахнетъ кабинетомъ ученаго, для того, чтобы его можно было внести въ жизнь. Нелегко изъ жизни выбросить прошедшее, и народъ ровно ничего не пойметъ, если въ дворянство вообразите чѣмъ-то въ родѣ *джентри*. Поэтому-то, осуществить высказанныя нашею печатью предложенія, оказалось невозможно ни *de jure* ни *de facto*. Мы указывали уже на то, что дворянство наше по своей имущественной обстановкѣ, ограничивающей численность его земскихъ представителей даже при не слишкомъ высокомъ цензѣ, не можетъ быть господствующимъ сословіемъ среди земства (по своей численности) и что, кромѣ того, оно по основной идеѣ земскихъ учреждений, предоставившей всѣмъ сословіямъ одинаковую степень участія въ земскихъ дѣлахъ, должно въ юридическомъ отношеніи остаться на одномъ общемъ уровнѣ съ другими сословіями. Въ то же время, на дѣлѣ и господствующія понятія и самое положеніе указываютъ дворянству опредѣленное, высшее мѣсто въ тѣхъ же земскихъ собраніяхъ, какъ сословію, болѣе другихъ развитому и политически-опытному.

Такимъ образомъ, чтобы положеніе нашего дворянства могло приноровиться къ общему государственному строю, и способствовать его дальнѣйшему развитію расширеніемъ общихъ гражданскихъ правъ, дворянству необходимо пойти такимъ путемъ, на которомъ оно, удерживая тѣ изъ своихъ правъ, которыя не отягощаютъ другихъ сословій, способствовало бы своею общественной дѣятельностію удовлетворенію современныхъ государственныхъ и социальныхъ потребностей. Въ этомъ отношеніи дворянство, какъ заключающее въ себѣ преимущественно людей образованныхъ и болѣе независимыхъ по своему положенію, можетъ не только оказать полезное участіе по дѣламъ общимъ для всѣхъ сословій, но и по нѣкоторымъ изъ нихъ принимать на себя непосредственную инициативу.

До сихъ поръ у насъ дворянство было *служебнымъ* классомъ государству, а не обществу; дворянство было первоначально тѣ же чиновники, та же администрація, которую и теперь мы видимъ; будучи помѣщикомъ, оно было полицейскимъ чиновникомъ надъ крѣпостными, управленіемъ которыхъ оно занималось; сдѣлали дворянство общественнымъ сословіемъ только земскія учреждения. Какую службу будутъ служить обществу дворяне, какъ общественные дѣятели — зависятъ отъ самихъ дворянъ, и законъ тутъ не долженъ вмѣшиваться, награждая однихъ привилегіями и обходя другія сословія. Намекъ на это проглядываетъ и въ рѣчи с.-петербургскаго генерал-губернатора князя Суворова, про-

внесенной имъ 27-го февраля при открытіи дворянскихъ выборовъ въ С.-Петербургской губерніи. По словамъ князя Суворова, «каждое сословіе обязано выражать участіе въ дѣлахъ общихъ всѣмъ сословіямъ тою долей политической опытности, практическаго знанія и нравственной силы, которую усвоило себѣ на пути историческаго развитія».

Дѣйствительно, въ настоящее время, какъ въ силу вновь устроившагося у насъ земскаго порядка, такъ и въ силу общественныхъ потребностей, дворянство не должно, да и не можетъ видѣть своихъ интересовъ изъ интересовъ земства, а слѣдовательно, оно, какъ одно изъ земскихъ сословій, не должно стремиться къ тому, чтобы образовать изъ себя сословіе чуждое пользѣ и нуждѣ всей русской земли и заниматься исключительно своими сословными дѣлами. Участіе дворянства въ дѣлахъ земства, какъ сословія болѣе способнаго въ общей своей совокупности къ государственной дѣятельности, можетъ имѣть большое вліяніе надъ всѣмъ земствомъ, но не въ силу какихъ-нибудь новыхъ привилегій, а только въ силу того положенія, которое оно успѣло занять однажды. Нравственное вліяніе—вотъ единственная сила нашего времени, а этой силы, по нашему мнѣнію, у дворянства болѣе, нежели въ другихъ сословіяхъ. Всякая привилегія дѣлаетъ сословію болѣе вреда чѣмъ пользы, и всякій кто желаетъ добра нашему высшему сословію, долженъ постоянно повторять эту аксіому. Если уничтоженіе крѣпостнаго права, этихъ путь, затруднявшихъ передовое движеніе дворянства, поколебало условія матеріальнаго его быта, то нельзя не согласиться, что почти въ то же время земскія учрежденія доставили дворянству нравственное преобладаніе надъ прочими сословіями. Въ этомъ легко убѣдиться, если сообразить, что дворянство хотя и составляетъ у насъ едва $\frac{1}{140}$ часть всего населенія, но что при этомъ условіи изъ 1,181 лица, выступившаго на новое поприще земской дѣятельности, въ званіи гласныхъ, 854 принадлежатъ къ дворянству, и что, кромѣ того, многіе представители этого сословія явились въ земскихъ учрежденіяхъ въ качествѣ представителей крестьянскаго сословія. Безъ всякаго сомнѣнія, дворянство по отношенію къ болѣе широкой общественной дѣятельности должно въ виду упомянутаго своего сословнаго перевѣса быть болѣе довольно занятымъ имъ въ настоящее время положеніемъ, нежели тѣмъ, которое отводило ему прежде крѣпостное право, и которое обуславливалось собственно только матеріальнымъ достаткомъ каждаго дворянина, почти помимо личныхъ его качествъ. Дворянство, какъ земская сила, какъ главный проводникъ въ земство полезныхъ идей, не только не утратило своего значенія, но даже, напротивъ, приобрѣло новое, нравственное вліяніе. При этихъ условіяхъ, дворянству нужно сознать выгоды своего положенія и воспользоваться имъ, но только не для своихъ сословныхъ, а для общихъ земскихъ интересовъ. Стремленіе дворянства къ замѣнутости не принесетъ ему, при настоящемъ земскомъ строѣ, никакой пользы, но только породитъ

разрозненность въ слагающемся у насъ земствѣ. Такая разрозненность, вызывая безполезный сословный антагонизмъ, отвзвѣсаетъ весьма неблагоприятно на всемъ и лишаетъ дворянство возможности «выражать участіе въ дѣлахъ общихъ всѣмъ сословіямъ, тою долею политической опытности, практическаго знанія и нравственной силы, которая усвоена имъ.»

Но если таково должно быть современное значеніе нашего дворянства въ земскихъ дѣлахъ, по которымъ оно поставлено въ одинъ общій уровень съ прочими сословіями, то независимо отъ этого, у дворянства остается еще, въ силу дѣйствующихъ узаконеній, особое право. Пользуясь этимъ правомъ, дворянство, если только оно желаетъ быть дѣйствительно передовымъ сословіемъ, можетъ оказывать существенную услугу всему земству и, такъ-сказать, восполнять недостающее у него право своимъ сословнымъ, исключительнымъ правомъ. По силѣ 135 ст. IX т. Свода Законовъ о состояніяхъ, кн. I, разд. I, «представленія дворянствомъ губернскому начальству и высшему начальству о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій или объ устраненіи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, *хотя бы они и происходили отъ общаго какого-либо постановленія*, не считаются противозаконными, когда они изложены съ соблюденіемъ всѣхъ приличій».

Сознаніе и поддержка дворянствамъ такого, хотя и сословнаго права, предоставленнаго ему закономъ, не только не можетъ считаться привилегіею отяготительною для прочихъ сословій, но, напротивъ, при вѣрномъ пониманіи дворянствомъ земскихъ интересовъ, должно служить къ пользѣ всѣхъ сословій. Законъ предоставляетъ дворянству указывать правительству на «такія общія постановленія», которыя порождаютъ неудобства въ мѣстномъ управленіи и, слѣдовательно, даетъ дворянству средство, независимо отъ его участія въ мѣстныхъ дѣлахъ наравнѣ съ прочими земскими сословіями, еще особое, весьма вліятельное право.

Само собою разумѣется, что въ практическомъ отношеніи весьма трудно опредѣлить, до какой степени удобно и возможно дворянству пользоваться этимъ правомъ. Во всякомъ случаѣ, оно существуетъ и вполне легально ставить дворянство, въ извѣстныхъ случаяхъ, главнымъ представителемъ всего земства, лишеннаго въ своихъ сословныхъ подраздѣленіяхъ подобнаго преимущества.

Отрѣшеніе дворянства отъ своихъ исключительно сословныхъ выгодъ и выраженіе имъ участія къ дѣламъ общимъ для всѣхъ сословій—участія, допускаемаго силою закона, не можетъ не вызывать всеобщаго сочувствія. Этимъ самымъ объясняется и произведенное въ пользу дворянства впечатлѣніе по поводу выраженнаго дворянствомъ С.-Петербургской губерніи взгляда на его обязанности и на его отношенія къ земству, помимо какихъ-либо сословныхъ стремленій.

Крестьянское дѣло, до сихъ поръ имѣющее такой громаднй интересъ по своему политическому и сословному значенію, можно считать законченнымъ только въ административномъ отношеніи вслѣдствіе высочайшаго повелѣнія о преобразованіи общественнаго управленія государственныхъ крестьянъ и о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ и уѣздныхъ, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. До этой мѣры въ сельскомъ нашемъ населеніи была административно-хозяйственная двойственность, производившая замѣтную разницу между бытомъ прежнихъ помѣщичьихъ крестьянъ и бытомъ такъ-называемыхъ государственныхъ крестьянъ. Послѣдніе до настоящаго времени, несмотря на предоставленную имъ личную свободу, считались какъ бы собственностью государства и представлялись, по нѣкоторымъ условіямъ своего быта, неполноправными лицами. Само собою разумѣется, что при существованіи крѣпостнаго права положеніе государственныхъ крестьянъ не было особю аномаліею, потому что если у частныхъ лицъ въ числѣ различныхъ, принадлежавшихъ имъ имуществъ, находились и крестьяне, то тѣмъ болѣе могло пользоваться правами такого владѣнія государство. Измѣненіе быта прежнихъ помѣщичьихъ крестьянъ неизбѣжно должно было повлечь за собою перемѣну и въ положеніи государственныхъ крестьянъ, которые должны были выдѣлиться изъ ряда государственныхъ имуществъ и примкнуть къ массѣ свободнаго сельскаго населенія, получившаго новую организацію. Мѣра, о которой мы говоримъ, не только должна будетъ уравновѣситъ вслѣдствіи права всѣхъ сельскихъ обывателей, но и придать завѣдыванію ими болѣе единства и стройности, причемъ, конечно, представится возможность сберечь, въ пользу казны, часть тѣхъ суммъ, которыя, при прежнемъ порядкѣ, расходовались на особое управленіе государственными крестьянами.

Въ силу упомянутаго распоряженія, государственные крестьяне всѣхъ наименованій подчиняются вѣдѣнію общихъ губернскихъ и уѣздныхъ управленій, а также мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений, на основаніи высочайше-утвержденныхъ 19 февраля 1861 года Положеній о крестьянахъ и дополнительныхъ постановленій. Но вмѣстѣ съ этимъ, государственнымъ крестьянамъ сохраняются всѣ тѣ права, которыми они до сихъ поръ пользовались, а равно не отнимаются и тѣ особыя преимущества, которыя дарованы нѣкоторымъ изъ состоящихъ въ вѣдѣніи управленія государственныхъ имуществъ разрядамъ сельскихъ обывателей, на основаніи особыхъ о каждомъ изъ нихъ положеній.

Это условіе, представляющее еще полное уравненія правъ всѣхъ сельскихъ обывателей, необходимо было допустить на первыхъ порахъ, такъ-какъ условія поземельнаго и общественнаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ съ одной стороны и государственныхъ съ другой представляютъ, во многихъ отношеніяхъ, существенную разницу, которая можетъ быть уничтожена только постепенно.

Такъ, поземельное устройство крестьянъ, водворенныхъ на государственныхъ земляхъ, оставлено безъ измѣненія, впредь до особаго объ этомъ постановленія. Что же касается платежа оброка за государственную землю, имъ отмежеванную, податей, денежныхъ сборовъ и отправленія повинностей, то упомянутые крестьяне будутъ уплачивать и отбывать ихъ на прежнемъ основаніи. Сверхъ того, на общемъ основаніи, государственные крестьяне облагаются сборомъ на содержаніе мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учреждений. По всей вѣроятности, общая сумма сборовъ съ этихъ крестьянъ на администрацію должна будетъ измѣниться послѣ того, какъ управленіе государственныхъ имуществъ сократится въ личномъ его составѣ, за изъятіемъ изъ его вѣдомства крестьянскихъ дѣлъ. При прежнемъ же порядкѣ, особая по управленію государственными крестьянами администрація имѣла слишкомъ обширный кругъ занятій, къ числу которыхъ, между прочимъ, относился: устройство крестьянскаго землевладѣнія, и разрѣшеніе споровъ между крестьянами и недоразумѣній, возникающихъ по владѣнію ими казенными землями. Само собою разумѣется, что послѣ окончательнаго поземельнаго устройства государственныхъ крестьянъ, число дѣлъ этого рода значительно уменьшится, а слѣдовательно представится возможность и къ сокращенію личнаго состава не только въ мѣстныхъ, но и въ центральныхъ управленіяхъ государственными имуществами.

Сельское управленіе, волости и общества, а также и крестьянскіе суды получаютъ одинаковое устройство съ тѣмъ, какое существуетъ въ волостяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Увольненіе государственныхъ крестьянъ изъ сельскихъ обществъ и приписка къ этимъ обществамъ производится, съ нѣкоторыми частными изъятіями, по правиламъ, установленнымъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года. Ближайшее сліяніе государственныхъ крестьянъ съ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, будетъ происходить въ тѣхъ случаяхъ, когда селенія крестьянъ-собственниковъ или временно-обязанныхъ находятся между селеніями государственныхъ крестьянъ и наоборотъ, такъ какъ тогда допускается соединеніе въ одной волости обществъ и тѣхъ другихъ крестьянъ. По общему же правилу, составъ существующихъ у государственныхъ крестьянъ волостей не измѣняется безъ дѣйствительной надобности. Такимъ образомъ упомянутое соединеніе волостей будетъ зависѣть отъ мѣстныхъ условій. Отъ большаго или меньшаго числа такихъ случаевъ въ значительной степени будетъ зависѣть полное административное объединеніе сельскихъ обывателей, безъ котораго неизбѣжно будутъ представляться нѣкоторыя неудобства. Вообще, можно сказать, что несмотря на передачу государственныхъ крестьянъ въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ, а также мѣстныхъ по крестьянскихъ дѣламъ управленій, они окончательно могутъ слиться съ временно-обязанными крестьянами и крестьянами-собственниками только послѣ поземельнаго ихъ устройства и введенія однообразныхъ денежныхъ сборовъ.

Если преобразование быта государственныхъ крестьянъ представляется весьма важнымъ собственно по отношенію къ лицамъ этого сословія, то вообще эта мѣра имѣеть большое значеніе и по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ. Государственные крестьяне составляютъ весьма значительную часть сельскаго населенія, принимающаго ближайшимъ образомъ участіе въ дѣлахъ земства. Между тѣмъ прежній порядокъ управленія государственными крестьянами весьма-замѣтно неблагопріятствовалъ правильному развитію земскихъ интересовъ, основанныхъ, прежде всего, на мѣстномъ самоуправленіи. При существованіи крѣпостнаго права, положеніе государственныхъ крестьянъ сравнительно съ положеніемъ крестьянъ помѣщичьихъ, представляло для первыхъ значительныя преимущества, такъ-какъ государственные крестьяне пользовались въ извѣстной степени зачатками самоуправления. Между тѣмъ, послѣ введенія въ дѣйствіе Положенія 19 февраля 1861 года, и въ особенности послѣ введенія «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ», самоуправленіе государственныхъ крестьянъ не соотвѣтствовало уже развитію самоуправления въ обществахъ бывшихъ крѣпостныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, а по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ оно представлялось ошутительнымъ противорѣчіемъ. Государственные крестьяне, находившіеся въ административной зависимости отъ особо учрежденнаго для нихъ управленія, не принимали сами участія въ земскихъ дѣлахъ. Ихъ прямое представительство въ этомъ случаѣ было замѣнено административною опекою начальствовавшихъ надъ ними лицъ. Очень понятно, что при этомъ условіи наше земство явилось на первыхъ порахъ далеко не въ полномъ своемъ составѣ. По этой причинѣ, интересы значительной части земства были обсуждаемы не столько въ смыслѣ общественныхъ, сколько въ смыслѣ базенныхъ интересовъ. Съ измѣненіемъ прежняго положенія государственныхъ крестьянъ, къ составу земства присоединяются новыя самостоятельныя силы, и земскія учрежденія получаютъ вслѣдствіе этого большее развитіе тѣхъ началъ, на которыхъ они основаны.

Въ ряду разныхъ мѣръ, приводимыхъ нынѣ въ исполненіе правительствомъ въ Царствѣ Польскомъ, нельзя не считать важнѣйшими тѣ изъ нихъ, которыя относятся къ системѣ народнаго образованія.

Еще въ августѣ 1864 года, были установлены коренныя начала для устройства и улучшенія учебной части въ Царствѣ Польскомъ. Въ то время были изданы правила о народныхъ училищахъ, какъ для городскихъ, такъ, въ особенности, для сельскихъ жителей всѣхъ племенъ и вѣроисповѣданій, а вмѣстѣ съ тѣмъ было признано необходимымъ развитъ и усовершенствовать систему среднихъ учебныхъ заведеній въ примѣненіи къ потребно-

ствямъ различныхъ населеній царства. Тогда же, послѣ немедленнаго открытія въ Варшавѣ русской гимназіи, приступлено было къ составленію подробныхъ уставовъ и штатовъ, какъ для прочихъ среднихъ, такъ и высшихъ учебныхъ заведеній, примѣнительно къ уставамъ, дѣйствующимъ въ Россіи. Нынѣ эти уставы и штаты высочайше утверждены и обнародованы, но прежде чѣмъ мы будемъ говорить о нихъ, мы считаемъ нужнымъ остановиться вообще на вопросѣ о системѣ народнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ.

Не подавляя элементовъ никакой народности въ царствѣ, даже покровительствуя имъ, правительство сочло нужнымъ принять вообще въ Царствѣ Польскомъ такіа мѣры, которыя предотвратили бы только ополяченіе русскихъ и нѣмцевъ. Система эта признана на столько либеральною даже въ Европѣ, что заслужила тамъ похвалы нашему правительству, очень рѣдкія въ наше время. На такомъ взглядѣ правительства основана вводимая нынѣ въ Царствѣ Польскомъ система народнаго образованія, при которой обучающаеся юношество, устранимое отъ преобладанія надъ нимъ вліянія польской народности, получаетъ научное образованіе въ заведеніяхъ, приспособленныхъ къ потребностямъ различныхъ населеній въ царствѣ.—Какіе результаты приведетъ эта система — покажетъ будущее.

Такимъ образомъ нынѣ, кромѣ русской гимназіи, открытой въ Варшавѣ, учреждаются въ Царствѣ Польскомъ: а) мужскія гимназіи и прогимназіи для польскаго населенія, б) мужскія гимназіи и прогимназіи для русскаго греко-уніатскаго населенія, в) главное нѣмецкое евангелическое училище въ Варшавѣ, г) нѣмецкая реальная гимназія въ городѣ Лодзи, д) женскія гимназіи и прогимназіи, е) педагогическіе курсы для польскаго, ж) такіе же курсы для русскаго греко-уніатскаго населенія и з) для литовскаго населенія.

Хотя вообще принципъ національностей и вѣроисповѣданій не можетъ быть исходною точкою для распредѣленія учебныхъ заведеній на отдѣльныя категоріи, особенно въ государствѣ политически-сильномъ и котораго части органически соединены между собою, но, къ сожалѣнію, относительно этого Царство Польское представляетъ уважительную особенность. Въ такой странѣ, гдѣ различныя религіозности и національности, подъ вліяніемъ политической обстановки, борются между собою, устраненіе въ учебныхъ заведеніяхъ возможности подобной борьбы, развивающей еще болѣе фанатизмъ и нетерпимость съ самыхъ раннихъ лѣтъ, можетъ быть и принести свою пользу. Русскій языкъ получилъ въ некоторыхъ значеніи въ гимназіяхъ, потому что на немъ будутъ преподаваться исторія и географія; но на сколько это знаніе русскаго языка будетъ примѣняться къ жизни—зависитъ уже не отъ учебныхъ заведеній, а отъ всего строя жизни политической и общественной.

Что же касается религиозных и национальных элементов, которые существуют въ Царствѣ Польскомъ и въ виду которыхъ предпринято указанное выше распредѣленіе учебныхъ заведеній, то объ этомъ можно сказать слѣдующее:

На общее число жителей въ Царствѣ Польскомъ, простиравшееся передъ возстаніемъ до 4.840,466 душъ обоего пола, приходилось: православныхъ 24,308, униатовъ 218,928, раскольниковъ 3,893, послѣдователей евангелическо-аугсбургскаго исповѣданія 281,748, менонистовъ 1,566, герингтеровъ 1,932, реформатовъ 6,018, евреевъ 612,098 и магометанъ 294. Изъ общаго итога этихъ цифръ, простирающагося до 1.155,775, видно, что слишкомъ $\frac{1}{5}$ часть всего населенія въ Царствѣ Польскомъ не принадлежитъ къ господствующей тамъ религіи. Эта часть населенія получаетъ еще большее значеніе вслѣдствіе своего топографическаго населенія, такъ-какъ русско-униатское и нѣмецкое населенія сосредоточены въ особыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ они составляютъ преобладающую часть населенія.

Гимназін и прогимназін для польскаго населенія, въ силу новаго устава, раздѣляются на классическія и реальныя, сообразно съ мѣстными потребностями и представляющимися для того средствами. Упомянутыя заведенія содержатся на счетъ правительства, но въ то же время допускается открытіе этихъ заведеній на счетъ общественныхъ суммъ и частныхъ пожертвованій. Въ классическихкихъ гимназіяхъ преподаются, между прочимъ предметами, польскій языкъ и польская словесность, а также исторія и географія Польши; эти же предметы, въ одинаковомъ объемѣ, преподаются и въ четырехъ высшихъ классахъ реальныхъ гимназій.

Русскія гимназін и прогимназін, какъ сказано въ уставѣ, имѣютъ цѣлью доставить воспитывающемуся въ нихъ русскому юношеству греко-униатскаго вѣроисповѣданія общее образованіе «въ духѣ своей народности». Онѣ также раздѣляются на классическія и реальныя. Въ нихъ преподается польскій языкъ, но не преподается польская словесность; въ этихъ гимназіяхъ обоихъ разрядовъ введено, въ одинаковомъ объемѣ, преподаваніе церковно-славянскаго языка. Цѣль варшавскаго главнаго евангелическаго училища—дать дѣтямъ обоего пола нѣмецкаго происхожденія и евангелическаго исповѣданія общее образованіе «въ духѣ ихъ религіи» и въ объемѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Училище это содержится на счетъ казны царства. Другое нѣмецкое училище, съ реальнымъ направленіемъ, учреждается въ городѣ Лодзи, населенномъ почти исключительно нѣмцами, занимающимися тамъ фабричною промышленностію.

Педагогическіе курсы, какъ мы видѣли, тоже распредѣляются на основаніи національностей. Цѣль ихъ—приготовить первоначаль-

чальныхъ учителей для населеній польскаго, русскаго, нѣмецкаго и литовскаго. Въ этихъ курсахъ ученіе продолжается три года. Въ первые два года ученіе въ нихъ должно быть по преимуществу теоретическое, а въ послѣднемъ году по преимуществу практическое. При этихъ курсахъ предполагается открыть первоначальныя образцовыя училища, а также, по мѣрѣ возможности, устраивать сады для приученія воспитанниковъ въ садоводству и огородничеству. Преподаваніе въ педагогическихъ курсахъ производится на языкѣ той національности, для которой они предназначаются, съ нѣкоторымъ, впрочемъ, исключеніемъ въ педагогическихъ курсахъ для польскаго населенія, гдѣ на русскомъ языкѣ преподаются преимущественно всеобщая исторія и географія, такъ же какъ исторія и географія Россіи и Польши.

Что касается женскихъ заведеній, то они учреждаются подъ названіемъ гимназій и прогимназій и, по словамъ устава, имѣютъ цѣлью дать учащимся въ нихъ общее образованіе, основанное на началахъ христіанской вѣры и нравственное. Заведенія эти не распределяются, какъ мужскія, по различнымъ національностямъ.

Если затѣмъ мы примемъ въ соображеніе, что еврейское населеніе въ Царствѣ Польскомъ имѣетъ свои собственныя училища, то увидимъ, что тамъ будутъ существовать учебныя заведенія для поляковъ, русскихъ, нѣмцевъ, литовцевъ и евреевъ. Само собою разумѣется, что только время можетъ показать дѣйствительные результаты такой системы народнаго образованія, которая, впрочемъ, какъ мы это замѣтили, соответствуетъ общей системѣ, принятой нынѣ правительствомъ по отношенію къ Царству Польскому.

Въ политической жизни Франціи произошла съ нѣкотораго времени замѣтная перемѣна. Въ законодательномъ корпусѣ стала образоваться оппозиція, правда, еще слабая, но тѣмъ не менѣе показывающая, что и правительство и общественное мнѣніе стали относиться къ государственнымъ вопросамъ нѣсколько иначе, нежели относились они нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Какъ бы ни была ничтожна сама по себѣ оппозиція въ представительномъ собраніи, все же она свидѣтельствуетъ о нѣкоторой степени либерализма и со стороны правительства. Допускающая оппозицію высказывать ея требованія, правительство тѣмъ самымъ, волей или неволей, отказывается отъ своей непогрѣшимости, и если оно не исполняетъ почему либо требованія, заявляемыя оппозиціей, то все же оно старается найти въ нихъ руководятельныя для себя указанія и сообразоваться съ отголоскомъ общественнаго, болѣе или менѣе самостоятельнаго мнѣнія.

Сама оппозиція рождается и развивается вслѣдствіе несогласія во взглядахъ на государственныя дѣла, принятыхъ съ одной сто-

роны правительствомъ, а съ другой — представителями націи. Хотя нерѣдко оппозиціонная борьба доходитъ до мелочныхъ стычекъ и пустыхъ выходовъ, тѣмъ не менѣе однако въ принципѣ она представляетъ весьма важное и, можно даже сказать, существенное условіе для успѣшнаго развитія конституціоннаго порядка. Оппозиціонная борьба въ какомъ бы видѣ она ни представлялась, всегда касается важнѣйшихъ государственныхъ интересовъ; она возбуждаетъ энергію партій. Совершенное отсутствіе оппозиціи свидѣтельствуетъ объ отсутствіи живыхъ силъ въ представительныхъ собраніяхъ, а также о томъ, что правительство взяло рѣшительный перевѣсъ надъ представителями страны и ея общественнымъ мнѣніемъ. Существованіе оппозиціи обуславливается, прежде всего, правомъ свободной рѣчи въ палатахъ, а нельзя не согласиться, что это условіе составляетъ первую основу представительнаго правленія. Безъ него народное представительство теряетъ свое дѣйствительное значеніе и существуетъ только какъ обманчивый призракъ.

Съ точки зрѣнія всѣхъ европейскихъ конституцій, оппозиція признается законною только тогда, когда она бываетъ направлена противъ мѣръ, принимаемыхъ или предлагаемыхъ правительствомъ, а не противъ него самого. Въ этомъ случаѣ оппозиція представляется уже революціонною агитаціею, и правительства силатся подавить ее чрезвычайными мѣрами. Оппозиціонная борьба, внѣ конституціонныхъ правъ, предоставляемыхъ народному представительству, переходитъ въ раздоръ между ними и правительствомъ. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что въ странѣ будетъ продолжаться конституціонный порядокъ, вызвавшій къ жизни оппозицію, и что она не будетъ подавлена какою нибудь рѣшительною мѣрою, принятою правительствомъ. Подобное положеніе дѣлъ возникаетъ очень часто не по винѣ одной только оппозиціи, но и вслѣдствіе той системы, которой держится правительство. Ограничивая права палатъ, перетолковывая по своему ту или другую статью конституціи въ ущербъ правъ, предоставленныхъ представителямъ страны, оно даетъ ложное направленіе оппозиціонной дѣятельности, которая превращается въ упорное, а иногда даже и въ слѣпое противодействие правительству изъ вражды и недовѣрія къ нему. По своей основной идее, оппозиція должна быть прежде всего охранительницею однажды утвержденныхъ конституціонныхъ правъ народа и, не вызывая крутыхъ переворотовъ, содѣйствовать развитію этихъ правъ своею стойкостію, а не наступательными дѣйствіями.

При нормальномъ ходѣ дѣлъ, оппозиція всегда состоитъ изъ меньшинства; если же къ ней примыкаетъ большинство, то она дѣлается уже властью, и тогда сама вызываетъ противъ себя оппозицію со стороны своихъ противниковъ. Оппозиція, въ настоящемъ ея значеніи, не требуетъ отъ сторонниковъ ея, чтобы между всѣми ними существовало постоянное единомысліе, и чтобы

они вообще относились непріязненно къ каждой правительственной мѣрѣ. Опозиція всего сильнѣе бываетъ тогда, когда къ ней по какому-нибудь отдѣльному вопросу примыкають представители разныхъ партій, несходящихся между собою по другимъ вопросамъ. Въ виду такого состава оппозиціи, правительство не можетъ не сознать справедливости ея требованій, замѣчая, что для достиженія извѣстной цѣли уклоняются отъ поддержки правительства даже и такіе люди, на которыхъ оно можетъ рассчитывать въ другихъ случаяхъ. При такомъ составѣ оппозиція можетъ безъ насильственныхъ переворотовъ достигнуть иногда коренныхъ преобразованій въ конституціонномъ быту страны и дать совершенно иное направленіе дѣятельности и намѣреніямъ правительства.

Такъ-какъ въ большинствѣ случаевъ оппозиція составляетъ въ видахъ противодѣйствія нелиберальнымъ намѣреніямъ правительства, и такъ-какъ правительство, въ сравненіи съ оппозиціею представляется сильнѣйшею стороною, то обыкновенно оппозиція пользуется популярностью. Изъ этого общаго правила представляются, однако, время отъ времени, исключенія, такъ что иная оппозиція бываетъ гораздо менѣ либеральна, нежели само правительство. Это замѣчаніе относится почти исключительно къ такимъ странамъ, гдѣ существуютъ верхнія палаты, члены которыхъ нерѣдко отстаиваютъ свои права и привилегіи въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство склоняется къ тому, чтобы уничтожить или ослабить ихъ. Такъ, напримѣръ, еслибы во главѣ прусскаго правительства, вмѣсто графа Бисмарка, поддерживающаго феодальную и юнкерскую партію, стало лицо, сочувствующее современнымъ потребностямъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, настоящую оппозицію въ палатѣ депутатовъ замѣнила бы оппозиція въ палатѣ господъ и, конечно, эта оппозиція не была бы уже либеральной. Если вообще оппозиція имѣютъ характеръ прогрессивный, то это не исключаетъ возможности ихъ существованія съ характеромъ реакціоннымъ и даже ретрограднымъ.

Сдѣлавъ эти общія замѣчанія о значеніи и характерѣ оппозиціи, мы остановимся надъ тѣмъ, чѣмъ заявила свою дѣятельность оппозиція французскаго законодательнаго собранія въ настоящей его сессіи.

Оппозиція, независимо отъ ея численности въ представительномъ учрежденіи, можетъ быть сильна только тогда, когда она опирается на желанія и стремленія страны. Во Франціи въ послѣднее время оппозиціонныя стремленія проявились среди самаго населенія, и это позволило оппозиціи, составлявшейся въ средѣ законодательнаго корпуса, выступить съ нѣкоторою увѣренностію въ своихъ силахъ. Послѣдніе выборы депутатовъ показали на-

строение умовъ во Франціи, и правительство, въ виду этого, должно было довольствоваться кандидатами сомнительной въ немъ преданности. Теперь усиленіе оппозиціи въ законодательномъ корпусѣ будетъ много зависѣть отъ поддержки ея извнѣ, но на это она можетъ рассчитывать только тогда, когда она, не тратя своихъ силъ на мелочные споры съ правительствомъ, воснется тѣхъ важныхъ вопросовъ, которыми въ особенности заинтересовано общественное мнѣніе во Франціи. Такъ, напримѣръ, если она будетъ отстаивать самое широкое право сходокъ, петицій и ассоціацій, то она подготовитъ для себя сильную поддержку въ массахъ. На то же самое она можетъ рассчитывать, если потребуетъ измѣненія закона о конскрипціяхъ. Вопросами итальянскимъ, римскимъ, польскимъ и мексиканскимъ нельзя увлечь французовъ въ настоящее время — они могли понять всю бесплодность преній о внѣшней политикѣ; ихъ могутъ затронуть только ближайшіе въ нимъ и до сихъ поръ неподнятые оппозиціею вопросы. Здѣсь будетъ и новизна, и предметы первостепенной важности для важдаго француза.

Въ настоящее время, во Франціи существуютъ и оппозиція и контр-опозиція. Первая въ законодательномъ корпусѣ, послѣдняя — въ сенатѣ. Пренія объ адресѣ въ сенатѣ кончились тѣмъ, что сенаторы, въ знакъ преданности своей императорскому правительству, выразили стремленія еще болѣе консервативныя, нежели самъ императоръ въ своей тронной рѣчи. Такой ходъ дѣлъ не только не затрудняетъ положеніе императора Наполеона, но, напротивъ, даже благопріятствуетъ ему въ томъ отношеніи, что онъ, ссылаясь на разнородныя заявляемыя передъ нимъ требованія, можетъ держаться середины, проповѣдуя либеральныя тенденціи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда оппозиція законодательнаго корпуса, въ лицѣ своихъ бойкихъ ораторовъ, заявляетъ, что Франція, при настоящемъ порядкѣ, пользуется слишкомъ мало политической свободой — сенатъ, напротивъ, находитъ, что такого рода свобода предоставлена французамъ въ избыткѣ. Оппозиція законодательнаго корпуса настаиваетъ на скорѣйшемъ возвращеніи французскихъ войскъ изъ Мексики, а въ сенатѣ считаютъ нужнымъ — даже противъ заявленія самого императора — хлопотать о посылкѣ туда новыхъ подкрѣпленій. Въ законодательномъ корпусѣ оппозиція высказывается противъ поддержки свѣтской власти папы и самъ императоръ весьма уклончиво отвѣчивается въ своей тронной рѣчи объ этомъ вопросѣ, а между тѣмъ, контр-опозиція въ сенатѣ указываетъ прямо на необходимость поддержанія «свѣтской» власти римскаго первосвященника. Съ тою же уклончивостію отозвался императоръ и о политикѣ Франціи въ отношеніи къ сѣверо-американскимъ штатамъ по поводу мексиканскихъ дѣлъ, а между тѣмъ, контр-опозиція, прикрываясь патріотическими чувствами, поддерживаетъ тайныя намѣренія императора на счетъ замедленія вывода французскихъ

войскъ изъ Мексики, заявляя, что «французы привыкли удалиться только въ свою пору». Императорское правительство, избираемъ меровъ изъ числа городскихъ совѣтниковъ, захотѣло придать муниципалитетамъ отгѣнокъ большей самостоятельности, между тѣмъ, контр-опозиція считаетъ это неумѣстнымъ, и полагаетъ, что меры должны быть не выборными лицами, но чиновниками, назначаемыми отъ правительства. Наконецъ, въ области политическихъ грезъ, вызванныхъ идеями нынѣшняго императора французъ, преданный ему сенатъ спѣшитъ къ нему съ поддержкой, заявляя, что въ конституціи 1852 года заключаются тѣ принципы свободы, дальнѣйшее развитіе которыхъ зависятъ отъ общественнаго мнѣнія, и въ то время, когда оппозиція пытается требовать движенія впередъ, исполненія обѣщаній, расширенія свободы, короче, того фантастическаго увѣнчанія зданія, на которое любить намекать и императоръ, контр-опозиція начинаетъ требовать не только остановки, но и движенія назадъ.

Вообще можно сказать, что французскіе сенаторы, счастливые своимъ официальнымъ положеніемъ, не гоняются за политическимъ значеніемъ, и довольствуются милостями императора, обращая на него и ту отвѣтственность, которая въ будущемъ можетъ пасть на его систему. Въ этомъ нельзя видѣть ничего страннаго, если сообразить, что французскій сенатъ составленъ преимущественно изъ людей, служившихъ съ одинаковымъ усердіемъ всѣмъ правительствамъ, существовавшимъ во Франціи въ послѣднее время. Такія личности — ничего болѣе, какъ наемные агенты, готовые стать подъ всякое знамя, они — своего рода политическіе кондотьеры, а потому нѣтъ ничего удивительнаго, что среди нихъ такіе сенаторы, какъ маркизъ Буасси или Бонжанъ, люди безъ особаго политическаго такта, кажутся замѣчательными явленіями, и своими смѣлыми возгласами успѣваютъ обратить на себя вниманіе Франціи и преслѣдованія со стороны офиціозной прессы.

Между тѣмъ, по конституціи 1852 года, сенатъ имѣетъ самое важное значеніе, такъ-какъ онъ предназначенъ быть охранителемъ правъ французскаго народа, и своими постановленіями можетъ измѣнять и истолковывать статьи конституціи. Надобно впрочемъ замѣтить, что вся дѣятельность французскаго сената, по его собственной инициативѣ, выразилась до сихъ поръ только въ составленіи «Сельскаго устава». Во всѣхъ другихъ случаяхъ онъ былъ покорнымъ орудіемъ Наполеона и, между прочимъ, предложилъ Франціи возстановленіе имперіи въ пользу Луи Бонапарте.

При такихъ условіяхъ, оппозиція законодательнаго корпуса, не выходя изъ круга правъ, предоставленныхъ ему конституціей, можетъ развиваться слишкомъ слабо, особенно если она не будетъ находить для себя поддержки извнѣ. При настоящемъ личномъ составѣ этого конституціоннаго органа, оппозиціи трудно пріобрѣсти существенное значеніе, и только новые выборы депутатовъ, въ 1869 году, могутъ усилить оппозицію законода

тельнаго корпуса, и показать, на сколько нинѣшняя Франція сочувствуетъ своимъ либеральнымъ представителямъ.

Уже съ давнихъ поръ считаютъ англичане главною основой своихъ гражданскихъ правъ личную свободу, огражденную еще въ началѣ XIII вѣка, такъ-называемою «Великою Хартіею». Понятіе о правѣ личной свободы до такой степени сродно англичанамъ, что еще въ XIV вѣкѣ одинъ изъ должностныхъ лицъ въ Англіи заявилъ, что если король велитъ ему, даже въ своемъ присутствіи, взять кого-нибудь подъ стражу, то арестованный имѣетъ право начать противъ него искъ за исполненіе незаконнаго приказанія. Несмотря однако на это, королевская власть весьма часто нарушала въ Англіи право личной свободы, и прибѣгала въ подобныхъ случаяхъ къ разнымъ ухищреніямъ. Такъ, напримѣръ, арестованныхъ по королевскому повелѣнію переводили тайкомъ изъ одной тюрьмы въ другую, или посылали въ Ирландію и Шотландію, гдѣ законъ «о личной свободѣ» не имѣлъ еще въ то время своей силы. Примѣру государей подражали и приближенныя къ нимъ лица, которые нерѣдко, по своему произволу, заперывали, на долгое время, въ тюрьмы тѣхъ, кто навлекалъ на себя ихъ немилость.

27 мая 1679 году былъ изданъ законъ, извѣстный подъ именемъ «Habeas corpus», положившій конецъ такой самовластной расправѣ. Этотъ законъ получилъ названіе «Habeas corpus» отъ формулы того предписанія, которое представлялось тюремщику и которое обязывало его или освободить немедленно или предъяснить судебной власти упомянутое въ предписаніи лицо, находившееся въ заключеніи. Содержавшійся подъ стражей долженъ быть представленъ въ судъ, который поставляетъ или о выпускѣ его на свободу безусловно, или съ представленіемъ залога, или объ отдачѣ его снова подъ стражу. Въ такомъ видѣ законъ «Habeas corpus» существуетъ до настоящаго времени.

Только одинъ парламентъ имѣетъ право приостановить дѣйствіе этого закона, и онъ уже нѣсколько разъ пользовался этимъ правомъ. Такъ, въ 1777 году, когда сѣверо-американскія колоніи возстали противъ своей метрополи, былъ изданъ законъ, уполномочивавшій короля «помѣщать въ надежное мѣсто лица, навлекшія на себя подозрѣнія въ государственной измѣнѣ въ Сѣверной Америкѣ или въ открытомъ морѣ». Надобно, впрочемъ, замѣтить, что тогда возмущившіяся колоніи провозгласили уже свою независимость, такъ что отмѣна закона «Habeas corpus» не коснулась собственно великобританской территоріи. Впослѣдствіи законъ этотъ былъ отмѣненъ для Ирландіи три раза, въ 1793, 1822 и 1848 году. Последнюю изъ этихъ отмѣнъ предложилъ лордъ Россель, по случаю возмущенія ирландцевъ подъ

предводительствомъ О'Брайна и Джона Митчела. Тогдашняя отми́на упомянутого закона продолжалась восемь мѣсяцевъ я, по стеченію обстоятельствъ, теперь, тому же лорду Росселю, пришлось другой разъ сдѣлать подобное предложеніе.

Хотя, какъ видно, отми́на одного изъ самыхъ дорогихъ для англичанъ законовъ не представляетъ въ сущности ничего новаго, но тѣмъ не менѣе она показывается ту важность, которую предлагаетъ великобританское правительство феніанскому движенію. Въ этомъ можно убѣдиться еще болѣе, если сообразить, что билль объ отми́нѣ закона «Навеас согрисъ» былъ принятъ въ палатѣ лордовъ единодушно; а въ палатѣ общинъ 364 голоса были въ пользу билля и только 6 голосовъ противъ него.

Притомъ, судя по заявленію, сдѣланному въ палатѣ лордовъ графомъ Росселемъ, Ирландія грозитъ Англій большою опасностію. Видя въ возстаніи феніанъ послѣдствія сѣверо-американскаго междоусобія, графъ Россель объявилъ, что ирландцы составили въ Америкѣ обширный заговоръ, заготовили оружіе и намѣревались произвести нападеніе на Ирландію, а если можно, то и на самую Англію. Главною цѣлью этого заговора было—низвергнуть власть королевы, затѣмъ ограбить всѣхъ ирландскихъ землевладѣльцевъ и овладѣть ихъ собственностію. При этомъ имѣлось въ виду нападеніе и на религію какъ господствующую протестантскую, такъ и римско-католическую. Въ движеніи феніанъ, какъ выразился графъ Россель, ясно обнаружился замыселъ—путемъ кровопролитія и терроризма вызвать въ Ирландіи революцію со всѣми страшными ея послѣдствіями.

Если все это справедливо, и если Ирландія до сихъ поръ представляется англійскому правительству такою грозой, что англичанамъ приходится даже нарушать главную основу ихъ гражданской свободы, то во всемъ этомъ нельзя не винить ту систему, которой держалось англійское правительство въ отношеніи Ирландіи. Уже шестьдесятъ лѣтъ, какъ Англія выразила твердое намѣреніе положить конецъ возстаніямъ въ этой подвластной ей странѣ, а между тѣмъ, возстанія тамъ возобновлялись постоянно. Только въ крайнихъ случаяхъ принимались какія-нибудь важныя мѣры въ отношеніи гражданскаго и социальнаго устройства ирландцевъ; большею же частію обращались только къ репрессивнымъ мѣрамъ, а жалобы ирландцевъ были почти всегда только предметомъ насмѣшекъ, какъ со стороны представителей правительства, такъ и со стороны членовъ парламента. Между тѣмъ для успокоенія Ирландіи, по отзывамъ лицъ, понимающихъ ея положеніе и сочувствующихъ ей, необходимы двѣ реформы: одна по фермерскому праву, другая—относительно римско-католическаго духовенства, поставленнаго тамъ въ положеніе крайне-невыгодное въ сравненіи съ положеніемъ тамошняго протестантскаго духовенства.

Само собою разумѣется, что при настоящемъ состояніи дѣлъ въ Ирландіи, вышедшемъ изъ своего нормальнаго порядка, ве-

ликобританскому правительству невозможно предпринять никаких коренных преобразований въ Ирландіи. По всей же въроятности, совершившіяся событія послужатъ для него полезнымъ урокомъ на будущее время. Съ какою готовностію ни принялъ бы парламентъ предложенный ему билль объ отмиѣнѣ закона «*Nabeas corporis*», во всякомъ случаѣ отмиѣна эта, ставшая въ предѣлахъ Великобританскаго королевства личную свободу подъ прозводъ правительственныхъ агентовъ, должна произвести во всей Англіи тяжелое впечатлѣніе. Англичане, достигшіе политической зрѣлости, могутъ гораздо легче, чѣмъ другіе народы, понять, что даже временное уничтоженіе укоренившихся и въ законахъ и въ понятіяхъ правъ каждаго гражданина представляетъ фактъ весьма прискорбный, и что тѣмъ самымъ колеблется законъ о личной свободѣ въ основномъ его принципѣ.

Къ тому, что мы сказали въ послѣднемъ нашемъ обзорѣніи о положеніи дѣлъ въ придумайскихъ княжествахъ, нельзя прибавить ничего такого, что могло бы указывать на исходъ этихъ дѣлъ. Теперь все будетъ зависѣть отъ того соглашенія, которое послѣдуетъ между представителями покровительствующихъ княжествамъ державъ, собравшимися на открытой въ Парижѣ конференціи. Различныя взгляды на политическое значеніе Молдавіи и Валахіи, неодинаковость интересовъ каждой изъ державъ, обсуждающихъ молдаво-валахскій вопросъ, стремленія румыновъ и притязанія Турціи и наконецъ устройство, данное княжествамъ парижскимъ трактатомъ и измѣненное впослѣдствіи, въ силу особой конвенціи съ Портою, должны чрезвычайныи усложнить и запутывать развязку молдаво-валахскаго вопроса.

По этому вопросу представляется въ настоящее время довольно длинный рядъ комбинацій, изъ которыхъ, впрочемъ, каждая должна встрѣтить противодѣйствіе или со стороны державъ, устраивающихъ судьбу Молдавіи и Валахіи, или со стороны Порты, нежелающей потерять своихъ верховныхъ правъ надъ этими областями, или, наконецъ, со стороны самихъ румыновъ. Комбинаціи эти состоятъ въ слѣдующемъ: во первыхъ, постоянное соединеніе Молдавіи и Валахіи въ одно румынское государство подъ властію иностраннаго принца и, вслѣдствіе этого, самостоятельное политическое существованіе румыновъ, внѣ всякой зависимости отъ Порты. Но такая комбинація, безъ всякаго сомнѣнія, не будетъ принята Портою и также, по всей въроятности, будетъ отклонена и Россіей и Австріей; во вторыхъ, присоединеніе Молдавіи и Валахіи къ Австріи съ тѣмъ, чтобы послѣдняя оставила всѣ свои притязанія на приэльбскія герцогства и уступила бы Италіи Венецію. Такая комбинація, по всей въроятности, будетъ отвергнута румынами, стремящимися къ политической не-

зависимости, а также и Турціей, которая при этомъ должна будетъ отказаться вовсе отъ состоящихъ въ ея зависимости областей. Кромѣ того, на такую сдѣлку не согласятся ни Россія, ни Франція, хотя повидимому такой исходъ дѣлъ и способствовалъ бы въ разрѣшенію двухъ другихъ важныхъ политическихъ вопросовъ, безпокоящихъ Европу, а именно: шлезвиг-голлштинскаго и венеціанскаго. Втретыхъ, раздѣленіе Румыніи, попрежнему, на два отдѣльныхъ государства. Мысль объ этомъ начинается проявляться и въ княжествахъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, Франція будетъ противодѣйствовать этому, такъ-какъ такое устройство княжествъ совершенно уничтожило бы недавнія хлопоты ея политикѣ въ отношеніи къ придунайскимъ княжествамъ. Четвертая комбинація заключается въ проектѣ реставраціи князя Кузы, если не въ обоихъ господарствахъ, то, по крайней-мѣрѣ, въ Валахіи, такъ-какъ онъ собственно изгнанъ только изъ Молдавіи. Наконецъ, пятая комбинація — избраніе новаго господара, общаго для обоихъ княжествъ, но на тѣхъ же основаніяхъ, которыя были приняты Портою при избраніи Кузы.

Изъ всѣхъ этихъ комбинацій послѣдняя едва-ли не скорѣе всѣхъ прочихъ приведетъ къ взаимному соглашенію державы, покровительствующія придунайскимъ княжествамъ, а также и получить утвержденіе со стороны Порты, конечно, за исключеніемъ того случая, еслибы княжества раздѣлились снова на два особня господарства. Наконецъ эта комбинація, если только не возьметъ въ княжествахъ верхъ партія, желающая ихъ раздѣленія, скорѣе всего удовлетворитъ и національныя стремленія румыновъ, послѣ того, какъ они увидятъ невозможность достигнуть совершеннаго отдѣленія отъ Турціи подъ властію иностраннаго принца.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Споры безпоповцевъ преображенскаго владѣнща и покровской часовни о брагѣ. Соч. Надеждина. Спб. 1865.

У насъ, на Руси, существуетъ громадная литература, почти неизвѣстная читающему образованному обществу. Ея интересуются едва нѣсколько десятковъ любителей, и интересуются только про себя. Она, эта литература, до сей поры никогда не служила предметомъ серьезнаго изслѣдованія ни для историковъ, ни для беллетристовъ. Въ нее заглядывали развѣ только духовные

писатели, имѣющіе надобность, въ своихъ обличительныхъ и увѣщательныхъ сочиненіяхъ, сослаться на тѣ догматическія нелѣпости, по поводу которыхъ писались ихъ сочиненія.

Мы говоримъ о такъ-называемой раскольниковъ литературѣ. На нее не обращаютъ никакого вниманія, между тѣмъ она представляетъ большой интересъ, какъ по разнообразію, такъ и по многимъ своеобразнымъ выводамъ, безъ помощи которыхъ трудно составить вѣрное понятіе о многихъ, интересующихъ современное общество, вопросахъ. Правда, литература эта загромождена множествомъ схоластическихъ нелѣпостей. Но надо умѣть выбирать, и для выбора найдется немало любопытныхъ вещей

Потому-то мы съ полнымъ сочувствіемъ встрѣчаемъ брошюру г. Надеждина, попытавшагося представить сводъ мнѣній раскольниковъ писателей по спорному вопросу о бракѣ. Въ ней изложенъ споръ безпоповцевъ двухъ главнѣйшихъ отдѣловъ: еедосѣвскаго и общины покровской часовни. Г. Надеждинъ не беретъ на себя трудъ рѣшать спорный вопросъ. Онъ, какъ опытный юристъ, ловко подобралъ факты за и противъ, и такимъ образомъ составленный обвинительный актъ представилъ на судъ публики, оставляя за нею право высказать окончательное рѣшеніе. Безъ сомнѣнія, г. Надеждинъ не могъ вполне отрѣшиться отъ собственнаго мнѣнія, и потому самымъ подборомъ фактовъ даетъ чувствовать, на чьей сторонѣ, по его мнѣнію, находится правда.

Вопросъ о бракѣ у безпоповцевъ принадлежитъ къ разряду тѣхъ вопросовъ, которые рѣшаются ими нерѣшительно, почти ощущею. Надо не забывать, что у нашихъ раскольниковъ вообще практическое примѣненіе рѣдко сходится съ теоретическими убѣжденіями. Въ брачномъ вопросѣ этотъ недостатокъ совершеннѣйшаго развитія выставляется, можетъ быть, ярче нежели въ какомъ либо другомъ вопросѣ. Считаая совершенное дѣвство условіемъ, безъ котораго невозможно спасеніе въ будущей жизни, узаконивъ дѣвство, какъ религіозный догматъ своей секты, еедосѣвцы на практикѣ допускаютъ свободное сожительство. Покровская часовня, то-есть представители поморскаго согласія въ Москвѣ, поставленные въ необходимость на практикѣ отвергнуть духовный бракъ, такъ-какъ по принципу безпоповщины они отвергаютъ священство—узаконили у себя бракъ гражданскій, то-есть пришли почти къ тому же, къ чему пришли еедосѣвцы, допускающіе свободное сожительство. Разница между обѣими формами брачныхъ отношеній заключается, какъ увидимъ ниже, вовсе не въ сущности дѣла, а болѣе въ схоластическихъ тонкостяхъ при осуществленіи догматическихъ недоумѣній, и въ концѣ концовъ еедосѣвцы позволяютъ себѣ дѣлать тайно то, что покровцы дѣлаютъ явно. Казалось бы, и спорить не о чемъ. Но не спорить имъ невозможно. Споръ ихъ есть результатъ исторіи безпоповщинскаго старообрядства, которое безконечнымъ раздробленіемъ своимъ на различныя секты доказывало не разъ, что главной

причиной образованія новыхъ согласій была не сущность ученія, а своеобразное толкованіе буквы догматовъ.

Идея безпоповщины, то-есть отрицаніе церковной іерархіи, возникла на Русь, по всей вѣроятности, скоро по принятіи христіанской вѣры. Изъ Греціи къ намъ прибыло недостаточное число священниковъ. Изъ числа старыхъ христіанъ, кое-гдѣ жившихъ на Русь, врядъ-ли можно было найти много способныхъ занять священнослужительскія должности. Наконецъ, если и нашлись такіе, то сомнительно, чтобы имъ можно было восполнить громадный недостатокъ въ толковыхъ учителяхъ новой вѣры, которыхъ требовалось множество по самому положенію края. На огромной русской равнинѣ, какъ оазисы, стояли деревни и села, на значительномъ разстояніи одни отъ другихъ. Сообщенія были затруднительны, а на всякаго священника пришлось участіе по нѣскольку квадратныхъ миль каждый. Не было ему физической возможности часто посѣщать своихъ прихожанъ: шая деревня по нѣскольку лѣтъ не видала попа. А между тѣмъ жизнь прихожанъ шла своимъ порядкомъ: родились, женились, умирали. Принятіе христіанства принесло съ собою обязанность выполнять танства крещенія, брака, дѣлать похороны по обряду. Попа вѣтъ, а обрядъ христіанскій выполнить надо, и вотъ общинники по мірскому уговору выбирали надежнѣйшаго старика-грамотнаго (если былъ таковой; при неимѣніи обходились и съ безграмотнымъ), и поручали ему выполненіе необходимѣйшихъ христіанскихъ требъ. Привычка, говорятъ, вторая натура; немудрено, что и наши мужички привыкли обходиться безъ священника. Отсюда недалеко до совершеннаго отрицанія священства, что дѣйствительно случилось на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ Россіи, гдѣ и въ настоящее время преимущественно распространено безпоповщинское ученіе.

Въ то же время и греческій расколъ, преслѣдуемый византійскимъ правительствомъ, высылалъ своихъ мисіонеровъ въ дикіе дебри и лѣса русской земли. Эти секты главнымъ образомъ отвергали церковную іерархію, предоставляя самимъ мірянамъ выбирать изъ своей среды наставниковъ. Теперь, разумѣется, трудно судить о степени вліянія этой пропаганды. Наши лѣтописи даютъ о томъ весьма скудныя извѣстія; упоминается только, что при Владимірѣ-Святомъ и Владимірѣ Мономахѣ газнены зашедшіе изъ грекъ еретики за то, что проповѣдывали противъ церкви, церковной іерархіи и признанныхъ богослужебныхъ обрядовъ. Но если вспомнимъ, что стригольничество, возникшее въ 1375 году, и учившее опять-таки противъ церковной іерархіи, быстро нашло себѣ многочисленныхъ послѣдователей, что необходимо могло случиться только въ такомъ случаѣ, если для принятія новыхъ убѣжденій была уже готовая почва, то надо думать, что и греческіе сектанты проповѣдывали не даромъ. Если вспомнить, что стригольничество развилось преимущественно на земляхъ, составлявшихъ владѣніе Великаго-Новгорода, то нетрудно будетъ допустить, что безпоповщинская идея пустила

тамъ глубокіе корни, что, въ свою очередь, подготовило народъ нашего сѣвера къ легкому принятію безпоповщинскаго старообрядчества.

Безпоповщинское старообрядчество, какъ извѣстно, образовалось вскорѣ послѣ собора 1666 года, подвергшаго анаѣмѣ всѣхъ, кто несогласенъ подчиниться постановленіямъ этого собора, касающимся исправленія богослужебныхъ книгъ, исполненнаго подъ руководствомъ патріарха Никона. Въ началѣ безпоповщины составили обширную общину подъ общимъ названіемъ Поморщины. Но какъ первые учителя безпоповщины въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ дозволили себѣ анализъ многихъ преченій священнаго писанія, то, поэтому, а также, надо думать, и вслѣдствіе вліянія протестантства, съ которымъ русскій сѣверъ имѣлъ частыя сношенія, въ безпоповщинѣ явилось немало учителей, которые, основываясь на логическихъ выводахъ своего мышленія, находили въ безпоповщинѣ много обычаевъ и вѣрованій, несогласныхъ, по ихъ мнѣнію, съ настоящею христіанскою религіею. Отсюда произошло множество новыхъ толковъ, и безпоповщина раздѣлилась на нѣсколько согласій, солидарныхъ въ общихъ принципахъ, но расходящихся въ частностяхъ, болѣе всего въ обрядовой части.

Въ 1706 году отъ поморцевъ отдѣлилась еедосѣвщина, названная такъ по имени ея основателя. Принципы Феодосія были чрезвычайно строги. Онъ хотѣлъ создать общину людей, жизнь которыхъ по своему аскетизму и строгой условной нравственности, была бы отчасти похожа на жизнь монашескую. Не рассчитавъ фанатическій основатель новой секты, что жизнь въ міру, среди движенія и суеи, встрѣчаетъ на каждомъ шагу соблазны, весьма естественные для человѣческой природы. Тѣмъ не менѣе еедосѣвцы по наружности исполняли и, пожалуй, даже исполняютъ до сихъ поръ строгія правила своего основателя. Въ нихъ въ крайней степени развилось непрекословное повиновеніе своимъ наставникамъ, а оно, въ свою очередь, развило фанатизмъ, замкнутость убѣжденій, лицемеріе, хитрость и способность ловко вывертываться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Люди съ подобными качествами—большая находка для всякихъ честолюбцевъ. Можно было навѣрное предсказать, что если во главѣ еедосѣвцевъ явится человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, способный широко раздвинуть свою пропаганду, то его единовѣрцы будутъ помогать ему съ большимъ тактомъ и не испортятъ его дѣла.

Такой человѣкъ вскорѣ явился между еедосѣвцами.

Вѣдствія, дѣйствующія повально къ истребленію человѣчества, составляютъ для людей рѣшительныхъ и энергическихъ лучшее средство высказать ихъ способности. Человѣкъ, обладающій талантомъ и сильнымъ характеромъ, всегда можетъ заставить обстоятельства дѣйствовать въ его пользу. Страждущее человѣчество весьма легковѣрно; нетрудно выдать всякую нелѣпость за истину, всякое шарлатанство за великую мудрость. Во время всеоб-

щей трусости, человекъ, съумѣющій казаться храбримъ, навѣрное прослыветъ за великаго героя. Какое же впечатлѣніе на массу производитъ человекъ, дѣйствительно обладающій рѣшительнымъ характеромъ, горячимъ убѣжденіемъ и сильнымъ религіознымъ фанатизмомъ? Такой человекъ производитъ на невѣжественную толпу потрясающее вліяніе, и какая бы нелѣпость ни сошла съ его устъ, предубѣжденный народъ готовъ видѣть въ ней послѣднее слово аитейской мудрости.

Въ такомъ именно положеніи находился въ 1771 году извѣстный дѣятель безпоповщинской старообрядщины, *Илья Алексѣевичъ Ковылинъ*. Сынъ крестьянина Ярославской губерніи, Ковылинъ занимался торговлею въ Москвѣ. Какъ явный едосѣвецъ, онъ подвергался тому же самому униженію, въ какомъ находилась его секта. Онъ носилъ желтый козырь на спинѣ, платилъ двойныя подати, подвергался насмѣшкамъ уличныхъ мальчишекъ и шутниковъ всякихъ возрастовъ, которыми и тогда въ Москвѣ можно было прудъ прудить. Едосѣвщина тогда имѣла еще мало послѣдователей и въ Москвѣ ихъ было дворовъ 10.

Настала 1771 годъ. Страшная чума разлилась надъ Москвою. Народъ въ ужасѣ не зналъ, что дѣлать: отчаяніе овладѣло всѣми. Богатые бѣжали; бѣдные или тѣ, кому некуда было бѣжать, затворились въ своихъ домахъ или слонялись въ городѣ безъ всякой цѣли. Вездѣ царствовала паника. Суевѣріе подняло голову. Поглядѣлъ вокругъ себя Ковылинъ. Затрепетало его твердое сердце. Почувалъ онъ, что теперь отрывается поле для его дѣятельности. Глубокій фанатикъ, сильно убѣжденный въ правотѣ своихъ убѣжденій, онъ какъ-бы призванъ былъ играть роль сектатора, съ успѣхомъ развивающаго свою пропаганду. Сила обстоятельствъ была за него, и онъ былъ на столько уменъ, что умѣлъ съ полнымъ успѣхомъ воспользоваться ими.

На счетъ Ковылина у насъ ходятъ самыя противоположныя мнѣнія. Одни, и въ томъ числѣ, разумѣется, его послѣдователи, видятъ въ немъ великаго реформатора, человека глубокихъ убѣжденій и безукоризненной нравственности. Другіе, напротивъ, считаютъ его чуть не извергомъ, чудовищемъ, человекомъ, для котораго было возможно всякое преступленіе; они приписываютъ Ковылину всевозможныя мерзости, считаютъ его проповѣдникомъ самаго развращеннаго, античеловѣческаго культа. Безъ сомнѣнія, и тѣ, и другіе сильно увлекаются. Ковылинъ не былъ ни гениемъ, ни отъявленнымъ злодѣемъ. Это былъ человекъ, обладавшій умомъ, житейской опытностью и сильнымъ характеромъ. Пронрливость, беззащѣтность въ выборѣ средствъ для осуществленія его личныхъ, отчасти эгоистическихъ цѣлей и умѣніе пользоваться обстоятельствами, были отличительными его качествами. Благодаря имъ, онъ сдѣлалъ очень много какъ для собственнаго обогащенія и значенія въ обществѣ, такъ и для едосѣвской секты; едосѣвцы справедливо считаютъ его настоящимъ основателемъ ихъ толка.

Здѣсь не мѣсто говорить о всемъ томъ, что сдѣлалъ Ковылинъ для развитія еедосѣвской секты. Довольно сказать, что Ковылинъ засталъ въ Москвѣ всего десять семействъ еедосѣвцевъ; а въ годъ его смерти тамъ насчитывали не одну тысячу послѣдователей его секты; изъ одной моленной, таившейся гдѣ-то въ подземельѣ, образовалось слишкомъ 30 моленей, и богатый преображенскій богаделенный домъ, alma mater еедосѣвщины. Съ такимъ же успѣхомъ, благодаря прямо дѣятельности Ковылина, распространился еедосѣвскій расколъ по всей великорусской землѣ.

Въ этой статьѣ мы коснемся дѣятельности Ковылина только по брачному вопросу.

Первые учителя безпоповщины старообрядческой, тотчасъ по отдѣленіи отъ православной церкви, встрѣтились съ вопросомъ о бракѣ: слѣдовало рѣшить, допускать ли бракъ, или запретить его совсѣмъ. Исходя изъ той мысли, что бракъ есть танство, слѣдовательно его должно совершать благословеніемъ рукоположеннаго священника, старообрядческіе наставники рѣшились отвергнуть бракъ. Подобное рѣшеніе съ перваго взгляда покажется довольно страннымъ, и о безпоповщинскихъ учителяхъ можно составить самое невыгодное мнѣніе, какъ о людяхъ, имѣющихъ крайне шаткія и непослѣдовательныя убѣжденія. Но если поглубже изслѣдовать дѣло, увидимъ, что удивляться нечему, что наставники иначе не могли поступить, и слѣдовательно были вполне послѣдовательны.

Вообще расколъ крайне слабъ тамъ, гдѣ его, по непонятному заблужденію, многие почтаютъ сильнымъ: именно въ догматической части. Почти безсознательно ударившись въ оппозицію, старообрядцы тотчасъ же очутились какъ-бы въ дремучемъ лѣсу. Они ясно не сознавали, чего хотятъ; старались формулировать свои желанія и запутывались въ подробностяхъ. Составивъ оппозицію какъ господствующей религіи, такъ и усиливавшейся правительственной централизаціи, они въ своемъ религіозномъ протестѣ стали ратовать за правильность тѣхъ или другихъ обрядовъ, оставляя въ сторонѣ самый духъ религіи; въ своей политической манифестаціи они горячо отстаивали старый порядокъ во всѣхъ его частностяхъ; они ратовали и за такія его учрежденія, которыя потому только исчезли, что имъ, по естественному ходу вещей, пришло время умирать. Старообрядцы торжественно заявили себя крайними консерваторами, то-есть такими, для которыхъ не существуетъ духъ времени. Они не хотѣли понять, что сами, допустивъ на практикѣ анализъ многихъ религіозныхъ положеній, въ теоріи продолжали ратовать за неподвижность, за букву. Такъ и въ политическихъ идеяхъ: допустивъ среди себя общественный строй, во многомъ измѣнившійся отъ того строя, который засталъ ихъ въ моментъ отдѣленія отъ православной церкви, они, въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ, продолжали ратовать за древній строй. Привыкнувъ забывать все дурное

въ своемъ прошломъ, они вспомнили только хорошія его стороны, и невольно идеализировали ихъ. Намъ кажется, что эта именно причина, благодаря прежнимъ постояннымъ преслѣдованіямъ, побуждала старообрядцевъ въ невозвратимомъ, по ходу вещей, прошломъ, искать идеалъ общественнаго строя и стоять за него во что бы то ни стало, даже и тогда, когда ясно замѣчали несовершенства его и невозможность возврата.

Понятно, почему безпоповщинскіе наставники дѣйствовали такимъ страннымъ образомъ въ вопросѣ о бракѣ. Отвергнувъ священство, кажется, нетрудно было, путемъ логическихъ умозаключеній, придти къ убѣжденію въ законности гражданскаго брака. Но въ томъ-то и дѣло, что священства они совершенно не отвергаютъ. Они остановились на полдорогѣ. Признавая, что православная церковь, своими нововведеніями, отвергла преданія, рѣшивъ, что имъ невозможно законнымъ образомъ получать священниковъ, они стали выбирать изъ среды себя наставниковъ, но не дали имъ всѣхъ правъ священства, какъ сдѣлали, напримѣръ, нѣкоторые протестантскія секты и даже иныя секты у насъ. Старообрядцы нашли болѣе удобнымъ удариться въ мистическія толкованія, и принявъ за аксіому, что священство навсегда улетѣло на небо, ожидаютъ, по судьбѣ всѣхъ мечтателей, невозможнаго. Они стали убѣждать себя, что можетъ совершиться даже и такое чудо, что придетъ время, когда православная церковь возвратится къ древнему, утраченному ею преданію и дастъ имъ законнымъ путемъ священниковъ. Они боятся высказать это рѣшительно, они только намекаютъ объ этой своей странной мечтѣ, и то не всѣ, а только нѣкоторые ихъ отдѣлы. Не рѣшая въ догматическихъ вопросахъ ничего положительнаго, ида во всѣхъ выводахъ ошущаясь, отдѣляясь уподобленіями, темными намеками, они и въ вопросѣ о бракѣ не рѣшили ничего и также отдѣлялись выводами на авось. Безъ всякой логической послѣдовательности запретивъ бракъ и узаконивъ дѣвство, они рѣшились съвязать пальцы смотрѣть на свободное сожительство обоихъ половъ. Строго преслѣдовать послѣднее они, разумѣется, не имѣли достаточныхъ средствъ. Какъ ни были они мечтательны въ своихъ выводахъ, однакоже остались на столько логичны, что могли понять естественность и необходимость извѣстныхъ отношеній между различными полами. Не могли же они не видѣть, что еслибы, по какому-нибудь странному случаю, вся ихъ община рѣшилась строго выполнить обѣтъ дѣвства, то тѣмъ самымъ безпоповщицтво въ скоромъ времени должно исчезнуть съ лица земли; новыми прозелитами невозможно же было пополнять естественную убыль. Слѣдовательно, хотя косвеннымъ путемъ, но они непремѣнно должны были придти къ выводу о необходимости брачныхъ отношеній. Они не смѣли только рѣшиться на что либо положительное; они боялись провиниться противу буквы, которую приняли за дуть закона своей секты.

Совсѣмъ не тѣми убѣжденіями въ разсужденіи брачнаго вопро-

са руководился, по нашему крайнему убѣжденію, Ковылинъ. Человѣкъ рѣшительный, безъ крайнихъ увлеченій въ практической жизни, хотя и релігіозный фанатикъ, Ковылинъ понималъ, какаѧ личная выгода, для главы еодосѣвскаго толка, заключается въ шаткомъ положеніи семьи. Не знаемъ, изучилъ ли Ковылинъ исторію Спарты или общества іезуитовъ, или же собственнымъ умомъ дошелъ—но онъ ясно понималъ, какаѧ сила находится въ рукахъ государства или отдѣльной корпораціи, если воспитаніе дѣтей, помимо домашняго, семейнаго воспитанія, передано исключительно въ ихъ руки; каковы выходили воспитанники и каковы вредъ, производимый ими для цѣлizzaціи—того знать не хотѣтъ люди, подобные Ковылину. Они имѣютъ въ виду свои личные цѣли, ни до чего другого имъ дѣла нѣтъ. Ковылинъ понималъ, что для него и вообще для еодосѣвскаго дѣла необходимо рожденіе дѣтей, а слѣдовательно естественное приращеніе членовъ согласія; но онъ также прекрасно зналъ, что семья и семейное воспитаніе будутъ отчасти парализовать его вліяніе, приготавливая дѣтей для различныхъ жизненныхъ цѣлей, а не исключительно для пропаганды еодосѣвскихъ убѣжденій. Надо было уничтожить попятіе о домашнемъ, семейномъ воспитаніи; необходимо было передать его въ руки Ковылина и такимъ образомъ сдѣлать его неограниченнымъ распорядителемъ судебъ еодосѣвщины. Ковылинъ рѣшился и твердо пошелъ къ св ей цѣли. Почувявъ свою силу, онъ торжественно провозгласилъ: *женатый разженись, неженатый не женись*, и сказалъ это смѣло, громко, совсѣмъ не такъ, какъ говорили до него еодосѣвскіе и поморскіе наставники, которые произнесли то же самое нерѣшительно, какъ-бы боясь, что почти никто не послушаетъ ихъ словъ, и что изъ нихъ не выйдетъ никакихъ практическихъ результатовъ. Загрозилъ Ковылинъ противъ брака, всякое поползновеніе къ нему предавалъ проклятію, и въ то же время, подъ рукою, втихомолку распространялъ убѣжденіе въ относительно-малой грѣховности свободнаго сожительства. Вскорѣ онъ довелъ дозавательства вѣрности этого принципа до крайней степени и заявилъ о немъ громкогласно.

Дѣйствія Ковылина увѣичались блистательными результатами. Еодосѣвскій толкъ росъ, дѣторожденіе шло въ возрастающей прогрессіи, и дѣти эти, какъ плодъ незаконнаго сожительства, передавались въ руки Ковылина, а онъ распредѣлялъ ихъ въ нарочно устроенныя для нихъ школы, гдѣ, именуясь воспитанниками и воспитанницами Ильи Алексѣевича Ковылина, они обучались грамотѣ. Изъ нихъ теченіемъ времени образовалась масса наставниковъ и наставницъ, которыхъ Ковылинъ по своему усмотрѣнію, въ различныхъ мѣста Россіи для пропаганды еодосѣвскихъ убѣжденій. Успѣхи ихъ весьма значительны, и еодосѣвскій расколъ постоянно увеличивался въ своемъ составѣ.

Пока безпоповщинскіе вожаки нерѣшительно высказывались противъ брака, пока они служили, какъ говорится, и нашимъ и вашимъ, среди безпоповцевъ рѣдко и также нерѣшительно подни-

мались голоса за бракъ. Когда же Ковылинъ заговорилъ другимъ языкомъ, брачный вопросъ вступилъ въ новый фазисъ. Первѣнственные защитники брака сдѣлались рѣшительнѣе и соединили свои силы также въ Москвѣ. Представителемъ ихъ стала поморская община при Покровской часовнѣ. Первымъ по времени противникомъ Ковылину явился современный провозглашенію еедосѣвскаго брачнаго принципа, настоятель Покровской часовни *Василій Емельяновъ*. Онъ, заявивъ, что «женившійся не согрѣшаетъ, бракъ часть и ложе несверно», сталъ благословлять на бракъ. По понятіямъ безпоповцевъ, онъ не могъ принять на себя обязанности священства и, допуская бракъ, допускалъ его не какъ таинство, а какъ взаимный договоръ между двумя сторонами, словомъ—узаконилъ между своими единовѣрцами гражданскій бракъ. Смущались поморцы и призвали Емельянова въ Выгъ, главную обитель поморскаго толка. Здѣсь, послѣ продолжительнаго спора, Емельяновъ, несмотря на убѣжденіе въ правотѣ своего ученія, далъ письменное обязательство учить попрежнему, то-есть запрещать бракъ. Однакоже, возвратясь въ Москву, онъ сталъ попрежнему благословлять на бракъ.

Емельяновъ писалъ мало. Но его товарищи и послѣдователи, всѣ члены общины Покровской часовни, написали нѣсколько интересныхъ сочиненій въ защиту брака, а слѣдовательно и семейной жизни. Изъ числа ихъ, въ брошюрѣ г. Надеждина приведены отрывки изъ сочиненій: Скачкова, Заяцевскаго, Зенкова, Анисимова и Сергѣева. Первые два писали прямо въ защиту брака, доказывая его необходимость; три послѣдніе полемизировали съ еедосѣвцами, преимущественно обличая мнимое ихъ дѣвство.

Всѣ ихъ доказательства могутъ быть вкратцѣ объяснены слѣдующими выписками изъ ихъ сочиненій:

Скачковъ, отдавая полное уваженіе дѣвственной жизни, говоритъ, что «несправедливо при этомъ возвышать ее на счетъ брачной, безразсудно требовать отъ всѣхъ непремѣннаго дѣвства». Онъ замѣчаетъ, что и св. соборы предавали проклятію тѣхъ, которые презираютъ брачный путь: «аще кто дѣвствуетъ или воздержится, яко же мерзость творяще бракъ—говорить 9-е правило гангрскаго собора—да будетъ проклятъ». Затѣмъ, приводя схоластическія опредѣленія брака, выписывать которыхъ не стоитъ, онъ приходитъ къ заключенію, что для совершенія брака можно обойтись и безъ священства, что для него нужно только согласіе жениха и невесты и родительское благословеніе. Скачковъ, несмотря на схоластическіе приемы и сухость изложенія, довольно ловко относился къ своему предмету, и еедосѣвцы имѣли въ немъ сильнаго противника. Такъ, напримѣръ, ссылку еедосѣвцевъ на св. Игнатія, учившаго, что бракъ долженъ заключаться съ благословенія епископа, Скачковъ обращаетъ очень ловко противъ нихъ. Замѣтивъ, между прочимъ, что, по его мнѣнію, св. Игнатій училъ такъ съ тою единственною цѣлію, чтобы подчинить простой народъ іерархіи, онъ говоритъ, что если при-

принять учение св. Игнатія такъ, какъ понимаютъ его еодосѣвцы, необходимо логически принять, что и крестить нельзя безъ епископа; между тѣмъ еодосѣвцы, какъ и всѣ безпоповцы, обходятся при крещеніи безъ рукоположеннаго священника. Далѣе Свачковъ утверждаетъ, что прежде въ православной церкви были случаи браковъ безъ церковнаго вѣнчанія, что вѣнчаніе есть не болѣе, какъ благолѣпное украшеніе, случайно устроенное; что оно, наконецъ, введено во всеобщее употребленіе императоромъ Алексѣемъ Комнинимъ, что поэтому благословеніе священника есть не болѣе, какъ обычай, а не существенная принадлежность таинства брака.

Заяцевскій не такъ рѣшительно какъ Свачковъ защищалъ бракъ гражданскій, принятый повровскою часовнею. Всѣ его доказательства сводятся къ тому, что логично безпоповцамъ допустить совершеніе брака, помимо іерархіи, если они уже допускаютъ, не теряя надежды получить спасеніе, крещеніе, покаяніе и т. п. Онъ всѣми силами старается доказать нераціональность узаконенія еодосѣвцами обязательнаго дѣвства и предсказываетъ имъ пагубныя отъ этого послѣдствія: «у нихъ могутъ произойти великія сквернодѣянія, откроются мерзостныя и гнусныя пороки и произрастеть различное человѣческаго рода истребленіе, умножится всякое беззаконіе не меньше Содома и Гомора».

Остальные три писателя, приводимые г. Надеждинымъ, отстаивая бракъ, подобно первымъ двумъ, вдаются въ горячую полемику съ еодосѣвцами, доказывая, что настоящаго дѣвства у нихъ нѣтъ, а существуетъ самый глубокій развратъ.

Еодосѣвцы съ немальною горячностію доказывали справедливость своихъ убѣжденій. Всѣ ихъ доказательства сводятся къ тому, что бракъ нельзя совершать безъ рукоположеннаго священства, а какъ священства нѣтъ, то и браковъ не должно быть.

Нельзя не поблагодарить г. Надеждина за изданіе его брошюры. Посредствомъ нея публика знакомится съ нѣкоторыми раскольничьими писателями, людьми далеко недюжинными. Жаль только, что г. Надеждинъ ни слова не говоритъ о современном положеніи брачнаго вопроса у безпоповцевъ. Послѣднія свѣдѣнія въ его брошюрѣ относятся къ 1837 году, а съ тѣхъ поръ разрѣшеніе вопроса во многомъ измѣнилось.

Вотъ что, напримѣръ, пишетъ въ 1863 году г. Ермаковъ, принадлежащій къ еодосѣвскому согласію: «На бракъ мы (то-есть еодосѣвцы) смотримъ какъ на учрежденіе столько же гражданское, сколько и религиозное, и притомъ какъ на учрежденіе гражданское подъ элементомъ и закономъ религиозными. Когда русскіе диссиденты разошлись съ господствующею въ Россіи церковію со дней Никона, и были не въ состояніи удержать за собою старо-церковную хиротонію, въ которой находили непогрѣшаемую святость—она пришла къ такимъ заключеніямъ: въ оскудѣвшіи руки людей освященныхъ, церковь допускала руководствоваться простолюдину изъ седми двумя церковными таинствами, *крещеніемъ и*

покаяніемъ (то-есть исповѣдью), остальные же пять таинствъ относила къ полнотѣ іерархическаго состоянія и не дерзала пользоваться ваими-либо изъ нихъ въ лицѣ простолюдина, въ чемъ наше существенное различіе съ рогожско-бѣлокриницкою церковью. Многіе изъ нашихъ единовѣрныхъ братьевъ остаются вѣрными исполнителями своего правила, то-есть дѣвственнаго обѣта, и кромѣ платонической, то-есть безстрастной, не позволяютъ себѣ никакой другой любви; другіе же, оставаясь при тѣхъ же убѣжденіяхъ и одинаково признавая религиозный бракъ, не въ состояніи будучи подчинять законъ природы закону благодатнаго христіанскаго прозвола, по взаимному соглашенію жениха и невесты и по благословенію родительскому, при домашней молитвѣ, вступаютъ въ гражданскій бракъ. При этомъ они во всякомъ случаѣ избѣгаютъ столкновенія родственныхъ связей, кумовства и сватовства, какъ предписывается закономъ церковнымъ.

Наравнѣ съ другими общинами старообрядцевъ, преображенцы или еодосѣвцы стремятся видѣть своихъ дѣтей и женъ подъ законнымъ признаніемъ со стороны правительства; желаютъ, чтобы ихъ жены были признаваемы законными женами, а равно и дѣти ихъ наслѣдниками, какъ законорожденные, дабы капиталы отцовъ были неотъемлемымъ достояніемъ дѣтей, какъ дѣйствительныхъ наслѣдниковъ (см. «Современную Лѣтопись» 1864 года, № 33)

Слѣдовательно, и еодосѣвцы начинаютъ говорить почти то же, что говорили покровцы.

Къ чему же привели безпоповцевъ многочисленные споры по брачному вопросу?

До сихъ поръ въ теоріи остается все по старому, тогда какъ жизнь заставила многое измѣнить. Строгіе послѣдователи наружной дѣвственности, еодосѣвцы, какъ мы можемъ заключить изъ словъ одного изъ ихъ общины, поняли, что съ мельницами сражаться, по меньшей мѣрѣ, нельзя, и стали хладнокровнѣе смѣрять на публичное сожительство, тайнаго же они никогда не запрещали. Покровская же часовня приобрѣла многихъ послѣдователей въ безпоповщинѣ.

Распадется ли окончательно ученіе безпоповцевъ о дѣвственной жизни, и водворится ли въ средѣ ихъ гражданскій бракъ и полная семейная жизнь — рѣшать мудро; можно ручаться, что такъ будетъ неперемѣнно, но какъ скоро — это другой вопросъ. Правда, формы раскола слишкомъ своеобразны, но онѣ не неподвижны. Развитіе и духъ времени дѣлаютъ вездѣ свое дѣло. Постоянное движеніе замѣтно и между раскольниками. Брачный вопросъ перешелъ много различныхъ эпохъ. Сдѣлано уже много ослабленій первоначальнымъ убѣжденіямъ.

Имѣли ли вліяніе брачныя убѣжденія безпоповцевъ на увеличеніе числа послѣдователей этой секты на счетъ православныхъ?

Имѣли положительное. Причины того лежатъ, конечно, въ трудной, а для многихъ сословіи невозможной расторжимости бра-

ка между православными. Если вспомнимъ, какъ заключались и теперь еще часто заключаются браки между нашими крестьянами, мѣщанами и отчасти кушачами, ничего нѣтъ мудренаго, что большинство изъ нихъ было, говоря принятымъ терминомъ, несчастливо. Бракъ заключенъ по принужденію владѣльца (какъ было прежде у крѣпостныхъ) или родителей (какъ было и теперь бываетъ у всѣхъ дословій). Супруги не сошлись — или жена ненавидитъ мужа, или наоборотъ, мужъ ненавидитъ жену. Развестись нельзя, а прожить цѣлую жизнь, вѣчно въ ссорѣ и дракѣ, куда какъ невесело. Если у которойнибудь изъ брачующихъ релігіозныя убѣжденія шатки, единственный исходъ обратиться въ бѣгство, перейти въ безпоповщину, и de facto разводъ совершенъ. Если же непрѣпки убѣжденія у обѣихъ сторонъ, то переходъ въ безпоповщину самый легкій и естественный исходъ невыносимаго положенія. Туда иначе не примуть, какъ разведенныхъ супруговъ. А имъ того только и хочется. Явно переходятъ незачѣмъ, можно быть тайными. При ловкомъ умѣньи хоронятъ концы, никто о томъ не узнаетъ. Нельзя, правда, жениться. Но не менѣе справедливо и то, что съ переходомъ въ безпоповщинскій расколъ прежній бракъ уничтожается какъ въ понятіи новыхъ единовѣрцевъ, такъ и въ понятіи самаго переходящаго. Обѣтъ же безбрачія ни къ чему серьезному не обязываетъ. Все дѣло въ формѣ. Наружное приличіе соблюдено — болѣе ничего не требуется. Обычай же безпоповщины допускаютъ тайное сожительство. Слѣдовательно и духъ спокоевъ, и плоть удовлетворена. И заживаютъ новые прозелиты безпоповщины тайною брачною жизнью. Живутъ они припѣваючи, по своей волѣ, на соблазнъ и зависть многихъ, поставленныхъ въ положенія, подобное тому, которое ихъ понудило перемѣнить релігіозныя убѣжденія. И растетъ расколъ въ числѣ своихъ послѣдователей...

Исторія Императорскаго Вольнаго Экономическаго общества съ 1765 до 1865 года. *составленная, по порученію общества, секретаремъ ея А. И. Ходневымъ. С.-Петербургъ. 1865 г. Въ типографіи Товарищества Общественная Польза. 667 стр.*

Императорское Вольное Экономическое Общество ко дню своего столѣтняго юбилея издало довольно любопытный историческій обзоръ или, точнѣе, отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, начало которыхъ относится, какъ безъ сомнѣнія пзвѣстно читателямъ, въ первыйъ почти годамъ царствованія Екаторины II. Примѣръ императрицы, а «особливо благоволеніе ея къ устраивающимся въ чиненіи, всякихъ опытовъ для поправленія земледѣлія и домостроительства, подала поводъ нѣкоторымъ *патріотамъ* устроить въ Россіи экономическое общество для распространенія въ народѣ полезныхъ и нужныхъ къ земледѣлію и домостроительству знаній, съ несомнѣнною надеждою, что императрица ихъ труда безъ высочайшаго своего покровительства оставитъ не сомзво-

литель». Планъ же патриотическаго общества для поощренія земледѣльства и экономіи принадлежитъ придворному бібліотечарю Екатерины II, Тауберту, который и былъ заводитель общества, что позволяетъ предполагать, что первоначальная мысль учрежденія общества принадлежитъ, по всей вѣроятности, самой императрицѣ. Таубертъ же составилъ особый уставъ, въ которомъ предписаны были всѣ должности, въ чемъ участвовали впрочемъ также Нартовъ и Леманъ. Общество первоначально составилось изъ 14 лицъ, «единственно изъ такихъ, кои совсѣмъ не имѣютъ намѣренія ни къ полученію собственной корысти, ни къ тщеславному показанію своихъ способностей, но одною охотою и желаніемъ быть полезными отечеству къ принятію на себя сего труда побужденны». Въ числѣ лицъ этихъ были гг. Воронцовъ, Орловъ, И. Чернышевъ, Олсуфьевъ, Черкасовъ, Тепловъ, Клингштетъ и т. д. Заботясь прежде всего объ огражденіи самостоятельности общества, которую видѣли только въ единственномъ покровительствѣ императрицы не завися ни отъ какого правительства, члены общества, поднося императрицѣ на утвержденіе свой планъ и уставъ, исключительно просили ее объ этомъ, въ особомъ письмѣ, которое, по отиѣнному усердію къ обществу самимъ его сіятельствомъ графомъ Григоріемъ Григорьевичемъ Орловымъ и всѣми членами подписано. Екатерина II, письмомъ 31-го октября 1765 года изъявивъ согласіе на представленіе общества, пожаловала ему вмѣстѣ съ тѣмъ 6,000 рублей, на покупку пристойнаго дома, какъ для самаго собранія, такъ и для учрежденія въ немъ экономической бібліотеки.

Съ первыхъ же засѣданій общество начало практическіе свои труды по прямому смыслу устава и по цѣли своего учрежденія, безъ общаго, обдуманнаго плана: въ засѣданіи каждый членъ предлагалъ и читалъ сочиненіе, какое ему вздумалось написать или перевести. Но вскорѣ общество озаботилось о томъ, чтобы занятіе его имѣло болѣе правильное, согласное съ заранѣе обдуманнымъ планомъ направленіе; «оно сознало, какъ выразился Клингштетъ (вице-президентъ юстиц-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ), что для основательныхъ предположеній въ разсужденіе лучшаго учрежденія земледѣлія и исправленія его недостатковъ должно оныя прежде узнать, внимательно обдумать мѣстныя природныя и экономическія причины существующихъ у землевладѣльцевъ обычаевъ и убѣжденій и т. д. Дабы намъ можно было о чемъ разсуждать съ довольнымъ основаніемъ, предлагаемъ мы народу нѣкоторые вопросы по земледѣлію и деревенскому хозяйству съ тою цѣлію, чтобы получить точное объясненіе о настоящемъ состояніи всѣхъ російскихъ провинцій». Вслѣдствіе этого, Клингштетомъ составлены были 65 экономическихъ вопросовъ, которые и разосланы по Россіи съ приглашеніемъ всѣхъ губернаторовъ и команду имѣющихъ, равно какъ и всѣхъ согражданъ сообщать на нихъ отвѣты».

Но что же изъ всего этого вышло? Прислано было не болѣе

десяти отвѣтовъ, что, конечно, не удовлетворило общество, которое въ 1784 году вступило въ переписку съ экономіи директорами и просило ихъ сообщать свѣдѣнія о состояніи домостроительства во ввѣренныхъ имъ намѣстничествахъ. Циркулярная разсылка подобныхъ писемъ была повторена и въ 1788 году; но директора большею частію оставались спокойными и равнодушными. По 1790 годъ получено только всего *три отвѣта*. Но общество не упало духомъ и въ числѣ другихъ задачъ предлагаетъ въ 1790 году начертаніе ко всегдашней задачѣ и награжденію тѣхъ сочинителей, кои хозяйственнымъ описаніямъ частныхъ русскіихъ намѣстничествъ сообщать ему будутъ. Начертаніе это представляетъ собою въ высшей степени разностороннюю и полную программу, обнимающую вопросы экономической статистики, такъ обстоятельно и такъ послѣдовательно, что оно и въ настоящее время могло бы послужить вполне удовлетворительною програмою для ученаго и весьма серьезнаго труда. Не перечисляя всѣхъ параграфовъ начертанія и указываемыхъ имъ предметовъ и вопросовъ, мы замѣтимъ только, что оно состоитъ изъ шести главныхъ отдѣловъ, въ которыхъ должны разсматриваться: 1) територіальныя отношенія (суша, вода, воздухъ и климатъ); 2) естественныя произведенія края и ихъ полезное употребленіе въ хозяйствѣ и промышленности; 3) экономическая этнографія; 4) экономическій бытъ городскихъ обывателей и ихъ промыслы; 5) сельское населеніе и его промыслы, разведеніе культурныхъ растений; 6) вывозные и привозные продукты съ обозначеніемъ цѣны въ разные годы. Общество назначило 1-е октября 1791 года срокомъ присылки отвѣтныхъ сочиненій и за лучшія изъ нихъ—*три золотыя медали по 25 червонцевъ*, предполагая, что «патріоты, предпріявшіе такую работу, найдутъ *уловительно* великое себѣ облегченіе въ подкрѣпленіе господъ правителей и экономіи директоровъ». Къ сожалѣнію, надежды общества не сбылись и на этотъ разъ: въ теченіе 11 лѣтъ прислано было только *одно* сочиненіе г. Лунина (о Полоцкомъ намѣстничествѣ), что, конечно, должно объяснить слишкомъ незначительною премією и недостаткомъ, особенно въ провинціяхъ, дѣятелей, способныхъ выполнить задачу, дѣйствительно очень обширную и трудную. Мы позволимъ себѣ при этомъ прослѣдить уже до конца эту отрасль дѣятельности Вольнаго Экон. общества, которое не покидало мысли составить «сочиненіе, общаго Россіи описанія по части земледѣлія и сельскаго хозяйства». Съ этой цѣлью общество, письмомъ къ императору Александру, составленнымъ Вейдемейеромъ въ началѣ 1801 года, просило разрѣшенія на то, чтобы поручить всѣмъ начальникамъ губерній начертаніе тѣхъ предметовъ, кои въ планъ подобнаго творенія входятъ, назначивъ за это пристойныя награды. Изъявивъ на это монаршее соизволеніе въ томъ же году, вслѣдствіе чего и послѣдовалъ высочайшій указъ на имя губернаторовъ, императоръ Александръ въ 1805 году пожелалъ узнать, собрало ли общество желаемыя свѣ-

дѣнія и изъ коихъ именно губерній? Общество отвѣтило, что получило описаніе *шести* губерній, изъ коихъ только *три* могутъ назваться нѣсколько удовлетворительными, но на изданіе оныхъ оно не имѣетъ *денегъ*, вслѣдствіе чего и просить выдачи по 3,000 рублей асс. на изданіе описанія каждой губерніи. Любопытно при этомъ то, что общество, не получивъ отвѣта на подобное ходатайство, спрашивало въ 1806 году графа Кочубея, какъ должно поступать обществу въ подобныхъ случаяхъ. Вопросъ этотъ остался также безъ отвѣта. Въ 1809 году общество снова напоминаетъ губернаторамъ о присылкѣ сельско-хозяйственныхъ описаній вѣренихъ имъ губерній; а изъ отчета его въ 1813 году видно, что изъ нѣкоторыхъ мѣстъ были присланы дѣйствительно требуемыя описанія, въ числѣ коихъ находилось извѣстное описаніе Иркутской губерніи—Лосева, тамошняго губернскаго землемѣра, въ продолженіе своей *сорокалѣтней службы* имѣвшаго случай не разъ объѣхать всю губернію и составившаго прекрасное ей описаніе почти на 500 листахъ которое и было напечатано; другія же до сего времени хранятся въ рукописи въ архивахъ общества. Не правда ли, какая большая польза отъ подобныхъ описаній?...

Мысль общаго изслѣдованія всей Россіи въ экономическомъ отношеніи повидимому исчезаетъ съ этого времени въ обществѣ; но въ 1861 году президентъ князь Васильчиковъ предложилъ къ приближающемуся столѣтнему юбилею общества объявить на конкурсъ задачу для рѣшенія почти тѣхъ же 65 вопросовъ, предложенныхъ еще въ 1765 году, съ тѣмъ, чтобы видѣть успѣхи, сдѣланные въ это время нашимъ хозяйствомъ, и имѣть вѣрныя данныя объ его современномъ положеніи. Преемникъ его, Е. П. Ковалевскій, не отвергая пользы подобной мѣры, не полагалъ однако, чтобы она оправдала на дѣлѣ ожиданія общества, а потому предложилъ назначить отъ общества въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ экспедиціи, которыя занялись бы изслѣдованіемъ и описаніемъ Россіи въ экономическомъ отношеніи. Предложеніе это, встрѣченное съ большимъ сочувствіемъ, требовало однако для своего осуществленія значительную сумму денегъ; кромѣ того высказаніе были разныя предположенія о томъ, какъ привести въ исполненіе мысль президента, обсудить которая надлежало при празднованіи столѣтія общества, причѣмъ былъ поставленъ вопросъ: въ чемъ должны состоять мѣры къ изслѣдованію Россіи въ экономическомъ отношеніи, и какое участіе можетъ принять въ этомъ какъ Вольное Экономическое, такъ и другія ученые общества.

Другими словами, по прошествіи ста лѣтъ, общество не только не исполнило еще задачи, поставленной Клингштетомъ, но и не опредѣлило даже своего къ ней отношенія; оно не знаетъ даже, какое участіе въ этой задачѣ выпадаетъ на его долю; въ противномъ случаѣ незачѣмъ было предлагать на обсужденіе подобнаго рода вопросъ.

Но возвратимся снова къ тѣмъ временамъ существованія обще-

ства, когда, по предложенію того же Клянгитета, была назначена *первая* отъ общества медаль золотая въ 25 червонныхъ всѣмъ, «кто какого бы званія ни былъ въ наступающемъ 1766 году, больше всѣхъ другихъ количество россійской пшеницы привезетъ верномъ для отпуска за море къ порту архангельскому или с.-петербургскому, и докажетъ, что это количество дѣйствительно въ чужіе края отпущено». При этомъ мы встаети сообщимъ уже нашимъ читателямъ, что эту медаль получили архангельскіе купцы Берендтъ, Іоаннъ Родде и Бейль, за отпускъ въ 1766 году чрезъ архангельскій портъ 10,489 четвертей пшеницы. Кромѣ того, назначена, по предложенію князя Романа Воронцова, золотая медаль въ 25 червонцевъ тому помѣщику въ каждомъ уѣздѣ, кто первый, начиная съ 1767 по 1776 г., заведетъ запасный крестьянскій хлѣбъ, въ особомъ магазинѣ по числу обоого пола душъ и въ размѣрѣ годовой на душу въ немъ потребности. Не видно, чтобы кто либо получилъ назначенную медаль.

Повидимому, императрица Еватерина II сама указала обществу, съ чего слѣдовало начать ему свои дѣйствія, съ рѣшенія какихъ основныхъ и существенныхъ вопросовъ. Еще въ 1765 году неизвѣстная особа въ письмѣ къ обществу, подписанномъ буквами *И. Е.* (императрица Еватерина), выражала, «что по скудоумію моему не въ состояніи я служить вамъ полезнымъ сочиненіемъ, а вмѣсто того позвольте мнѣ въ пользу общества сдѣлать вопросъ: въ чемъ состоитъ или состоять должно для твердаго распространенія земледѣльства, имѣніе и наслѣдіе хлѣбопашца?» Вопросъ этотъ *не былъ заявленъ собранію*; о немъ не упоминается ни въ одномъ журналѣ; неизвѣстная же особа, не дождавшись въ годъ отвѣта, поставила во второмъ своемъ письмѣ отъ ноября 1766 года вопросъ опредѣленнѣе и яснѣе, именно такъ: *нужна ли поземельная собственность крестьянину для благоденствія общественнаго?* и препроводила при этомъ *тысячу червонцевъ*. Чтобы еще болѣе скрыть отъ публики истиннаго виновника задачи, высочайше повелѣно дать 2,000 червонцевъ тому, кто объявитъ о себѣ и докажетъ, что онъ при предложеніи этого вопроса прислалъ тысячу червонныхъ. Авторъ, конечно, не отыскался, но предложенная задача произвела безпокойство въ тогдашнемъ дворянскомъ обществѣ. Поняли, что вопросу о правахъ крестьянина на недвижимую собственность предшествуетъ вопросъ о правахъ его на свободу. При чемъ А. Сумароковъ писалъ прямо: «прежде надобно спросить, потребна ли ради общаго благоденствія крѣпостнымъ людямъ свобода». На это я скажу — продолжаетъ онъ — потребна ли канарейкѣ, забавляющей меня, вольность, или потребна влѣтка и потребна ли стерегущей мой домъ собакѣ — цѣпь? Канарейкѣ лучше безъ влѣтки, а собакѣ безъ цѣпи; однако одна улетитъ, а другая будетъ грызть людей; такъ одно потребно для крестьянина, а другое ради дворянина и т. д. — и приходитъ къ заключенію — что свобода крестьянская *обществу не токмо вредна, но и паубна*; а почему паубна — того и

толковать не надлежитъ... Несмотря на это, задача однако была объявлена, причѣмъ дозволено писать на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Изъ 160 полученныхъ отвѣтовъ, въ числѣ коихъ были также на языкахъ: голландскомъ, итальянскомъ и латинскомъ, и притомъ нѣкоторые съ совершенно республиканскимъ и крайне демократическимъ направлениемъ, самымъ лучшимъ признана единогласно *pièce* на французскомъ языкѣ Беарде де л'Абе (Beardé de l'Abaye), члена дижонской академіи, который и получилъ назначенные въ награду 100 червонцевъ и золотую медаль. Общество же возбудило вопросъ: печатать ли эту *pièce* на французскомъ или также на русскомъ языкѣ; издать на французскомъ языкѣ оно не находило неудобствъ, потому что на этомъ языкѣ иноземномъ русскій народъ не прочтетъ книги, но на русскомъ — дѣло другое. Согласились поднести переводъ императрицѣ и ждать ея приказания. Сдѣланный извѣстнымъ Подлиннымъ переводъ Таубертъ, Олешевъ и Нартовъ не одобрили, находя что онъ недостаточно имѣетъ тѣхъ украшеній и сильныхъ выраженій на российскомъ языкѣ, какими пополнилъ сочиненіе авторъ. Въслѣдствіе этого, сдѣлавъ переводъ сами, который признанъ всѣми совершенно соответствующимъ какъ въ разсужденіи сходственности съ оригиналомъ, такъ и ясности и чистоты въ российскомъ языкѣ, они представили его Екатеринѣ II; она его одобрила, и объявивъ, что не находитъ въ сочиненіи ничего такого, чего бы не можно было напечатать, прибавила однако, что оставляетъ на волю членовъ общества, оное сочиненіе печатать или нѣтъ? Послѣ долгихъ разсужденій, общество рѣшило большинствомъ двухъ голосовъ напечатать на русскомъ языкѣ сочиненіе Беарде, направленіе и главное содержаніе котораго ясно видно изъ слѣдующихъ словъ автора: «Тамъ не можетъ быть и рѣчи ни о какой крестьянской собственности, если самая личность крестьянина несвободна и принадлежитъ другому. Рабъ, самъ по себѣ невластный, никогда не можетъ имѣть владѣнія, какъ только мнимого, ибо собственность не можетъ быть безъ волеугодия. Слава царей, составляя славу государства, не можетъ получить спящаго блискаганія, какъ отъ дарованія свободы. Но всея вселенной раздается гласъ о семъ неоцѣненномъ сокровищѣ. Свобода и собственность сопряжены нераздѣльнымъ союзомъ... Но не безразсудно ли бы было, а иногда и опасно вывести посреди сего общества дикаго человѣка, незнающаго ни сихъ законовъ, ни сихъ обрядовъ. Не то-ли бы самое было отвязать непріученнаго медвѣдя и пустить его между людей? Подобно коню, рабъ, имѣя столь же мало прозорливости и еще болѣе нечувствительности, свободенъ впродъ отъ всякаго прилужденія, и почиталъ покой за первое свое благополучіе, совсѣмъ оному вдается, повергаетъ себя въ совершенную праздность и т. д...» Поэтому авторъ предлагаетъ, какъ мѣру пріуготовительную, народное образованіе и обещаніе чрезъ извѣстный срокъ дать крестьянамъ волю и землю, имѣя въ виду, что въ этотъ указан-

ный срокъ крестьяне будутъ усиленнѣе работать въ пользу помѣщика. Отъ этого преобразованія не только государство, но и сами помѣщики выиграютъ.

Конечно, все это осталось безъ практическихъ послѣдствій въ то время, но мы нѣсколько подробнѣе коснулись этого предмета именно потому, что предложеніемъ подобной задачи высказывается взглядъ императрицы, какъ на существовавшее тогда крѣпостное право въ Россіи, такъ и на значеніе Вольнаго Экономическаго общества. Возбужденіемъ и рѣшеніемъ вопроса о землѣ и свободѣ крестьянъ, Екатерина II видимо желала подготовить заинтересованныя стороны къ принятію этого преобразованія и получить вмѣстѣ съ тѣмъ сама указанія науки, какъ лучше всего совершить подобную реформу. Она считала Вольное Экономическое общество учрежденіемъ, которое должно было готовить всѣ сословія государства къ новымъ правительственнымъ преобразованіямъ. Общество отчасти соотвѣтствовало подобному на его назначеніе воззрѣнію, что высказывается въ предлагаемыхъ имъ въ то время на конкурсѣ задачахъ, таковы напримѣръ: сколько земли необходимо на тягло (въ 1771 году); что выгоднѣе, барщина или оброкъ? (1809 года); указатъ средство къ уничтоженію чрезполосныхъ владѣній въ 1804 году и, какъ дополненіе къ ней, задача 1819 г. — изымать средства, чтобы для казенныхъ или помѣщичьихъ крестьянъ распредѣлить участки земель, имъ принадлежащія, такъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ въ одномъ мѣстѣ всю пшеничную и сѣнокосную землю и чтобы чрезполоснаго между крестьянами одного селенія ни въ пашняхъ, ни въ покосахъ владѣнія не было. Задача эта вновь возбудила толки о свободѣ крестьянъ, при чемъ большинство членовъ общества выразило мнѣніе, что крестьянинъ долженъ имѣть свою недвижимую собственность, которою онъ могъ бы свободно располагать. Это было повидному *послѣднее* разсужденіе въ обществѣ о свободѣ крестьянъ, ибо изъ исторіи онаго мы не усматриваемъ, чтобы вопросъ этотъ былъ бы обсуждаемъ имъ въ послѣдующіе затѣмъ годы, болѣе близкіе къ самому разрѣшенію его путемъ законодательнымъ.

Не утомляя читателей перечнемъ всѣхъ задачъ и премій, предложенныхъ обществомъ впродолженіе столѣтняго его существованія, и касавшихся предметовъ или чисто сельско-хозяйственныхъ, или очень близкихъ къ сельскому хозяйству, нельзя не обратить вниманіе на то, что еще въ 1773 году общество обязало премию за устройство жатвенной машины для степныхъ губерній, а въ 1801 году — за добываніе сахара изъ бѣлой свеклы и т. д. Многія изъ задачъ оставались безъ отвѣта, хотя и предлагались по нѣскольку разъ; по другимъ же — получались весьма удовлетворительные отвѣты, которые, помѣщенные въ «Трудахъ», дѣлались доступными русскимъ хозяевамъ, чѣмъ общество и выполняло все въ этомъ отношеніи отъ него зависящее. Но подвинуло ли это дѣйствительно наше хозяйство и на сколько —

это другой вопросъ, хотя должно замѣтить, что общество старалось немало о распространеніи въ массѣ читающей публики здравыхъ и новѣйшихъ понятій по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

Съ этою цѣлью, общество съ самаго начала своего существованія издавало на свой счетъ: 1) отдѣльныя сочиненія, весьма разнообразныя по своему содержанію, число коихъ доходитъ до 115; 2) свой журналъ, подъ названіемъ «Труды Вольнаго Экон. Об.». Труды эти — сперва печатались въ 1,200 экземплярахъ, безъ подписки, и имѣли столь хорошій сбытъ, что въ 1766 году постановлено ихъ печатать въ числѣ 2,400 экземпляровъ. Изданіе «Трудовъ», продолжавшееся почти непрерывно до 1821 года, съ этого времени до 1842 года прекращается, за исключеніемъ 1833 и 1835 года, когда напечатанъ по одному тому за каждый годъ. Съ 1842 года, «Труды» издаются по 6 книжекъ въ годъ, въ видѣ журнала, въ числѣ 600 экземпляровъ только, при чемъ по подпискѣ (2 руб. сер. въ годъ) расходилось рѣдко болѣе 300 экземпляровъ, между тѣмъ, расходъ на изданіе составлялъ не менѣе 3,000 руб. Измѣненіе въ порядкѣ изданія съ 1850 года (по одной книжкѣ въ мѣсяцъ въ 10 печатныхъ листовъ), циркулярное предложеніе вице-президента общества, князя Долгорукова ко всѣмъ архіереямъ, предводителямъ дворянства, городничимъ, градскимъ главамъ и почтмейстерамъ оазать содѣйствіе къ распространенію подписки на этотъ журналъ, а также публикаціи въ газетахъ, и отдѣльныя, особыя объявленія, въ числѣ 30,000 экземпляровъ объ изданіи «Трудовъ» — имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что къ концу января того же года (1850 г.), число подписчиковъ съ 360 возрасло вдругъ до 6,000. Въ 1853 году, по предложенію редактора «Трудовъ» г. Бурнашева, положено издавать въ видѣ прибавленія къ «Трудамъ» еженедѣльный хозяйственный листокъ, «Экономическія Записки», причемъ подписная плата, опредѣленная еще прежде въ 3 руб., осталась безъ измѣненія. Въ 1857 году, однако, г. Бурнашевъ долженъ былъ отказаться отъ редакціи, и даже выйти изъ числа членовъ (почему — исторія намъ не раскрываетъ), а общество пришло къ убѣжденію, что изданія, за которыя оно несетъ моральную отвѣтственность, должны находиться подъ его непосредственнымъ надзоромъ, а не составлять спекуляцію частнаго лица. Это все привело къ измѣненіямъ въ правилахъ изданія «Трудовъ», имѣвшимъ своимъ слѣдствіемъ, между прочимъ, то, что число подписчиковъ на «Труды» упало съ небольшимъ до 800 только. Исторія общества замѣчаетъ при этомъ, что это уменьшеніе числа подписчиковъ никакъ не показываетъ, чтобы журналъ общества не удовлетворялъ своему назначенію; едва-ли кто скажетъ, что онъ былъ лучше съ 1850 до 1855 года, когда число подписчиковъ на него, вслѣдствіе искусственныхъ и неприличныхъ для ученаго общества мѣръ (какихъ — не упомянуто), простиралось до 6,000. Органъ *ученый* всегда и вездѣ находитъ ограниченное число

читателей, и не можетъ жертвовать наукою, такъ-сказать, поддѣлываться подъ вкусъ большинства, чтобы привлечь болѣе подписчиковъ (стр. 122). Не останавливаясь на томъ, что можетъ ли число добровольныхъ подписчиковъ на журналъ служить указателемъ тому, удовлетворяетъ ли журналъ, и на сколько именно, современнымъ въ немъ потребностямъ общества, мы замѣтимъ только, что ставить «Труды Вольнаго Экон. Об.» въ общій уровень съ *журналами ученыхъ обществъ* мы не считаемъ возможнымъ, и это потому, что само общество вольно-экономическое не имѣетъ характера ученаго общества. Цѣль его не развитіе наукъ, а *направленіе и введеніе во всеобщее употребленіе* (какъ сказано въ уставѣ его 1824 года) *способовъ*, создающихъ народное богатство, стѣжаемое изъ первыхъ трехъ источниковъ: земли, рукодѣлія и промышленности. Слѣдовательно, чѣмъ больше количество расходящихся въ публикѣ экземпляровъ «Трудовъ», въ которые помѣщаются должны способы, создающіе народное богатство, тѣмъ полнѣе достигается цѣль самаго общества, которое, по словамъ послѣдняго, нынѣ дѣйствующаго его устава 1845 года, имѣетъ задачей споспѣшествовать, по мѣрѣ своихъ способствъ, развитію «усовершенствованія сельскаго хозяйства и промышленности» (стр. 617), а не наукѣ о сельскомъ хозяйствѣ.

Съ начала своего существованія, общество издавало еще на нѣмецкомъ языкѣ родъ журнала, котораго до 1793 года, когда изданіе прекратилось, вышло всего 10 томовъ. Съ 1844 года снова началъ выходить этотъ журналъ подъ заглавіемъ «Mittheilungen», подъ редакціею Ионсона, ежегодно въ трехъ книжкахъ. Подписка, недоходившая сначала до 1,000 экземпляровъ, простиралась въ 1865 году только до 50 человекъ. Тогда общество положило прекратить, тотчасъ же по смерти Ионсона, самое изданіе, находя излишнимъ прискивать редактора для окончанія журнала за 1865 годъ по малому числу подписчиковъ, которымъ возвращены подписныя деньги.

Предѣлы статьи не позволяютъ намъ перечислить здѣсь всѣ мѣры, принятыя разновременно Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ къ разведенію полезныхъ растений, улучшенію скотоводства, поощренію механическаго искусства, и распространенію усовершенствованныхъ орудій и машинъ и проч., подробно изложенныя въ главахъ 4, 5 и 6 лежащей предъ нами «Исторіи Общества». Безденежная разсылка сѣмянъ обществомъ, въ количествѣ иногда нѣсколькихъ зеренъ, какъ ни важется на первый взглядъ маловажною, способствовала однако распространенію многихъ полезныхъ хозяйственныхъ растений въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ о нихъ прежде вовсе не заботились, или не знали. Такъ въ 1841 году, въ Воронежской губерніи слободѣ Алексѣевкѣ, крестьянинъ Бакаревъ въ *первый* разъ послѣлъ на грядкахъ нѣсколько зеренъ подсолнечника, а теперь воздѣлываніе его составляетъ предметъ исключительныхъ занятій обширныхъ слободъ не только этой, но также и другихъ черноземныхъ губер-

ній. Общество разослало также въ 1765 году въ губернаторамъ по нѣсколькимъ четвериковъ картофеля съ печатнымъ наставленіемъ о разведеніи и употребленіи его для раздачі дворянамъ и городскимъ жителямъ. Ранѣе этой разсылки картофель былъ извѣстенъ весьма немногимъ помѣщикамъ; во всѣхъ почти провинціяхъ его не сѣяли, и не знали.

Немалая заслуга кромѣ того принадлежитъ обществу по распространенію *оспопрививанія* въ Россіи, и устраненію всѣхъ предразсудковъ и затрудненій по этому предмету. Пекенъ не нашелъ, по его выраженію, другого для общества полезнѣйшаго дѣла, какъ простому народу яснымъ и вразумительнымъ образомъ показать способъ, какъ пользоваться себѣ въ оспѣ, а потому и представилъ обществу прекрасно изложенный имъ къ тому способъ. Черезъ 3 года, въ 1768 году Таубертъ представилъ переведенное изъ сельскаго лифляндскаго лечебника разсужденіе о прививаніи оспы, которое и было напечатано въ «Трудахъ» общества; этимъ собственно и начинается рядъ мѣръ, принятыхъ обществомъ относительно оспы и оспопрививанія, которыя состояли главнѣйшимъ образомъ въ разслѣдъ книжекъ о пользѣ прививанія оспы, наставленій по оспопрививанію, стеклышекъ съ оспенною матеріею и простыхъ, прививальныхъ иглъ и ланцетовъ, въ учрежденіи золотыхъ и серебряныхъ медалей за прививаніе оспы, а также особыхъ оспопрививательныхъ покоевъ на первый разъ по губернскимъ городамъ, при лечебницахъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Этимъ общество достигло того, что со времени дѣйствій его по оспопрививанію, прпвита оспа болѣе чѣмъ 41 миліону младенцевъ, и если еще до сихъ поръ остается многого желать и въ этомъ отношеніи въ нашемъ отечествѣ, и если въ разныхъ мѣстностяхъ обширнаго государства дурно осуществляются благія намѣренія и дѣйствія общества, то едва-ли возможно ставить это въ вину В. Э. обществу.

Кромѣ оспопрививанія, оно касалось и другихъ вопросовъ по народному здравію, при чемъ зачинанія и здѣсь принадлежать тому же Пекену. Такъ въ 1838 г. оно издало на языкахъ русскомъ, польскомъ и финскомъ 20 т. экземпляровъ наставленія какъ спасать жизнь мнимо-умершихъ; въ 1840, въ такомъ же числѣ, изданы краткія наставленія о дѣтскихъ поваральныхъ болѣзняхъ и т. д.

Подобнаго рода дѣятельность общества обусловливала, конечно, немалыя денежные средства, безъ которыхъ (какъ выразился однажды графъ Мордвиновъ, бывший его президентъ), какъ главной дѣйствующей силы, никакія усилія человѣческія недостаточны къ достиженію предполагаемой цѣли.

Было бы слишкомъ неумѣстнымъ излагать подробно развитіе денежныхъ средствъ общества, которыя въ первый годъ его основанія, состоя только изъ 6000 руб. ас., высочайше пожалованныхъ на покупку пристойнаго дома, и изъ сбора членской платы по 12 руб. съ человѣка, достигли къ 1 января 1865 года

всего 533,487 руб. 65 к. (въ томъ числѣ билетами 371,150 руб. и наличными деньгами 6,230 р. 84, остальные же въ недвижимомъ имуществѣ общества), несмотря на то, что В. Э. общество также пострадало въ свою очередь отъ кражи, произведенной его комиссаромъ, канцеляристомъ Янценомъ, который съ 1830 по 1837 годы получалъ съ почты до 63,000 руб. ас. по повѣстаньямъ съ поддѣланными подписями председателя графа Хвостова и секретаря Фуса. Янценъ былъ присужденъ за это къ тѣлесному наказанію и сосланъ въ арестантскія роты; изъ проданнаго же его имущества выручено только 5,771 руб. 5 к. Мы замѣтимъ только, что составленію этого капитала способствовали пожертвованія графа Мордвинова (30,000 руб.), Яковлева (20,000 р.), Голынского (5000 р.), графовъ Шереметьева, Остермана (по 500 руб.) и пр., проценты съ нихъ, также пособія, отпускавшіяся правительствомъ съ 1801 года по 5000 руб. ежегодно, увеличенное съ 1826 года до 10,000 на нужныя издержки общества, а съ 1827 года—на распространеніе оспопрививанія. Слѣдующія цифры дадутъ понятіе объ источникахъ, изъ которыхъ составляется въ настоящее время ежегодный доходъ общества, и о предметахъ его расходовъ. Такъ *приходъ 1864 года* составляли: проценты на капиталъ 18,525 руб., аренды за охтенскую ферму 3266 руб. 67 к., членской платы 1056 руб., отъ продажи сѣмянъ, посуды и пр. 787 р. 70 к., съ подписчиковъ на «Труды», съ объявленій и продажи книгъ 2,559 р. 35. Пособій изъ главнаго казначейства на изданіе «Трудовъ» и другія нужды общества 2,857 р. 14 к., на сельско-хозяйственное образованіе молодыхъ людей 5,714 р. 28 к., и изъ кабинета его величества, въ замѣнъ Петровскаго острова, 1,714 р. 29 к., итого 33,317 руб.

Расходы же общества слѣдующіе: образованіе молодыхъ людей, публичныя лекціи, изслѣдованія, содержаніе и пополненіе музеевъ и библиотекъ, оспопрививаніе и тому подобныя 11,749 р. 28 к., изданіе «Трудовъ»—8,187 р. 35 к., жалованье всѣмъ служащимъ вообще 8,348, по дому общества—2,822 р. 32 к., аренда и страховыя за ферму 1,828 р. 72 к., экстраординарные расходы 1,008 р. 7 к.

Въ заключеніе намъ остается сказать, что трудъ г. Ходнева подробно знакомитъ читателя съ многостороннею дѣятельностію общества, указываетъ достигнутые результаты, слѣданныя ошибки и т. д., и вообще говоря, читается съ интересомъ.

Соотношеніе физическихъ силъ. В. Р. Грове. *Переводъ съ 4-ю англійскаго изданія, подъ редакціею Антоновича. С.-Петербургъ. Изданіе Бакста. 1865 г. Цѣна 1 руб., стр. 249.*

Соотношеніе физическихъ силъ. Соч. Грове, члена лондонскаго королевскаго общества. *Съ предисловіемъ къ русскому переводу, профессора Н. Бекетова. Переводъ Заленскаго и Мечникова. Харьковъ. 1864. Цѣна 1 руб.*

Въ послѣднее время въ физическихъ наукахъ совершается важный переворотъ, какъ въ направленіи изслѣдованій, такъ и въ основныхъ понятіяхъ, имѣющей цѣлью связать между собою массу накопившихся фактовъ и привести всѣ явленія къ одному общему источнику. Недостатокъ рациональной связи между отдельными явленіями становится слишкомъ ощутителенъ при массѣ отдѣльныхъ фактовъ, замѣченныхъ опытомъ. Къ тому же, многія явленія сами наводятъ на мысль о существованіи подобной связи, какъ, напримѣръ, теплота и свѣтъ, всѣ электро-химическія явленія, на что обратилъ вниманіе еще Деви, и мысли котораго развили Берцеліусъ въ своей электро-химической теоріи; нагрѣваніе отъ тревія, которое, какъ извѣстно, уменьшая скорость движенія (то-есть причиняя утрату одной силы), въ то же время развиваетъ теплоту, часто весьма значительную. Еще въ 1842 году Майеръ ясно указалъ на соотношеніе механическаго дѣйствія и теплоты, въ силу котораго извѣстное количество теплоты можетъ, исчезая, превратиться въ опредѣленное количество механическаго дѣйствія, и наоборотъ извѣстное количество движенія можетъ, уничтожаясь, какъ движеніе, превратиться въ извѣстное количество теплоты. Грове въ вышеназванномъ сочиненіи, появившемся на русскомъ языкѣ въ двухъ отдѣльныхъ переводахъ, собравъ сволъ возможно большее число фактовъ, указывающихъ на соотношенія различныхъ силъ (какъ-то движенія, теплоты, свѣта, электричества, магнетизма и т. д.), пришелъ къ тому заключенію, что одна *сила* способна воспроизводить другую, способную, въ свою очередь, вновь воспроизвести первую, и можетъ встрѣтить въ этой силѣ сопротивленіе, пропорціональное ея напряженности, потому что всякое дѣйствіе всегда встрѣчаетъ противодѣйствіе. Но что же такое *сила*? спроситъ читатель, зная, что слову этому придается различное значеніе. Грове опредѣляетъ ее какъ нѣчто такое, что производитъ движеніе, или препятствуетъ ему, то-есть, какъ дѣйствующее начало, нераздѣльное отъ матеріи, о которомъ предполагаемъ, что оно производитъ разнообразныя измѣненія въ ней. Доказательство существованія силы заключается въ произведенномъ ею дѣйствіи, явленіи; то, что мы знаемъ или видамъ, есть дѣйствіе; мы видимъ движеніе или движущуюся матерію; силы же мы не видимъ. Очевиднымъ доказательствомъ постоянного существованія матеріи служитъ постоянное проявленіе силы, ею развиваемой; подобнымъ же образомъ, доказательство существованія силы заключается для насъ въ матеріи, на которую она дѣйствуетъ въ данное время. Такимъ образомъ, матерія и сила, въ строгомъ смыслѣ слова, саходятся въ соотношеніи между собою; представленіе о существованіи одной нераздѣльно съ представленіемъ о существованіи другой; сверхъ того, количество матеріи и степень силы нераздѣльны съ идеей пространства и времени. Какъ мы не можемъ сотворить матеріи, точно такъ же не можемъ сотворить силу или движеніе; такъ, напримѣръ, искра свѣта производится электричествомъ,

электричество—движеніемъ, движеніе—какой-либо другой причиною, напримѣръ, паровой машиной, то-есть теплотой; теплота производится химическимъ средствомъ, то-есть средствомъ углерода топлива въ кислороду воздуха; углеродъ и кислородъ предвѣрительно произведены дѣйствіями, которыя трудно открыть, но, несмотря на это, они существовали прель этимъ несомнѣнно. Перехода отъ какой-либо позднѣйшей силы къ предшествующей ей, мы погружаемся въ безконечную сѣть измѣненія формъ силы; на нѣкоторомъ узлѣ этой сѣти мы теряемъ слѣдъ силы не потому, чтобы она на этомъ узлѣ въ самомъ дѣлѣ сотворилась, явилась изъ ничтожества, но потому что она разлагается на такое множество производящихъ ее силъ, что раскрытіе ихъ превосходить наши чувства или способности обнаруженія. Можесть ли на самоѣ дѣлѣ быть вполне понятнымъ для ума предположеніе, что сила существуетъ безъ предшествующей силы? Мнѣ кажется, говоритъ Грове—что это невозможно безъ внимательства творящаго могущества, точно такъ же какъ и невозможно внезапное появленіе матеріи изъ ничтожества, образованіе изъ ничего. Несотворимость и неуничтожаемость силы слѣдуетъ принять на основанія столь же неопровержимыхъ доводовъ, какъ и невозможность творенія и уничтоженія матеріи съ точки зрѣнія человѣка, хотя есть много случаевъ, правда, когда мы не умѣемъ доказать на опытѣ неуничтожаемость матеріи, но тѣмъ не менѣе мы увѣрены въ этомъ. Кто можесть, напримѣръ, съ вѣсами въ рукахъ слѣдять за частицами желѣза, треніемъ отрываемаго при ѣздѣ отъ обода желѣзнаго колеса? Чѣмъ ближе мы знаемы съ сущностью явленія, тѣмъ больше мы убѣждаемся въ томъ, что ни матерія, ни сила не можесть ни сотвориться, ни уничтожиться и что существенная причина ихъ для насъ недостижима.

Хотя оба изданія удовлетворительны во всѣхъ отношеніяхъ, но переводъ изданія г. Вакста заслуживаетъ преимущество какъ сдѣланный съ послѣдняго, болѣе полного оригинала.

Полный курсъ физики съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій. А. Гано. *Перевелъ съ 12 французскаго изданія* Ф. Павленковъ. С.-Петербургъ. 1865 г. *Въ типографіи Куколь-Яснопольскаго.*

Нельзя не поблагодарить г. Павленкова за предпринятый имъ трудъ обогатить нашу переводную литературу изданіемъ на русскомъ языкѣ означеннаго сочиненія Гано, которое пользуется большимъ уваженіемъ за границею, лучшимъ доказательствомъ чему служить то обстоятельство, что въ короткое время оно имѣло 12 изданій и разошлось въ количествѣ болѣе ста тысячъ экземпляровъ. Курсъ этотъ отличается не только необычайною ясностью изложенія, но и полнотою содержанія, вслѣдствіе чего книга эта является не только хорошимъ руководствомъ для изученія физики въ учебныхъ заведеніяхъ, но и весьма занимательномъ для чтенія. Что же касается до русскаго перевода, то онъ вполне удо-

вѣтворителенъ; переводчикъ перевелъ всѣ французскія исчисленія, выраженные въ метрахъ, грамахъ и т. д., на употребительные у насъ сажени, футы, золотники и т. д., и сдѣлалъ нѣсколько примѣчаній, свидѣтельствующихъ о близкомъ знакомствѣ его съ тою отраслюю знаній, къ которой относится избранное имъ для перевода сочиненіе. Принявъ во вниманіе крайнюю бѣдность нашей литературы въ учебникахъ физики, мы полагаемъ, что сочиненіе Гано не замедлитъ вытѣснить изъ употребленія общепринятый курсъ физики Ленца, недостатки котораго слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться. Къ тому же и цѣна три рубля, назначенная за все изданіе полного курса физики, намъ кажется умѣренною, если припомнить, что оно состоитъ изъ 55 печатныхъ листовъ и содержитъ до *семисотъ* полиграфическихъ рисунковъ, сдѣланныхъ необычайно отчетливо.

Силы природы и ихъ временныя отношенія. *Публичныя лекціи М. Фарадея, профессора химіи въ великобританскомъ королевскомъ обществѣ. Переводъ съ англійскаго съ прибавленіями Шимкова, доцента физики въ харьковскомъ университетѣ. Изданіе Баллиной. Харьковъ. 1865. Ц. 75 коп.*

Силы природы и ихъ соотношенія. *Курсъ, читанный аудиторіи дѣтей въ королевскомъ институтѣ Великобританіи Михаиломъ Фарадеемъ, профессоромъ при королевскомъ институтѣ. Переводъ съ 7-го англійскаго изданія. В. Лугвинна. Спб. 1865. Изданіе Бакста. Ц. 80 коп.*

Появившіяся почти одновременно въ двухъ русскихъ переводахъ лекціи Фарадея предназначены были имъ преимущественно для очень молодыхъ людей, и потому онѣ по возможности свободны отъ техническихъ выраженій, знакомство съ которыми его слушателей едва-ли можно было предполагать. Написанныя слогомъ столь же яснымъ, какъ и простымъ, лекціи эти знакомятъ въ самыхъ короткихъ очеркахъ съ обыкновенными и самыми простыми свойствами вещества и даютъ ясное, сознательное понятіе о силахъ природы и ихъ соотношеніи; взгляды, высказываемые по этому поводу Фарадеемъ, ничѣмъ не отличаются отъ взглядовъ его соотечественника Грове. Что же касается до обоихъ русскихъ изданій этого сочиненія, то оба они вполне удовлетворительны, а многочисленные въ нихъ полиграфически сдѣланы аккуратно и отчетливо; переводъ же, въ основаніе котораго оба переводчика взяли 3-е англійское изданіе, хороше, съ тою только разницею, что г. Лугвининъ совершенно строго держался оригинала, тогда какъ г. Шимковъ счелъ нужнымъ, безъ всякаго впрочемъ ущерба сущности лекцій, пропустить немало вводныхъ фразъ, измѣнить нѣкоторые обороты и пропустить также нѣкоторыя указанія на мѣстныя и случайныя обстоятельства, неизмѣющія нивакого значенія для русскихъ читателей. Какъ-бы въ вознагражденіе за это, г. Шимковъ сдѣлалъ отъ себя два прибавленія къ послѣдней лекціи (6-й), съ цѣлью

обстоятельнѣе познакомить читателей съ соотношеніями физическxъ силъ.

О смертной казни. Сочиненіе Бернера. Переводъ подъ редакціею О. Филипова. С.-Петербургъ. 1865 года.

Вопросъ о смертной казни, неоднократно проявлявшійся въ юридической литературѣ со временъ Томаса Мора, автора извѣстной «Утопіи», получилъ строго-научное направленіе отъ нѣмецкихъ писателей, занимавшихся имъ въ настоящемъ столѣтіи. Самыя замѣчательныя въ этомъ отношеніи научныя изслѣдованія о несправедливости смертной казни и самыя обстоятельныя опроверженія всѣхъ доводовъ, приводимыхъ въ пользу сохраненія въ законодательствахъ этого рода наказанія, унаслѣдованнаго еще отъ временъ варварскаго состоянія уголовного правосудія, были, какъ извѣстно, представлены нѣмецкими юристами, именно Кестлиномъ, Мерингомъ и другими; Бернеръ же, въ небольшой брошюрѣ своей подъ заглавіемъ: «Abschaffung der Todesstrafe», Dresden. 1856 г., пользующея давно всеобщей извѣстностью, имѣлъ собственно цѣлью представить популярное изложеніе старыхъ мотивовъ, приводимыхъ противъ смертной казни (новые мотивы противъ нея, по мнѣнію Бернера, едва-ли могутъ быть представлены). Традиція цѣлыхъ тысячелѣтій не такая ничтожная сила, въ которой можно было бы относиться слегка, а потому и противники смертной казни должны неустанно провозглашать старыя доводы, чтобы дать всѣ средства для толпы разумно уяснить себѣ дѣло; смолкнуть же они тогда только, когда побѣждена будетъ самая традиція и затеряется въ великомъ теченіи новыхъ понятій, то-есть когда смертная казнь будетъ вычеркнута изъ кодексовъ. Предоставляя нашимъ читателямъ непосредственно ознакомиться съ брошюрою г. Бернера, появившейся на русскомъ языкѣ въ полномъ удовлетворительномъ переводѣ г. Филипова, мы позволимъ себѣ напомнить имъ, что согласно послѣднему изслѣдованію Миттермайера, помѣщенному въ Allgemeine Deutsche Strafrechtszeitung за 1865 годъ, смертная казнь отмѣнена уже совершенно: въ Ангальт-Дессау, Нассау, Ольденбургѣ, швейцарскихъ кантонахъ: Фрейбургѣ, Невшателѣ, въ Валахіи, Новой Гренадѣ и въ трехъ штатахъ сѣверо-американскаго союза: Мичиганѣ, Висконсинѣ и Род-Эйландѣ. Не упоминая здѣсь о тѣхъ государствахъ, въ которыхъ необходимость отмѣны смертной казни заявлена законодательнымъ собраніемъ, мы не можемъ не обратить вниманіе на то, что въ штатѣ Нью-Йоркѣ, хотя и удержана еще смертная казнь, но изданъ законъ, по которому смертный приговоръ не приводятъ немедленно въ исполненіе, но осужденнаго къ смерти заключаютъ въ темницу и по прошествіи 12 мѣсяцевъ губернаторъ рѣшаетъ, смотря по обстоятельствамъ и по поведенію преступника, долженъ ли онъ быть казненъ или нѣтъ.

Мы полагаемъ, что государства, по какимъ-либо соображеніямъ не находяція возможнымъ отмѣнить совершенно смертную казнь,

могли бы без затрудненія принять существующее въ Нью Йоркѣ правило исполнять смертный приговоръ не ранѣе, какъ по прошествіи года. Это не только предохраняло бы отъ казни невинно осужденныхъ, но и могло способствовать къ болѣе обстоятельному раскрытію преступленія и виновныхъ въ его совершеніи, и не отнимало бы средства къ дальнѣйшему раскрытію соучастниковъ злодѣяній, что нерѣдко бываетъ теперь, когда одинъ изъ преступниковъ быстро подвергается смертной казни, а съ нимъ исчезаютъ всѣ концы въ воду. Мы просимъ читателей припомнить только порядки военного полевого суда, при которомъ смертный приговоръ составляется очень скоро, а приводится въ исполненіе—еще скорѣе.

НОВЫЯ РУССКІЯ, АНГЛІЙСКІЯ, НѢМЕЦКІЯ И ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ.

Въ послѣднее время вышли слѣдующія книги:

Богъ въ природа или единство міроздавца. Доктора *Гартмана*. Переводъ съ нѣмецкаго В. Григорьева. 1 томъ въ 420 стр. Москва. 1866. Изданіе Салаева. Цѣна 2 руб. -

Руководство въ вѣтанникъ. В. *Григорьева*. Съ 517 политикъ. Москва. 1866. Изданіе Салаева. Цѣна 8 руб.

Первый томъ извѣстнаго общества любителей естествознанія. Исторія геологіи московскаго бассейна. Г. *Щуровскаго*, президента общества. Цѣна 1 руб. 50 коп. Москва. 1866. Череняна.

Курсъ хирургіи. Доктора *Майра*. Переводъ съ нѣмецкаго Э. Кавна и К. Никитина.

Географическо-статистическій Словарь Россійской имперіи, издаваемый *Семеновымъ*. Томъ III. Выпускъ 1-й, въ которомъ замѣчаются имена Лаба-Мамадишъ. Цѣна за выпускъ 75 коп. С.-Петербургъ. Изданіе императорскаго русскаго географическаго общества. 1866.

Сборникъ историческихъ очерковъ. В. *Лютца*. Выпускъ 3-й. Учебное пособіе для учащихся и преподавателей. Переводъ съ нѣмецкаго съ измѣненіями и дополненіями Чацкого. Москва. 1866. Цѣна выпуску 1 руб. 20 коп.

Гервертъ Спенсеръ. Классификація наукъ, со статей о привычкахъ разнороднѣй съ философій Огюста *Конта*. Цѣна 60 коп. С.-Петербургъ.

Новыя замѣтки на древнюю исторію Кавказа и его обитателей. Сочиненіе Ивана *Шопена*. Цѣна 8 руб. С.-Петербургъ. Въ типографіи Тиблена.

Клодъ Бернаръ. Лекціи физиологіи и патологіи нервной системы. Переводъ подъ редакціей профессора *Овслимина*. Изданіе Неклюдова. С.-Петербургъ. Выпускъ 1-й. Цѣна 60 коп.

Автократовъ. Учебникъ психологіи. Изданіе Неклюдова. Цѣна 80 коп.

Конституціонное начало, его историческое развитіе и его взаимодѣйствія съ политическимъ и общественнымъ бытомъ государствъ и народовъ. Издано барономъ *Гакстаузенемъ*. Переводъ К. Кавелина и Б. Утина. Изданіе Неклюдова. Цѣна 2 руб. 50 коп.

О нравственности и цивилизаціи. Цѣна 40 коп. Москва. Въ магазинѣ Улитиныхъ.

Присоединеніи къ православію раскольническихъ епископовъ и другихъ

членовъ такъ-называемой бюрократической іерархіи. Цѣна 40 коп. Москва. Въ магазинѣ Соловьева.

О развитіи споръ у шалототниковъ. Съ 96 рисунками. Цѣна 1 руб. 28 коп. Созиданіе *Фимера фон-Валдгейма*. Москва. 1866.

Флора Московской губерніи. Выпускъ 1-й. Лиственничные мхи. (На латинскомъ языкѣ). Сочиненіе *Фимера фон-Валдгейма*. Москва. Цѣна 1 руб.

Медицинская физика о теплотѣ, производимой живыми существами. Сочиненіе *Газарре*, профессора медицинской физики въ парижскомъ университетѣ. Переводъ съ французскаго, студента с.-петербургской медико-хирургической академіи Вертоградова. Подъ редакціею профессора Чистовича. С.-Петербургъ. 1866. Цѣна 1 руб. 75 коп.

Опытъ о законахъ смертности въ Россіи и о распредѣленіи православнаго народонаселенія по возрастамъ. Дѣйствительнаго члена императорской академіи наукъ *Буляковскаго*. Цѣна 2 руб. С.-Петербургъ. 1866.

THE WAR IN New-Zeland, by William Fox. (Война въ Новой-Зеландіи. Соч. *Фокса*).

UNIVERSITY education in Ireland by *Caeches*. (Университетское образованіе въ Ирландіи. Соч. *Кериса*).

THE YUANS IN Sarawak by Charles Brooke, the Tuan-Muda of Sarawak 2 vol. (Десять лѣтъ въ Саравакѣ (въ Африкѣ) Чарльза Брука. 2 части.

TWO MONTHS ON the Tobique, New Brunswick, an emigrants journal. (Два мѣсяца въ Тобикѣ, въ Новомъ Бруншвейкѣ, дневникъ переселенца).

THE ORIGIN OF language, by Hensleigh Wadsworth. (О происхожденіи языка. Соч. Хенслея Веджвуда).

EASTWARD by Norman Macleod. With 70 illustrations from photographs. (Поѣздка на Востокъ—Нормана Маклеода, съ 70 картинками).

A SHORT history of english literature by Thomas Arnold. (Краткая исторія англійской литературы. Соч. Арнолда).

THE CATTLE plague by John Gamgee, principal of the Albert Veterinary College. (О падежѣ скота—Джона Гемжи, начальника ветеринарнаго училища Альберта).

A HUNDRED days in the East; a diary of a journey to Egypt, Palestine, Turkey in Europe, Greece, the isles of the Archipelago and Italy by Pollok Black. (Сто дней на Востокѣ. Дневникъ путешествія по Египту, Палестинѣ, европейской Турціи, Греціи, островамъ Архипелага и Италіи. Соч. Поллока Блэка).

THE LIFE AND LETTERS of Arabella Stuart, including numerous original and unpublished documents. By Elisabeth Cooper. 2 vol. (Жизнь и переписка Арабеллы Стюартъ, съ приложеніемъ многихъ неизданныхъ еще документовъ. Елизаветы Куперъ).

LIGHTON Court, a country house story by Henry Kingsley. 2 vols. London. 1866. (Лейтонскій Домъ; деревенскій разсказъ Кингслея. 2 ч. Лондонъ).

LAND at last by Edmund Yates. 3 vol. London. 1866. (Къ берегу—романъ Эдмунда Йатса. 3 части).

SANS MERCI, or Kestrels and Falcons, by the author of Guy Livingstone. 3 vol. London. 1866. (Безъ пощады, или соколы и зблбныя. Романъ автора Гая Ливингстонъ).

OVER the Pyrenees in to Spain by Mary Eyre. London. Bentley. (Черезъ Пириней въ Испанію. Соч. г-жи Эйръ. Лондонъ).

THE STORY OF a Life and other Works chiefly poetical by William Alfred

Gibbs. London. Benett. 1866. (Исторія одной жпаны, а также прочія, но преимуществу поэтическія произведенія Вильяма Жиббса. Лондонъ. 1866).

FALKNER LYLE or the story of two wives. By Mark Lemon. 3 vol. London. Hurst and Blackett. 1866. (Фалькнеръ Лэйль, или исторія двухъ женщизъ. Романъ Лемона въ 3-хъ частяхъ. Лондонъ. 1866).

WHAT money can't do. A novel by the author of *Altogether wrong* и т. д. 3 vol. London. 1866. (Чего не могутъ сдѣлать деньги? Романъ въ 3-хъ частяхъ, автора «Полная вина» и пр. Лондонъ. 1866).

THREE hundred a year. A novel by Henry Chetwynd. 2 vol. (Триста въ годъ. Романъ Шетвинда. Въ двухъ частяхъ).

EMILY FOUNDER. A novel by J. Devonshire. 3 vol. (Эмилія Фойндеръ, романъ Девоншира въ 3-хъ частяхъ).

THE constable of France by James Grant author of the *Romance of war.* (Констабль Франціи — романъ Гранта).

CLARA VAUGHAN — a novel 3 vol. (Клара Воганъ — романъ въ 3-хъ частяхъ).

Artist and craftsmans, a novel. (Художникъ и ремесленникъ — романъ).

STUDIEN zur Cultur-Geschichte Polens, von Adler. Berlin (Матеріалы для исторіи культуры въ Польшѣ — Адлера).

Die Sagen und Lieder des Tcherkassen-Volks, gesammelt vom Kabardiner Schara-Bekmursin Nognow, bearbeitet von Berger. Leipzig. (Сказанія и пѣсни черкесовъ, собранныя кабардинцемъ Ногновымъ и изданныя Бергеромъ).

SPANIEN. Reiseblätter von Arthur Stahl. Leipzig. (Испанія. Путевыя записки Артура Штала).

VIER JAHRHUNDERT aus der Geschichte der Juden. Von der Zerstörung des ersten Tempels bis zur Makkabäischen Tempelweihe, in zwölf Vorlesungen von Dr. Jastrow. Heidelberg. (Четырехсотлѣтній періодъ изъ исторіи евреевъ, со времени разрушенія храма Соломонова до возстановленія онаго при Маккавеехъ. 12 лекціи доктора Ястрова Гейдельберга).

Das Sriminalrecht der Römischen Republik von Zumpt. Berlin. (Уголовное право римской республики. Соч. Цумпа. Берлинъ).

Das Meer von M. Schleiden. Berlin. (Море — соч. Шлейдена. Берлинъ).

Die letzten Tagen eines Königs. Historische Novelle von Moritz Hartmann. (Послѣдніе дни короля. Историческій романъ Гартманна).

Die Anfänge der Druckerkunst in Bild und Schrift von T. Weigel und Zestermann. Leipzig. 1866. (Начатки книгопечатанія въ картинкахъ и описаніяхъ, изслѣдъ вліянія Вейгеля и Цестермана. Лейпцигъ. 1866).

Staat und Gesellschaft von a Standpunkt der Geschichte der Menschheit und des Staats. Mit besonderer Rücksicht auf die politisch-socialen Fragen unserer Zeit von Joseph Hell. Leipzig. (Государствъ и общество съ точки зрѣнія исторіи человечества и государствъ, при чемъ обращено особенное вниманіе на политико-общественные вопросы настоящаго времени. Соч. Гельда. Лейпцигъ).

Handbuch deutscher Alterthümer von Georg Pfaffler. Frankfurt. (Руководство для изученія германскихъ древностей — Георга Пфаллера).

Die Grundzüge des Sächsischen Cabnets, Ende 1745 bis Ende 1756. Archivaische Vorstudien für die Geschichte des siebenjährigen Krieges. Erster Band. Stuttgart, bei Costa. (Тайны саксонскаго кабинета, относящіяся ко времени 145—1756 годовъ. Предварительныя изысканія въ архивахъ для исторіи семилѣтней войны. Томъ I. Штутгардъ у Котты).

Zur Genesıs der ersten Theilung Polens von Doct. Janssen, Professor der

Geschichte zu Frankfurt. (О причинахъ перваго раздѣла Польши. Сочиненіе *Яссена*, профессора исторіи во Франкфуртѣ).

Geschichte Ungarns von Ladislaus v. Szalay. Erster Band deutsch von Heinrich Wögeger auf das genaueste revidirt von Max Falk bei Gebrüder Lauffer in Pesth. (Исторія Венгрии Владислава Шалая, переведенная на нѣмцкій Генрихомъ Вегереромъ подъ редакцію Фалька. Томъ I.

Anniv für sächsische Geschichte herausgegeben von Dr. Wachsmuth und Dr. Weber. Leipzig. 1863—1865. Томъ 1—8. (Собраніе матеріаловъ для исторіи Саксоніи, издаваемое Ваксмутомъ и Веберомъ. Лейпцигъ. Томъ 1—8).

Der Kurfürst Cardinal und Erzbischof Albrecht II von Mainz und Magdeburg, Administrator des Bisthums Halberstadt, Markgraf von Brandenburg, und seine Zeit. Ein Beitrag zur deutschen Cultur und Reformationgeschichte. Jahre 1514—1545, mit 82 Urkunden und Beilagen. Von Jakob May. I Heft. (Альбрехтъ II, курфюрстъ, кардиналъ и архіепископъ майнскій и магдебургскій и его время. Матеріалы для исторіи времени реформации въ Германіи. 1514—1545 год. Изданіе Майемъ. Выпускъ I-й).

Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart von Lange. 1866. Исторія материализма и разборъ его значенія въ настоящее время. Соч. Ланге. 1866.

Des progrès modernes dans l'armement de l'infanterie par E. Tallichet. Genève. 1866. (О современныхъ успѣхахъ въ вооруженіи пѣхоты. Соч. Таллише. Женева. 1866).

Etude sur l'application der forces hydrauliques à l'exploitation des chemins de fer de montagne et en particulier sur les chemins de fer pneumatiques par E. Dapples. (О примѣненіи гидравлическихъ силъ къ желѣзнымъ дорогамъ, какъ въ горахъ устроенныхъ, такъ въ особенности въ пневматическимъ. Исследование инженера Дяппля).

La philosophie mystique au XVIII siècle. Saint-Martin et son maître Martinez-Pasqualis par Ad. Franck, professeur au collège de France. (Мистическая философія XVIII вѣка. Святой Мартинъ и его наставникъ Мартинецъ-Паскальсъ. Соч. Франка).

Les Etats-Unis pendant la guerre (1861—1865). Souvenirs personnels par Auguste Laugel. (Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты во время войны 1861—1865 годовъ, воспоминашя Ложел'я).

Science et démocratie par M. Victor Meunier. (Наука и демократія. Соч. Виктора Мёнье).

La science et les savants en 1865. Par Victor Meunier. (Наука и ученые въ 1865 году. Соч. Виктора Мёнье).

Anatomie der formes du corps humain à l'usage der peintres et des sculpteurs par le docteur S. Fau. (Анатомія человѣческаго тѣла, составленная для живописцевъ и скульпторовъ. Докторомъ Фо).

De la morale dans la philosophie positive et de l'autonomie de l'homme par Eug. Bourdet. (О нравственности въ положительной философіи и о самостоятельности человѣка. Соч. Бурдэ).

Sermons de S. E. le cardinal Wiseman traduits par M. l'abbé Lapôtre (seule traduction autorisée). (Проповѣди кардинала Вайзмана. Переводъ съ англійскаго аббата Лапотръ).

Mémoires du cardinal Consalvi, secrétaire d'état du pape Pie VII, avec introduction et notes par Cretineau-Joly. 2-e édition. (Записки кардинала Консалви, государственнаго секретаря при папѣ Піѣ VII, издашя съ предисловіемъ и примѣчаніями Кретиню-Жоль. Изданіе 2-е).

Mission d'Egypte 1863—1864. Premier mémoire sur les monuments historiques. Paris. Chez *Franck*. (Исследование Египта въ 1863—1864 годах. Выпускъ первый, объ историческихъ памятникахъ).

Les symboles par M. *Ladriot*. Paris. 1866. (О символизмѣ. Соч. *Ladriot*. Паризъ. 1866).

Les écrivains français. Etude sur les origines et l'histoire de la littérature nationale par Léon *Gautier*. (О французскихъ эпомахъ, исследование о началахъ и исторіи національной литературы. Леона *Готье*).

Les Guisens, les Valois et Philippe II d'après les correspondances inédites des princes de la maison de Lorraine par Joseph de *Cross*. (Гизы, Валуа и Филиппъ II на основаніи неизданныхъ писемъ князей Лотарингскаго дома. Соч. де-*Кроса*).

Études de diplomatie contemporaine. Les cabinets de l'Europe en 1863—1864 par Julien *Klatsko*. (О современной дипломатіи. Кабинеты европейскихъ державъ въ 1863—1864 годахъ. Соч. *Клацко*).

JULES CÉZAR. Cours professé à la Sorbonne en 1864—1865 par Rossieu *Saint-Hilaire*. (Юлій Цезарь—лекціи, читанныя въ Сорбоннѣ въ теченіе 1864—1865 годовъ. Р. *Сент-Илеромъ*).

Fortune publique et finances de la France par Paul *Boiteau*. (Объ общественномъ богатствѣ и финансахъ Франціи. Соч. *Буамо*).

La liberté de tester et la divisibilité de la propriété par Edmond *Bonval*. Ouvrage souponné par l'Académie de Toulouse. (О свободѣ завѣщанія и раздѣльности собственности. Соч. *Бонвал*).

Pièr IX défenseur et vengeur de la vraie civilisation. Lettre pastorale de M. *Plantier*, évêque de Nîmes. (Піи IX, защитникъ истинной цивилизаціи. Соч. *Плантье*, епископа въ Нимѣ).

Histoire de la prostitution. 6 vol. par Pierre *Dufour*. (Исторія проституціи. Соч. *Дюфура* въ 6 томахъ).

КУРЬОЗЫ.

СОВРЕМЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

Жена Ситникова называетъ его дуракомъ и... литераторомъ.

Тургеневъ.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ романовъ выразился о русскомъ человѣкѣ такимъ образомъ, что «русскій человѣкъ, какъ разойдется, такъ онъ готовъ ужъ и Бога слопать.» Художественная вѣрность этого замѣчанія въ послѣднее время поддерживалась великимъ множествомъ людей, стоящихъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ гражданской лѣстницы: администраторы, юристы, ученые, художники, литераторы—всѣ наперерывъ другъ передъ другомъ доказывали, что они нисколько не разошлись съ народомъ (какъ полагалъ обвинявшійся съ мужичками внутренней обзорѣватель *Современника*), и не оторвались отъ почвы

(как полагала *Эпоха*). Замѣченное художникомъ стремленіе «слова божья», какъ національная, что-ли, наша черта прошла всюду, и всё въ ней сказались родными и единобровными. Конечно, въ этомъ стремленіи къ возведенію различныхъ геркулесовыхъ столбовъ были различные подходы: одинъ шелъ прямо, другой — половчѣе, сторонами; одинъ оглядываясь, и что-нибудь соображая; другой — ни на что не оглядываясь, и ничего не соображая.

Къ стыду русской литературы, должно признаться, что она оказала въ этомъ *боголопаньи* больше, чѣмъ кто-либо самой преступной безразсудности и наглого нахальства. Всё останавливались на чемънибудь — литература ни на чемъ. Никто, ни одинъ безумецъ не зурбиль о камень, и не покрывать пятнами ржавчины то самое оружіе, которымъ нахальство было сражаться. Въ литературѣ нашлись молодцы, которые не остановились и передъ этимъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ покойный Апполонъ Григорьевъ, рано почуввъ переживаемую нами пору испорченности литературнаго вкуса, написалъ свою оригинальную статью *О быстромъ но повсемѣстномъ распространении невѣжества и безграмотности въ русской литературѣ*, невѣжество литературное выразилось тысячи разъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, и здѣсь уже совершенно лишнее припоминать о множествѣ мнѣній и мыслей, изоблчавшихъ всестороннѣйшее невѣжество литераторовъ, производившихъ эти мнѣнія въ органахъ русской прессы. Между литераторами времени Блинскаго, по словамъ котораго, самая рекомендуемая одежда, былъ «фракъ русскаго литератора», и между временемъ нашимъ, когда жена Ситникова «считаетъ своего мужа дурякомъ и... литераторомъ!» — несомнѣнно лежитъ цѣлая пропасть. Продолжительный періодъ базарменнаго воспитанія наплодилъ намъ и невѣждъ, и глупцовъ, и нахаловъ, и... литераторовъ, начавшихъ писать, безъ всякой способности мыслить. Но не знать чего-нибудь и толковать и даже спорить — это все-таки не ново, да и что же въ самомъ дѣлѣ этимъ господамъ дѣлать, когда къ писанію есть и смѣлость, и страсть, и охота, а невѣжество одолѣло? Вѣдь не учиться же въ самомъ дѣлѣ русскому литератору, когда и не учась можно быть русскимъ литераторомъ! Все это понятно; но представьте себѣ, до чего только дошли эти «быстро, но повсемѣстно-распространяющіяся невѣжество и безграмотность въ русской литературѣ». Никто г. Гдѣбъ Успенскій, (не Николай Успенскій, а другой), попыталъ на самую чистоту и крѣпость оружія литературнаго — на слово. Въ вышедшей на этихъ дняхъ февральской книжкѣ «Современника», напечатанъ очеркъ неизвѣстно чего. Сказано тамъ, будто это «Очеркъ пра-

вовъ», однакоже это совершенно вздоръ, потому что собственно нравовъ тамъ никакихъ нѣтъ, и все, что тамъ написано, даже съ трудомъ понимается; но самое замѣчательное — это *словодѣланіе*, которымъ съ нѣкоторыхъ поръ забавляются въ русской литературѣ художники: г. Слѣпцовъ, напечатавшій слова «шанта»; г. Холодовъ, котораго «юный организмъ попалъ въ тѣсную мурию» — г. Левитовъ, слагающій нигдѣ неупотребительныя, семисоставныя прилагательныя (хотя справедливость обязываетъ замѣтить, что у г. Левитова есть работы, которыя не могутъ идти въ одинъ рядъ съ разработками гг. Глѣба Успенскаго, Холодова и Слѣпцова — работы, въ которыхъ видѣтъ по крайней-мѣрѣ человѣческій смыслъ и дарованіе). Г. Глѣбъ Успенскій даетъ много очковъ впередъ развѣ всѣмъ тремъ этимъ художникамъ: и Слѣпцову, и Глѣбу Успенскому, и даже самому Холодову, выше котораго въ тупости и безвкусицѣ, вѣжеться, уже нельзя бы подняться. Глѣбъ Успенскій пишетъ цѣлыя рассказы новымъ языкомъ, и такимъ языкомъ, какой онъ самъ заблагоразсудилъ сдѣлать. Вотъ нѣкоторыя изъ выраженій, на память потомству и исторіи распространенія «быстраго, повсемѣстнаго невѣжества и безграмотности въ русской литературѣ»:

<i>Стр.</i>	<i>Гл. Успенскій говоритъ въ Современникѣ:</i>	<i>Порусски значитъ:</i>
476.	маннѣа.	маминѣа.
477.	на дожду	на дождѣ
—	въ пропой пустить.	пропить.
478.	ищо	еще
479.	кэ-экъ	какъ
—	д-дава.	давай
480.	ггrrrrю	говорю
—	двац-пи-цалко.	(значеніе отгадать невозможно).
—	мылѣ	молѣ (дескать).
—	Перкобыльство	(значеніе совершенно неизвѣстно).
483.	творотительно	отвратительно.
—	бытто	будто.
485.	сколупнулъ	ударилъ.
—	рря	(значеніе неизвѣстно).
486.	бозныть	(значеніе неизвѣстно).
487.	полискалъ	поколотивъ.
488.	обдѣлистныхъ	(надо полагать, что это сказано вмѣсто слова <i>отловилъ</i> ,

если, впрочемъ, не разумѣтъ того, что разумѣютъ подъ этимъ словомъ няни, говоря о дѣтяхъ. Интересно, что это слово авторъ употребляетъ въ замѣчаніи, дѣлаемомъ имъ отъ собственнаго лица).

490.	слаудилъ	(значеніе неизвѣстно).
495.	куште.	кушайте.
496.	по-просельнически.	(значеніе неизвѣстно).

Будеть! На тринадцати страничкахъ безтолковаго разсказа двадцать новыхъ, совершенно ненужныхъ и отвратительно безобразныхъ словъ, которыхъ не находимъ ни въ корнесловахъ, ни въ живой русской рѣчи. Какъ — разсуждая эту безпристрастно — какъ можно себя вообразить и представить степень развитія и литературнаго пониманія человѣка, который отгадываетъ такіа штуки?... А это человѣкъ молодой, только начинающій литературную работу, и начинающій ее не только безъ подготовки, но и безъ способности вдумываться, безъ желанія всматриваться и понимать, что составляетъ предметъ взятой литературы, и что составляетъ красоту бельетристическаго произведенія, а что — ея безобразіе. И этотъ господинъ уже идетъ своею дорожкой; онъ уже знаетъ, въ чемъ онъ «чуднѣй», и что ему выкидывать. Съ годъ тому назадъ онъ заставлялъ мужика говорить о «сапогѣ самоцвѣтѣ», а теперь дозрѣлъ «творотительно до обдѣлистаго перкобыльства.» Далѣе, при несуществованіи серьезной критики и при доброй дозѣ нахальнаго безстыдства, котораго достало на такое обхожденіе съ роднымъ языкомъ, этотъ перкобыльщикъ и «ищо бознытъ что сколупнетъ и слаудитъ», и тогда дѣйствительно слѣпцовскія «шанти», холодовскіе организмы и семиствольныя прилагательныя Левитова все это пойдетъ въ чорту, въ «душную мурью», а на нѣкоторое время въ бельетристическихъ отдѣлахъ двухъ русскихъ журналовъ будетъ преобладать направленіе «перкобыльническое».

Замѣтивъ сдѣлаанныя этимъ образованнымъ стилистомъ слова, укажемъ теперь на его искусство вести сцену и на его способность понимать характеры и выработывать типичность выводимыхъ имъ лицъ.

Вотъ образчикъ сцены:

«Въ освѣщенной комнатѣ раздавалось тягучее чтеніе псалтыря, прерываемое понюшками табаку. Порфиръчъ босикомъ, ти-

хонько подходилъ къ дьячку, засунувъ одну руку съ чѣмъ-то подъ полу и придерживая это нѣчто другой рукой.

«— Волчцы-ы... же тя-а-а-а...»

«— Благодарѣтель!»

Дьячекъ обернулся (у Холодова: Грѣбцовъ всталъ).

«— Ну ко!»

Дьячекъ сообразилъ и пропзнесъ (у Холодова: Грѣбцовъ сѣлъ).

«— Вотъ это благодарю! тутъ онъ нагнулся къ уху Порфирыча и зашенталъ:—груды! на грудь ударелъ! ду-ду-ду то!»

«— Причистить!»

«— Это такъ! Оно оцпстку даетъ! Въ случаѣ тамъ въ нутрѣ бакая гадость зацѣпится.

«— Во о... Она ее въ то время все единственно... Ну-ко!»

Пол. полегоньку приподымается: дьячекъ говоритъ:

«— О да-ты много.

«— Что тамъ!»

Нѣчто п ступало въ дрожащія руки дьячка.

«— Сольцы! сольцы!»

«— Цссссъ... Сію минуту.

«— Гм-м... вхе!... Во-о-о-о!»

«— Готово!»

Чѣмъ, спрашивается, не сцѣна? чѣмъ это не художникъ? чѣмъ не со вкусомъ человекъ? — Впрочемъ, вотъ мѣста, способныя рѣзче обозначить ибуть этого художника:

«Современникъ» февраль *страница 472.* — Брюхо-то оно первое дѣло въ кабакъ... Напрѣло!

Страница 497. (Синъ говоритъ своей матушкѣ): «Чай изъ вашихъ утробъ вышущентъ».

Страница 487. «Сенчасъ возьметъ гитару, первое дѣло начнеть харвать въ эти колки, плевать, чтобы гуще...

Страница 488. «Ахъ, коль-тѣ въ горло! (!)

Неправда ли, и простенько и мило?

Теперь извольте смотрѣть, какъ писатель выдерживаетъ характеры и на сколько для него свята правда лица и его жизненныхъ отношеній.

Прохоръ Порфпрычъ, какой-то неудобопонятный плутъ, является къ «приказному-кляузнику» за какой-то темной сдѣлкой, чтобы сочинить что-то незаконное, фальшивое въ пользу Порфирыча, и вотъ между этими мошенниками начинается слѣдующій разговоръ:

«— Однако, извините меня, говорилъ приказный, какъ вы молоды и такая у васъ въ душѣ подлость.

«— Чтѣ дѣлать? время не такое.

«— Впервый разъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ встрѣчаю такую нязость.

«— А я такъ думаю, надо бы мнѣ Бога благодарить.

«— Раненько-съ... чего добраго, еще нашему брату горло перекусите .. вотъ обидно что...

«— Н: этомъ будьте покойны. Ну, а дѣло черезъ это все-таки я полагаю само собою.

«— Это до дѣла не касающе. Вы остаетесь при вашемъ свнствѣ...

«— А вы при вашемъ.

«— А я-съ при моемъ. Посылайте за полштофомъ».

Чудно, или нѣтъ? Кажется, довольно чудно. А этого и усиливается достигъ все это «творотптельное» творчество.

Вотъ вамъ образчики литературнаго вкуса, добросовѣстности въ отдѣлкѣ характеровъ и благвоспитанности автора, неполагающихъ границъ его творчеству. Невѣжество и безграмотность доказываются этимъ достаточно. Позволяемъ себѣ взять еще одну вещьцу, чтобы рѣшить, каковы тѣ силы автора, которыя называются *умомъ*, и которыя можно разсматривать даже не въ тѣсной связи съ невѣжествомъ и безграмотностью. Беремъ для этого такую вещь, надъ которой авторъ непремѣнно долго думалъ, и которую онъ, во всякомъ случаѣ, не одинъ разъ перепертывалъ въ своемъ *умѣ*. Ему, напримѣръ, пожелалось, подобно многимъ современнымъ бельетристамъ, попасть *въ направленіе* журнала, редакціи котораго онъ понесъ свой рассказъ. Что жъ бы вы думали, онъ для этого измыслилъ! Право, круглое ума по-мраченіе.

Начинаетъ онъ рассказывать, какъ жплъ у хозяина-ремесленника мальчикъ, отданный въ обученіе. Дѣло извѣстное, какое это житье: живется, что говорить, и впроголодь, и впрохолодь: можно найти въ этомъ житьѣ множество драматическаго и строго вѣрнаго дѣйствительности, но авторъ обьорудовалъ это дѣло такимъ очертаніемъ:

«Блп мы, когда что случится, да когда своруешь; спали на мокротѣ, на дождю...»

Очень вѣрно и находчиво!... Нужна «мизерабельность», такъ ужъ нате же вамъ мизерабельности!... Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мадамъ Ситникова должна же человѣка, пишущаго этакое «перкобыльство», назвать *литсраторомъ*... Интересно только знать, докуда, до какихъ предѣловъ будетъ идти это безобразіе, и доколѣ оно будетъ терпимо обществомъ безъ такого протеста, который бы остановилъ его хоть въ какихъ нибудь границахъ!

Если въ обществѣ приходится довольно часто слышать жалобы на уличное сквернословіе пьянаго и нешнянаго народа, благодаря милымъ привычкамъ котораго среди самыхъ людныхъ улицъ столицы оскорбляется слухъ женщинъ и довременно растлѣваются понятія гуляющихъ дѣтей, то въ утѣшеніе людей, сираведливо оскорбляющихся этой привычкой народа, говорятъ: «музыкѣ это дѣлаетъ по необразованности, по глупости—его нельзя удержать отъ этой гнусной привычки». Но что же сказать о такихъ литераторахъ, какъ г. Глѣбъ Успенскій съ «напрѣвнымъ брюхомъ» и съ «коломъ въ горло», или еще лучше съ такимъ охальникомъ, какъ г. Слѣповъ, этотъ *литераторъ*, возводящій цвинизмъ въ перлъ созданія, у котораго въ его безтолковой повѣсти *Трудное время* (напечатанной въ «Современникѣ»), инвалиднй капитанъ кричитъ на солдата:

«— Я тебѣ покажу твою мать, я тебѣ покажу!

«Солдатъ всхлипывалъ.

«— У! рраспротакъ... рычалъ капитанъ.»

Нѣмѣютъ уста, и рука остапаавливается, выписывая цитаты изъ изящныхъ произведеній такихъ художниковъ, допускаемыхъ къ соучастію въ журналѣ редакцію изданія, которое ставитъ въ вину молодымъ людямъ посѣщеніе приличныхъ гостинныхъ. Упомянутыя въ нашей замѣткѣ изящныя произведенія двухъ *литераторовъ* конечно освобождаютъ ихъ отъ всякаго упрека въ знакомствѣ съ порядочными гостинными, гдѣ человекъ встрѣчается съ благовопитанными женщинами и получаетъ ясное понятіе о томъ, что *льзя* и о томъ, чего *не можно* говорить во всеуслышаніе; но что же выпгрываетъ литература отъ этого переселенія литераторовъ извѣстнаго закала изъ гостинныхъ въ кабаки, и отъ постоянного вращательства ихъ въ кругу женщинъ того ассортимента, съ которымъ не можетъ имѣть ничего общаго женщина, уважающая свою скромность и во что-нибудь ставящая свое доброе имя?

Этимъ господамъ литература обязана тѣмъ, что има литератора въ наше время низведено въ общественномъ мнѣніи ниже, чѣмъ оно стояло когда нибудь; имъ и имъ подобнымъ болтунамъ и невѣждамъ литература обязана утратою уваженія, и, чтобы спастись самое себя, ей нынче не остается ничего другаго, какъ тѣмъ же самымъ путемъ печати, которымъ нанесены общественнымъ нравамъ и вкусу эти неслыханныя оскорбленія, заявить обществу свое глубокое презрѣніе къ этому непозволительному безчинству. Только этимъ пусть читатель и объясняетъ нашу рѣшимость перепечатать нѣкоторыя слова и выраженія произведеній «Современника» на нашихъ страницахъ.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ И ИНСТРУМЕНТАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

А. БИТНЕРА,

на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петропавловской церкви
въ Санктпетербургѣ.

Пьесы для одного фортепіано въ 2 рубли.

	P.	K.
EGGHARD, J. Les Flaneurs. Impromptu. Op. 94	—	60
STRAUSS, Jos. Peine du coeur. Fantaisie. Op. 123.	—	60
HELLER, St. Sérénade de Schubert	—	50
EGGHARD, J. Chans'n bohémienne. Op. 124.	—	60
STRAUSS, Jos. Japanesen-Marsch. Op. 124	—	60
MAYER, Ch. Das sturmische Herz. Op. 300. № 3	—	60
STRAUSS, Jos. Abendläuten. Fantaisie.	—	60
MAYER, Ch. L'hirondelle. Garop brillant. Op. 282.	—	60
BADARZEWSKA, Magdalena. Fantaisie	—	60
MAYER, Ch. Le regnet. Op 332	—	75
LISZT, Fr. Eloges des larmes. Transcription.	—	60
STRAUSS, Jos. Ständchen	—	60
EGGHARD, J. Ma petite voisine. Morceau élégant. Op. 105.	—	75
PETROFF, L. Право, мамелькѣ скажу. Fantaisie Op. 94.	—	60
HEP, J. Où vas-tu, petit oiseau. Rêverie. Op. 17	—	60
LISZT, Fr. La Regata veneziana.	—	60
SCHUMANN, R. Vogel als Prophet	—	45
EGGHARD, J. La petite causeuse. Morceau gracieu.	—	60
HELLER, St. Ave Maria de Schubert	—	50
SCHUBERT, G. Valse de l'opéra Faust	1	—
EGGHARD, J. Sérénade Italienne. Op. 22.	—	60
SCHUMANN, R. Sch'lummerlied	—	50
VOSS, Ch. Valse brillante. Op. 284 № 4.	—	85
SCHUMANN, R. Traumeswirren	—	60
STEINGRABER, L. La Pastorella	—	40
SCHUMANN, R. Romance	—	50
KONTSKY, Ap. Mazurka. Op. 7.	1	—
BLUMENTHAL, J. Chant du cygne. Op. 51.	—	50
HELLER, St. Erlikönig von Fr. Schubert	—	75
SCHUMANN, R. Nachtstück. Op. 23. № 4.	—	30
EGGHARD, J. Profond amour. Mélodie. Op. 167	—	60
SCHUMANN, R. Frümerei	—	30
DREYSCHOCK, A. Sur l'eau. Op. 132. № 1	—	60
JUNGMANN, A. Alpenrose. Mélodie. Op. 180.	—	60
SPINDLER, Fr. Rhapsodie. Op. 153 № 1.	—	60
LEWY, Ch. Marche persane de Jean Strauss.	—	85
MAGNUS, D. Impromptu-Mazurka. Op. 98	—	75
HAENDEL, G. F. Allemande	—	30

	P.	К.
DREYSCHOCK, A. Invitation à la-polka. Op. 73.	—	75
BACH, J. S. Gavotte	—	30
EGGHARD, J. Rosalie. Tyroltienne. Op. 176.	—	60
SCHUMANN, R. Novelette E. dur	—	45
WEBER, C. M. de. Rondo brillante.	1	—
EGGHARD, J. Widmung von R. Schumann	—	60
MENDELSSOHN-BARTHOLDY, f 3 Caprices. Op. 16. —	75	
EGGHARD, J. La Joyeuse. Fantaisie Polka	—	60
RICHE, J. B. Farewell. Nocturne	—	45
EGGHARD, J. Ma bien aimée. Poésie sentimentale	—	60
SCHUMANN R. Romance. Op. 28. № 2	—	30
BACH, J. S. Preambulum.	—	45
SPINDLER, fr. Rosenblätter. Op. 158. № 2	—	75
EGGHARD, J. La Riense. Mazurka élégante	—	60
WEBER, C. M. de Perpetuum mobile	—	85
BACH, J. S. Präludium et Fuge ré mineur.	—	50
N. N. Souvenir de Gatschina. Valse	—	50
HILLER, f. Zur Guitarre, Improptu.	—	45
STIEHL, H. Valse gracieuse	—	60
BICHARDS, Br. Marie. Nocturne.	—	80
STIEHL, H. Eglantine-Polka	—	60
EGGHARD, J. Lebe wohl geliebtes Wesen. Air varié	—	60
KUHE, W. Faites lui mes aveux. Transcription	—	75
EGGHARD, J. La Chatelaine. Polka.	—	60
REINBOLD, G. Pauline-Polka.	—	60
— — Piff-Polka	—	60
— — Беззаботная-Полька	—	60
— — Les joyeux calicots. Polka-Mazurka	—	40
— — Marie-Polka	—	60
— — Mathilde-Polka	—	60
— — Anna-Polka	—	60

Въ этомъ же магазинѣ можно получать *всѣ музыкальныя сочиненія, идѣ и кѣмъ бы то ни было изданныя или объявленныя въ какомъ либо каталогѣ.* Выписывающіе ноть на три руб. сер., получаютъ 20 процентовъ уступки; на пять руб. — 25 проц.; на десять руб. — 30 проц.; а на пятнадцать руб. сер. и болѣе, кромѣ того, не платятъ за пересылку. Требования гг. нигородныхъ исполняются въ точности и съ первоюходящею почтою.

Нижеподписавшіеся беретъ на себя заказы на всѣ другіе инструменты вообще и обѣщаетъ немедленное исполненіе заказовъ по самой дешевой цѣнѣ.

А. ВИТНЕРЪ.

